

**ЭМИЛЬ БРАГИНСКИЙ
ЭЛЬДАР РЯЗАНОВ**

БЕРЕГИСЬ

АВТОМОБИЛЯ

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ
КИНЕМАТОГРАФ

Результат -

ЭМИЛЬ БРАГИНСКИЙ
ЭЛЬДАР РЯЗАНОВ

БЕРЕГИСЬ
АВТОМОБИЛЯ

Екатеринбург
1994

ББК 85.543(2)
Б87

Брагинский Э., Рязанов Э.

Б87 Берегись автомобиля: Комедии для кино и теле-
видения.— Екатеринбург: «Ладъ», 1994.— 560 с.

ISBN 5—7584—0088—2

В книгу вошли лирические киноповести известного авторского
дуэта Э. Брагинского—Э. Рязанова, послужившие основой филь-
мов, вошедших в золотой фонд отечественного кинематографа.

ББК 85.543(2)

- © Э. Брагинский, Э. Рязанов, 1994
- © Г. Горин, Э. Рязанов
«О бедном гусаре замолви-
те слово», 1987
- © Э. Брагинский «Почти
смешная история», 1991
- © Издательство «Ладъ»,
составление, оформление,
1994

Б 4702010203
Е68(03)—94 без объявл.

ISBN 5—7584—0088—2

Автобиография в цифрах

Писателю Брагинский и Рязанов 140 лет. Хотя сам писатель, в сущности, моложе каждого из соавторов. Он родился лишь в 1963-м году и прожил, всего 25 лет. Но зато он может возродиться снова и этим выгодно отличается от других литераторов.

Первые слова, которые произнес писатель, были «Берегись автомобиля!»

Писатель весит 179 килограммов. Его рост 346 сантиметров. По его сценариям поставлено режиссером Эльдаром Рязановым 9 фильмов не только в кино, но и на телевидении. Писатель написал также 6 пьес и 9 иронических повестей. У писателя двое детей — мальчик и девочка (им 81 год) и двое внуков — девочка и мальчик (им 22 года).

Писатель Брагинский и Рязанов работает только в комедийном жанре, неколебимо убежденный, что юмор — кратчайший путь к сердцу зрителя или читателя.

БЕРЕГИСЬ АВТОМОБИЛЯ

ЗИГЗАГ УДАЧИ

СТАРИКИ-РАЗБОЙНИКИ

**ИРОНИЯ СУДЬБЫ,
ИЛИ С ЛЕГКИМ ПАРОМ**

ГАРАЖ

**О БЕДНОМ ГУСАРЕ
ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО**

**ПОЧТИ СМЕШНАЯ
ИСТОРИЯ**

БЕРЕГИСЬ АВТОМОБИЛЯ

Глава первая, детективная

Зритель любит детективные фильмы. Приятно смотреть картину, заранее зная, чем она кончится. Вообще, лестно чувствовать себя умнее авторов...

Жители столицы утверждают, что эта невероятная история произошла в Москве. Одесситы настаивают, что она случилась именно в их прекрасном городе. Ленинград и Ростов-на-Дону с этим не согласны. Семь городов хвастают этим, точно так же как семь городов называют себя родиной Гомера. Надо сказать по секрету, что неизвестно, где происходила эта история и происходила ли она вообще...

Итак, стояла темная ночь. Накрапывал дождь. Тускло светили редкие фонари,— зачем освещать город, когда все равно темно?

По обе стороны улицы молча высились дома-близнецы с черными провалами окон. Но одинокий прохожий с портфелем в руках шагал уверенно. Было совершенно очевидно, что он знал, куда и на что идет! Около ворот одного из домов прохожий остановился и огляделся по сторонам. Глаза его, как водится, горели лихорадочным блеском. Он прижался к стене, стараясь остаться незамеченным. Это ему удалось. Затем он вошел во двор. Огромная тень скользнула по белой плоскости дома. Неизвестный подкрался к стоящему в самой глубине типовому гаражу и снова огляделся. Здесь было так темно, тихо и пустынно, что невольно хотелось совершить преступление.

Первым делом злоумышленник достал из портфеля бутылку с подсолнечным маслом и, аккуратно открыв пробку, полил им замок и петли ворот гаража. Потом он надел перчатки и, вынув из того же портфеля отмычку, вскрыл замок. Подсолнечное масло было высшего сорта, и ворота гаража распахнулись бесшумно.

Неизвестный перевел дух.

В это время на шестом этаже беспокойно ворочался в постели Филипп Картузов — неправдоподобно толстый человек. Ему снилось, что у него угоняют машину. Это был тот редкий случай, когда сон в руку!

Услышав звук заведенного мотора, Филипп проснулся и, вскочив с кровати, подбежал к раскрытому окну.

Из его собственного гаража выезжала его собственная «Волга»!

— Угоняют машину! — беспомощно закричал Филипп. Как был, в одних трусах, он скатился вниз по лестнице и выбежал под дождь. Машина приветливо подмигнула своему бывшему хозяину красным огоньком и скрылась. В этот момент у места происшествия, конечно совершенно случайно, не оказалось ни одного милиционера. Зашлепав босыми ногами по лужам, потерпевший припустился к перекрестку.

На углу в стеклянном стакане дежурил регулировщик. Не подозревая ничего дурного, он только что дал зеленый свет украденной машине. Увидев голого человека, милиционер с нескрываемым любопытством высунулся из своего стакана и сочувственно спросил:

— Вас раздели?

— У меня угнали машину!

— И раздели?

— Нет, я сам!..

В настоящем детективе регулировщик, как Тарзан, выпрыгнул бы из стеклянной будки и, с размаху угодив в седло мотоцикла, устремился в погоню.

— А ну дыхните! — привычно приказал милиционер.

Картузов покорно дыхнул. Он не в первый раз дышал в лицо милиции. Не учуяв алкоголя, регулировщик стал звонить куда надо... На милицейские посты всех шоссе, убегающих из Москвы, был сообщен номер украденной «Волги».

А виновница торжества мчалась в южном направлении. Фары редких встречных машин на мгновения освещали мужчину, прильнувшего к рулю. Эти мгновения были столь коротки, что разглядеть лицо похитителя не представлялось возможным. Стрелка спидометра замерла на цифре «130». Машина глотала километры. Погони еще не было, но преступник не сомневался — погоня будет! И вот коварный, крутой поворот...

Уважаемый зритель! Когда ты угоняешь машину, соблюдай правила уличного движения!

Не снижая скорости, «Волга» пошла на поворот! Визг тормозов, но... поздно! Машина перевернулась! Задранные кверху колеса продолжали стремительно вращаться, но сейчас машина обходилась без них! Царапая крышей асфальт, «Волга» продолжала нестись по шоссе с угрожающей быстротой! И это ее спасло. Машина снова перевернулась и, приняв нормальную стойку, как бешеная, поскакала дальше...

Глава вторая,

*в которой, как и следовало ожидать, появляется
следователь, человек с пронзительными глазами*

Каждый, у кого нет автомобиля, мечтает его купить. Но зато каждый, у кого есть автомобиль, мечтает его продать. Удерживает от этого только то, что, продав, останешься без автомобиля.

Видя эти колебания автовладельцев, можно подумать, что сделано еще не все, чтоб отравить радость собственника. А между тем и в этой области достигнуты немалые успехи.

Гаражей нет и не будет. Помыть машину негде, а ездить на грязной машине дорого.

— Скажите, — вежливо осведомляется сержант милиции у автовладельца, рискнувшего выехать утром на неумытой машине, — вы сами по утрам умываетесь?

— Я опаздываю на работу! — Голос у любителя умоляющий, он действительно опаздывает.

— И зубы вы чистите? — спокойно спрашивает сержант, он-то никуда не торопится.

— Мне некогда...

— Да, вам некогда помыть машину. Ваши права!

— Ну, оштрафуйте меня, я же опаздываю! — канючит нарушитель. Противно просить, чтобы тебя штрафовали. Но сержант милиции сделает одолжение и удовлетворит просьбу!

Шофер, а любитель тоже шофер, всегда виноват, даже тогда, когда он прав. На любом перекрестке можно наблюдать, как регулировщик отчитывает водителя, но никто никогда не видел обратной картины.

У владельца нет свободного времени. Когда он не чинит машину, не полирует ее, не заправляет бензином, не накачивает шины, не рыскает по городу в поисках

запасных деталей, не развозит по домам знакомых, он испытывает страх. Обыкновенный животный страх, что машину уведут. Каждый собственник убежден, что вору приглянулось именно его движимое имущество. Поразительное самомнение!

Каких только замков не увидишь на личной машине! В этой области техническая мысль находится на уровне нашего кибернетического века. Тут и тайные реле, и прерыватели, и замки с алгебраическим шифром, и фантастические запоры на руле, похожие на ракетные установки. И только некоторые любители-консерваторы ставят на дверцы машин дедовские амбарные замки.

Существует и такое приспособление: от машины на четвертый этаж, прямо в окно, тянется электрический провод. Когда вор лезет в автомобиль, в квартире хозяина пронзительно воеет сирена. Хозяин просыпается, высовывается в окно и лично наблюдает, как угоняют его машину...

Ровно в девять утра невыспавшийся, мятый Картузов волочил свое измученное тело по коридору следственного отдела районной прокуратуры. У двери с табличкой «Подберезовиков М.П.» костлявый субъект, выбросив, как шлакбаум, длинную руку, преградил Картузову путь.

— ...ините, мне ...оже ...обходимо в этот ...бинет! — загадочно и нежно проблеял Пеночкин, ибо фамилия костлявого шлакбаума была такова.

Филипп оторопел. Ему почудилось, что Пеночкин говорит по-заграничному, а по-заграничному Филипп не понимал.

— ...идется ...отерпеть! — в своей экономной манере предложил Пеночкин. Он проглатывал начала слов и крепко поднаторел в этом деле.

— Но у меня угнали машину! — выпалил Картузов и изумился, что понимает не по-русски.

— ...оразительное ...впадение! — ехидно заметил Пеночкин.— У меня — ...оже угнали! Я вас ...ошу, ...аймите ...ередь!

Картузов только сейчас увидел, что на стуле, прижатом к стене, понуро сидит еще один тип и неодобрительно смотрит на новичка.

— Но у него ведь не угнали машину! — вскричал Филипп.

— ...али! — эхом отозвался Пеночкин.

— Этого не может быть!

— ...очему это у вас — ...ожет, а у ...ругих нет? — обиделся Пеночкин.

— У меня угнали сегодня ночью!

Шлагбаум снисходительно погладил Картузова по голове:

— Вот у него ...крали ...осемь ...есяцев ...азад, а у ...еня ...етыре ...есяца. Так что у вас ... асса ...времени ...ереди! ...алуйста!

И Пеночкин указал Филиппу на стул. Картузов послушно сел.

А по ту сторону двери за письменным столом возвышался изможденный шатен с пронзительными, как у следователя, глазами.

Совсем недавно Максим Подберезовиков отправил на небезызвестную скамью группу матерых валютчиков... И вчера, как молодого и подающего надежды, его бросили на безнадежный участок работы вместо несправившегося Чуланова. Дело об угоне двух машин было непопулярным в следственном отделе, как всякое дело, которое не удастся раскрыть. Теперь, словно в честь назначения Подберезовикова, ночью была украдена еще одна «Волга», по счету третья.

Подберезовиков резво взял старт. На рассвете он примчался на место преступления, нагнал страху на управдома и допросил потерпевшего Картузова. Тщательно собрав с петель ворот гаража остатки подсолнечного масла, Подберезовиков отправил их на срочное исследование.

Помощница Максима Таня сняла отпечатки пальцев преступника. К сожалению, не удалось сфотографировать отпечатки следов его ног — они были затоптаны босыми ступнями Филиппа.

В девять часов утра следователь снова был в своем кабинете.

Только что доставили результаты исследований. Масло оказалось рафинированным. Удалось установить, что вор действовал в хлопчатобумажных перчатках. Эти перчатки производит фабрика № 7 Мосгоршвейпотребсоюза, и они безуспешно продаются во всех галантерейных магазинах.

Следователь усиленно размышлял над обстоятельствами ночной кражи. Ему было ясно, что здесь, как и в предыдущих случаях, орудует одна и та же рука, опытная и умелая.

— Таня, сведений с шоссе не поступало? — спросил Максим.

— Пока ничего нет,— ответила его помощница.

В детективном жанре у следователя непременно должен быть друг, помощник или подчиненный. У Шерлока Холмса им состоял доктор Уотсон. Такой человек необходим следователю. Не для помощи — следователь и сам найдет преступника в последних кадрах фильма. Но перед кем он раскроет свой выдающийся талант криминалиста? Вряд ли его олимпийским спокойствием и несравненной храбростью станет восхищаться сам преступник!

В последние годы на роли ближайших друзей следователя стали претендовать юные девушки. У современных Холмсов — прехорошенькие помощницы. Это удобнее, чем держать в доверенных лицах мужчин. Ведь совместное раскрытие преступления как нельзя больше способствует зарождению чувства, именуемого любовью. Чем тяжелее преступление, тем сильнее и ярче любовь! Было бы грубым нарушением традиции, если бы Таня не любила Подберезовикова. Поэтому она и любила его молчаливой любовью. О чем он, естественно, не догадывался.

— Я верю в вас! — нарушила молчание Таня.— Вы найдете преступника!

Подберезовиков, в который раз, не заметил сквозившего в словах девушки всепоглощающего чувства.

— Вы обратили внимание, Таня,— сказал ушедший в себя следователь,— что во дворе, где произошла кража, и рядом на улице ночует много безгаражных машин?

— Да,— с недоумением произнесла Таня.

Помощник следователя должен быть немного глуповат.

— А ведь украсть машину, стоящую на улице, было легче, нежели из гаража...

— Верно,— радостно сказала Таня, пораженная тонким ходом мысли любимого начальника.

Тут следователь посмотрел на огромный портрет Станиславского, который почему-то висел в его кабинете.

— Если здесь применить учение Константина Сергеевича о сверхзадаче, возникает любопытная мысль: преступление идет по пути наибольшего сопротивления. А почему? Вот раскрыв его сверхзадачу, мы поймем преступника!

— Как я сама не догадалась! — восхитилась Таня.

Однако Подберезовиков не клюнул на лесть.

— Между прочим,— продолжала девушка,— потерпевшие собрались у нас в коридоре.

— Все? — спросил следователь.

— Там и серая «Волга», и та, у которой помят бампер, и последняя.

Мысль о встрече с клиентами не привела Подберезовикова в восторг, но уклоняться от опасности было не в его обычаях.

— Зовите их всех сразу! Как говорится, одним махом!

Потерпевшая тройка цугом вбежала в кабинет. Следователь встал.

— Давайте знакомиться!

— Мы очень рады, что назначили именно вас,— поклонился ветеран, который ждал уже восемь месяцев.

— Мы ...адеем, что вы ...авдаете ...аше ...оверие!

Максим посмотрел на Пеночкина и, скрыв улыбку, заверил:

— Я ...уду ...тараться!

Потерпевшие дружно сели, располагаясь для долгой беседы.

— У вас есть какие-нибудь новости? — поинтересовался Максим.

— Нет! — хором ответили потерпевшие.

— Я думаю, будет полезнее,— жестко отчеканил следователь,— если вы с утра станете приходить на работу к себе, а не ко мне. Когда вы понадобится, я вас вызову!

— ...нятно.— Пеночкин поднялся первым.— До ...идания!

— До свидания,— подхватил дуэт, и расстроенные потерпевшие гуськом потянулись к выходу. Таня плотно прикрыла за ними дверь, но в кабинет тотчас постучали.

— Войдите! — крикнул Максим.

Это вернулся Каргузов.

— Ночью я позабыл вам сообщить деталь. Может, она поможет...

— Слушаю вас.

Филипп стыдливо покосился на Таню.

— У меня на левом заднем крыле гвоздем процарапано неприличное слово!

— Какое? — строго спросил следователь.

Глава третья,

в которой мы знакомимся с Юрием Деточкиным,
страховым агентом

Прошла неделя. Человек, как известно, ко всему привыкает. Картузов привык к тому, что у него угнали машину. Больше того, это горестное происшествие по-своему украсило его жизнь. Он стал ощущать себя невинной жертвой произвола, и это возвысило его в собственных глазах. Он начал рассказывать своим сослуживцам о событиях знаменательной ночи. Постепенно рассказ обрстал новыми деталями. Когда появилась сцена, в которой Картузов стрелял из ружья в преступника, но промахнулся, у сослуживцев сдали нервы, и они начали избегать страдальца. Тогда Картузов стал делиться своей бедой с людьми незнакомыми. За отсутствием машины, он ездил теперь на работу автобусом. За шесть остановок можно было поведать эффектную историю со всеми подробностями. Кроме того, у Картузова появилась уважительная причина, чтобы ежедневно уходить со службы в прокуратуру. Запрет следователя не подействовал, и потерпевшие упрямо торчали в его коридоре. Но Подберезовиков не мог сообщить ничего утешительного.

Прошла неделя...

Пассажирский лайнер «Ту-104» приближался к Москве.

— Наш самолет, следующий по маршруту Тбилиси — Москва, прилетает на Внуковский аэродром, — профессионально сияя от счастья, объявила стюардесса. — Пассажиры просят пристегнуться!

И пассажиры стали послушно пристегиваться, словно это поможет им в случае катастрофы.

Худой человек с простодушным унылым лицом старательно привязал себя к креслу. Потом он достал из портфеля бухгалтерскую ведомость на выплату командировочных и в графе «фамилия» аккуратно вывел «Деточкин Ю.И.». В рубрике «количество дней» он поставил цифру «7». Его сосед, пожилой южанин, повернул к нему бритую голову.

— Из командировки едешь?

— Да, домой, — застенчиво улыбнулся Деточкин, расписываясь в ведомости и скрепкой подкальывая к ней авиабилет.

Самолет крепко встряхнуло. Южанин болезненно поморщился — он плохо переносил полет.

— Вы читали в «Вечернем Тбилиси»,— Деточкин счел долгом вежливости продолжить беседу,— при заходе на посадку разбился самолет «Боинг 707»?

— Слушай, не надо! — Голос с легким кавказским выговором дрогнул.— Не люблю я этих разговоров!

— А я воспитываю себя так,— кротко разъяснил Деточкин,— чтобы смотреть опасности прямо в глаза! Тем более от нас ничего не зависит, все в руках летчика. Вы застраховали свою жизнь?

— Слушай, зачем пугаешь? Зачем нервы мотаешь? — простонал попутчик, изнемогая от воздушной болезни.

— Страхование — прекрасная вещь,— вдохновенно продолжал Деточкин, вынимая из портфеля гербовую бумагу,— вот ты гибнешь при катастрофе, а твоя семья получает денежную компенсацию!

Побледневший южанин ничего не ответил.

— Может быть, застрахуемся от несчастного случая? — предложил Деточкин.— Можно оформить здесь, пока мы еще в воздухе!

— Слушай,— догадался южанин,— ты страховой агент, что ли?

— Да.— Улыбка осветила лицо Деточкина, и он похорошел.

— Я так скажу, дорогой,— сосед рассердился,— ты не страховой агент, ты, дорогой, хулиган! Если мы разобьемся, кто ее найдет, эту бумагу? А если мы не разобьемся, я буду зря деньги платить?!

— Но вы же не в последний раз летите.— Деточкин ободряюще глядел на него наивными и грустными глазами.

Тут самолет провалился в воздушную яму. Южанин вцепился в подлокотник.

— Зачем я лечу? Зачем, я спрашиваю?

— В самом деле, зачем? — Деточкин был не чужд любопытства.

Южанин мечтательно улыбнулся.

— Сын в институт поступает!

— В какой? — спросил вежливый Деточкин.

— Я подберу самый лучший!

Деточкин улыбнулся.

— Вы что же, летите за него сдавать экзамены?

— Не будь наивным! Экзамены — это случайность. А в важном деле нельзя полагаться на случай!

В проходе между сиденьями появилась стюардесса с подносом в руках. На подносе лежали мятные конфетки.

Деточкин потянулся к конфетке, но сосед схватил его за руку и отослал стюардессу.

— Понимаешь, девушка, не нуждаемся!

Он изловчился, снял с полки чемодан и раскрыл.

— Бери, страховой агент, это лучше будет!

Чемодан был заполнен черешней.

— Своя? — спросил Деточкин, отправляя ягоду в рот.

— У нас в стране все свое... — уклончиво ответил хозяин черешни.

Самолет накренился, и южанин опять застонал:

— Ненавижу летать и круглый год летаю...

— Бывает... — Деточкин уплетал черешню.

— Это потому, что каждому овощу свое время.

Мимоза — одно время, помидор — другое, а мандарины — они вообще сами по себе!

— Вы бы на поезде ездили, — посоветовал Деточкин.

Видя, что аппетит у него отменный, сосед захлопнул чемодан.

— Я-то могу на поезде, черешня не может!

В иллюминаторе показался аэродром.

— Ну, как, — спросил Деточкин, — все-таки будем страховаться? Самый последний момент — самый опасный!

— Опоздал, дорогой! — усмехнулся южанин. Самолет уже катился по бетонной дорожке. — Я подумаю. Ты ко мне заходи.

— На Центральный рынок? — лукаво спросил Деточкин.

— Зачем на Центральный? Я всегда на Тишинском работаю!

Через пятьдесят минут Деточкин прибыл в центр города. Тысячи москвичей в хорошем московском темпе бежали по улицам, скрывались в тоннеле подземного перехода, выбегали из-под земли и вновь исчезали в кратере метро. К остановке подъезжали троллейбусы. Сквозь их стеклянные стены, как товары в витрине, были видны пассажиры.

Деточкин терпеливо стоял на остановке и чего-то ждал. Прошло около часа. За означенное время от остановки отъехало двадцать три троллейбуса. Ни в один из них Деточкин не сел. Когда подошел троллейбус двадцать четвертый по счету, Деточкин засуетился. Он сошел с тротуара, обежал машину спереди и заглянул в окошко водителя.

— Люба! — сказал Деточкин ненатуральным голосом. — Здравствуй, Люба! Я вернулся!

Водитель, воспетый современным поэтом — «она в спецовочке такой промасленной, берет немислимый такой на ней», — не обратила на Деточкина никакого внимания. Она нагнулась к микрофону и объявила:

— Товарищи, побыстрее заполняйте машину! Не скапливайтесь в хвосте! — А потом, позабыв отодвинуться от микрофона, продолжала в той же интонации: — Юрий Иванович, вход в троллейбус с другой стороны!

Деточкин просветлел лицом и обрадованно кинулся к входу. За его пробегом следил весь троллейбус. Когда Юрий Иванович финишировал возле двери, створки плавно захлопнулись. Пассажиры захохотали.

Троллейбус медленно отошел от остановки. Глядя в зеркальце, Люба наблюдала за тем, как уменьшалась сутулая фигура Деточкина.

Смотря вслед троллейбусу, Юрий Иванович был полон неправильных, пессимистических мыслей по поводу своей личной жизни. Понимая, что Люба появится здесь не раньше чем через полтора часа и поэтому примирение надо отложить на вечер, Деточкин побрел к себе на службу. Известно, что работа — лучшее лекарство от душевных невзгод. Если тревожно на сердце, легче всего забыться при встрече с начальником.

Когда Юрий Иванович вошел в комнату, где сидели его коллеги по районной инспекции Госстраха, арифмометры перестали трещать, все сотрудники оборвали разговоры на посторонние темы и начали, как по команде, с соболезнованием глядеть на Деточкина. Наступившая тишина ему не понравилась. Желая избегнуть расспросов, он быстро проследовал через комнату и толкнул дверь в кабинет начальника.

Руководитель инспекции, Яков Михайлович Квочкин, встретил Деточкина репликой, полной сарказма:

— Ну? Как ваш тбилисский дядя?

— Дядя плох! — сокрушенно ответил Деточкин.

— В прошлый раз была тетя?

— Двоюродная сестра. Она скончалась...

— Все мы смертны, — вздохнул начальник. — Если бы люди не умирали, мы бы не страховали их на случай смерти! Вы не станете отрицать, Деточкин, что я проявляю к вам чуткость. Каждый раз, когда заболевают или помирают ваши родственники, я предоставляю вам отпуск за ваш собственный счет.

— Да, — согласился Деточкин, — вы на редкость чуткий руководитель!

— Но родственников у вас много, а штатных единиц у меня мало. Ваши отъезды срывают нам план.

— Яков Михайлович, — пообещал Деточкин, — я нагоню!

— Идите и нагоняйте! — Начальник отпустил подчиненного, ограничившись поучением общего характера: — Помните, я не позволю ставить родственные интересы выше общественных!

Выйдя на улицу, Деточкин с облегчением подумал, что в жизни все компенсируется. Вот встреча с Любой — она оказалась хуже, чем он предполагал. Зато встреча с начальником не принесла ожидаемых неприятностей. Одним словом, ничья — 1:1. Но оставалось главное — надо было позвонить домой. Деточкин вошел в автоматную будку, набрал номер и, взяв себя в руки, беспечно сказал:

— Мама, это я! Я приехал из командировки! За мной, я хотел сказать, ко мне никто не приходил?

— Кому ты нужен? — последовал энергичный ответ.

И никому не нужный Деточкин, сразу успокоившись, отправился нагонять свой производственный план.

Глава четвертая,

в которой следует обратить внимание на бежевую «Волгу» № 94-04 МОТ

Огромные масштабы жилого строительства сильно удлинляли ежедневный рабочий пробег страховых агентов. Деточкин трудился, не жалея ног.

Новосела страховать особенно трудно. Получив новую квартиру, счастливец не желает думать о пожаре, землетрясении или наводнении. Тем более противно думать о собственной кончине.

Войдя в дом № 17 по Тополиной улице, Юрий Иванович поднялся лифтом на самый последний этаж. Как почтальоны и разносчики молока, Деточкин всегда совершал обходы сверху вниз.

Он начал с квартиры № 398.

— Здравствуйте, товарищ Ерохин! — У Деточкина была уникальная память на фамилии тех, кого он намеревался заполучить в клиенты.

— Здравствуйте, — ответил Ерохин, тоже обладавший неплохой памятью, — только я страховать не буду!

Ерохин был человек заводской, откровенный и не любил подтекста.

— Во время пожара все сгорит! — уже без всякой надежды сказал Деточкин.

— Новое купим! — оптимистически парировал Ерохин.

— Человек может умереть, — напомнил Деточкин.

— А я еще поживу, — не сдавался упрямец, — мне всего пятьдесят два...

— Прекрасная мысль,— подхватил Юрий Иванович,— вы отлично выглядите. На вид вам меньше. Можно застраховаться на дожитие!

— На что? — первый раз с интересом спросил Ерохин.

— Ну, например, доживете до семидесяти лет, получите страховое вознаграждение. А не дотянете — ну...— Тут Деточкин развел руками.

— Это что же, вроде пари?

— Ну, вроде...

— Значит, если я помру до срока,— рассуждал вслух Ерохин,— выиграете вы! А если я доживу до семидесяти, выиграл я, так?

— Так,— согласился Деточкин и хлопнул в ладоши,— будем оформляться! Установим размер взносов, направим на медицинскую комиссию...

— До свиданья,— ласково сказал Ерохин и повернулся к Деточкину спиной.

После квартиры № 398 следовала квартира № 397. В ней жили застрахованные люди. В свое время Деточкин победил их с первого захода. Супруги Семицетовы, Инна и Дима, владели неплохим имуществом, и им не хотелось, чтобы оно сгорело безвозмездно.

Супруги были молоды и хороши собой, так же как их новая однокомнатная квартира. Инну украшали синие модные глаза удлинённой формы. Именно потому она носила синие ресницы, синие серьги, синие кофточки и синие чулки. Чтобы не потеряться рядом с эффектной женой, Дима употреблял ярко-красные галстуки и очки в квадратной золотой оправе.

Выписывая Семицетовым квитанцию на очередной платеж, Деточкин думал о Любе. Ему все нравилось в ней, даже ее троллейбус. «С прошлым надо кончать, пора жениться!» — Деточкин принимал такое решение после каждой командировки. Занятый мыслями об устройстве личного счастья, он не замечал странного поведения своей клиентуры. Супруги то и дело по поясу высовывались в окно.

Наконец Дима не выдержал. Если у человека есть возможность похвастать, он ею воспользуется, не забывая о последствиях.

— Товарищ агент!..— Дима поманил Деточкина.

Деточкин подошел и покорно выглянул в окно. Внизу у подъезда стояла свеженькая «Волга».

Инна и Дима, жмурясь от удовольствия, следили за впечатлением, какое произведет «Волга» на Деточкина. И действительно, она произвела на него впечатление. Деточкин тупо смотрел на машину. Он не ожидал подвоха от Семицветова, и особенно в день своего приезда.

— Я смотрю, ваше благосостояние растет! — мрачно изрек Юрий Иванович, не сводя глаз с проклятого автомобиля.

— Как и всего народа! — радостно откликнулся Дима. — Иду вперед семимильными шагами!

Вопреки желанию мозг Деточкина начал лихорадочно трудиться в нежелательном направлении.

— Бежевая... — задумчиво произнес Деточкин, — цвет неброский... Вы все время держите ее под окном?

— Скоро поставлю гараж, — пообещал Дима.

— Может, застраховать нашу машину на случай угона? — озабоченно спросила его жена.

— Страхование индивидуальных автомобилей, — автоматически затараторил Деточкин, думая о другом, — производится только на случай гибели или аварии в результате столкновений или стихийных бедствий.

Дима усмехнулся.

— Я не настолько богат, чтобы оплачивать стихийные бедствия!

Он не без гордости продемонстрировал посетителю замок невиданной сложности.

— Доставал для гаража. Японский! К нему ключей не подберешь!

— Трудно подобрать! — грустно согласился Деточкин, со знанием дела изучая замок. — И отмычка его не возьмет. Тут автоген нужен! А автогеном резать — это такая возня... — Деточкин безнадежно махнул рукой и, попрощавшись, ушел в подавленном состоянии.

— Наша машина его доконала! — удовлетворенно констатировала Инна.

— Чему ты удивляешься? — Диме было пора на работу, и он начал переодеваться. — Это рядовой труженик. Для него «Волга» — несбыточная мечта. Где ему взять пять с половиной тысяч?

Дима надел белую рубашу и, завязывая галстук, отдал распоряжение:

— Тебе, Инночка, есть боевое задание. Заедешь в книжный к Ангелине Петровне и возьмешь Экзюпери про принца. Запиши фамилию, забудешь!

— Милый, не остри. Фамилию Экзюпери я знаю наизусть!

Дима завершил свой туалет итальянским плащом болонья с золотыми пряжками на погонах. Сейчас Семицветов походил на respectable молодого карьериста международного отдела той организации, где имеется такой отдел. Поцеловав жену, Дима ушел.

На улице он увидел Деточкина. Страховой агент как зачарованный стоял возле машины и не мог отвести от нее взгляда.

— Вас подбросить? — предложил Семицветов, прятая снисходительную улыбку.

— Нам не по пути! — поспешно ретировался Деточкин.

Бежевая «Волга» — 49-04 МОТ с плюшевым тигром, прильнувшем к заднему стеклу, плавно покатила по столице.

Дима проезжал знакомыми местами...

Вот родильный дом имени Грауэрмана. Здесь двадцать семь лет назад акушерка шлепнула по задку новорожденного Семицветова...

Вот памятный угол. Здесь маленький Димочка впервые сам купил мороженое и сделал свой первый практический вывод: мороженое не отпускают задаром. А Дима очень любил крем-брюле...

Оставив машину у светофора, Дима с умилением вспоминал, как он похитил деньги из маминой сумочки, чтобы купить пломбир, и его снова шлепнули по задку, только значительно больше...

Дали зеленый свет, и Семицветов поехал дальше. Вот букинистический магазин. Дима сбывал сюда книги, подаренные ему ко дню рождения, и книги из отцовской библиотеки, которые стояли во втором ряду и никогда не вынимались. Это осталось незамеченным, и Дима сделал второй практический вывод: не пойман — не вор!

А вот палатка «Утиль». Дима сдавал сюда вторичное сырье.

И здесь он сделал свой третий практический вывод: деньги не пахнут!

Через несколько минут бежевая «Волга» приблизилась к зданию Института связи. Дима притормозил. Да, прошло уже четыре года, как он закончил этот институт. Дима отлично помнил тот по-всеннему солнечный день, когда председатель комиссии, вручая ему назначение, дружески улыбнулся.

— Вы, Семицветов, — в Семипалатинск. Но это совпадение — чисто случайное...

И тогда Дима сделал свой четвертый практический вывод: человек — сам кузнец своего счастья...

Поглядев на часы, Семицветов заторопился — было без десяти одиннадцать. Миновав комиссионный магазин, «Волга» № 49-04 МОТ свернула в переулок, проехала целый квартал и только затем остановилась.

Тщательно заперев машину, Семицветов повернул обратно и направился в комиссионный магазин. Он миновал отдел готового платья, не взглянул на витрину в отделе фарфора и фаянса, ничем не заинтересовался в секции мехов и скрылся в служебном помещении.

Минуту спустя с Димой Семицетовым произошла удивительная метаморфоза. Он перестал походить на дипломата. Теперь на нем висел штапельный тускло-голубой форменный халат с эмблемой магазина. С лица исчезло выражение самонадеянности, появилось выражение услужливости. Дима зашел за прилавок отдела магнитофонов, радиоприемников, телевизоров и занял свое рабочее место. Все-таки Дима не зря закончил Институт связи. Уже четыре года он применял за этим прилавком высокие технические познания.

Начался беспокойный день. Дима то и дело выбегал на угол смотреть, цела ли машина. Мысль о том, что пять с половиной тысяч попросту брошены на мостовой и к тому же снабжены колесами, не давала ему покоя. Бросаться деньгами было не в его привычках. И вместе с тем, как человек скромный, Дима не хотел ставить свою машину возле магазина.

В пятом часу, когда Дима показывал покупателю узкоплечную кинокамеру, объявился димин тесть — Семен Васильевич Сокол-Кружкин.

— Прост-таки бездельничаешь среди бела дня! — зычно и безапелляционно, на весь магазин объявил тесть.

Дима не нашелся, что ответить. В душе он презирал ближайшего родственника, но при встречах с ним тушевался от его командных замашек.

Семен Васильевич решительно отнял у покупателя камеру и так же громко вынес приговор:

— Барахло! Не советую!

Обратив в бегство кинолюбителя, Сокол-Кружкин дружески заорал:

— Семицетов, гони полсотни!

— Пожалуйста, потише, — зябко сказал Дима. — Кроме того, Семен Васильевич, я вам уже давал деньги!

Сокол-Кружкин так поглядел на зятя, что прения были прекращены.

— А вы достали? — тихо спросил Дима.

— Допустим, бой стекла! — расправил плечи Сокол-Кружкин. Он был горд, что добыл для дачи дефицитный строительный материал.

— А зачем нам битое стекло? — позеленел Дима.

— Ты, Семицетов, прост-таки болван! — не стесняясь, как и всякий громкоговоритель, подытожил тесть. Продавцы и покупатели с интересом поглядели на

Диму.— Попался бы ты ко мне в батальон, я бы, допустим, сделал из тебя человека!

— На осколки я деньги не выдам! — со злостью прошипел Дима.

— А я уже отобрал осколки побольше! — захохотал Сокол-Кружкин.

— А теперь такое время,— ехидно напомнил ему Дима,— что на каждое стеклышко нужен оправдательный документ!

— Документов, допустим, будет больше, чем стекла! — И Семен Васильевич протянул здоровенную ладонь, в которую могло поместиться значительно больше, нежели пятьдесят рублей.

— Я бы просил вас,— шепотом сказал Дима, вручая требуемую сумму,— по делам приходите домой, а не в магазин!

— Кругом, за прилавок шагом марш! — гаркнул тещь, спрятал деньги в карман и ушел, стуча подкованными каблуками.

Дима, чтобы успокоиться, сбегал на угол, поглядел на машину и купил мороженое. Он съел любимое с детства крем-брюле и с некоторым опозданием сделал свой пятый практический вывод: жениться надо на сироте!

Глава пятая,

в ней впервые встречаются Деточкин и Подберезовиков

Юрий Иванович Деточкин заканчивал работу. В последней квартире долго не открывали. Потом на пороге появился сам хозяин, С.И. Стулов, с недовольным лицом человека, которого оторвали от дел несслыханной важности.

— Я из Госстраха! — представился усталый Деточкин, привыкший к любому хамству жильцов.

— Молодец! — послышалось в ответ.

Деточкин вздрогнул и уставился на хозяина квартиры. С.И. Стулов не обладал представительным экстерьером, но вид имел вполне достойный.

— Так вот и ходишь из квартиры в квартиру? — спросил Стулов.

— Так и хожу! — недоуменно ответил Деточкин.

— Молодец! — тихо одобрил Стулов.

Тут Деточкин понял, что имеет дело с лицом значительным. И не ошибся. Стулов всегда говорил, не повышая голоса. Он знал, что подчиненные его услышат. Стулов регулярно возглавлял какое-либо ведомство и, активно трудясь, доводил его до состояния краха и разгона. Он был незаменим при реорганизации, преобразовании и перестройке. Сейчас он находился в состоянии невесомости. Одно ведомство разогнали, другое еще не создали. Стулов сидел дома и привычно ждал назначения. Он еще не знал, чем будет руководить, но знал, что будет!

— Так вот и привлекаешь народные средства? — спросил Стулов, демократично пригласив Деточкина в комнату.

— Пытаюсь.

— Молодец! И давно работаешь?

— Два года.

— Молодец! Ты и меня будешь страховать?

— Постараюсь!

— Молодец!

Уже застраховавшись и провожая Деточкина к выходу, Стулов оценил свою сознательность.

— Так вот, не подкачал я!

— Молодец! — не сдержался Деточкин и быстро ушел.

Стулов опешил. Его самого еще ни разу не награждали этим словом.

Деточкин добирался домой на метро. Под грохот поезда он думал о маме. Он любил маму. Конфликта поколений в их семье не существовало.

Мама ждала Деточкина. Когда он отпер дверь, мама вышла в коридор и, приподнявшись на цыпочки, поцеловала сына в щеку.

— Все-таки я не могу понять, какие у страхового агента могут быть командировки в Тбилиси? Обед на столе. Что ты стоишь, иди мой руки!

Во время обеда мама продолжала говорить без умолку. Деточкин и не пытался вставить слово. Он знал, что мама все равно не слушает собеседника, довольствуясь собственным мнением. Было странно, что при таком качестве характера мама не сделала карьеры. Всю свою жизнь она работала плановиком в Министерстве легкой промышленности и лишь недавно вышла на пенсию.

Теперь чуть ли не всю свою пенсию она тратила на печатные издания. Она боялась отстать от быстротекущей жизни.

— Ешь,— говорила мама,— не сутулься! Твои командировки кажутся мне подозрительными... Керес выиграл международный турнир. Я болела за Таля. Он отстал на пол-очка... И эти командировки кажутся подозрительными не только мне...

— Кому еще? — испугался Деточкин.

Но мама уже поехала дальше:

— Последняя книга Дюма была кулинарной. Ты ешь луковый суп по рецепту великого писателя Дюма-отца.

— Очень вкусно,— отозвался Деточкин-сын.

— Командировки кажутся подозрительными Любе. Она права, что не желает идти замуж за недотепу.

— Она это тебе говорила? — печально спросил Юрий Иванович.

В дверь позвонили. Деточкин вздрогнул и перестал есть исторический суп.

Пришла соседка из квартиры сверху:

— Антонина Яковлевна, у вас не найдется щепотки соли?

Соседка целый день моталась по квартирам, выпрашивая одну луковицу, таблетку пирамидона, чаю на заварку, две морковки, ложечку сахарного песка или ломтик хлеба. У нее всегда не хватало только необходимых вещей. Остальное имелось в изобилии. Для нее переезд из коммунальной квартиры в отдельную обернулся трагедией.

— Спасибо, я отдам,— поблагодарила соседка, которая почему-то всегда забывала отдавать.

Хлопнула дверь. Деточкин снова вздрогнул.

— Это ты всегда такой после твоих командировок! — Мама гневно потрясла седой мальчишеской стрижкой.— Я говорила с Любой, она не хочет идти за тебя замуж: ты ненадежный человек!

— Но почему?! — вскричал Деточкин.

— Ешь второе! Перестань горбиться! Енисей перекрыли, а я не видела... Я пойду к твоему начальнику и скажу, чтоб тебя не гоняли в разные города, ты потом нервный!

Деточкин поперхнулся. Он верил, что мама может пойти к начальнику.

— Ты поставишь меня в неловкое положение...— сказал он, умоляюще глядя на маму.

— Вот, я купила на рынке черешню! Дерут спекулянты!

Ягода показалась Деточкину знакомой.

— Мне кажется, я уже ел эту черешню. Спасибо.— Он встал.

— Куда ты идешь? — требовательно спросила мать.

— Мама, мне уже тридцать шесть!

— Спасибо, что ты мне сообщил это,— поблагодарила мама, блеснув озорными глазами.

— Я всегда рад сообщить тебе что-нибудь новенькое,— немедленно включился Деточкин.— Я ведь беру пример с тебя!

— Тебе до меня далеко! — сказала мама. И они расстались, довольные друг другом...

Смеркалось. Деточкин вышел из дома и огляделся по сторонам. Приняв меры предосторожности, он поднял воротник пальто. Шляпы на нем не было, иначе он бы надвинул ее на лоб. Слившись с толпой, Юрий Деточкин зашагал в неизвестном направлении. Из другого конца большого города в еще более неизвестном направлении шел Максим Подберезовиков. Они двигались навстречу судьбе. Они сближались.

В киоске у входа в метро продавали «Вечернюю Москву». Деточкин встал в очередь. Подберезовиков встал за ним. Им дали два экземпляра газеты, сложенные вместе. Деточкин разнял их и одну газету отдал Подберезовикову. Они ехали рядом на эскалаторе. Оба читали. Они вошли в один и тот же вагон. Сели напротив друг друга. На следующей остановке в вагон вошла женщина с ребенком. Деточкин и Подберезовиков вскочили одновременно, уступая женщине место. Хорошее воспитание подвело Юрия Ивановича. Подберезовиков мельком взглянул на него. Через несколько секунд он вторично поглядел на своего соседа, теперь внимательней. Деточкин ощутил на себе взгляд. И, как бы невзначай, подвинулся к двери. Подберезовиков уже не выпускал его из поля зрения. Деточкин чувствовал его спиной, обернуться он не смел. Выйдя на перрон, Деточкин все-таки не удержался и посмотрел назад. Подберезовиков шел следом. Стараясь не бежать, Деточкин покинул станцию метро. На улице было почти темно. Толпы не было, и на этот раз смешаться было не с кем. Деточкин повернул налево. Подберезовиков повторил его тактический маневр. Деточкин поддал жару.

Подберезовиков не отставал. Деточкин свернул за угол и перешел на примитивный бег. Невдалеке показалось спасительное здание районного Дворца культуры. Оно было построено в эпоху архитектурных излишеств.

Деточкин спрятался за одно из них. Он стоял за колонной, не выглядывая и не дышал. Выждав несколько минут, он, крадучись, вошел во Дворец. Первым, кого он увидел, был Подберезовиков.

У каждого следователя обязательно есть увлечение, которому он посвящает время, свободное от розыска преступников. Шерлок Холмс, например, играл на скрипке, Максим Подберезовиков — в самодеятельности.

Чтобы сохранить равновесие, испуганный Деточкин оперся на доску Почета активистов аккордеонистов. Подберезовиков молча смотрел на Деточкина. Он продолжал мучительно вспоминать, где он видел этого человека. С ним происходило то же, что часто бывает с каждым. Навязчивое желание восстановить в памяти дурацкий мотив, название скверной книги или фамилию гражданина, с которым тебя ничто не связывает, нередко портит в общем счастливую жизнь. Пока не вспомнишь то, что тебе не нужно, не можешь делать то, что тебе необходимо. Подберезовиков напрягся. Его усилие не пропало даром.

— Я узнал вас! — издал торжествующий клич Максим. Лицо Деточкина стало серым, как фотография на доске Почета.

— А это не я!

— Не отпирайтесь... Это вы говорили: «А судьи кто?» Обмякший Деточкин неудержимо сползал вниз.

— Я про судей ничего такого не говорил!

— Говорили, говорили,— Подберезовиков подхватил Деточкина.— Это же вы играли Чацкого?

— Ах, Чацкого! — До Деточкина дошел наконец смысл слов Подберезовикова.— Я совсем забыл.

И Деточкин захохотал. Глядя на него, засмеялся и Подберезовиков. Они дружно ржали, испытывая взаимную симпатию.

— Так вы на репетицию...— заливался Деточкин.

— Ага! — покатывался Подберезовиков.

— Значит, будем играть вместе...— корчил Деточкин.

— В одном спектакле,— умирал от смеха Подберезовиков.

Веяния времени коснулись и коллективов самодеятельности. Их стали укрупнять. Создавались народные театры.

Самодеятельный коллектив милиции, где выступал Подберезовиков, слили с самодеятельностью таксомоторного парка, где подвизался Деточкин. Все вместе стало называться Народный Большой театр. И сегодня милиционеры впервые встречались с таксистами.

Главный режиссер собрал энтузиастов сцены в пустом зале.

— Товарищи! — заявил режиссер. — Есть мнение, что Народные театры вытеснят наконец театры профессиональные! И это правильно!.. Естественно, что актер, не получающий зарплаты, будет играть с большим вдохновением. Кроме того, артисты должны где-то работать. Неправильно, нехорошо, если они весь день болтаются в театре, как это было с Ермоловой и Станиславским. Насколько бы лучше играла Ермолова вечером, если бы днем она стояла у шлифовального станка...

Деточкин и Подберезовиков, которые сидели рядом, рассмеялись.

— Товарищи! — продолжал режиссер. — Звание Народного театра ко многому обязывает. Кого вы только не играли в своих коллективах, лучше не перечислять! Не пришла ли пора, друзья мои, замахнуться нам на Шекспира?

— И замахнемся! — поддержал зал.

Создание Народного театра прошло безболезненно. Когда народные артисты дружной гурьбой высыпали из Дворца, совершенно нельзя было разобрать, кто из них милиционер, а кто таксист.

— Я люблю сцену! — возбужденно рассказывал Деточкин своему новому приятелю Максиму Подберезовикову. — Выходишь под луч софита в другом костюме, в гриме и парике — никто тебя не узнает!

Максим охотно с ним согласился.

— Я рад с вами познакомиться! — искренне сказал Юрий Иванович.

— Мы еще встретимся! — пообещал Подберезовиков. Они разошлись, помахав друг другу рукой.

Пятнадцать минут спустя Деточкин, достав из кармана ключ, успешно отпирал дверь чужой квартиры. Он вошел в прихожую, беззвучно закрыл дверь и замер. Он не услышал ничего, кроме ритми собственного сердца. Потом он поглядел на вешалку. На ней одиноко висело

женское пальто. Деточкин не взял его. Даже наоборот. Он снял свой плащ и повесил рядом. Затем скинул ботинки и сунул ноги в шлепанцы. Вдоль стены Деточкин подкрался к комнате и... боязливо постучал. Никто не отозвался. Он отважился постучать вторично. И опять никакого ответа. Тогда Деточкин расхрабрился. Он слегка приотворил дверь и, извиваясь, протиснул в щель свое худосочное тело.

В комнате пахло чем-то яблочным, сдобным и семейным. Втянув носом воздух, Деточкин решил остаться здесь навсегда...

Люба, упакованная в уютный домашний халат, сидела за столом и с аппетитом уплетала пирог собственного производства. Деточкину нравилось смотреть, как вкусно ест Люба.

У каждого бывает внутренний враг. Своим врагом Люба считала надвигающуюся полноту, хотя Деточкин категорически не разделял этой точки зрения. Люба истязала себя спортом и крутила до одури металлический обруч хула-хуп. Ровно в одиннадцать часов утра Люба останавливала свой троллейбус и, к ужасу пассажиров, быстренько делала производственную гимнастику. Ценная инициатива передового водителя была поддержана управлением и внедрялась в жизнь по всем маршрутам.

Но ничто не помогало Любе. Она ограничивала себя во всем, кроме еды.

— Явился? — сказала Люба, налегая на пирог. — Где пропал?

— Добрый вечер, Люба. Я был в командировке.

— Садись, если пришел, — разрешила Люба.

— Спасибо. — Деточкин присел на краешек стула.

— Пей чай!

— Спасибо.

— Ешь пирог!

— Спасибо. Большое спасибо! — изблагодарился Деточкин. Люба пододвинула к нему варенье.

— Спасибо, — еще раз повторил затюканный Деточкин. Чтоб как-то начать беседу, он неуверенно сказал:

— В Москве тепло. Можно сказать, жарко. А в Тбилиси просто жара!

— Я так и думала, что ты был в Тбилиси.

— А куда еще ехать?

— Тебе виднее. Может, ты в этом Тбилиси уже штампик в паспорт проставил?

Измученный таким оборотом дела, Деточкин полез в пиджак и предъявил Любе свой неженатый паспорт.

— Это ничего не значит, — вздохнула Люба, — можно и без печати.

— Что ты, Люба! Без печати ничего нельзя!

— Нет, Юрий Иванович, что-то ты от меня скрываешь...

— Понимаешь, Люба, — стал запинаться Юрий Иванович, — я вот первый раз поехал... в командировку... был уверен, что больше никогда не поеду... А потом еще раз поехал, как получилось — сам не знаю... Характер у меня, что ли, такой... вспыльчивый... Ну и делаю глупости. Сам понимаю — глупо, и все-таки еду... в командировку...

— Подумай, что ты несешь! — вскричала Люба.

Стало очень тихо. Оба, и Люба и Деточкин, размышляли о неудавшемся счастье.

— Юрий Иванович! — официально заявила Люба. — Верни мне ключ!

— Насовсем? — дрожащим шепотом спросил Деточкин.

— Да, насовсем, — подтвердила Люба.

Глядя в непреклонные глаза, Юрий Иванович встал и положил ключ в тарелку, рядом с пирогом. Затем потоптался на месте, ожидая помилования. Затем попятился к выходу, не теряя надежды, что его остановят. Надежда не оправдалась, и он оказался в коридоре. Там он снял влепанцы и долго-долго надевал ботинки. Никто ему не мешал. Взяв свой плащ, Деточкин вышел на лестничную площадку. Траурно хлопнула дверь.

Оставшись одна, Люба заплакала. Это было банально, но естественно.

Раздался звонок. Люба пошла отворять.

У двери сиротливо стоял Деточкин.

— Ты зачем звонишь? — горько спросила Люба.

— Но у меня же теперь нет ключа...

Глава шестая,

в которой выясняется, что жить можно не только по паспорту, но и по доверенности

Еще в школе Дима учил: коллектив — великая сила! Один в поле не строитель! Задумав вложить свои сбережения в недвижимую собственность, Дима возглавил дачно-строительный кооператив из себя самого и своего тестя.

Благодарное отечество выделило подполковнику в отставке Сокол-Кружину тридцать соток Подмосковья. Получив надел, Семен Васильевич пошел по стопам Мичурина. От великого селекционера он отличался не голько тем, что не был новатором. Сокол-Кружкин пристрастился исключительно к одной культуре — «клубника ранняя». Семен Васильевич добивался высоких урожаев «клубники ранней» на собственном участке. Признательные москвичи платили ему за это на новых рынках немалые деньги. То, что участок был оформлен на имя тестя, в общем устраивало зятя. Конечно, лучше иметь дачу на свое собственное имя, но придут люди в синей форме и невежливо спросят:

— Откуда у вас деньги?

К подполковнику в отставке они не придут.

Бежевая «Волга» тоже была записана не на Димино имя, а на жену. Дима ездил по доверенности. Доверенность была основой его существования. Он все делал по доверенности. Каждый раз, когда он должен был купить для дачи очередной гвоздь, Сокол-Кружкин нотариально подтверждал ему свое доверие. А гвоздей требовалось много! В нотариальной конторе Дима слыл своим человеком.

Доверенности преследовали Диму. Они снились ночами и являлись в бреду во время болезни. Ложась в постель, Дима подавлял в себе желание предъявить жене доверенность.

Такая жизнь не удовлетворяла денежного и мыслящего Семицветова, но выхода не было, особенно сейчас, в период разгула общественности и контроля. И за это Семицветов не любил Советскую власть. Советская власть платила ему той же монетой!

Было восхитительное, первостатейное утро. Превосходное подмосковное солнце замечательно освещало изумительную природу, окруженную со всех сторон добрым частоколом.

За частоколом на своем участке ритмично махали лопатами Дима и Сокол-Кружкин. Оба были в противогазах. Противогазы по знакомству достал Сокол-Кружкин в краеведческом музее. Дело в том, что Дима раздобыл утром машину «левого» дерьма. И они удобряли им почву.

Инна не принимала участия в семейном воскреснике. Она гуляла по великолепному смешанному лесу, где людей было больше, нежели деревьев. В многотысячном

состязании любителей природы Инна заняла одно из призовых мест — она урвала два ландыша. Они были нужны ей для приготовления питательного весеннего крема «Светлого мая привет», придающего эластичность любой коже. Инна служила косметологом в Институте красоты. Это создавало ей устойчивую независимость, столь необходимую в супружеском сосуществовании.

Инна вернулась домой, когда с удобрением было покончено. Стянув противогазы, мужчины отдыхали на куче строительного мусора.

— У Топтунова отбирают дачу! — крикнула Инна, делясь сенсационной новостью, которой знакомые огоршили ее в лесу.

— И правильно отбирают! — загремел Сокол-Кружкин.— Давно пора! С жульем, допустим, надо бороться!

— Но почему он жулик? — возмутился Дима.— Человек умеет жить.

— Ты мне скажи,— вошел в раж Семен Васильевич,— на какие заработки заместитель директора одноэтажной трикотажной фабрики отгрохал себе двухэтажный каменный особняк?

— Это его дело,— примирительно вставил Семицветов.

— Нет, наше! — Праведный гнев обуял тестя.— Мы будем прост-таки нещадно преследовать лиц, живущих на, допустим, нетрудовые доходы!

— Папочка, заткнись! — нежно прошипела дочь.

Семен Васильевич захохотал.

— Ага, испугались! Кто ты есть? — повернулся он к Диме.— Вот дам тебе прост-таки... коленом — и вылетишь с моего участка!

Страшать Диму было излюбленной забавой тестя. Его солдафонский юмор постепенно приближал Диму к инфаркту.

— Я понимаю, Сокол-Васильевич,— заикаясь, пролепетал Дима.— Вы шутите... — И он тоскующим взглядом обвел штабеля кирпичей и досок, «бой стекла» в нераспечатанной фабричной упаковке, младенчески розовые плитки шифера и многое другое, купленное хоть и по доверенности, но на его кровные деньги.

Едучи в город на бежевой «Волге», Дима размышлял о своей собачьей жизни. Даже выходной не как у людей, а в понедельник... И эта идиотская зависимость от родственников. Вдруг Инна полюбит другого и уйдет? Тогда тесть вышвырнет его с дачи, а иверная жена

выкинет на ходу из машины. Почему он должен строить благополучие на непрочном фундаменте женского постомства?

Когда Дима слышал формулировку «нетрудовые доходы», ему хотелось кусаться! Он вкалывает с утра до ночи, всем угождает, гоняет по городу, имея дело со всякой нечистью — с фарцовщиками и тунеядцами, добывая у них иностранный товар... А когда он вынимает из клиента жалкий рубль, то подвергается при этом несоразмерной опасности! В его профессии, как у саперов, ошибаются только один раз! Почему он, молодой, с высшим образованием, талантливый, красивый, вынужден все время гаяться, выкручиваться, приспособливаться?

«Когда все это кончится?» — думал Дима и понимал, что никогда.

Он опять поставил машину за квартал от магазина и не заметил, что в сквере напротив укрылся за томиком Шекспира Некто в темных очках. Этот Некто следил за тем, как Дима запирает машину, как скрылся за углом и как зашел в комиссионный магазин.

Дима приступил сегодня к торговле в весьма раздраженном состоянии.

— Мне нужен заграничный магнитофон — немецкий или американский, — интимно сказала усатая покупательница, перегнувшись через прилавок и положив при этом многопудовую грудь на телевизор «Рекорд».

— Нету! — коротко ответил Дима.

«Хоть бы побрилась», — думал он, с омерзением глядя на ее усы. Заметив, что «Рекорд» в опасности, Дима потребовал:

— Уберите это с телевизора!

Дама послушно отодвинулась и, перейдя на хриплый шепот, спросила:

— Скажите, пожалуйста, кто из вас Дима?

— Ну, я Дима! Что из этого? — продолжал хамить продавец.

— Я от Федора Матвеевича.

— Какого еще Федора Матвеевича?

— Приятеля Василия Григорьевича...

— Ну ладно, предположим...

— Мне необходим заграничный магнитофон!

— Есть очень хороший — советский!

— Не подойдет! — отрицательно пошевелила усами покупательница.

— Заграничный надо изыскивать... — задумчиво протянул Семицветов, привычно становясь на стезю вымогательства.

— Я понимаю! — Дама имела достаточный опыт. — Сколько?

Дима растопырил пятерню.

— Пятьдесят новых? — переспросила ошарашенная покупательница.

— А как же? Нужно узнать, нужно привезти, нужно попридержать... Оставьте телефончик...

В это время человек в темных очках, спрятав Шекспира в портфель, покинул сквер и не торопясь подошел к витрине комиссионного магазина. Он делал вид, что разглядывает норковую шубу. На самом деле он высматривал Семицветова. «Занят, — удовлетворенно подумал Некто. — И не скоро освободится. Приступим к делу!» Человек в темных очках фланирующей походкой направился к диминой «Волге». Он небрежно насвистывал: «А я иду, шагаю по Москве...», зорко оценивая переулочную обстановку. Это был знаменитый Двести-лешников переулок, где автомобили, пешеходы и магазины смешались в одну оживленную кучу. Некто протолкался к «Волге» и оперся о бежевое крыло. Ни одна живая душа не обращала на него ни малейшего внимания. Вдруг у места, где назревало преступление, объявился милиционер. Некто отпрянул от машины. Рядом оказался табачный киоск.

— Пожалуйста, «Беломор» и спичек!

— «Беломора» нет, — ответил киоскер, облезлый и грустный старик в черных канцелярских нарукавниках.

— Тогда дайте сигареты «Друг».

Купив сигареты, Некто обернулся. Милиционера подхватила воскресная толпа и унесла в неизвестном направлении. Человек, собирающийся украсть машину, закурил.

«Час пробил!» — высокопарно подумал он и незаметно надел хлопчатобумажные перчатки. Достав из портфеля отмычку, он в мгновение ока вскрыл машину. Через еще одно мгновение он уже сидел за рулем. Потушив сигарету, он, конечно, спрятал окурочек в карман, снова огляделся по сторонам, но уехать не удалось! К тротуару подкатило такси и стало вплотную к его «Волге». Некто обернулся: сзади, также вплотную, стояла «Татра». Беззаботный таксист вышел из машины

и лениво заковылял покупать папиросы. Мысленно прокляв его, человек в темных очках вынул из портфеля томик Шекспира и притворился, что увлечен бессмертными стихами. Наконец такси отъехало. Но в этот момент в окно постучали. Пришлось опустить стекло. У бежевой «Волги» нервно сучил ногами толстенький мужчина с чемоданом на молниях.

— Это ваша машина? — заискивающе спросил толстенький.

— Нет! — ответил Некто. Ему не хотелось врать.

— Но вы шофер?

— Нет-нет.

— А что вы здесь тогда делаете?

— Пытаюсь угнать эту машину, а вы меня задерживаете! — ответил Некто.

— Тогда, пожалуйста, угоните вместе со мной, — пошутил толстенький. — Я опаздываю на поезд.

Некто мучительно размышлял. Пассажир рядом, все-таки маскировка. Какой нормальный вор угоняет машину вместе с пассажиром?

— Вы действительно опаздываете?

— Да.

— Садитесь. Но вы становитесь соучастником! — честно предупредил Некто.

— Хорошо, хорошо... На Курский вокзал.

Рассыпаясь в благодарностях, толстенький влез в машину вместе с чемоданом. Злоумышленник вставил ключ в зажигание, чтобы завести «Волгу», но... она... отчаянно завопила! Сработал тайный сигнал, поставленный знакомым диминим электриком.

— Вот! Я вас предупреждал, — сказал Некто, с отличной скоростью выскочил из машины и затерялся в толпе. Машина продолжала надсадно гудеть, собирая зевак. Поняв, что попал в переplet, пассажир тоже предпринял попытку скрыться, но было уже поздно.

С криком: «Не отпускайте вора!» — гигантскими кенгуриными прыжками мчался Семицветов.

— Я не вор! — оправдывался толстенький. — Я опаздываю на поезд! Вот у меня билет!

— Предусмотрительный! Все подготовил! — ехидно заметил кто-то, а Дима, выхватив билет, строго распорядился:

— Держите его! — и стал отключать сигнал.

Вскоре примчалась синяя оперативная машина с красной полосой, известная под названием «раковая

шейка». Из нее выскочил Подберезовиков с блокнотом, Таня с саквояжем и юноша с фотоаппаратом.

— Кто владелец? — грозно спросил следователь.

— Я... — оробел Дима и показал на толстенького. — Мы вора схватили!

— Я не вор! — в сотый раз повторил толстенький. — Я опаздываю на поезд, а он отобрал у меня билет!

Юноша с фотоаппаратом щелкнул крупным планом сначала Диму, а затем толстенького. Оба затихли. Таня, не теряя времени, снимала с дверцы машины отпечатки пальцев.

— Ваши документы! — вежливо обратился Подберезовиков к задержанному. — И документы на машину! — сказал он Диме. — Разбираться будем не здесь. Кто свидетель?

— Я! — бодро откликнулась женщина с хозяйственной сумкой. — А что случилось?

— Я не вор! — безнадежно повторил толстенький. — Вор сбежал! К сожалению, я не запомнил его лица, — добавил он, ухудшая этим свое положение. — Я опаздываю на поезд!

Он поглядел на часы:

— Впрочем, я уже опоздал!..

Таня нашла в машине томик Шекспира, забытый злоумышленником.

— Ваша? — следователь показал книгу Диме.

— Что вы! — ответил тот.

— Ваша?

Толстенький покачал головой. В подобную передрагу он влипал впервые в жизни.

— Я свидетель! — Продавец табачного киоска появился возле машины и сразу стал центром внимания.

Фотограф с восторгом набросился на него со своим объективом.

— В профиль я получаюсь лучше, — намекнул киоскер.

Его сняли в профиль.

— Я начну с самого начала, — не без торжественности приступил к рассказу старик. — Сегодня не завезли «Беломор». Я уже устал отвечать: «Нет «Беломора»!

— Ближе к делу! — попросил следователь.

— Молодой человек, в вашей профессии нельзя торопиться. «Беломор» — это деталь для следствия. Он тоже просил «Беломор». А потом купил сигареты «Друг».

Пидцать копеек пачка, на этикетке собака. Я подумал: «Почему он нервничает?» Вам интересно?

— Очснь! — ответил Подберезовиков.

— Он высокий, сутулый. Лицо обыкновенное. Даже симпатичное лицо. Ходит с портфелем. В шляпе. Тот, кто курит «Беломор», не курит сигареты с собакой на этикетке. Они дороже и создают другое настроение. А это его сообщник, — он показал на пришибленного голстенького. — Они посоветались, и он влез в чужую машину! Они хотели удрать вместе!

— Я не сообщник! — нищенски затагнула жертва. — Я просто невезучий, несчастный человек. У меня горит путевка в Сочи!

Толстенькому стало жутко. Он осознал, что вместо курорта едет в тюрьму!

Глава седьмая,

в которой бежевая «Волга» еще раз подвергается нападению

Назавтра после работы Деточкин привычно маячил на остановке. Когда подошел желанный троллейбус, Юрий Иванович, как и все пассажиры, проник в него с задней площадки. Несмотря на роман с водителем, Деточкин не разрешал себе ездить без билета. Он аккуратно проделал все процедуры, связанные с бескондукторным обслуживанием, и оказался в любинной кабине.

— Следующая остановка — Пушкинская площадь! — объявила в микрофон Люба, искоса поглядев на Деточкина.

— Люба, я должен с тобой поговорить!

Люба промолчала.

— Люба, я пришел с тобой мириться!

— А мы и не ссорились! — холодно ответила Любовь. Она следила, кончилась ли посадка.

— Можно ехать! — позволил Деточкин. — Одни сошли, другие сели.

Троллейбус покати́л дальше.

— Зачем нам ссориться, Люба? Мы же с тобой близкие люди.

Люба горестно усмехнулась:

— Близкие люди знают все друг про друга! А ты все время что-то от меня скрываешь. Был шофером, вдруг

становишься страховым агентом! Потом эти командировки... неожиданные... Какие? Почему?

Деточкину было противно лгать Любе, но сказать правду он не смел.

— Когда-нибудь ты все поймешь. Чем позже это случится, тем лучше...

— Ты пришел издеваться надо мной, Юрий Ивано-

нич? — Люба устала от тайн Деточкина.— Перестань меня мучить, а то я задавлю кого-нибудь!

И она едва не выполнила это намерение.

— Значит, мы не помирились...— подытожил Деточкин, ударившись при резком торможении головой о лобовое стекло.

— Следующая остановка — площадь Маяковского,— печально сказала Люба.— Своевременно оплачивайте проезд!..

Так и не наладив отношений с Любой, Деточкин прибыл во Дворец культуры. В самодеятельности Юрия Ивановича любили. Он обладал природными актерскими данными. Он был непосредствен и правдив в любой, самой невероятной драматической ситуации.

Атмосфера в репетиционном зале была накаленной. Вчера «Спартак» не смог одолеть «Динамо», и поэтому режиссер находился в трансе. Артисты знали футбольную слабость своего маэстро и сидели смиренно.

— Каждый игрок должен знать свою роль назубок! — раздраженно выговаривал режиссер Подберезовикову, спутавшему текст.— Игрок не должен бестолково гонять по сцене, играть надо головой! И не надо грубить! — цыкнул он на виновного, пытавшегося оправдаться.— А то я вас удалю с поля, то есть с репетиции!

В перерыве игроки, то есть артисты, вышли покурить.

Деточкин достал из кармана пачку сигарет и предложил Максиму.

— Что у вас за сигареты? — заинтересовался Подберезовиков.

— «Друг»,— безмятежно сообщил Деточкин.

Подберезовиков взял у него из рук злополучную пачку:

— Да... сигареты «Друг»... Собака на этикетке... Тридцать копсек...

— Я-то вообще «Беломор» курю,— разъяснил Деточкин с присущей ему откровенностью.— Но не было «Беломора».

— Это вы точно заметили — «Беломора» не было. Именно поэтому он и купил сигареты «Друг».

— Кто он? — все еще беспечно спросил Деточкин.

— Преступник!

Внезапно Деточкин ощутил себя на краю пропасти. Он хотел отступить, но сзади была стена. Проходить

сквозь стены, даже сквозь сухую штукатурку, он не умел. Он безысходно взглянул на небо. По голубому потолку бодро вышагивали вполне реалистические колхозницы со снопами пшеницы. Деточкин пожалел, что он не с ними. Деваться было некуда.

— К-ка-кой преступник?

Следователь принял испуг приятеля за обычный обывательский интерес к нарушению закона.

— Современный, культурный. Я бы даже сказал — преступник нового типа! Раньше жулики что забывали на месте преступления?

— Что? — полюбопытствовал Деточкин.

— Окурки, кепки... А теперь — вот! — И Подберезовиков показал томик Шекспира, который Некто оставил в машине.

Деточкин вздрогнул и отшатнулся от книжки.

— Вы не бойтесь! — улыбнулся Максим. — Здесь нет пятен крови!

— Вы следователь?

Подберезовиков листал Шекспира.

— Отпечатков пальцев нет — преступник всегда работает в хлопчатобумажных перчатках. Нет ни библиотечного штампа, ни фамилии владельца — знаете, некоторые надписывают свои книжки...

— Знаю... Но я не надписываю! — заверил Деточкин.

— Я веду дела по угону машин, — продолжал Подберезовиков. — Но вам это неинтересно!

— Мне это чрезвычайно интересно! — Деточкин говорил святую правду.

— Я вам по секрету скажу, — понизил голос следователь, — в городе орудует шайка. Угоняет личные машины. За год из одного и того же района угнано четыре автомобиля.

— Три, — машинально поправил Деточкин.

— И вы уже слышали? Правильно, четвертую угнать не удалось. Но скоро с этим будет покончено! — вселил он надежду в Деточкина.

— П-почему?

— Вчера я задержал одного из членов шайки!

— К-кого? — поразился Деточкин. Он и не подозревал, что Некто в темных очках имеет сообщников.

— Представляете, инженер из совнархоза. Жена — врач. Двое детей. Только что квартиру получил на юго-западе и занимается таким делом!

— А как он вы-глядит? — испугался Деточкин.

— Такой маленький, толстенький...

— Вы его арестовали? — Деточкин даже перестал шикаться. — Зачем такая строгая мера?

Подберезовиков снова улыбнулся.

— Он собирался удрать на курорт, но я взял с него подписку о невыезде!

— А вдруг он не сообщник? — горячо вступился Деточкин. — Инженер совнархоза, уважаемый человек, а вы лишили его заслуженного отдыха.

— Мое чутье тоже подсказывает — он не виноват. Но окончательное выяснение — дело нескольких дней. Мне уже известны приметы главаря шайки: он высокий, лицо обыкновенное, даже симпатичное, ходит с портфелем, в шляпе, и главная примета — сутулый.

Деточкин незаметно для Максима распрямил плечи.

— А как вы будете ловить главаря?

Подберезовиков не успел ответить. В вестибюле появился режиссер с судейским свистком. Он пронзительно засвистел и скомандовал:

— Прошу всех на второй тайм!..

У великого Репина в Куоккале были «среды», в «Литературной газете» на Цветном бульваре — «вторники», у Семицветовых в квартире № 397 — «понедельники», два раза в месяц. Тратить деньги на гостей еженедельно Дима не желал.

Приглашались нужные люди, поэтому Сокол-Кружкин со свойственной ему меткостью окрестил эти собрания «нужником». Самого Семена Васильевича никогда не звали. Однажды он все-таки заявился, вмешивался во все разговоры, надрался коньяку и стал кричать, что Дима прохвост и по нему тоскует Уголовный кодекс. Наиболее предусмотрительные гости не рискнули прийти на следующий «понедельник».

Сегодня подбор был изысканным. Пришли те, кто может достать пластик для дачи, пальто джерси, дамские замшевые сапоги, билеты в Дом кино и многое другое, столь же необходимое. Пришел поэт, осыпанный почестями и перхотью. Реальной пользы от поэта не было, но без него вечеринка была как шашлык без шампура. Главный гость окончил литинститут и стал поэтом. С тем же успехом он мог окончить мединститут и стать врачом. Все-таки лучше, что он окончил Литературный институт...

Пришел и нужный Филипп Картузов. У него в «Пивном зале» можно было при случае укрыться в отдельном кабинете, вкусно поесть и потолковать о делах.

Вечер протекал интеллектуально. Рассказывались анекдоты средней скабрёзности, сообщались последние новости из серии «кто с кем живет» и «где что дают». Когда дошел черед до Картузова, он поведал, как у него увели машину. Оказывается, Филипп бросился под колеса, чтобы заставить вора притормозить. Но машина у Филиппа была такая замечательная, что не захотела давить хозяина. Она перепрыгнула через него и удрала! Вранье Картузова имело у выпивших гостей успех.

— Это называется гипербола! — пояснил поэт. Он долго читал свои стихи. Упрашивать его не приходилось.

«Понедельник» удался. Инна сновала между кухней и комнатой, демонстрируя завидные бедра. Дима надрывно пел под гитару блатные песни.

— И вот меня обрили и костюмчик унесли.
На мне теперь тюремная одежда.
Квадратик неба синего и звездочка вдали
Мерцают мне, как слабая надежда...—

слезливо выл Семицвентов, боясь, что сюжет станет автобиографическим.

В этот вечер Дима не выглядывал в окно. Он не боялся за свою «Волгу». У него была на это уважительная причина.

А внизу, во мраке надвигающейся ночи сутулый мужчина, предварительно надев любимые хлопчатобумажные перчатки, привычно отпирал бежевую «Волгу». Вчерашний урок не прошел для него даром. Подняв капот, он преспокойно отключил секретный сигнал. Затем он сел за руль, положил на сиденье портфель с набором инструментов и вставил ключ в замок зажигания, чтобы завести машину. Он повернул ключ — машина смолчала! Чтобы включить скорость, он, как положено, нащупал ногой педаль сцепления и... закричал от нестерпимой боли!

Похититель не мог догадаться, что вчера же, после первого покушения, Дима купил в охотничьем магазине волчий капкан и тот же знакомый электрик установил его на педаль сцепления.

Капкан сработал — Деточкин был пойман!

Да, дорогой зритель! Ты, конечно, не мог догадаться, что машины угоняет Деточкин! А если ты все-таки

догадался, то ты, дорогой зритель, как сказал бы С.И. Студлов,— молодец!

Деточкину было очень больно. Человек, не попадавший в капкан, не может себе этого представить, а волки об этом не рассказывали. Деточкин не стал звать на помощь. Превозмогая боль, он попытался разомкнуть железные челюсти, стиснувшие его ногу. Но капкан был рассчитан на дикого зверя, и у Деточкина не хватило сил. Тогда он расстегнул спасительный портфель, достал ножовку и стал пилить железо, пока оно горячо...

«Понедельник» кончался. Радужные Семицветовы выпроваживали гостей. Чтобы ненароком никто не застрял, они вышли вместе с ними. При виде бежевой «Волги» все сильно развеселились.

— Люблю кататься по ночам! — взвизгнула жена того, кто достает модный пластик.

Компания окружила машину. Деточкин сжался в комок, перестал пилить и сполз с сиденья на пол.

— Семицветов, твоя машина — блондинка! — сострили билеты в Дом кино.

— Димочка, повезите нас куда-нибудь! — попросило пальто джерси.

При этих словах прикованному Деточкину захотелось завывать, как настоящему волку.

Гостей охватил энтузиазм.

— Дима, едем!

— Инночка, уговорите его!

Дима стойко отражал натиск:

— Нет, друзья, нет! Когда я принял, я не сажусь за руль!

— Дима, не трусьте! — крикнуло пальто джерси, которому особенно хотелось кататься.

— Нет-нет! — поддержала мужа Инна.— Теперь изобрели такую пробирку, милиция заставляет в нес дыхнуть, и сразу видно, пил или не пил! Если пил — напрочь лишают прав!

Гости разочарованно разбрелись.

Дима обошел вокруг машины и на всякий случай подергал дверцы. Одна из них, передняя левая, вдруг слегка поддалась и тут же, вырвавшись из диминой руки, снова захлопнулась.

Дима изумился. Он дернул второй раз, но дверца не открывалась, так как сейчас Деточкин держал ее мертвой хваткой.

— Здорово же я набрался! — решил Дима.— Инночка! — обратился он к жене. — Я должен бросить себя в горизонтальное положение!

Когда Семицветовы скрылись, Деточкин допилил капкан и вывалился на мостовую вместе с неразлучным портфелем. С трудом поднявшись, незадачливый похититель заковылял прочь от подлоя машины...

Люба испуганно вскочила с постели. Ее разбудил тревожный ночной звонок. Накинув халат, она, в предчувствии беды, выбежала в переднюю.

— Кто там? — крикнула Люба.

— Люба, это я! — Голос был настолько жалкий и несчастный, что Люба сразу открыла.

В двери стоял раненый Деточкин и смотрел на Любу, как на свою последнюю надежду.

Податливое женское сердце дрогнуло.

— Что с тобой, Юра?

— Да вот, понаставили всюду капканов...

Люба подумала, что Деточкин бредит. Она обняла его за поникшие плечи и повела в комнату.

— Капкан на живого человека! — зло выговаривал Максим Подберезовиков Семицветовым, примчавшимся к нему на следующее утро.— Это, знаете ли, надо додуматься! Мы вас можем привлечь!

— Вот-вот! — возмутился Дима.— Бандит хотел угнать машину! Он распилил мой собственный капкан! А вы попробуйте достать в Москве волчий капкан. Его ни за какие деньги не купишь!

— Потихе! — посоветовал следователь, и Дима, вспомнив, где он находится, тотчас присмирел.

— А вы хотите привлечь меня! — уже заискивающе закончил Дима.— Хороша законность!

Подберезовиков еще раз поднял глаза на Семицветова, и тот умолк.

— Преступник дважды пытался угнать одну и ту же машину...— рассуждал Максим.— Это совпадение не случайно. Я думаю, он хотел угнать именно вашу машину!

— Резонно. Я тоже об этом догадался! — робко сязвил Дима.

— Почему он прицепился именно к вашей машине? — продолжал следователь.

— Вы меня об этом спрашиваете?

— А кого же? — простодушно спросил Максим.— Вы не подозреваете никого из ваших знакомых?

— У нас знакомые,— обиделась Инна,— вполне приличные люди.

Про себя Дима подумал: «Может, действительно орудует кто-нибудь из своих?»

— Вам никто не завидует? — продолжал расспрашивать следователь.

— Чему завидовать? У нас скромное положение. Умеренная зарплата. Мы живем тихо, незаметно...

Подберезовиков нажал кнопку звонка. На вызов в кабинет вошла Таня, как всегда, переполненная чувством.

— Таня, запросите поликлиники, не обращался ли кто-либо с характерной травмой ноги! — отдал распоряжение Максим.

— Хорошо! — согласилась Таня, с нескрываемой нежностью глядя в серые подберезовиковские глаза.

Позвонил телефон. Подберезовиков снял трубку и услышал добрый голос Деточкина.

— Привет Юрию Ивановичу! — расплылся в улыбке Максим.— Как — не придете? Смотрите, режиссер назначит вам штрафной удар!

На обоих концах провода рассмеялись.

— У меня нога болит,— сообщил Деточкин.

— Тогда вы лучше полежите... Пусть нога отдохнет... Всего вам хорошего...— посоветовал Подберезовиков и положил трубку на рычаг.

— У кого нога? — заволновался Дима.

— Это нога у того, у кого надо. Нога! — раздраженно ответил Максим и невольно сам задумался. Потом отогнал мысль, недостойную дружбы, и попросил Диму:

— Ну что ж! Звоните!

— Когда?

— Когда у вас угонят машину!

Глава восьмая

про художественный свист

Надвигался конец квартала. В районной инспекции Госстраха наступили суматошные дни. Надо было выполнять и перевыполнять квартальный план. Руководи-

тель инспекции Яков Михайлович Квочкин собрал подчиненных на краткий митинг. Он хотел вдохновить сотрудников на последний финишный рывок.

— Я сам пойду по квартирам! — заявил начальник, увлекая агентуру личным примером.— Но этого мало. Посмотрим, не создано ли за последний месяц какос-нибудь новое учреждение.

Посмотрели: создано Управление художественного свиста.

Решили: послать туда лучшего агента.

По опыту было известно, что в процессе организационной неразберихи еще не оперившиеся работники не умели оказывать достойного сопротивления мастерам страхового дела.

Слегка прихрамывающий Деточкин направился в УХС.

Художественный свист в течение многих лет находился в состоянии анархии. Никто им не занимался, никто ему не помогал. Артисты свистели кто во что горазд. Теперь этому был положен конец.

Управлению удалось захватить бывший дворянский особняк в Дудкином тупике. В самом названии тупика было что-то символическое.

Когда Деточкин входил в особняк, его едва не облили цинковыми белилами. Управление, естественно, начало свою творческую деятельность с перекраски фасада.

Юрий Иванович, припадая на левую ногу, шел по длинному коридору, всматриваясь в таблички. «Высший художественный совет» было начертано на высоких двухстворчатых дверях, обитых черным коленкором на вате. На двери, обитой дерматином похуже и без звуковой изоляции, красовалась вывеска: «Главный художественный совет». Следующий вход был с матовым стеклом, как в уборных. Чтобы не создавать путаницы, табличка гласила: «Художественный совет». Кроме дверей с названиями было множество безымянных.

Мимо Деточкина сновали рабочие и уборщицы. Они разносили по кабинетам новую мебель. Естественно, нельзя было работать по-новому при старой мебели. Деточкин растерялся. Он не знал, с кого начать, и наконец вошел в первый попавшийся кабинет. Здесь трудился обаятельный Согрешилин. Увидев Юрия Ива-

поница, он заулыбался, обнял его, повел к кожаному креслу, усадил. Сам Согрешилин пристроился в таком же кресле напротив.

— Я еще не слышал, родной мой, но я должен предостеречь.

Деточкин ничего не понял.

— Конечно, в вашем репертуаре что-то есть...— дружелюбно улыбался Согрешилин.

— Я не свистун,— Деточкин начал понимать создавшуюся ситуацию.

— А что вы делаете? — спросил Согрешилин.— Токусте тетеревом, ухасте филином, плачете иволгой или стучите дятлом?

— Я насчет страхования,— начал было Юрий Иванович, но Согрешилин его перебил:

— А... понимаю. Вы текстовик! Вы предлагаете тему страхования? Но, согласитесь, родной, какой может быть страх у нашего человека?

— Но это государственное страхование,— поправил собеседника Деточкин.

— Государственное? — задумался Согрешилин. Он стал опасаться, что допустил промах.— В общем, это, конечно, тема...

— Можно застраховать на случай смерти...— предложил Деточкин.

— Смерти не надо,— быстро вставил Согрешилин.— Художественный свист должен быть оптимистичным!

— Я хочу внести ясность,— настаивал Деточкин.— Я не подражаю птицам и не свищу.

— Будете свистеть! — заявил хозяин кабинета.— Здесь все свистят!

— Не хотите от смерти, я застрахую вас от несчастного случая.— Юрий Иванович достал из портфеля гербовую бумагу.

— Так вы страховой агент,— наконец сообразил Согрешилин.

— Я сейчас заполню бланк, а вы поставите подпись,— предложил Деточкин.

— Дорогуша! — Согрешилин смотрел на Деточкина, как на ближайшего друга.— Мне нравится ваша напористость. В общем, я не против. Но вы желаете, чтоб я так сразу поставил свою визу на документ? Ай-яй-яй! Это безответственно!

Профессиональный опыт не помог Деточкину. Битый

час проторчал он у Согрешилина, но так и не смог уговорить его поставить свою подпись.

Деточкин ходил из кабинета в кабинет. Ходил он долго. Страховать были согласны все. Ставить свою подпись — никто!

Деточкин устал. Нога болела. Он присел в холле на шаткий современный стул. Вокруг царила тишина. Лишь перестук пишущих машинок, доносившийся из машбюро, нарушал торжественный покой. Машины отбивали отрицательные заключения по всем развлекательным мелодиям. Из их перестука складывался мотив антимарша, исполняемого с лихой жизнерадостностью, как того и требовала эпоха.

Вдруг машинки замолчали. Вместо них дробно застучали каблуки. Из комнат выскакивали сотрудники и бежали в одном направлении. Согрешилин несся в первых рядах.

Из кабинета с табличкой «Начальник управления» степенно вышел С.И. Стулов. Увидев знакомое лицо, он негромко обратился к Деточкину:

— Ты теперь здесь работаешь? — Стулов привык к безудержному раздуванию штатов управления. Стулов по опыту знал, что зато потом будет кого сокращать.

— Сегодня — здесь, — ответил Юрий Иванович.

— Молодец, — одобрил С.И. Стулов и направился в зал прослушивания вслед за табуном. Когда он удобно расселся на мягком диване, механики включили стереофонический магнитофон.

В рабочее время сотрудники управления дружно слушали фривольные программы низкопробных западных варьете, чтобы не допустить в родное искусство художественного свиста никакой безнравственности. Сами сотрудники считали себя настолько непорочными, что не боялись тлетворного влияния ни буржуазного твиста, ни буржуазного свиста.

Деточкин одиноко скучал в холле.

— Если бы я их страховал от потери занимаемой должности, выстроился бы длинный хвост, — с яростью думал Юрий Иванович. Прослушивание закончилось одновременно с рабочим днем, ровно в пять часов.

Деточкин в потоке сотрудников пошел к выходу. Впервые за всю свою практику он не сумел застраховать ни одного человека.

Глава девятая,
*приключенческая, в которой за Деточкиным
устремляется погоня*

Прошла еще одна неделя...

Районная инспекция Госстраха перевыполнила квартальный план. Страховые агенты выдали на-гора сто один и шесть десятых процента.

У Деточкина зажила нога. Отношения с Любой развивались в духе взаимопонимания. Деточкин исправно посещал репетиции и каждый раз интересовался, не удалось ли Максиму схватить главаря. Настроение у Юрия Ивановича было превосходным. Мучило одно — он так и не угнал семицветовский автомобиль.

Подберезовиков, подозревавший, что на димину «Волгу» будет опять произведено покушение, установил на бежевой красавицей тщательную слежку. Но злоумышленник не подавал признаков жизни, — может, он ушел в глухое подполье, может быть, его отвадил волчий капкан. Когда Дима поставил в своем дворе цельнометаллический гараж и запер его на японский замок, следовательно даже расстроился. Стало ясно, что ночью машину угнать невозможно, и было маловероятным, что, наученный горьким опытом, вор кинется на нее днем. След преступника терялся. За отсутствием прямых улик толстенькому пришлось отменить подписку о невыезде, и он улетел в Сочи, чтобы прийти в себя. В следовательском отделе уже подтрунивали над Максимом, и только Таня защищала его как могла. Потерпевшие тоже потеряли веру в нового следователя.

— Этот Подберезовиков... не ...авдал ...аше ...оверие! — говаривал Пеночкин Филиппу Картузову.

Снова, в который раз, стояла темная ночь. К гаражу приблизился Деточкин с неизменным портфелем в руках. В связи с установкой гаража Подберезовиков отменил ночное наблюдение, о чем Деточкин выведal на одной из репетиций. Юрий Иванович осмотрел защитное сооружение и нашел, что гараж хорош. Знакомый японский замок был тоже недурен!

— Да, — рассуждал про себя Деточкин. — Эту крепость можно взять только автогенom. Но какая волюнка! Баллон с кислородом, баллон с водородом, шланги, горелка... Можно, конечно, взорвать динамитом... Будет большой шум! Свидетели проснутся! Да, из этого гаража

ее не вынешь. Спи спокойно, дорогой Семицветов! — И Деточкин ушел не солоно хлебавши.

Прошло двадцать четыре часа. Ночь опять не подкачала. Она была темная-претемная.

В постели рядом с женой спокойно спал дорогой Семицветов. Ему снился забор, который скрывал от завистливых глаз дачу, записанную на его собственное имя...

По ночной пустынной улице, слегка позвякивая, сжал автокран. Он свернул во двор и остановился у гаража. Из кабины деловито выскочил Деточкин. Он взялся за крюк и подцепил его под японский замок.

— Вира! — скомандовал Деточкин.

Трос натянулся, и корпус гаража легко взмыл в воздух. На кирпичном полу беззащитно стоял бежевый автомобиль.

Зрелище гаража, парившего над «Волгой», было фантастическим. Жаль, что его видели только двое — Деточкин и водитель автокрана. Юрий Иванович напел крановщику с три короба: что, мол, кого-то надо встречать, что кто-то болен, что ключи у кого-то на даче...

Самый вид Деточкина, все его слова были настолько искренними, что крановщик ни в чем не усомнился и взялся помочь.

Деточкин проворно открыл «Волгу», проверил, нет ли капкана или еще чего-нибудь новенького, отключил сигнал бедствия и вывел машину.

— Майна! — скомандовал Юрий Иванович, и автокран бережно опустил гараж на прежнее место.

В этот момент Дима проснулся. Ему захотелось по-маленькому. Не открывая глаз, он в полусне добрался до санузла. На обратном пути Дима подошел к окну, разомкнул слипшиеся веки и поглядел на гараж. Во дворе никого не было. Дима возвратился в постель и сразу заснул...

А Деточкин не терял времени даром. Он приехал на «Волге» в какой-то кривой переулок. Он помнил, что под брезентом законсервирована ржавая колымага, которая в далекой молодости была легковым автомобилем. Убедившись, что за ним никто не следит, Деточкин поднял брезент и ловко отвернул номерные знаки. Нетрудно сообразить, что несколько минут спустя бежевая «Волга» 49-04 МОТ уже выступала под шифром «В2-15 МОП».

Любу вновь разбудил ночной звонок.

— Кто там? — сонно спросила она.

— Люба, это я!

Люба испуганно отворила дверь.

— Что случилось? Опять капкан?

— Нет, на этот раз обошлось, — вздохнул Деточкин, не рискуя войти в квартиру. — Я пришел попрощаться, и уезжаю в командировку...

— Сейчас, ночью? — Люба старалась отвечать спокойно.

— Приходится... Можно, я от тебя позвоню маме? — Деточкин переступил порог.

— Езжай, езжай в Тбилиси! — И Люба ушла к себе в комнату.

— Зачем в Тбилиси? Я поеду еще куда-нибудь! — крикнул вдогонку влюбленный автомобильный жулик. Ответа не последовало.

Телефон был в коридоре, и Деточкин позвонил домой.

— Мама! — нежно начал Деточкин, когда она наконец подошла. — Я не виноват, но я сейчас уезжаю в командировку...

Он отвел трубку от уха, чтобы не слушать того, что ему говорила мама.

— Я вернусь через несколько дней. Мама, не волнуйся! — попытался сказать он, но все оказалось лишним, так как мама уже повесила трубку.

Деточкин поскребся в дверь к Любе, но она заперла ее на крючок. Обстоятельства были таковы, что следовало торопиться. И Деточкин ушел, разрываясь между чувством и долгом.

Стоя у окна, Люба с изумлением увидела, как ее Юрий Иванович сел в шикарную «Волгу» и укатил по неизвестному маршруту.

На следующее утро Семицвостовы встали рано. Накануне Дима договорился с механиком сделать «Волге» профилактику. Супруги быстро позавтракали и спустились к гаражу.

Механик уже поджидал их.

— Здравствуйте! — подобострастно поздоровался Дима. Автолюбители, особенно неопытные, всегда заискивают перед механиками, которые знают, что у машины внутри.

— У нас заедает левый поворот! — пожаловалась Инна.

— Поглядим! — сказал механик.

— Когда переводишь скорость, она вдруг «тук-тук-тук»... — добавил Дима.

— Послушаем! — сказал механик.

— И еще — греется переднее правое колесо, — продолжал Дима.

— Пощупаем...

— Позавчера весь день пахло бензином! — вспомнила Инна.

— Понюхаем! — издевательски сказал механик. К людям, не смыслящим в технике, он относился свысока. — Вы отоприте гараж-то!

Дима достал из кармана ключ, похожий на иероглиф, отпер замок, снял его с петель, отодвинул засов и открыл первую створку ворот.

Машины в гараже не было!

Дима обомлел. Он не поверил своим глазам. Он распахнул вторую створку. Солнечный луч ворвался в гараж и осветил пустое место.

— Где машина-то? — бестактно спросил механик.

Дима и Инна тупо смотрели на кирпичный пол. Вчера перед сном они загнали «Волгу» в гараж и собственноручно заперли на японский замок. Замок оставался целым, гараж стоял на месте, машины в нем не было!

— Чего молчите-то? — рассердился механик. — Я не для шуток пришел!

Ошарашенные мистическим исчезновением автомобиля, Семицветовы онемели. Они были не в силах издать ни единого звука. Они по-прежнему не моргая смотрели на пол. Кирпичный пол был в порядке. Значит, машина не провалилась сквозь землю.

— Тук-тук-тук... — передразнил Диму механик. Он выразительно постучал пальцем по лбу и ушел...

* * *

...Чего только не узнаешь в дороге! Водитель не должен бессмысленно любоваться окрестным пейзажем. Даже на ходу он обязан расти, расширять свой кругозор, повышать интеллектуальный уровень. Именно для этого на краю шоссе понатыканы дорожные плакаты:

«Крым — лучшее место для отдыха!»

«Кавказ — лучшее место для отдыха!»

«Рижское взморье — лучшее место для отдыха!»

«Самолет — лучший вид транспорта!»

«Такси — лучший вид транспорта!»

«Суда на подводных крыльях — лучший вид транспорта!»

«Быстро, выгодно, удобно!» — это про Аэрофлот.

«Надежно, выгодно, удобно!» — это про сберкассу.

«Вкусно, выгодно, удобно!» — это про камбалу.

«Пейте советское шампанское!» — это специально для шоферов, чтобы не пили в дороге.

«Вокруг советских городов

Сажай клубнику всех сортов!» — хочется выйти и посадить.

«Лучшему строителю — право первого прыжка!» — это на строящемся лыжном трамплине. Бедный лучший строитель!

Читая проносающиеся мимо плакаты, Деточкин отвлекался от невеселых мыслей. Несмотря на замену номера, неприятностей можно было ожидать на любом километре пути.

Вдруг вдалеке, на обочине, ярким зеленым пятном возник неудачно покрашенный под цвет листвы милицейский мотоцикл. При виде инспектора ОРУДа Деточкин сбавил скорость — этот импульс присущ всем водителям. Беседа с инспектором как-то не входила в планы Юрия Ивановича. Он смотрел прямо перед собой, стараясь не встретиться взглядом с опасностью. Но инспектор повелительно вытянул руку, приказывая Деточкину остановиться. В голове, как дорожные плакаты, замелькали лаконичные, но выразительные мысли:

«Почему остановил?»

«Что я нарушил?»

«Знает или не знает?»

«Бегство — лучший вид спасения!»

«Но мотоцикл — самый лучший вид транспорта!»

И Деточкин притормозил. Мечтая отделаться штрафом неизвестно за что, он зажал в руке мятый рубль и на плохо гнущихся ногах пошел навстречу гибели.

— Товарищ начальник! — обычным угодливым голосом нарушителя занял Деточкин.

— Здравствуйте! — приветливо поздоровался старшина милиции. Он был немолод и устал от возни со своим сдко-зеленым мотоциклом. — Я вижу, вы один едете! Если не торопитесь, помогите мне завести этот драндулет. Тут одному не справиться!

— Завести мотоцикл?! — вскричал Деточкин, с трудом подавив желание расцеловать милиционера. — Обожжаю заводить! — Он переложил рубль в карман, отодвинул старшину в сторону и с удовольствием ударил ногой по педали.

Мотоцикл даже не чихнул.

— Аккумулятор подсел! — пожаловался инспектор. — Я давно прошу пересадить меня на другой мотоцикл.

— Со старым аккумулятором — это не жизнь, — посочувствовал Деточкин. — Раз-два, взяли!

Они выкатили мотоцикл на асфальт.

— Садитесь! — предложил Деточкин.

Инспектор уселся в седло.

— Вперед! — скомандовал Юрий Иванович. Он побежал по шоссе, как молодая счастливая мама, толкающая перед собой коляску с сыном.

Однако мотоцикл не подавал признаков жизни.

Деточкин взмок, но продолжал бежать.

— Стоп! — сказал старшина и перешел на дружеское «ты». — Я вижу, ты уморился. Давай я тебя покатаю!

— Смысла нет.

— Тогда вот что, — посоветовал инспектор, — подцепим к твоей «Волге». У тебя есть трос?

— Кто его знает, что там есть! — вырвалось у Деточкина, но он тут же поправился: — Да я не помню. Сейчас погляжу.

Он подскочил к «Волге», открыл багажник, достал оттуда металлический канат и победно помахал им в воздухе:

— Есть буксир!

Старшина и Деточкин общими усилиями прицепили мотоцикл к «Волге». Деточкин сел за руль машины, милиционер снова прыгнул в седло, и они покатали по шоссе, связанные одной веревочкой. Наконец непокорный мустанг чихнул и завелся. Проехав еще немного, они остановились. Деточкин отцепил канат.

— Спасибо, друг! — растроганно благодарил старшина. — Выручил.

— О чем разговор! — великодушно развел руками Юрий Иванович. — Человек человеку — друг...

— Точно, — подтвердил инспектор. — Случилась с тобой беда — ты мне помог, случись с тобой беда — я тебе помогу...

— А вместе делаем общее дело, — оживился Деточкин, — ты по-своему, а я по-своему...

И они улыбнулись друг другу.

— Скажи, брат, — спросил Юрий Иванович, — тут телеграф есть поблизости?

— Ты съезжай за мной! — предложил инспектор и возглавил автоколонну.

Теперь впереди ехал старшина на милицейском мотоцикле, а за ним неотступно следовал Деточкин на угнанной «Волге». В таком порядке они и прибыли в мотель.

Мотель — такая гостиница, где раньше всего заботятся об автомобиле, а потом уже о человеке. И, как ни странно, человека это вполне устраивает.

Машина здесь моется, отдыхает, поправляет свое здоровье, а ее владелец комфортабельно блаженствует в кругу себе подобных. Не привыкшее к ласке сердце автолюбителя тает от восторга, и он начинает думать, что иметь машину хорошо. Вечерами в холле можно участвовать в викторине на тему «Правила уличного движения», а на спортивной площадке сыграть в популярную культмассовую игру «Не уверен — не обгоняй». Те, кто не любит игр и предпочитает тихую жизнь, могут посмотреть в лекционном зале научно-популярный фильм «Несперключение света ведет к аварии!».

Деточкину предложили место на стоянке и номер с балконом. Юрий Иванович отказался. Он заторопился на телеграф и отправил товарищу Квочкину скорбную депешу:

«Слезно прошу оформить отпуск пять тире шесть дней свой счет связи катастрофическим состоянием здоровья любимого племянника заранее благодарен Деточкин».

А рядом, в телефонной будке, старшина милиции выслушивал сообщение о том, что если на его участке появится бежевая «Волга» № 49-04 МОТ, то ее следует задержать.

Деточкин и инспектор вместе вышли на улицу. Они зашагали вдоль стоянки, где собрались машины самых разнообразных марок и цветов. Заметив, что за руль бежевой «Волги», точно такой же, как у Деточкина, садится дородный седой мужчина, инспектор бросил Юрия Ивановича на произвол судьбы и побегал.

— Документы на машину, пожалуйста! — услышал Деточкин.

— Прошу вас! — И седой мужчина, на лацкане пиджака которого поблескивал лауреатский значок, полез за документами.

Деточкин, почуяв, что дело пахнет керосином, заспешил к бывшей семицветовской «Волге». Он включил двигатель и в зеркальце, укрепленном над рулем, увидел, что теперь инспектор идет к нему.

Когда у тебя нет документов на машину, а их собираются проверять, то бегство на самом деле лучший путь к спасению. Деточкин, не мешкая, лихо рванул с места.

Стремительный старт бежевой «Волги» показался инспектору подозрительным. Он подбежал к своему мотоциклу и ударил ногой по педали. Двигатель сразу завелся. Мысленно поблагодарив за это Деточкина, инспектор устремился за ним в погону.

Погоня! Какой детективный сюжет обходится без нее! В погоне может происходить все! Можно на обыкновенной лошади догнать курьерский поезд и вспрыгнуть на ходу на крышу купированного вагона! Можно запросто перескочить с одного небоскреба на другой! Можно пронестись на машине под самым носом электрички, хотя в действительности шлагбаум закрывают задолго до появления состава! Можно уцепиться за хвост реактивного лайнера, прыгнуть в океан в нужном месте и схватить за горло мокрого преступника!

Один бежит — другой догоняет. Таков непреложный закон жанра. Детектив без погони — это как жизнь без любви.

Деточкин выжимал из рядовой «Волги» все, что она могла дать. Инспектор тоже выжимал из рядового мотоцикла максимум скорости. Выжимали они приблизительно одинаково, и расстояние между ними не сокращалось. Их разделяли двести метров, проигранных старшиной на старте.

Они нудно мчались без всяких происшествий. На дороге не было препятствий, моторы работали исправно, горячее было в изобилии, нервы гонщиков не сдавали.

Неизвестно, как долго бы это продолжалось и чем закончилось, если бы Деточкину не бросился в глаза дорожный знак: «Осторожно, дети!». Рядом приказывал второй знак: «Скорость 20 км!». И напоследок огромный плакат взывал: «Водитель! Будь осторожен! Здесь пионерский лагерь!».

Деточкин любил детей. Он резко затормозил. Стрелка спидометра поползла вниз и замерла на цифре «20». Лицо Юрия Ивановича приняло мученическое выражение. Он видел, что инспектор приближается к нему с угрожающей быстротой.

Стиснув зубы, Деточкин продолжал ехать со скоростью двадцать километров в час. Инспектор был уже

совсем близко. Деточкин понял, что это конец! Ему хотелось закрыть глаза, но он боялся задавить пионера.

Инспектор примчался к роковому рубежу и поглядел на запрещающие знаки.

Инспектор тоже любил детей и в благородстве не уступал Деточкину. Хотя догнать бежевую «Волгу» не составляло сейчас никакого труда, старшина резко затормозил и тоже поплелся со скоростью двадцать километров в час! Лицо его страдальчески исказилось, но он держал себя в руках и упорно тащился в темпе катафалка.

Зато Деточкин, которого умилил поступок инспектора, воодушевился.

Теперь они ехали друг за другом на расстоянии каких-нибудь двадцати метров. А по обим сторонам шоссе в густой зелени виднелись светлые корпуса. Около них резвились пионеры. Им было категорически запрещено выбегать на дорогу.

Деточкин первым подъехал к концу детской зоны. Облегченно вздохнув, он сразу понесся как угорелый! Инспектор продолжал двигаться медленно. «Волга» удалялась!..

Но вот и инспектор тоже вырвался на свободу и устремился в бешеную погоню. Его отделяли от «Волги» прежние двести метров. Все началось сызнова!

Шоссе, по которому они мчались, пересекала автострада. Этот перекресток был новейшим сооружением в два этажа с поворотными бетонированными кругами. Сверху он, как известно, напоминал клеверный лист или две гигантские восьмерки.

Деточкин решил воспользоваться сложным переплетением дорог и уйти от старшины. Деточкин повернул направо.

В свою очередь инспектор, надеясь перехитрить преследуемого, повернул налево, чтобы встретиться с ним лицом к лицу...

Началась диковинная гонка. Одурев от долгой погони и потеряв всяческую ориентацию, водители то мчались в разные стороны, то неслись навстречу друг другу, то инспектор оказывался впереди Деточкина, и тот его старательно нагонял, то они менялись местами. Одним словом, была полная неразбериха.

Вдруг Деточкин увидел впереди тягач, который тащил за собой длинную пустую платформу. Деточкину пришла в голову дерзкая мысль.

Он с ходу вогнал свою «Волгу» на движущуюся платформу и затормозил. Милиционер проскочил мимо, удивляясь, куда девался преследуемый.

Водитель тягача спокойно жевал булку с любительской колбасой и ничего не подозревал, а Деточкин покатался на платформе, пока ему не надоело, затем дал задний ход, снова съехал на шоссе, и... тотчас же милицейский мотоцикл оказался рядом.

— Попался, брат! — торжествующе произнес инспектор.

— Да уж... попался... — согласился Деточкин.

— От милиции не уйдешь... — И, как водится, именно в этот момент мотоцикл чихнул и заглох!

Деточкин высунулся в окно и с удивлением отметил, что мотоцикл сначала отстал, а потом и вовсе остановился. Деточкин тоже остановил «Волгу», но на почтительном расстоянии.

Инспектор сполз с мотоцикла.

— Ты погоди, не уезжай! Понимаешь, опять аккумулятор!

— Я тебя предупреждал, — отозвался Деточкин, — со старым аккумулятором — это не жизнь!

Инспектор стал приближаться к «Волге».

Деточкин слегка нажал на газ. Машина тронулась с места. Деточкин соблюдал дистанцию. Так они и беседовали, словно инспектор ОРУДа вышел на шоссе проводить Юрия Ивановича и давал ему вдогонку последние дружеские наставления.

— Я этого всегда боялся! — сознался инспектор. — Будет важная работа, и он подведет! Вот не пересадили меня на новый мотоцикл!

— Сочувствую! — вздохнул Деточкин. — Не повезло тебе!

— Зато тебе повезло!

— Из нас двоих кому-то должно было повезти! — резонно заметил Юрий Иванович.

— А чего ты от меня удираешь? — вдруг спросил инспектор.

— Привычка! — ответил Деточкин. — Ты догоняешь, я удираю!

— И у меня привычка! — поддержал шутку старшина. — Ты удираешь, я догоняю! Вышел бы, друг, помог завести мой мотоцикл. Подцепили бы к «Волге», как в прошлый раз... — Хотя на машине Деточкина стоял

другой номер, а не «49-04 МОТ», инспектор превосходно понимал, что здесь дело нечисто.

— Э, нет, брат, — улыбнулся Юрий Иванович. — Я уже убедился, как ты отвечаешь на доброту... Счастливо тебе, и не поминай лихом!

И Деточкин пустился наутек!

Глава десятая,

в которой следователь узнал, кто угоняет машины

Прибыв к осиротевшему гаражу Семицветовых, Максим Подберезовиков сразу выдвинул рабочую гипотезу: тут не обошлось без автокрана! Всякая догадка нуждается в подтверждении, и поэтому был проведен так называемый следственный эксперимент.

Во двор вызвали автокран. Правда, приехал не тот кран, который действовал ночью, но для эксперимента это не имело значения. Максим попросил Диму запереть гараж на замок. Затем Подберезовиков в точности повторил все ночные манипуляции вора, и, к восторгу многочисленных зевак, запрудивших двор, кран неприступно поднял гараж в воздух.

Максим торжествовал. Таня гордилась любимым следователем. А Диме было не по себе оттого, что он сделался центром внимания.

С тех пор как преступник умудрился угнать семицветовскую «Волгу», Подберезовиков стал особенно популярен в следовательском отделе. Его коллеги в складчину приобрели для Максима ценный подарок.

Когда следователь вместе с помощницей, вернувшись с места происшествия, подвергал кропотливому анализу цепь роковых событий, дверь неожиданно распахнулась и в кабинет своим ходом шумно въехала игрушечная, заводная бежевая «Волга». На ней был прикреплен бумажный номер «49-04 МОТ».

Видя, что из коридора за ним выжидающе наблюдало двадцать пар глаз, Максим не растерялся. Он бросился к машине, схватил ее и прижал к груди обеими руками.

— Таня! — ликующе закричал Максим. — Я ее поймал! Потому что весь коллектив, как один человек, пришел ко мне на помощь! Можно писать рапорт начальнику!

— Зачем писать? — крикнули из коридора. Там хотели, чтобы последнее слово осталось за ними.— Доложишь устно. Он тебя вызывает!

— Вот это уж неостроумно! — парировал Максим.

— Зато правдиво! — немедленно последовало в ответ. Зазвонил телефон. Таня сняла трубку, и оказалось, что Максима действительно требует начальник.

Подберезовиков отдал игрушку Тане.

— Заприте ее в нескороаемый шкаф! — громко, чтобы слышали в коридоре, распорядился Максим.— И поставьте часового, а то дерзкий бандит не постесняется угнать ее и отсюда!

И он направился к начальнику, провожаемый одобрительными взглядами товарищей, оценивших его выдержку.

Справедливо ожидая разноса, Максим нервно переступил порог кабинета Георгия Сергеевича Калужского. Начальник поднялся из-за стола во весь свой двухметровый рост.

— Максим, вы удивитесь, но я вам завидую! — Предугадать ход мыслей Калужского было всегда невозможно, и Максим напряженно ожидал, что произойдет дальше.— Волчий капкан,— всеело продолжал начальник,— японский замок, автокран — романтика! Вам все завидуют! Правда, вы не можете поймать преступника, но это уже мелочь! Зато вы с интересом наблюдаете, как разворачиваются события. Сознайтесь, вам нравится незаурядный жулик? Он неустанно угощает вас чем-нибудь новеньким. Может быть, он талантлив? Может быть, он талантливее вас?

— Очень может быть,— подавленно согласился Максим.

— Вы прекрасно устроились,— в той же насмешливой интонации продолжал Калужский.— Он будет себе угонять машины, а вы будете себе получать зарплату!..

— Но, Георгий Сергеевич...— взмолился Подберезовиков, чувствуя себя идиотом.

— Шутки шутками,— перебил Калужский,— но эта история стала уже скандальной. Мы назначили вас вместо несправившегося Чуланова, потому что вы подавали надежды. Но хватит подавать надежды, подавайте преступника!

Максим чувствовал свою вину и молчал.

Вконец добивая подчиненного, Калужский спросил:

— Скажите, Максим, какого цвета игрушечный автомобиль вам надо будет дарить в следующий раз?

Подберезовиков, убитый горем, вернулся к себе в кабинет. Таня не выдержала. Она решила спасти дорожного человека.

— Я вас люблю, Максим Петрович! — твердо заявила Таня.

Но объяснение не получилось. Как и следовало ожидать, Подберезовиков понял ее неправильно.

— Не надо меня утешать! — сказал Максим. — Я вас тоже люблю. Давайте-ка лучше задумаемся над странным влечением нашего друга именно к машине Семицветова.

Таня покорно снесла и это. Она знала, что ее удел — страдать!

Чтобы найти ключ к мучившей его загадке, Подберезовиков решил поближе познакомиться с личностью потерпевшего.

Раньше всего он направился к управдому. Следователь трижды приходил в часы приема, указанные в объявлении, но каждый раз дверь была заперта. Наконец ему удалось поймать водопроводчика. Он утешил Максима тем, что жильцы гоняются за управдомом месяцами — и ничего, живут... А от управдома все одно никакой пользы...

Максим не стал с ним спорить. Он поднялся лифтом на верхний этаж, намереваясь посетить соседей Семицветова.

— Вы что же, меня подозреваете в краже? — в упор спросил Ерохин из квартиры № 398.

— Что вы? — удивился Максим. — Но я хотел бы спросить, не подозреваете ли вы кого-нибудь?

— А я у вас сыщиком не служу! — Ерохин не выказывал желания продолжать разговор.

— Но машину-то угнали! — не унимался Максим. — Надо найти!

И тут Ерохин не сумел скрыть неприязни к своему соседу. И этому была причина — Ерохин не терпел паразитов.

— Я за Семицветова спокоен! Он новую купит! — И перешел в атаку на следователя. — До чего у вас профессия противная — выпытывать, выслеживать...

— А по-вашему, — в тон ответил Максим, — пусть себе воруют, расхищают?

— А они и так крадут и тащат. И дачи возводят! А вы им машины ищите, уважаемый товарищ следователь!

— Вы что же, хотите сказать, что Семицветов — жулик?

— Нет,— возразил Ерохин,— заявлять — это не по моей части!

— Понятно! — сказал Максим.— До свидания!

— Прощай! — поправил его дотошный Ерохин.

В комиссионном магазине царила обычная торговая сутолока. Среди продавцов не было видно Димы. Его загнала в угол усатая покупательница с полновесным бюстом.

— Димочка,— шептала она басом прямо ему в лицо,— вы позвонили, и я тут как тут!

— Есть магнитофон «Грюндиг»,— сообщил Дима, тщетно пытаясь высвободиться. — Стерефония. Идеальное состояние. Элегантный внешний облик. То, что вам надо!

— Выпишите, пожалуйста! — даже не поглядев магнитофона, согласилась женщина-усач.— Я все помню...— кокетливо намекнула она.

Дима решил внести поправку. Он растопырил пять пальцев на одной руке и дополнительно показал три пальца на второй.

— Мы же договорились — пять! — охнула покупательница.

— У меня изменились обстоятельства! — невозмутимо доложил Дима. Они в самом деле изменились: Дима начал копить на новую машину.

Но сделка не успела состояться. Семицветов внезапно увидел следователя, который подходил к прилавку.

Дима похолодел. Он грубо оттолкнул даму и метнулся на свое рабочее место.

Продавец не знал, что Подберезовиков сначала посетил директора магазина. Тот выдал Диме превосходную аттестацию:

— Семицветов — гордость комиссионной торговли! Семицветов — это чуткость и отзывчивость! Семицветов — это знание продукции и проникновение в душу потребителя! Семицветов — это фотография на доске передовиков!

— Я вижу, Семицветов — ваша слабость! — улыбнулся Максим.

— Семицветов — моя сила! — гордо объявил директор. Он был убежден в непогрешимости продавца.

— Здравствуйте, товарищ Семицветов! — поздоровался следователь, удивившись, что в таком заштатном теле помещается столько добродетелей.— Когда вы освободитесь, я хочу с вами поговорить.

— Я свободен! — пролепетал Дима. И про себя добавил: «Пока свободен!» Он был убежден, что Подберезовиков слышал его разговор с усатой хищницей.

И, как бы в подтверждение его догадки, следовательно сказал:

— Вы сначала закончите с гражданкой ваши дела!

Потными от страха руками Семицветов выписывал чек на пресловутый «Грюндиг». Подберезовиков терпеливо ждал, дама поплыла в кассу. Максим с интересом рассматривал дорогой магнитофон.

— Может, вам нужен такой аппарат? — с надеждой спросил Семицветов.

— Спасибо, не нужен, — ответил Подберезовиков.

И в этот момент послышалось то, что сейчас больше всего боялся услышать Дима:

— Димочка, можно вас на минутку? — И усатая гренадерша сделала попытку снова загнать Семицветова в угол. На Подберезовикова она не обращала никакого внимания. Ей было невдомек, что это следовательно.

— Пожалуйста, заберите вашу покупку! — стойко оборонялся Дима.

Увидев, что он не идет в угол, дама навалилась на прилавок и попыталась тут же всучить мзду.

— Не оскорбляйте мое достоинство советского продавца! — громко возмутился Семицветов.

— Но как же... я так не могу... — сконфузилась покупательница и предательским шепотом добавила: — Мы же договорились!

Максиму стало интересно.

— С кем и о чем вы договорились? — снова чересчур громко спросил Дима. Он переиграл и этим выдал себя. А Максим недаром был актером.

Женщина окончательно растерялась. Усы ее поникли. Она схватила в охапку тяжелый магнитофон и с позором выкатилась из магазина.

— Унижают меня, третируют, топчут, — жалобно сказал Дима, ища поддержки у следователя.

— Я вам сочувствую! — не без сарказма заметил Максим. — И машину у вас угнали! Вы невезучий!

— Это правда! — согласился продавец.

— Почему же вы не спрашиваете о судьбе вашей «Волги»? — жестоко любопытствовал Максим.

— Я еще не успел, — неуклюже оправдался Дима. — А есть какие-нибудь новости?

- Нет! — сухо ответил Максим.
— Вы... Вы пришли еще что-нибудь узнать?
— Спасибо, я уже узнал.

И следователь покинул помещение.

Диме и правда не везло. Вернувшись домой в этот трагический день, он застал у себя Сокол-Кружкина.

— Я погиб! — с порога сообщил Дима. — Меня застукали! — И поведал родичам о визите следователя.

— Тебя посадят! — бодро сказал тесть. — А ты не воруй!

— Вы же у меня в доме! — огрызнулся Дима.

— Твой дом — тюрьма! — расхохотался Сокол-Кружкин.

— Папа! — решительно вмешалась Инна. — Твои казарменные шутки сегодня неуместны!

— Что же делать? Что же делать? — Дима не находил себе места.

— Сухари сушить! — от души посоветовал тесть.

— Надо дать следователю в лапу! — внесла предложение практичная Инна.

— Ты сошла с ума! — вздрогнул супруг.

— Надо дать много, и тогда он возьмет! — сказала Инна.

— Молчать! — зашелся Семен Васильевич. — Смирно! Не допущу! Позор!

Инна не позволила ему продолжать.

— С твоими поучениями, папочка, ты лучше бы выступал на рынке!

— Я торгую клубнику, выращенную собственными руками! — Семен Васильевич показал натруженные ладони. — А за взятки не то что зятя, родную дочь сотру в порошок!

Дима заплакал! Он плакал оттого, что, как сапер, подорвался на mine, что зазря потерял восемьдесят рублей, что надо будет всучить следователю взятку, а это страшно, оттого, что тесть у него мерзавец, и вообще оттого, что плохо быть вором в этой стране!

Сокол-Кружкин с презрением посмотрел на ревущего зятя и сказал, садясь к обеду:

— Ничего! В тюрьме тебя перевоспитают. Лет через десять вернешься другим человеком!..

Дима три дня носил в кармане изрядную сумму, упакованную в конверте с идиллическим рисунком, но не решался идти к следователю. На четвертый день Инна запихнула в такси сопротивляющегося мужа и привезла его к зданию прокуратуры.

Когда Дима поднимался по лестнице, от страха его подташнивало. В коридоре он начал икать и стал двигаться толчками в такт икоте. Он был столь взволнован, что ввалился в кабинет Подберезовикова, не постучав. Встретившись взглядом со следователем, Дима интуитивно осознал, что если он вручит конверт, то уже не выйдет из этого здания без конвоя.

И вдруг случилось самое страшное: Дима лишился дара речи!

— Здравствуйте! — недоуменно сказал Максим, не ожидавший посетителя.

Дима хотел ответить, но не сумел. Он только кивнул.

— Что-то опять случилось? — спросил следователь.

Дима отрицательно помотал головой.

— Что с вами? Вы плохо себя чувствуете?

Дима вновь примитивно кивнул.

Максим налил в стакан воды и протянул немому.

Дима покачал головой. Он по-прежнему не мог вспомнить ни одного слова.

Ситуация стала забавлять Максима.

— Зачем вы пришли?

Ответить на подобный вопрос было чересчур сложной задачей для начинающего мима. Сделать то, ради чего он явился, — достать из кармана конверт и передать следователю — Дима почему-то не хотел. Он застыл как истукан, глупо моргая.

— Знаете, у меня нет времени играть с вами в молчанку! — прикрикнул Максим.

Дима обрадовался. Наконец у него появился предлог уйти, и уйти без вооруженного сопровождения. Он попятился к двери. На выходе, в предчувствии свободы, у него прорезался голос.

— Я пошел... — сказал Дима.

Правда, очутившись в коридоре, Дима не пошел, а побежал. Он вылетел на улицу, пронесся мимо жены и скрылся за углом.

Чтобы догнать сбежавшего, Инна снова прибегнула к помощи такси.

— Ну? — зашипела Инна, перехватив бегуна. — Что ты мчишься? Разве за тобой гонятся? Он взял, да?

— Ты — дура! — первый раз назвал жену ее настоящим именем Дима Семицветов...

Максим Подберезовиков переживал трудные дни. Как у всякого одаренного человека, у него было, конечно,

чрезмерно развитое чувство самокритики. Он обзывал себя всякими нехорошими словами. Но это не помогало раскрытию преступления. Единственной услугой Подберезовикова оставались те вечера, когда он приходил во Дворец культуры и приобщался к гению Шекспира. Но последние две репетиции были отравлены тем, что не являлся партнер Максима — Деточкин.

Подберезовиков направился к нему домой выяснить, в чем дело.

— Я из Народного театра, — представился Максим маме Деточкина.

Антонина Яковлевна встретила его радушно. Она скучала и была рада любому гостю.

— Я очень довольна, что Юра играет в театре. По-моему, у него есть способности. Я ненавижу юрины командировки! — продолжала мама, как обычно, без всякой связи. — Всегда срывается среди ночи и исчезает. Люба права — тут что-то неладно...

— Кто это Люба? — едва успел вставить Максим.

— Юрина невеста. Он какой-то несовременный — очень долго за ней ухаживает... Она водит троллейбусы — славная женщина! Они познакомились, когда он пришел ее страховать... Какие у страхового агента могут быть командировки? Почему он возвращается нервный? А на этот раз он заявил Любе, что поедет не в Тбилиси, а еще куда-нибудь. Вы мне можете объяснить, что все это означает? Вы кто по профессии?

— Следователь! — Максим слушал монолог словоохотливой мамы Деточкина с возрастающей внутренней тревогой.

— Вот вы и разберитесь! — отреагировала на профессию Максима Антонина Яковлевна. — Когда я была молоденькой, за мной тоже ухаживал следователь, но я вышла замуж за красноармейца.

— А когда Юрий Иванович уехал? — спросил Подберезовиков с тайной надеждой.

— На нашей свадьбе гулял весь полк. Мы пели «Наш парол, вперед лети, в коммуне остановка», — продолжала вспоминать мама. — Вы знаете эту песню?

— «Иного нет у нас пути, в руках у нас винтовка», — закончил Максим. — Когда он все-таки уехал?

— Трое суток назад, ночью, — сказала Антонина Яковлевна. — Представьте себе, самое поразительное: он заехал прощаться к Любе на какой-то «Волге»!

— Может, это было такси? — Следователь должен быть человеком, который всегда сомневается.

— Нет, он сам был за рулем.

— Разве Юрий Иванович умеет водить машину?

— Еще бы! — с гордостью сказала мама, не подозревая того, что творит.— Десять лет шофером работал, потом в аварию попал. У него было сотрясение мозга. Он лежал у Склифосовского. Я тоже не выходила из больницы. Врачи посоветовали Юре пока не ездить. И он пошел в страховые агенты, временно конечно. Я так хочу, чтоб они поженились! Я мечтаю о внуке или о внучке, мне все равно!

Максим улучил удобный момент, поспешно распрощался и ушел.

Он был потрясен своим открытием.

Он вспоминал, и воспоминания жгли его сердце.

Деточкин проявлял болезненный интерес к поиску главаря...

У Деточкина болела нога как раз на следующий день после истории с волчьим капканом...

Деточкин горячо защищал толстенького... Деточкин обычно курил «Беломор», но тогда у него оказались сигареты «Друг»...

Наконец, Деточкин исчез той самой ночью, когда у Семицветова угнали машину...

Улики? А может быть, совпадения?

Нет, это улики! Но косвенные, а не прямые!

Тут Максим, который шагал по вечернему городу, остановился.

Он ясно увидел перед собой доверчивые, добрые, грустные глаза Юрия Ивановича, которые смотрели на него с укором.

И Максим осудил себя за дешевую подозрительность, за пристрастие к первой, поверхностной версии, за оскорбление дружбы.

«Юрий Иванович — скромный работяга, небогато живет, любит искусство. Как он грандиозно репетирует! Как он правдив и естествен!

Нет, конечно, не Юрий Иванович крадет автомобили!

А может быть, все это маскировка?»

Максим опять зашагал по улице, ускоряя темп.

«Конечно, Деточкин притворяется! Он актер не только в Народном театре, но и в гуще народной жизни! Ведь я сам сообщил ему, что снял слежку с семицветов-

ской машины, и он тотчас же нагло воспользовался моей откровенностью! Это не я оскорбляю дружбу, а Деточкин втоптал ее в грязь!»

Максим бежал и бежал по ночной Москве. Он задыхался. Он перестал бежать, остановился и обнял фонарный столб.

Подберезовиков являл собой образец сомневающегося следователя, и это было прекрасно!

Казалось, все нити вели к виновности Деточкина, но Подберезовиков упорно боролся с логикой. Сердце подсказывало ему, что тут дело не просто!

«Может, я ошибаюсь? — терзал себя Максим.— Может, я поддался на болтовню пожилой женщины? Надо еще раз тщательно все взвесить. У меня сдают нервы. Я готов посадить друга. Юрий Иванович не должен быть виновным!..»

Максим вернулся домой. Он не спал ночь. Он страдал. Его мысли путались. Он изо всех сил сдерживал себя и остерегался выводов. Он сопоставлял факты. Он опровергал факты. Он ходил по комнате. Он пил кофе.

«Каждый преступник совершает свое преступление не ради удовольствия, а с конкретной целью. Для чего Деточкину похищать машины? Что делает он с таким количеством денег? Копит? Не похоже! Предается разгону? Тоже маловероятно.

Нет, Юрий Иванович не преступник!..»

А утром следователь побежал в районную инспекцию Госстраха, все еще надеясь, что Юрий Иванович послан в командировку на служебной машине.

Но Яков Михайлович Квочкин окончательно разоблачил страхового агента:

— У Деточкина уйма хилых родственников. На этот раз вышел из строя его любимый племянник.

В душе Максима все оборвалось и рухнуло. Его положение стало отчаянным: вина Деточкина была теперь бесспорной!

Заставив себя отбросить эмоции, Подберезовиков приступил к выполнению служебного долга. К концу дня в кармане следователя лежало подписанное прокурором постановление на арест Деточкина Ю.И., обвиняемого в краже автомобилей!

Глава одиннадцатая,

в которой человек, укравший машину, торопится от нее избавиться

Мерно шумело море. Отдыхающие, поверившие плакату, что Рижское взморье — лучшее место для отдыха, мерзли на песчаном берегу, не решаясь войти в холодную воду. Все были счастливы, так как сегодня не шел дождь. На пронизывающем ветру дрожали вековые сосны, распространяя вокруг себя полезный для здоровья аромат.

К пляжу подъехала бежевая «Волга», та самая. В отличие от других машин, из которых выскакивали полуголые курортники, из этой никто не вышел.

Рядом с Деточкиным, на переднем сиденье, отсчитывал деньги добротнo откормленный эlegantный мужчина с набриолиненными жидкими волосами.

— Десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать... — степенно перебирал рублевые бумажки покупатель машины.

— С ума сойти! — нервничал Деточкин. — У вас что же, все деньги рублями?

— По-старому это десять рублей, и, пожалуйста, вы что, не считаете рубль за деньги? Четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать...

— Это не по-честному! — был недоволен Деточкин. — Как я потащусь с охапкой денег?

— И, пожалуйста, не сбивайте меня, а то я вынужден буду начать сначала. Семнадцать, восемнадцать, девятнадцать...

Деточкин смирился и замолчал. У него не было другого покупателя. Вот уже три дня он мотался по Риге и ее живописным окрестностям, но никто не хотел покупать машину без документов. Положение Деточкина было отчаянным, как вдруг подвернулся этот тип.

Он считал очень долго. Невдалеке продрогшие курортники с ожесточением играли в волейбол. Некоторые согревались другим способом: отхлебывали из термосов горячий чай или из бутылок — более крепкие напитки.

Покупатель все еще считал. Кажется, он приближался к концу. Деточкин мысленно поблагодарил его за то, что он не припас мелочи.

— ...5498, 5499, 5500, — закончил подсчет бесстрастный голос. — Все!

— Почему у вас деньги одними рублями? — не отставал Деточкин. — Это что-то подозрительно, нехорошо!

Новый владелец «Волги» насмешливо поглядел на Юрия Ивановича.

— Разве вы прокурор? Я же не интересуюсь, откуда у вас машина и почему на нее отсутствуют документы.

— А я могу ответить, — нисколько не смутился Деточкин. — Я угнал машину. Могу сообщить, у кого и за что...

— Сыграем в эту игру, — усмехнулся покупатель. — Я — пастор! Эти рубли — пожертвования моих прихожан. Ему! Но — осталось немножко...

— И вы верите в бога? — поинтересовался Деточкин.

— Все люди верят, одни верят, что бог есть, другие верят, что бога нет. И то и другое недоказуемо... Будете пересчитывать?

— Буду! — И Юрий Иванович приступил к обязанностям кассира.

Летний день клонился к вечеру. Надев мохнатые свитера или пальто деси, курортники пересключались на новый вид отдыха. Толпа фланировала по берегу, увязая ногами в песке. Отдельные сумасшедшие пребывали в купальных костюмах, мужественно борясь с обледенением тела.

Деточкин вышел из «Волги», держа вздувшийся портфель, битком набитый рублями.

Пастор лихо развернул машину и умчался на проповедь.

А Деточкин пешком потопал на станцию и стал ожидать электричку.

Приехав в Ригу, он зашел в почтовое отделение и от имени Петрова Петра Петровича перевел тюк денег в город Метельск. Предварительно он проделал странные расчеты: из суммы в 5500 рублей он вычел 16 рублей — стоимость обратного билета в Москву на поезде вместе с постельным бельем, потом отбросил 13 рублей — командировочных, по 2 рубля 60 копеек в сутки, и 8 рублей 10 копеек — стоимость бензина на перегон машины из Москвы в Ригу. Получилось 5462 рубля 90 копеек. Из этой суммы он отнял стоимость почтового перевода — 109 рублей 25 копеек. Вот эту итоговую сумму, 5353 рубля 65 копеек, он и перевел почему-то в город Метельск.

Садясь в купированный вагон скорого поезда Рига —

Москва, Деточкин дал себе клятву покончить с подобными делами. Никогда в жизни он не дотронется больше ни до одной чужой машины!

После каждой автомобильной авантюры Деточкин определенно решал, что именно этот случай — последний.

Уже подъезжая к Москве, Юрий Иванович привел в порядок документацию. Он достал из портфеля отчетную ведомость на выплату командировочных и в графе «фамилия» четко вывел «Деточкин Ю.И.». В рубрике «количество дней» он проставил цифру «5», расписался в получении денег, а затем приобщил к ведомости железнодорожный билет и квитанцию на перевод. Формальности были соблюдены.

В воскресенье утром поезд прибыл на станцию назначения. Деточкин с опаской вышел на перрон и привычно огляделся по сторонам. Никто к нему не подошел и не приказал «руки вверх!».

Юрий Иванович отыскал телефон-автомат и, волнуясь, набрал домашний номер.

— Мама, это я! — с напускной бодростью сказал Деточкин. — Я только что приехал. Я здоров! — Он выдержал небольшую паузу. — Дома все спокойно? Никто не приходил?

— Ты доигрался в своем Народном театре, — обрадовала сына мать. — К тебе заходил следователь!

Глава двенадцатая,

в которой следователь и преступник выясняют отношения

— Когда ко мне приходил следователь? — спросил Деточкин, едва переступив порог родного дома.

— Позавчера, — ответила мама, подставляя щеку для поцелуя. — Ты пропустил по телевизору такой футбольный матч! Яшин стоял как бог!

Деточкин поцеловал маму.

— Что он обо мне спрашивал?

— В библиотеке «Огонька» вышел Мельников-Печерский. Я открываю его наново. Он ничего не спрашивал!

— А что ты ему наговорила? — Деточкину был знаком общительный характер Антонины Яковлевны.

— Я, как всегда, молчала. Я рта не раскрыла! — сказала мама, убежденная, что так и было.

— Почему он приходил? — настойчиво спрашивал сын. — Он беспокоился, что я пропустил репетицию? Или у него была другая причина?

— Ну разве может возникнуть причина для прихода к тебе следователя?

— Мама, я твой сын!

— Каждый день узнаешь что-нибудь сенсационное! — улынулась Антонина Яковлевна.

Как и все мамы, она не сомневалась, что ее сын — кристальной души человек, почти святой! Всю свою жизнь она воспитывала в Юре любовь к справедливости. Справедливость была коньком мамы Деточкина. Сейчас, с уходом на пенсию, она целиком посвятила себя служению этой безупречной идее. Встречаясь с недостатками, Антонина Яковлевна не проходила мимо и успешно боролась с ними при помощи писем в газеты. Пока Деточкин расправлялся с семицветовской «Волгой», мама прорядила не менее трудную операцию. Мама добилась закрытия «забегаловки», рассадника зла и порока, и теперь в освободившемся помещении шла стрельба. Здесь разместили тир данного микрорайона.

— Ты всегда возвращаешься из своих командировок взвинченный, — заметила мама. — Успокой свои нервы. Пойди в тир и постреляй в цель!

— Пожалуй, сегодня я промахнусь! — сказал Деточкин.

Он чувствовал себя скорее мишенью, нежели стрелком. Весь воскресный день он потратил на мучительные размышления: идти вечером на репетицию или избежать встречи с Максимом!?

«Подозревает меня следователь, или он заходил как товарищ по сцене?» Деточкин не мог перенести проклятой неизвестности и мужественно отправился во Дворец ставить точки над «i».

Когда Юрий Иванович объявился в зрительном зале, режиссер учинил ему скандал. Постановщик орал, что Деточкин подводит всю команду, что предстоит решающая игра, то бишь премьера, и что он переведет его в дублирующий состав! В заключение режиссер сунул ему в руки длинную шпагу и погнал на сцену биться с первым попавшимся.

Когда пришел Максим, режиссер заодно намылил шею и ему. Максим тоже получил оружие и был послан на сцену схватиться с Деточкиным, как и полагалось по сюжету.

Так они и встретились, со шпагами в руках.

— Защищайтесь, сударь! — угрожающе сказал Максим. Впервые в жизни он приступил к допросу на освещенной сцене и в берете с пером.

— К вашим услугам! — в тон ответил Деточкин, пытаясь прочесть на лице Максима свою судьбу.

Следователь был непроницаем. Он стал в позицию и почувствовал, как во внутреннем кармане прошелестело постановление об аресте.

Деточкин тоже принял позицию.

Шаги их скрестились!

— Я имею честь напасть на вас! — жестко сказал Максим.— Где вы пропадали?

— Черт возьми! — крикнул Деточкин, скрывая волнение. Он не знал, что следователь был в Госстрахе, и допустил промах. — Я ездил в командировку!

В пылу сражения участники не замечали, что разыгрывают сцену скорее по Дюма, чем по Шекспиру. Режиссер не мог прийти в себя от изумления.

— Как здоровье любимого племянника? — безжалостно спросил следователь, делая свой главный выпад.

— Какого племянника? — бессмысленно запирился Юрий Иванович.

— А волчий капкан? А больная нога? А сигареты «Друг»? — наносил удар за ударом Максим.

Точка над «i» была поставлена, и не одна!

Юрий Иванович осознал, что попался. У него помутилось в глазах. Подберезовиков понял, что пора переходить к следующему акту пьесы, где главным действующим лицом станет вышеупомянутое постановление.

— Прекратите отсебятину! — закричал из зала взбешенный режиссер. — Во времена Шекспира не было сигарет «Друг». И потом, почему вы перешли на прозу?

Деточкин, продолжавший по инерции размахивать оружием, с перепугу хватил противника по голове. Бедный Максим сразу же рухнул как подкошенный.

— Шпаги в ножны, господа, шпаги в ножны! — неожиданно для самого себя приказал режиссер, ставивший сцену дуэли и не по Дюма, и не по Шекспиру, а по модной в нынешнем футболе бразильской схеме 4—2—4.

Режиссер кинулся к Подберезовикову и убедился, что тот жив. Вместе с Деточкиным, который шептал оправдательные слова, они подняли тело с поля и отнесли на диван. Максим скоро пришел в себя. Успокоенный режиссер оставил противников наедине. Юрий Иванович положил на лоб следователю мокрую тряпку.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Деточкин, участливо заглядывая в глаза своей жертвы.

— Вашими заботами! — с иронией ответил Максим.

Деточкин возложил ему на лоб новую холодную повязку.

— Именно вас я никак не хотел ударить, даже нечаянно!

— Да, это мне понятно! — саркастически заметил Максим.

— Ничего вы не понимаете! — с горечью вырвалось у Деточкина.

Подберезовиков внутренне согласился с ним. Он действительно еще не все понимал. Совесть не позволяла ему пустить в ход постановление об аресте, пока он не доберется до самой сути: что же толкнуло Деточкина на скользкий путь? Следователь настойчиво подавлял в себе теплые чувства, которые, несмотря ни на что, вызывал в нем неуклюжий, чуточку смешной Деточкин. Подберезовиков сбросил со лба повязку и встал.

— Нам надо поговорить!

Деточкин печально кивнул.

— Надо!

Они вышли на улицу и шли рядом, как магнитом притянутые друг к другу.

Оба не отваживались начать решающий разговор.

Они проходили мимо «Пивного зала».

— Зайдем! — нарушил молчание преступник.

— Зайдем! — печально согласился следователь.

«Пивной зал» был похож на баню — дикая жара, стены из белого кафеля и столы из мраморной крошки. Густой табачный дым вполне заменял клубы пара, пивная пена — мыльную, пиво лилось, как вода, и действительно воды в нем хватало, но особенно дополнял сходство глухой гомон голосов.

При входе в «Пивной зал» посетители инстинктивно оглядывались, ища глазами шайку. Шайка здесь тоже была — ее возглавлял Филипп Картузов.

Подберезовиков и Деточкин отыскивали свободный столик, заказали пива и раков. Не прошло минуты, как им подали. Картузов требовал от официанток гоночного обслуживания. Клиенту не давали опомниться. Заказы выполнялись мгновенно. Это приводило неизбалованного едока в отличное расположение духа. Он лакал разбавленное пиво и радовался.

Время от времени в зале появлялся Филипп, важный и недоступный. Он хозяйским оком окидывал баню. Убедившись, что предприятие работает на всю катушку, методично наматывая для него золотые ниточки, Филипп величественно удалялся.

Деточкин и Подберезовиков не замечали окружающей среды. Они не сводили глаз друг с друга. Все остальное было для них как бы не в фокусе.

— Откуда ты такой взялся? — допытывался Максим. — Мама у тебя хорошая, про паровоз поет. — Тут он окинул Юрия Ивановича подозрительным взглядом. — Простите, а вы не псих?

— Нет, у меня и справка есть.

— Артист! Хороший артист! Я всегда говорил: настоящий жулик, как правило, настоящий артист!.. А человек вы осмотрительный, — продолжал Подберезовиков, — крали только у тех, кого вы считали жуликами. Я об этом давно догадался.

Деточкин не стал возражать.

— Вы надеялись, что это послужит на суде смягчающим обстоятельством. Возможно, вам скинут годик со срока...

Деточкин застенчиво молчал.

— Как вы докатились до этого? — выпрашивал Подберезовиков. — Ну объясните же мне!

— Ладно, — нарушил молчание припертый к стене Деточкин. — Я расскажу вам, как все это началось...

И Юрий Иванович поведал Максиму, как сразу после больницы пошел работать в гараж при торговой базе. В этом государственном учреждении процветала частная инициатива, и Юрию Ивановичу это не понравилось. Воспитанный мамой в любви к справедливости, он восстал! Но сплоченная компания дельцов своевременно выгнала его «как не справившегося с работой». Деточкин озлобился. Он остался на мели. Ему срочно нужно было подработать. Он взялся перегнать только что купленную машину в другой город. Перегнать, а не угнать! В пути хозяева разоткровенничались, и Деточкин сообразил, что везет таких же расхитителей народного добра, с какими он общался на торговой базе. Один был крупный специалист по «стройматериалам» — вагонами крал. Его приятель ведал путевками — и тоже недурно жил. Юрий Иванович вспылil. Он как бы нечаянно заглушил мотор, велел своим пассажирам выйти на шоссе и толкать «Волгу» сзади, пока она не заведется. Частники вылезли и стали усердно толкать. Они хорошо толкали, «Волга» завелась, и Юрий Иванович уехал, оставив жуликов на дороге.

— Я слышал эту легенду, но не знал, что она про вас, — сказал Максим.

— Про меня, — согласился легендарный Деточкин.

— Сколько вы всего продали автомобилей? — официально допрашивал Подберезовиков.

— Четыре!

— Допустим, четыре! — Следователь быстро считал в уме.— Это в старых деньгах выходит почти четверть миллиона.

Деточкин молчал.

— Приличные деньги! — допекал его Максим.

Деточкин молчал.

— Можно сказать, состояние! — продолжал Подберезовиков.

Деточкин молчал.

— Где вы прячете свой капитал?

На этот вопрос следователя нельзя было не ответить, и Деточкин показал на свой портфель.

— Здесь!

Портфель беспечно лежал на свободном стуле. Максим не поверил своей удаче. Он нашел не только преступника, но и деньги. Подберезовиков непроизвольно потянулся к вещественному доказательству. Деточкин сочувственно улыбнулся. Максим тотчас отдернул руку.

В этот момент к их столику степенно приблизился Филипп Картузов. В один из своих царских выходов он увидел следователя и теперь радушно приветствовал его:

— Здравствуйте! Что же вы мне ничего не сказали? Прошу вас вместе с другом перейти в отдельный кабинет!

— Спасибо, только незачем...— отказался Максим и, не упуская портфель из виду, отхлебнул пива.

Увидев, что следователь пьет не то пиво, Филипп проворно выхватил у него кружку и приказал:

— Раечка и Лидочка!

Понятливые официантки налетели на столик и с ловкостью завязанных грабительниц отняли у знатных гостей и пиво и раков. Максим все время следил, чтоб в суматохе не исчез портфель с богатством.

— Сейчас подадут свежее пиво. Только что завезли! — объяснил толстяк.— И раков заменят.

— Их только что поймали? — ехидно спросил Деточкин. При виде благоденствующего врага он взъерепенился.

— Ваш друг — шутишка! — невозмутимо сказал Картузов, мучительно вспоминая, где он встречал Деточкина. Образ страхового агента слабо отпечатался в его памяти.

Раечка и Лидочка принесли первоклассное пиво и отборных членистоногих.

— Кушайте на здоровье! — Филипп поборол желание осведомиться о своей машине и скрылся в табачном дыму.

— Уйдем отсюда! — предложил Максим, не притрагиваясь к продукции отличного качества.

— Уйти от такой вкусноты? — всполошился Деточкин. — Да ни за что! Вряд ли в тюрьме меня будут так угощать!

А Филипп Картузов вернулся к себе в директорский кабинет и опустил в кресло, по-бабьи подперев голову пухлой рукой.

— Зачем ко мне пожаловал следователь? — медленно, в меру способностей, отпущенных ему природой, размышлял Филипп. — Не такой он парень, этот Подберезовиков, чтобы без дела таскаться по кабакам.

Максим и Юрий Иванович молча сидели друг против друга. Пауза была тягостной. Максиму хотелось раскрыть портфель, но он разумно полагал, что бар — неподходящее место для демонстрации таких денег.

Деточкин превосходно понимал Максима. Он не хотел его больше мучить.

Юрий Петрович взял портфель на колени и стал расстегивать. Подберезовиков напряженно следил за каждым движением Деточкина. Тот выволок наружу аккуратную стопку бумаг и, смущаясь, положил ее на стол.

— Что это? — не понимал Максим.

— Документы, квитанции... — запинался Деточкин.

— Что еще за квитанции? — недоумевал Максим, которому вместо денег всучивали какие-то бумажки. Он с раздражением взял документы и стал их листать. Вдруг он покраснел. То, что он прочел, было посильнее, чем удар шпагой. Максиму стало нестерпимо стыдно за то, что он подозревал Деточкина.

Он прочел в этих квитанциях, что Юрий Иванович Деточкин переводил вырученные от продажи ворованных машин деньги в детский дом города Метельска на подарки ребятишкам!

— А сколько денег вы оставляли себе? — подавленно спросил Максим.

— Ничего не оставлял. Только на проезд и командировочные...

Да, дорогой зритель! Деточкин не брал себе денег! Он хоть и вор, но бескорыстный, честнейший человек! А переводил он деньги в Метельск потому, что в военные годы, когда мама ушла в ополчение, Юра воспитывался именно в этом детском доме.

В кабинет Картузова вбежала Раечка.

— Они разложили на столе бухгалтерские документы!

Сомнения покинули Филиппа. Он понял, что это — ревизия!

И тогда Картузов решил притупить бдительность следователя. В титанической борьбе с контролерами он применял адскую смесь собственноручного изобретения. На вкус это варево не отличалось от пива, но зато успешно приводило ревизора в состояние, именуемое далее в протоколах как «крайняя степень опьянения».

— Смесь № 1? — спросила умненькая Раечка, правильно оценив молчание своего заведующего.

— Соображаешь! — одобрил Филипп.

Официантка, окрыленная похвалой, галопом доставила гостям зашифрованный напиток.

Максиму и Деточкину было грустно. Оба понимали, что на них свалилась беда, и не знали, как быть.

Максим вдруг ощутил с предельной ясностью, что не сможет пустить в ход постановление на арест!

Деточкин думал: поймет ли мама и как ко всему отнесется Люба? В маме он был уверен — она поймет! Деточкин хотел увидеть Любу немедленно и сказать ей, что он опять попался в капкан! Но этот капкан пилот не перепилишь! А Максим думал, под какую спасительную статью подвести Деточкина, и с тоской признавался себе, что нужной статьи нет!

— Первую машину я не продавал,— сказал Деточкин, надеясь хоть этим как-то утешить товарища.— Я ее в Курске у милиции оставил. Приклеил к ветровому стеклу подробную объяснительную записку, а сам ушел на вокзал и вернулся в Москву.

Теперь молчал Подберезовиков.

— А со второй машиной,— продолжал давать чисто-сердечные показания Юрий Иванович,— несправедливость вышла. Я ее подогнал к милиции и тоже оставил записку, что это — машина жулика. А ее вернули владельцу. Тогда я и решил продавать...

Они молча сидели друг против друга, отхлебывая смесь № 1. Средневекковая хитрость Филиппа Толстого удалась на славу. Максим вдруг понял, что нет для него человека роднее, чем Деточкин. А у Деточкина напрочь отказали сдерживающие центры.

— Я тебя люблю! — объяснил Максим.— Смотри, что я сейчас для тебя сделаю!

— Что? — живо заинтересовался Юрий Иванович.

Подберезовиков достал из кармана пресловутое постановление и показал Деточкину.

Деточкин его внимательно изучил — он впервые в жизни держал в руках столь ценную бумагу.

— А теперь верни ее мне,— велел Максим.

Юрий Иванович послушно вернул документ.

— А сейчас я ее порву! — торжественно заявил следователь.— Гляди!

— Не смей! — Деточкин кинулся на Максима.— Тебе попадет!

Завязалась небольшая потасовка. С большим трудом преступник одолел следователя, вырвал у него приказ на собственный арест и спрятал к себе в карман.

— Ладно! — Максим был настроен благодушно.— Дарю его тебе на память!

— Спасибо! — сказал Деточкин.

Они расплатились, по-братски поделив расходы, и вышли на улицу. Они шагали обнявшись и вполголоса напевали:

— Если я заболею, к врачам обращаться не стану,—
Обращусь я к друзьям, не сочтите, что это в бреду...
Постелите мне степь, занавесьте мне окна туманом,
В изголовье повесьте упавшую с неба звезду...

— Слушай, друг,— попросил Деточкин,— не сажай меня до премьеры, прошу тебя...

— А я тебя вообще сажать не буду, живи свободно...

— Понимаешь, такая роль... Раз в жизни бывает.

— Играй премьеру и все последующие спектакли,— искренне разрешил Подберезовиков.

— Я пошел к Любе,— признался Юрий Иванович и пошел по улице, унося портфель со всеми документами.

— Под машину не попади! — отчески крикнул вдогонку Максим.

Глава тринадцатая,

в которой Деточкин не успокаивается на достигнутом

Деточкин взял такси и помчал по хорошо знакомому троллейбусному маршруту. Был поздний вечер. Такси легко обгоняло освещенные полупустые троллейбусы.

Наконец показалась Любина машина. Деточкин обрадовался и попросил шофера такси подъехать к тротуару. Однако пока Юрий Иванович расплачивался, троллейбус отошел от остановки.

Деточкин пустился вдогонку. Настигнув беглеца, он уцепился за лесенку, ведущую на крышу.

Желание увидеть Любу было столь велико, что Деточкин не стал ждать следующей остановки. Он взобрался на крышу и с риском для жизни по-пластунски пополз вперед. Добравшись до переднего края, Деточкин бесстрашно свесился вниз и постучал кулаком по стеклу водителя.

Люба ахнула и затормозила. Она выскочила из кабины и с ужасом обнаружила на троллейбусной крыше своего нареченного.

— Люба, это я! — сообщил сверху Деточкин.— Я вернулся.

— Ну-ка, слезай! — растерянно скомандовала Люба.

— А ты не будешь ругать? — грустно спросил пьяненький Юрий Иванович. — Я торопился к тебе!

— Ты что, спятил? — вскипела Люба. — Спускайся немедленно!

— Нет, лучше я тут поеду! — уперся Деточкин.

— Сейчас я тебя оттуда скину! — сказала Люба и недвусмысленно направилась к лесенке.

Деточкин капитулировал. Он прыгнул вниз и полез к Любе целоваться. Но Люба не позволяла себе на работе никаких вольностей. Она скрылась от пылких объятий в своей кабине. Деточкин полез следом, громко распевая:

— Я в любин троллейбус сажусь на ходу, последний, случайный...

Люба рывком рванула с места, Деточкин плюхнулся на дерматиновое сиденье, не сводя с нее преданных собачьих глаз. Объяснение было бурным.

Люба честила Юрия Ивановича почему зря, безжалостно снимая с него стружку. Она говорила, что он скверно кончит, что он связался с какой-то бандой и стал хулиганом, разъезжает на подозрительных «Волгах» в сомнительные командировки, что он скоро сопьется и что туда ему и дорога!

Деточкин не стерпел незаслуженных оскорблений и рассказал Любе все.

Это произвело на нее неизгладимое впечатление.

Люба замолчала.

Троллейбус мчался по ночной Москве, спеша в парк. Это был последний рейс.

Ночью в троллейбусном парке рядами стояли пустые машины, и штанги над ними были приспущены, как флаги...

Люба и Деточкин молча вышагивали по узкой дорожке между троллейбусами. Дошли до конца одной дорожки, свернули в другую, снова шли между троллейбусами, которым, казалось, нет числа...

— Ведешь ты себя... — тихо сказала Люба, — как дитя, честное слово... Ведь посадят, понимаешь ты это или нет?

— Понимаю...

— Я тебя буду ждать... Сколько бы ни пришлось... Год, два, десять лет!

— Десять — это ты перебрала! — невесело заметил Деточкин.

— А если можно будет с тобой поухать, я поеду... И на Колыме люди живут, или где там еще?

Двое снова вышагивали по узкой тропинке между троллейбусами. Сотни машин собрались здесь на ночь, чтобы передохнуть перед большой работой...

Деточкин возвращался от Любы вдоль берега Москвы-реки. Великая река неторопливо несла свои чистые воды в Оку. Блики рассветных лучей, отражаясь в волнах, играли на задумчивом лице Юрия Ивановича. На этот раз он решил покончить с прошлым навсегда, и на этот раз — бесповоротно. Он достал из портфеля шляпу и хлопчатобумажные перчатки и без сожаления швырнул их в реку. Затем он выбросил гасчные ключи, отмычки, бутылку с подсолнечным маслом и картотеку учета жуликов. Инструменты потонули, а шляпа и картотека поплыли в Оку.

Деточкину стало хорошо. Он почувствовал себя светло и радостно и, главное, совершенно свободно.

И тут, как нарочно, он увидел двухцветную «Волгу» с номером 49-49 МОТ и сразу вспомнил, что ее владелец Стелькин — взяточник.

Деточкин помрачнел и задумался. Он не хотел подводить Подберезовикова. И наконец понял, как ему следует поступить.

Юрий Иванович побежал вдоль берега и догнал картотеку, которая, по счастью, еще не успела доплыть до Оки. С риском для жизни Деточкин перегнулся через парапет...

Несколько минут спустя похищенная двухцветная «Волга» влилась в поток уличного движения.

Деточкин подъехал к перекрестку, но проскочить не успел. Вспыхнул красный свет, «Волга» вздрогнула и, сердито урча, застыла у линии «стоп». Поглядывая на светофор, Деточкин думал о том, какой сюрприз преподнесет он Максиму Петровичу.

Деточкин не обратил внимания, что рядом у перекрестка встал троллейбус, набитый пассажирами.

Было бы просто нечестно перед зрителями, если бы это оказался какой-нибудь посторонний троллейбус, не имеющий отношения к данному сюжету. По счастью, все вышло как надо! За огромной троллейбусной баранкой восседала Люба. Она до сих пор не могла прийти в себя после вчерашних разъяснений Деточкина. И вдруг... увидела виновника своих тревог. Он сидел за

рулем соседней «Волги» в непринужденной позе собственника!

Загорелся зеленый сигнал, и «Волга» приземисто взяла с места.

Люба стала действовать не размышляя, повинуюсь исключительно зову сердца. Троллейбус ринулся со

старта, как наскипидаренный! Пассажиры, стоявшие в проходе, свалились друг на друга.

Троллейбус наращивал скорость — видимо, у водителя, были самые решительные намерения. Троллейбус проскочил остановку, как курьерский поезд — полустанок. Пассажиры стали кричать, взывая о помощи.

— Товарищи, спокойно! — пытался установить порядок храбрец пассажир.— У нашего шофера отказали тормоза.

Троллейбус лавировал между машинами, не снижая темпа. Пешеходы спасались бегством, сбивая соседние автомобили.

А Юрий Иванович Деточкин, вызвавший весь этот сыр-бор, быстро ехал впереди, не оглядываясь и не подозревая о том, что творится у него за спиной.

Он спокойно свернул с магистрали в нужный ему переулок.

Троллейбус, порвав с проводами, последовал тем же путем. Штанги соскочили и стали буйно метаться из стороны в сторону, круша фонари на столбах и окна в бельэтаже. Обесточенный троллейбус беспомощно остановился. Люба заплакала. А двухцветная «Волга» скрылась вдали. Деточкин спешил к Максиму. Вот он проехал гулкую арку ворот, поставил машину во дворе, у окон прокуратуры, и... ушел!

Этим же утром Максим Подберезовиков вошел в кабинет радостно возбужденным.

— Таня,— сказал он.— Этот человек — он превосходный человек!

— Кто? — не поняла Таня.

— Тот, кто угонял машины!

— Вор не может быть превосходным человеком! — безапелляционно заметила Таня.— В институте мы этого не проходили!

Подберезовиков поглядел на помощницу, как редактор — на опечатку.

— Может! — непедagogично сказал Максим.— Кроме того, он мой друг!

— Поняла! — радостно воскликнула Таня.— Для того чтобы поймать жулика, вы сначала подружились с ним! Вы великий следователь!

Подберезовиков смутился и опять ничего не понял.

Так он и проживет жизнь, не узнав, что рядом с ним, в служебном кабинете, долго и упорно билось в унисон преданное сердце.

В дверь постучали.

— Войдите! — разрешил Подберезовиков.

В кабинете появился лохматый субъект с портфелем, как у Деточкина, и сразу обрадовал следователя:

— У меня угнали машину! Среди бела дня! В центре города! Безобразия!

— Садитесь, пожалуйста! — предложил Подберезовиков посетителю.— Ваша фамилия?

— Легостаев, Владимир Степанович. Вот документы на машину.— И, присаживаясь, он протянул Подберезовикову технический паспорт.

Максим не стал смотреть документы..

— Ваша профессия? — спросил он, явно находясь под влиянием идей Деточкина.

— Какое это имеет значение?

— Первостепенное! — со всей серьезностью ответил следователь, с опаской думая, не зря ли он дал отсрочку Юрию Ивановичу.

Лохматый посетитель пожал плечами.

— Я доктор физико-математических наук. Руководжу лабораторией.

— А на самом деле? — машинально спросил Максим.

Ученый уставился на Максима.

— Вообще я шпион Уругвая. А что, это так заметно, товарищ следователь? Чем вы, собственно говоря, занимаетесь?

— Значит, это не он! — сказал следователь, переставая думать о Деточкине.

Доктор наук заерзал в кресле, поняв, что ему не видать своей машины.

Пятнадцать минут спустя вместе с потерпевшим Легостасвым Подберезовиков выехал на место происшествия и, конечно, не нашел там украденного автомобиля.

Когда он вернулся в управление, Таня доложила, что звонил какой-то Деточкин.

Максим насторожился.

Вроде бы Юрию Ивановичу до премьеры незачем больше тревожиться. Не замшан ли все-таки Деточкин в афере с новой машиной?

И когда раздался звонок, Максим бросился к телефону.

— Скажите,— Деточкин сразу взял быка за рога,— вы уже слышали, что сегодня опять угнали машину?

Максим выронил трубку. В автоматной будке Деточкин терпеливо ждал, пока его друг придет в норму.

— Куда у вас в кабинете выходят окна? — задавал следующий вопрос Юрий Иванович, когда Подберезовиков снова задышал в аппарат.

Максим распахнул окно, выглянул во двор и застоялся.

Двухцветная «Волга» № 49-49 серия МОТ стояла внизу, как раз под его окнами.

— Зачем вы это сделали? — захрипел в телефон Максим.— С каких это пор вы угоняете машины у честных людей? Где же ваши принципы?!

— Э, нет,— запротестовал Деточкин,— это машина Стелькина, а он взяточник!

— Какой еще Стелькин? — негодовал Максим.— Эта машина известного ученого, доктора наук. Он только что был здесь! Документы на машину я держу в руках.

— Минуточку! — с настырностью маньяка не отступал Деточкин.— Я сверюсь с картотекой.

Он полез в портфель, проверил и сообщил:

— Нет, это машина Стелькина.

Подберезовиков зашелся от ярости.

И потому что он молчал, Деточкин вдруг осознал, что произошла катастрофическая ошибка.

— Не может быть...— залепетал Деточкин.— Неужели я так ошибся?

— Вы сейчас же перегоните «Волгу» ее владельцу! — потребовал Подберезовиков. — Запишите адрес. О выполнении доложите мне!

И, продиктовав координаты Легостаева, закончил:

— Докатались вы, Деточкин, до банальной кражи!

Потрясенный Юрий Иванович повесил трубку.

— Как это все стряслось? Как я мог дать такую промашку?! — казнил он себя за непростительную ошибку.

Да, дорогой зритель, Деточкин неправильно записал номер, внося его в картотеку. Он элементарно ошибся! А с кем этого не бывает?

Человеку свойственно ошибаться, говорит древняя половица.

Разве не ошибся Жак-Элиасен-Франсуа-Мари Паганель, секретарь Парижского географического общества, выучив вместо испанского языка португальский?

Вспомните Колумба, который по ошибке открыл Америку!

Разве не ошибаются врачи?

И не ошибочно ли все время назначать С.И. Стулова на руководящую работу?

Человеку свойственно признавать свои ошибки, гласит современная поговорка.

Максим Подберезовиков стоял у окна и ждал, когда Деточкин исправит свою ошибку.

Вскоре во дворе прокуратуры появился запыхавшийся Юрий Иванович. Не смея поднять глаза, он сел в машину и уехал.

Задание следователя Юрий Иванович выполнил безукоризненно. Он подогнал «Волгу» к зданию научно-исследовательского института и позвонил из проходной в лабораторию, попросив профессора Легостаева срочно спуститься вниз.

Доктор физико-математических наук долго жал Деточкину руку. Он был восхищен оперативностью розыска.

— Передайте вашему следователю, что, если у меня когда-нибудь, не дай бог, что-нибудь украдут, я обращусь только к нему!

— Он одаренный следователь! — поддержал репутацию друга Деточкин.

— Сначала мне это не показалось! — доверительно сообщил профессор Юрию Ивановичу. — Но я с удовольствием каюсь в своей ошибке!

Оказывается, доктора наук тоже ошибаются!

Деточкин и Легостаев расстались по-дружески. Деточкин извинялся, Легостаев благодарил.

Из ближайшего автомата Юрий Иванович рапортовал следователю, что машину вернул, и, чувствуя себя виноватым, боязливо спросил, что же делать дальше. В душе он надеялся, что Максим скажет ему: «Готовьтесь к премьере!»

— Я вам советую, очень советую, — настойчиво подчеркнул Подберезовиков, — явиться ко мне, как говорится, с вещами!

— А спектакль? — робко напомнил Деточкин.

Следователь посмотрел на портрет Станиславского и беспощадно сказал:

— Спектакля не будет!

Через час Деточкин с неизменным портфелем в руке нехотя приближался к зданию прокуратуры. У арки, ведущей во двор, ему поморгала красная электрическая вывеска «Берегись автомобиля!».

Деточкин внимательно прочел вещую надпись и вошел в подъезд. Он отыскал кабинет Подберезовикова и осторожно постучал.

— Пожалуйста! — послышался голос Максима.

Деточкин боком протиснулся в дверь, стараясь не встретиться взглядом с другом. Максим тоже отвел глаза. Обоим было неловко. И только Таня бесстыдно пялила глаза на жулика, которого ее следователь считал хорошим человеком.

Деточкин расстегнул портфель, достал из него пухлую папку и доложил, по-прежнему не глядя на Подберезовикова:

— Это отчет о проделанной работе!

Потом Деточкин вручил Подберезовикову важный документ и сухо напомнил:

— Это постановление о моем аресте!

Глава четырнадцатая, о последнем триумфе Деточкина

По улицам города ехала машина, именуемая у обывателей «черный ворон», хотя она уже давно не черного цвета. Внутри находились Деточкин и два милиционера. Юрий Иванович пребывал в состоянии крайнего волнения.

Машина подкатила к зданию районного Дворца культуры и остановилась у служебного входа. В сопровождении конвоя Деточкин последовал за кулисы.

Да, дорогой зритель! Несмотря на то, что исполнитель главной роли был под арестом, премьера состоялась!

Это Максим выхлопотал у начальника соответствующее разрешение, и обвиняемому дали возможность сыграть свою последнюю роль.

Спектакль вызвал нездоровый ажиотаж в судебных и следственных кругах. Все пришли поглазеть на парня, который крадет машины и одновременно играет Гамлета. Да, роль принца Датского, лучшую роль в мировом актерском репертуаре, исполнял Юрий Иванович Деточкин.

Зал заполнился до отказа. В проходах стояли. Целый ряд занимали работники инспекции Госстраха во главе с Яковом Михайловичем Квочкиным.

В первом ряду сидели мама и Люба. Обе плакали еще до начала. В зале шепотом рассказывали, что главную роль будет играть заключенный. Многие этому не верили.

Спектакль начался. Первую сцену, у замка Эльсинор, разыгрывали перед закрытым занавесом. Гамлет в ней не участвует, и сцена была принята относительно спокойно. Зал, как обычно, кашлял и чихал, хотя на улице стояло лето.

Когда занавес поднялся и во втором эпизоде вышел Деточкин, загримированный Гамлетом, в зале вспыхнула веселая овация.

Но Деточкин ее не слышал. Он был далеко отсюда, в датском замке Эльсинор, он был принцем Гамлетом и жил его жизнью. Он уже забыл о том, что только на время стал из арестанта принцем крови, что выходы из кулис сторожат конвойные, что впереди суд и приговор.

Бывший шофер, бывший страховой агент, бывший автомобильный жулик оказался великолепным Гамлетом. У него был прирожденный актерский талант, и Деточкин заворожил им зал.

Все уже позабыли скандальную биографию Деточкина и трепетно следили за судьбой мятущегося принца.

А когда Гамлет начал свой знаменитый монолог «Быть или не быть», за кулисами зарыдал счастливый режиссер.

В финале спектакля, где Деточкин — Гамлет схватился в смертельном поединке с Подберезовиковым — Лазртом и оба умирали на сцене, ревел уже весь зрительный зал под предводительством мамы и Любы.

Премьера прошла с громовым успехом.

Режиссера и исполнителей вызывали без конца!

Конвой целовал охраняемого преступника и обливался слезами в присутствии своего начальства, которое пришло за кулисы и взволнованно поздравляло Деточкина.

А Таня попросила у восходящей звезды автограф.

Зал не утихал и перешел на скандированные аплодисменты.

У выхода ждали только что испеченные поклонницы.

Одним словом, был полный триумф!

Деточкин возвращался в камеру предварительного заключения с букетами цветов и чувствовал себя, как в раю.

Цветов было много. У Деточкина не хватало рук, и потому конвойные тоже ехали с букетами!

Глава пятнадцатая, судебная

Юрий Иванович Деточкин скорбно мерил шагами камеру Н-ской тюрьмы. Близился день суда, а Деточкин знал, что всякий суд кончится приговором.

Используя служебное положение, Максим Подберезовиков часто навещал в тюрьме обвиняемого друга. Оба по-мужски молчали. Максим смотрел на Деточкина безумными глазами Ивана Грозного, убившего своего любимого сына. А Юрий Иванович взирал на следователя, как всепрощающий отрок с картины раннего Нестерова.

Максима сменяли Люба и мама. Несчастье сплотило женщин. Теперь они не расставались. Люба, беспокоясь об Антонине Яковлевне, переехала жить к ней. А мама, понимая состояние невесты, не оставляла ее даже в троллейбусе. Мама уходила из водительской кабины только для того, чтобы взять билет на очередной рейс.

Они вместе пекли для Юры его любимые пирожки с творогом и с нежностью смотрели, как узник уплетает их за обе щеки.

Мама и Люба хотели нанять адвоката, разумеется самого лучшего. Но Деточкин воспротивился. Он решил сам защищать свою свободу!

И вот пришел день страшного суда. Деточкин из обвиняемого стал подсудимым. Как и на премьере «Гамлета», зал был переполнен публикой. Нарушитель закона одиноко сидел на деревянной скамье. Прокурор с суровым прокурорским лицом угрожающе перебирал бумаги.

Раздалась команда: «Встать! Суд идет!»

Появился судья в сопровождении двух народных заседателей.

Одним словом, все было как у людей!

На традиционный вопрос судьи, признает ли подсудимый себя виновным, Деточкин ответил, что нет, не признает!

Процесс длился несколько дней.

Люба и мама опять сидели в первом ряду. У обоих болело сердце. Люба была вынуждена взять отпуск за свой счет. В районной инспекции Госстраха тоже никто не работал. Все сотрудники во главе с Яковом Михайловичем Квочкиным не выходили из зала суда, переживая

ла сослуживца. Работники прокуратуры вместе с Максимом и Таней явились на процесс, отложив следственные дела. А не пойманные ими преступники вольготно разгуливали на свободе.

Кроме заинтересованных лиц в зале находилось еще немало народу. И оставалось неясным, почему же они не трудятся.

Сокол-Кружкин прервал осенне-полевые работы и тоже торчал здесь вместе с дочерью. Димы с ними не было. Соблюдая семейные правила, Инна оформила мужу доверенность на выступление в суде. И Семицвєтова, вместе с другими потерпевшими, заперли в комнате для свидетелей. Для них время тянулось особенно медленно. Пеночкин предложил составить «пульку» и достал из кармана две колоды карт. Чтобы забыться, играли по крупной ставке со всеми достижениями преферанса — с «темными, разбойником, со скачками и бомбами». Диме и тут не повезло. Он просадил шестьдесят три рубля.

Прокурор долго и с пристрастием допрашивал Деточкина:

— Кто дал вам право отбирать машины и тем самым подменять собой государство?

— Я не подменял государство, я ему помогал!

— Вы готовили отчет по каждой машине. Значит, вы знали, что вам придется держать ответ?

— Да! — простодушно согласился Деточкин.

И прокурор сразу поймал его:

— Вы понимаете, что этим фактически признаете вину? Когда вы отрицали свою виновность, вы лгали!

— Юра никогда не лжет! — громко запротестовала мама, привстав со своего места.

Судья призвал ее к порядку.

Прокурор впился в Деточкина, как клещ. Он терзал его ехидными вопросами. Он был очень любопытен, этот прокурор. Он во все лез, ему до всего было дело. Он расставлял ловушки, старался сбить с толку. Он имел точную цель: доказать суду, что Деточкин — опасный тип.

Представитель обвинения измучил Юрия Ивановича. Мама и Люба просто возненавидели прокурора, а Максим переживал, что не может прийти другу на помощь.

— Этот малый его упечет! — вслух оценил прокурорскую дотошность Сокол-Кружкин.

Когда суд перешел к допросу потерпевших, положение Деточкина ухудшилось. Свидетели ненавидели Деточкина, и не без оснований. Они клепали на подсудимого, настраивая против него и публику и суд.

Вызванный первым Филипп Картузов упирал на то, что кража его машины — кража со взломом. Надо покопаться в биографии взломщика: может, на его совести лежит еще не один вскрытый сейф?

Вслед за Филиппом давал показания пастор.

— Мои деньги пропали,— вкрадчиво говорил умный пастор,— но они пошли на хорошее дело, угодное богу, поскольку товарищ подсудимый отдал их детям. Я никаких претензий к нему не имею.

Однако свидетель Пеночкин претензии к подсудимому имел. Пеночкин подал суду мысль о том, что еще неизвестно, сколько денег оседало в карманах преступника после продажи машин. Да, он переводил деньги в детские дома, чтобы... пустить следствие по ложному следу.

— А за ...олько на ...амом ...еле он ...родавал ...шины? — размахивал руками Пеночкин.— Ни ...дин ...ормальный ...еловек не ...танет ...аниматься этим ...росто так!.. Значит, он ...богачался!

Деточкин безучастно молчал. Он чувствовал себя песчинкой в пустыне закона.

— Юра, почему ты молчишь? — вскрикнула мама.

Судья объявил перерыв. Максим прорвался к Деточкину и долго ругал его за пессимизм. Мама и Люба сидели по обе стороны подсудимого и гладили его худые, острые колени. Мама гладила левое колено. Люба — правое. И Деточкин, как Антей, воспрянул духом!

После перерыва центром внимания сделался Дима Семицветов, который, как известно, рекламы не любил.

— Этот тип замахнулся на самое святое, что у нас есть,— патетически говорил Дима,— на Конституцию. В ней записано: каждый человек имеет право на личную собственность. Оно охраняется законом. Каждый имеет право иметь машину, дачу, книги, деньги... Деньги, товарищи, еще никто не отменял. От каждого по способностям, каждому по труду в его наличных деньгах...

Прокурор поднялся с места и сделал важное сообщение:

— Следственные органы доводят до сведения суда, что против свидетеля Семицветова возбуждено уголовное дело!

Дима помертвел.

— Давно пора! — пророкотал зычный баритон Сокол-Кружкина.— Мы не допустим, чтобы рядом с нами обдывала делишки всякая шваль!

Инна заплакала.

— Ничего! — утешил ее отец.— Найдешь себе другого, честного!

— А почему меня одного? — в припадке отчаяния Семицветов раскрыл некрасивое нутро.— А другие свидетели лучше, что ли?

— И до них доберутся! — успокоил тесть.

Семицветов сделал несколько шагов и упал на скамью возле Деточкина.

Юрий Иванович вскочил.

— Гражданин судья, я не хочу сидеть рядом с ним!

— Не паясничайте! — оборвал председательствующий, и Деточкин сел подальше от Семицветова, на самый краешек скамьи.— А вы, гражданин Семицветов, не ускоряйте событий!

Дима вскочил со скамьи и выбежал из зала. Если будущее Семицветова вырисовывалось теперь довольно ясно, то судьба Юрия Ивановича Деточкина оставалась еще туманной.

Наконец суд вызвал самого важного свидетеля — Максима Подберезовикова. Ввиду торжественного момента Максим явился на суд в милицейской форме.

— Уважаемые товарищи судьи! — заговорил Максим.— Сначала я вел это дело как следователь, но, когда выяснилось, что обвиняемый — мой друг, я отказался от ведения дела и выступаю сейчас только как свидетель. Я понимаю, товарищи судьи, перед вами сложная задача: Деточкин нарушал закон, но нарушал из благородных намерений. Он продавал машины, но отдавал деньги детям... Он, конечно, виноват, но он,— сдержал слезы Подберезовиков,— конечно, не виноват. Пожалейте его, товарищи судьи, он очень хороший человек...

— И отличный работник! — крикнул с места Квочкин и напустился на соседа, который не проронил ни слова.— А вы не знаете, так молчите!..

Суд перешел к прениям сторон.

Слово получил прокурор.

— Сегодня суд рассматривает необычное дело. Подсудимый может вызвать у недалековидных людей жалость и даже сочувствие! На самом деле это опасный преступник, вступивший на порочный путь идеализации воров-

ства! Если взять на вооружение философию преступника, то можно отбирать машины, поджигать дачи и грабить квартиры! Поступки Деточкина могут послужить примером для подражания. Государство само ведет борьбу с расхитителями общественного добра и не нуждается в услугах подобного рода. Я настаиваю на применении к подсудимому строжайших мер наказания, как к лицу социально опасному!

— Изверг! — крикнула мама. Она не могла больше молчать.

— Женщину в первом ряду удалите из зала! — распорядился судья.

Антонина Яковлевна встала и с гордостью направилась к выходу. Уже в дверях, как болельщица своего сына, она снова крикнула:

— Судью на мыло!

Люба тоже не выдержала:

— Не осуждайте Юру, он не виноват!

В зале поднялась сумятица. Все стали вскакивать с места. Судья, срывая голос, перекрыл всеобщий шум:

— Я требую тишины или немедленно очищу зал!

Угроза подействовала. Стало тихо.

— Подсудимый, вам предоставляется последнее слово! — объявил председательствующий.

Деточкин встал.

— Граждане судьи! Может быть, я и неправильно действовал, но от чистого сердца! Не мог я этого терпеть! Всю воруют! И много воруют! Я ведь вам помочь хотел, граждане судьи, и потому все это вот так и получилось... Отпустите меня, пожалуйста! Я... я больше не буду... честное слово, не буду...

На этот раз из глаз Максима Подберезовикова показались редкие, скупые слезы.

Люба стиснула зубы.

— Свободу Юрию Деточкину! — пронесся над залом страстный призыв Сокол-Кружка.

Суд поспешно удалился на совещание.

Перед судьями стояла неразрешимая дилемма: с одной стороны, Деточкин крал, с другой стороны, не наживался!

Судьи пребывали в растерянности. Им нельзя было позавидовать!

Дорогой зритель! Пожалуйста, вынеси сам приговор Юрию Деточкину. Суд не прочь переложить эту ответ-

ственность на твои плечи. Как и подавляющее большинство населения, ты незнаком с Уголовным кодексом, и поэтому тебе легче определить приговор. Если ты добр, то смягчишь участь Юрия Ивановича, а если строг — валий, сажай Деточкина за решетку!

Определяя меру наказания, помни, что во время следствия Деточкин подвергался судебно-медицинской экспертизе и был признан психически нормальным.

Глава шестнадцатая, вроде бы последняя

По иронии судьбы рукопись киноповести «Берегись автомобиля» попала на обсуждение в Управление художественного свиста. Никогда не угадаешь, где будут обсуждать твою рукопись.

К этому времени УХС окрепло, разрослось, провело сокращение штатов, и 497 уцелевших сотрудников, видимо, не зря получали заработную плату. Художественный свист находился на подъеме и даже проник в некоторые смежные области искусства.

Обсуждение происходило в Главном художественном совете, где председательствовал сам С.И. Стулов. Пришли 43 сотрудника, из коих 34 рукописи не читали. Это не помешало им высказывать о ней суждение. В порядке исключения пригласили авторов.

Тон, в котором велось обсуждение, был крайне доброжелательным. Все выступавшие говорили корректно и не скупилась на добрые слова.

Обаятельный Согрешилин был особенно ласков:

— Родные мои! Я бы внес в это милое сочинение одно пустяковое изменение. Солнышки вы мои! Не надо, чтобы Деточкин угонял машины! Зачем это? Я бы посоветовал так: бдительный Деточкин приносит соответствующее заявление в соответствующую организацию. В заявлении написано, что Семицветов, Каргузов и... кто там еще?.. Пеночкин — жулики. Их хватают, судят и приговаривают! Получится полезная и, главное, смешная кинокомедия.

— Молодец! — похвалил оратора Стулов.

— Ненаглядные вы мои! — продолжал Согрешилин, пытаясь обнять сразу двух авторов.— Подумали ли вы, какой пример подает ваш Деточкин? Ведь, посмотрев картину, все начнут угонять машины!

— Но ведь Отелло, — вскочил один из авторов, — душит Дездемону во всех театрах мира, а также в кино! Разве потом ревнивые мужья убивают своих жен?

— Молодец! — эмоционально вскричал Стулов, который любил жену.

— Душа моя! — Согрешилин поставил автора на место. — Зачем сравнивать себя с Шекспиром? Это по меньшей мере нескромно...

— Товарищи, поймите нас! — поддержала Согрешилина хорошенькая женщина с высшим гуманитарным образованием. — Вы же симпатизируете своему герою. А он — вор! По сути дела вы поощряете воровство!

На этот раз подпрыгнул другой автор.

— Но ведь Деточкин бескорыстен!

— Ни один нормальный человек, — перебил Согрешилин, — не станет возвращать деньги. Это не типично!

— И поэтому, — обольстительно улыбнулась хорошенькая женщина, — совершенно непонятно, ради чего будет поставлен фильм.

— Как — непонятно! — хором завопили авторы. — Фильм будет направлен против Семицветовых! Против того, что они существуют в нашей стране! А сюжетная линия Деточкина — это же литературный прием, юмористический ход. Кинокартина все-таки будет юмористической, можно даже сказать, сатирической...

При слове «сатирической» наступило неловкое молчание. Обсуждение зашло в тупик. Никто не хотел одобрять. Все знали, что не одобрять — безопасней. За это «не» еще никого никогда не наказывали! Но и одобрять в письменной форме тоже как-то не хотелось. Все-таки документ!

— Родные мои! — вдруг нашелся Согрешилин. — Посадят авторы Деточкина в тюрьму или нет? Пусть они решают его участь, тогда мы возобновим обсуждение.

— Деточкина надо посадить! — указал заместитель начальника управления.

— Молодец! — согласился Стулов.

— Деточкина не следует сажать! — категорически возразил другой заместитель.

— Молодец! — снова согласился Стулов.

Положение авторов стало безвыходным.

В этот момент дверь распахнулась. В сопровождении конвоиров в помещение Главного художественного совета вошел герой.

— Молодец! — по-детски обрадовался Стулов при виде Юрия Ивановича.— Я тебя знаю!

Деточкин не без улыбки познакомился с авторами и объявил всем собравшимся:

— Мне надоело ждать! Меня не волнует, что станет с фильмом! Меня волнует, что будет со мной!

— Пусть решают авторы! Мы не навязываем им точку зрения! — подытожил С.И. Стулов.

— Будем выкручиваться! — пообещали авторы, которые к этому привыкли.

Обсуждение пошло им на пользу, и они написали «счастливый эпилог».

Счастливый эпилог

Прошло время. Неизвестно сколько. Но, вероятно, немного...

По улице шел Деточкин без охраны.

Он направился к телефонной будке, зашел в нее и набрал домашний номер.

— Мама, это я,— нежно сказал Деточкин.

— Ты откуда звонишь, из тюрьмы? — удивилась мама.

— Нет, из автомата. Меня выпустили...

— Наверно, ты им надоел! — сказала мама.

Потом Деточкин позвонил Подберезовикову.

— Привет! — сказал Деточкин.

— Привет! — отозвался Максим, узнав друга по голосу.

— Как дела? — спросил Деточкин.

— Нормально! — откликнулся Максим.

— До встречи! — сказал Деточкин.

— До скорой! — поправил его Максим.

Несколько минут спустя фигура уже маячила на троллейбусной остановке. Когда подошел родимый троллейбус, Юрий Иванович засуетился. Он обошел машину кругом и, сдернул с головы кепку, заглянул в окошко водителя.

— Люба! — позвал наголо обритый Деточкин.— Здравствуй, Люба! Я вернулся!

К о н е ц

P.S. Своего сына Деточкины назвали Максимом.

ЗИГЗАГ УДАЧИ

27 декабря, день

Самая важная профессия на земле — фотограф! Потому что люди умирают, а их фотографии остаются. У родственников.

Если бы человечество было подальновиднее, оно бы выдумало фотографию еще в первобытный период. Тогда сохранились бы доказательства, как труд довел обезьяну до человеческого существования.

Отсутствие фотодокументов подрывает веру в историю как в науку.

Никто бы сейчас не спорил, кто открыл Америку. И Христофор Колумб, и викинги, и древние японцы не могли бы ни на что претендовать. Потому что фотолюбитель седьмого века, который затесался бы в экспедицию, снял бы великого землепроходца, оставшегося неизвестным, в тот исторический момент, когда, конечно, он, наш соотечественник, а никто другой, открывал Америку на нашу голову!

Предки даже не подозревали, как скверно жить без фотографии.

Рыцари, ускакивая в крестовые походы, были начисто лишены возможности спрятать под латы изображения прекрасных дам. А теперь для командированных это не проблема.

Современники Ивана Грозного, например, не могли держать на письменном столе фотографию любимого царя. Ее просто не существовало. И сегодня скульптор вынужден был раскопать могилу, вынуть оттуда череп и воссоздать по нему остро необходимый портрет Ивана Васильевича. Причем современники скульптора утверждают, что портрет похож.

А была бы при Грозном фотография? Царь вызвал бы к себе на дачу фотографа, тот бы его снял, заплатив за это жизнью, зато подлинный снимок самодержца украсил бы школьные учебники.

До появления фотографии жить было дорого. Насколько дороже было платить за портрет какому-нибудь там Рафаэлю, Рембрандту или Кипренскому, чем сегодня заказать свое любимое лицо размером 18×24.

Из фотографии возникли кино, телевидение и наша современная живопись. Однако художники тщательно скрывают, что они фотографы, тогда как фотографы открыто заявляют, что они — художники.

Фотоателье «Твой портрет» разместилось на главной улице главного города второстепенной области. Сотрудники «Твоего портрета» любили свое дело, но в данный момент слабо применяли его на практике. Клиент не шел! Был конец декабря, что значило в переводе на современный язык — конец месяца, конец квартала и, что хуже всего, конец года, когда положено рапортовать.

Руководитель «Твоего портрета» Кирилл Иванович Полотенцев директорствовал двадцать лет и привык находиться в безвыходном положении. Оно стало нормой его жизни. Если вдуматься, то каждый директор — это человек, который не руководит, а ищет выход. Все двадцать лет Полотенцев мужественно воевал с планом и в некоторых сражениях даже одерживал победу. Кирилл Иванович знал, что люди охотнее всего приобретают фотографии, снятые в переломные моменты жизни. Именно поэтому он рассыпал своих мастеров-разбойников по загсам, родильным домам, на аэродромы, вокзалы, похороны и новоселья. Но сегодня, в конце года, все эти испытанные средства не спасали и нужно было придумать что-нибудь новенькое, свеженькое. Опытный Полотенцев знал: чем хуже положение, тем сплоченнее коллектив.

— Доброе имя нашей фотографии находится под угрозой! — сообщил Полотенцев доступно и взволнованно. — Я жду, товарищи, ваших предложений!

На совещание собралось одиннадцать человек — двенадцатый был в отпуске, а тринадцатый, Владимир Антонович Орешников, опаздывал.

Владимир Антонович стоял в это время у витрины магазина «Культтовары», где красовались любительские кинокамеры, кинопроекторы, увеличители, длиннофокусные объективы и многое другое, столь же соблазнительное.

Орешников не сводил взгляда с новой, лучшей в мире фотокамеры «Зенит-112», которую компрометиру-

вал ярлык с недоступной для Владимира Антоновича ценой. Эта камера была ежедневной мечтой молодого фотографа. Он был убежден, что, когда эта красавица камера окажется в его талантливых руках, он завоюет даже обложку «Огонька». Орешников устал снимать для паспортов, пропусков и сезонных билетов, он хотел снимать поток жизни для тонких журналов и толстых газет. Он хотел прославиться, и в этом не было ничего дурного.

Орешникова отвлекла от витрины расклейщица афиш, которая только что прилепила к стене плакат:

«Впервые в нашем городе! 29 декабря состоится очередной тираж 3-процентного выигрышного займа. Граждане! Приобретайте облигации!»

Орешников еще не знал, что этот скромно оформленный плакат сыграет в его жизни немалую роль.

Он вздохнул и заспешил на службу.

Владимир Антонович вошел в помещение, снял пальто и остался в черном джемпере, в узких, но расклевенных в самом низу брюках. Затем он поправил перед зеркалом короткую челку, которую в свое время носили римские патриции, а сегодня носят ученики первого класса и модные литераторы, раздвинул портьеру и появился в фотопавильоне, где только его и недоставало.

В поисках выхода из планово-финансового тупика коллектив монолитно молчал. Орешников мгновенно оценил обстановку.

— Друзья мои! — звонко сказал он. — Они не пойдут сейчас сниматься. Они заняты. Им не до нас. Они маются, стригутся, покупают елки, шампанское и мандарины. Их можно понять, а понять — значит простить. Именно поэтому мне пришел в голову маленький всенародный почин.

Одиннадцать человек с надеждой повернули к Орешникову дружные головы.

— Поделись своими мыслями, Володя! — оживился Полотенцев.

— Что делают в театре, когда нет пьес? — спросил Владимир Антонович.

— Не знаю... — отозвался лаборант Юра. — Наверное, ничего не делают...

— Ответ неверный! — сказал Орешников. — В подобных случаях артисты сами пишут пьесы... А что делают в вытрезвителе, когда не выполнен план?

— Сами надираются! — радостно догадался ретушер Петя, который это дело уважал.

— Умница! — одобрил его Орешников.— А что делают в родильном доме, когда не выполняют план?.. Впрочем, это неудачный пример! — пресек оратор игру фантазии.— В общем, раз нам некого снимать, будем снимать самих себя!

Вновь наступила тишина, а затем раздался смех. Смеялась фотограф Лидия Сергеевна, которая на правах красотки позволяла себе многое.

— Я считаю ваш смех, Лидия Сергеевна,— призвал ее к порядку Полотенцев,— оскорбительным! Владимир Антонович внес неплохое предложение, которое стоит обсудить.

Первой откликнулась на почин председатель месткома Алевтина Васильевна, женщина молодая, энергичная, незамужняя и, к сожалению, внешне похожая на своего некрасивого папу. Всю нерастраченную женскую нежность и несостоявшееся материнство Алевтина расходовала на общественную работу.

— Товарищи! — сказала она с пафосом.— Мы никого не будем агитировать и тем более принуждать. Все на добровольных началах. Нам представился очередной случай проявить сознательность. Каждый, как всегда, будет действовать по велению сердца и гражданского долга. Я, например, снимусь в трех ракурсах: в фас, в профиль и в полный рост. Запишите меня, Ира!

Лаборантка Ира, которая на всех совещаниях вела протокол, открыла фамилией Алевтины список добровольцев и выжидающе посмотрела на Юру. Пять месяцев назад они полюбили друг друга. Их роман протекал в темноте лаборатории, и в этот период «Твой портрет» выдавал немало брака.

— Мы с Ирой тоже шелкнемся, но в трех видах нам дорого! — вздохнул Юра.

— Вы что, беднее других? — кинулась в атаку Алевтина, которая только что распространялась про демократию.

— Войдем в их положение! — вступил в перепалку Орешников.— Люди копят на квартиру. Люди не могут построить семью, ведь на строительство счастья тоже нужны деньги!

Алевтина была непреклонна:

— Значит, Ира замуж хочет, а мы из-за этого план не должны выполнять?

— Ладно, — отступила Ира, — мы с Юрой сфотографируемся в двух ракурсах!

— Пусть мне кто-нибудь объяснит разницу между добровольным и принудительным, — подал реплику Орешников, но почему-то именно эти слова не привлекли внимания.

— Я приведу сниматься маму! — пообещал ретушер Петья.

— Прекрасная идея! — воодушевился директор. — Давайте тащите сюда родственников, детей, бабушек, дедушек, друзей — всех волочите, кого сумеете...

— Боюсь, что прогрессивка, которую мы получим за выполнение плана, — желчно усмехнулась Лидия Сергеевна, — вряд ли окупит расходы по нашим снимкам.

— А мы не думаем о личной выгоде! — мягко пожурила ее Алевтина Васильевна. — Мы находимся в обстановке небывалого подъема! Впрочем, вас, Лидия Сергеевна, никто не заставляет.

— Лидия Сергеевна, снимитесь! — примирительно сказал Орешников, который понимал толк в женской красоте. — Будет хоть одна фотография, на которую приятно смотреть.

— Начнем с того, что снимемся все вместе! — резюмировал директор.

Это предложение было поддержано с удовольствием. Сотрудники относились друг к другу с глубокой симпатией. Коллектив не раздирали распри, а, наоборот, подпирала дружба. Вместе встречали праздники, гуляли на днях рождения, устраивали культпоходы и лыжные вылазки.

Сниматься было недалеко идти. Собрание проходило непосредственно в фотопавильоне. Женщины сели, мужчины, среди них и Орешников, встали сзади, образовав живописную группу. Кирилл Иванович Полотенцев собственноручно нажал на автоспуск, будто перерезал алую ленточку, подбежал и плюхнулся на свободный стул между Лидией Сергеевной и Алевтиной Васильевной. Автоспуск сработал, издав свистящий звук, и тотчас раздался посторонний голос:

— Есть здесь кто-нибудь живой? — И шторы при входе раздвинула старушка, очень старая.

— Одну минуточку! — попросила ее обождать Алевтина Васильевна. — Товарищи! У нас на повестке дня еще есть вопрос. Нужно, чтоб кто-то собрал членские взносы в кассу взаимопомощи. Костя-то в отпуске.

Желающие не находились. Никто не хотел брать на себя эту мороку, потому что, как известно, выбивать членские взносы — каторжный труд.

Кассы взаимопомощи устроены для того, чтобы в трудные минуты жизни пайщики шли одалживать деньги не у приятелей, портя с ними отношения, а в кассу, то есть у самих себя. Если пайщик взял деньги и не думает их возвращать, то сумму долга удерживают из его зарплаты. Очень гуманная мера. Когда-то должников сажали в тюрьму, а у одного из индейских племен за долги до сих пор лишают имени и фамилии. Касса взаимопомощи демократична. Вносят в нее в зависимости от зарплаты, а берут в зависимости от нужды.

Орешников снова выдвинулся на первый план:

— Дорогие мои земляки! В моей голове родилась еще одна мысль. Я выдвигаю свою кандидатуру на пост сборщика взносов вместо Кости, который был либерален и не умел вынимать из нас деньги.

Все с удивлением посмотрели на дурака активиста. Но, как вскоре выяснится, активистом-то он был, а вот дураком — отнюдь нет!

— Есть возражения против кандидатуры товарища Орешникова? — спросил сам Орешников.

Возражений, конечно, не последовало.

— Итак, я выбран! Алевтина, прошу ключи от месткомовского сейфа. Люди, гоните деньги!

Все гурьбой кинулись к выходу.

Орешников наметил первую жертву.

— Кирилл Иванович, сколько месяцев вы не платили в кассу взаимопомощи? — спросил он директора, перехватывая его в дверях.

Алевтина Васильевна, которая была не только председателем месткома, но и приемщицей, заторопилась к клиентке.

— Для кладбища у вас фотографируют? — деловито осведомилась старушка. — Ну, вроде как на тарелку?

— Вы хотите сказать — на керамику? — поправила Алевтина. — Вам для памятника?

— Если ОНИ поставят, — загадочно ответила старушка. — Хотя в завещании деньги на это ИМ оставлены.

— А фотография покойного у вас есть?

— Нет. Снять требуется.

— А где лежит покойник? — выясняла Алевтина, чтобы проставить адрес в квитанции.

— Я покойник! — сообщила старушка, как о чем-то само собой разумеющемся. — Только я еще не померла.

Алевтина вздрогнула.

— Ты пойми, девушка, — сказала старушка, даже не подозревая, что угадала, — вот помру я, разве они фотографию закажут? Надо самой везде поспеть. И ты обязательно вели фотографу, чтобы меня помоложе сделали. А то кому же будет охота гулять по кладбищу и смотреть на старуху?

— Лидия Сергеевна, займитесь товарищем! — позвала Алевтина и этим спасла ее. Дело в том, что Орешников пытался получить с красавицы взносы.

— Лидия Сергеевна! — зывал Орешников. — Вы злостный неплательщик! Это нехорошо, несознательно! Это ведь касса взаимопомощи, можно сказать, взаимной любви и выручки.

— Человек получил должность и сразу испортился! — сказала Лидия Сергеевна. — Вам надо жениться, Володя!

— Согласен. Но совершенно не на ком. Бриджит Бардо уже выскочила за какого-то немецкого миллионера. Софи Лорен — за итальянского миллионера. В нашем городе я бы с удовольствием выбрал вас, но вы тоже замужем.

— А вы тоже не миллионер, — не осталась в долгу Лидия Сергеевна.

— У меня еще все впереди, — многозначительно намекнул Орешников.

— Лидия Сергеевна, вас ждут! — раздраженно напомнила Алевтина.

— Так, значит, не заплатите?

— Нет, — Лидия Сергеевна обворожительно улыбнулась и ушла увековечивать старушку.

Если бы Лидия Сергеевна знала, чем все это обернется, она бы бегала за Орешниковым и умоляла его принять от нее взносы за всю жизнь вперед!

Чего только не собирают люди! Если собирают марки, это называется филателией, открытки — филкартией, спичечные этикетки — филлюминией, чемоданные этикетки — кофрокартией, старинные монеты — нумизматикой, современные монеты — стяжательством, а как называется собирание членских взносов в кассу взаимопомощи — неизвестно.

Орешников подошел к Алевтине Васильевне:

— Алевтина, показывайте пример!

— У меня сейчас нет денег! — созналась председатель месткома.

— Займите! — потребовал безжалостный сборщик.

— У кого занять-то?

— У меня! — и Орешников полез в карман.

С большим трудом собрав с трудящихся дань, заставив всех расписаться в ведомости, он внес свою лепту и тоже расписался. После этого вложил деньги в конверт, открыл сейф, спрятал в него деньги и с нетерпением стал ожидать конца рабочего дня. Незадолго до закрытия фотографии Орешников совершил странный поступок, оставшийся не замеченным сослуживцами. Проходя мимо окна, которое смотрело во двор, он отодвинул шпингалеты.

Прекратив трудовую деятельность, сотрудники побежали домой к семьям и телевизорам.

Орешников побежал вместе со всеми.

Минут через пятнадцать он вернулся. Фланирующей походкой бездельника прошел мимо погашенных витрин фотографии, как бы случайно свернул во двор и остановился возле окна, которое он сознательно оставил незапертым.

И здесь любимец коллектива показал подлинное лицо. Если бы все люди время от времени показывали подлинные лица, неизвестно, к чему бы это привело. Но люди хитры и непознаваемы, — недаром именно из их среды выходят актеры и дипломаты.

Владимир Антонович саркастически усмехнулся и влез в окно. Потом закрыл его за собой, чтобы в ателье не было холодно.

Держался он спокойно, как опытный грабитель, но в глубине души ему было не по себе. Он прислушался. В лаборатории журчала вода. Орешников направился туда и завернул кран, чтобы не капало на нервы. Он уже собирался уйти, как вдруг в темном углу обнаружил каких-то людей, которые увлеченно целовались. При ближайшем рассмотрении это оказались Ира и Юра.

— Эй! — позвал Орешников, — Рабочий день кончился!

Бездомные лаборанты отпрянули друг от друга. Ира банально поправила прическу, а Юра сказал:

— Спасибо, Володя! Как время быстро летит...

— До свидания! — намекнул Орешников.

— До свидания! — прошептала Ира.

— До свидания! — повторил Юра.

И они наконец ушли.

Очистив помещение от свидетелей, Орешников неторопливо подошел к сейфу. Мысленно он крался на цыпочках, сняв ботинки.

Он достал из кармана ключ, вставил его в замочную скважину сейфа и небрежно открыл дверцу. Мысленно он потел. Мысленно он задернул шторы на окнах фотографии, выключил свет и надел перчатки, чтобы не оставить отпечатков пальцев.

Открыв сейф, Владимир Антонович вынул конверт с деньгами и без колебаний переложил из общественного кармана в собственный. Внешне он держался молодцом, но внутри обессилел.

Тут ему вдруг показалось, что хлопнула входная дверь.

— Ай! — вскричал Орешников внутренним голосом и наружным тоже. На всякий случай он прикрыл спиной амбразуру сейфа.

Но тревога оказалась ложной. Это на улице кто-то хлопнул дверцей машины.

Успокоившись, Орешников повел себя еще более странно. Вместо того чтобы бежать со всех ног, он сел за стол и принялся сочинять какую-то бумагу. Сочинив ее, беспечно проследовал в кабинет директора, достал круглую печать, подышал на нее и поставил на бумажку, которая стала теперь документом.

Затем он вернулся к осиротевшему сейфу и взамен присвоенных сумм положил в него таинственный документ.

Если бы можно было проникнуть в сейф и прочитать оставленную там бумагу, кое-что стало бы ясным. К сожалению, законным путем проникнуть в запертый сейф невозможно, прибегать к отмычке неэтично, а ключи положил в пиджак фотограф Орешников.

Он закончил операцию, и ему стало хорошо. Мысленно он снял перчатки, зажег свет в комнате, раздвинул занавески на окнах и надел ботинки, которые на самом деле не снимал. Затем не только в мыслях, но и наяву вылез в окно на мороз, пересек двор и вышел на главную улицу, освещенную огнями большого города.

Конечно, Орешников мог и не устраивать весь этот спектакль с лазаньем в окно и грабежом сейфа, ключи от которого были у него самого, а просто в конце рабочего дня достать конверт с деньгами и положить в карман, но так Орешникову было неинтересно.

Теперь он уносил деньги и ноги подальше от фотографии, и его следы замстало снегом.

27 декабря, вечер

После трудового дня коллектив распадается на составные части. Люди, которые вместе работают, живут, слава богу, раздельно. И заботы у них совершенно разные.

Юра и Ира, которых спугнул Орешников, прибежали после работы в узенький переулок, густо забитый народом. На грязном желтом снегу топтались сотни людей. Они прихлопывали себя по бокам, дышали на озябшие руки, переминались с одной обледенелой ноги на другую. А все вокруг — стены домов, стволы деревьев, водосточные трубы, даже урны — было заклеено бумажками с призывным текстом.

Ира достала из сумочки два картонных плаката, оба на веревочках, один надела на шею Юре, второй нацепила на себя. Затем они стали расхаживать взад и вперед среди других горожан, которые тоже носили на шеях ярмо.

Непосвященный не смог бы понять, что это — барахолка или клуб заговорщиков?

Трудно найти человека, который доволен своей квартирой! Меняться хотят все. И поэтому в каждом городе существует Бюро обмена. А возле Бюро обмена — толкучка, к ужасу тех, кто живет в соседних домах.

Плакаты, которые носили лаборанты, зывали: «Меняем комнату 12,1 кв. м в пятикомнатной квартире, все удобства, телефон — на две комнаты, не менее 10 метров каждая».

Первым напал на молодых людей странный субъект, сильно помятый, похоже — с перепоя. Его тоже украшал плакат: «Меняю комнату 5,77 кв. м в деревянном доме без удобств на равноценную».

— Не подойдет? — спросил он Юру. Тот отрицательно покачал головой, и они разошлись.

— Добрый вечер! — окликнула Иру трехкомнатная квартира, которая менялась на четырехкомнатную. Трехкомнатную представляло существо, закутанное с головы до ног в шубы и одеяла.

— Здравствуйте! — обрадовались влюбленные.— Что-то вас давно не было!

— Болел! — ответила трехкомнатная квартира.— Простудился на этом проклятом месте! А вы одеты легкомысленно. Без валенок не обменяешься, а попадешь в больницу!

— У нас нет валенок! — признались Ира и Юра.—
Как ваши дела?

— Четырехкомнатные не строят! Считается, что они не нужны! А вы собираетесь доплатить?

— Что вы! У нас нет денег! Мы хотим пожениться, но нам негде. У Ириных родителей и без меня тесно. А я с братом живу на двенадцати метрах.

— Значит, вы его комнату меняете? Но без доплаты никто не пойдет!

— Может быть, кто-нибудь найдется...

— Дураков мало!

— Все-таки есть,— сказала Ира с надеждой.

В отличие от Иры и Юры у Кирилла Ивановича Полотенцева была, быть может, самая большая квартира в городе — семикомнатная.

Чтобы обеспечить Кирилла Ивановича, пришлось объединить две соседние трехкомнатные квартиры. Кирилл Иванович и его жена Вера Фоминична нашли приют в лишней кухне, из которой, когда выкинули плиту и мойку, получилась отличная шестиметровая комната. Две ванны и два туалета были сохранены. Иначе перед этими помещениями выстраивалась бы очередь.

Дело в том, что у директора фотографии, человека в общем-то смиренного, было десять детей. Все население квартиры составляло шестнадцать душ: значит, Кирилл Иванович с женой, десять упомянутых детей, из которых старший, Сева, женился и старшая, Наташа, вышла замуж; жива и во все лезла мама Веры Фоминичны. Все ее звали по имени — бабушка Катя.

Когда Кирилл Иванович, возвращаясь со службы, вошел во двор, то сразу увидел четырехлетнего внука Левочку. Он вел душевную беседу с приятелем из соседнего подъезда.

— Мне папа купил заводной вертолет! — хвастал приятель.

— Подумаешь! Мне дедушка обещал заводную ракету! — сказал Левочка.

Приятель задумался, чем бы перещеголять Левочку, и наконец сообразил:

— А у меня дедушка умер!

Левочка не сдался:

— Подумаешь! Мой дедушка тоже скоро умрет!

Кирилл Иванович остановился и явственно ощутил, как его кольнуло в самое сердце. А внук Левочка, увидев деда, радостно кинулся навстречу:

— Дедушка, что принес?

Чтобы в колхозе Полотенцевых не было неразберихи, Вера Фоминична всегда назначала дежурных. Расписание дежурств висело в коридоре возле вешалки.

Сегодня обязанности диспетчера выполнял Коля, восьмой по счету ребенок, ученик третьего класса.

— Докладывай! — сказал ему Полотенцев-старший, войдя в квартиру и раздевая Левочку, который, балуясь, сопротивлялся.

— Значит, так, — приступил Коля. — Муза пошла к зубному, Сева пошел с ней, потому что она боится. Мама уехала на съезд металлистов, я ей помогал писать приветствие. Гена двойку схватил по алгебре, зато Люба сдала зачет.

— Какой? — спросил Полотенцев-старший.

— По спектральному анализу! — бойко ответил современный ребенок. — А Наташка беременна...

И прежде чем отец, пораженный осведомленностью десятилетнего мальчугана, успел отреагировать, дежурный закончил рапорт:

— Я принес белье из прачечной, а учитель в студии сказал, что мне нужен мольберт!

Кирилл Иванович всегда возвращался домой с опаской. Его десять отпрысков вечно нуждались в чем-то, и позарез!

— Без мольберта ты уже не можешь.

— Все говорят, что у меня способности, ты тоже любишь похвастать: мой Коля здорово рисует...

— Денег нет, — сказал отец святую правду.

Попробуйте одеть, обуть и прокормить такую ораву на зарплату директора фотографии.

— Вот тебе письменная заявка, — Коля протянул отцу бумагу. — При распределении полочки и пособия на многодетность учтите!

В это время со съезда металлистов вернулась глава колхоза Вера Фоминична. Она была единственной матерью-героиней в городе и поэтому ее, как местную достопримечательность, бесконечно тягали на все городские собрания, заседания и митинги. Одобрить почин, зачитать приветствие или заклеить империалистов было теперь для нее плевым делом. А дети тем временем росли по принципу самообслуживания. И хорошо росли!

Тем не менее Вера Фоминична царствовала в семье, а Кирилл Иванович занимал при дворе скромное положение, нечто вроде министра без портфеля.

Вера Фоминична вошла, остановилась возле двери и поставила на пол хозяйственную сумку, в которой лежали шестнадцать пирожных — на каждого по штуке.

— Коле нужен мольберт! — сообщил Кирилл Иванович.

— Конечно, нужен. А Пете необходима белая рубашка.

— Почему он не может носить Лешину! Леше она уже мала.

— Не может! Теперь такие воротнички не в моде.

— Наташа в положении!

— Кто сказал? — улыбнулась Вера Фоминична. В этой семье всегда радовались пополнению.

— Я сказал,— вставил Коля, добравшись до коробки с пирожными.— Я сегодня дежурный.

— Леше нужен гоночный велосипед,— вспомнила мама.

Гоночный велосипед был ударом ниже пояса. Полотенцев не нашелся, что сказать.

— Не надо было заводить столько детей! — традиционно пошутила Вера Фоминична.

— Всем все время что-то нужно. Этому нет конца. Я не миллионер!

— Твое богатство — это дети!

Трогательную сцену испортил Коля. Ему захотелось пирожного. Он снял с вешалки пионерский горн и протрубил сигнал: «Кушайте все!».

Из всех дверей повалили в столовую Полотенцевы разного пола и возраста.

Пока семья Кирилла Ивановича шумно ужинала, Лидия Сергеевна возвращалась домой.

Женщина, даже самая красивая, перестает быть похожей на женщину, если после работы едет городским транспортом.

Когда Лидию Сергеевну вытолкнули из трамвая, ее просто нельзя было опознать. Она стала похожей на курицу, которую принялись ощипывать и остановились где-то на полпути. Дышала Лидия Сергеевна, как бригада вокзальных носильщиков, когда у них еще не было тележек.

В таком непотребном виде она заявила домой.

— Кто тебя мял? — неприветливо встретил ее муж.

Лидия Сергеевна упала на стул, но муж не дал ей прийти в себя и привычно взял разгон:

— Где ты шаталась?

Никто из знакомых не знал имени этого серого мужчины. Все называли его просто: «муж Лидии Сергеевны». Он не смотрелся рядом с женой, как винегрет рядом с леопардом.

— Обед готов? — устало спросила Лидия Сергеевна. — Я очень голодна.

— Я знаю, ты вышла за меня замуж, чтобы я мотался по магазинам, варил обед и мыл посуду! Да, у меня заурядная внешность, я не знаменитый футболист, не модный поэт и не генерал. Я всего лишь рентгенолог. Я сижу целый день в темноте...

— Слушай, надоело! Перестань! Я тебя люблю, — отмахнулась жена, — только тебя. Успокойся.

— Я знаю, ты меня бросишь! — не унимался ревнивец. — Я, между прочим, студень сварил. А почему ты так поздно пришла?

— Понимаешь, я хотела сделать маникюр, но перед Новым годом ни в одну парикмахерскую невозможно пробиться, — монотонно оправдывалась Лидия Сергеевна.

— А в рабочее время ты не могла пойти в парикмахерскую? — заявил муж, зная, что обычно его жена делает личные дела именно в рабочие часы.

— Не могла. У нас было собрание.

— Собрание! Ты бы сначала думала, прежде чем врать!

— Понимаешь, мы не выполнили план, — стала рассказывать все как было Лидия Сергеевна, — и решили для выполнения плана сниматься сами. Может быть, ты тоже придешь и снимешься?

Это было чересчур.

Муж завыл... Он выл потому, что не верил красивой жене. Он выл потому, что боялся ее потерять. Он выл потому, что любил жену.

Пока он выл, Лидия Сергеевна ела студень.

Если семейную жизнь Лидии Сергеевны можно было считать устроенной, то у Алевтины Васильевны все обстояло значительно сложнее.

Когда она вернулась домой, мама встретила ее в передней и прошептала на ухо:

— Жених пришел!

Алевтина вспыхнула и помчалась переодеваться.

Она появилась в столовой одетая в лучшее платье, где пышный бант заменял отсутствующую грудь.

За столом пил чай с домашним вареньем жених лет пятидесяти. А в углу прятался за табачным дымом отец

Алевтины, Василий Александрович, который к сватовству относился с отвращением. За последние десять лет, после ряда безуспешных попыток, требования Алевтины к кандидатам на пост мужа резко упали. И поэтому жених не произвел на нее отталкивающего впечатления. В самом деле, он не был горбат или одноглаз и не носил слуховой аппарат. Он сказал внятно, не шепелявя и не заикаясь:

— Ну, здравствуй!

— Здравствуйте! — ответила Алевтина, протягивая руку, сложенную совком.

Здороваясь, жених с места не приподнялся и руки не поцеловал.

— Меня зовут Иван Степанович. Фамилия Калачев. А тебя как?

— Аля,— она засмушалась и присела на краешек стула.

— Вы пейте чай, Иван Степаныч,— вступила в беседу мама.— Это варенье Аля сама варила.

Иван Степанович разглядел невесту, и ее внешность ему не понравилась. Сразу встать и уйти было непорядочно. Иван Степанович завел вслывший разговор:

— Значит, в фотографии работасшь, приемщицей?

— Да...— прошептала Алевтина.

— Это ничего. У нас любой труд почетен.

Отец закашлялся от дыма и от гнева.

— Варенье у тебя вкусно...— Иван Степанович вовсе не хотел обижать Алевтину. Она же не виновата, что у нее такое лицо.

— Аля замечательно готовит,— хлопотала мать.— Вот когда зайдете в следующий раз, Аля вам яблочный пирог спечет!

— Не знаю, когда еще выберусь,— вздохнул Калачев,— работа у меня беспокойная, я ведь директором автобазы...— Он поглядел на часы и фальшиво заохал: — Засиделся у вас. Пора мне. Спасибо за чай!

— Убирайся отсюда! — послал его подальше Василий Александрович.— Чтобы ноги твоя здесь больше не было!

— Не сомневайся! Не будет! — с достоинством ответил несостоявшийся зять, выходя в коридор.

Алевтина сидела красная, бант поник.

Пока жених надевал калоши, мама пыталась спасти положение.

— Из-за тебя, — сказала она мужу, — дочь никогда замуж не выйдет! А ну-ка, проводи его! — приказала она Алевтине.

— Не пойду!

— А у меня нет больше сил женихов выискивать!

И Аля покорилась.

— Я вас провожу! — сказала она Ивану Степановичу, выйдя в переднюю и стараясь не реветь.

— Валяй! — разрешил бывший жених.

Уже на улице Калачев решительно осудил родителя Алевтины:

— Отец у тебя больно горластый. Из военных, наверно?

— В отставке.

— Много себе позволяет...

— А ему все это сватовство противно!

— А тебе?

— Мне тоже.

Калачев посмотрел на нее с интересом.

— А чего пошла провожать?

— Мать велела.

— Ну и как я тебе, понравился? — спросил Иван Степанович.

— Человек вы несимпатичный! — искренне высказалась Алевтина, прекрасно понимая, что терять нечего, и не желая поэтому терпеть унижений.

— Ты тоже не подарок! — не скрыл правды Калачев.

— А зачем вам жениться в таком возрасте? — с подковыркой заметила Алевтина. — Домработница нужна, что ли?

— А ты на другое и не годишься! — не остался в долгу Калачев.

Алевтина поглядела на него печально:

— Вот вы думаете, Иван Степанович, некрасивая я. А это не так. Просто у меня денег не хватает. Вот если бы я могла купить туфли на шпильках, ажурные чулки, платье джерси и модное пальто, меня бы любой в жены взял! И не ходила бы я с таким охломоном, как вы!

Высказав все, Алевтина повернулась и ушла, не оглядываясь.

Иван Степанович посмотрел ей вслед и озадаченно подумал: «А может, действительно, если ее приодеть, то она сойдет».

Пока Калачев смотрел вслед Алевтине, мимо него проскользнул Орешников с дерзким просктом в голове и

с общественными деньгами в кармане для выполнения этого проекта.

Владимир Антонович подошел к сберкассе № 5288/0331 и толкнул входную дверь, не зная, что этот поступок повернет его судьбу самым крутым образом.

Контролер сберкассы Оля была маленького роста и подкладывала под себя два тома Большой Советской Энциклопедии, чтобы посетители сберкассы могли ее разглядеть. А разглядеть ее стоило. Хотя Оля всю сознательную жизнь считала и пересчитывала чужие деньги, отпечаток зависти не лег на ее славную физиономию. Хорошенькие девушки в магазинах, парикмахерских или сберкассах раньше ждали сказочного принца или на худший конец миллионера. Теперь они ждут космонавта или на худой конец киноартиста. Оля, которой уже было двадцать три, все еще надеялась, что откроется дверь и в сберкассе, чтобы разменять сторублевую купюру, случайно зайдет живой кинокумир, увидит ее, Олю, и скажет:

— Отказываюсь от жены своей, кинозвезды, — тебя я всю жизнь ждал!

Но шли дни, превращались в месяцы и годы, а кинокумир все не заходил.

Зато перед самым закрытием в сберкассе появился Владимир Антонович Орешников, просунул в окошко незаурядную голову, увидел Олю, тихо ахнул и спросил:

— Почему у меня никогда не было сберкнижки?

Оля встретила с ним глазами и поняла, что принц наконец пришел!

— Вы хотите завести сберегательную книжку? — спросила Оля дрогнувшим голосом.

— Нет! — ответил Орешников, не сводя с нее глаз.

— А зачем же вы пришли? — спросила Оля, влюбляясь.

— Я пришел, — сказал Орешников, тоже влюбляясь, — купить одну облигацию трехпроцентного выигрышного займа.

— Пожалуйста! — сказала Оля.

— Только дайте мне, пожалуйста, ту, которая выигрывает десять тысяч! — протягивая украденные деньги, сказал Орешников.

— Возьмите! — Оля счастливой рукой вытащила из пачки облигацию и отдала Орешникову.

— Подумать только! — патетически воскликнул Владимир Антонович. — Если бы я не ограбил сегодня сейф, мы бы никогда не встретились.

Оля улыбнулась, и ее улыбка доконала хранителя кассы взаимопомощи.

— Вас зовут Оля,— сказал вдруг Орешников.

— Откуда вы знаете? — удивилась девушка.

— Наверно, телепатия. Вы ведь тоже знаете мое имя?

— Володя...— неуверенно сказала Оля.

— Правильно! — подтвердил Орешников.— И пойдём отсюда!

Оля послушно надела пальтишко и пошла за Орешниковым.

На улице современная Золушка робко спросила:

— А куда мы пойдём, Володя?

— Хотелось бы пойти туда, где побольше тепла и поменьше людей,— поеживаясь от холода, ответил современный принц.— Чтобы попасть в кафе, надо стоять в очереди, музеи уже закрыты, в церквях не топят, а метро в нашем городе нет. И все-таки, Оля, вам повезло, что вы встретились со мной! Пошли!

В искусстве, как в спорте, главное не рекорды, а массовость. Важно, чтобы спортом занимались все — от академика до колхозника. И так же важно, чтобы пьесы писали все — от колхозника до академика. Подлинный расцвет драматургии наступит тогда, когда пьесы начнут сочинять массы, а не отдельные выскочки. На пути развития драматургии, как и на остальных путях, уже имеются достижения. С каждым годом количество авторов неукротимо растёт. Пьес столько же, сколько, например, министерств, то есть очень много, просто не сосчитать. А ставить театрам нечего!

Орешников и Оля успели к городскому театру как раз к началу спектакля. Шла пьеса, которую сварганил для выполнения плана местный графоман.

Билеты в кассе были. Но Орешников подошел к окошку администратора и поздоровался:

— Добрый вечер, Марк Яковлевич!

— Здравствуй, Володя! — улыбнулся ему администратор.— Как отец?

— Выздоровливает,— сказал Орешников,— и завтра явится на репетицию. Вы мне не дадите два места в партер?

Марк Яковлевич охотно выписал ему места в девятом ряду.

По мраморной лестнице они поднялись в фойе, где висели портреты артистов, снятых в их ранней молодости. По навощенному паркету Орешников подвел Олю к

буфетной стойке, они выпили шампанского, закусили пирожным эклер, и еще Орешников купил несколько конфет, чтобы есть их по ходу представления.

— Вы знаете, Оля, я тоже играл в этом театре, — рассказывал он. — Я сделал гигантскую карьеру. Я начинал с восьмого солдата, а доигрался до того, что у меня была одна реплика: «Наши взяли город!» Это было вершиной моего творчества!

Оля рассмеялась.

Прозвенел третий звонок. Орешников и Оля устремились в зрительный зал.

— Здесь тепло, — сказала Оля, усаживаясь, — и кресла мягкие...

— А главное, мы, можно сказать, одни! — заметил Орешников, тоже усаживаясь. — Оглянитесь по сторонам!

Оля огляделась. По партеру кроме них было разбросано шесть парочек. Две парочки укрылись в бельэтаже. А еще одна парочка на балконе уже целовалась, не дожидаясь, пока погаснет свет.

Но вот огромная хрустальная люстра перестала сверкать. Оркестр из семи грустных музыкантов сыграл торжественную увертюру. Раздвинулся занавес. Декорация изображала сегодняшнюю пятиэтажную деревню. Толпа колхозников, одетых по последней моде, заимствованной из французского журнала «Вог», смотрела на героя и героиню. Причем артистов на сцене было значительно больше, чем зрителей в зале.

— Ты смотри, не бросай родную деревню! — сразу начал разрабатывать конфликт герой.

— Деревня не удовлетворяет мои духовные устремления! — заартачилась героиня.

— Мы скоро троллейбус по главной улице запустим! — пообещал герой. — И высотный коровник отгрохаем, в двадцать семь этажей!

— А как же коровы будут лазить на такую высоту? — ехидно спросила героиня. Артисты дружно рассмеялись, потому что по замыслу автора это была юмористическая реплика, на которую следовало смеяться.

— Мы их на лифте будем поднимать! Не уезжай ты, зорька ясная, не ломай золотую любовь... — речитативом заканючил герой.

Орешников и Оля не сводили глаз друг с друга. Им было очень хорошо. Мешали лишь артисты, потому что говорили громко.

Назавтра сотрудники фотографии приносили себя в жертву, вдохновленные решением общего собрания. Как один человек пришли шестнадцать Полотенцевых, дружно пошумели, внесли вклад, вгоняя при этом в пот обоих фотографов, и разбежались по городу.

Когда Алевтина приступила к выполнению долга, ее охватил энтузиазм. Алевтина гордо вскинула голову, но ее все равно не хотелось поставить на пьедестал.

— Опустите голову! — попросил Владимир Антонович, не предполагая, что наносит смертельный удар по священному порыву.

Вложив свой кирпич в здание годового плана, Алевтина возвратилась на рабочее место. Здесь ее поджидал незванный посетитель. Он сидел в распахнутом пальто, под которым виднелся выходной костюм, белая рубашка и галстук, вывязанный узлом величиной с диетическое яйцо высшей категории. В одной руке он держал шапку, в другой — цветок.

Увидев этого человека, Алевтина покраснела.

— Здравствуй, Аля! — сказал Иван Степанович Калачев.

— Вы зачем пришли? — нелюбезно встретила его приемщица.

— Фотографироваться, — улыбнулся Калачев.

— А что, в городе другой фотографии нет?

— Ваша самая лучшая.

— Вы с цветком будете сниматься? — не удержалась от шпильки Алевтина.

— А ты не язви! — с укором сказал Иван Степанович. — Цветок тебе! А зимой цветы очень дороги!

— А с чего это вы так расщедрились?

Тут Калачев решил, что настал удобный момент, хватит тянуть резину, пора брать быка за рога:

— Ты пойми, Алевтина! Я целую ночь не спал, думал, взвешивал! Более подходящей жены мне не найти. Сам-то я немолодой уже, малопривлекательный, живот растет, а на голове наоборот! С тобой мы два сапога пара! Обманывать я тебя не буду, и ты меня тоже не будешь — кто на тебя польстится?

Такого Алевтине еще никто и никогда не говорил. По сути дела, Калачев установил рекорд!

— Это как же понять? — беззащитно прошептала Алевтина. — Вы мне в любви изъясняетесь, что ли?

Иван Степанович понял, что переборщил.

— А что я такого сказал? — стал оправдываться жених, переполненный серьезными намерениями. — Я тебя любить буду и получку общаю отдавать всю, до копейки! А другая за меня и не пойдет.

Терпение Алевтины лопнуло:

— Я хочу выйти замуж! Все время про это думаю! Но лучше умереть старой девой, чем жить с человеком, который тебя унижает!

— Чего ты кипятишься? — с максимальной нежностью, доступной его сердцу, сказал Иван Степанович. — Я к тебе с открытой душой. И характер твой мне нравится — правдивая ты! А я, понимаешь, вдовец. Не могу жить без хозяйки. Давай вечером в кино пойдем? Ну как? — закончил он с надеждой. — По рукам?

Алевтина нашла спасительный выход:

— Владимир Антонович! Гражданин пришел фотографоваться! Займитесь им, пожалуйста! — И вышла.

Увидев Ивана Степановича с цветком в руке, Орешников задумался и поглядел на модель творческим взглядом.

— Мы сделаем композицию, — вдохновенно сказал он. — Мужчина и роза!

— Этого не надо! — отказался Калачев.

— Вы уж доверьтесь художнику!

— Ни в коем разе! Кому-кому, а художнику нельзя доверять!

Иван Степанович сел и уставился в объектив.

— Ты давай без фокусов, без абстракций!

Тут к Орешникову подошел ретушер Петя и провел языком по страждущему небу:

— Володя, извини, дай три рубля!

Петя был человек бедный и поэтому всегда возвращал долги.

— У меня денег нет!

— А ты мне выдай трешку из кассы взаимопомощи, в официальном порядке. — Жажда сделала Петю сообразительным.

— А я эти деньги уже потратил! — сказал правду Орешников, но Петя не поверил, обиделся и ушел.

— Кто это тебе позволил тратить общие деньги на личные нужды? — спросил Калачев.

— Я больше не буду! Сидите, не двигайтесь и смотрите в аппарат, если вам так нравится!

Чтобы больше не встречаться с Калачевым, Алевтина отсиживалась в кабинете директора. Коротая время, она совстовалась с Кириллом Ивановичем по важному поводу.

— Денег ни у кого нет. Под Новый год все растратились,— уныло сетовал Полотенцев.

— Мы не можем ломать традицию. Мы живем дружно, такие мероприятия сплачивают коллектив,— настаивала председатель месткома.

— Я не против,— сдался Кирилл Иванович.— Но где взять деньги?

— В кассе взаимопомощи.

Полотенцев распахнул дверь и позвал Орешникова:

— Володя, открывай сундук и неси взносы.

— Зачем? — нахмурился Владимир Антонович.

— Нужны! — сказала Алевтина.

— Это вы все нарочно, что ли? — вдруг взбунтовался Орешников.

Он выскочил из кабинета, хлопнул дверью, промчался по комнатам, со злостью открыл сейф, достал из него бумажку, которую он положил туда вместо денег, вернулся обратно и сунул эту бумажку под нос директору:

— Эти взносы я первый одолжил! Вот расписка!

Полотенцев и Алевтина с удивлением воззрились на невиданный документ.

— Что же нам делать? — искренне огорчилась Алевтина.— Мы каждый раз под Новый год собираемся...

Орешников тоже расстроился:

— Если бы я знал, что это для такого святого дела, как междусобойчик, я бы ни за что их не потратил.

— Ну ладно, Володя,— примирительно сказал директор, возвращая расписку Орешникову,— придумаем что-нибудь.

— А на что вы их потратили? — Алевтиной двигало не женское любопытство, а чувство общественного долга.

— Купил облигацию! — оптимистично сообщил Орешников.— Мне нужно выиграть четыреста двадцать рублей.

— Почему четыреста двадцать? — весело осведомился Полотенцев.— Почему не десять тысяч?

— Хочу купить фотоаппарат «Зенит-112».

Полотенцев рассмеялся. Но Алевтина насторожилась.

— Завтра я этот долг погашу! — объяснил Орешников. — С выигрыша.

При этих словах Кирилл Иванович засмеялся еще громче.

Алевтина по-прежнему не видела в поведении Орешникова ничего смешного.

— Это антиобщественный поступок! Коллектив вам доверил деньги, а вы их истратили на себя!

— Это же на несколько дней, — стал оправдываться Орешников. — Если не повезет — я допускаю такую возможность, — тогда я сдаю облигацию, возвращаю деньги и больше в эту азартную игру не играю!

— У меня жена в тиражной комиссии, — вспомнил Полотенцев, все еще смеясь. — Ты сходи, Володя, посмотри, как это там выигрывают другие. Ради такого важного дела я тебя отпускаю с работы. Желаю тебе удачи! Ты давай там сорви куш побольше...

В этот день в фотографии больше ничего интересного не произошло.

Интересное случилось после работы, когда Лидия Сергеевна, включившись в общую сутолоку, направилась по магазинам. Сегодня ей особенно досталось.

Несмотря на то, что трудовой год кончился, у людей еще оставалось много нерастроченных сил. Нестриженные толпы трудящихся штурмовали парикмахерские, словно в течение года у них не было времени сделать себе прическу. Немытые толпы атаковали бани, словно у них не было времени помыться раньше. Трезвые толпы осаждали винные магазины, словно за весь год у них не было предлога выпить.

На елочном базаре, где неистовые горожане отнимали друг у друга худосочные стволы, Лидия Сергеевна потратила два часа, пытаясь купить елку. Наконец она с бою взяла хвойное дерево, которое правильно срубили, так как оно уже давно не украшало лес.

Закончив покупки, Лидия Сергеевна доплелась до своей двери. Достать ключ из сумочки у нее не хватило сил, да и руки были заняты. Она постучала в дверь ногами. Муж не открывал. Тогда Лидия Сергеевна прислонилась к стене тощую елочку, поставила на пол сумки, достала ключ и открыла дверь.

— Милый! — позвала Лидия Сергеевна. — Я елку достала и твой любимый рокфор!

Муж не прибежал даже на запах рокфора.

Лидия Сергеевна забеспокоилась. Муж давно должен был быть дома. Волоча ствол, Лидия Сергеевна вошла в комнату.

В комнате не было ничего!

У Лидии Сергеевны стало такое выражение лица, которое обычно появляется у женщины, когда ее случайно остригли под ноль.

Вряд ли кому понравится прийти домой и увидеть квартиру обчищенной дотла!

Когда к Лидии Сергеевне вернулось сознание, она заметила, что вор действовал странно. Он вывез всю мебель, кроме трельяжа. И забрал все вещи, кроме женских! Прежде чем украсть шкаф, он вынул из него платья и, чтобы их не помять, на плечиках развесил по шпингалетам окон. Белье Лидии Сергеевны он сложил на пол стопкой, но подстелил газету, а туфли стояли у стены, выстроенные в ряд. Женскими вещами жулик явно побрезговал. Очевидно, он был женоненавистником. Более того, вор оставил записку. Записка лежала на паркете в центре комнаты, придавленная черной лаковой туфелькой.

Текст письма был лаконичен:

«Твоего я ничего не взял!»

Лидия Сергеевна все поняла и зарыдала. Из-за кражи она не стала бы так отчаиваться. Как все женщины мира, она предпочла бы, чтоб ее обокрали, нежели бросил муж! О том, что она вскоре полюбит Орешникова, Лидия Сергеевна еще не знала и поэтому рыдала безутешно.

А жизнь тем временем шла своим чередом. На ночь глядя Орешников вел Олю к фотографии «Твой портрет». Они зашли во двор. Владимир Антонович открыл окно и галантно сказал:

— Пожалуйста!

Оля доверяла любимому и полезла в окно, не думая о том, что поступает неосторожно. Орешников прыгнул за ней, затворил окно, чтобы не влез еще кто-нибудь и не помешал им, и они с Олей остались в полной темноте. Но Орешников повел себя не так, как ведет себя в подобных ситуациях большая, но худшая часть мужского населения планеты. Он не воспользовался обстоятельствами и не стал приставать к девушке. Он взял ее за руку, пригласил в фотопавильон и включил полный свет.

— Слушай, Оля! — сказал Орешников. — Я большой художник, а все большие художники оставляют потомкам портреты любимых. Сядь на этот стул, я тебя буду фотографировать! — И он накрыл голову пыльной черной тряпкой.

Оля была потрясена благородством своего избранника. Она полюбила его еще больше, хотя уже вчера любила изо всех сил.

— Голову чуть левее! — попросил Орешников.

Оля повернула голову левее.

— Нет, не так! — сказал Орешников. Он вылез из-под тряпки и, ласково прикоснувшись к Олиной голове, повернул ее в нужном для искусства направлении. Затем вернулся к аппарату, поправил осветительный прибор, поглядел на Олю сквозь матовое стекло и, как взыскательный мастер, опять остался недоволен.

Он вторично прикоснулся руками к Олиной голове, придавая ей нужный ракурс. На этот раз данная процедура длилась несколько дольше, и Орешников уже менее охотно отошел к аппарату.

Когда он подходил к Оле в шестой раз, у него не хватило сил покинуть ее. Совершенно непонятно, как это случилось, но они поцеловались.

Это произошло стихийно. Орешников на самом деле мечтал снять Олин портрет, но он не был виноват, что ничего не вышло.

Любовь оказалась сильнее искусства.

— Отверни аппарат! — попросила Оля.— Он на нас смотрит!

29 декабря, день

Тираж разыгрывался на сцене городского театра и успешно заменил дневной спектакль. В городе розыгрыш проводился впервые, и зал был битком набит желающими выиграть. В глубине сцены за столом восседала тиражная комиссия, составленная исключительно из честных людей. Среди них заслуженно находилась мать-геронья Вера Фоминична Полотенцева. На просцениуме установили два вертящихся барабана, заполненных бумажками. Бумажки, туго свернутые в трубки, скрывали номера облигаций и номера серий. Высокая честь вытаскивать счастливые номера была по традиции оказана пионерам. Взрослым никогда этого не доверяют. Взрослые могут смухлевать, в нужный момент изловчиться и добыть из тысячи бумажек именно ту, которую им надо. А в данном случае руками ребенка, так же как устами, глаголет истина.

Орешников явился к самому началу официальной процедуры.

Уходя из фотографии, он обошел всех сотрудников и уговаривал каждого составить ему компанию. Но всем было начихать на тираж, потому что никто не держал облигаций. Все желали Орешникову успеха, только Алевтина Васильевна промолчала. Потом она позвала лаборантку Иру, попросила подменить ее, надела пальто и устремилась вдогонку за Владимиром Антоновичем.

Орешников сел в седьмом ряду на тринадцатое место, в ужасе подскочил и перепрыгнул на соседнее, четырнадцатое. Если бы он этого не сделал, облигация наверняка бы не выиграла.

Люди с детства играют в азартные игры. «Что наша жизнь?» — спрашивают в популярной опере и тут же

отвечают: «Игра!» В другой, не менее популярной опере утверждают: «Люди гибнут за металл!»

Владимир Антонович Орешников как раз находился на краю гибели.

— Разыгрывается выигрыш в десять тысяч рублей! — объявил в микрофон председатель тиражной комиссии.

Барабан завертелся. А когда остановился, пионерка с лицом ангела вынула свернутую бумажку и отдала председателю. Тот развернул ее и огласил номер облигации:

— 00 35 43!

Орешников полез в карман, достал облигацию и поглядел на нее. Номер совпадал.

У Орешникова на секунду остановилось сердце.

Пионер с лицом архангела извлек из другого барабана другую бумажку и тоже передал председателю. Председатель опять развернул и зачитал номер серии:

— 01!

У Орешникова еще раз остановилось сердце, но, к счастью, не навсегда. Номер серии тоже совпадал.

На месте Орешникова нормальный человек поступил бы так: воровато огляделся по сторонам, надежно спрятал облигацию и, стараясь не привлекать внимания, на цыпочках скрылся.

— Я здесь! — заорал на весь театр Орешников и кинулся на сцену.— Вот облигация! Платите деньги!

Тихое течение тиража было нарушено.

Зал встал и начал завистливо аплодировать.

Члены тиражной комиссии по очереди пожимали счастливицу руку.

Вера Фоминична Полотенцева узнала фотографа и пододвинула к себе микрофон.

— Дорогие товарищи! — сказала она поднаторевшим голосом.— Крупный выигрыш пал на облигацию, которая принадлежит жителю нашего города, скромному труженику, фотографу товарищу Орешникову! Поприветствуем его!

Зал захлопал пуще прежнего. Орешникову было хорошо. Он понял, что рожден для славы и для денег. Он не стеснялся, он кланялся, как прима-балерина. Ему хотелось плясать, но не было музыки.

В партер вбежала Алевтина и увидела на сцене фотографа, которому рукоплескала толпа.

Алевтина ничего не понимала, но нехорошее предчувствие закрылось в ее душу.

— Переходим к следующему выигрышу — в пять тысяч рублей! — утихомирил возбужденных игроков председатель комиссии.

Но главный игрок не унимался:

— Извините, а как же я?

— Что — вы? — переспросил председатель.

— Я жду!

— Чего?

— Денег! — просто сказал Орешников.

Наивную настырность героя зал встретил одобрительно.

И тут Алевтина все поняла.

— Уважаемый товарищ! — вежливо сказал Орешникову председатель. — Я понимаю, что радость переполняет вас. Мы ее разделяем. Искренне, — на всякий случай добавил он. — Вы можете получить выигрыш в государственных сберегательных кассах.

— Ура! — издал счастливый вопль победитель тиража. Он вспомнил, что Оля работает как раз в сберкассе.

Председатель слегка перетрусил:

— Но сейчас вы туда не идите. Выплата выигрышей производится после опубликования таблицы розыгрыша в газетах.

Орешников подскочил к пионерке и поцеловал ее в щечку. Потом подлетел к пионеру и чмокнул его в лобик. Потом вернулся к председателю и обошелся с ним, как с грудным младенцем: сложил из пальцев «козу рогатую» и игриво пощекотал председателю грудь, издавая губами сюсюкающий звук.

Тиражная комиссия веселилась вместе с публикой. В театре еще ни разу не было так весело.

Орешников вприпрыжку сбежал со сцены и увидел Алевтину. Как все счастливые люди, он был занят собой и не уловил ее дурного настроения.

— Алевтина Васильевна, поздравьте меня! Я выиграл десять тысяч!

Но она не поздравила его, а Орешников даже не заметил.

— Это та самая облигация, помните? — продолжал болтать неосторожный богач. — Посмотрите! — И он сунул облигацию Алевтине.

Вокруг Орешникова и Алевтины стали собираться люди. Число их все возрастало, и вскоре образовался гигантский волнующий круг, где эпицентром была облигация. И это закономерно. Никто из этих людей, из их родственников, друзей или знакомых никогда и нигде не видел клочок бумаги, который можно обменять на такие бешеные деньги.

Орешников представил Алевтину окружающим:

— Друзья мои! Это наш председатель месткома. Славная женщина. Пришла за меня поболеть. Поприветствуем и ее тоже!

Захлопал, правда, один Орешников.

Вокруг рассмеялись. Но Алевтина стерпела и это.

Никто уже не обращал внимания на такую мелочь, как розыгрыш пяти тысяч рублей.

— Этот человек мешает проводить мероприятие! — обратился председатель к членам комиссии.

Спасла положение Вера Фоминична Полотенцева. Она подозвала милиционера:

— Пожалуйста, выпроводите отсюда выигравшего товарища и доставьте его куда ему нужно, а то у этого чудака отнимут его облигацию!

Милиционер растолкал любопытных, подошел к Орешникову, увидел, что облигация в руках Алевтины, и приказал:

— Верните ему! Ишь вы какая!

Алевтина была вынуждена подчиниться представителю власти.

Милиционер повел Орешникова к выходу, а тот размахивал облигацией и призывал:

— Дамы и господа, приобретайте облигации трехпроцентного выигрышного займа! Благодарю за внимание! Летайте самолетами аэрофлота! Пейте томатный сок!

Орешников утих только на морозе.

— Куда сопровождать? — спросил его милиционер.

— В фотографию «Твой портрет». Рабочий день еще не кончился, а меня отпустили только на розыгрыш! — Орешникову не терпелось поделиться радостью с товарищами.

Маленький отряд тронулся пешком. Чтобы чего-нибудь не приключилось, милиционер держал Владимира Антоновича под руку. Алевтина плелась на шаг сзади в виде бесплатного приложения.

Увидев Орешникова под конвоем, сотрудники побросали работу и гурьбой столпились в приемной.

— Кто начальник? — спросил конвоир.

— Я! — ответил Полотенцев. — А что он натворил?

— Такое, что вам и не снилось! — туманно сказал милиционер. — Вручаю его вам в целостности и сохранности, со всем его содержанием!

Исполнив долг, милиционер направился к выходу. Стук его подкованных сапог четко разнесся в наступившей тишине.

Орешников обвел сослуживцев горделивым взглядом.

Когда за милиционером захлопнулась дверь, на первый план выступила Алевтина. Именно ее особенно горячо приглашал Орешников пойти с ним на розыгрыш, именно ей показал он счастливую облигацию, именно ее так тепло представлял публике.

Алевтина сказала недобрым голосом:

— Этот тип выиграл десять тысяч на наши членские взносы!

В фотографии воцарился траур. Один Орешников держал хвост морковкой. Он ко всем приставал. Он не понимал, что его назойливость сейчас неуместна.

Мировая литература всегда выступала против тлетворного влияния денег. Но, увы, мало чего достигала. Распространенное мнение, что искусство влияет на умы, сильно преувеличено!

Для невыигравших сотрудников время тянулось медленно. Каждый носил горе в себе.

В разгар печали пришла старушка, вся в заботах о загробном будущем.

— Ну что? Готов? — спросила она у Алевтины, предъявляя квитанцию.— Мне ждать некогда. А то, знаете, неровен час...

Приемщица молча отдала керамический овал с изображением клиентки.

— Это кто же здесь такая хорошенькая? — обрадовалась старушка. Она расселась на стуле, явно не торопясь уйти.— Неужели я? Молодая... Эдак я еще долго продержусь! Передай спасибо фотографу. Вот придут на кладбище люди, поглядят на меня и скажут: какая молодая померла! До чего ж ее жалко, бедненькую...

Алевтина не проронила ни слова.

Старушка достала из сумки заранее припасенное полотенце, бережно завернула в него портрет и наконец поднялась.

— Теперь бы не разбить до похорон! — сказала она на прощание.— Примета плохая!

Возле Алевтины возник Орешников.

— Алевтина Васильевна, подумать только: я выиграл десять тысяч!

Наглость Орешникова, который не желал понимать, что разбогател за чужой счет, взбесила приемщицу.

— Я видела это собственными глазами!

— Первым делом я куплю «Зенит-112». Из фотографии уйду. Стану корреспондентом. Придется приобрести машину. Как вы думаете, взять «Волгу» или обождать «Жигули»?

— Купите грузовик!

Орешникову понравилась идея, что он может себе позволить купить грузовик:

— А сколько он стоит, дороже, чем легковая?

— Не знаю, не приценялась!

— Как вы смотрите на то, — продолжал сорить деньгами Орешников, — если я куплю яхту? Правда, в городе нет моря и поблизости тоже. Пересечь в Крым, что ли, и купить там заодно виллу? Нет, крыша будет течь, ремонты замучают. Это не в моем стиле — возиться с ремонтами...

То, что Орешников может, но не хочет купить виллу на берегу Черного моря, доконало Алевтину. Она выскочила на мороз без пальто.

Владимир Антонович проводил ее недоуменным взглядом и стал выискивать следующую мишень. Ему подвернулся ретушер Петя.

— Петя, я выиграл десять тысяч и не знаю, что купить. Я как-то к этому не подготовлен!

— Я за тебя рад! — искренне сказал Петя.— И я уже все подсчитал. Ты можешь купить 3484 пол-литра, и еще останется 92 копейки на закуску! Если ты будешь пить по литру в день...

— По литру? — растерянно переспросил Орешников.

— ...то тебе хватит на пять лет. А если еще сдать посуду...

— Эта свежая мысль не приходила мне в голову. Спасибо! — поблагодарил Орешников и перекочевал в лабораторию к Ире и Юре, которые были настолько потрясены случившимся, что даже не целовались.

— Дети! Я выиграл десять тысяч и теперь собираюсь жениться!

Юная пара не пожелала его поздравить. В лаборатории тускло светила красная лампа, и выражения лиц не было видно.

— Если я подарю невесте «Волгу» и квартиру двухкомнатную, — разглагольствовал Орешников, не заботясь об окружающих — а в свадебное путешествие мы поедем вокруг Европы на белом пароходе...

— Прикажете мне кричать «ура!»? — вспыхнул Юра.

— Вы нам засветите пленку! — заплакала Ира.

И Орешников выкатился из лаборатории, не понимая, что зрелище его незаконного счастья не доставляет удовольствия.

Владимир Антонович возвратился в павильон, где возле большого фотоаппарата образца 1915 года пригорюнилась Лидия Сергеевна.

— Примадонна! — сказал Орешников фамильярно.— Я уже почти миллионер!

Лидия Сергеевна посмотрела на коллегу, с которым работала бок о бок целый год, и вдруг обнаружила, что коллега недурен собой! И умен, и обаятелен, и остроумен, и вообще замечательный человек. Тем более что от нее ушел муж, а коллега выиграл десять тысяч!

— Володя! — сказала она зазывно.— Я вас поздравляю! И вы меня тоже можете поздравить — я с мужем расплевалась, выгнала его к чертям! Знаете, он полное ничтожество, скандалист...

Орешников видел, что начинает нравиться Лидии Сергеевне, и это ему льстило.

— Вам, Володя, надо кончать с холостой жизнью! — решительно заявила Лидия Сергеевна.— Ваши шансы возросли.

— Лидия Сергеевна, вы играете с огнем! — предостерег Орешников.

— Мы с вами родственные души! — Лидия Сергеевна не боялась обжечься.— Только мы с вами здесь творческие люди...

— А Петя? — некстати заступился за товарища Орешников.

— Петя — третий лишний! — отмела ретушера Лидия Сергеевна.— Нам с вами нужно отметить ваш выигрыш... Мы можем это сделать у меня. Я вам сейчас запишу адрес...

— Дату встречи мы уточним позднее,— он положил в карман записку с адресом и ушел независимой походкой покорителя женских сердец.

— Кирилл Иванович! — со вздохом сказал Орешников, без стука ввалившись в кабинет директора.— Если вдуматься, десять тысяч — совсем небольшие деньги. «Зенит-112» стоит 420 рублей. Это мне по средствам. Но «Волга», к примеру,— пять с половиной тысяч, это откровенный грабеж. Машина, квартира, на мебель уже придется одалживать!

— Володя, не дразни гусей! — Полотенцев поглядел на него с упреком.— В данном случае гусь — это я!

29 декабря, вечер

Орешников ждал Юлю у входа в городской парк. В парке шумела, хлопотала и бурлила новогодняя ярмарка.

Оля опаздывала. Орешников изнемогал. Радость выпирала из него, и ее не на кого было выплеснуть.

Когда показалась Оля, Орешников ощутил небывалый прилив сил. Он одним прыжком оказался возле нее, наклонился к Олиному уху и радостно закричал:

— Угадай, что со мной случилось?

— Как я могу угадать? — улыбнулась Оля.

— Я тебе буду подсказывать. У меня есть одна облигация. Помнишь, я ее купил у тебя и просил подобрать мне счастливый номер! Сегодня разыгрывался тираж. Ну, догадалась?

— Ты выиграл сорок рублей!

— Больше!

— Сто! — повысила ставку Оля.

— Больше!

— Пятьсот рублей! — озорно выкрикнула Оля.

Орешников интригуяще повторил:

— Больше!

— Неужели тысячу?

— Больше!

— Ты выиграл две с половиной тысячи! — шепотом произнесла Оля.

Орешников снисходительно усмехнулся:

— Больше!

— Пять тысяч! — У Оли закружилась голова.

Орешников ласково сказал:

— Оля, не мелочись!

Наступила роковая пауза. Оля не решалась назвать следующую сумму.

— Ну! — подбадривал Орешников.— Смелее!

— Не может быть! — наконец отважилась Оля.— Неужели ты выиграл десять тысяч?

— Как одну копсечку! — триумфально произнес Орешников, будто в этом была его личная заслуга.

Оля засияла.

— Володя, я так счастлива за тебя! — И она поцеловала его на виду у всей ярмарки.

Орешников воодушевился.

— Теперь я понял, в чем смысл жизни! Будничная обстановка меня гнетет! До сих пор мне не везло. Максимум, чего я достиг,— ассистент режиссера в областной студии телевидения. Но тут я выпустил в эфир что-то не то — и вот я фотограф.

— Ты много успел,— Оля смотрела на него влюбленными глазами.

— Ты хочешь сказать, я многого не успел. Я должен наверстывать. Оля, мы переедем с тобой в Москву!

— С тобой хоть на край света!

— По-моему, мы украсим этот город...

— Все-таки ты отъявленный хвостун!

— В этом моя неповторимость! — не унимался Орешников, которому деньги вскружили голову.— В Москве меня возьмут фотокорреспондентом в журнал «Огонек».

— Откуда ты знаешь?

— Телепатия,— напомнил Орешников.

Они засмеялись, вошли в парк и окунулись в толчею базара. На открытой эстраде шло новогоднее представление. Его возглавлял Дед Мороз, одетый в многопудовый костюм. Вокруг него буйно веселились юные горожане, которые пока еще верили сказкам.

— Это мой отец! — с нежностью сказал Владимир Антонович.

— Ты сын артиста Орешникова? — удивилась Оля. — Я его много раз видела в театре.

Они затесались в хоровод, стали прыгать и петь вместе со всеми.

— От подставки до макушки —
Сто четырнадцать огней,
На ветвях висят хлопушки,
И звезда горит на ней! —

увлеченно пели Оля и Орешников.

Среди множества чужих детей Дед Мороз увидел своего ребенка и забеспокоился, несмотря на то, что его ребенок давно уже перешел границу детского возраста. Сын указал глазами на Олю, и они с отцом обменялись дружескими взглядами.

— Разноцветные флажки,
Золотые путешки,
А под елкой Дед Мороз,
Ватный снег его занес,—

пел хоровод.

— А теперь под этой аркой,— указал направление Дед Мороз,— вас, ребята, ждут подарки!

И все дети, кроме Оли и Орешникова, устремились за гостинцами.

Орешников прощально помахал отцу. Отец-Мороз скрылся за кулисами, а Орешников повел Олю в торговый ряд, чтобы преподнести ей новогодний подарок, достойный его богатства.

Владимир Антонович держался, как ухарь-купец.

— Значит, так, квартиру будем строить двухкомнатную и внесем все сразу, чтобы потом над нами не висело! Ты машину водить не умеешь?

— Нет! — огорчилась Оля.

— Научись! — покровительственно сказал Орешников.

— Конечно, научусь!

Они протискивались по узкому проходу мимо торговых павильонов.

— Сейчас, Оля, мы будем с тобой транжирить деньги. Правда, я их еще не получил. Но это не имеет значения. Это будет у нас вроде генеральной репетиции.

Мы все присмотрим, прикинем, рассчитаем... А ну-ка, войдем сюда! — Орешников потащил Олю в фанерный балаган, на котором красовалась вывеска «Меха». — А то пальтишко у тебя невзрачное.

— У вас есть что-нибудь приличное? — спросил Орешников. — Мне шубу для жены.

Оля благодарно улыбнулась.

— И не какой-нибудь дрянной нейлон, — разошелся Орешников, — а из натурального меха!

— Норка есть, две тысячи четыреста! — сказала продавщица.

— С ума сойти, ну и цены! — охнул Орешников. — Ну-ка, померь!

Оля надела шубку из норки, стала дивно хороша и, покраснев, шепнула:

— Какая прелесть!

— Велика! — с облегчением вздохнул Орешников. В уме он быстро подсчитал, что шуба съест четверть капитала. На квартиру еще хватит, но с «Волгой» придется распрощаться, не говоря уже о белом пароходе.

— Я подберу подходящий размер! — Норки приобретались нечасто, и продавщица не хотела упускать богатого покупателя.

— Нет, мне не нравится! — сказал Орешников, и это было правдой. Ему не нравилась цена. — Тебе пойдет серый каракуль, — наклонился он к Оле.

— Тысяча двести! — объявила стоимость шубы продавщица.

— За овцу! — возмутился Владимир Антонович. — А ну-ка, померь!

Оля померила серый каракуль, снова стала дивно хороша и, покраснев, шепнула:

— Какая прелесть!

— Мала! — лицемерно огорчился Орешников.

Он вдруг понял, что получать деньги приятнее, чем расставаться с ними. Он не замечал, что катится по наклонной плоскости.

— Ну-ка, дайте нам нейлоновую цигейку!

Оля безропотно поменяла натуральный каракуль за 1200 рублей на химический суррогат овцы за 320. Но и в цигейке Оля стала дивно хороша и, в третий раз покраснев, прошептала:

— Какая прелесть!

— В самый раз! — признал Орешников. — Но дорого!

Оля, чуть не плача, отдала продавщице шубу, и Орешников, подавая Оле ее потрепанное пальто, сказал:
— Ты мне и в нем нравишься!

Так старая сказка о принце и Золушке обернулась новым концом: принц выиграл по займу большие деньги, и они сделали его жмотом!

Одному бывает трудно перенести испытание славой, другому — испытание властью, третьему — богатством. Но слава проходит, власти можно лишиться, деньги уплывают... Некоторые люди так и не возвращаются в нормальное состояние, а некоторым это удается. Что-то будет с Орешниковым?

Орешников и Оля покинули магазин.

— А еще называется новогодняя торговля! — возмущался Владимир Антонович. — Просто нечего подарить к Новому году!

Оля сдерживала слезы. Из-за шубы она не стала бы плакать, но ей разонравился Орешников. Ее кумир сам спихнул себя с пьедестала и разбился вдребезги на мелкобуржуазные осколки.

— Пойдем выберем мебель! — по-хозяйки предложил Владимир Антонович, даже не подозревая, что обидел невесту. — Это для нашей будущей квартиры.

— Не хочу! — сказала Оля.

— Ты права! — обрадовался Орешников. — На мебель тратиться рано!

Они проходили мимо лотка с мороженым.

— Дайте одно эскимо! — решил наконец на покупку Владимир Антонович. Он преподнес Оле мороженое на палочке с таким видом, словно это был букет дорогих и прекрасных роз.

Оля бросила эскимо в снег.

— Не хочу я тебя больше видеть! Никогда! — И убежала.

Орешников обиделся.

— Подумаешь! — сказал он вдогонку, не трогаясь с места. — Свет на тебе клином не сошелся. Не такая уж ты красавица!

Он нагнулся, поднял эскимо, развернул серебряную обертку и съел мороженое сам.

Покончив с Олей и с мороженым, Орешников отправился ужинать. Мест в кафе не оказалось. Орешников с подносом в руках мыкался среди столиков. Сесть было некуда, а есть стоя, когда обе руки заняты подносом с

яичницей и кефиром, невозможно. Наконец в углу зала освободилось место, и Орешников заметил это первым. Он сгрузил на стол ужин, избавился от подноса и сел.

Он не подозревал, что судьба уготовила для него место за столиком, где мрачно жевала сардельки унылая, серая личность, которая до вчерашнего дня считалась мужем Лидии Сергеевны.

Орешников никогда его не видел, а муж Лидии Сергеевны ни разу не встречал Орешникова. Каждому из них было чем поделиться с незнакомым человеком, с которым делиться значительно легче, чем со знакомым.

— Вот, ушел от жены, — начал бывший муж. — Вроде бы хорошо, только вынужден есть эти кошмарные сардельки.

— А что, жена вкусно готовила? — поддержал разговор Орешников.

— Нет, я сам готовил!

— А я своей, — пожаловался Владимир Антонович, — хотел сегодня шубу купить, так ей подавай только норковую.

— Они все такие! — поддакнул бывший муж, и они с Орешниковым почувствовали друг к другу симпатию.

— Вот моя, — продолжал искать сочувствия бывший муж, — никогда вовремя не приходила. Шлялась неизвестно где. На днях заявила поздно, я ее спросил: где задержалась? А она мне нагло наврала: ходила по парикмахерским...

— А я своей сегодня эскимо купил, — изливался Орешников, — так она его в снег выкинула! Ест только пломбир!

— Они все такие! — уныло повторил свежий холостяк.

— И вообще, я тебе так скажу, — по-приятельски заговорил Орешников. — Мне жена знаешь какая нужна? Вот иду я с ней по улице, и все оборачиваются.

— Я бы, наоборот, предпочел тихую, скромную женщину, — сказал рентгенолог, который уже вдоволь натерпелся от неслыханной красоты своей жены.

— Чего мы тут будем рассиживаться? У меня знакомая есть, потрясающая женщина. Между прочим, мужа выгнала! — сообщил существенную деталь Орешников. — Он у нее ничтожество и скандалист!

— Это тоже бывает, — признал собеседник.

— Адрес у меня имеется. Давай пойдем к ней! — предложил Владимир Антонович. — Я тебя познакомлю.

— Пойдем! — охотно согласился новый знакомый Орешникова. — Только я прихвачу вина.

Орешников не стал возражать. Бывший муж забежал в «Гастроном», взял бутылку портвейна «Три семерки», и Орешников повел компаньона к его бывшей жене, о чем тот пока не догадывался.

Первое смутное беспокойство закралось в его тоскующую душу, когда они оказались на улице, с которой он вчера увозил мебель. Потом они подошли к дому, где он был прописан, и беспокойство усилилось. Хотя в этом доме было четыре подъезда, они вошли в тот самый подъезд. Бывший муж все еще надеялся, что они поднимутся на другой этаж. Надежда рухнула. Бывший муж порядком занервничал. Однако на лестничную площадку выходило четыре квартиры. Несчастный ждал чуда, но чуда не произошло.

Бесчувственный Орешников, который ничего не подозревал, нахально позвонил в ту самую дверь. Дверь распахнулась. На пороге стояла родная жена бывшего мужа.

В первый момент Лидия Сергеевна увидела только Орешникова.

— Здравствуйте, Володя! — обрадовалась она. — Это хорошо, что вы... — И осеклась, потому что заметила второго человека, который ей тоже был знаком.

— Лидия Сергеевна, извините, что так поздно, я к вам с другом! — беспечно пропел Орешников.

— Кто это? — с издевкой спросил бывший муж, показывая на соперника. — Кто этот Володя? Почему он к тебе, Лида, по ночам друзей водит?

Лидия Сергеевна не нашлась, что ответить. А Орешников с ужасом понял, кого он привел.

— Не будем устраивать семейных сцен на лестничной площадке! — Владимир Антонович пытался выиграть время, чтобы найти выход из идиотского положения.

Они вошли в квартиру, в которой было все, кроме мебели.

— А на чем здесь сидят? — Орешников удивленно озирался.

— Ты куда мебель дел? — Лидия Сергеевна грозно повернулась к похитителю гарнитура.

— Это моя мебель! — непреклонно ответил рентгенолог. — Твоего я ничего не взял. И ты не увливай, ты мне скажи, кто это такой? — И он опять указал на Орешникова.

— Я сослуживец! — поспешно сказал Владимир Антонович, опасаясь, что муж может ползсть в драку. А Орешникову не улыбалось бить человека в его собственной квартире на глазах жены.— Как вас зовут? — вдруг решил познакомиться Орешников.

— Это неважно! — отрезал муж.

— Дорогой мой! Я выиграл десять тысяч! Мы с Лидией Сергеевной хотели это отметить, и я пригласил за компанию вас!

— Ты десять тысяч выиграл, а я за портвейн платил! — взорвался рентгенолог.

— Перестань орать! — осадила его Лидия Сергеевна.— Ты где находишься?

— Дома! — машинально ответил ревнивец и, свирепея, продолжал: — Я в том самом доме, из которого ты меня выгнала, потому что я ничтожество и скандалист, как сообщил мне твой хахаль!

— Я не хахаль,— возразил Орешников,— я сослуживец!

— Вы не сослуживец, вы не хахаль, вы сплетник! — в ярости выкрикнула Лидия Сергеевна, схватила шубу и выбежала вон.

Соперники остались наедине.

— Ты зачем сюда ночью приперся? — не унимался хозяин дома.

— Я же не один,— примирительно сказал Орешников,— я же тебя привел! Ты подумай, если у меня свидание, зачем мне ты?

Гора ревности неожиданно скатилась с плеч бывшего мужа, и он глупо заулыбался:

— Это верно!

— Тебе надо с ней помириться! — посоветовал Владимир Антонович.— Где ты лучше найдешь?

— Лучше ее нету! — с вызовом заявил человек, имени которого Орешников так и не узнал.— Давай выпьем за нее!

— Давай! — согласился Орешников.

Лидии Сергеевне было невдомек, что Орешников пьет за ее здоровье. Сейчас она его ненавидела, а ненависть, как известно, первая ступенька на лестнице любви. Лидия Сергеевна хотела отомстить Орешникову. Она придумала такое, что может придумать только современная женщина. Она не собиралась убивать его кинжалом, травить ядом, подсылать дуэлянтов. Нет, ее месть была в духе времени.

Поздно вечером Лидия Сергеевна ворвалась в квартиру Алевтины:

— Алевтина Васильевна! Я пришла к вам, как к председателю месткома!

30 декабря, день

Не в деньгах счастье, но без денег плохо. Нет человека, который стремился бы получать зарплату поменьше, хотя он работает, как известно, не ради нее. Деньги, конечно, не главное. Но человек без рубля в кармане подобен птице без полета, то есть курице. Это относится, разумеется, к ненашему человеку, потому что наш человек всегда в полете.

Тяжело сознавать, что на человека, который ничем не лучше тебя, а может, даже похуже, свалилось богатство! У баловня судьбы нет никаких смягчающих обстоятельств вроде ума или таланта. Несправедливость, когда куш срывает недостойный, может свести с ума даже хорошего человека.

Когда Орешников явился утром на работу, там уже висело объявление:

«30 декабря в фотопавильоне
состоится профсоюзное собрание.

Повестка дня:

1. Соревнование с фотографией “Буревестник”.

2. Персональное дело В.А. Орешникова.

Начало в 12 часов утра

Явка не обязательна»

Главное, чем люди отличаются от животных, — это любовью к собраниям. Именно способность утверждать повестку дня, выступать в прениях, укладываться в регламент, выбирать счетную комиссию, кричать с места, принимать резолюцию и заранее знать, во время какого из выступлений надо бежать в зал, а во время какого — в буфет, возвышает человеческое существо над остальным животным миром. У животных есть только стада, табуны, стаи, рои и косяки, но никогда не бывает собраний.

Горько думать, что случилось бы с цивилизацией и была бы она вообще, если бы собрания своевременно не вошли в наш повседневный быт. Тайная вечеря, круглый стол короля Артура, новгородское вече — все это предшественники наших нынешних совещаний. Все лучшие решения в истории человечества принимались, как известно, коллективно. И это мудро, потому что отдельную выдающуюся личность может занести черт-те куда и там она может натворить черт-те что!

Несомненно, что решение общего форума вдохновляло Нерона, когда он поджигал город Рим. По принятой католиками резолюции провернули такое благотворительное мероприятие, как Варфоломеевская ночь. В свое время единогласно решили воздвигнуть на берегу Москвы-реки храм Христа Спасителя. Потом, тоже единогласно, решили снести храм Христа Спасителя и построить на этом месте Дворец Советов. Потом, тоже единогласно, решили построить не Дворец, а плавательный бассейн. Когда примут решение о засыпке этого бассейна, это решение тоже примут единогласно.

Да, собрания — великая сила. Особенно хороши они тем, что любой присутствующий может выйти на трибуну и под стенограмму, где записывается каждое слово, сказать все, что он думает. Например, о своем начальнике. И ничего за это не будет!..

Алевтина достала из ящика письменного стола табличку «Закрото на учет», укрепила ее на входной двери и изнутри заперла дверь на ключ.

Все было готово.

С первым вопросом, о соревновании с «Буревестником», расправились в два счета.

— Переходим ко второму вопросу повестки дня, — объявила Алевтина.

Но вдруг, нарушив тишину, кто-то забарабанил в дверь. Ретушер Петя — он сидел ближе других к выходу — отправился на разведку.

— У нас учет! — вежливо объяснил он незнакомцу, который высаживал дверь. — Для чего вывеску-то повесили?

— А мне плевать! — ответил грубиян. — Я снимался, отдайте карточки!

— Минуточку! — сказал ему Петя и пошел советовать: — Какой-то бандит явился за фотографиями!

— Перерыв на десять минут! — нашелся Кирилл Иванович. — Разойдись!

Сотрудники разбежались.

Алевтина открыла дверь и увидела нарченного.

— Что у тебя тут за порядки? — сказал Калачев вместо приветствия. — Не достучишься к вам!

— У нас учет! — растерялась Алевтина.

— Непохоже! — Иван Степанович с видом знатока огляделся по сторонам. — Когда учет, кругом беспорядок! Я за карточками пришел. И на тебя поглядеть тоже, заодно.

— Ваша квитанция! — сухо попросила Алевтина.

— Держи!

Алевтина порылась в ящике, где лежали готовые снимки, достала нужный конверт и протянула его Ивану Степановичу.

— Пожалуйста! — сказала Алевтина. — Все?

— Дай рассмотреть-то. — Иван Степанович раскрыл конверт и вынул фотографии. — А что? Фотогеничный я... В кино могу сниматься, — пошутил он и сам рассмеялся. — Очень даже я симпатичный на карточке...

— Может быть, вы полюбуетесь дома, мне очень некогда!

— Вот ты мне грубишь! — укоризненно сказал Калачев. — А я тебе фотографию собираюсь подарить. С надписью!

— В другой раз! Ну, например, вечером! — только для того, чтобы сплавить ухажера, Алевтина приносила себя в жертву.— Я согласна встретиться.

— Авторучку давай! — приказал Калачев.

В приемной, как бы невзначай, появлялись сотрудники и недвусмысленно смотрели на докучливого посетителя.

— Что это они на меня уставились? — удивился Калачев, держа в руках перо и собираясь надписать фотографию.— Ага, вон оно в чем дело! — Надо было случиться тому, что в этот момент он увидел объявление.— Соревнование! — прочел Иван Степанович.— Это хорошо, правильно! Второй вопрос — персоналка... Это кто же такой Орешников?

— Фотограф,— Алевтина отвечала сквозь зубы.

— А что он натворил?

— Какое вам дело? — вмешалась Лидия Сергеевна, у которой сдали нервы.— Вы нам мешаете, товарищ! Вы получили фотографии? Претензий нет? И не задерживайте нас!

Калачев даже привстал:

— А ты кто такая есть?

На подмогу к Лидии Сергеевне бросился Юра:

— Товарищ, не безобразничайте! Уходите, а то мы вызовем милицию!

— А ну-ка, дайте мне жалобную книгу! — не растерялся Иван Степанович.— Ишь вы какие!

— Иван Степанович! — На линию огня снова вышла Алевтина.— У нас закрыто! Я обслужила вас из любезности!

— Хороша любезность! Я вас выведу на чистую воду! Где директор?

— Когда закрыто, жалобную книгу не выдают! — сказал ретушер Петя.

— А собрание в рабочее время устраивают? — ехидно спросил Иван Степанович.

На шум в приемную заглянул Орешников.

— А я тебя узнал! — обрадовался Калачев.— Ты меня фотографировал.

— Вы довольны снимками? — с профессиональной вежливостью спросил Владимир Антонович.

— Блеск! — похвалил Калачев.— Ты скажи, кому тут шьют дело?

— Мне,— радостно поделился Орешников.— Я десять тысяч выиграл, а им завидно.

— Денги у тебя хотят отобрать, что ли? — мигом сообразил Иван Степанович. — А ты не отдавай.

— А я и не отдам!

— В чем дело, гражданин? — в присмной появился Кирилл Иванович.

— Дело в том, — четко ответил Иван Степанович, — что я тоже хочу участвовать в собрании! — И обвел всех торжествующим взглядом. — Я тоже член профсоюза!

— Невозможно! — возразил директор. — Это внутреннее дело нашего коллектива!

— У профсоюза, — продолжал куражиться Калачев, — нет секретов от трудящихся! Ты директор, что ли?

— Правильно! — вдруг подал голос Орешников. — Пусть товарищ примет участие!

— Глупости говорите! — сказала Алевтина.

— Алевтина, помолчи! — как муж, прикрикнул на нес Калачев. — Я никому не позволю никаких махинаций! Вывеску повесили «Закрывается на учет», посетителей обманываете, над парнем, — он показал на Орешникова, — измываетесь!

— Они все против меня, — пожаловался Владимир Антонович.

— Все на одного, это не по-честному! — поддержал его Калачев. — Где у вас собрание, ты меня проводи!

И Орешников, взяв под руку неожиданного защитника, повел его в павильон.

— Садитесь рядом со мной! — пригласил он.

— Я тебя в обиду не дам! — пообещал Калачев, усаживаясь.

В присмной ошеломленно молчали.

— Их нельзя оставлять наедине! — нервно заговорила Алевтина.

Полотенцев почесал затылок. Ситуация была дурацкая — совсем не хотелось при постороннем человеке проводить весьма деликатное мероприятие.

Но... в это время Лидия Сергеевна решительно шагнула к павильону.

— Лидия Сергеевна, обождите! — попыталась остановить ее Алевтина.

— Чего ждать? — огрызнулась красавица и скрылась за портьерой.

Это послужило сигналом. Калачев приветливо встретил вошедших:

— Все на месте? Можно начинать?

Ничего другого не оставалось.

— Дорогие товарищи! — бодро приступил Полотенцев, покосился на Калачева и покатил по наезженному пути: — Мы живем в такое прекрасное время, когда весь наш город, как один человек, готовится достойно встретить Новый год. На фоне успехов, с которыми мы пришли к этой знаменательной дате, особенно позорным является поведение некоторых ренегатов и двурушников, агентов мелкособственнической идеологии! Они, эти агенты, марают наши ряды.

Полотенцев сел. Орешников многозначительно толкнул Калачева в бок:

— Это он про меня!

— Товарищи! — вскочила с места Лидия Сергеевна. — В своем ярком и содержательном докладе товарищ Полотенцев пригвоздил к позорному столбу тех, кто оскверняет мораль нашего общества, тех, кто продался... — Тут она запнулась, так как не знала точно, кому продался Орешников, но вскоре вывернулась: — Продался, одним словом, продался. Мы не позволим! — выкрикнула в заключение Лидия Сергеевна.

— Ну вот что, ребята, — внушительно потребовал Калачев. — Хватит валять дурака! Я же свой человек! Я Алевтинин жених. Я, можно сказать, ее люблю!..

Все посмотрели на Алевтину.

Она зарделась и потупилась. Ей было очень приятно. Впервые в жизни ей признавались в любви, да еще при всем честном народе.

— Алевтина Васильевна, я искренне рад за вас, — поздравил ее Орешников. — И за вас тоже, — обернулся он к Калачеву. Тут ему почему-то вспомнилась Оля, и сразу слегка защемило сердце.

— Ну, если он свой человек, — сказал Полотенцев, и вздох облегчения пронесся по павильону, — не будем церемониться!

Петя поднялся с места и взволнованно заговорил:

— Ты понимаешь, что ты наделал, Володя? Как тебе не стыдно! Мы все тебя любим.

— А что я такого сделал? — защищался Владимир Антонович. — Я же не виноват, что эта счастливая мысль пришла в голову мне, а не вам. Если бы я попросил официально, вы бы дали мне эти деньги! Я же их не украл, я расписку оставил.

— У Кирилла Ивановича десять детей, — пыталась

усовестить Орешникова Алестина.— Петя кругом в долгах. Ире с Юрой квартира нужна. Вы эгоист, Орешников.

— Вам даже в голову не пришло, что не вы один, а мы все выиграли! — укоризненно произнес Юра.

Полотенцев прекратил прения:

— Володя, отдавай облигацию! Этот выигрыш принадлежит всем!

— Не отдам! — внятно сказал Орешников.

— Это общая облигация! — закричал коллектив.

— Нет. моя.

Собрание зашло в тупик. Калачев с интересом следил за происходящим. И в этих критических обстоятельствах поразительную находчивость проявила Лидия Сергеевна.

— Я знаю, что вы рыцарь, Володя,— она поднялась с места.— И не посместе обидеть женщину.

Орешников забеспокоился. Обольстительно улыбаясь, Лидия Сергеевна приближалась к нему.

Орешников вскочил со стула и попятился. Лидия Сергеевна надвигалась неумолимо. Орешников ощутил спиной стену. Дальше отступать было некуда. Лидия Сергеевна подошла вплотную, засучила рукава и стала расстегивать на Орешникове пиджак.

— Что вы делаете! — в панике закричал Владимир Антонович.

Все с замиранием сердца следили за операцией.

— Сильна баба! — восхищенно гаркнул Калачев.

Лидия Сергеевна забралась в левый внутренний карман пиджака и достала оттуда расческу, пуговицу и шариковую ручку.

— Лазить по чужим карманам некрасиво,— пристыдил Орешников.— Детей отучают от этого с малолетства!

— Когда в интересах общества, это совсем другое дело.— Лидия Сергеевна положила на место расческу, пуговицу и шариковую ручку и перешла к исследованию правого кармана.

Близость Лидии Сергеевны пьянила Орешникова.

— Караул! Грабят! — нежно сказал он и добавил: — Я бы предпочел, чтобы вы обыскивали меня тет-а-тет, то есть наедине.

Калачев заржал.

Длинными, тонкими пальцами, созданными для ласки и белых клавиш рояля, Лидия Сергеевна извлекла из правого кармана Орешникова заветную облигацию.

Сослуживцев охватил энтузиазм. Но Калачев вырвал облигацию из рук Лидии Сергеевны и спрятал в конверт с собственными фотографиями:

— Пусть она пока здесь полежит...

Сослуживцы насторожились.

— Спасибо! — Орешников протянул руку за облигацией, простодушно считая, что Калачев — его союзник.

— Ты не торопись. Я еще не во всем разобрался, но уже начинаю кое-что понимать! — И Калачев, оттолкнув протянутую руку, поглядел на Орешникова с нескрываемым подозрением.

И это вызвало перелом в сознании отщепенца. Орешников понял, что надо спасать хоть то, что еще можно спасти.

— Дайте мне слово! — попросил Владимир Антонович. — Друзья мои! Я был не прав, и коллектив меня поправил. Конечно, надо поделить этот выигрыш на всех. И хоть я выдумал затею с облигацией, я не требую дополнительного вознаграждения. И предлагаю делить поровну!

— У меня другое предложение! — воскликнул Петя, лицо его стало одухотворенным. — Давайте ничего не делить, устроим гигантский сабантуй и прольем эти шальные деньги. Зато потом будет что вспомнить!

На его выходку никто не обратил внимания.

— То есть как это поровну? — зашлась Лидия Сергеевна. — Я получаю зарплату больше, чем, скажем, Алевтина. И взношу в кассу взаимопомощи тоже больше. Вносим-то мы один процент от нашей зарплаты. Значит, мне причитается сумма подороже!

Лидия Сергеевна не понимала, что сама роет себе яму, в которую скоро упадет. Красивые женщины всегда глупы. Во всяком случае, так думают все некрасивые женщины, и это служит им утешением.

Алевтина ловко использовала промашку красавицы.

— Владимир Антонович, — сказала она слейно, — когда вы собирали взносы, я у вас одалживала, возьмите, пожалуйста, — и со значением вернула Орешникову долг.

— Почему вы так торопитесь? — спросил Владимир Антонович, не догадываясь, к чему клонит Алевтина. Она улыбнулась ему и повернула к Лидии Сергеевне торжествующее лицо:

— Значит, вы получаете больше меня, Лидочка! Но вы позабыли, Лидочка, что уже четыре месяца не

платили взносы. И здесь вашей доли нет! За неуплату взносов я предлагаю исключить Лидию Сергеевну из членов кассы взаимопомощи! Кто «за», прошу поднять руки!

Тотчас взметнулось девять рук — голосовали Полотенцев, Алевтина, Ира, Юра и еще пять сотрудников, имена которых история не сохранила.

— Кто против?

Орешников одиноко поднял руку.

— Кто воздержался?

Теперь руку поднял Петя.

— Принято единогласно! — привычно подытожила Алевтина.

— Это нехорошо, неправильно! — попытался повернуть колесо фортуны Владимир Антонович.— Надо делить на всех и обязательно поровну. Так будет справедливо!

Теперь он уже на самом деле думал именно так. Потеряв большую часть состояния, он снова становился человеком.

В это мгновение Петю посетила свежая идея.

— Товарищи! — закричал он, и опять его лицо стало вдохновенным.— Если вы не хотите сабантуй, давайте все вместе возьмем отпуск за свой счет, махнем на Кавказ, в горы, есть шашлык и пить вино.

— Петя, помолчи! — устало остановил его Полотенцев.

— Лидия Сергеевна! — Алевтина вернула собрание в русло.— Прошу покинуть помещение!

Так судьба покарала Лидию Сергеевну за то, что вчерашней ночью она сочинила заговор.

Лидия Сергеевна поднялась со стула и на ногах, которые ее плохо слушались, поплелась к выходу.

— Не уходите! — закричал Орешников.— Люди, что вы делаете! Вы же проходили в школе: человек — это звучит гордо!

— Вы лучше на себя поглядите! — дал ему отпор Юра, а Ира добавила:

— Вы вообще один пытались все заграбастать!

— Мне стыдно об этом вспомнить! — сознался Орешников.— Я был некрасив, как вы некрасивы сейчас.

Лидия Сергеевна была потрясена. Мужчина, которого она предала, оказался единственным, кто за нее заступился.

Держась за плюшевую занавеску, которая отделяла фотопавильон от мира, Лидия Сергеевна смотрела на Орешникова, и взгляд ее говорил, что любовь дороже денег. Да, в трагическую минуту ненависть переродилась в любовь!

Лидия Сергеевна с усилием оторвала от Орешникова проникновенный взгляд и ушла.

А Калачев наконец-то раскрыл смысл событий.

— Вот вы, оказывается, какой прохиндей! — обозвал он Орешникова. — На общественные деньги спекулируешь! А я-то, наивный, за тебя заступался! Товарищи! — обратился он с воззванием. — Его тоже над прижучить и исключить!

Все знали арифметику. И совсем нетрудно догадаться, какая участь постигла Орешникова.

Деньги портят человека и будут портить еще долго. Конечно, сотрудники «Твоего портрета» повели себя непорядочно. Но не надо судить их слишком строго. Говоря по-честному, без всякого ханжества и лицемерия, трудно удержаться и не обалдеть, когда перед глазами маячит круглая сумма. И все-таки сотрудники фотографии должны были держать себя иначе. Их поведение недостойно, а следовательно, нетипично, хотя бы потому, что на человека не так уж часто сваливаются большие деньги.

Исключенный Орешников уходил с собрания эффектно, не так, как Лидия Сергеевна. Он умел проигрывать. По прямой мужской линии он происходил от д'Артаньяна.

Орешников поднялся и заговорил, как будто ничего не случилось:

— Друзья мои! Покидая собрание, я позволю себе дать несколько практических советов.

Первое: не забудьте, пожалуйста, когда получите деньги, вернуть в кассу взаимопомощи двадцать рублей, как бы это сделал я.

Второе: когда вас спросят, где вы приобретали облигацию, знайте, что вы купили ее в сберкассе № 5288/0331. Вы меня выкинули из игры, мне очень грустно, но Киплинг сказал: «И будешь тверд в удаче и в несчастье, которым, в сущности, цена одна!..»

Закончив выступление, немножко высокопарное, Орешников двинулся к выходу.

Нервы у слушателей сдали.

— Старик, мне тебя жалко! — расчувствовался ретушер Петя. — У меня есть предложение, которое всех устроит. — Лицо его стало лучезарным. — Вам не хочется

сабантуй, вам не нравятся горы, тогда давайте купим в складчину автобус, будем по воскресеньям ездить за город, ловить рыбу, пить вино...

— Петя! — с укором сказала Ира.— Вы можете подумать о чем-нибудь серьезном?

— Нет! — честно признался Петя и виновато посмотрел на Орешникова.— Старик, я хотел, чтоб всем было хорошо...

— Володя, извините нас! — сказал Полотенцев.— Но вы сами во всем виноваты.

— Володя, мы вас очень любим! — заверила Алевтина и поглядела на Калачева.

— Приходите к нам на новоселье! — пригласили Ира и Юра, которые в мечтах уже внесли аванс на кооперативную квартиру.

А Калачев встал с председательского места и пожал Орешникову руку.

Все сочувствовали Орешникову, жалели его, но это была бесплатная жалость.

Отодвинув шпингалет на окне, Орешников открыл его, вылез на улицу и растворился в снежной мгле.

Он вынырнул из снежной мглы возле сберкасы № 5288/0331. У Олиного окошка стояло несколько человек. Орешников занял очередь. Оля его не замечала. Когда голова Орешникова просунулась в окно, Оля растерялась от неожиданности.

— Добрый день,— дерзко сказал Орешников, делая вид, словно они никогда не ссорились.— Как жизнь?

— Спасибо, хорошо.— Оля быстро взяла себя в руки.

Когда молодые люди говорят друг с другом излишне вежливо, это означает, что они в разладе.

— До чего же отдельные девушки обидчивы! — пренебрежительно сказал Орешников. Он и не думал извиняться и в разговоре старательно избегал обращения как на «ты», так и на «вы».

— Я нахожусь на работе,— сухо ответила Оля.— И не имею возможности вести посторонние разговоры с клиентами.

Орешников обернулся — сзади очереди не было.

— Я никого не задерживаю.

— Все равно!

— Это верно,— холодно согласился фотограф.— Я пришел по делу!

— Слушаю,— сказала Оля.

— Вот когда я принесу облигацию, ну, ту самую, сберкасса сразу же сможет выдать мне деньги?

— Поскольку речь идет о крупной сумме, облигацию полагается послать на экспертизу.

— Это длинная история?

— Придется потерпеть целые сутки! — не удержалась Оля.

— Это меня устраивает.

Задержка в выдаче денег действительно устраивала Орешникова.

— Сейчас у меня нет при себе облигации, так что я зайду попозже.

— Если облигация не окажется такой фальшивой, как некоторые, сберкасса выдаст десять тысяч,— ледяным тоном объяснила Оля.

— Если человек на работе, он не имеет права оскорблять посетителя.— Орешников пытался обратиться все в шутку. Но Оля не была расположена шутить.

— Можно написать на меня жалобу!

— Должен тебе сказать, Оля,— не выдержал Орешников и первый раз обратился к ней на «ты»,— что твое поведение меня огорчает, хотя я сам не могу понять почему.

С этими словами он ушел. Оля не побежала за ним вдогонку, но расплакалась. Правда, Орешников об этом не знал.

Он уже не думал об Оле. Его мысли были заняты планом, для осуществления которого требовался помощник. Единственной кандидатурой могла быть Лидия Сергеевна, которую тоже исключили из дележа. Владимир Антонович хотел было зайти к ней домой, но побоялся напороться на ревнивого рентгенолога, который закатит сцену и все испортит.

Обездоленная Лидия Сергеевна тоже думала об Орешникове. Пока она шла от «Твоего портрета» до дому, ее чувство к Владимиру Антоновичу росло, росло и выросло до невиданных размеров.

Лидия Сергеевна машинально достала ключи, открыла дверь, сняла пальто, повесила его на вешалку, перешла в комнату, села на диван и заплакала. Она плакала потому, что ее лишили денег, а рядом не было Орешникова, который мог бы ее утешить. Она не замечала, что в комнате вновь появились диван, шкаф, стол и остальная мебель во главе с мужем.

Рентгенолог стоял у окна и ждал, когда Лидия Сергеевна начнет радоваться. Но не дождался и вспылил:

— Я возвратился! Привез обстановку! А ты ревешь! Значит, ты недовольна моим возвращением!

Услышав мужской голос, Лидия Сергеевна вздрогнула.

— Ах, это ты! — пробормотала она, узнав мужа.

— Да, это я! — Муж сразу дал почувствовать, что он вернулся. — Почему ты явилась так рано?

— У нас было собрание.

— Собрание! — заорал муж. — Ты бы думала, прежде чем врать!

— Меня исключили из кассы взаимопомощи...

— И поэтому ты плачешь?

Но Лидии Сергеевне было сейчас не до семейных сцен. Она набрала номер телефона. Орешников сразу поднял трубку. Он как раз собирался звонить Лидии Сергеевне.

— Володя, это вы? — услышал он ее голос. — Сейчас я к вам приду...

Муж тоже услышал Лидии Сергеевны слова и затопал от негодования.

Лидия Сергеевна повесила трубку.

— Позже я тебе все объясню. Сейчас некогда.

Она оделась и ушла к Орешникову.

Муж перестал топтать. Он принял решение. Он действовал энергично. Он выскочил на улицу и остановил первый попавшийся грузовик.

— Товарищ водитель! — сказал ревнивец. — Вы мне не поможете срочно перевезти мебель?..

...Тем временем события нарастали. Держатели облигации отправились менять ее на живые деньги.

Впереди шел Калачев под руку с Алевтиной.

Они двигались медленно, потому что у них происходил любовный разговор. А о любви не говорят на бегу.

— Ты учти, Алевтина, что я тебя не за деньги полюбил. Ты мне раньше приглянулась, когда я еще не знал про выигрыш.

— Я учитываю! Только я вас еще не полюбила, хотя уже меняю о вас мнение в лучшую сторону.

— Ты давай побыстрее меняй! — продолжал ухаживать Калачев. — Тебе давно замуж пора!

— Вот я теперь приоденусь, — кокетничала Алевтина, — так буду не хуже, чем Лидия Сергеевна.

— Я к тебе и в таком виде привык! — ласково прошептал ей на ухо Калачев.

Алевтина благодарно улыбнулась.

В сберкассе Иван Степанович достал облигацию, протянул ее в окошко контролеру и сказал:

— Девушка! Вот они, которых я привел, выиграли десять тысяч! Денег-то у тебя хватит?

В то время как Оля сверяла облигацию с таблицей, Калачев собрался уходить:

— Я вам больше не нужен!

Все были признательны Ивану Степановичу, восхищаясь его бескорыстием и благородством.

— А к тебе я вечером загляну! — интимно сказал он Алевтине.

— Буду ждать! — шепнула в ответ возлюбленная.

Тем временем Оля убедилась, что это та самая облигация, которая выиграла десять тысяч! Оля помнила, что главный выигрыш достался именно этому билету, который она вытащила для Орешникова любящей рукой. Поэтому сму и повезло.

Страшное подозрение мелькнуло в ее голове: «Шайка бандитов напала на моего Володю, хотя я его уже не люблю, и, безусловно, убила его!».

— Где вы взяли эту облигацию? — спросила Оля убийцу, мучительно размышляя, как ей поступить: звать милицию, обратиться за помощью к кассирше или расправиться самой?

— Мы купили облигацию здесь, в вашей сберкассе № 5288/0331, — ответил хор голосов.

Подозрения Оли перешли в уверенность.

— Следовательно, вы ее купили у меня. Когда же?

Все помнили день, когда Орешников собирал взносы:

— Три дня назад!

«Они пытали его перед смертью и вывели подробности!» — подумала Оля в ужасе.

— Ваши паспорта! — потребовала храбрая девушка, убежденная, что преступники наведут на нее пистолеты. Когда гангстеры послушно полезли в карманы, Оля подавила в себе крик.

Паспорта собрал Полотенцев и протянул контролеру.

Оля взяла документы и сразу придумала гениальный план.

— Значит, так, облигацию я пошлю на экспертизу. Может, она фальшивая. Заодно проверим ваши паспорта. Может, они тоже ненастоящие.

— Мы согласны! — ответил хор.

— Приходите завтра! — продолжала хитрая Оля. — Я закажу деньги и вооруженную охрану, — добавила она многозначительно.

— Большое спасибо! — сказали уголовники и безропотно ушли.

Оля спрятала облигацию в надежное место, уложила паспорта в сумочку и напугала кассиршу.

— Я ухожу в связи с грабежом и убийством!

Она надела старенькое пальто, на цыпочках подкралась к выходу, осторожно приоткрыла дверь и выглянула. Злодеев поблизости не было. Оля метнулась в сторону и скрылась, унося с собой их паспорта...

30 декабря, вечер

Тот, кто думает, что благородный человек — это такой человек, который совершает благородные поступки, жестоко ошибается. Благородный человек — это такой человек, который не совершает неблагородных поступков. Легко быть принципиальным и бескомпромиссным в крупных, масштабных вопросах: как развивать добрососедские отношения с Новой Зеландией, когда проводить перепись населения и куда лететь раньше — на Уран или Нептун. Значительно труднее быть молодцом в случаях мелких, житейских, обыденных.

Вера Фоминична Полотенцева была женщиной твердых устоев. Ее нельзя было сбить с панталыку ни за какие деньги.

— Вы потеряли моральный облик! — выговаривала мужу Вера Фоминична, после того как они закончили ужинать и уединились в маленькой комнатке, переделанной из лишней кухни.

— В нашем бюджете столько дыр, — оборонялся Кирилл Иванович. — Их нужно затыкать деньгами!

— Мы не станем поступаться нашими принципами! — железобетонным голосом сказала мать-героиня. — Мне стыдно за ваш коллектив. Вы не должны были их исключать!

— А что же мы должны были делать? — спросил затурканный Полотенцев.

— Взять их на поруки и перевоспитать! Да, у нас плохо с деньгами. Да, дети — бездонная бочка, но мы не будем торговать нашими убеждениями!

Вера Фоминична была прекрасна цельностью натуры.

— Вера, я тебя люблю! — не удержался Полотенцев.

— И я тебя люблю! — призналась она.

— Что же нам конкретно делать? Я имею в виду историю с выигрышем.— И Полотенцев склонил уставшую голову на крепкое плечо жены.

— Решайте сами! — сказала подруга жизни и погладила мужа по голове.

Полотенцев тотчас же подошел к двери и запер ее на ключ, чтобы не помешал никто из детей...

Лидия Сергеевна направлялась к Орешникову с серьезными намерениями. Когда красотка в волнении страсти вышла из лифта, ее сердце стучало так сильно, что Орешников услышал стук и открыл дверь.

— Володя,— сказала Лидия Сергеевна прерывающимся голосом,— я так перед вами виновата. Ведь это я все организовала...

— Не будем вспоминать об этом. Заходите!

— Я не смю переступить порог вашего дома!

— Переступайте! — великодушно разрешил Владимир Антонович.— Мы теперь с вами друзья по несчастью. Меня тоже исключили!

Поняв, какой финансовый удар нанесла она дорогому человеку, интриганка обмякла и начала терять сознание. Орешников подхватил прелестный груз и доставил в комнату. Пока он надрывался от тяжести, Лидия Сергеевна пропала от счастья.

— Володя,— произнесла она любимое имя и приоткрыла веки.— Я пришла сделать вам предложение!

Орешников усадил ее на стул и спросил:

— Какое?

Его недогадливость делала ему честь.

— То самое!

— Делайте!

Женщина встала и церемонно поклонилась:

— Я прошу вашей руки!

— В каком смысле? — изумился Орешников.

— В прямом! — намекнула Лидия Сергеевна.— Я хочу, чтобы вы стали моим мужем!

Владимир Антонович не нашелся, что ответить.

В это время прозвенел звонок. Орешников и Лидия Сергеевна не обратили на него внимания.

Из соседней комнаты вышел отец и отворил входную дверь.

— Здесь квартира артиста Орешникова? — трагически спросила Оля.

— Да, это я! — осторожно признался артист, по опыту опасаясь, что перед ним поклонница-психопатка. Лицо Оли показалось ему знакомым, но он не помнил, где ее видел.

— Где ваш сын?

Отец не знал, что к сыну пришла Лидия Сергеевна:

— Только что валялся на диване.

— Мертвый? — выкрикнула Оля. — Они его убили и отняли облигацию, я так и думала!

На всякий случай, от греха подальше, отец отступил на шаг и посмотрел на Олю с испугом:

— По-мосму, нет... Даже наверняка нет. Он живой! Даже чересчур!

— Это все, что я хотела узнать! — сказала Оля загадочно и побежала вниз по лестнице.

Орешников-младший, поглощенный обороной, так и не узнал, что к нему приходила Оля.

— Но вы же замужем, — сопротивлялся Владимир Антонович.

— Разве это муж? — горько вздохнула красавица.

— Но я не могу жениться на вас. Я бы с удовольствием, но у меня уже есть невеста. Ее зовут Олей.

— Дайте ей отставку! — умоляла Лидия Сергеевна, переполненная любовью по самую лебединую шею. — Вы сделаете непоправимую ошибку, если женитесь не на мне! Я вас полюбила, Володя, это случилось со мной первый раз в жизни. Для вас я пойду на любые жертвы. Я буду мотаться по магазинам и рынкам, варить обед и мыть посуду. Я сама буду относить белье в прачечную, я научусь чинить электричество, гладить брюки и натирать полы. Когда вы пойдете со мной по улице, все будут на нас оборачиваться. Женитесь на мне, ну, пожалуйста!

Орешников был растроган. Людям нравится, когда им объясняются в любви.

— Но я собирался жениться на Оле! — тупо повторил он свой довод.

— Где ваша Оля, я не знаю, но я-то здесь, совсем рядом, вы только протяните руку... — тихо произнесла красавица.

Сопротивление Орешникова слабело, и он жалобно попросил:

— Не надо, Лида...

Напор атакующей стороны оказался настолько пленительным, что Владимир Антонович был готов к сдаче в плен. Орешников напоминал беднягу кролика, который добровольно идет в объятия удава. А удав, как везде написано, самая красивая змея на свете, и поэтому задыхаться в его объятиях приятнее, чем в любых других...

Был мягкий зимний вечер. Чистый рождественский снег падал на грешную землю.

Оля быстро шла по улице. Подойдя к старинному дому со львами у подъезда, Оля достала из сумки один из конфискованных паспортов и сверила адрес. Затем она вошла в парадное и позвонила в квартиру на первом этаже.

Дверь открыл Петя. Увидев девушку из сберкассы, он перепугался.

— Что случилось? Неужели облигация поддельная?

— Нет, я думаю, что настоящая. Мне надо с вами поговорить.

Петя пригласил Олю в комнату и помог снять пальто.

— Давайте примем по маленькой. Вам с мороза полезно,— обрадовался Петя, который не любил выпивать в одиночку.

— Скажите, ведь эта облигация принадлежала Володе?..

Петя уже доставал из буфета графин и рюмки.

— Володе,— он удивленно взглянул на девушку.— А вы его знаете?

— Знала... А как эта облигация попала ко всем вам?

— Значит, вам известно, что он выиграл десять тысяч?

— Мне про него все известно,— горько сказала Оля.

Петя внимательно посмотрел на нее.

— Значит, вы поссорились...— догадался он.

Оля не удержалась и всхлипнула:

— Да!

— Выпьем за то, чтобы вы помирились! — поднял тост Петя.

— Я никогда с ним не помирюсь.— И Оля решительно выпила.

— Вы закусывайте,— угощал Петя.— Володя — хороший парень. Только лоботряс. И знаете,— заверил Петя, считая, что приводит самый важный довод в пользу друга,— он испьющий, не то, что я.

— Но все-таки,— почему вы отобрали у него облигацию?

И Петя, смущаясь, рассказал Оле все.

Теперь Оля на самом деле знала об Орешникове всю правду, кроме того, что он находился сейчас во власти соблазнительницы.

Лидия Сергеевна лежала на диване, укрытая пледом. Владимир Антонович расположился у нее в ногах.

— Лида, уже поздно. Пойдем, я тебя провожу! — Орешников с некоторым опозданием корил себя за капитуляцию.

— А чего я дома не видела? — лениво ответила Лидия Сергеевна.

— Нехорошо, муж будет беспокоиться... — гнул свою линию любовник.

— Не выпроваживай меня! Я тебя люблю и остаюсь здесь навсегда!

Орешников понял, что попал в безвыходное положение и заслужил это. Надо было выпутываться.

— Иди ко мне! — позвала Лидия Сергеевна.

— Обожди! Я думаю!

— О чем, милый?

Орешников поднялся и зашагал взад и вперед по комнате.

— Разве это справедливо, — с пафосом воскликнул он, — что они лишили нас доли?

— Не хочу я сейчас об этом думать...

— Не бросайся такими деньгами! — продолжал заманивать в ловушку Владимир Антонович.

— Я ими не бросаюсь. У меня их нет. — Лидия Сергеевна довольно быстро клюнула на приманку. — Но это безобразие! Это произвол!

— Ты права! — раздувал пламень ее обиды Орешников. — Мы должны добыть нашу законную долю. И ты мне поможешь. Одевайся!

Вскоре Орешников и Лидия Сергеевна шли по главной улице.

Все мужчины оборачивались и завидовали Орешникову. Но он не испытывал от этого радости. Он высвободил руку, желая обрести свободу, но это расходилось с интересами Лидии Сергеевны.

Она сама взяла Орешникова под локоть, и он почувствовал, что она держит его мертвой хваткой.

Навстречу им, по той же улице, шли Оля и Петя. Увидев Орешникова с Лидией Сергеевной, Оля мгновенно взяла Петю под руку.

Две пары остановились друг перед другом. Орешников виновато поглядел на Олю. Лидия Сергеевна перехватила этот взгляд и поняла, кто перед ней. Она торжествующе улыбнулась. Оля посмотрела на Лидию Сергеевну презрительно, а на Орешникова она старалась вовсе не глядеть.

Петя взирал на всех по очереди, пытаясь понять, что происходит.

Женским чутьем Лидия Сергеевна ощутила опасность и поволокла Орешникова за собой. Оля немедленно поволокла за собой Петю. Пары разошлись в разные стороны.

Орешников не выдержал и обернулся. Оля тоже не выдержала и тоже обернулась. И хотя расстояние между ними увеличивалось, они все еще смотрели друг на друга.

В любви, как в лотерее, никогда заранее не известно, кто выиграет. Вот, например, Алевтина долго ждала и наконец вытасила счастливый билет в образе Ивана Степановича.

Сдержав обещание, Калачев заявился к невесте с огромным девятирублевым тортом.

Алевтина провела Калачева в столовую.

— Добрый вечер, Василий Александрович и Мария Петровна! — сердечно поприветствовал будущих родителей Иван Степанович и водрузил торт на стол.

— Зачем он пришел? — поразился Василий Александрович, обращаясь к дочери, которая вырядилась в лучшее платье. — Если мне не изменяет память, он утверждал, что ноги его здесь не будет!

— Погорячился я, Василий Александрович! — признался Калачев.

— Что его сюда привело? — по-прежнему не замечая Калачева и разговаривая только с дочерью, продолжал отец.

— Я на вашей Алевтине жениться задумал! — огоршил родителей Иван Степанович. — Прошу вашего согласия, дорогие и уважаемые Василий Александрович и Мария Петровна!

— Я согласна! — поспешно сказала мать, боясь, что жених передумает.

Василий Александрович упрямо делал вид, что Калачева нет в комнате.

— Какой он жених, Аля? Ему же на пенсию пора!

— Это вы преувеличиваете! — Иван Степанович понимал, что отец берет реванш за первую встречу, и решил терпеть унижение до победного конца.

— Ну а ты-то согласна? — в упор спросил у дочери Василий Александрович.

- Она согласна! — заверил Калачев.
 - Она согласна! — подтвердила мать.
 - Я тебя спрашиваю, Алевтина! — строго сказал отец.
 - Я согласна! — призналась Алевтина.
- Жених застеснялся.

— Зачем тебе этот мухомор? — искренне удивился отец, который души не чаял в дочке.

Мать заспешила на выручку:

— Не слушайте его, Иван Степанович!

— Я его теперь должен слушать, я его теперь уважать должен, хочешь не хочешь! — по-сыновьи сказал Калачев.

Алевтина смотрела на отца умоляющими глазами, и он наконец сдался:

— Делайте что хотите!

— Вот и договорились! — обрадовался Иван Степанович. — Спасибо, папа!

И прежде чем Василий Александрович успел опомниться, Калачев навалился на него и расцеловал.

31 декабря

Наконец наступил последний день старого года.

Перед закрытием сберкассы сотрудники фотографии толпились у Олиного окошечка. Орешникова и Лидии Сергеевны среди них не было. Деньги получал Калачев, как лицо нейтральное и оправдавшее доверие.

Оля обратилась к присутствующим с маленькой речью, мстя этим как Орешникову, так и Лидии Сергеевне.

— Уважаемые товарищи! Поздравляю вас с наступающим Новым годом и с выигрышем. Надеюсь, что вы и дальше будете покупать облигации трехпроцентного займа!

— Большое спасибо! Мы вас тоже поздравляем! — весело откликнулись богачи.

На улице Алевтине не удалось идти рядом с женихом.

Калачева бережно поддерживали Кирилл Иванович и Петя, чтобы Калачев, не дай бог, не споткнулся, не упал, не попал под машину.

— Слушайте,— сказал Петя, не выпуская локтя Ивана Степановича.— Это дело надо отметить.

— Это наша традиция,— согласился Полотенцев.

— Я «за»,— сказал Калачев.

Процессия остановилась около «Гастронома».

Пока счастливики опустошали магазин, Лидия Сергеевна одна, в пустой квартире, вела себя более чем странно. Часы показывали уже девять вечера. Все женщины города лихорадочно надевали бальные платья,

а Лидия Сергеевна надевала лыжный костюм. Можно было подумать, что она собирается провести новогоднюю ночь на лыжне.

Послышался стук открываемой двери. Лидия Сергеевна устремила в переднюю посмотреть, кого это черт принес.

В дверях, с бутылкой шампанского, робко стоял муж, по лестнице с мебелью поднимались грузчики.

Увидев жену, муж пустился в объяснения:

— Я вернулся навсегда! Ты рада, я знаю. Я тоже очень рад. Мы будем вместе встречать Новый год!

Лидия Сергеевна отмолчалась. Муж появился явно некстати.

— Я был не прав! — Я не буду больше тебя ревновать. Я тебе верю. Я знаю, ты меня любишь! Почему ты в лыжном костюме?

Лидия Сергеевна поняла, что все начинается сначала, и пожалела, что у нее в руках нет лыжных палок. Хотя бы одной палки.

Грузчики отгеснили хозяйку в сторону и внесли в комнату шкаф.

— Ты даже не представляешь, как дорого обходится перевозка мебели! — пожаловался ревнивец. — И полировку всю поцарапали...

Телефонный звонок раздался ровно в половине десятого, как и было договорено. Лидия Сергеевна опередила мужа и схватила трубку.

— Да, это я, — сказала эффектная лыжница. — Хорошо. Иду!

— Это куда же ты направляешься под самый праздник? — поразился муж. — Я тебя спрашиваю!

— Ты доигрался со своей мебелью! — наконец-то удостоила его ответом Лидия Сергеевна. — Я полюбила другого человека!

— Лида! — заплакал муж. — Если ты от меня уйдешь, я выброшусь из открытого окна!

— Не говори глупостей! — отмахнулась Лидия Сергеевна и по-спортивному выбежала на лестницу.

Муж затрусил вдогонку и закричал угрожающе:

— Лида! Мы живем на шестом этаже!

— Я это знаю! — отозвалась жена снизу.

Рентгенолог заспешил обратно в комнату и настесь распахнул окно. В комнату ворвался морозный воздух. Брошенный муж проворно взобрался на подоконник и стал дожидаться, когда жена выйдет из подъезда.

— Лида! — завопил несчастный, увидев свою мучительницу на тротуаре.— Смотри, я сейчас выкинусь!

Лидия Сергеевна вскинула голову.

— Не стой на окне — простудишься! — проявила заботу жена и ушла к другому.

Кто-то тронул рентгенолога за ногу. Он испуганно откинулся назад, чтобы действительно не выпасть.

— Прежде чем из окна сигать,— сказал грузчик,— ты, хозяин, деньги плати. Мы закончили.

— Везите все обратно, я оплачу! — простонал рентгенолог, слезая с подоконника.

— Нет уж, дудки. Нам к женам пора, Новый год встречать!

Было уже десять часов вечера. Город садился за праздничный стол провожать старый год. Город веселился и чокался.

Только бедная Золушка Оля со своими мамой и папой не ждала гостей. В маленькой квартирке, расположенной на верхнем этаже, под самой крышей, стол был накрыт на троих.

Золушке было грустно. Она наряжала маленькую полиэтиленовую елочку, достать которую было легче, чем настоящую.

— От подставки до макушки,—

заунывно пела Оля на мотив похоронного марша, в то время как папа и мама смотрели телесвизор,—

сто четырнадцать огней.
На ветвях висят хлопущки,
И звезда горит на ней...

А город произносил тосты, выпивал, закусывал. Город слегка опьянел.

В фотопавильоне тоже был накрыт стол. В центре, рядом с шампанским, в ванночке для проявки негативов, лежали десять тысяч рублей, как одна копсечка. За столом восседали десять соискателей и Калачев.

Банкет был в разгаре. Иван Степанович держал речь:

— Я поднимаю этот бокал за вашу дружную фотографию, которая успешно выполнила годовой план. Я приглашаю всех на нашу свадьбу, на которую коллектив автобазы номер три придет в полном составе.

Все закричали: «Спасибо!» — и выпили.

Алевтина взглянула на часы и испуганно сказала:

— Пора делить, а то не поспеем домой Новый год встретить. Я предлагаю делить поровну.

Тут поднялся ретушер Петя и прочувствованно сказал:

— Я по-прежнему настаиваю делить на всех поровну, включая Орешникова и Лидию Сергеевну. Иначе как мы все будем смотреть им в глаза?

— Петя прав,— согласился Кирилл Иванович.— Исключив наших товарищей, мы потеряли моральный облик,— повторил он слова жены.

— Хорошо,— пошла на уступку Ира,— примем Орешникова обратно!

— А ее? — спросила Алевтина.

— Мы не согласны! — мгновенно возмутилась Ира, а Юра добавил:

— Она не вносила в кассу взаимопомощи.

Алевтина величественно поднялась.

— Друзья! Надо ее принять,— заговорила она, чувствуя на себе одобренный взгляд Калачева.— Надо ее пожалеть. Она женщина одинокая. Ее муж бросил. А когда женщину никто не любит, ей одной очень трудно. А членские взносы она внесет.

Алевтина была сейчас привлекательна. Как известно, любовь облагораживает женщину, делает ее красивой и даже доброй.

Но, главное, Алевтина чувствовала себя победительницей. Наконц-то она, которую все почему-то считали дурнушкой, могла покровительствовать женщине, которую все почему-то считали красавицей.

— Алевтина, безусловно, права,— сказал растроганный Полотенцев.— Ну, обалдели вначале от этих денег. Пора уж в себя прийти. Я горжусь, что наш коллектив не торгует убеждениями. Давайте голосовать обе кандидатуры вместе.

Но проголосовать не удалось.

Занавеска раздвинулась, и в фотопавильон степенно вплыл Дед Мороз в полном параде, с жезлом в руке и мешком за спиной, в котором, скорее всего, лежали подарки.

— С наступающим вас, передовики фотографического производства! — поздравил он оторопевших сослуживцев.— Это ценная инициатива городских организаций, чтобы я самолично разносил подарки по предприятиям, перевыполнившим план! Ура!

— Ура! — неуверенно ответили собравшиеся.

— Здорово придумано! — одобрил Калачев инициативу.

— От имени и по поручению... — продолжал Дед Мороз, — я поздравляю вас с перевыполнением годового плана на две десятых процента. Мы знаем, что эти две десятых обошлись вам дорого. Мы любим ваш коллектив за энтузиазм, за самоотверженность и дружбу, за то, что у вас при любых обстоятельствах один за всех и все за одного!.. А теперь... становитесь за подарками! — и он скинул с плеч мешок.

Выходить из-за стола никому почему-то не хотелось.

— Надо так надо! — строго наказал Калачев. — Идите! Я тут покараулю.

К Деду Морозу выстроилась очередь.

— И вы, товарищ, идите сюда! — позвал Калачева хозяин зимы.

— Я не из этой фотографии!

— Но вы же, товарищ Калачев, директор лучшей автобазы города! — проявил поразительную осведомленность Дед Мороз.

Польщенный Калачев покинул боевой пост.

К ужасу присутствующих, волшебник погасил свет и полез в мешок за подарками в полной темноте.

— Иди домой, обрадуй жинку, ты получаешь четвертинку! — Дед Мороз вручил Полотенцеву первый гостинец.

Пока шла церемония вручения, красивая тень в лыжном костюме скользнула в окно и подбежала к столу. Раздался грохот. Это упала бутылка с шампанским.

Тень метнулась обратно и исчезла.

Кто-то догадался зажечь свет. Денег, конечно, не было.

— Караул! Ограбили!

Началась суматоха.

Через двор убежала фигура, чем-то похожая на Лидию Сергеевну.

— Этот Дед Мороз — жулик! — первым догадался Калачев.

— Они сообщники! — закричала Алевтина.

Дед Мороз отчетливо понял, что пора смыкаться. Он оставил мешок с подарками на произвол судьбы, подобрал полы халата и пустился наутек. В удирающем волшебнике все опознали Орешникова, которому только

что собирались вернуть его долю. Правда он об этом не знал.

Давно известно, что деньги портят человека. Но отсутствие денег портит его еще больше.

На улице Орешников догнал Лидию Сергеевну и они помчались вместе, обгоняя прохожих, которые тоже бежали, так как до Нового года оставались считанные минуты.

Из фотографии «Твой портрет» вывалилась гурьба ограбленных и пустилась в погоню.

Они не кричали «держите вора!». Они не хотели огласки и бежали молча. Впереди несся руководитель предприятия, а замыкал группу бегунов Иван Степанович Калачев, который принимал участие в погоне на добровольных началах.

— Володя, ты гений, — говорила Лидия Сергеевна на бегу. — Я тебя обожаю!

— Давайте сюда деньги, — приказал Орешников, не снижая темпа. — А то вас они могут догнать, а схватить меня не так просто.

В мыслях Владимир Антонович уже держал в руках заветную фотокамеру «Зенит-112».

Не переставая мчаться, Лидия Сергеевна вручила ему сверток. Орешников удивился толщине пачки.

— Зачем вы взяли все деньги? Вы с ума сошли! — Орешников даже остановился.

— У меня не было времени отсчитывать, — оправдывалась бегунья, увлекая сообщника в подворотню. Погоня промчалась мимо.

— Мы спасены! — сказала Лидия Сергеевна.

Орешников отсчитал из пачки долю, которая причиталась ему и Лидии Сергеевне, выскочил из подворотни на улицу и закричал:

— Вы не туда бежите! Мы здесь!

Погоня молча развернулась на 180 градусов.

— Зачем ты это сделал? — спросила Лидия Сергеевна.

— Так надо!

Орешников положил сверток с деньгами на тротуар и придавил кирпичом.

— Возьмите сдачу! — крикнул он и отбежал на несколько шагов, следя за тем, чтобы деньги не взял кто-нибудь посторонний.

Полотенцев нагнулся и поднял сокровище.

— Сколько здесь?

— То, что вам причитается! — ответил Орешников.

— Что будем делать, товарищи? — спросил Полотенцев.

— Догонять! — предложил Юра.— Они же не все отдали!

Погоня возобновилась. Кирилл Иванович стал отставать первым. У него началась одышка. Теперь он семенил рядом с Калачевым.

— Подумать только,— пожаловался Полотенцев.— А мы их только что собирались принять обратно.

— Теперь ни за что не примем! — отозвался Юра, бежавший в авангарде.

— Но они-то не знали, что мы их собирались принять,— вступился Петя за беглецов.— И объясните мне, пожалуйста, зачем мы за ними бежим, когда они взяли только свою долю!

— Петя прав! — воскликнул Полотенцев.

— Надо закончить собрание,— предложила Алевтина.

— Давайте оформим это по всем правилам. Как решит народ, так и будет! Я прошу всех проголосовать «за» и прекратить беготню, пока у меня еще нет инфаркта,— взмолился Полотенцев.— Кто «за»?

Голосование происходило тоже на бегу. Все подняли руки.

— Принято единогласно! — подытожила председатель месткома.

— Володя! Лидя! Остановитесь! — закричал Петя.— Мы вас приняли обратно. Идите к нам.

Обе группы — преследуемые и преследователи — опять остановились, тяжело дыша, и приступили к мирным переговорам.

Все это происходило на пустынной центральной площади. В это время город уже открывал шампанское. Пробки стреляли.

— Зачем вы все это затеяли? — тяжело дыша, спросил Полотенцев у фотографов. — Как вам не стыдно, вы устроили этот грабеж именно тогда, когда мы все договорились принять вас обратно.

— Я вам не верю! — воскликнула Лидия Сергеевна.— Это вы сейчас нарочно говорите!

Петя посмотрел Орешникову прямо в глаза и сказал ему жестокие слова:

— Мне хочется выпить, Володя, но я не стану этого делать с тобой!

Орешников изменился в лице. Он понял, что недооценил прекрасных качеств коллектива.

Он печально улыбнулся:

— Пожалуй, это не лучший поступок в моей жизни. Извините меня...

Человек, который считает себя благороднее других, как правило, ошибается. Владимир Антонович осознал глубину своего ничтожества, и это стало началом его спасения.

Городские часы начали отбивать полночь, возвещая приход Нового года. Все замолчали, понимая важность момента. Когда часы закончили работу, все закричали: «С Новым годом, с новым счастьем! Ура!».

— Очевидно, я должен еще раз извиниться и признать свое моральное поражение,— тихо сказал Орешников.— Вы оказались лучше меня. Ну что же! Я рад этому.

— Кирилл Иванович, раздайте деньги! — нарушил молчание Калачев, которому надоела эта история.— И кончайте базар!

— Ну что ж, приступим! — согласился Полотенцев, и люди стали делить богатство в центре площади. Новый год для них начался совсем недурно.

А Орешников и Лидия Сергеевна ушли, и их ухода никто не заметил.

— Володя, мы идем к тебе! Ко мне нельзя, потому что вернулся мой рентгенолог.

— Это прекрасно! — обрадовался Орешников.— Я провожу вас к нему, и, кстати, заберите свою долю!

— Пусть она останется у тебя! В нашей семье ты будешь всем распоряжаться! Мы ведь пойдем по жизни рядом!

— Мы пойдем порознь!

— Володя, ты хочешь меня оставить? — Голос Лидии Сергеевны дрогнул.

— Пожалуйста,— попросил Владимир Антонович.— Отпустите меня к Оле. Пожалуйста! Я вас очень прошу.

— Я тебя люблю и буду за тебя бороться! — Такие женщины, как Лидия Сергеевна, никогда не сдаются без боя.

Орешников молча протянул ей деньги. Лидия Сергеевна взяла их. Они постояли рядом и разошлись. Лыжница поплелась к рентгенологу. Дед Мороз заторопился к Золушке.

Выскочив из лифта, Дед Мороз позвонил в дверь.

Оля вышла в переднюю и спросила, не открывая:

— Кто там?

— Дед Мороз! — ответил знакомый голос.— С Новым годом, Оля.

— Зачем ты пришел?

— Я был свиньей! Прости меня, пожалуйста, и впусти!

— И не подумаю! — сказала принципиальная Золушка, которая, однако, обрадовалась приходу Орешникова.

— Тогда вынеси чего-нибудь поесть! — жалостливо попросил Дед Мороз.

— Ну да! — без труда раскусила его Оля.— Ты хочешь, чтобы я открыла дверь!

— Хочу! — признался Орешников.

Оля улыбнулась.

— Если я открою, ты ведь войдешь!

— Войду!

— Потом тебя до утра не выставишь!

— Не выставишь! — согласился с ней Орешников.— Ну, открывай!

Оля открыла дверь и засмеялась, увидев его в облачении Деда Мороза.

— Видишь, я действительно из новогодней сказки!

— Я рада, что ты пришел, дедушка! — откровенно сказала Оля.

— Между прочим,— Орешников все еще стоял на лестничной площадке,— я должен тебе сообщить, что больше всех по этой облигации выиграл я!

— Дурачок, что ты выиграл?

— Я выиграл тебя, Оля!

И Орешников переступил порог, отделявший его от счастья.

Новогодние сказки всегда кончаются хорошо. Иначе их не печатают!

Январь

Добыть деньги — это только полдела, потратить их с толком — не менее высокое искусство...

Кирилл Иванович и Вера Фоминична сидели в столовой за большим обеденным столом. Стол был завален заявками детей на приобретение инвентаря.

Вера Фоминична взяла очередное прошение и прочла:

— «Прошу мольберт. Коля».

— Надо удовлетворить! — предложил Кирилл Иванович, который возлагал на Колю большие надежды.

Вера Фоминична кивнула, наложилла на прошение положительную резолюцию и огласила следующее заявление:

— «Прошу гоночный велосипед. Леша».

— Гоночный велосипед — это разврат! — возмутился отец.

— Мальчик хочет стать чемпионом! — попыталась защитить его мать, но отец встал на дыбы:

— На велосипед я денег не дам! Ты позабыла, что всем надо приобрести теплые ботинки!

— Ты прав! — согласилась Вера Фоминична. — А может быть, вообще вместо всех этих мольбертов записать Севу и Музу в кооператив на однокомнатную квартиру?

— Почему им все, а другим ничего? Нет, это тоже не годится... — Кирилл Иванович огорчился. — Казалось, я выиграл уйму денег, а их ни на что не хватает!

— Не надо было заводить десять детей! — как обычно, пошутила Вера Фоминична.

Дверь отворилась, в комнате появился ребенок лет семи, настроенный агрессивно:

— Папа и мама, купите мне барабан!

— Витя! — приказал отец. — Сейчас же выйди отсюда и закрой за собою дверь!

— Я не Витя, я Валерик! — обиделся сын...

Ира и Юра в отличие от Полотенцевых не намеревались расходовать деньги по мелочам. У них была ясная цель — квартира.

Они гуляли по улице, мысленно расставляя мебель в будущих комнатах. Они проходили мимо универмага. Они не собирались в него заходить. Им там нечего было делать.

— Давай зайдем. Просто так! — предложила Ира, которая, как всякая женщина, обожала толкаться в промтоварных магазинах.

— Я знаю твой характер. Ты не удержишься, мы накупим всякой ерунды, и у нас не останется на квартиру! — возразил Юра.

— Мы только посмотрим, даю тебе слово...

Юра ее послушался. Они переступили порог магазина. И это было их роковой ошибкой.

Сначала им подвернулся электроотдел, который, как нарочно, расположился у входа.

— Какой замечательный торшер! — восхитилась Ира.— Я таких никогда не видела!

— Пойдем, пойдем отсюда! — потянул ее за рукав бедолага, предчувствуя недоброе.

— Но если мы купим только торшер и больше ничего, нам же хватит! — взмолилась Ира.

— Сначала нужно купить квартиру,— резонно заметил Юра,— а потом уже ее обставлять!

— Да, но потом таких торшеров не будет!

Торшер был началом их грехопадения.

Юра с торшером под мышкой и Ира с абажурами в руках перешли в отдел телевизоров, который, как назло, находился рядом.

— Смотри, телевизор «Вечер»! — воскликнула транжира.— Его вообще никогда не бывает.

— Если мы сейчас купим телевизор, то о квартире надо забыть,— напомнил Юра. Но было поздно. Они уже покатались по наклонной плоскости...

На улице, возле универсама, прохаживался Калачев, поджидая Алевтину, которая назначила ему свидание. Наконец она вынырнула из толпы покупателей и, сияя, кинулась навстречу жениху.

Калачев вздрогнул.

Дело в том, что Алевтина наконец осуществила мечту. В несусветной шубе с чернобурым воротником и чернобурым подолом, она гордо подплыла к Ивану Степановичу. На голове ее торчала модная шляпка, которая вместе с шубой безобразила ее, как могла. Оказалось, что даже Алевтину можно изуродовать.

Алевтина прошла перед Калачевым, как манекенщица, расстегнула пальто и сказала:

— Обратите внимание на платье из цветных кружев. Верхняя часть платья бесформенная, нижняя — суженная...

Платье не доходило до колен и открывало ажурные чулки. Алевтина выставила ногу, слегка согнув ее.

Калачев покраснел в первый раз в жизни. Ему было стыдно перед окружающими. У Ивана Степановича появился повод сбежать от невесты раз и навсегда, но он доказал, что он настоящий мужчина и добрый, любящий человек.

— Тебе это очень идет, Аля! — произнес отчаянно.— Да, очень!

— Лидия Сергеевна помрет от зависти! — победоносно заявила Алевтина.

— Конечно, помрет!

Калачев мужественно взял Алевтину под руку и повел ее на виду у всех.

Алевтина была так счастлива, что не видела ничего вокруг. Иван Степанович старался не смотреть по сторонам, чтоб не встретиться взглядом с кем-нибудь из знакомых.

Именно поэтому они прошествовали мимо Иры и Юры, не заметив их.

Растратчики, убитые горем, расположились на двух новых креслах.

Кресла стояли прямо на снегу. Рядом красовался торшер, а на журнальном столике высился картонный ящик с телевизором «Вечер».

— Куда мы это повезем? — безнадежно спросил Юра.

— Это я во всем виновата, — призналась Ира.

— Может, отвезем все это в камеру хранения? — искал выход Юра.

— И это будет лежать там до нашей смерти, — сказала Ира.

— И мы еще за это будем платить, — вздохнул Юра.

— Я придумала! — вдруг осветилась светом надежды Ира. — Свезем в комиссионный магазин! Мы потеряем только семь процентов, но все-таки сможем вступить в кооператив...

В то время как коллеги Лидии Сергеевны проматывали состояние, она еще не истратила ни копейки. Она сохраняла материальные ресурсы для решающего броска.

Лидия Сергеевна пришла в сберкассу и сразу направилась к Оле, которая восседала на томах Большой Советской Энциклопедии. Лидия Сергеевна просунула в окошко голову и сказала недвусмысленно:

— Оля, отдайте мне Володю!

— Не отдам! — ответила Оля.

— Отдайте!

— Не отдам!

— Но я его люблю! — патетически воскликнула Лидия Сергеевна, но Оля только усмехнулась:

— Ну и что? Я сама его люблю!

Беседа зашла в тупик.

— Оля, вы еще молоды, у вас вся жизнь впереди, вы еще найдете свое счастье, другое...

Так как Оля молчала, Лидия Сергеевна спросила упавшим голосом:

— Значит, не отдадите?

— Ни за что!

Лидия Сергеевна обернулась, убедилась, что в сберкассе нет других посетителей, полезла в сумочку, достала оттуда увесистую пачку и протянула счастливой сопернице:

— Оля! Здесь 833 рубля! Это очень большие деньги. Возьмите их и отдайте мне Володю!

— Вы что же, хотите его купить?

— Зачем так грубо, Оля! — попыталась ее пристыдить Лидия Сергеевна, но успеха не достигла. Она поняла, что жизнь кончена!

— Ну, ладно! — сказала Лидия Сергеевна. — Тогда дайте мне на все деньги облигации трехпроцентного выигрышного займа!..

А человек, которого только что хотели купить, но не захотели продать, не избежал общей участи и тоже судорожно тратил деньги.

На новогодней ярмарке Владимир Антонович Орешников постоял у витрины магазина «Культтовары», где по-прежнему красовалась фотокамера «Зенит-112», и поглядел на нее тоскливым взглядом. Хотя у него в кармане лежали деньги, на которые можно было купить два аппарата, Орешников печально улыбнулся и направился в павильон «Меховые изделия», где несколько дней назад опозорился перед Олей и самим собой.

— Здравствуйте, — сказал он продавщице. — Мне, пожалуйста, дамскую шубу. Сорок шестой размер, за восемьсот тридцать три рубля. Желательно хорошую.

— Будете брать без примерки? — удивилась продавщица.

— Уже примеряли. Хватит.

Эпилог

Прошло несколько дней. Кирилл Иванович Полотенцев сидел в кабинете на фоне переходящего вымпела, на котором было начертано: «Победителям в соревновании». Этот приз им только что вручили за успехи в выполнении годового плана.

— Надо вымпел отметить! — говорил Полотенцев Алевтине. — Такая у нас традиция!

— Надо-то надо! Но где взять деньги, ни у кого их уже нет!

Орешников поспешил на зов начальства. По дороге его перехватил Петя. Он провел языком по пересохшим губам:

— Володя, дай три рубля!

— Уже? — сочувственно спросил Владимир Антонович.

— Уже, — вздохнул Петя.

— Денег у меня нет! — И Орешников вошел в кабинет Полотенцева. Кирилл Иванович показал ему на выпел:

— Надо устроить междусобойчик! Открывай свою взаимопомощь!

— Это вы все нарочно, что ли? — вспыхнул Орешников. — Нет денег! Я их опять растратил. — Владимир Антонович полез в карман и достал из него облигацию трехпроцентного займа. — Может, опять повезет. Нам повезет, — уточнил он.

Все-таки жизнь людей чему-то учит.

P.S. Больше они ни разу не выиграли.

P.P.S. Повесть написана не по заказу министерства финансов.

1967 г.

ИРОНИЯ СУДЬБЫ, ИЛИ С ЛЕГКИМ ПАРОМ

Трудно понять, почему люди радуются приходу Нового года, вместо того чтобы плакать.

Если вдуматься, новогодний праздник — печальное событие в нашей скоротечной жизни. Ведь все мы еще на один шаг приближаемся к роковой черте. А сама процедура встречи Нового года ускоряет процесс приближения. Вместо того чтобы спать, сохраняя здоровье, люди всю ночь нарушают режим и безобразничают.

В честь сомнительного праздника происходит массовое уничтожение зеленого друга и массовое употребление зеленого змия.

Наступление Нового года всегда окутано таинственностью и ожиданием счастья. Именно под Новый год могут случаться совершенно немыслимые события, которые никак не могут случаться в обычную, рядовую ночь.

Наша маловероятная и тем не менее достоверная история началась 31 декабря, часов за десять до смены года.

В новехоньком микрорайоне, на окраине Москвы, в домах, похожих друг на друга, как гранские стаканы, одним словом, в одинаковых, белых, крупно- или мелкопанельных домах велись лихорадочные приготовления к встрече Нового года. Во всех квартирах пекли пироги, варили студень, жарили индеек (а где не достали индеек, жарили кого-нибудь другого), заправляли майонезом салаты, выставляли на балконы водку и шампанское и, разумеется, украшали елки — натуральные или искусственные — разноцветными, яркими игрушками.

В доме № 25 по Третьей улице Строителей отмечался сегодня двойной праздник — и Новый год и новоселье. А раз новоселье, значит, жильцы совсем недавно переселились в этот дом. Кое-что побилось, сломалось, все лежало не там, где нужно, все валялось друг на друге,

мебель была расставлена впопыхах, не все люстры повешены, занавески в одних квартирах уже висели на окнах, а в других еще лежали в чемоданах. Новый дом, новая квартира, новая жизнь, новое счастье.

И, наверно, поэтому хирург Евгений Лукашин — внешность заурядная, зарплата заурядная (стоит ли много платить человеку, который режет других людей?), возраст заурядный (около сорока), — одуревший от переезда Евгений Лукашин находился в своей новой квартире № 12 в опасной близости от красивой молодой женщины по имени Галя. Симпатичная мама Лукашина — Марина Дмитриевна — благоразумно пряталась на кухне.

— Женя, — говорила Галя с явной хитрецей, — у меня к тебе предложение, совершенно неожиданное.

Лукашин был искренне заинтригован:

— Галя, не пугай меня!

— Давай вместе встречать Новый год!

Однако сообразительность не являлась достоинством Лукашина.

— Но мы и так встречаем вместе!

— Ты меня не понял. Давай встречать совсем вместе и не пойдем к Катаньянам! — Гале очень хотелось перейти из разряда возлюбленных в разряд невест.

Раздался звонок в дверь. Мама, которая до этого прислушивалась к разговору — в современной квартире была современная звукопроводимость, — недовольно поднялась с места и пошла отворять.

— С наступающим, Марина Дмитриевна! — весело сказал благополучный, мордатый Павел Судаков, бывший школьный друг Евгения Лукашина. Павел явно намеревался войти, но Марина Дмитриевна решительно преградила ему дорогу:

— Тише, что ты кричишь?!

— А что случилось?

— Кто там пришел? — донесся из комнаты голос Лукашина.

— Соседка зашла за луковицей! — отозвалась мать, а Павел оторопел и, невольно включаясь в игру, перешел на шепот:

— Что у вас происходит?

— Павлик, зайди, пожалуйста, завтра! — попросила Марина Дмитриевна.

— Завтра не смогу. Вечером я улетаю в Ленинград.

— Счастливого пути! — И Марина Дмитриевна хлопнула дверь перед самым носом Павла.

Нахальный Павел тотчас же позвонил снова.

На этот раз Марина Дмитриевна сначала накинула на дверь цепочку и только потом приоткрыла.

— Ты что хулиганишь? — озорно спросила Марина Дмитриевна.

Павел растерянно смотрел на нее сквозь дверную щель.

— Мама, кто там опять? — послышался голос Лукашина.

— Телеграмма от тети Веры! — и глазом не моргнув, сочинила родная мать.

— А вы, Марина Дмитриевна, с детства учили нас говорить только правду! — укоризненно сказал Павел.

— Бывают обстоятельства, когда неплохо соврать! — доверительно объяснила Марина Дмитриевна.

— Но Саша и Миша ждут нас в бане! А прямо из бани я еду на аэродром!

— Сегодня повеселитесь без Жени! Кстати, зачем ты едешь в Ленинград?

— Ира застряла там в командировке. Требуется, чтобы я прилетел встречать с ней Новый год.— Павел еще больше понизил голос.— Я никому не скажу, все-таки... что происходит?

— Пока это тайна... Узнаешь... в свое время.— Видно было, что дразнить Павла доставляло Марине Дмитриевне удовольствие.

— У Жени от меня нет тайн!

— Иди в баню! — Марина Дмитриевна защелкнула дверь и вернулась в кухню, на пункт подслушивания.

Тем временем Лукашин все еще не понимал хитрого Галиного плана:

— Но мы же договорились встречать Новый год с Катаньянами. Подводить некрасиво. Ты уже сделала салат из крабов. Кстати, где ты достала крабы?

— Давали у нас в буфете!

— Я так люблю крабы!

— Тогда тем более съедим их сами! — намекнула Галя.

— А где мы их станем есть? — простодушно спросил Женья.

— Какой ты непонятливый! — нежно сказала Галя.— Мы будем встречать здесь, у тебя.

— А кого еще позовем? — спросил тупой Лукашин.

— В том-то и весь фокус, что никого! — Галя была терпелива.

— А мама? Она будет встречать с нами?

— Мама уйдет. Она все приготовит, накроет на стол, конечно, я ей помогу, а потом уйдет к приятельнице. У тебя мировая мама!

А мама, которая услышала, как Галя распорядится ее судьбой, только лишь вздохнула.

— Ты умница,— воодушевился Лукашин. Он только сейчас осознал все выгоды, которые принесет ему реализация Галиного плана.— Почему это предложение не пришло в голову мне?

— Кто-то из двоих должен быть сообразительным!

— Ты знаешь... мне эта идея определенно нравится! Я выпью, я расхрабрюсь, обстановка будет располагать, и я скажу тебе то, что давно собираюсь сказать!

— А что именно? — с надеждой спросила Галя.

— Обожди до Нового года! — Лукашин явно не мог решиться на объяснение, что-то ему мешало.

— Боюсь, у тебя никогда не хватит смелости! — подзадоривала Галя.

— Трусость старого холостяка. Однажды я уже делал предложение женщине. К моему великому изумлению, она согласилась. Но когда я представил себе, что она поселится в этой комнате и будет всю жизнь мелькать перед глазами, туда-сюда, туда-сюда, я дрогнул и сбежал в Ленинград.

— А от меня ты тоже убежишь? — Галя сняла со стены гитару.

— Нет, от тебя не убежишь! — В голосе Лукашина прозвучала нотка обреченности.— Все уже решено окончательно и бесповоротно. Я так долго держался и наконец рухнул.

Галя победно улыбнулась, глаза у нее блеснули.

— Женя, а когда люди поют?

— Поют?.. На демонстрации поют...

— А еще?

— В опере...

— Нет, нет!

— Я не знаю... когда выпьют, поют...

— Балда! — нежно сказала Галя.— Не знаешь, когда поют...

— Когда нет ни слуха, ни голоса!

— Люди поют, когда счастливы! — подсказала Галя и протянула Лукашину гитару.

Сообразив, что он на самом деле счастлив, Лукашин тепло взглянул на Галю, взял гитару и встал у окна. За окном виднелись снежные поля Подмосковья, которые еще не успели застроить. Лукашин начал напевать. У него оказался негромкий, как говорят, домашний голос, немного хриплый, но приятный. Теперь таких доморощенных акынов у нас пруд пруди.

— Никого не будет в доме,
Кроме сумерек. Один
Зимний день в сквозном проеме
Незадернутых гардин.

Только белых мокрых комьев
Быстрый промельк маховой,
Только крыши, снег и, кроме
Крыш и снега,— никого.

И опять зачертит иней,
И опять завертит мной
Прошлогоднее унынье
И дела зимы иной.

Но неожиданно по портьере
Пробежит вторженья дрожь.
Тишину шагами меря,
Ты, как будущность, войдешь.

Ты появишься у двери
В чем-то белом, без причуд,
В чем-то впрямь из тех материй,
Из которых хлопья шьют...

— Это чьи слова? — спросила Галя, прижимаясь к Лукашину.

— Пастернака.— Лукашин отложил гитару в сторону и... поцеловал девушку.

После долгого поцелуя Галя вырвалась из объятий и выбежала в переднюю. Лукашин помчался следом.

— Женечка, мне пора! — Галя вела беспронгрешную игру.— У меня еще столько дел сегодня.

Лукашин нервно потоптался на месте, потом снял с вешалки и подал Гале белую шубку, а потом... капитулировал. Он вынул из кармана брелок, на котором болтался ключ. По-видимому, это был ключ не только от его квартиры, но и от его сердца.

— Вот, возьми ключ и приходи к одиннадцати часам встречать Новый год! Я тебя люблю и хочу, чтобы ты стала моей женой!

Галя взяла ключ и, скрывая торжество, лицемерно заметила:

— Но я ведь буду мелькать у тебя перед глазами?

Лукашин чистосердечно признался:

— Я так этого хочу!

— Салат принести?

— Но я не понял главного: ты согласна или нет? — Очевидно, Лукашин был не самым крупным знатоком женской психологии.

— Но я ведь взяла ключ! — И, быстро поцеловав Лукашина, Галя исчезла за дверью.

— А как же с Катаньянами? — крикнул вдогонку счастливый зануда.

С лестничной площадки донесся веселый голос:

— Обойдутся!

Несколько ошарашенный случившимся, Лукашин направился в кухню, где хозяйничала Марина Дмитриевна.

— Мама, кажется, я женюсь...

— Мне тоже это кажется, — согласилась мать.

— Ну и как тебе Галя, нравится?

— Ты ведь на ней женишься, а не я! — ушла от ответа Марина Дмитриевна.

— Но ты же моя мама! — парировал Лукашин.

— Важно, чтобы ты не забыл об этом после женитьбы!

— Значит, Галя тебе не нравится... — огорчился сын.

— Не могу сказать, что я от нее в восторге, но в общем она неглупая, воспитанная... И потом... если ты сейчас не женишься, ты уже не женишься никогда...

— Мне еще только тридцать шесть!

— Это бестактно с твоей стороны напоминать мне о моем возрасте, — улыбнулась мама, — но я не обижусь, я же мировая мама! Я всё приготовлю и уйду к приятельнице!

— И что она во мне нашла? — рассуждал вслух Лукашин. — Я много старше ее, а она ведь красавица...

— Я тоже удивляюсь, что она выбрала тебя, когда ты такой болван!

— Почему я болван? — притворно обиделся Лукашин.

— Зачем ты рассказывал ей про Ленинград? Когда делают предложение одной женщине, не вспоминают про другую!..

— Теперь понятно. Теперь я понял, — веселился Лукашин, — как делают предложение. А это Павел приходил?

— Павел. Он уезжает в Ленинград. Но я его выставила, чтобы он тебе не помешал.

Лукашин взглянул на часы.

— Они меня заждались. Может, мне тоже пойти в баню?

— Не вижу ничего плохого, если ты Новый год встретишь чистым! — сказала Марина Дмитриевна.

Уходя, Лукашин заговорщически подмигнул матери:

— Только ты Гале про баню не говори. У нас есть ванная, и Галя все это может неверно понять.

Мама вздохнула:

— Боюсь, что ты со своим характером будешь у жены под каблуком.

Лукашин уже отыскал портфель, из которого высовывался такой, как у Павла, березовый веник.

— Мама, я разделю общую мужскую участь!..

...Раньше настоящие мужчины ходили в манеж гарцевать на выхоленных площадях, отправлялись в тир стрелять в бубнового туза, в фехтовальные залы — сражаться на шпагах, в английский клуб — сражаться за карточным столом, а в крайнем случае шли в балет. Сегодня настоящие мужчины ходят в баню. Тот, кто думает, что баня существует исключительно для мытья, глубоко заблуждается. В баню ходят главным образом для того, чтобы пообщаться друг с другом. Где еще можно спокойно поговорить? В гостях вечно перебивают другие приглашенные, да и рот все время занят едой и выпивкой. В общественном транспорте толкаются, на стадионах шумно. Лучшего места для душесвной беседы, чем баня, не найти! О визите в баню сговариваются заранее, к банному мероприятию тщательно готовятся, освобождая для него полный день. Поход в баню — святое дело. Его нельзя комкать тем, что помоешься и уйдешь чистеньким. Подлинныe аристократы духа так не поступают. Кто после парилки не «ловил кайф» в предбаннике, тот еще не испытал чувства блаженства. В предбаннике современные голые мужчины, завернутые в белые простыни, наконец-то становятся похожими на римских патрицисв. Именно предбанник и есть тот самый клуб, где, никуда не торопясь, забыв забыв ежедневную гонку, можно излить душу хорошему человеку.

Было около шести часов вечера, когда, отменно попарившись, четверо друзей — Лукашин, Павел, Михаил и Александр, — потягивая пиво, вели сокровенный разговор.

Павел глубокомысленно рассуждал:

— Я понимаю, ванна в каждой квартире — это правильно, это удобно, это цивилизация. Но процесс мытья, который в бане звучит как торжественный обряд, в ванной — просто смывание грязи. И хорошие поздравительные слова — с легким паром! — они же к ванне неприменимы: какой может быть в ванной пар?

— Ты прав, баня очищает, — согласился Александр.

— Как здесь ни приятно, мне пора... — Лукашин встал.

— Все-таки ты нехороший человек, мы ведь ждем! — с упреком заметил Михаил.

В компании всегда находится такой вот заводила.

— Чего ждете? — не понял Лукашин.

— Хочешь уйти сухим? — сощурился Михаил. — Не хочешь отметить собственную женитьбу?

— Где, в бане? — усмехнулся Лукашин.

— Почему бы и нет? — настаивал Михаил.

— Женя прав! — поддержал Лукашина Александр. — Здесь ведь не отпускают.

Теперь усмехнулся Михаил и... расстегнул портфель.

— Если бы не я, вы бы все пропали. Вот, жена просила купить для гостей! — И он достал из портфеля бутылку «Экстры».

Лукашин поморщился. Но обидеть друзей?.. Как часто мы не хотим обидеть друзей!..

— Но только по одной! — поспешно вставил Павел. — Мне на аэродром.

— Люди, не беспокойтесь! — Михаил уже разливал по кружкам вредную бесцветную жидкость. — Всем надо быть в форме, всем Новый год встречать!

— Ребята, приходите завтра ко мне, только обязательно, а то встречаемся редко. Я вас с женой познакомлю... — пригласил Лукашин.

— Я не могу, я ведь буду в Ленинграде... — напомнил Павел.

— Мне интересно, что ты в конце концов выбрал... — раздавая кружки, сказал Александр.

— Не что, а кого! — Лукашин взял кружку. — Все-таки это ужасно! Водку после пива. Я еще сегодня так устал. У меня в поликлинике было столько пациентов...

Михаил снова порылся в портфеле.

— Вот, шоколадка, какая ни есть, но все-таки закуска.

— Только давайте буквально по глотку! — взмолился Лукашин.

— Павел, скажи тост! Ты у нас самый красноречивый,— предложил Александр.

Павел действительно не лез за словом в карман:

— А ты самый недалекий!

Павел поднялся, все тоже встали.

— За нашего застенчивого друга Женю Лукашина, который наконец преодолел этот недостаток и нашел себе жену — последним из нашей компании. Будь счастлив, Евгений!

Лукашин засмутился:

— Ну что же... за это... наверно... надо...

Выпили, и Александр спросил:

— Как ее зовут?

— У нее прекрасное имя — Галя! — гордо сообщил Лукашин.

— И главное, редкое! — добавил Павел.

— Положение безвыходное. За Галю тоже надо выпить! — сокрушенно вздохнул Михаил и достал из портфеля следующую бутылку.

— Мне больше нельзя! — заартачился Лукашин.

— Люди, он не хочет выпить за свою невесту! — возмутился Александр.

— Галя, будь счастлива! — поднял кружку Павел.

— Вы мерзавцы! — жалобно сказал Лукашин.— До приема в поликлинике у меня еще было ночное дежурство!

Затем он, конечно, выпил вместе со всеми.

— Расскажи, как ты с ней познакомился? — спросил Лукашина Михаил.

— Она пришла в поликлинику ко мне на прием.

— Она что... больная? — Александр слыл остряком.

Лукашин обиделся:

— У нее был вывих.

— Ясно! — кивнул Александр.— Именно поэтому она выходит за тебя...

— Выпьем за то, чтобы вы оба были всегда здоровы! — Это, конечно же, был Михаил.

— Если дальше пойдет в таком темпе, я не попаду на аэродром,— перепугался Павел.

— Положись на меня, я никогда не пьянею... Дай билет! — Михаил отобрал у Павла билет и переложил к себе в карман.

— Я не буду больше пить. Она подумает про меня, что я алкоголик,— жалобно заныл Лукашин.

— Это неслыханно! — воззвал к народу Александр.— Доктор отказывается пить за здоровье!

— Дернул меня черт пойти с вами в баню! — беря кружку, в сердцах сказал Лукашин.

Выпили.

— Теперь расскажи, как ты с ней познакомился? — не отступал Михаил.

— С кем? — переспросил Лукашин. От усталости он очень быстро захмелел.

— С Галей. Или у тебя есть еще кто-нибудь?

— У меня никого нет. Я холостой! — задиристо ответил жених.

— Выпьем за холостую жизнь! — предложил Павел.

— Ура! — заорал Лукашин.

— Ему хорошо! А вы представляете, как мне попадет от жены, если я в таком виде заявляюсь домой встречать Новый год,— посетовал Александр. Но ему никто не посочувствовал.

Лукашин, который несколько минут назад отказывался пить, уже вошел в азарт. Давно известно, в таком деле, как выпивка, главное — начать.

— Люди! У меня возник новый тост!

Для пущей убедительности Лукашин взобрался на медицинские весы, использовав их как трибуну.

Теперь уже Михаил призвал к чувству меры:

— Тебе больше нельзя! Ты сегодня женишься!

— Я про это не забыл! — заявил Лукашин.

— Если ты забудешь, я напомню! — пообещала Михаил.— Я никогда не пьянею!

— За нашу дружбу! — провозгласил Лукашин.

Оригинальный тост растрогал Александра:

— Красиво говоришь!

Все четверо снова выпили.

— Ты прирожденный оратор! — сказал Лукашину Павел и тоже полез на весы.— Подвинься... Давай взвесимся на брудершафт!

— Давай! — поддержал Лукашин.— Сколько мы вместе потянем!

— Ребята, ребята! — шумел вконец опьяневший Павел.— Я придумал тост, лирический!

— Давай лирический! — поддержал Лукашин.

Но Михаил строго сказал:

— Все! Хватит пить!

— Пусть Павел скажет лирический...— начал было Лукашин, но Михаил его персбил: .

— Нет, все, довольно! Нам пора на аэродром!

— А зачем? — искренне изумился Павел.

— Кто-то из нас летит в Ленинград! — объяснил Михаил.

— Кто? — спросил Павел.

— Посхали! — предложил Александр.— Там разберемся!

— Не поехали, а полетели.

— Пристегнулись простынями! — шумел Павел.— Отойти от винта!..

— Вниманис! Вниманис! Объявляется посадка в самолет «ТУ-134», следующий рейсом 392 по маршруту Москва — Ленинград. Пассажиров просят пройти на посадку...

Голос диктора разносился по всему аэродрому, включая буфет. А там, не выпуская из рук портфелей с вениками, мирно спали Лукашин и Павел. Александр мужественно боролся с дремотой, и лишь Михаил сохранял видимую бодрость.

Когда диктор еще раз повторил объявление, Александр вскочил с места:

— По-моему, это наш самолет!

— Я с тобой согласен! — Михаил сохранял спокойствие.

— А ты не помнишь, кто из нас улетает?

— Не помню,— сказал Михаил.— Но ты можешь на меня положиться. Сейчас мы пойдем простым логическим ходом.

— Пошли вместе! — примазался Александр.

— Ты летишь в Ленинград? — спросил Михаил.

— Нет, что ты! — испугался Александр.— А ты?

— И я нет! Применяем метод исключения. Значит, остаются эти двое.— Михаил показал на спящих.

— Их спрашивать бесполезно! — махнул рукой Александр.

— Ты наблюдателен. Спрашивать надо меня. Я единственный из вас не потерял природной смекалки.— Михаил всегда был скромн.

— За это я тебя люблю! — признался Александр.

— Сейчас не об этом,— застенчиво отмахнулся Михаил.— Павел может лететь в Ленинград?

— Может.

— А Женя?

— Тоже может. Давай кинем жребий! — Александр был в восторге от своей идеи.

Зато Михаил отнесся к ней отрицательно:

— Мы не станем полагаться на случай! Кроме того, я напоминаю тебе, что надо торопиться, а то самолет улетит без нашего друга!

— Без какого? Ты же трезвый! Ты никогда не пьянеешь!

Михаил гордо кивнул:

— Поэтому я тебе отвечу. Сегодня в бане мы пили за Лукашина, потому что он женится!

— У тебя поразительная память! — восхитился Александр.

— Сейчас не об этом! Значит, Женя летит в Ленинград на собственную свадьбу! Он бы сам нам это рассказал, но его развезло от усталости.

— Подожди, — спохватился Александр, — а разве он не рассказывал, что невеста приходила к нему в поликлинику?

— Рассказывал! — Сбить Михаила с толку было не так-то просто. — Значит, она приехала в Москву в командировку!

— Железная логика! — И вместе с Михаилом Александр подхватил Лукашина под руки и поволок к выходу на посадку.

— Куда вы меня ведете? — промычал спросонья Лукашин.

— К твоему счастью! — ответил Михаил. Он достал из кармана билет и протянул бортпроводнице. И, улыбувшись, шепнул Александру: — Все-таки хорошо, что мы его помыли!..

В предновогодних небесных просторах спешил в Ленинград рейсом № 392 самолет «ТУ-134».

В салоне воздушного корабля безмятежно спал Евгений Лукашин, прижимая к груди портфель с березовым веником.

А через час сердобольный попутчик уже вводил Лукашина, который мешком висел на его руке, в зал ожидания Ленинградского аэровокзала.

Не стоит говорить о том, что зал ожидания в Ленинграде ничем не отличался от зала ожидания в

Москве: одинаковые разноцветные кресла, одинаковые киоски, одинаковые табло и одинаковые огромные окна, за которыми смутно белели самолеты. Брошенный попутчиком, Лукашин приоткрыл глаза, с надеждой поискал друзей, но их нигде не было видно.

— Скажите, пожалуйста,— обратился Лукашин к грузному лысоватому мужчине, который понуро забился в красное псевдокожаное кресло и не моргая, тоскующим взглядом взирал на мир.— Который теперь час?

— До Нового года два часа пятьдесят минут! — трагически возвестил незнакомец.

— А где я? — спросил Лукашин.

— Там же, где и я!

— А где вы?

— На аэродроме! — грустно ответил мужчина.— По дороге в Красноярск нелетная погода, и в худшем случае я встречу Новый год в этом кресле!

— А в лучшем случае?

— Тоже в кресле, но только в воздухе. Вы встречали Новый год в воздухе?

— Нет! — отрезал Лукашин.— И не хочу! С наступающим вас! Мы проводили Павлика, и теперь я поехал домой.— Вдруг Лукашин сообразил, что уже много времени.— Боже мой! Галя скоро придет!

Диктор бодро объявил:

— К сведению пассажиров, отлетающих в Красноярск: в связи с неблагоприятными метеорологическими условиями...

Собеседник Лукашина простонал:

— Почему я не уехал поездом? Почему?..

...В былые времена, когда человек попадал в незнакомый город, он чувствовал себя одиноким и потерянным. Вокруг все было чужое: иные дома, иные улицы, иная жизнь.

Зато теперь совсем другое дело. Человек попадет в любой незнакомый город, но чувствует себя в нем как дома: такие же дома, такие же улицы, такая же жизнь. Здания давно уже не строят по индивидуальным проектам, а только по типовым.

Прежде в одном городе возводили Исаакиевский собор, в другом — Большой театр, а в третьем — Одесскую лестницу. Теперь во всех городах возводят типовой кинотеатр «Космос», в котором можно посмотреть типовой художественный фильм.

Названия улиц тоже не отличаются разнообразием. В каком городе нет Первой Загородной, Второй Пролетарской, Третьей Фабричной... Первая Парковая улица, Вторая Садовая, Третья улица Строителей... Красиво, не правда ли?..

Лукашин ввалился в такси и сказал водителю:

— Третья улица Строителей, дом 25, квартира 12, четвертый этаж...

— Хоть на пятый! — ответил таксист, и машина рванула с места...

...Одинаковые лестничные клетки окрашены в типовой приятный цвет, типовые квартиры обставлены стандартной мебелью, а в безликис двери врезаны типовые замки.

Типовое проникает в наши души. Встречаются типовые радости, типовые настроения, типовые разводы и даже типовые мысли!

С индивидуализмом у нас покончено, и, слава богу, навсегда!..

Мчалось такси по разукрашенному, праздничному Ленинграду, а на заднем сиденье сладко дремал Лукашин и не подозревая о том, что его отделяет от дома приблизительно семьсот километров.

Такси подъехало к новостройке. Лампочка, спрятанная под козырьком, освещала родной адрес: «Третья улица Строителей, 25».

Лукашин вывалился из машины, с трудом преодолел ступеньки при входе в подъезд и облегченно вздохнул:

— Наконец-то я приехал!..

Добравшись до двери под номером 12, Лукашин порылся в карманах, добыл ключ и успешно вставил его в скважину нижнего замка. Совсем не трудно догадаться, что ключ подошел.

Слегка пошатываясь, Лукашин открыл дверь, оказался в передней и машинально начал раздеваться. Совсем не трудно догадаться, что планировка ленинградской квартиры ничем не отличалась от планировки московской. И обои, конечно же, были такими же.

Объяснить это легче легкого. Жилые дома в Москве и жилые дома в Ленинграде сдавались в эксплуатацию одновременно. В это время выпускались обои именно этого цвета и артикула, а серия дверных замков с ключами — именно такой конфигурации. Все очень просто. И, главное, удобно для промышленности. В

ленинградскую квартиру недавно въехали новоселы. И здесь вещи еще не нашли постоянного места и был тот славный беспорядок, который еще долго бывает после переезда.

Лукашин содрал с себя дубленку, сорвал с головы шапку и зашвырнул ее куда попало, бросил на пол пиджак (пиджак ведь тоже должен отдохнуть) и вступил в единоборство с брюками. Избавиться от них оказалось не так-то легко. Ослабленный алкоголем и авиацией, Лукашин вконец изнемог в неравной борьбе. Он все-таки выбрался из брюк и, едва живой, дополз до тахты, которая, как уже совсем не трудно догадаться, стояла точно в том же месте, что и у него дома. Лукашин взобрался на тахту и блаженно свернулся калачиком, натянув на себя мягкий гедесэровский плед. Через мгновение он спал.

Вскоре дверь в квартиру № 12 снова отворилась. Это пришла хозяйка, Надежда Васильевна. Пожалуй, Надю можно назвать красивой женщиной, но все-таки было видно, что ей уже перевалило за тридцать. Она сняла пальто, зажгла полный свет. Лукашина Надя не замечала. Она достала из сумки попку, это была электрическая бритва по имени «Агидель», и положила ее на буфет. Затем критически осмотрела накрытый новогодний стол. Потом подошла к шкафу, вынула из него новогоднее платье, кинула на тахту, платье упало на Лукашина. Только теперь Надя его заметила и, как положено женщине, вскрикнула.

Но Лукашин даже не пошевелился.

— Эй! — закричала Надя, медленно приходя в себя. — Эй, вставайте! Что вы здесь делаете? Эй, кто вы такой?.. Проснитесь, слышите, немедленно проснитесь!

Лукашин не отвечал.

— Вы живой или нет? — Преодолев страх, Надя попыталась растолкать Лукашина, но ее усилия оказались тщетными.

— Не... не надо меня трясти... — пробормотал сквозь сон Лукашин.

Надя в растерянности заметалась по комнате. Яростно схватила подушку, бросила в Лукашина.

— Кошмар какой-то... — Не открывая глаз, Лукашин взял подушку и запустил ею в Надю.

— Ах так, ну ладно, берегитесь!

Надя выбежала в кухню и вернулась с чайником.

— Я вас в последний раз предупреждаю!

И по лицу Лукашина побежали струйки холодной воды.

Поначалу это показалось спящему приятным. Он блаженно заулыбался.

— Ой, как хорошо! Ой, поплыли!

Потом вода проникла за шиворот, и Лукашин сразу же приподнялся:

— Вы что, с ума сошли? Я... я вам не клумба!

На всякий случай Надя отскочила в сторону.

— Вы откуда взялись? — закричал Лукашин. — Вы-метайтесь отсюда! И без разговоров!

Надо оторопела:

— Это неслыханно! Что вы здесь делаете?

— Я.. тут... мы спим! А кто вы такая? Что вам здесь нужно?

Надя поставила чайник на стол.

— Хватит дурака валять! Что вы здесь разлеглись!? Ну-ка, выкатывайтесь отсюда, живо!

— Ну, это уже нахальство! — возмутился Лукашин. — Мало того что вы ворвались ко мне в квартиру, вы ведете себя как бандитка!

— К вам в квартиру? — передразнила Надя.

— Да, представьте себе, — в тон ответил Лукашин, — я здесь живу!

— А где, по-вашему, живу я? — в изнеможении спросила Надя.

— Мне-то какое дело! — не слишком вежливо ответил Лукашин. — Пожалуйста, уйдите отсюда, и как можно скорее. Сейчас ко мне придет моя невеста, Галочка, и я не хочу, чтобы она застучала меня с женщиной.

— Объясните мне наконец, — вскричала Надя, — почему ваша невеста будет искать вас у меня?

— Мне не до шуток. У меня голова раскалывается. Который час?

— Скоро одиннадцать. Ко мне должны прийти, и ваше присутствие здесь не обязательно! — И Надя швырнула Лукашину его брюки.

— Но почему ваши гости явятся ко мне встречать Новый год? И как вы сюда забрались? Я позабыл захлопнуть дверь, да?

Тут Лукашину захотелось попить, он схватил чайник, из которого его только что поливали, и потянулся

губами к никелированному носику. Но Надя с такой силой вырвала чайник из его рук, что горемыка свалился с тахты.

— Но почему вы безобразничаете? Я пить хочу!

— Послушайте, вы! — грозно сказала Надя.— Вы хоть что-нибудь соображаете?

— Все соображаю. Безусловно.

— А где вы находитесь, по-вашему?

— У себя дома. Третья улица Строителей, 25, квартира 12!

— Нет, это я живу Третья улица Строителей, 25, квартира 12! — язвительно сообщила Надя.

А Лукашин ответил столь же язвительно:

— Нет, здесь живем мы с мамой. Уже три дня. Полезная площадь тридцать два метра, и соседей у нас нет!

— Извините,— издевательски продолжала Надя,— но это у нас с мамой отдельная квартира полезной площадью тридцать два метра!

Лукашин снова взобрался на тахту.

— Не могу сказать, что у нас с вами большие квартиры.

— Это очень ценное наблюдение,— насмешливо заметила Надя.— Я была бы вам крайне признательна, если бы вы... как можно скорее испарились!

И Надя решительно спихнула спеленатого в плед Лукашина на пол.

— Я требую уважения к себе! — запричитал Лукашин, пытаясь освободиться от пледа.— Кто меня закатал? Мама!

— Мама ушла! — холодно отозвалась Надя. В ответ Лукашин запулил в нее брюками. Надя тотчас кинула их обратно.

— Чья мама ушла? — спросил Лукашин.

— По счастью, у нас с вами разные мамы!

— И они обе ушли... Караул...— совсем тихо произнес Лукашин.

— Кто-то из нас двоих наверняка сумасшедший! — сказала Надя, и Лукашин осторожно вставил:

— Я знаю кто...

— Я тоже знаю...— поддержала женщина.

Лукашин осмотрелся, не зная, что делать дальше, как вдруг сомнение закралось в его душу:

— Зачем вы передвинули шкаф?

Надя была безжалостна:

— Как его внесли, так он здесь и стоит!

— Но это же моя мебель! — В гóлосе Лукашина зазвучали умоляющие ноты.— Польский гарнитур за семьсот тридцать рублей!

— И двадцать рублей сверху! — прокомментировала Надя.

— Я дал двадцать пять! — Лукашин повернулся и простонал: — Наваждение какое-то. Зачем мама поставила на стол чужие тарелки? И ширму нашу семейную умыкнули...

— Кажется, вы начинаете прозревать! — зафиксировала Надя.

Лукашин пытался отсрочить неизбежное:

— Значит, вы пришли, передвинули шкаф, заменили тарелки и... куда вы девали люстру?

— Отвезла в комиссионку! — ответила Надя.

— Где я? — жалобно пролетепал Лукашин.

— Третья улица Строителей, 25, квартира 12! — объявила Надя.

— Но, честное слово, это мой домашний адрес! Хотя мне кажется, я все-таки в чужой квартире! — Лукашин был уже не пьян, но еще не был трезв.

— Наконец-то! Теперь вы можете уйти со спокойной душой! — И Надя сдернула с Лукашина плед.

— Не надо! — закричал Лукашин.— Куда же я пойду в таком виде? Что вы, смеетесь? — Он схватил Надино платье и прикрыл им голые ноги.

— Мое новогоднее платье! — взвизгнула Надя и вырвала его из рук полураздетого пришельца.

— Не обнажайте меня! Я жду Галю, она придет по этому адресу, я вам паспорт покажу! Где мой пиджак? — Лукашин поискал глазами пиджак, который валялся на полу, за шкафом.— Вот мой пиджачок... висит... А вот и паспорт мой. Вот — город Москва... Нет, вы смотрите! Сто девятое отделение милиции. Прописан постоянно по Третьей улице Строителей, 25, квартира 12! Это, между прочим, документ. И... чешите отсюда!

Надя насмешливо скривила губы:

— Значит, вы думаете, что вы в Москве? — не выдержала она и расхохоталась в полный голос.

— А где я, по-вашему? — в ответ рассмеялся Лукашин, но это был неуверенный смех.— В Москве, деточка, в Москве!

Тогда Надя выдвинула из буфета ящик, достала свой паспорт и протянула Лукашину. Тот послушно прочел:

— Ленинград, Третья улица Строителей, 25, квартира... — Он вернул паспорт, и только сейчас дошел до него страшный смысл прочитанного: — Вы что же... намекаете, что я в Ленинграде?

Надя торжественно молчала. Лукашин нервно засмеялся и сразу же прервал себя:

— Но как же я мог попасть в Ленинград, я ведь шел в баню...

— С легким паром! — поздравила Надя.

— Спасибо! — сказал Лукашин, а Надя показала рукой на дверь:

— А теперь уже хватит! Уходите!

— Но если я действительно в Ленинграде... какая беда, а? — Лукашин в ужасе опустился на пол. — Пойдите, мы поехали на аэродром... да, я помню... мы провожали Павла... перед этим мы мылись... Неужели я улетел вместо Павла?

— Не надо пить! — догадалась Надя.

— Да я абсолютно непьющий... В рот не беру... Нет, это невероятно... Галя уже пришла, а я на полу... в Ленинграде... Хоть бы я попал в какой-нибудь другой город...

В лифте Надиного дома медленно и с достоинством поднимался Ипполит Георгиевич, мужчина солидный и знающий себе цену. Он остановился возле Надиной двери, поправил галстук, улыбнулся и, предвкушая удовольствие от будущей встречи, позвонил в дверь.

Ипполит и не подозревал, какую реакцию вызовет его звонок.

— Не открывайте! — закричал Лукашин. — Я сейчас встану!

— Сразу не открыть — это хуже! — и Надя решительно шагнула в коридор, у двери она обернулась: — К вашему сведению, это пришел он! Берегитесь!

— Что вы делаете? Подождите! Я сейчас оденусь! — и Лукашин с головой накрылся пледом.

Надя отворила дверь.

— С наступающим, Наденька! — Ипполит нежно поцеловал любимую. — Вот тебе новогодний подарок!

— Спасибо. Я тебе тоже приготовила подарок, — сказала Надя, — он в комнате. — И пока Ипполит раздевался, добавила: — Но я тебе должна кое-что

сообщить... В это невозможно поверить... Ты умрешь со смеху... Короче говоря, я пришла домой, а на моей тахте спит посторонний мужчина. Я его с трудом разбудила... Я его поливала из чайника...

Ипполит как-то странно взглянул на Надю и шагнул в комнату.

Лукашин выглянул из-под укрытия:

— С наступающим!

— Ну что ж! — медленно произнес Ипполит, обращаясь к Наде.— Ты приготовила отличный подарок! — И сдернул с Лукашина плед.

— Ведите себя прилично! Она здесь ни при чем, это я во всем виноват! — поспешно вставил Лукашин, стараясь при этом незаметно прикрыть пледом босые ноги.

Ипполит, прокурорски сощурился, посмотрел на Надю:

— Мне бы хотелось узнать маленькую деталь... так, из любопытства,— кто это?

— Я его не знаю! — пожалала плечами Надя.

— Я посторонний, я здесь нечаянно...— добавил Лукашин.

— Это совсем незнакомый мужчина...— сказала Надя.

— Да, я мужчина,— покорно согласился Лукашин.

— Как он сюда попал? — прошипел Ипполит.

— Понимаешь, это невероятное совпадение...— начала объяснять Надя.

— Невероятное...— как эхо повторил Лукашин.

— Он тоже живет: Третья улица Строителей, 25, квартира 12...

— 12,— вздохнул Лукашин.

— Но только в Москве,— продолжала Надя.

— В Москве я живу...— Эхо проявило крохотную самостоятельность.

Ипполит негодующим жестом указал на брюки Лукашина, валяющиеся на полу:

— А это что?

Надя в который раз запустила брюками в их владельца.

— Это мои штаны,— с гордостью произнес Лукашин и поморщился.— Осторожнее, помнете!

Пока Лукашин тщетно пытался под пледом натянуть на себя брюки, Надя старалась вдолбить Ипполиту, как было дело.

— Он с приятелями пошел в баню...

— В баню мы пошли,— подтвердил унылый голос.

— Там они выпили, и его по ошибке запихнули в самолет!

— В самолет,— отозвался Лукашин. Он все еще пытался под пледом всунуть ноги в штаны. Однако это оказалось для него непосильным делом.

— Где? В бане? — повысил голос Ипполит.— Ну, с меня достаточно.

— Нет! В бане нет самолетов! — Ради такого важного сообщения Лукашин даже высунул голову.

— Вас не спрашивают! Заткнитесь!

— Да, мы там мыслишь! Скажите ему! — обратился Лукашин за подтверждением к Наде.— С Павликом мыслишь!..

— Да замолчите вы! — в отчаянии крикнула Надя, понимая, что пьянчужка только ухудшает и без того ужасное положение.— Они из бани поехали на аэродром.

— Провожать Павлика,— кротко пояснил Лукашин.

— Ах, здесь еще Павлик?! — Ипполит заметался по комнате в поисках второго соперника.

— Его нет, я вместо него! — Лукашин честно старался помочь, но от его чрезмерной помощи правда начинала казаться неуклюжим враньем.

— Значит, должен был прийти Павел? — Ипполит все понимал по-своему.

— Подержите плед, я оденусь! — Лукашину надоело мучиться, он отдал плед Наде и Ипполиту и наконец натянул проклятые брюки.

— Дорогой мой! — теперь уже занервничала Надя.— Никто не должен был прийти. Этот вот попал в самолет по ошибке...

— Что, его в багаж сдавали? — серьезно спросил Ипполит.

— Может быть. Я не помню,— искренне признался Лукашин.

А Надя, желая польстить Ипполиту, показала на Евгения:

— Ты посмотри на него, какой он несимпатичный!

Ипполит немедленно согласился:

— Он просто отвратителен!

— Это спорный вопрос! — не согласился Лукашин.— Зачем вы так? Что я вам сделал плохого?

— Все-таки, как он оказался в твоей постели? — допрашивал Ипполит.

— Я не нарочно! Извините, хозяйка, не знаю, как вас зовут?..— спросил Лукашин, с ботинком в руке двинувшись к Наде, но Надя его грубо оттолкнула.

— Прекрасно, он у тебя в постели,— перебил Лукашина Ипполит,— но он не знает, как тебя зовут! Нет, я пошел!

— Значит, если бы он знал, как меня зовут, ты бы остался? — разозлилась Надя.— Ипполит, дорогой, я тоже не знаю, как его зовут. Я его вижу первый раз в жизни!

— Вот теперь я тебе верю. Прекрасные современные нравы!

Во время перепалки Ипполит ринулся к вешалке, но Надя силой вернула жениха обратно. По пути они совершенно нечаянно опрокинули на пол Лукашина, который с большим трудом пытался принять вертикальное положение.

— Что же вы меня все время роняете? — взмолился Лукашин.— Дайте я встану и уйду навсегда...

— Ипполит,— говорила Надя, не обращая на Лукашина внимания,— давай не будем портить друг другу новогодний вечер. И не заставляй меня все время оправдываться, я ведь ни в чем не провинилась. Какой-то забулдыга попал ко мне в квартиру...

— Я не забулдыга, я — доктор,— запротестовал Лукашин.

— Ну, предположим, он случайно оказался в Ленинграде,— Ипполит, мужчина логического склада, стремился докопаться до истины,— предположим, он живет по такому же адресу, но зачем ты его впустила?

— Она меня не впускала,— разъяснил Лукашин,— ключ подошел!

Он предъявил ключ.

— Вы можете проверить.

Ипполит повернулся к Наде:

— Значит, ты дала ему ключ?

— Не давала она ключ! — в который раз вмешался в разговор Лукашин.— Какой вы тупой!

— Но почему ты мне не веришь? — вспыхнула Надя.— Этот тип противен мне так же, как тебе.

— Себе я тоже противен! — Лукашин взял портфель с веником, в коридоре схватил в охапку дубленку и оказался на лестнице. Только в лифте он надел пальто и напялил на голову шапку. Выскочив на улицу,

Лукашин поглядел на здание, которое он только что покинул и в котором случилось с ним столь невероятное происшествие.

— Дом точно такой же...— грустно пробурчал бедолага.

А в комнате Надя зажигала новогоднюю елку. Ипполит, как бука, сидел насупившись и нервно вертел в руках вилку. Надя подошла к Ипполиту и обняла:

— Ну, перестань дуться... И не смей меня ревновать... Если я когда-нибудь полюблю, ты узнаешь об этом первый...

— Я не сержусь... Но ты должна меня понять... Я прихожу...— сказал Ипполит, невольно оттаивая.

— Я понимаю... Я на твоём месте закатила бы такое!..— выпалила Надя, и оба засмеялись.

— То, что он появился у тебя в доме,— говорил Ипполит,— соответствует твоему характеру!

— Но почему? — Надя надула губы.

— Ты безалаберная... молчи... ты непутевая... у меня в доме или в моей лаборатории он бы не смог появиться... странно, что вообще ты его заметила. Ну мало ли что там валяется?

— Ты угадал,— улыбнулась Надя,— я его заметила не сразу.

Она развернула подарок, принесенный Ипполитом:

— Ой, это же настоящие французские духи, они же такие дорогие! Но я тебе тоже приготовила...— Надя достала бритву...— вот, самой последней марки... с этими, как их, плавающими, что ли, ножами!

— Зачем ты сделала такой дорогой подарок? — Ипполит был явно польщен.

— Беру пример с тебя! — Надя всплеснула руками.— Ой, я же не надела праздничное платье...— Она схватила платье, выбежала в другую комнату, вернулась, взяла флакон с духами и опять убежала...

А на улице Евгений Лукашин на всякий случай спросил у прохожего, который спешил встречать Новый год:

— Извините... Это действительно Ленинград, город на Неве?

Прохожий с укором поглядел на Лукашина:

— Пить надо меньше!

— Надо меньше пить! — согласился Лукашин.— Пить меньше надо.

...Надя в нарядном платье вплыла в комнату, Ипполит влюбленно оглядел ее:

— Просто принцесса из сказки!

— Я рада, что тебе нравится! — счастливо улыбнулась Надя.

Ипполит и Надя не без торжественности уселись за праздничный стол.

— А сейчас давай проводим старый год! Ведь в этом году я встретил тебя...— разливая вино, сказал Ипполит.

— А я тебя...— Надя и Ипполит подняли бокалы и чокнулись.

— Так хочется побриться... Но ничего, к утру я обросту...

— Люблю встречать Новый год! — сказала Надя.

Ипполит встал и снял со стены гитару.

— Надя, мне так нравится, как ты поешь...

— Просто ты ко мне необъективно относишься.— Надя взяла гитару и стала перебирать струны.

— Это верно.— И Ипполит устроился поудобнее в кресле.

Надя начала напевать. Пела она просто и сердечно.

По улице моей который год
Звучат шаги — мои друзья уходят.
Друзей моих медлительный уход
Той темноте за окнами угоден.

О Одиночество, как твой характер крут!
Посверкивая циркулем железным,
Как холодно ты замыкаешь круг,
Не внемля увереньям бесполезным.

Дай стать на цыпочки в твоём лесу,
На том конце замедленного жеста
Найти листву и поднести к лицу
И ощутить сиротство как блаженство.

Даруй мне тишь твоих библиотек,
Твоих концертов строгие мотивы,
И — мудрая — я позабуду тех,
Кто умерли или доселе живы.

И я познаю мудрость и печаль,
Свой тайный смысл доверяю мне предметы,
Природа, прислонясь к моим плечам,
Объявит свои детские секреты.

И вот тогда из слез, из темноты,
Из бедного невежества былого
Друзей моих прекрасные черты
Появятся и растворятся снова.

— Чьи это слова?

— Ахмадулиной,— ответила Надя, встала и повесила гитару на место.

— А-а,— промычал Ипполит, делая вид, что фамилия ему знакома.

— Тебе салат положить? — спросила Надя, возвращаясь к столу.— Или ростбиф?

— Салат,— страстно дыша, сказал Ипполит.— И ростбиф!

Однако есть он не стал, а поправил галстук, откашлялся и заговорил весьма высокопарно:

— Надежда, послушай меня! Сегодня, в последний час старого года, я намерен поставить вопрос ребром. Мне кажется, что нам пора покончить с нашим холостым положением. Как ты смотришь на то, если мы поженимся?

Надя ласково улыбнулась:

— Я смотрю на это с удовольствием. Но при условии, что ты не будешь так ревнив...

— Я уже не молод, но я чувствую, что...

И тут раздался звонок в дверь.

Ипполит изменился в лице:

— Это еще кто?

— Понятия не имею! — искренне ответила Надя, собираясь пойти открыть, но Ипполит оттеснил ее:

— Нет уж, извини!

И Ипполит отпер дверь сам.

У двери стоял Лукашин со своим дурацким портфелем.

— Извините, что беспокою... Я постеснялся открыть своим ключом...

— Что вам опять нужно? — нервно спросил Ипполит.

— Кроме вас, у меня в этом городе никого,— честно признался Лукашин.— И денег тоже нету... А задаром билет не дадут... Вы мне не одолжите, ну, рублей пятнадцать... я завтра же телеграфом вышлю...

Надя уничтожающе взглянула на Лукашина:

— Чтобы вы оставили нас в покое, придется вам заплатить! — И ушла в комнату за деньгами.

— Пожалуйста, заплатите мне, если можно...— сказал он ей вдогонку.

Пользуясь отсутствием Нади, Ипполит наклонился к Лукашину и доверительно попросил:

— Теперь, когда мы одни... как мужчина мужчине... что вы здесь делали?

Для большей убедительности Лукашин начал с самого начала:

— Понимаете, у нас традиция... 31 декабря мы с друзьями ходим в баню... А Павел должен был лететь в Ленинград... А я должен был сегодня жениться...

— На ком? — быстро спросил Ипполит.

— Это не имеет отношения к делу... Мы выпили за мою женитьбу, за мою невесту, за меня...

— Вы пьяница? — догадался Ипполит.

— Наоборот. Именно поэтому я опьянел, у меня не оказалось необходимой подготовки. После — правда, я это плохо помню — на аэродроме, мы пили что-то еще... И, очевидно, меня вместо Павлика запихнули в самолет.— И Лукашин, чтобы подчеркнуть правдивость своего рассказа, глупо улыбнулся.— Все это очень просто.

— И главное — достоверно... Что же вы делали в самолете? — допытывался Ипполит.

— Я думаю, спал... летел спя...

— Ну хорошо. Вы не помните, как попали в самолет, но как вы из него вышли, вы должны помнить? — Дотошный ревнивец хотел поверить Лукашину, но не мог.

— Должен, но не помню. Но зато я помню, что приехал сюда на такси. Я сказал водителю свой адрес, и меня вот привезли...

Ипполит уже терпел терпение:

— Допустим, адрес совпал, допустим, ключ подошел, хотя это маловероятно, но неужели вы не заметили, что мебель другая?

— Такая же! — сказал Лукашин, смотря на Ипполита невинными светлыми глазами.

— Что? — повысил голос Ипполит.

— Мебель точно такая же.

— А вы не обратили внимания, что в квартире беспорядок? Потому что люди только что переселились...

Лукашин вежливо персбил взбешенного Ипполита:

— Но мы тоже только что переселились... с мамой... три дня назад.

— Не делайте из меня идиота! — завопил Ипполит, рванул с вешалки пальто и выскочил на лестницу.

Тотчас вернулась Надя:

— Вот деньги... а где Ипполит?

Лукашин смотрел в сторону:

— Ушел!

— Что вы ему такое сказали?

— Правду!

— Какую правду? — подозрительно спросила Надя.

— Я начал с самого начала... — Лукашин по-прежнему не смотрел на Надю... — Я ему сказал, что у нас есть традиция, 31 декабря мы с друзьями ходим в баню... — Первый раз взглянув на Надю, Лукашин увидел, что она вот-вот расплачется, и ринулся к выходу: — Сейчас я его верну!

Лукашин кубарем скатился по лестнице, вылетел на улицу и вдалеке увидел Ипполита.

— Послушайте! — изо всех сил заорал Лукашин. — Ипполит... Простите, не знаю вашего отчества.

Ипполит побежал к «Жигулям», быстро открыл дверь и забрался в кабину.

Лукашин подбежал к автомобилю и хотел открыть дверцу, но Ипполит резко рванул с места. Лукашин попробовал было догнать машину, но проиграл соревнование...

Пока Лукашин тщетно гнался за «Жигулями», его невеста Галя впорхнула в подъезд лукашинского дома, который, как известно, находился в Москве. Из-под белой пушистой шубки виднелось вечернее лиловое платье.

Галя остановилась возле квартиры № 12, хитро улыбнулась, достала из сумочки заветный ключ и по возможности неслышно отворила им дверь. В прихожей Галя, все так же стараясь не привлечь внимания жениха, сняла пышную шубку и тихонечко повесила ее на вешалку. Прежде чем войти в комнату, Галя не удержалась и погляделась в зеркало. Она осталась довольна собой, и не без основания. На нее, слегка улыбаясь, смотрела эффектная, элегантная, броская современная женщина.

Затем Галя, крадучись, пробралась в большую комнату, где заботливыми руками предусмотрительной мамы был накрыт праздничный стол ровно на две персоны. Галя повернулась на каблуках, надеясь неожиданным появлением преподнести сюрприз жениху, но... жениха почему-то не было видно. Галя на рысях обыскала квартиру, заглянула на кухню, в ванную, и еще кое-куда, вернулась в большую комнату и растерянно позвала:

— Женя!

Но жених Женя не отвечал. А часы бесстрастно, как и полагается часам, показывали без четверти двенадцать...

...В это время в Ленинграде запыхавшийся Лукашин вернулся в Надину комнату и огорченно доложил:

— Уехал! Он ездит быстрее, чем я бегаю!

Надя протянула Лукашину деньги и сказала сквозь слезы:

— Возьмите ваши пятнадцать рублей!

Лукашин спрятал деньги в карман:

— Я завтра же вышлю. Вы не беспокойтесь.

Надя в бессилии прислонилась к стене:

— Я вас ненавижу! Вы мне сломали жизнь!

— Он вернется! — пытался утешить ее Лукашин.—

Вспыльчивые и ревнивые — они быстро отходят. Если бы вы знали, как я вас понимаю и как вам сочувствую... У меня ситуация еще хуже. Дома, в Москве, в моей пустой квартире ждет женщина, которую я люблю, а я в Ленинграде.

— И она не знает, где вы? — машинально спросила Надя.

— Конечно, нет. Она, наверное, с ума сходит!

— Так позвоните ей! — посоветовала Надя.

— У меня нет талончика...— сокрушенно сказал Лукашин.

Надя только вздохнула:

— Звоните в кредит! Звоните по автомату!

— Вы душевный человек! — обрадовался Лукашин.— Можно, я сниму пальто, а то здесь жарко? — И он начал снимать дубленку, не дожидаясь позволения.

— Делайте что хотите..— Не зная, чем себя занять, Надя села у телевизора.

— Извините, а какой номер набрать? — спросил Лукашин заискивающе, после нескольких тщетных попыток прорваться через восьмерку.— А то автомат занят...

— 10-00-20...

— Спасибо большое.— Лукашин набрал номер.— С наступающим вас, девушка. Примите, пожалуйста, заказ на Москву. 245-34-19. Кто подойдет... Номер в Ленинграде? — Он поглядел на Надю.

— 14-50-30,— подсказала Надя.

Лукашин повторил номер и растерянно повесил трубку.

— Она сказала, что дадут в течение часа!

— О господи! — вырвалось у Нади.

Тогда Лукашин шагнул к выходу:

— Я на лестнице посижу, вы меня позовете... Могу вообще уйти, а вы объясните все Гале...

— Нет уж, дудки. Объяснитесь сами! — Надя не находила себе места.

Лукашин взглянул на часы и скорбно произнес:

— Между прочим, до Нового года осталось две минуты!

Надя безнадежно махнула рукой:

— Откройте шампанское!

Лукашин бросился к столу, схватил бутылку, вроде бы осторожно снял проволоку, которая опутывала пробку, но пробка тотчас с треском вырвалась на свободу, и шампанское пенной волной залило скатерть.

— И тут не везет. Что же такое сегодня! Простите... — Лукашин наполнил бокал и с виноватым видом передал Наде. — А как вас зовут? Лично меня Женей.

— А меня Надей!

С телевизионного экрана послышался бой часов. Надя и Лукашин подняли бокалы.

— С Новым годом, Надя!

— С Новым годом! — невесело откликнулась хозяйка дома.

Под новогодние удары курантов металась по Ленинграду желтые «Жигули». Они мчались вперед, потом резко поворачивали обратно.

За рулем сидел Ипполит, обезумевший от ревности.

Пробил последний, двенадцатый удар.

Надя только лишь пригубила:

— Хорошо начинается Новый год, ничего не скажешь!

Лукашин оптимистически поддержал разговор:

— Есть такая традиция: как встретишь Новый год, так его и проведешь...

Тема беседы быстро иссякла. Лукашин и Надя не знали, о чем говорить.

— А вы какой доктор? — спросила Надя.

— Хороший! — скромно ответил Лукашин.

— А если точнее?

— Хирург. А вы?

— Учительница. Русский язык и литература...

— Надо позвонить в аэропорт и узнать, когда пойдет на Москву первый самолет... — сказал Лукашин.

Надя протянула ему телефонную книгу.

Лукашин набрал номер:

— Аэропорт? С Новым годом, девушка... Когда на Москву первый самолет? Спасибо.— Он повесил трубку.— В семь пятнадцать. Но вы, Надя, не бойтесь, вот поговорю с Галей и сразу уйду.

Надя грустно усмехнулась:

— Мне кажется, что вы никогда отсюда не уйдете!

— Не надо убиваться,— посоветовал Лукашин,— все образуется.

И сразу раздался телефонный звонок.

Лукашин обрадовался:

— Ну вот и Москва! Алло, Москва? Алло...

В будке телефона-автомата Ипполит побагровел, кинул трубку на рычаг и вышел на улицу, саданув дверцей.

В квартире Нади Лукашин огорченно сказал:

— Кажется, это был Ипполит...

— Зачем вы подходили к телефону? Кто вас просил? — Надя была в отчаянии.

— Но я ведь не знал, что это он. Я думал, это Москва,— виновато оправдывался Лукашин.— Простите, ради бога.

Снова раздался телефонный звонок.

Надя закричала:

— Не трогайте! Я сама!

Надя подбежала к телефону:

— Алло... Москву?... Да, заказывали...

В. Москве, в лукашинской квартире, растерянная девушка держала в руках трубку:

— Ленинград вызывает?

— Галя, это я! — виновато признался Лукашин.

— А, вот ты где! — гневно сказала Галя...— Спасибо, что хоть позвонил...

Лукашин не знал, с чего начать:

— С Новым годом, Галечка!

— Ты позвонил, чтобы поздравить меня, я тронута!

— Понимаешь, произошла нелепая история...— начал было Лукашин, но Галя перебила его:

— А я-то волнуюсь, все больницы обзвонила, все морги... А ты... просто удрал от меня!

— Я тебя очень люблю! — возразил несчастный жених.

Галя не обратила внимания на его слова.

— Теперь я понимаю, почему ты заранее рассказал мне про Ленинград...

— Это совсем другой случай! Я тебе все объясню... Мы пошли в баню... с друзьями... Это такая традиция — мы моемся...

— Разговаривать мне с тобой не о чем! — сухо оборвала Галя.

— Ну, пожалуйста... Обожди меня... Ты можешь проверить. Мой телефон в Ленинграде 14-50-30. Я прилечу первым же самолетом...

— Можешь не торопиться! Ключ от твоей квартиры я оставляю на столе.

— Не надо... Ключ на столе... Не бросай трубку...

Но Галя не вняла призыву и резко оборвала разговор.

— Алло... Алло...— Лукашин тоже положил трубку и горько усмехнулся.— Кажется, у меня нет невесты.

— Ничего, найдете другую! — равнодушно сказала Надя.

Снова раздался телефонный звонок.

Лукашин с надеждой бросился к аппарату:

— Галя? А... Хорошо... Три минуты...— Внезапно Лукашин обрушился на Надю: — Другую... Не давайте дурацких советов! Что вы в этом понимаете? Я ни разу не был женат. Я всю жизнь искал и наконец нашел!

— Что вы на меня кричите? — озлилась Надя.

— А вы не вмешивайтесь в чужие дела! — Лукашин был вне себя.— Найдете другую...

— Вы забыли, что находитесь у меня в квартире! — Надю потрясла неблагодарность пришельца.

— Пропади она пропадом, эта квартира, вместе с вами и вашим Отелло! — Лукашин пылал гневом.

— Вы хам! — в ярости выкрикнула Надя.— Вы просто хам!

Надя уселась и спокойно вытянула ноги.

— Пошел вон!

Лукашин тоже сел:

— Никуда я отсюда не уйду! Мой самолет только в семь утра!

— Тогда уйду я! — Надя вскочила с места.

— Скатертью дорога! — Лукашин пересел к столу и принялся накладывать себе еду.

— Ну, знаете! — Надя была возмущена.— Этот номер у вас не пройдет!

Она вернулась к столу и, вырвав у Лукашина тарелку, поставила себе.

Лукашин взял себе другую чистую тарелку, но Надя выхватила ее и швырнула об пол. Мелкие осколки рассыпались по всей комнате.

— Вы просто мегера! — крикнул Лукашин.

Надя пригрозила:

— Еще одно слово, и следующая тарелка полетит вам в голову.

На всякий случай Лукашин ничего не возразил. Надя принялась за еду. Она ела демонстративно, со вкусом:

— А ваша Галя уже ушла! И правильно поступила. Ей повезло. Теперь она свяжет судьбу с настоящим человеком. Что ж вы не возражаете? Нечем крыть?

— Боюсь следующей тарелки! — признался Лукашин, глядя на кушанья голодными глазами.

И в это время в дверь позвонили.

— Это Ипполит! — воскликнула Надя.— Прыгайте с балкона!

— Охота была ноги ломать! — отозвался Лукашин.

Надя пошла отворять, и в квартиру влетели Надины подруги Татьяна и Валентина. И сразу посыпалась тысяча слов:

— Мы тут шли мимо...

— Надюша, с Новым годом!

Воспользовавшись отсутствием хозяйки, Лукашин быстро впихнул в себя какие-то яства.

— Мы только взглянуть на твоего...

— Наши мужики ждут внизу. Мы их не взяли, а то их потом не выставишь!

— Да, мужиков выставлять трудно! — вздохнула Надя.— Ну, что ж, проходите. Вон он... во всей красе.

Подруги вошли в комнату. Лукашин встал и поклонился. Он все еще с аппетитом жевал.

— Дорогой Ипполит Георгиевич! — не без торжественности начала Валентина.— Мы ближайшие Надины подруги...

— Мы работаем в одной школе, а она вас прячет...— вставила Татьяна.

Пока они знакомились, Надя незаметно спрятала фотографию Ипполита, которая стояла за стеклом книжной полки на самом видном месте.

— Но я не тот...— пытался спорить Лукашин, но спорить с набитым ртом было трудно.

— Не перебивайте, это невежливо! — сделала ему замечание Татьяна.

Подруги Нади были совсем разные. Если Валентина смахивала на педагогического солдафона, который лишь по случаю праздника был одет не по форме, то трогательная, крохотная, большеглазая Татьяна вовсе не походила на учительницу.

— Мы специально заехали,— продолжала Валентина,— чтобы поздравить вас обоих. Вы должны знать, какая замечательная женщина наша Надя, как ее любят в школе педагоги, родители...

— И даже дети! — добавила Татьяна.

— Надежда — прекрасный педагог,— привычно толкала речь Валентина.— Чуткий товарищ, она ведет огромную общественную работу, она висит на доске Почета.

— И чудесно поет,— вставила Татьяна.

— Все это очень приятно,— умудрился наконец заговорить Лукашин,— но я не тот, за кого вы меня принимаете!

— Не слушайте вы его! — неожиданно вмешалась Надя.— Давайте присаживайтесь к столу. Ведите сюда мужчин!

— Мы не хотим мешать! — покрутила головой Татьяна.

— Да вы не можете нам помешать! — Лукашину явно не нравилась вся эта история. Кроме того, правдивость была определяющей чертой его характера.— Мы, можно сказать, почти незнакомы. Первый раз я увидел Надежду...— он повернулся к Наде,— как ваше отчество?

— Ее отчество Васильевна! — сквозь смех сообщила Татьяна.

— Я увидел Надежду Васильевну в одиннадцать часов вечера!

— Ипполит, не дурачься! — эти слова Нади относились, разумеется, к Лукашину. Грубая ложь возмутила правдолюбца:

— А я не Ипполит и никогда им не буду!

— Нет, пусть дурачится,— попросила Татьяна.— У него это славно получается. Мне так нравятся ваши отношения...

— Но я действительно...— Лукашин был разъярен, но Надя перебила:

— Ипполит, перестань, уже неостроумно! Пригласи гостей к столу.

— И все-таки я не Ипполит! — уперся Лукашин.

Валентина подняла бокал шампанского:

— За ваше семейное счастье!

— Я пить отказываюсь! — Лукашин даже не взял бокала в руки.

— Горько! — крикнула Татьяна, Валентина ее поддержала:

— Правильно! Горько!

— Я не буду с ней целоваться! — заартачился Лукашин.

Однако Надя подошла к нему и, прежде чем он успел оказать сопротивление, поцеловала в губы.

— И даже после этого все равно я не Ипполит! — заявил Лукашин.

— Ипполит Георгиевич, — искренне веселилась Таня, — а вам нравится, как Надя поет?

— Не знаю... — недовольно ответил Лукашин. — Не слышал, не нравится!

Валя изумленно воззрилась на Надю:

— Ты что же, ни разу не спела своему Ипполиту?

— Это моя непростительная ошибка! — согласилась Надя. — Валя, передай мне гитару.

— Не надо музыки! — взмолился Лукашин. — Я не люблю самодеятельности!

— Да какая же это самодеятельность! — Валя сняла со стены гитару и передала Наде.

— Давай нашу любимую! — потребовала Таня. — Надюша, давай «Вагончики»! — И принялась дирижировать.

Надя озорно запела:

— На Тихорецкую вагон отправится,

Вагончик тронется, перрон останется.

Стена кирпичная, часы вокзальные,

Платочки белые, глаза печальные...

Таня и Валентина поддержали:

— Платочки белые, платочки белые,

Платочки белые, глаза печальные...

Надя и Лукашин рассматривали друг друга.

Практически они делали это в первый раз.

Начнет выпытывать купе курящее

Про мое прошлое и настоящее,

Навру с три короба, пусть удивляются,

С кем распрощалась я, вас не касается.

Глядя на поющую Надю. Лукашин только сейчас сообразил, что Надя-то, оказывается, красива.

Откроет душу мне матрос в тельняшечке,
Как тяжело на свете жить бедняжке,
Сойдет на станции и попрощается,
Вагончик тронется, а он останется...*

Вразнобой, но зато самозабвенно подхватили последние строчки Татьяна и Валентина.

— Да, такого я еще не слышал! — сухо процедил Лукашин.

— Ой, братцы, господа, хорошо-то как! — выдохнула Валя.

— Валентина, пошли, а то наши мужья замерзнут! — вспомнила про мужей Татьяна.

— Надя, Ипполит, будьте счастливы!

— Я устал возражать! — Лукашин на самом деле обессилел.

Татьяна и Валентина двинулись к выходу.

— Он просто прелесть! — тихонько сказала Татьяна, а Валентина добавила:

— Я одобряю... Надежда, я знала, ты не ошибешься, он хороший мужик, а главное — серьезный, положительный!

Когда Надя вернулась в комнату, Лукашин спросил:

— Зачем вы это сделали?

Надя несвесело усмехнулась:

— А вы тоже — заладили как попугай: «Я не Ипполит, я не Ипполит»... Вы что же, хотите, чтоб я рассказала им про вашу баню? И чтобы назавтра вся школа говорила о том, что я встречаю Новый год с каким-то проходимцем?

— Я не проходимец, я несчастный человек!

— Как будто несчастный человек не может быть проходимцем! — справедливо заметила Надя.

— А как вы им предъявите настоящего Ипполита?

— А настоящего, наверное, уже не будет... — опечалилась Надя и вновь поставила на место фотографию.

— Почему я все время должен вас утешать? — возмутился Лукашин. — Почему вы меня не утешаете? Мне хуже, чем вам. Вы хоть дома.

— Но ведь вы же во всем виноваты!

* Стихи М. Львовского.

- Ну, я же не нарочно. Я тоже жертва обстоятельств. Можно, я чего-нибудь поем?
- Ешьте! Вон сколько всего. Не выбрасывать же!
- Лукашин с аппетитом набросился на салат.
- Вкусно! — проговорил он с набитым ртом.— Вы сами готовили?
- Конечно, сама. Мне хотелось похвастаться!
- Это вам удалось. Я обожаю как следует поесть!
- А я, признаться, ненавижу готовить! — откровенно сообщила Надя.— Правда, с моими лоботрясами и лодырями времени все равно нет. Как ухожу утром...
- Перевоспитываете их? — Лукашин попробовал заливную рыбу, но она, очевидно, оказалась такой невкусной, что он незаметно оставил тарелку.
- Я — их, они — меня! Я пытаюсь учить их думать, хоть самую малость. Иметь обо всем свое собственное суждение...
- А чему они учат вас?
- Наверное, тому же самому...— улыбнулась Надя.
- Ну а я представитель самой консервативной профессии...
- Не скажите. Мы с вами можем посоревноваться...— не согласилась Надя.
- У нас иметь собственное суждение — особенно трудно. А если оно ошибочно? Ошибки врачей дорого обходятся людям.
- Ошибки учителей менее заметны,— рассуждала Надя,— но в конечном счете они обходятся людям не менее дорого!
- И все-таки у нас с вами самые лучшие профессии на земле! — воскликнул Лукашин.— И самые главные!
- Судя по зарплате,— нет.
- Оба рассмеялись, и Лукашин, невольно поддаваясь возникшей между ними теплоте, сказал:
- А знаете, когда подруги вас хвалили, мне было приятно... Сам не знаю почему...
- Не подлизывайтесь...— предупредила Надя.
- В отличие от вас,— не без хитрецы заметил Лукашин,— ваша подруга сразу увидела, что я человек положительный!
- Конечно! Вы же не вламывались к ней в дом.
- Верно! — улыбнулся Лукашин и присел около проигрывателя.— К ней пока еще не вламывался. А ведь мы с вами своеобразно встречаем Новый год...— Лука-

шин поставил пластинку.— И, знаете, если мы встретимся с вами, ну, когда-нибудь, ну, случайно... и вспомним все это, мы будем покатываться со смеху...

И Евгений церемонно поклонился, приглашая Надю на танец.

— Положим, мне было не до смеха, когда я вошла и увидела... как вы тут разлеглись...— Надя подала руку Лукашину, и они стали медленно кружиться в центре комнаты.

— А я...— вспоминал Женя,— просыпаюсь в собственной постели оттого, что какая-то женщина поливает меня из чайника! Мне тоже было не смешно! — И Лукашин прыснул.

— Я говорю: выкатывайтесь отсюда...— рассмеялась и Надя.

— А я отвечаю: что это вы безобразничаете в моей квартире! — заливался хохотом Лукашин, чисто автоматически прижимая Надю к себе.

— Я от возмущения... просто растерялась... Кто вы?.. Если вор, то почему вы легли... Вор, который устал и лег поспать в обкраденной квартире...— И щека Нади непроизвольно коснулась щеки Лукашина.

— А вы мне сначала так не понравились...— давился от смеха Лукашин...— Ну так не понравились...

Надя хотела еще громче Лукашина:

— А вы мне тоже были так омерзительны!

И тут раздался звонок в дверь.

Лукашин и Надя смолкли, сразу почувствовав себя крайне неловко, будто их застigli на месте преступления. Оба не смели взглянуть друг на друга.

Пауза затягивалась. Раздался еще один звонок.

— Открыть? — вполголоса спросил Лукашин.

Надя встала и направилась отворять. В дверях торчал Ипполит.

Войдя, Ипполит начал оправдываться:

— Родная, прости... я погорячился, был не прав... Я испортил нам новогодний вечер.

— Молодец, что вернулся! — сказала Надя.— Я боялась, что ты уже не придешь. Снимай пальто, и идем!

Надя помогла Ипполиту раздеться, он нежно поцеловал ей руку, и они направились в комнату. Увидев Лукашина, Ипполит оцепенел.

— Как, он еще здесь?

— Не могу же я выставить его на улицу. Первый самолет только в семь часов.

Крупными шагами Ипполит направился в комнату.

— Мог бы посидеть на аэродроме. Ничего бы ему не сделалось!

Лукашин молчал. Ипполит осмотрелся и оценил обстановку:

— Так-так... Поужинали... я вижу, вы неплохо проводите время... Музыкачку завели...

— Не сидеть же голодными, — сказала Надя, выключая проигрыватель, — присоединяйся к нам!

— К вам? — с нажимом переспросил Ипполит.

— Не цепляйся к словам! — поморщилась Надя.

Уловив ее интонацию и, наверно, вспомнив предыдущую ссору, Ипполит пришел к третьейскому решению:

— Вот что... вызовем ему такси и оплатим проезд на аэродром...

— В новогоднюю ночь такси придет только под утро... — констатировала Надя, а Лукашин попытался скрыть улыбку...

— Тогда... Тогда... — Ипполит с трудом сдерживал себя. — Пускай идет пешком.

— До аэродрома? — Надя пожала плечами. — В такую даль?

— Ты его уже жалеешь? — раздраженно спросил Ипполит.

— Дорогой! — Надя тоже была взвинчена. — Даже моему ангельскому терпению приходит конец!

Вот тут Ипполит наконец-то вспылал:

— Значит, я во всем виноват! Может, он успел тебе понравиться? Может, между вами что-то произошло? Может, я здесь третий — лишний?

Теперь не выдержал и Лукашин:

— Как вам не стыдно!

— Молчите! Вас это не касается! — прикрикнул на него Ипполит, а Лукашин назидательно продолжал:

— Если вы любите женщину, Ипполит Георгиевич, вы должны ей доверять, любовь начинается с доверия...

— Не читайте мне мораль! — попытался одернуть его Ипполит..

— Вам полезно послушать!

— Надя, уйми его! — прошипел Ипполит.

Но Лукашин уже завелся и остановиться не мог:

— Надежда Васильевна — замечательная женщина...

как человек... Она умна, она вкусно готовит... я ел!.. Она тактична, она красива, в конце концов! А вы ведете себя с ней отвратительно! Немедленно извинитесь!

— Сейчас я его убью! — в ярости прохрипел Ипполит и кинулся на Лукашина.

Завязалась потасовка. Надя взирала на нее с некоторым интересом, как некогда на рыцарских турнирах женщины глядели на своих кавалеров, кидавшихся друг на друга с мечами и копьями.

— Для полноты картины не хватало только драки! — крикнула Надя.

В схватке победил Лукашин. Он повалил Ипполита на пол и заломил ему руки за спину:

— Проси у нее прощения!

— Почему вы говорите мне «ты»? — тяжело дыша, возмутился Ипполит.

— Потому что ты побежденный! — Лукашин нажал сильнее, и Ипполит вскрикнул:

— Вы мне ломаете руку!

— Сам сломаю, сам и почию! — милосердно пообещал Лукашин.— Проси у нее прощения.

Наде надоело это зрелище.

— Женя, отпустите его!

— Ах, он уже и Женя! — сдавленным голосом произнес Ипполит.

— А что же, по-твоему, я должен быть безмянным? — сказал Лукашин и послушно выпустил Ипполита.

— А теперь уходите! Оба! — приказала Надя.

— А я не хотел его бить! — как в детстве, протянул Лукашин.— Он сам полез! Первый!

Встретившись со свирепым Надиным взглядом, мужчины молча пошли к выходу.

Возле двери они постояли, вежливо уступая друг другу дорогу. Никто не желал уйти первым.

— Перестаньте кривляться! — прикрикнула Надя.

И тогда оба, как по команде, одновременно протиснулись в дверь, внимательно следя друг за другом, взяли свои пальто и так же одновременно вышли из квартиры.

Только они ушли, Надя схватила телефонную трубку и набрала номер:

— Николай Иванович, с Новым годом вас!.. Это Надя... спасибо. Татьяна у вас?..

Ипполит с Лукашиным вышли из дома и остановились.

— Вам в какую сторону? — спросил Лукашин.

— Мне туда! — вытянул руку Ипполит.

— Тогда мне туда! — И Лукашин вытянул руку в противоположном направлении.

— Это естественно, что нам не по пути! — сказал Ипполит и зашагал.

Лукашин тоже зашагал, хотя понятия не имел, куда он идет.

Он дошел до конца улицы, свернул налево, прошел еще немного и остановился в задумчивости.

А Надя в это время заканчивала телефонный разговор с подругой:

— Я сейчас к вам приду... Да нет... Ничего у нас не случилось... Потом расскажу... Ну, тогда... тогда вы заходите за мной...

А Лукашин постоял немножко на снежном перекрестке. Потом какая-то мысль пришла ему в голову. Если бы мы могли читать чужие мысли, то узнали бы, что Лукашин подумал: «А вдруг Ипполит меня перехитрил и уже вернулся?»

И Лукашин резво побежал обратно.

Когда он подбегал к дому № 25, то увидел, что с другой стороны к нему бежал Ипполит, которому, очевидно, пришла в голову точно такая же мысль, как и Лукашину.

— Так! — сказал один.

— Та-ак! — протянул другой.

— Но вас же выгнали! — напомнил Лукашин.

— Нас выгнали обоих! — уточнил Ипполит.

— Это тоже правда! — не стал возражать Лукашин.

Они постояли.

— Будем долго стоять. У меня до самолета уйма времени.

— А у меня вообще выходной день!

— Холодно! — первым признался Лукашин.

— Да, прохладно, а бельишко, как я успел заметить, у вас не по сезону! — поддакнул Ипполит.

— А у вас ботиночки на тонкой подошве! — не остался в долгу Лукашин.

— Схватите воспаление легких, а там, глядишь, и летальный исход, — пугал соперника Ипполит.

— Мы погибнем рядом! — стоял насмерть Лукашин.

— Я погибать не собираюсь! Я могу и в машине посидеть!

Они замерзали, но никто из них не сдавал позиций. Соперники брали друг друга на измор.

Вдруг Ипполит иронически усмехнулся.

— О чем вы подумали? — тотчас отреагировал Лукашин.

— Не собираюсь перед вами отчитываться!

— У вас на лице написано — вы думаете обо мне!

— О Вас, искатель приключений! — с насмешкой сказал Ипполит. — Для вас нет ничего устоявшегося, ничего законного, ничего святого. Такие, как вы, верят не в разум, а в порыв. Вы — угроза для общества!

Лукашин пританцовывал, пытаясь спастись от холода.

— Весьма лестный отзыв!

— Я жду вашего ответа! — сказал Ипполит. — Откровенность за откровенность.

— Пожалуйста! Такие, как вы, всегда правы. Вы живете как положено, как предписано, но в этом и ваша слабость. Вы не способны на безумство. Великое вам не по плечу, а жизнь нельзя подогнать под выверенную схему! — Лукашин неожиданно прервал дидактический монолог и заорал: — Ура!

— Чего — ура! — подозрительно спросил Ипполит.

— Я возвращаюсь. У меня уважительная причина. Я портфель забыл! — с торжеством ответил Лукашин.

— Вы это сделали нарочно!

— Тогда зачем я здесь мерз столько времени? — На этот раз логика явно была на стороне Лукашина.

— Я вам вынесу портфель! — нашелся Ипполит.

— Не доверяю! — Лукашин уже шел к дому. — В портфеле ценный веник!

— Скажите, — Ипполит не отставал от Лукашина, — зачем вы пошли в баню? Что у вас, дома ванной нету?

— Вам этого не понять! — отрезал Лукашин.

Конкуренты вошли в подъезд.

В это время у Нади позвонил телефон.

Надя сняла трубку.

— Алло? Москва?..

— Позовите, пожалуйста, Лукашина, — попросил женский голос.

— Это Галя? А Женя уже ушел на аэродром, — сообщила Надя.

— Кто вы такая? — с вызовом поинтересовалась Галя.

— Случайная знакомая! — ответила Надя.

— А как он оказался у вас в квартире?

— Сейчас я вам все объясню.— И, подражая Лукашину, Надя начала с самого начала: — Женя вчера пошел в баню...

— В какую баню? — переспросила Галя.— У него дома есть ванная!..

На лестничной площадке появились Лукашин и Ипполит.

Ипполит поднял руку к звонку, но позвонить не решился...

В телефонной беседе с Галей Надя искренне старалась быть убедительной.

— Это у них такая традиция. Женя и его школьные друзья каждый год тридцать первого декабря ходят в баню.

— Откуда вы это знаете? Значит, вы знакомы много лет?

— Нет, мы познакомились несколько часов назад. Вы поймите, мой адрес такой же, как у него в Москве: Третья улица Строителей, 25, квартира 12. Он пришел ко мне, как к себе домой...

Галя не верила ни единому слову:

— Я все поняла. Вы даже знаете его московский адрес...

Ипполит и Лукашин по-прежнему торчали у дверей Надиной квартиры. Лукашин протянул сопернику брелок с двумя ключами. Ипполит попытался открыть верхний замок, но безуспешно.

— Вы не волнуйтесь! — посочувствовал москвич.

— Прошу не указывать! — отбрил его ленинградец.

— Хотите, я вам помогу? — вкрадчиво предложил Евгений.

— Нет, не хочу,— наотрез отказался Ипполит.

Лукашин отобрал ключ и вставил его в нижнюю замочную скважину.

— Все очень просто! — сказал Лукашин и, распахнув дверь, пропустил вперед Ипполита.— Пожалуйста!

А тот презрительно усмехнулся.

— Сразу видно, что вы профессиональный жулик!

Оба шагнули вперед, переступая порог, и оба одновременно слышали, что Надя говорит по телефону. И оба, услышав, что именно говорит Надя, замерли.

— Галя... Галя...— торопливо говорила Надя.— Только не вешайте трубку. Вы ничего не поняли... Ваш

Женя славный, добрый... Он ни в чем не виноват... И я вам немного завидую... Вы знаете, он мне очень понравился... Простите его...

При этих словах Ипполит с ненавистью взглянул на соперника и в бешенстве скатился по лестнице. Лукашин проводил его взглядом, облегченно перевел дух и, не желая подслушивать разговор, остался на лестничной площадке.

— Почему вы его защищаете? — спрашивала Галя.— Вы замужем?

— Какое это имеет значение? — уклонилась от ответа Надя.

— Значит, не замужем...— с чисто женской мудростью заключила Галя.— И он улетел в Ленинград встречать с вами Новый год.

— Все было не так,— волновалась Надя.— Вчера Женя вместе с друзьями пошел в баню и там...

— Мне надоело слушать про баню,— перебила Галя и добавила неожиданно: — Сколько вам лет?

— Много...— после паузы тихо ответила Надя.

— Последний шанс?

— Как вам не стыдно!

— Это мне-то стыдно? Я у вас жениха не крада!

— Вы все неправильно понимаете...

— Вы хищница! Но все равно у вас ничего не выйдет! В последний момент он все равно сбежит...

Галя повесила трубку. Машинально Надя еще сказала: «Алло... Алло», потом она положила трубку на рычаг.

Лукашин снова отпер дверь, прислушался — телефонный разговор вроде бы закончился.

— Можно? — спросил Лукашин.— Извините... Я забыл портфель.

— Вам Галя звонила...

— Откуда она узнала номер? — притворно удивился Лукашин.— Ну да, я же ей сам сообщил... И потом, у вас легкий номер...

— Я ей пыталась все объяснить, но она не поверила... Я ей сказала, что вы уехали на аэродром.

— Большое спасибо! — поблагодарил Лукашин и, помолчав, робко проговорил: — Ну, я пошел!

Надя не оправдала надежд Лукашина, потому что ответила:

— Счастливого пути!

Лукашин мялся, не зная, что бы еще сказать:

— Большое спасибо...

— Не за что...— кивнула Надя.

— Ну, я пошел! — Словарь Лукашина не блистал многообразием.

— А как вы будете добираться до аэродрома? — Этим Надя вроде бы выводила Лукашина из тупика.— Автобусы еще не ходят...

— Сам не знаю...— ответил Лукашин.— Как-нибудь.

И Надя совершенно неожиданно резко бросила:

— Ну, идите!

Не будучи знатоком капризной женской души, Лукашин покорно двинулся к двери.

— Так я, значит, пошел... Я вам только хотел сказать...

— Что? — быстро спросила Надя.

— Можно, я вам как-нибудь позвоню?

— Вы помните телефон?

— 14-50-30!

— Позвоните! — разрешила Надя.

— Большое спасибо.— Лукашин еще сделал шаг к двери.— Простите за вторжение!

— С Новым годом! — в голосе Нади едва-едва прозвучал оттенок горечи, но Лукашин его не уловил:

— Спасибо! Вас тоже!

Он уже взялся за ручку двери, и Надя, отчетливо видя, что этот недотепа сейчас действительно уйдет, вскрикнула:

— Что вы делаете?!

— Ухожу!

— Но вы же... вы же ищете предлог, чтобы остаться!

— Ищу, но не нашел!

— А я...— призналась в ответ Надя,— не могу найти предлог, чтобы задержать вас!

— Правда?..— радостно засуетился Лукашин.— Тогда я сниму пальто и задержусь!

Оба испытывали неловкость, не знали, о чем говорить, и, как водится в подобных случаях, не смели взглянуть друг на друга. Надя села в одном углу комнаты, а Лукашин присел на краешек тахты в другом. Пауза затягивалась. Становилась невыносимо долгой. Тогда Лукашин встал и, вопросительно взглянув на Надю, снял со стены гитару.

— Давайте я вам что-нибудь спою? — предложил Лукашин.

— Потому что молчание слишком затянулось?
— Может быть, поэтому. Вообще-то я не очень хорошо пою, но люблю... И Лукашин запел задорную песенку:

Если у вас нету дома,
Пожары ему не страшны.
И жена не уйдет к другому,
Если у вас нет жены.

Если у вас нет собаки,
Ее не обидит сосед.
И с другом не будет драки,
Если у вас друга нет.

Если у вас нету тети,
То вам ее не потерять,
А если вы не живете,
То вам и не умирать...

Оркестр гремит басами,
Трубач выдувает медь.
Думайте сами, решайте сами —
Иметь или не иметь?!*

— Проблемная песня...— усмехнулась Надя.

— А я ведь гитару-то взял не зря. Теперь вы, как радушная хозяйка, должны отплатить мне тем же... Спойте, пожалуйста.— И Лукашин протянул Наде гитару.

Надя взяла гитару, но петь не собиралась.

— Вам же не нравится, как я пою...

— Нравится... я врал... я вру...

— Всегда?

— Почти! — улыбнулся Лукашин и подошел к портрету Нади, который стоял за стеклом книжного шкафа рядом с фотографией Ипполита.

— У вас хорошая фотография!

— Обычно на фотографиях я получаюсь скверно, но эта мне тоже нравится... Хотя ей уже десять лет...

— Вы несколько не изменились,— галантно заявил Лукашин.

— Опять врете?

— Почти нет...

— А вы где работаете? — спросила Надя.

— В районной поликлинике. Принимаю больных. Иногда по тридцать человек в день.

* Стихи А. Аронова.

— Надоедает?

— Конечно,— согласился Лукашин.— Но что же делать? Они ведь больные. Их надо лечить.

— Ладно. Уж так и быть, спою вам,— вдруг согласилась Надя.— Хотя вы этого не заслуживаете.

И она негромко запела на прекрасные цветаевские слова.

— Мне нравится, что вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не вами,
Что никогда тяжелый шар земной
Не уплывет под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть смешной,
Распущенной и не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.

Спасибо вам и сердцем, и рукой
За то, что вы меня — не зная сами! —
Так любите: за мой ночной покой,
За редкость встреч закатными часами,
За наши негулянья под луной,
За солнце не у нас над головами,
За то, что вы больны — увы! — не мной,
За то, что я больна — увы! — не вами...

Когда Надя закончила петь, Лукашин сказал неожиданно:

— Надя, у меня к вам просьба... Может быть, дерзкая...

— Какая?

— Вы не обидитесь?

— Постараюсь.

— И не прогоните меня?

— Если я до сих пор этого не сделала... Вы хотите, чтоб я еще спела? — улыбнулась Надя.

— Нет... Надя, можно, я выну из шкафа фотографию Ипполита и порву ее?

— Нет, нельзя...— холодно отказала Надя.

— Неужели вы огорчены, что Ипполит ушел? — Голос Лукашина звучал подавленно.

— Зачем вам это знать?

— Нужно.

— Огорчена,— с вызовом ответила Надя.— Да!

— Вы в этом уверены?

Надя промолчала...

— Сколько вам, тридцать два? — бестактно спросил Лукашин.

— Тридцать четыре...

— Тридцать четыре...— задумчиво повторил Лукашин.— А семьи все нет, ну не складывалось. Бывает. Не повезло. И вдруг появляется Ипполит, положительный, серьезный. С ним спокойно, надежно. За ним как за каменной стеной. Он ведь, наверно, выгодный жених. Машина, квартира. Подруги советуют: смотри, не упусти...

— А вы, оказывается, жестокий!..

— Хирург. Мне часто приходится делать людям больно, чтобы потом они чувствовали себя хорошо.

— А вы жалеете своих больных?

— Конечно...— пожал плечами Лукашин.

— А я себя тоже иногда жалею,— грустно улыбнулась Надя.— Приду домой вечером, сяду в кресло и начинаю себя жалеть. Но это со мной редко бывает...

— И вы ни разу не были замужем?

— Была. Наполовину.

— То есть как? — Лукашин даже растерялся.— На какую половину?

— А так... Встречались два раза в неделю... В течение десяти лет... С той поры я не люблю суббот и воскресений. И праздников тоже. На праздники я всегда оставалась одна.

— Он был женат? — догадался Лукашин.

— Он и сейчас женат.

— И вы,— с видимым усилием спросил Лукашин,— его до сих пор любите?

— Нет! — твердо ответила Надя. Уловила пристальный взгляд Лукашина, улыбнулась: — Нет! Давайте лучше пить кофе!

— А я у женщин успехом не пользовался, еще со школьной скамьи! — Лукашин пришел в хорошее расположение духа.— Была у нас в классе девочка. Ира,— ничего особенного... но что-то в ней было. Я в нее еще в восьмом классе... как говорили... втюрился. А она не обращала на меня ну никакого внимания. Потом, уже после школы, она вышла за Павла...

— С которым вы пошли в баню и вместо которого улетели в Ленинград? — уточнила Надя.

— За него, родимого...— подтвердил Лукашин.— Меня, конечно, пригласили на свадьбу. Я сильно переживал, встал и сказал тост: «Желаю тебе, Ира, поскорей уйти от Павла ко мне. Я тебя буду ждать!» Со свадьбы меня, конечно, вытурили. Был большой скандал!

— А теперь вы с Павлом близкие друзья?

— Почему теперь? Всю жизнь. Он же не виноват, что она его выбрала. Именно к ней он должен был прилететь в Ленинград встречать Новый год. Она здесь в командировке.

— Бедная Ира! Значит, она тоже пострадала!

— Почему тоже? — обиделся Лукашин. — Я себя, например, не чувствую пострадавшим! — И, улыбнувшись, добавил: — И с удовольствием пойду варить кофе...

— Почему вы? — удивилась Надя.

— Поете вы на самом деле славно! — озорно констатировал Лукашин. — А вот готовить совершенно не умеете! Ваша заливная рыба — это не рыба... Стрихнин просто!..

— Но вы же меня хвалили! — ахнула Надя.

— Я подхалимничал...

— Вы не слишком вежливы... — нахмурилась хозяйка. Ведь каждая женщина убеждена, что именно она готовит превосходно.

— Это правда, — согласился Лукашин. — Я вообще себя не узнаю. Дома меня всю жизнь считали стеснительным. Мама всегда говорила, что на мне ездят все, кому не лень, а приятели прозвали тюфяком.

— По-моему, они вам льстили! — сухо добавила Надя.

— Я сам был о себе такого же мнения...

— Вы явно скромничали, — насмешливо добавила Надя.

— А теперь я чувствую себя другим, более...

— Наглым! — саркастически вставила Надя.

— Зачем же так? — огорчился Лукашин. — Нет, смелым... Более...

— Бесцеремонным! — с той же издевкой вновь подсказала Надя.

— Нет, решительным! Более...

— Развязным! — продолжала суфлировать Надя.

— Нет, не угадали! Я чувствую себя человеком, который может всего достигнуть! Понимаете, во мне дремала какая-то сила, а теперь вот пробуждается. Это, наверное, оттого, что я встретился с вами. Благодаря вам во мне проявился мой подлинный характер, о котором я и не подозревал.

Надя от изумления всплеснула руками:

— Вы соображаете, что говорите?! Значит, это я сделала из вас хама?!

Лукашин зашелся от восторга:

— Меня никто и никогда так не обзывал! Надя, я счастлив!

И тут раздался звонок в дверь.

— Ну и настырный же он! — расвирипел Лукашин.— Я не знаю, что с ним сейчас сделаю!

Он решительно направился к двери, но Надя оттолкнула его:

— Не смейте! Я сама!

Надя вышла в коридор и резко распахнула входную дверь. На пороге стояли Валентина и Татьяна. Как и договорились по телефону, они зашли за Надей.

— Идем ночевать ко мне! — предложила Валентина.— Надька, что случилось? Он хулиганил, да?

— Вы поссорились? — спросила Татьяна.

— Он женат? — продолжала Валентина.— Я его сразу раскусила!

— У него ребенок! — высказала догадку Татьяна.

Услышав женские голоса, Лукашин подошел к шкафу, где красовалась фотография Ипполита, сокрушенно развел руками, как бы извиняясь перед соперником, и повалил карточку лицом вниз. После содеянного Лукашин решительно появился в прихожей:

— Зачем вы пришли? Кто вас звал? Уходите, пожалуйста!

— Вы что, с ума сошли! — возмутилась Надя.

Гости растерялись от подобного приема.

— Но Надя сама просила...— начала заикаться Татьяна.

— Надю я не отпущу! — решительно объявил Лукашин.

— По какому праву вы здесь хозяйничаете? — Надя тоже опешила.

Ответ Лукашина прозвучал нахально, главное, правдиво и убедительно:

— Потому что я — Ипполит!

Надя захохотала.

— Что это вы смеетесь? — поинтересовался Лукашин.

— Потому что ты врешь! — ответила Надя, даже не заметив, что перешла на «ты».— Девочки! — обратилась она к подругам.— В прошлый раз я постеснялась вам сказать...

— Говори, говори! — угрожающе посоветовал Лукашин.

— Это не Ипполит! — продолжала с отчаянием Надя. — Это совсем незнакомый мужчина. Я даже не знаю его фамилии.

— Не верьте ей! — вмешался Лукашин. — Я Ипполит. Надя не стала бы проводить ночь с незнакомым мужчиной.

— Я вам все объясню, девочки! — Надя не знала, как выпутаться. — Когда я вечером пришла домой...

— Ты им расскажи про мою баню! — перебил Лукашин. — И тогда тебе сразу поверят!

— Когда я вечером пришла домой, то увидела... — продолжала выкручиваться Надя.

— Расскажи им, что я лежал в твоей постели, — посоветовал Лукашин.

— Пожалуй, мы пойдем! — смущенно сказала Валентина.

— Женя, — вспылила Надя, — немедленно прекрати балаган!

— Какой Женя? — вспылil Лукашин. — Вы Женю привели? Развод!

— Сейчас я его поколочу! — Надя явно собиралась выполнить свое намерение, но подруги силой удержали ее.

— Лучше это сделать, — сказала Татьяна, — после нашего ухода.

— Тогда вы не уходите! — попросил Лукашин.

— Я ему задам! — не унималась Надя.

— Девочки, побудьте еще немного. Давайте выпьем по рюмочке. Все-таки Новый год! — Лукашин подталкивал подруг к праздничному столу. Проворно разлил вино по бокалам.

— За дружбу! — Татьяна, видимо, хотела примирить «молодых».

— Какая там дружба! — посетовал Лукашин. — Она меня всю ночь по полу валяла.

Валентина поспешно произнесла тост:

— Дорогие Надя и Ипполит!

— Но он не Ипполит! — устало перебила Надя.

— Надя, это уже неостроумно! — вмешалась Татьяна.

— Конечно, неостроумно! — Лукашин победоносно поглядел на Надю.

— Я поднимаю этот бокал, — продолжала Валентина, — за то, чтобы в Новом году вы уже не ссорились!

— Мы больше не будем! — охотно согласился Лукашин.

— Девочки, я уйду вместе с вами! — сказала Надя.

— Не болтай глупостей! — грубо, как муж, прикрикнул Лукашин.— Почему вы на этот раз не кричите «горько»?

Надя онемела от его неслыханной дерзости.

— Если вы просите... Горько! — неуверенно пролепетала Валентина.

— Горько, горько! — поддержала Татьяна.

Надя стала отступать:

— Я не буду с ним целоваться!

Лукашин, приближаясь к Наде, объяснил свое поведение:

— Народ требует!

— Женя, не прикасайся ко мне!

— Я не Женя! Я — Ипполит!

Преодолев Надино сопротивление, Лукашин обнял ее. Долгий поцелуй. Такой долгий-предолгий, что подруги успели деликатно удалиться. В дверях Татьяна обернулась, чтобы еще раз посмотреть любовную сцену, но Валентина силой вытащила ее на лестницу.

Наконец Лукашин и Надя смущенно отошли друг от друга.

— А где Татьяна и Валя? — не зная, как себя вести, спросила Надя.

— Мне очень нравятся твои подруги...— переводя дыхание после поцелуя, ответил Лукашин.

— Разве мы перешли на «ты»? — удивилась Надя.

— Давным-давно! — ответил Лукашин.— Разве ты не заметила?

И здесь снова раздался звонок в дверь.

— Это не квартира, а проходной двор! — Лукашин в гнев бросился открывать.— Кто бы ни был, убью!..

В квартиру ворвалась шумная молодая компания.

— Синицыны здесь живут?

— Минуточку. Надя! — крикнул Лукашин.— Как твоя фамилия?

— Шевелева! — отозвалась Надя.

— Нет, не здесь. Увы...— развел руками Лукашин.— Мы — Шевелевы!

— Будем звонить во все квартиры подряд! — предложила девушка, а парень с аккордеоном заиграл бравурное вступление.

— А как твоя фамилия? — поинтересовалась Надя после того, как компания удалилась.

— Лукашин.

— А отчество?

— Михайлович.

— Евгений Михайлович Лукашин, — озорно поклонилась Надя, — весьма приятно познакомиться.

Ничего не сказав, Лукашин подошел к телефону и снял трубку.

— Куда ты собираешься звонить? — удивилась Надя. Лукашин набрал номер:

— Хочу узнать, когда уходит второй самолет...

— Почему ты решил отложить отъезд?

— Не хочу уезжать, и все! Алло, аэропорт, скажите, пожалуйста, когда уходит самолет на Москву, нет, первый я знаю... а второй... а третий?... а четвертый?... Безобразие! — Лукашин в сердцах кинул трубку: — Просто черт знает что! Они уходят через каждые полчаса! — Он прошелся по комнате. — Я вообще ничего не понимаю.

— Ты о чем? — Надя, увидев, что фотография Ипполита валяется на пустой полке, водворила ее на законное место.

— А почему я должен улететь утром? Мне на работу второго, днем мы погуляем, сходим в Эрмитаж... А вечером я улечу или уеду поездом.

— Ты ведешь себя бесцеремонно. — сделала выговор Надя. — По-моему, я тебя не приглашала.

— Так в чем же дело? Пригласи! — посоветовал Лукашин.

— Зачем? — совершенно серьезно спросила Надя.

Вместо ответа Лукашин подошел к шкафу, отодвинул стекло и взял фотографию Ипполита.

— Я не могу так разговаривать! У меня ощущение, будто нас трое!

— Не смей трогать Ипполита!

— Я не сделаю ему ничего плохого! Я засуну его между книгами! — И Лукашин исполнил угрозу.

Надя достала фотографию и вернула ее в исходное положение.

— Хорошо, — согласился Лукашин, — давай оставим его здесь, только повернем лицом к стене. Главное, чтоб его не было видно!

Лукашин перевернул фотографию, Надя тотчас же возвратила ее на прежнюю позицию.

— Оставь Ипполита в покое! — прикрикнула Надя.

— Почему ты за него заступаешься? — запальчиво ответил Лукашин. Оба говорили о фотографии, как о живом человеке.— Он дорог тебе как память?

— Тебя не касается! — отрезала Надя.

Лукашин случайно перевернул фотографию и увидел надпись: «Любимой Наденьке». Фамильярная надпись просто взбесила Лукашина:

— Ну это уже чересчур! Это... это переходит все границы!..

Лукашин открыл форточку.

— Что ты собираешься делать? — насторожилась Надя.

— Пусть подышит свежим воздухом, ему полезно! — Лукашин привел приговор в исполнение, выбросил фотографию за окно.

Фотография покружилась в воздухе и плавно опустилась на сугроб.

— Пойди и подними Ипполита! — приказала Надя.

— И не подумаю! — Лукашин уселся в кресло и блаженно вытянул ноги.

— Я тебе повторяю...— ледяным голосом продолжала Надя.

— Надя, не утруждай себя! Я этого не сделаю!

— Знаешь, лети-ка ты первым самолетом! — Надя была не на шутку разозлена. Выбросив снимок, Лукашин явно хватил через край.

— И улечу! — Лукашин взял с буфета электробритву и добавил: — Сейчас вот побреюсь, и ноги моей здесь больше не будет!

Лукашин достал электробритву из футляра и включил в штепсель.

— Здесь тебе не парикмахерская! — Надя немедленно выдернула вилку из штепселя.

Лукашин вновь хладнокровно включил ее:

— Не могу же я прилететь к невесте небритым!

— Да, совсем забыла, что у тебя была невеста! — издевательски воскликнула Надя.

Раздался звонок в дверь.

— Беги, открывай! — посоветовал Лукашин, продолжая бриться.— Это наверняка Ипполит. Что-то его давно не было!

Надя вышла в коридор и отперла дверь. Лукашин угадал. Это действительно явился Ипполит. Не говоря

Наде ни слова, он направился в комнату, чтобы проверить, здесь ли еще его противник. Лукашин спокойно брился, делая вид, будто не замечает прихода Ипполита.

— Ах, он уже бреется моей бритвой! — вырвалось у Ипполита. Он круто повернулся и стремительно выскочил из квартиры, больше ничего не сказав. Резко стрельнула входная дверь.

Уход Ипполита снова привел Лукашина в отличное расположение духа.

Он закончил бриться и аккуратно уложил бритву в футляр.

— Это прекрасно! На этот раз он ушел навсегда! — И вдруг нахмурился.— А почему здесь находится его бритва?

— Ты летишь к своей невесте, ну и лети! — парировала Надя.— А это бритва моего жениха!

— Бывшего жениха! — уточнил Лукашин.— Был Ипполит да сплыл! И забудь про него! А ежели он посмеет явиться еще раз, я спущу его с лестницы.

Надя опять вспыхнула:

— По какому праву ты со мной так разговариваешь? Почему ты вмешиваешься в мою жизнь? Тебе давно пора на аэродром!

— Мой поезд уходит поздно вечером! — Лукашин нахально направился к тахте, сбросил туфли и лег.

— Тогда уйду я! — пригрозила Надя.

— Это хорошая мысль. Иди погуляй, я отдохну! — Лукашин прикрыл глаза.— Я устал.

— Я вернусь с милиционером!

— Тогда приводи все отделение!

— Поддай мне пальто! — Надя на самом деле решила уйти.

— С удовольствием,— сквозь зубы сказал Лукашин. Он вздохнул, лениво поднялся, вышел в коридор, снял с вешалки Надину шубку и подал с подчеркнутой любезностью.— Пожалуйста! Все?

— Обожди! — Надя показала на сапог.— Застегни!..

— С удовольствием! — Лукашин послушно нагнулся и застегнул «молнию».— Спасибо за доверие!

Надя показала на другой сапог.

— А теперь второй!

— Я мечтал об этом всю сознательную жизнь! — Лукашин с удовольствием выполнил и это ответственное поручение. Потом он нежно прижался щекой к Надиному сапогу.

Надя понимала, что весь ее уход, в сущности, нелеп, но хотела, чтобы последнее слово осталось за ней:

— Только не вздумай обчистить квартиру! Учти, что я знаю твой московский адрес!

Лукашин беззаботно рассмеялся. Надя ушла, хлопнув дверью. Лукашин остался в квартире один. Озираясь, он вернулся в комнату, подкрался к книжному шкафу, отодвинул стекло и достал фотографию Нади...

Оказавшись на улице, Надя остановилась, не зная, что делать дальше. Потом подошла к сугробу, подобрала портрет Ипполита и спрятала в сумочку.

Мимо шло такси. Зеленый огонек свидетельствовал, что оно свободно.

Надя кинулась чуть ли не наперерез.

Водитель притормозил:

— Не на стоянке мы не берем!

— С Новым годом! — просительно сказала Надя.

— Ну ладно! — согласился водитель. — Садитесь, только быстро!

Надя села в машину.

— Куда ехать? — спросил водитель.

— Понятия не имею! — ответила пассажирка.

Водитель ахнул и отворил дверь:

— Вылезайте!

— Нет-нет! — покрутила головой Надя. — У меня появилась идея, поехали на Московский вокзал.

В квартире Нади открылась дверь, и в переднюю вошла Надина мама Ольга Николаевна. Лукашин торжествующе улыбнулся. Он был уверен, что возвратилась Надя.

— Кто там?

Ответа не последовало. Лукашин воровски спрятал фотографию Нади в карман пиджака и оцепенел.

В дверях стояла Ольга Николаевна и с ужасом смотрела на незнакомца.

— Ой, извините! — вскочил Лукашин, поспешно надел пиджак и туфли. — Извините, — повторил он.

— Кто ты? — в упор спросила Ольга Николаевна.

— А вы? — ответил вопросом на вопрос Лукашин. — Впрочем, я догадываюсь... — Он сделал было шаг навстречу. — Я очень рад...

— Не приближайся ко мне, я крикну! — остановила Лукашина Ольга Николаевна.

Лукашин покорно замер.

— Сейчас я вам все объясню...— И Лукашин снова хотел двинуться вперед...

— Стой, не двигайся!

— Вы меня не бойтесь! — попросил Лукашин.

— Ты зачем к нам влез? — строго спросила Надина мама, видимо, принимая Лукашина за вора.

Лукашин вздохнул и привычно начал:

— Каждый год 31 декабря мы с друзьями ходим в баню...

— Ты мне не заливай! — перебила Ольга Николаевна.— Ты не смотри, что я старуха. Я тебе улизнуть не дам!

— А я и не собираюсь! Мне и здесь хорошо!

— Давай выворачивай карманы! — потребовала Ольга Николаевна. Видно было, что характер у нее крепкий.

Лукашин заискивающе улыбнулся и выложил на стол деньги, взятые у Нади на билет:

— Вот, всего-навсего нагрбил пятнадцать рублей!

— Не густо! — оценила мама.— Положи их на стол. Больше ничего не стащил?

— Не успел.

— С виду ты приличный человек! — покачала головой Ольга Николаевна.— Не скажешь, что грабитель. Как тебе не стыдно в Новый год квартиры чистить. У людей праздник, а ты... бессовестный...

Лукашин честно искал пути к примирению:

— Как вас зовут?

Но получил достойный ответ:

— Тебе-то какое дело?

— Вы выслушайте меня. Я вам все-таки объясню! 31 декабря мы с приятелями ходим в баню...— При этих словах Лукашин нарушил обещание и сделал шаг вперед.

— Караул! — закричала Ольга Николаевна.— Бандиты!

Лукашин замер на месте и испуганно залепетал:

— Я вас умоляю, не кричите, пожалуйста!

— А ты не двигайся, с места не сходи! — совершенно спокойно ответствовала Ольга Николаевна.— Вот сейчас Надя с Ипполитом вернутся, мы тебя арестуем!

— Ипполит не вернется! — усмехнулся Лукашин.

— Почему? — растерялась хозяйка дома.

— С ним я расправился самым решительным образом с помощью бритвы!

Реакция Ольги Николаевны оказалась для Лукашина неожиданной. Пожилая женщина сразу как-то обмякла

и принялась медленно сползать по стене, явно теряя сознание. Лукашин успел ее подхватить, подтащить к дивану и уложить.

— Вы не волнуйтесь! — успокоил Лукашин.— Бритва была электрической.

Ольга Николаевна с трудом перевела дыхание:

— Сбегай в соседнюю комнату, там на полочке лекарство в желтом пузырьке и рядом стаканчик. Накапай мне тридцать капель!

— Валокордин? — спросил Лукашин, спеша за лекарством.

— Смотри какой образованный! — удивилась Ольга Николаевна. Она села, пригладила волосы.

Вернулся Лукашин. Ольга Николаевна взяла из его рук стаканчик и выпила жидкость, отдающую мятой.

Лукашин мягко взял руку Ольги Николаевны, сжал у запястья и посчитал пульс:

— Кардиограмму вам делали?

— У меня...— вспомнила Ольга Николаевна.— Сдвиг влево...

— Ерунда. Это возрастное, почти у всех. Давление как?

— Сто семьдесят на сто.

— Ресерпин принимаете?

— Откуда ты про все это знаешь? — удивилась Ольга Николаевна.

— Я врач.

Ольга Николаевна покачала головой:

— И такими делами промышляешь! Тебе на жизнь, что ли, не хватает?

Лукашин порылся в кармане, нашел бланк со штампом поликлиники и уселся за стол.

— Сейчас я выпишу вам новое средство против гипертонии!

Воспользовавшись тем, что Лукашин уселся за стол и писал, не обращая на нее внимания, Ольга Николаевна осторожно поднялась с тахты, прокралась к двери:

— Хоть ты и вор, а заботливый!

Ольга Николаевна выскочила в прихожую и заперла дверь на ключ.

Услыша звук запираемого замка, Лукашин обернулся:

— Зачем вы это сделали? — Он подошел к двери, просунул под нее рецепт: — Возьмите, пусть вам Надя потом это в аптеке обязательно закажет!

— Ты давно Надю знаешь? — То, что Лукашин назвал имя дочери, озадачило Ольгу Николаевну.

Лукашин принялся подсчитывать:

— Сейчас семь... Я появился у вас в доме вчера около одиннадцати... Значит, мы знаем друг друга приблизительно восемь часов.

— И ты всю ночь здесь околачиваешься?

— Всю ночь! — Лукашин взял гитару и начал перебирать струны.

— Что же Надя тебя не выставила? — спросила Ольга Николаевна.

— Наверное, не хотела... Не хотела, наверное...

В это время такси свернуло с Невского к Московскому вокзалу. Надя расплатилась и вышла из машины.

И, как бы вторя Надиным шагам, слышалась песня. Ее напевал пленный Лукашин, которого сторожила Надина мама.

— Я спросил у ясеня, где моя любимая?

Ясень не ответил мне, качая головой.

Я спросил у тополя, где моя любимая?

Тополь забросал меня осеннею листвою...

В здании вокзала Надя подошла к дежурной кассе, которая была открыта круглую ночь. У окошечка стояло два человека. Надя обождала немного, купила билет до Москвы, а потом через зал ожидания вышла на привокзальную площадь.

— Я просил у осени, где моя любимая?

Осень мне ответила проливным дождем.

У дождя я спрашивал, где моя любимая?

Долго дождик слезы лил за моим окном...

Надя неторопливо шла по ночному городу. На площадях сверкали цветными огнями новогодние елки. Шумные, веселые толпы вываливались из подъездов и заполняли улицы. Начал падать снег. Надя одиноко брела по заснеженным проспектам.

— Я спросил у месяца, где моя любимая?

Месяц скрылся в облаке, не ответил мне...

Я спросил у облака, где моя любимая?

Облако растаяло в небесной синеве...

Небо слегка посветлело, когда Надя вернулась к дому.

Она подняла голову, взглянула на свое окно, ярко освещенное, и вбежала в подъезд.

— Друг ты мой единственный! Где моя любимая?
Ты скажи, где скрылась? Знаешь, где она?
Друг ответил преданный, друг ответил искренний:
Была тебе любимая, а стала мне жена!*

На последних словах песни входная дверь отворилась — Надя вошла в квартиру.

— Мама! — удивленно спросила Надя. — Почему ты сидишь в коридоре?

— Сторожу преступника! — гордо ответила мать. — А он меня песнями развлекает.

— Преступник — это я! — подал голос Лукашин.

Надя устало сняла шубку.

— Мама, давай отпустим его на свободу!

Ольга Николаевна слезла со стула и отодвинула его, позволяя Наде пройти в комнату.

— Замерзла? — заботливо спросил Лукашин.

— Нет, я на такси ездила!

Ольга Николаевна внимательно следила за происходящим.

— Куда ты ездила? — настороженно спросил Лукашин.

Надя раскрыла сумочку:

— Достала тебе билет на утренний поезд!

— Большое тебе спасибо! — Лукашин взял билет и поглядел на свет, изучая цифры компостера. — Ты правильно поступила! Ты меня выручила! Я бесконечно тронут! Я тебе несказанно признателен! Ты избавила меня от нудного стояния в очереди! Нижняя полка! У меня нет слов! И хотя у меня небольшая зарплата...

Тут Лукашин открыл форточку и... выбросил билет.

Ольга Николаевна мгновенно оценила ситуацию:

— Пойду-ка я к Любе продолжать встречать Новый год!

— Огромное вам спасибо! — поблагодарил Лукашин.

Вспомнил вчерашнюю сцену у себя в московской квартире и добавил: — Вы замечательная мама!

Уже уходя, Ольга Николаевна пошутила:

— Смотри, Надежда, чтобы к моему возвращению здесь не завелся кто-нибудь третий!

— Не беспокойтесь! — твердо пообещал Лукашин. — Я этого не допущу!

* Стихи В. Киршона.

Ольга Николаевна улыбнулась и ушла.

— Если ты помнишь, я обещала тебе вернуться с фотографией Ипполита! — Надя достала ее из сумки и водрузила на прежнее место.

Лукашин немедленно схватил фотографию и... разорвал ее.

— Ай-яй-яй! — приговаривал он при этом. — Какая жалость! Какой ужас! Какие мелкие кусочки!

— Ты авантюрист! — в бешенстве закричала Надя.

— Конечно... — улыбнулся Лукашин.

— Бандит! — негодовала Надя.

— Конечно... — И Лукашин попытался обнять Надю.

Надя забарабанила по его груди кулаками.

— Ты бесстыжий нахал! — сопротивлялась Надя.

— Конечно! — согласился Лукашин.

— Варвар! — Ярость Нади вдруг куда-то улетучилась.

— Ну конечно! — Лукашин прижимал Надю к себе.

— Ты алкоголик! — слабея, проговорила Надя.

— Ну конечно! — шел к цели Лукашин.

— Ты обалдуй! — ласково сказала Надя.

— Да-да-да... — балдея от близости любимой, пробормотал он.

— Ты знаешь кто? — прошептала Надя.

Но Лукашин уже целовал ее.

И сразу, как нарочно, раздался звонок в дверь.

— Не будем открывать! — попросил Лукашин. — Нас нет дома!

— Кто бы это ни был — мы не откроем!

Снова звонок.

— Странные люди! — Это уже говорила Надя. — Раз мы не открываем, значит, нас нет!

— А если мы дома и не открываем, значит, мы не хотим никого видеть!

Теперь они стояли обнявшись и не двигаясь, ожидая следующего звонка.

И когда он прозвучал, Лукашин воскликнул:

— Какая бестактность!

А Надя поддержала его:

— И какая невоспитанность!

Теперь звонили не переставая.

— Ну, это уже хулиганство! — взъерепенился Лукашин.

— Раз так, мы назло не откроем! — сказала Надя.

— Будем мужественны! Пошла игра, у кого крепче нервы!

Кому-то надоело звонить, и теперь он стучал в дверь и ногами и кулаками.

— Что они, рсхнулись? — нервно сказала Надя.

— Надя, я тебя умоляю, не поддавайся панике! — призвал Лукашин.

— Придется открыть! — Надя высвободилась из объятий.— Иначе выломают дверь!

— Это сделаю я! — угрожающе сказал Лукашин.

— Женя, держи себя в руках!

Вдвоем открыли. В двери покачивался сияющий Ипполит. Его радость была явно алкогольного происхождения.

— Ребята! Это я ломаю дверь!

В пальто и меховой шапке, заломленной набекрень, он проследовал в комнату:

— Я пришел пожелать вам счастья! Я голодный как зверь!

Ипполит сразу налег на еду.

— Я в первый раз вижу тебя в таком виде...— робко сказала Надя, а Лукашин растерянно молчал.

— А я на самом деле первый раз в таком виде...— все так же весело отозвался Ипполит.— Шел по улице малютка, посинел и весь продрог... Это я про себя... — Он приподнял ногу.— Ботиночки у меня на тонкой подошве. Вот он,— Ипполит показал на Лукашина,— знает. Но хорошие люди подобрали меня, приютили, обогрели...

— Это заметно! — вставил Лукашин.

— Жизнь полна неожиданностей! — с воодушевлением продолжал Ипполит.— И это прекрасно! Разве может быть ожидаемое, запланированное, запрограммированное счастье? Мы скучно живем! В нас не хватает авантюризма! Мы разучились влезать в окна к любимым женщинам. Мы разучились делать большие, хорошие глупости! — Тут он поморщился.— Какая гадость эта ваша заливная рыба... На будущий год я обязательно пойду в баню.

— Правильно! — Ипполит поднялся от стола и направился к выходу. Затем неожиданно свернул в сторону, зашел в ванную комнату и открыл кран.

Надя и Лукашин, которые оставались в комнате, прислушались.

— Кажется, он пустил воду! — сказала Надя.— А зачем?

Лукашин кинулся к ванной и испуганно позвал:

— Надя, скорей!

Надя тоже прибежала к ванной и увидела, что... Ипполит в пальто и в шапке стоял под душем. Он намылил губку и тер ею рукав.

— Ты с ума сошел! — закричала Надя. — Вылезай немедленно!

— И не подумаю! — отказался Ипполит.

Надя не знала, как на него воздействовать:

— Пальто испортишь!

— Не мелочись! — шикарно ответил Ипполит.

— Вы бы хоть шапку сняли! — робко посоветовал Лукашин.

— Мне и так хорошо! — отрезал Ипполит. — А ты бы уж лучше молчал.

— Я тебя умоляю, вылези! — Надя чуть не плакала.

— Красивая романтическая история! — продолжал мыться Ипполит. — Ой, тепленькая пошла... Под Новый год человек идет в баню. Это его прекрасно характеризует. В бане он надирается по случаю женитьбы... Это тоже в его пользу. Потом его, как чучело, кладут в самолет — и вот герой в другом городе. Но он этого не замечает, он человек больших масштабов... — Ипполит протянул Лукашину мочалку. — Женя, потри мне спину! Не хочешь — как хочешь! — Он выключил воду. — Да, тут, значит, ему подворачивается другая женщина, он забывает про московскую невесту и обзаводится ленинградской. Он человек высоких моральных устоев.

Ипполит снял шапку и выкрутил ее, отжимая воду.

— Прошу вас, перестаньте! — тихо попросил Лукашин, но смотрел он не на Ипполита, а на Надю.

Ипполит вылез из ванной, стащил с себя ботинок, вылил из него воду, потом проделал то же самое с другим ботинком.

— На правду не надо обижаться, даже если она горькая! Надя, все это блажь и дурь! — серьезно сказал Ипполит. В голосе его звучала горечь. — За такой короткий срок старое разрушить можно, вот новое создать нельзя! Завтра наступит похмелье и пустота. Конец новогодней ночи!

Оставляя на полу влажные следы, Ипполит направился к выходу.

— И вы оба знаете, что я прав! Надя, ты еще вспомнишь про Ипполита!

— Ты куда? — испугалась Надя. — Простудишься!

Лукашин попытался загородить Ипполиту дорогу:

— Не смейте выходить на улицу! Вы обледенеете!

— Пустите меня! Уберите руки! — потребовал Ипполит. — Может быть, я хочу простудиться и умереть!

С этими словами он покинул квартиру.

Наступила напряженная тишина. Надя заговорила первой:

— Боже мой! Как я устала! Какая сумасшедшая ночь!

— Если он придет в следующий раз, — сказал Лукашин, имея в виду Ипполита, — то подожжет дом, а по-честному — он хороший парень!

— Его очень жалко... — задумчиво протянула Надя. — Но, главное, он ведь сейчас сказал нам то, что мы сами не решаемся сказать друг другу...

— Надя, опомнись!

— Именно это со мной и происходит! — грустно ответила Надя.

Внезапно отворилась дверь. Лукашин и Надя порывисто обернулись. Но это возвратилась Ольга Николаевна.

— У Любы спать ложатся, а на лестнице холодно... — Она с подозрением оглядела Лукашина и Надю. — Это вы Ипполита окатили? Он шел весь мокрый...

— Никто его не обливал! — возразил Лукашин. — Это он мокрый от слез...

— Обидели хорошего человека! — с укором произнесла Ольга Николаевна и направилась к себе.

Теперь, после ухода мамы, в комнате снова воцарилось неловкое молчание.

И снова Надя заговорила первой:

— Ну что ж, тебе пора!..

— Но самолеты ведь ходят через каждые полчаса...

— Полчаса ничего не спасут.

— Нелепость какая-то, просто глупость!.. — Лукашин понимал, что сделать уже ничего нельзя, и все-таки пытался бороться с неизбежным... — Потом мы себе этого не простим всю жизнь!

— Надо уметь сдерживать чувства! — усмехнулась Надя.

— А зачем их сдерживать? Не слишком ли часто мы сдерживаемся? — печально сказал Лукашин.

А Надя снова сняла со стены гитару и встала около окна, за которым белело первое утро нового года.

— Пойми, Ипполит ведь где-то прав. Мы немножко сошли с ума, новогодняя ночь кончилась, и все становится на свои места...

Надя взяла на гитаре несколько аккордов и запела нежно и печально:

— Хочу у зеркала, где муть
И сон туманящий,
Я выпытать — куда вам путь
И где пристанище.
Я вижу: мачта корабля,
И вы на палубе...
Вы — в дыме поезда... Поля
В вечерней жалобе...
Вечерние поля в росе,
Над ними — вороны...
Благословляю вас на все
Четыре стороны!*

Лукашин невесело смотрел в окно.

— Утро уже... У меня такое ощущение, будто за эту ночь мы прожили целую жизнь...

Надя тоже взглянула в окно:

— Ты подними билет. Я думаю, его можно найти...

— Нет, поездом не поеду! — отказался Лукашин.—

Семь часов трястись...

Он взял со стола пятнадцать рублей, положил в карман.

— Ты, пожалуйста, вспоминай обо мне! — тихо попросила Надя.

— И ты... — попросил Лукашин.

— Иди, Женя, иди! — Надя боялась самой себя.

— Можно, я тебя поцелую на прощание?

— Не надо, Женя, пожалуйста... Очень тебя прошу...

— Давай посидим перед дорогой! — предложил Лукашин.

Они сели в отдалении друг от друга. Помолчали, как и положено. А потом Лукашин виновато признался:

— Я украл твою фотографию.

— Мне приятно, что у тебя останется моя фотография...

Лукашина вдруг осенило:

— А если нелетная погода? Можно, я вернусь?

— Нет, нет... — покачала головой Надя.— Тогда уезжай поездом.

— Ну ладно, я пошел!

Лукашин резко поднялся. Схватил в коридоре пальто. Потом остановился, надеясь, что его, может быть, вернут.

* Стихи М. Цветаевой.

Надя сидела как каменная.

Лукашин быстро вышел на лестницу.

Надя было поднялась ему вслед, но потом сдержала себя и снова села...

...В зале ожидания аэропорта прервалась музыка, которую транслировали по радио, и хриплый голос произнес:

— К сведению пассажиров, вылетающих в Красноярск: в связи с нелетной погодой вылет откладывается...

Знакомый пассажир в красном кресле даже не вздохнул, только затравленно поглядел на репродуктор.

— Привет! — окликнул его Лукашин. — Все сидите?

— Лежать здесь негде! — ответил несчастный путешественник. — А вы обратно улетаете?

— Увы... — вздохнул Лукашин. — Где же Новый год встречали, в ресторане?

— Конечно, нет. Там надо было заранее заказывать столик. Так и встречал, в красном кресле...

По радио объявили:

— Пассажиров, вылетающих на Москву рейсом двести сорок вторым, просят пройти на посадку...

Лукашин засуетился:

— Нет ли у вас двух копеек?

— Этой суммой я располагаю... — Пассажир достал монетку и протянул Лукашину. — Не могу сказать, чтобы у вас был счастливый вид...

— Спасибо... — Лукашин кинулся к автомату.

В квартире у Нади зазвонил телефон.

Надя, конечно же, слышала звонок, но не снимала трубку.

В автоматной будке Лукашин все еще надеялся, что трубку снимут.

Надя грустно слушала протяжные звонки...

Наконец телефон смолк...

Как больно, милая, как странно,*
Сроднясь в земле, сплетясь ветвями.
Как больно, милая, как странно,
Раздавливаться под пилой.
Не зарастет на сердце рана —
Прольется чистыми слезами,
Не зарастет на сердце рана —
Прольется пламенной смолой.

* Стихи А. Кочеткова.

Торопился самолет из Ленинграда в Москву.
В самолете летел Лукашин. И казалось ему, что он слышит Надин голос:

Пока жива, с тобой я буду —
Душа и кровь нераздвоимы...
Пока жива, с тобой я буду —
Любовь и смерть всегда вдвоем.

Ты понесешь с собой, любимый,
Ты понесешь с собой повсюду,
Ты понесешь с собой повсюду
Родную землю, милый дом...

С аэродрома Лукашин сжал в рейсовом автобусе. Лукашину досталось место у окна, он привалился к нему плечом и безучастно смотрел на перелески, на поля, — их вытеснили потом ряды домов, одинаковых, как граненые стаканы...

Но если мне укрыться нечем
От жалости неисцелимой,
Но если мне укрыться нечем
От холода и темноты...

И снова звучал Надин голос. Будто Надя была где-то рядом.

За расставаньем будет встреча.
Не забывай меня, любимый!
За расставаньем будет встреча —
Вернемся оба, я и ты.

Вскоре после того, как автобус пересек кольцевую дорогу, Лукашин вышел. И на него накинута метель. Под ветром и снегом он шел сквозь пустой елочный базар, мимо запертых киосков, а метель играла воздушными шарами и сердито рвала бумажные гирлянды.

Но если я безвестно кану,
Короткий свет луча дневного,
Но если я безвестно кану
За звездный пояс, млечный дым...

И снова ответил Надин голос. Это было как наваждение.

Я за тебя молиться стану,
Чтоб не забыл пути земного.
Я за тебя молиться стану,
Чтоб ты вернулся невредим.

Лукашин все еще шел, избитый метелью, ежась от холода и от горя.

Трясаясь в прокуренном вагоне,
Он стал бездомным и смиренным,
Трясаясь в прокуренном вагоне,
Он полуплакал, полуспал.
Когда вагон на скользком склоне
Вдруг изогнулся страшным креном,
Когда вагон на скользком склоне
От рельс колеса оторвал.
Нечеловеческая сила,
В одной давилъне всех калеча,
Нечеловеческая сила
Земное сбросила с земли...

Маленькая фигурка Лукашина брела мимо старинной церкви.

И никого не защитила
Вдали обещанная встреча,
И никого не защитила
Рука, зовущая вдали.

С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
Всей кровью прорастайте в них!

И каждый раз навек прощайтесь,
И каждый раз навек прощайтесь,
И каждый раз навек прощайтесь,
Когда уходите на миг.

Лукашин остановился около своего парадного и в отчаянии прислонился к дверному косяку. Потом резко вошел в подъезд.

Услышав знакомые шаги, в переднюю выбежала мама, взбудораженная, взволнованная, и обрушила на сына град вопросов:

— Объясни мне, что произошло?.. Я ничегошеньки не понимаю! Я вся изволновалась! Куда ты пропал? В чем дело? Где Галя?

— Я был в Ленинграде! — коротко, но ясно ответил сын.

— Где?! — ахнула мать.

— В Ленинграде! Я устал, я хочу спать! — Лукашин поплелся в комнату.

— Значит, ты опять сбежал в Ленинград! — сделала вывод Марина Дмитриевна.

Лукашин присел на тахту и заученно забубнил:

— Ты знаешь, что каждый год, 31 декабря, я с друзьями хожу в баню... Так вот, в бане мы выпили, а потом меня случайно, не нарочно, понимаешь, а по ошибке, отправили в Ленинград вместо Павла...

От удивления Марина Дмитриевна даже присела:

— Как это — отправили? Ты что, бандероль, посылка, чемодан? Ты что же, ничего не соображал?

— Ни бум-бум! — ответил Лукашин, снимая туфли.

— До чего же ты распустился! — возмутилась мама. — Как тебе не хватает жены! Надо, чтоб ты хоть кого-то слушался! Представляю себе, как оскорблена Галя!

— Я ей звонил из Ленинграда! — Лукашин прилег. — Я ей пытался все объяснить, но...

— Я бы такого не простила! — продолжала кипеть мама. — У Гали есть телефон?

— Слава богу, нет!

Но Марина Дмитриевна поняла ответ по-своему:

— Тебе объясняться с ней тяжело... конечно... Сейчас я сама к ней съезжу и привезу ее сюда! Если она окажет сопротивление, я применю силу, — мама улыбнулась, — я ее свяжу.

— Мама! — Голос Лукашина прозвучал умоляюще. — Не огорчай лежащего!

— Ты уже не хочешь жениться на Гале?! — изумилась Марина Дмитриевна.

— Мама, я встретил другую женщину!

— Где? — Мама была потрясена.

— В Ленинграде!

— Когда?

— Сегодня ночью.

— О господи! И поэтому ты расстанешься с Галей?

— Да! — ответил сын.

Мама, падая в обморок, начала сползать со стула на пол. Лукашин вскочил, поднял ее, уложил на диван:

— Что вы все, сговорились, что ли?

Марина Дмитриевна приоткрыла глаза:

— Ты бабник!

— Мама, мамочка... Я так несчастен, мне так не повезло...

Он достал из внутреннего кармана Надину карточку и поставил ее на столик около тахты.

— Наверно, я останусь старым холостяком... В конце концов, зачем мне жениться! Никакая жена не станет заботиться обо мне так, как мама... Ты представляешь себе, здесь у нас поселится другая женщина. Неизвестно, как вы поладите... Я начну переживать. Нет, мама, пусть все останется по-прежнему.

— Мой бедный мальчик! — Матери всегда жалеют своих детей.— Все образуется. Ложись, отдохни.

Долго Лукашина упрашивать не пришлось.

Марина Дмитриевна задернула на окне шторы и, уже уходя, все-таки спросила:

— Как ее зовут?

— У нее красивое имя — Надя.

— И главное, редкое! — Мама ушла к себе, то есть на кухню.

А Лукашин... Лукашин заснул. И это не удивительно. С горя все мужчины, как правило, спят хорошо.

Прошло какое-то количество времени. По всей вероятности, небольшое.

Лукашин беспробудно спал. И не было заметно, чтобы он во сне страдал. Он не всхлипывал, не стонал, не метался. А чья-то тонкая рука вставила в замочную скважину ключ. Дверь лукашинской квартиры отворилась. И нетрудно догадаться, что это Надя отперла ее своим ключом. В руках у Нади был уже знакомый портфель, из которого по-прежнему торчал березовый веник. Не раздеваясь, Надя проследовала в комнату и увидела спящего. Она присела на стул у изголовья. Но интуиция у влюбленного не сработала. Он продолжал спать. Надя укоризненно покачала головой, достала из портфеля веник и начала щекотать им лицо Лукашина. Тот испуганно открыл глаза, увидел Надю, но не поверил своим глазам и снова уткнулся в подушку. И лишь через мгновение он понял, что это не сон.

— Надя! — воскликнул Лукашин.— Это ты?

— Ты забыл у меня свой веник! — нежно сообщила Надя.

Лукашин обнял ее.

— Как же ты меня нашла?

— Все-таки ты непроходимый тупица! — ласково сказала Надя.

И тут раздался звонок в дверь.

Надя вздохнула:

— И здесь начинается то же самое!

— Надеюсь, это не Ипполит! — воскликнул Лукашин.

Дверь открыла Марина Дмитриевна, и в квартиру ввалились Александр, Павел и Михаил.

— С Новым годом! С новым счастьем!

Не снимая пальто и шапок, они заспешили в комнату. Марина Дмитриевна едва поспевала за ними.

— Как я мог перепутать! — веселился Михаил.—
Ведь я никогда не пьянею!

Тут они увидели Надю и Лукашина, которые обнимались, не обращая внимания на вошедших.

— Перестаньте наконец обниматься. К вам пришли! — громко сказал Александр.

— Мы не можем перестать! — Лукашин боялся выпустить Надю.— Мы так давно не виделись!

Марина Дмитриевна стояла в дверях, не в силах произнести ни единого слова.

— Мне это совершенно не мешает,— сказал Павел.— Тебя,— он посмотрел на Александра,— это раздражает? Меня — нет.

— Я рад,— торжественно продолжал Павел,— что Галя тебя простила! Дорогая Галя! Будьте всегда счастливы! Женя, мы одобряем твой выбор! Ты долго выбирал, но... дорогая Галя, мы Женины друзья...

В это время Лукашин заметил мать, которая все еще неподвижно стояла в дверях:

— Мама, моя Надя приехала!

Друзья оторопели. Павел потерял дар речи. Все молча воззрились на Надю.

— Вы считаете меня легкомысленной? — спросила Надя у Марины Дмитриевны.

— Поживем — увидим! — философски ответила Марина Дмитриевна, медленно приходя в себя.

Александр очнулся и толкнул Павла:

— Ты что-нибудь понимаешь?

— Кажется, это не Галя! — пробормотал Павел. И в свою очередь обернулся к Михаилу: — А ты что замолк? Ты же у нас самый сообразительный!

— Твердо я знаю только одно,— улыбнулся Михаил и показал на Лукашина.— Один из них — Женя!

— Дорогие друзья! — Лукашин держал Надю за руку.— Я вам так благодарен за то... что вы вытащили меня в баню... потом перепутали и отправили в Ленинград... И что там тоже есть точно такая же улица с точно такой квартирой... Иначе я никогда не был бы счастлив!

СТАРИКИ-РАЗБОЙНИКИ

Глава первая

Люди делятся на тех, кто доживает до пенсии, и на остальных. Пенсия — это сумма денег, которую безвозмездно выплачивают в период между окончанием работы и окончанием жизни. Человек, которому платят за то, чтобы он не работал, называется пенсионером. Пенсионеры бывают союзного значения, республиканского значения, местного значения и те, кто значения не имеют.

А старость надо уважать, хотя бы потому, что каждый, если повезет, станет стариком или старухой...

Николаю Сергеевичу Мячикову повезло. Неделю назад ему исполнилось шестьдесят лет.

Внешность у Николая Сергеевича была такая же, как возраст, а фамилия такая же, как жизнь. Мячикова швыряли, гоняли, пинали и, случалось, надували. Но, несмотря на это, на лице Николая Сергеевича светились голубые, детские глаза. По ним можно было догадаться, что Николай Сергеевич — человек добрый, мягкий, доверчивый, ясный и поэтому недалекий. Совершенно непонятно, как человек, обладающий такими качествами, мог работать следователем по уголовным делам.

В следователи Мячиков попал не по своей воле. Когда он учился в юридическом институте, то мечтал стать адвокатом и произносить речи, от которых рыдали бы и судьи и преступники. Но в то время адвокаты были не нужны, а следователей не хватало. И Мячикова направили работать следователем. Он попросил, чтобы его послали на борьбу с уголовниками. Шли годы... Кривая преступности неуклонно ползла то вниз, то вверх. Менялись начальники Мячикова — районные прокуроры, тоже ползли то вверх, то вниз, а наш Мячиков достиг должности старшего следователя и застрял.

Семнадцатый начальник Мячикова, Федор Федорович Федяев, вызвал однажды своего подчиненного и сказал:

— Николай Сергеевич, ограбили обувной магазин! — При этом Федор Федорович улыбнулся. — Украли так много сапог, что хватило бы на женский кавалерийский полк!

— А разве женщины служат сейчас в кавалерии? — изумился Мячиков.

— Извините, я забыл, что чувство юмора не ваша стихия! — сказал Федор Федорович.

— Извините, — ответил Мячиков, — я не понял, что вы пошутили! Что это у вас на щеке? Фурункул?

Щеку прокурора украшал пластырь, неряшливо наклеенный крест-накрест.

— Ерунда! Бандитская пуля! — отмахнулся Федяев и перешел к делу: — Закажите оперативную машину! Сейчас мы с вами поедем!

Николай Сергеевич вышел из кабинета выполнять распоряжение, а Федяев стал надевать югославский плащ с темно-зеленым отливом, точно такой же, какой носил сам Андрей Никанорович. Как настоящий начальник, Федяев не пользовался общим гардеробом. В углу кабинета он держал свою, персональную вешалку. Станиславский, говоря, что театр начинается с вешалки, ошибался. С вешалки начинается начальник.

Надеть шляпу Федяев не успел. Помешал телефонный звонок.

Этот телефонный звонок, как и положено в детективе, послужил завязкой для нашей истории под названием «Старики-разбойники».

Федор Федорович снял трубку и сказал: «Я вас слушаю!» В ответ раздалось:

— Здравствуй, Федяев! Как живешь?

— Добрый день, Андрей Никанорович! — В отношениях с вышестоящими лицами Федор Федорович пытался держаться независимо. Был вежлив, приветлив, но не подобоострастен и даже позволял себе некоторые вольности: — Ловлю жуликов, Андрей Никанорович!

— Вот я тебе и подброшу в помощь одного человечка! Ты его прими на работу!

— Кем, Андрей Никанорович? — осведомился Федяев.

— Не бойся, не районным прокурором, — хохотнул собеседник, — а только лишь следователем!

— Вакантного места у меня нет! — бесстрашно ответил Федяев.

— Найдешь! — коротко сказал Андрей Никанорович и повесил трубку. Чехов, говоря, что краткость — сестра таланта, ошибался. Краткость — сестра начальства...

Нетрудно догадаться, что этот будничней, скучней разговор изменит жизнь Мячикова, которому так не вовремя исполнилось шестьдесят лет.

Федяев надел ворсистую темно-зеленую шляпу, точно такую, как носит Андрей Никанорович, вышел из кабинета и сказал секретарю:

— Я на объект!

Вскоре оперативная машина мчалась на место преступления. В машине ехали четверо — водитель, Федяев, Мячиков и фотограф...

Через двадцать минут автомобиль, набитый блюстителями закона, прибыл к дверям ограбленного магазина. Перепуганный директор услужливо распахнул дверцу автомобиля и затараторил:

— Мы пришли утром. Магазин был заперт, пломба не сорвана, окна не выбиты, двери не взломаны. А внутри не хватало двухсот пар голландских сапог на меху. По семьдесят рублей пара.

— Голландских? — задумчиво переспросил Николай Сергеевич. Он уже вышел из машины и внимательно изучал входную дверь.

— Все отечественные сапоги на месте! — заверил директор.

— Пройдемте к вам в кабинет! — распорядился Федяев.— А вы, Николай Сергеевич, осмотрите место преступления!

У себя в кабинете директор, явно боясь, что его арестуют, говорил, запинаясь, и нервно вертел в руках обувной рожок:

— Ключи всегда у меня. Я их никому не доверяю, потому что я материально ответственный. Кстати, вашей жене не нужны голландские сапоги?

— Из тех, что украли? — ехидно спросил Федяев.

— Нет, из тех, что еще не успели! — наивно ответил директор.

— Спасибо, не нужны. Продолжайте!

— На чем мы остановились? — Директор был вконец растерян.

— На том, что вы материально ответственный...

— Да-да... если что-нибудь пропадет, то отвечать мне...

— Уже пропало! — напомнил Федяев.— Самая пора отвечать!

Директор побледнел и принялся жадно глотать воздух.

В дверь заглянул Мячиков и заговорщически поманил Федяева.

Николай Сергеевич привел начальника в подвал, где складывали тару. Там Мячиков приподнял линолеум, которым был покрыт пол, и показал на железную крышку люка. Прокурор и следователь с трудом откинули ее, и перед ними открылась черная дыра колодца, ведущая в неизвестность. Сыщики переглянулись и бесстрашно полезли в отверстие.

Они медленно продвигались по узкому и темному тоннелю. Под ногами чавкала вода, поблескивали водопроводные трубы, переплетались зачехленные провода. Потом тоннель сузился, сжался, идти стало уже невозможно, пришлось ползти. Мячиков полз впереди, за ним пыхтел Федяев.

Неожиданно Федор Федорович схватил подчиненного за ногу. Тот испуганно вздрогнул.

— Мне нужно с вами серьезно поговорить...— начал Федяев.

— Другого места вы не нашли? — спросил Николай Сергеевич, вырывая ногу.

— Здесь очень удобно: никто не мешаст, а темноты я не боюсь,— подробно объяснил Федор Федорович. На самом деле он хотел говорить с Мячиковым именно в темноте, чтобы не видеть честных глаз Мячикова.— Когда вы собираетесь уходить на пенсию?

Вместо ответа Николай Сергеевич быстро пополз вперед.

— Подождите, не уползайте! — приказал прокурор, наступая руками на пятки подчиненного.— Надо наконец позаботиться о своем здоровье!

— Я здоров! — бодро произнес впереди ползущий.

— Вам трудно работать! — настаивал Федяев.— За последние два года вы не раскрыли ни одного преступления!

— Как так! — возмутился Мячиков.— А дело о пересортице раков? Я персмерил сантиметром тринадцать тысяч семьсот двадцать штук!

— Это был титанический труд! Боюсь, что на нем вы и подорвались!

Впереди забрезжил свет. Тоннель заканчивался. Мячиков извивался, как змея, протискиваясь к выходу. В

этот момент от наткнулся на улику. Когда Николай Сергеевич первым выбрался на волю, то в руке он держал черный кожаный сапог. Мячиков огляделся. Тоннель привел в глухой двор, отгороженный от парадной жизни сплошным забором.

Вслед за Мячиковым появился на свет божий и Федяев.

— Хотите, чтобы я подал заявление об уходе на пенсию? — убитым голосом спросил Мячиков.

— Хочу! — кивнул Федяев.

— Значит, вы меня увольняете?

— Я вас не увольняю.

— Ну, отправляете на покой. Потому что я плохо работаю?

— Да! — соврал Федяев.

— А если бы я продолжал хорошо работать, то вы бы меня не уволили на пенсию? — спросил простодушный Мячиков.

— Нет! — соврал Федяев.

— А я вот сапог нашел!

— Так он под ногами валялся!

— Под руками! — уточнил Мячиков.— Но я раскрыл знаменитое дело шайки Сидорчука!

— Я это проходил в институте!

— Именно я вел дело о плюшевых медведях...

— Об этом написано в учебнике! — безжалостно прервал Федяев.— Все это было до нашей эры.

— Значит, я для вас ископаемое! — обиделся следователь.

— Полезное ископаемое! — уточнил прокурор.

— Поручите мне дело с кражей сапог! — взмолился Николай Сергеевич.

— Тут раскрывать нечего! — пожал плечами Федор Федорович.— Ясно, что кражу совершил тот, кто знает про этот тоннель... А найти его, как говорится, дело техники...

— Поручите мне что-нибудь другое! Я не могу уйти... Что я стану делать дома? — В голосе Николая Сергеевича появились трагические интонации.

— Ну, хорошо, хорошо! — великодушно сказал Федяев, который, как и все работники прокуратуры, любил беззащитного Мячикова.— Давайте договоримся так: поработайте еще месяц. Если вы себя проявите, мы вернемся к этому разговору!

— Я проявлю! — пообещал Мячиков.— Я еще на многое способен.

— Ну и прекрасно! — благодушно сказал Федяев, решив про себя, что за этот месяц не поручит Мячикову ни одного дела.

В течение последнего часа к Федяеву обратились с просьбами два человека: один нужный, а другой ненужный.

А ненужные люди не должны обращаться с просьбами. Только они этого не знают.

Глава вторая

В то время как Николая Сергеевича взащей выталкивали на пенсию, его друг инженер Воробьев уходил на пенсию добровольцем.

Проводы на пенсию — это трогательное мероприятие. Чтобы больше никогда не видеть юбиляра, сотрудники скидываются на подарки, остаются после работы и произносят речи о заслугах бывшего сослуживца.

Комиссия по проводам В.П. Воробьева хорошо подготовила представление.

Валентин Петрович сидел сейчас в президиуме, да не просто сидел, а между референтом министра и управляющим трестом.

Был зачитан заранее организованный телеграфный поток приветствий от всех филиалов треста. И юбиляр принял все за чистую монету.

После приветственных телеграмм над залом появился плакат: «На кого ты нас оставяешь?». Нестандартный текст плаката был предварительно согласован с управляющим трестом.

Юбиляр оглядел президиум и подумал, что действительно оставить не на кого.

На сцену вышел главный бухгалтер. Он должен был выступать первым.

— Дорогой Валентин Петрович! — проникновенно начал главный бухгалтер, прижимая к сердцу электрическую кофеварку.

Перед заседанием Валентину Петровичу объяснили, что, когда его станут приветствовать, он должен вставать.

Валентин Петрович встал.

— Я не представляю себе, что дважды в месяц буду подписывать ведомость на получение заработной платы без вашей фамилии! — улыбнулся бухгалтер.

Он вручил кофеварку и расцеловался с Воробьевым, который мысленно представил себе ведомость, где между Барашом и Добродеевым нет фамилии Воробьева.

Не успел Валентин Петрович поставить кофеварку на маленький столик, специально подготовленный для подношений, и сесть, как на сцене появился начальник планового отдела.

— Дорогой Валентин Петрович! — восторженно закричал начальник планового отдела, прижимая к груди мельхиоровый подстаканник.

Валентин Петрович встал.

— Я не представляю себе, что приду завтра на работу и не увижу тебя! — вздохнул оратор и вручил подстаканник Воробьеву. Они расцеловались, и Валентин Петрович с некоторым удивлением подумал, что не испытывает огорчения от разлуки с начальником планового отдела. «Все-таки я нехороший человек», — отметил про себя Воробьев, поставил подарок на стол и сел.

Плановика сменил главный инженер.

— Друг ты мой, Валентин Петрович! — печально сказал главный инженер, прижимая к груди рыболовный набор.

Валентин Петрович встал и внимательно слушал, стараясь не упустить ни одного слова.

— Ты человек необыкновенный. Я вспоминаю, — закатил глаза главный инженер, — как понадобилось перевезти из Свердловской области глыбу мрамора весом двести с лишним тонн для памятника Фонвизину, который «Недоросля» написал, — пояснил оратор аудитории, — ну, на Фонвизинской площади, то выяснилось: этот мрамор перевезти невозможно!

Валентин Петрович покивал головой: мол, действительно, было невозможно.

— Мраморная глыба не помещалась на железнодорожной платформе, — увлеченно продолжал главный инженер, — не проходила под мостами, а ее надо было перевезти целиком, а не кусками. Понимаете, для постаменты. Все специалисты зашли в тупик. И тогда эту сложную техническую задачу, которая, кстати сказать, к профилю нашего треста не имела ни малейшего отношения, решил Валентин Петрович. У него вообще светлая голова, в которой полным-полно разных идей.

Оратор повернулся к юбиляру и спросил глухим голосом:

— Зачем ты, Валентин Петрович, преждевременно закапываешь в землю талант инженера?

Воробьев вспомнил про свой талант и подумал, что на самом деле добровольно закапывает его в землю. От этой мысли у Валентина Петровича больно сжалось сердце. Дрожащей рукой он положил рыболовный набор рядом с кофеваркой и подстаканником, налил боржома и выпил.

На этот раз сесть Воробьев не успел. На сцену выскочила секретарь комсомольской организации и запричитала, прижимая к груди трехрожковый подсвечник:

— Дорогой Валентин Петрович! Сколько раз мы, молодежь, пользовались вашими советами. Вы щедро делились с нами своим опытом. Мы осиротели сегодня!

— Это верно, — неожиданно для самого себя вслух сказал Воробьев. — Бедная вы сиротка! — Он нежно поцеловал девушку и сел, забыв взять подарок.

В зале зашумели. Оторопевшая комсомолка сама поставила подарок возле остальных жертвоприношений.

Пытаясь прийти в себя после неожиданного заявления юбиляра, управляющий трестом наклонился к референту министра:

— У нас подготовлен номер художественной самодеятельности. Вы не возражаете?

Референт министра кивнул.

Тотчас на сцену взошли двое — парень с гитарой и девица в брюках.

— Не уезжай ты, мой голубчик... — затянула певица, прижимая к груди руки. Ее подарком была песня.

Валентин Петрович встал.

Как скучно жить мне без тебя.

Дай на прощанье обещанье,

Что не забудешь ты меня...

Скажи ты мне, скажи ты мне,

Что любишь меня, что любишь меня...

Нервы у Валентина Петровича сдали окончательно, он заплакал, пролепетал: «Спасибо» — и сел:

— Дорогой Валентин Петрович! — тихо начал управляющий трестом, прижимая к груди никелированный самовар.

Валентин Петрович встал.

— Мне трудно говорить, сегодня у меня траурный день,— драматически продолжал управляющий.— Мы проработали с тобой двадцать лет. Ты — моя правая рука. Сегодня ее безжалостно отрубают...

Мысль о том, что управляющий станет одоруким, доконала плачущего юбиляра, и он перестал соображать.

— Дорогой Валентин! — попросил управляющий.— Разреши в трудные минуты обращаться к тебе за помощью...

Голос управляющего дрогнул, он махнул рукой, как бы показывая, что нет у него сил довести до конца эту мучительную речь. Он трижды облобызал юбиляра и вручил самовар. Они вдвоем водрузили его на подарочный столик. Воробьев всхлипывал, как ребенок, не стыдясь слез.

Наконец поднялся референт министра.

Референт начал говорить еще тише, чем управляющий трестом. Давно известно: чем выше, тем тише! Сначала был зачитан благодарственный приказ по министерству. Потом референт министра говорил от себя лично. Он ничего не прижимал к груди. Его подарком было его присутствие. Он не мог замыкаться в узких рамках такого частного происшествия, как уход на пенсию. Он смотрел на жизнь шире и глубже. Он долго говорил о поднятии производительности труда, привычно призвал коллектив к новым трудовым успехам, под конец спохватился, вспомнил, ради чего проводится совещание, пожал Валентину Петровичу руку, вручил ему приказ и пошутил:

— Я не понимаю, какие трудовые успехи могут быть у Промстальпродукции без вас!

Но Валентин Петрович уже не понимал шуток.

Он вышел на авансцену и громко сказал:

— Товарищи!.. Я так растроган... Я и не представлял себе, что вы меня любите так сильно... Я жалею, что не позвал сюда жену, дочь, ее жениха Володю и моего лучшего друга Колю Мячикова. Я вас тоже люблю...

Он взял самовар и молча вернул его управляющему трестом.

— Тебе не понравился самовар? — растерянно спросил управляющий.

— Мне сейчас не до самовара! — загадочно ответил Воробьев.

Зал, до этого скучавший, заинтересованно притих.

Валентин Петрович подскочил к столику с подарками, сгреб их в охапку и сошел со сцены к народу.

— Вы меня убедили! — растроганно сказал Валентин Петрович, отдавая главному инженеру рыболовный набор.

— Я понял, что я еще нужен! — признался Воробьев секретарю комсомольской организации, возвращая трехрожковый подсвечник.

— Пусть у меня больное сердце, пусть мне шестьдесят два, пусть я заслужил отдых, — я не уйду на пенсию, я остаюсь с вами! — И Валентин Петрович всучил главному бухгалтеру мельхиоровый подстаканник.

— Минуточку! — остановил распоясавшегося юбиляра главный бухгалтер. — Во-первых, я дарил вам не подстаканник, а кофеварку...

— Извините! — Воробьев быстро исправил ошибку.

— Во-вторых, — продолжал бухгалтер, — кофеварка приобретена на средства из директорского фонда. Списать я ее не могу. А в-третьих, что мне теперь делать с этой кофеваркой?

— Положите ее на депонент! — хулигански посоветовал Валентин Петрович. Раздав сувениры, он возвратился на сцену и в упор спросил референта министра:

— А вы мне что дарили?

— Приказ министра! — неуверенно ответил референт.

— Ну, это не страшно! Не все приказы выполняются!

— Если я тебя правильно понял, Валентин, — заикаясь, спросил управляющий трестом, — ты отказываешься уходить на пенсию?

— Коллектив не может обойтись без меня, а я не могу жить без коллектива! — гордо объяснил Валентин Петрович.

— Но ты должен понять... Неужели ты не догадываешься?.. — начал путаться в словах управляющий трестом. — Ведь это... так сказать... ритуал... это...

— Ты что же, — безжалостно оборвал управляющего саботажник, — хочешь сказать, что все лицемерили, упрасывая меня остаться?

— Нет, этого я не хотел сказать, — управляющий не знал, как выпутаться из создавшейся ситуации. — Но мы... все...

Воробьев обратился к залу:

— Товарищи! Вы хотите, чтобы я ушел на пенсию?

— Не-ет! — озорно ответил зал, как и всякий другой зал, обожавший побузить.

— Вы хотите, чтобы я остался с вами?

— Хо-отим! — дружно откликнулся зал.

— Вот видишь, как ты скверно думаешь о людях! — Валентин Петрович укоризненно взглянул на управляющего и покинул собрание в роскошном настроении.

Молодой человек, которого уже назначили на должность Воробьева, влез на стул и отчаянно закричал:

— А как же я?

Зал безжалостно расхохотался.

— Вашим подарком товарищу Воробьеву будет отказ от должности! — пошутил референт министра. Он был большой шутник.

Неожиданно вернулся Воробьев. Зал встретил его смехом и аплодисментами. Валентин Петрович подошел к управляющему трестом и громко сказал:

— Между прочим, банкет не отменяется!

— А по какому случаю банкет? — сердито осведомился управляющий трестом.

— По случаю моего неухода на пенсию!

Количество банкетов в нашей стране неуклонно растет, как и все остальное. Банкеты даются по любому поводу и без повода. Банкеты устраиваются на уровне кофс, на уровне водки и, наконец, самые ответственные банкеты — на уровне коньяка. Банкеты бывают в складчину, за счет подчиненных, а иногда, к сожалению, за свой собственный счет.

Но самые приятные банкеты — это дармовые, за счет богатого отечества. И льются на них водочные реки среди колбасных берегов сырого копчения... К человеку, надравшемуся на таком банкете, отношение иное, чем к человеку, который наклюкался в магазине, деля поллитра на троих. И это понятно. Потому что этот, в магазине, напивается в свободное от работы время, а тот, банкетный, — при исполнении служебных обязанностей, что почетнее.

Валентин Петрович давал банкет на свои трудовые деньги. Валентин Петрович торопился попасть домой до прихода гостей и поэтому взял такси.

Когда он открыл дверь квартиры, жена взволнованно кинулась навстречу:

— Ну, как прошло?

— Великолепно! — гордо выпятил грудь Воробьев.—
Маша, поздравь! Они меня не отпустили!

— Как — не отпустили? — ахнула жена.

— Они в ногах у меня валялись! — скромно сообщил муж.

— И ты согласился?

— Что мне оставалось делать? — невольно начал оправдываться триумфатор, горестно подумав при этом, что полного взаимопонимания не бывает даже в самых лучших семьях.

— Безобразие, — возмутилась Мария Тихоновна.—
Как они смели! У тебя больное сердце!

— Ты пойми! — пытался утешить жену Воробьев.—
Сам референт министра приехал специально, чтобы сказать: «Какие могут быть успехи у Промстальпродукции без вас», то есть без меня!

Мария Тихоновна всхлипнула:

— На тебе всю жизнь ездят!

Глава третья

Дружба Мячикова и Воробьева перевалила за серебряную дату. Они познакомились в госпитале, где долго лежали на соседних койках, и было это больше чем четверть века тому назад. А подружились потому, что были непохожи друг на друга. Активный и задиристый Воробьев сразу же взял деликатного Мячикова под свое покровительство, и эти отношения продолжались до сих пор.

Николай Сергеевич, конечно, был приглашен на банкет, который давал Воробьев, и очень обрадовался тому, что Валентина Петровича не отпустили на пенсию.

Когда наконец-то гости разошлись, Воробьев и Мячиков остались наедине. Валентин Петрович увлек друга в маленькую комнату и красочно расписал, как коллектив Промстальпродукции стоял перед ним на коленях, заклиная остаться.

Николай Сергеевич слушал с нескрываемым восторгом и всему верил.

Когда настала его очередь, Мячиков пожаловался на судьбу.

— Ты растяпа! — высказался Валентин Петрович.—
Ты должен бороться!

— Если говорить по-честному,— признался Мячиков,— то Федяев прав. Я уже никуда не похужу! Я зря получаю зарплату...

— Не ты один! — вставил Воробьев.

— От этого мне не легче. Конечно, если бы я мог раскрыть крупное преступление...

— Возьми себя в руки и раскрой! — посоветовал Валентин Петрович.

— А где я его раздобуду, это преступление? Федяев мне ничего не поручает. Я уже балласт!

Валентин Петрович ничего не сказал в ответ и зашагал по комнате. Николай Сергеевич следил за ним, не отрывая глаз. Воробьев понимал, что тоскливый взгляд Мячикова взывает о помощи, хотя вслух Николай Сергеевич на помощь не позовет. Воробьев представил себе, как Николай Сергеевич проснется по привычке ровно в четверть седьмого, встанет и начнет бродить по пустой квартире, потому что делать ему нечего и идти ему некуда. Потом будет глазеть в окно на людей, которые торопятся на работу. Потом он не вынесет домашнего одиночества, выйдет на улицу, забредет на бульвар и будет маячить возле других стариков, которые играют в шашки или шахматы. А потом он станет мучительно думать, как же убить время, и пойдет в кино на первую попавшуюся картину, потому что больше пойти некуда...

— Ты не умешь за себя постоять! — подытожил свои раздумья Валентин Петрович. Мячиков хотел было что-то сказать в оправдание, но Воробьев не позволил: — Слушай меня и не перебивай! Ты честный и неподкупный человек! А это для вашего следовательского дела важнее всего!

Мячиков засмутился.

— Выше голову! — прикрикнул на него Воробьев.— И если таких, как ты, бюрократы Федяевы вздумают выпихивать за дверь... я этого так не оставлю! Для меня это вопрос принципа, и ты тут ни при чем! Он тебе дал месяц срока? Да или нет, что ты молчишь?

— Ты сам не велел перебивать!

— Отвечай, когда тебя спрашивают!

— Дал месяц,— подтвердил Николай Сергеевич, снова обидевшись на Федяева.— Это вроде как испытательный срок! Обычно его назначают при поступлении на работу.

— И именно в этом наше спасение! — воскликнул Валентин Петрович. — Значит, Федяев сам не уверен, что ты уже совсем плох! За этот месяц мы его умоем!

— А как мы его умоем? — Мячиков поглядел на друга с надеждой.

— Не мешай мне сосредоточиться! — попросил Воробьев.

Николай Сергеевич покорно поднялся с кресла и направился к выходу:

— Пойду помогу Маше...

— Я всегда говорил, что ты баба! — с грубоватой нежностью загремел вдогонку Воробьев.

Хозяйка дома в соседней комнате пыталась уложить в постель расшалившегося внука Витю, сына старшей дочери. Дочерей у Воробьевых было две. Старшая вместе с мужем-геологом постоянно роталась по экспедициям, а младшая, Люся, жила с родителями.

— Давайте, Маша, я его утихомирю! — предложил Николай Сергеевич.

— Вы вот что, Коля, подите-ка и помогите Анне Павловне! — Мария Тихоновна и не подозревала, что это поручение будет иметь далеко идущие последствия как для ее подруги, так и для Николая Сергеевича.

Анна Павловна мыла на кухне посуду, Люся ее вытирала, а сын Анны Павловны Володя мешал обеим:

— Ну пойдём! Ну поговорим! — приставал он к Люсе.

На что Люся отвечала:

— О чем с тобой разговаривать. Ты же хоккеист.

Друзья называли Анну Павловну народным умельцем. И действительно, Анна Павловна умела делать все: варить обед, чинить электричество, лечить родственников и знакомых, шить, клеить обои, вязать, стрелять из револьвера и в сорок восемь лет выглядеть на тридцать шесть.

Анна Павловна была женщиной жизнестойкой, потому что могла рассчитывать только на себя. У нее не было ни мужа, ни образования. Так уж сложилась жизнь. Профессия у Анны Павловны была редкостной. Она работала инкассатором. Каждый вечер с револьвером на поясе она объезжала булочные и продовольственные магазины и собирала холщовые мешки с дневной выручкой.

— Меня послали к вам на подмогу! — объявил Николай Сергеевич, входя на кухню.

— А вы умеете мыть посуду? — У Анны Павловны была такая заразительная улыбка, что Николай Сергеевич улыбнулся в ответ:

— К сожалению, умею!

— Вы наденьте фартук! — Люся обрадованно стянула его с себя и отдала Мячикову.— Ну пойдем, надоел! — сказала она Володе. И молодые люди быстро ушли.

— Анна Павловна,— попросил Мячиков,— завяжите мне, пожалуйста, тесемки!

Едва Анна Павловна успела справиться с тесемками, как в кухню заявился сияющий Воробьев.

Он презрительно оглядел Мячикова в дамском фартуке: — Выйди!

— Извините! — сказал Николай Сергеевич Анне Павловне.— Я скоро вернусь! — И послушно пошел за Воробьевым.

В комнате Воробьев торжественно провозгласил:

— Для того чтобы тебя оставили на работе, ты должен раскрыть преступление, но не рядовое, а преступление века!

Мячиков поглядел на друга с немым укором:

— Я с тобой согласен! — и вернулся на кухню.

— Селечные тарелки нельзя мыть горячей водой! — сказал Николай Сергеевич, снова включаясь в работу.— Их надо мыть только холодной и обязательно с мылом. А вот для жирных тарелок нужна горячая вода... Вытирать посуду не стоит, полотенце не наберешься, и вообще...

Анна Павловна внимательно слушала Мячикова. Это был первый случай в ее жизни, когда мужчина проявлял подобные познания.

— Вы работаете судомойкой? — лукаво спросила его Анна Павловна.

Мячиков ответить не успел.

Голос друга вернул его к суровой действительности:

— Ну-ка, иди сюда!

— Извините! — сказал Мячиков Анне Павловне.— Я сейчас!

— Преступление века на улице не валяется! Его надо организовать. Но для того, чтобы его мог раскрыть именно ты, организовать его должен именно я! Здорово, а? — Воробьев был в восторге от собственной выдумки.

Николай Сергеевич пошатнулся. Такого предложения он не получал за всю многолетнюю юридическую практику.

— Но тогда я буду вынужден упрятать тебя за решетку!

— А без этого нельзя? — спросил Воробьев.

Николай Сергеевич покачал головой.

— В тюрьму я не хочу! — сказал Валентин Петрович и задумчиво добавил: — И все-таки мы должны доказать, что не возраст определяет цену человека.

— Тогда подумай еще! — посоветовал Николай Сергеевич, возвратился на кухню и снова взялся за посуду.— Сегодня был очень хороший студень! — заметил Мячиков.— Правда, я делаю студень не так, как Мария Тихоновна. Я покупаю на рынке телячью ногу. Важно не забыть, чтобы ее разрубили, а то дома это трудно...

В этот момент Мячиков случайно коснулся руки Анны Павловны и покраснел, хотя Анна Павловна и не заметила этого секундного прикосновения.

Сегодня, после невеселого разговора с Федяевым, Николай Сергеевич чувствовал себя одиноким, как никогда. Вот уже шесть лет после смерти жены он жил один. Дочь была далеко, в Красноярске. Николай Сергеевич, конечно, привык находиться один, но сейчас это стало ему нелегко. Именно поэтому он внезапно созрел для последней любви.

— Ногу я варю с морковью и луком,— заставил себя продолжать Николай Сергеевич.— Варю я долго, часов восемь, полный рабочий день, поэтому занимаюсь студнем только в субботу или в воскресенье и только для гостей. Для себя я возиться не стану...

— Я тоже...— вставила Анна Павловна, а про себя подумала: «Мужчине одному тоже тяжело».

Известно, что если женщина начинает жалеть мужчину, то это может далеко завести.

— А когда я разливаю бульон по тарелкам,— Мячиков не мог остановиться,— то добавляю чеснок, перчик и еще хорошо — зелень от петрушки. И вкусно и витамины...

— А я люблю делать студень из курицы! — сказала Анна Павловна. Собеседники явно нашли общий язык.

— Никогда не ел студня из курицы! — признался Николай Сергеевич, набиваясь на приглашение.

В кухне вновь, и на этот раз совершенно не вовремя, появился Валентин Петрович.

— Иди сюда, шеф-повар!

— Извините! — сказал Мячиков Анне Павловне.— Я сейчас!

И покорно поплелся за другом.

— Я нашел выход! Я совершу преступление,— изобретатель продолжал развивать оригинальную идею.— Ты его раскроешь, но меня не поймаешь!

— Какое же это должно быть преступление,— сказал Николай Сергеевич, уже сердясь на друга и думая о том, как бы поскорее вернуться к мойке,— чтобы его можно было раскрыть, не обнаружив при этом виновного!

— Так это ты придумай!

— Я не умею придумывать преступлений!

Теперь рассердился Воробьев:

— Что ж это ты! всю жизнь водишься с бандитами и ничему от них не научился!

Николай Сергеевич почувствовал себя виноватым. Он часто тушевался перед напористым другом и побрел из комнаты прочь, в то время как Воробьев провожал его гневным взглядом.

В коридоре Мячиков столкнулся с Анной Павловной, которая прощалась с хозяйкой.

— Как, вы уходите? — растерялся Николай Сергеевич.

— С твоей помощью она быстро справилась! — сказала Мария Тихоновна.

— Можно я вас провожу? — спросил Мячиков.

— Проводи, проводи! — разрешила Мария Тихоновна.— А то ей далеко идти, заблудится!

При этом Анна Павловна почему-то засмеялась.

Николай Сергеевич осторожно заглянул в комнату, чтобы попрощаться с Воробьевым, но тот опередил его:

— Будь добр, не мешай мне думать!

Анна Павловна ждала Мячикова на лестничной площадке.

— Не надо меня провожать! Вам потом далеко будет возвращаться. Транспорт уже не работает.

— Ходить пешком полезно! — браво ответил провожатый.— Врачи очень рекомендуют гулять перед сном.

Анна Павловна отвернулась, чтобы не рассмеяться в лицо кавалеру, пересекла лестничную клетку и, достав из кармана ключ, открыла дверь соседней квартиры.

— Ну, вот я и дома! — сказала она, довольная нехитрым розыгрышем.

Николай Сергеевич долго смеялся, а потом сказал:

— Вы меня замечательно провели.

Ему хотелось спросить у Анны Павловны номер ее

телефона, но он постеснялся это сделать, а только лишь добавил:

— Как же это так: вы рядом живете, Володю я давно знаю, а с вами познакомился только сегодня. Я ведь здесь бываю очень часто.

— Значит, не довелось раньше встретиться! — улыбнулась Анна Павловна. — Может быть, потому, что вечерами я чаще всего работаю. Спокойной ночи, Николай Сергеевич! — Анна Павловна безмятежно помахала рукой.

— Спокойной ночи, Анна Павловна! — проямлил Николай Сергеевич.

Он стал спускаться по лестнице, где на подоконнике выясняли отношения Люся и Володя. Когда Мячиков проходил мимо, его осенило:

— Володя, — сказал Николай Сергеевич, — ваша мама дала мне номер телефона, но я тут же его забыл!

— 743-07-55! — сказал Володя.

— Спасибо и до свидания! — Мячиков снова стал спускаться по лестнице, чрезвычайно довольный своей сообразительностью.

Выйдя во двор, он услышал громовой голос с неба:

— Коля, я придумал!

Николай Сергеевич поднял голову и увидел Воробьева, который стоял на балконе в гордой позе вождя племени.

— Я ограблю сберкассу, — орал на весь двор Воробьев, — отдам тебе деньги, ты их вернешь, будто бы отнял у вора. Деньги ты отнял, а жулик, то есть я, ускользнул!

Мячиков огляделся по сторонам, не слышит ли кто.

— Это прекрасное предложение! — сказал он тихо. — Но возле каждой сберкассы дежурит милиционер, и он тебя застрелит!

— Ты прав! Это не годится! — великодушно согласился Воробьев. Он умел выслушивать критику. — Я придумаю что-нибудь другое, без милиционера.

— Я тебя прошу, — сказал Мячиков умоляющим тоном, — оставь эту бредовую затею!

— Я не засну, пока на свете есть несправедливость! — воскликнул Воробьев и ушел спать.

А Николай Сергеевич с ужасом обнаружил, что во время перепалки он забыл номер телефона.

Володя и Люся все еще объяснялись на подоконнике.

— Но почему? — недоумевал Володя.— Почему ты не хочешь выходить за меня замуж?

— Потому что ты хоккеист! — повторяла Люся.

— Я не профессионал, а любитель!

— Мне все равно, как это называется! Я не хочу жить с человеком, который круглый год гоняет шайбу!

— Я не гоняю шайбу. Я играю в хоккей. Это большое искусство! Мы ничем не хуже артистов, даже лучше. Когда мы выходим на лед, миллионы людей включают телевизор!

— А я выключаю! — сказала Люся. Но Володя не обратил внимания на ее замечание.

— В театре артисты играют чужие слова и заранее знают, чем все это кончится. А мы... каждый матч мы импровизируем. Нам и звания дают, как артистам. Заслуженный мастер спорта!

— А народного мастера спорта еще нет? — ехидно спросила Люся.

— Будет! — убежденно ответил Володя.

И тут возле них возник запыхавшийся Мячиков.

— Извините, что я вам опять мешаю. Но я... забыл номер телефона!

— 743-07-55! — повторил Володя.

Николай Сергеевич ушел и всю дорогу до самого дома твердил эти цифры как стихи...

Глава четвертая

Николай Сергеевич жил в отдельной однокомнатной квартире, в доме первой категории.

Для того чтобы в нашей сложной жизни не было путаницы, в ней все разложено по полочкам.

Продовольственные и промышленные товары делятся на сорта.

Шоферы и каюты — на классы.

Бани, рестораны и спортсмены — на разряды.

Дома и кинофильмы разделяются по категориям.

Но если третьеразрядный спортсмен может стать перворазрядником, то дом третьей категории не перейдет в первую, как бы он ни пыжился. Дом третьей категории — это заранее запланированный плохой дом.

Но если дом первой категории обязательно хороший, то кинофильм первой или даже высшей категории не обязательно хороший, как бы он ни пыжился.

Нетрудно догадаться, что отдельную квартиру добыл не Мячиков, а его жена. Когда она осознала, что недотепе мужу не видать отдельной квартиры, то нашла спасительный выход. Она нанялась машинисткой в районное жилищное управление на общественных началах. Каждое утро, ровно к девяти часам, жена ездила на работу и до пяти вечера печатала на машинке, не получая за это ни копейки.

Через два года она перевезла Николая Сергеевича в новую квартиру.

Поставить телефон оказалось невозможным, и жена Мячикова пустилась по проторенной дорожке.

Каждое утро, к девяти часам, она ездила на телефонную станцию и весь день перепечатывала на машинке длинные, нудные ведомости, не получая за это ни копейки.

Через восемь месяцев в квартире Николая Сергеевича зазвонил телефон...

За всю жизнь Мячиков так и не научился добывать, доставать или проталкивать.

...На следующее утро после знакомства с Анной Павловной Мячишке проснулся, как обычно, в четверть седьмого. Сделал зарядку, принял холодный душ и занялся приготовлением завтрака.

Но постель не удалось. Раздался звонок.

Когда Мячиков открыл дверь, в квартиру ввалился Валентин Петрович.

— Здравствуй, Коля!

— Здравствуй, Валя! — обрадовался Николай Сергеевич.

Воробьев прошел в кухню, увидел яичницу, снял сковородку с плиты и потрещав у хозяина вилку. Уплетая завтрак, Воробьев хвастливо сказал:

— Я в эту ночь не бездельничал! Я составил список возможных преступлений!

Николай Сергеевич вздохнул.

— Ты пойми,— сказал он, наливая Валентину Петровичу чай,— если бы я был лекарем, который не хочет уходить на пенсию, и в знак протеста, ночью, тайно выпекал бы вкусный хлеб,— это естественно. Если бы я был каменщиком и ночью тайно выкладывал новый этаж,— опять логично. Но ты толкаешь нас на совершенные уголовно наказуемых деяний!

— Я не виноват,— сказал Воробьев, спокойно попивая чай,— что у тебя такая мерзкая профессия!

— Ты не обижайся,— упирался Мячиков,— но твои предложения годятся только для сумасшедших!

— Никогда не известно, кто из людей нормальный, а кто нет! — философски заметил Воробьев. Он порылся в кармане и достал лист бумаги.— Сейчас я тебе зачитаю список. Правда, ты должен учесть, что мне было очень трудно. Убийство, изнасилование, вооруженный грабеж и шпионаж я отмел сразу!

— Спасибо и на этом! — успел вставить Николай Сергеевич.

Воробьев начал читать:

— Итак, первое. Угон машины! — При этом он пояснил: — Машину ты возвращаешь владельцу, а меня не находишь. Это общий принцип: ты возвращаешь похищенное, а преступника не ловишь!

— Разве ты умеешь водить машину? — удивился Мячиков.

— Нет. А ты?

— И я не умею. Как же мы тогда будем угонять?

— Значит, это отпадает.— Воробьев взял ручку и вычеркнул из списка «Угон машины».— Теперь второе преступление. Его мы инсценируем. Мы с тобой вывозим из моей квартиры всю мебель!

— Куда? — спросил Мячиков, невольно вовлекаясь в игру.

— Можно к тебе! — сразу нашелся Воробьев.— Можно дачу снять... Я подаю заявление, что меня ограбили, а ты находишь мою обстановку.

— Обожди! — В Мячикове невольно заговорил профессионал.— Это не годится. Федяева так просто не проведешь. Он узнает, что мы друзья, и легко докопается до истины.

— Жаль,— Воробьев отложил список и задумался.— Есть у меня заветная мечта. Но она, конечно, неосуществима! Вот послали бы тебя в Америку, а ты бы взял и отыскал убийц Кеннеди! Утер бы нос этим американцам!

— Я не знаю, нашел бы я или нет, я ведь не знаю английского языка,— проникновенно сказал Николай Сергеевич,— но я бы в лепешку разбился, чтобы найти...

— Ну, ладно,— Воробьев снова перешел на прозу.— Давай ограбим Анну Павловну! Это мое третье предложение, последнее!

Николай Сергеевич оцепенел и не нашелся, что ответить.

— Мы ограбим ее понарошку. Она ведь инкассатор! Мы с ней сговоримся, она добровольно отдаст нам мешки с деньгами... Ну а дальше все по схеме.

— Я не стану грабить женщину! — благородно воскликнул Мячиков.

Валентин Петрович нахмурился:

— Тебе все не нравится! Никак тебе не угодишь!

— Потому что ты занимаешься чепухой! — кротко, но твердо заявил Николай Сергеевич.

Воробьев доел хозяйский завтрак и встал.

— Я пришел к тебе с открытым сердцем, а ты меня обижаешь!

— Потому что ты этого заслуживаешь! — Мячиков был непреклонен. Ему не хотелось ссориться с другом, но грабить не хотелось еще больше.

— Ну тогда подавай на пенсию! Так тебе и надо! — вспыхнул Воробьев.

— Лучше на пенсию, чем под суд!

— Таких, как ты, и нужно судить!

— А ты... ты опасен для общества! — выпалил Мячиков.

— А ты... ты... — Воробьев старательно подыскивал оскорбление. — Ты ничтожество!

Он направился было к выходу, но одного «ничтожества» ему показалось мало. Он возвратился и добавил:

— Ты не только ничтожество, ты старик!

Нанеся решающий удар, он ушел, хлопнув дверь.

Глава пятая

Придя на работу, Мячиков прежде всего заглянул к шефу:

— Чем мне сегодня заниматься? Вы не поручите мне какое-нибудь дело?

— Но, дорогой Николай Сергеевич, преступность катастрофически падает: уже почти не убивают и почти не воруют. Загляните в статистические сводки, если не верите. Мне просто нечего вам поручить!

— Я не так глуп, как вам кажется! — И огорченный следователь покинул кабинет прокурора, думая о том, чем занять время.

В обеденный перерыв в прокуратуру пришел Воробьев.

Найдя Мячикова, он сказал ему, будто они утром и не ссорились:

— Ты был прав. Все мои прежние варианты никуда не годились! Теперь я действительно придумал нечто потрясающее! Пойдем!

— Куда? — насторожился Николай Сергеевич.

Воробьев нагнулся и прошептал Мячикову на ухо:

— В музей!

— А зачем? — громко спросил следователь.

Воробьев ухватил его за рукав и поволок в коридор, потому что Мячиков работал в комнате не один, а Воробьеву не нужны были свидетели.

— Что я не видел в музее? Я занят на работе! — упирался Николай Сергеевич, предчувствуя недоброе.

— Ты здесь все равно баклуши бьешь! — безжалостно напомнил Воробьев. — Пошли!

Когда они очутились на улице, Валентин Петрович спросил друга:

— Ты куда хочешь, — в русскую картинную галерею или в музей западной живописи?

— Я вообще никуда не хочу идти! Ты ведешь меня насильно!

— А почему ты так боишься идти в музей? — рассмеялся Воробьев.

— Я боюсь не музея, а тебя! — признался Николай Сергеевич.

Валентин Петрович похлопал друга по плечу:

— Ладно, пойдем в музей западной живописи. Он ближе!

Воробьев взял Мячикова под руку и повел к троллейбусной остановке.

Когда старики прибыли в музей, их встретил плакат: «Юбилейная выставка Рембрандта. 300 лет со дня рождения».

— Возможно, что Рембрандт — это именно то, что нам надо! — загадочно произнес Воробьев.

Николай Сергеевич понимал, зачем они сюда пришли, но старался не думать об этом.

— В какой зал пойдем? — великодушно спросил Воробьев.

— Лично я люблю импрессионистов! — застенчиво признался Мячиков.

— Импрессионистов так импрессионистов...— согласился Валентин Петрович.— Для тебя я на все готов!

Первый экспонат, у которого задержался Мячиков, была скульптура Родена «Поцелуй».

— Какая прелестная вещь! — восхитился вслух Николай Сергеевич, забывая об опасности, связанной с присутствием Воробьева.

— Эта скульптура не годится! — покачал головой Валентин Петрович.— Врачи не разрешают мне поднимать тяжести. Но ты подбросил оригинальную идею. О скульптуре я как-то не подумал...

И Воробьев подвел друга к маленьким бронзовым фигуркам Аристиды Майоля, которые свободно могли бы поместиться в кармане.

— Хороший скульптор этот Майоль?

— Конечно, он не Роден,— тоном знатока ответил Николай Сергеевич,— но мастер интересный.

— Ясно. Плохого здесь держать не станут. Обожди меня! — И Валентин Петрович заспешил к смотрительнице зала, бодрой старушке, которая зорко следила за тем, чтобы посетители не хватили руками произведения искусства.

— А вы не боитесь,— спросил Воробьев,— что кто-нибудь украдет вот те маленькие статуэтки?

Смотрительница охотно вступила в разговор:

— Одну уже украли! Но теперь с этим покончено. Теперь все статуи приморожены к постаментам?

— Как приморожены? — с профессиональным интересом переспросил инженер Воробьев.

— Очень просто — сжатым воздухом! — объяснила старушка.

— Спасибо! — Воробьев вернулся к Мячикову.

— Скульптуры отпадают в принципе — они приморожены к постаментам.

— Очень хорошо. Значит, их никто не стащит! — злорадно отозвался Мячиков, любуясь в этот момент картиной Матисса.

Валентин Петрович тоже посмотрел на картину и возмутился:

— Что ты в ней нашел? Она такая здоровенная!

— О картинах не судят по размеру! Дай мне спокойно смотреть! — взмолился Николай Сергеевич.— Я тут давно не был. Я хочу получать удовольствие!

— Мы здесь не за этим! — напомнил Воробьев.

Но Мячиков упорно стоял на своем.

— Лично я пришел сюда потому, что люблю смотреть картины!

— Ну хорошо, хорошо! — уступчиво сказал Воробьев, понимая, что к ценителю живописи нужен деликатный подход.

Следующей картиной, у которой Николай Сергеевич застрял надолго, был «Оперный проезд в Париже» Писсарро.

Валентин Петрович покорно дождался, пока Мячикову не надоест глазеть на Париж.

— Это моя любимая вещь! — умилялся Николай Сергеевич. — Валя, спасибо, что ты меня сюда привел! Ах, как хорошо! Как жаль, что мы редко бываем в музеях, засасывает нас текучка! Нет, надо чаще встречаться с искусством. Искусство — это единственная непреходящая ценность.

Воробьев немедленно отреагировал:

— Конечно, картина великовата, но тебе я верю! У тебя хороший вкус! Вот эту картину мы и возьмем!

— Но я не хочу красть картину! — завопил несчастный следователь.

Посетители обернулись на него с недоумением. Кто-то засмеялся!

— Не ори! — обозлился Воробьев. — Чего ты разорался!

Мячиков рванулся к выходу, но Воробьев догнал его и сказал успокаивающе:

— Ну, ладно! Не нервничай! Пойдем посмотрим выставку Рембрандта!

— Я пойду, но только с одним условием! — строго предупредил Николай Сергеевич. — Если ты еще хоть раз посмеешь...

— Не посмею! — кротко пообещал Воробьев.

В рембрандтовском зале висело семь картин. При виде великих полотен на Мячикова снизошло благоговение. От картины к картине он стал переходить на цыпочках.

— Маленьких только две! — заметил Воробьев.

— Ты опять за свое? — вскипел Мячиков.

Воробьев невинно пожал плечами:

— Какая из картин тебе больше нравится — та, где изгоняют из храма, или «Портрет молодого человека»?

— Не скажу! — уперся Мячиков.

— У молодого человека рама красивее! — вслух размышлял Валентин Петрович. — Красть нужно, конечно, Рембрандта. Тогда это на самом деле будет преступление века!

Мячиков молча побежал к выходу. С перепугу ему казалось, что все посетители музея смотрят не на шедевры, а на него. А герои картин тоже глядят не туда, куда им положено, а только на него, на Мячикова. Ему мерещилось, что бронзовые всадники, восседающие на бронзовых конях, указывают на него бронзовыми пальцами. Ужас объял Николая Сергеевича.

Современная проза, так же как современный кинематограф, не может обойтись без видений, снов и кошмаров, которые мучают главное действующее лицо. Только благодаря им, то есть видениям, снам и кошмарам, удастся проникнуть в труднодоступный внутренний мир героя.

КОШМАР МЯЧИКОВА

Итак, ужас объял Мячикова. Ему почудилось, что одна из бронзовых лошадей подняла копыто, поддела им бронзовое ядро, на которое опиралась до этого много веков, и изо всех сил пульнула этим ядром прямо в

него, в Мячиков. Ядро летело, набирая скорость. Но в самый последний момент Мячиков изловчился, выставил вперед ногу и ловким ударом отправил ядро обратно. Оно заскрежетало, загудело и, изменив направление полета, угодило кавалеристу в лоб. На лбу сразу же вздулась гигантская металлическая шишка. Статуя пошатнулась и выругалась по-итальянски.

Опасность была велика, и Мячиков побежал, спасая шкуру. Сзади надвигался грозный цокот копыт. Два бронзовых наездника — кондотьер Коллеони работы скульптора Веррокио и кондотьер со страшной фамилией Гаттамелата работы Донателло — скакали за Мячиковым по залам музея. Несмотря на свои шестьдесят лет, Николай Сергеевич мчался, как ракета-носитель, заткнув при этом за пояс пушкинского героя. За Евгением гнался всего-навсего один медный всадник, а за Мячиковым — два! В воспаленном мозгу Николая Сергеевича блеснула удачная мысль. Он вспомнил, что лошади не умеют скакать по лестницам, и устремился вниз по мраморным ступеням...

При выходе из музея дежурил милиционер. Мячиков подхалимски сказал ему:

— У меня ничего нет!

Милиционер поглядел на запыхавшегося старика, как на ненормального, и был почти прав.

Мячиков выскочил на свежий воздух, ждать Воробьева не стал и припустился по улице подалее от музея.

Он бежал до тех пор, пока не оказался у дома, где жили Воробьевы и Анна Павловна. Он поднялся на третий этаж и позвонил в квартиру Воробьева.

Дверь открыл самый младший Воробьев — Витя.

— Бабушка дома? — спросил Мячиков.

— Никого нет. Я один. Заходите, дядя Коля, сыграем в подкидного дурака! — обрадовался мальчик.

— Денег у тебя случайно нет? — задал неожиданный вопрос Николай Сергеевич.

— А сколько надо?

— Рубля два...

— У меня только пять копеек! — вздохнул Витя.

— До свидания! — попрощался Николай Сергеевич. — Ты не говори деду, что я заходил. Ладно?

После того как Витя захлопнул дверь, Николай Сергеевич пересек лестничную клетку и позвонил к Анне Павловне.

Когда она появилась на пороге, Мячиков смущенно пролепетал:

— Анна Павловна... извините за беспокойство... вы не одолжите мне, ну, рубля два... А то я вышел из дому без денег...

— Может быть, вам больше нужно? — радушно предложила женщина.

— Тогда дайте три! Я вам завтра верну!

Получив трешку, Николай Сергеевич выбежал на улицу и на ближайшем углу купил цветов ровно на три рубля. Через несколько минут он снова стоял у двери Анны Павловны. Снова она появилась на пороге, и Мячиков вручил ей букет:

— Вы свободны сегодня вечером? Давайте сходим в кино!

— А на какие деньги мы пойдем? Вы же, наверное, все потратили на цветы? — улыбнулась Анна Павловна.

— Я у вас опять одолжу! — нашелся Николай Сергеевич.

Глава шестая

Утром следующего дня Федяев вошел в комнату, где работал Мячиков.

— Добрый день, Николай Сергеевич! — сказал Федяев и забинтованной рукой, которая беспомощно висела на перевязи, указал на мужчину, выглядывавшего из-за его спины. — Познакомьтесь, это Юрий Евгеньевич Проскудин. Введите его, пожалуйста, в курс дела.

— В какой курс? — не понял Мячиков.

— Он вам все объяснит!

— А что у вас с рукой?

— Да ерунда, бандитская пуля! — ответил Федяев и улетучился. В приемной он столкнулся с директором обувного магазина.

— Зачем вы сюда ходите? — раздраженно спросил прокурор. — Я же вам сообщил, что сапоги украл водопроводчик. Он проник в магазин через канализационный люк. Вор уже сознался.

— Я и пришел сказать вам спасибо за то, что вы нашли жулика! — Благодарность переполняла директора. — Кстати, какой номер обуви у вашей жены? Мы

только что получили лакированные туфли на широком каблуке, шведские. Это не туфли, а мечта!

— Моей жене ничего не нужно! — вспылил Федяев.

— Что она, ходит босая? — обиделся директор магазина.

Тем временем в комнате Мячикова Проскудин приветственно улыбался хозяину. Проскудину было лет около тридцати пяти. Он был почти красив, улыбка у него была почти обаятельной, он был одет почти изысканно, был почти умен и выражался почти интеллигентно:

— Меня прислали на ваше место... Так сказать, смена поколений...

— То есть как на мое? — упавшим голосом произнес Николай Сергеевич.— Федор Федорович обещал мне месяц... Я как раз... почти нашел преступление, которое я раскрою!

— Какие вы, старички, неугомонные! Натерпелся я от вашего брата! — развел руками Юрий Евгеньевич.

— У меня нет брата! — сухо сказал Мячиков.

— Это в переносном смысле...— все еще пытался наладить контакт Проскудин.

Но Николай Сергеевич был неприступен:

— У вас есть юридическое образование?

— Я окончил институт мясо-молочной промышленности!

— Вас переводят к нам из мясокомбината? — с ехидством спросил Мячиков.

— Почти! — пошутил Проскудин.— Я заведовал райсобесом. Общался с такими, как вы. Давайте рассказывайте про свою работу, только, пожалуйста, покороче. А то люди вашего возраста разговорчивы, можно сказать, болтливы. Я-то это знаю...

— За что вас погнали из райсобеса? — спросил Мячиков, свирепея.

— Следователю надо говорить правду. Он все равно до нее докопается.— Проскудин был настроен миролюбиво и доверительно.— Не повезло. Попал под кампанию: борьба с пьянством.

— Ах, вы еще и алкоголик!

— Да нет... ну, выпил как-то... а кто теперь не пьет?... У вас я долго не задержусь. Должность не по мне, и оклад не устраивает. Так, временное прибежище...— утешил он Мячикова.

— Значит, меня увольняют только для того, чтобы вы здесь отсиделись?

Когда робкие люди выходят из себя, их следует остерегаться. Но Проскудин этого не знал. Мячиков ему надоел и, чтобы прекратить дискуссию, он выложил на стол козырного туза:

— Может быть, вы не знаете, но я от Андрея Никаноровича!

— Я так и думал, что вы по блату! — К полному удивлению Проскудина, Николай Сергеевич выбежал из кабинета.

Николай Сергеевич примчался к входу в прокуратуру, где молодой милиционер читал Сименона.

— Петя, у тебя есть оружие?

— Есть, но оно не заряжено, — ответил дежурный милиционер.

— Сойдет! — махнул рукой Мячиков. — Может, это и лучше, а то заряженное может ненароком выстрелить!

— Опасный преступник, Николай Сергеевич? — глаза милиционера жадно заблестели.

— Чрезвычайно! — сказал Мячиков, взял у милиционера браунинг и вернулся в кабинет.

— Руки вверх! — сказал он мрачно, направляя дуло на Юрия Евгеньевича.

— Ты что, сдурел? — перепугался Проскудин, но на всякий случай поднял руки.

— Встать! Шагом марш! — скомандовал Мячиков. Проскудин оторопело встал и зашагал к выходу. Николай Сергеевич неотступно следовал за ним, приставив незаряженный револьвер к его спине.

У выхода Николай Сергеевич задержался и приказал милиционеру:

— Петя, запомни его в лицо и больше сюда не впускай!

— Слушаюсь! — сказал милиционер.

— Ну, дедушка, я это тебе припомню! — злобно пообещал Проскудин.

Николай Сергеевич прицелился. Проскудин мгновенно исчез.

Мячиков отдал Пете оружие, возвратился к себе в комнату, снял телефонную трубку и набрал служебный номер Воробьева.

— Валя! — сказал Николай Сергеевич необычным для него стальным голосом. — Пойдем грабить музей!

— Коля! — ответил Валентин Петрович голосом, в котором пела отвага. — Встречаемся через двадцать минут у главного входа!

Через двадцать минут Мячиков и Воробьев с противоположных сторон приближались к месту намеченного преступления. Надвигались сумерки. Большая черная туча закрыла небосвод. Прогремел гром. Заговорщики встретились и многозначительно пожали друг другу руки.

Но, к сожалению, сегодня совершить кражу века не удалось.

На ограде музея западной живописи висел плакат:
«Выходной день».

Глава седьмая

Так как Мячиков музей не ограбил, а избыток энергии обязательно надо было израсходовать, он в отличие от Воробьева не вернулся на работу, а поспешил к Анне Павловне. Он не предупредил ее телефон-

ным звонком и появился внезапно, как парной цыпленок в продовольственном магазине.

— Пройдите в комнату! — возбужденно сказал Мячиков, когда Анна Павловна открыла дверь и с удивлением обнаружила незваного гостя.

— Пожалуйста! — неуверенно пригласила Анна Павловна. — Но у меня не совсем убрано. Я вас не ждала...

— Я тоже к вам не собирался! — ответил Николай Сергеевич, идя за Анной Павловной по коридору. — Если бы музей был открыт, я бы к вам не попал!

— Вы собирались в музей, у вас выходной день? — спросила Анна Павловна, когда они оказались в комнате.

— Выходной день не у меня, а в музее! — ответил Мячиков. — А на работе мне делать нечего!

— Что с вами? У вас нездоровый вид. — В голосе Анны Павловны сквозило беспокойство.

— Я нахожусь в состоянии аффекта, — объяснил Николай Сергеевич, бегая по комнате из угла в угол, — а в этом состоянии человек способен на все! Поскольку потом я не смогу решиться, я себя хорошо знаю, я хочу поговорить с вами заранее!

— Успокойтесь, сядьте, пожалуйста! — Волнение хозяйки дома усилилось. — Хотите чаю? Может быть, вы голодны?

— Не отвлекайте меня, прошу вас! — попросил Мячиков. — А то я собьюсь с мысли!

Но бегать все-таки перестал и присел на подоконник рядом с цветочным горшком:

— Я пришел сделать вам предложение впрок!

Анна Павловна подумала, что ослышалась:

— Извините, но я не поняла, о чем вы говорите?

— Я прошу вас стать моей женой! Что тут непонятного? — Сейчас Николай Степанович мог говорить о чем угодно без всякого стеснения.

— Всем женщинам мира нравится, когда им делают предложение. Анна Павловна покраснела и засмушалась:

— Но я вижу вас третий раз в жизни!

— Зато я давно знаю вашего Володю! — Мячиков привел сильный довод в свою защиту, замолчал и с тревогой заглянул ей в глаза.

— Но я не могу так сразу... Это как-то странно... — ответила женщина в растерянности. — Вообще вы мне симпатичны... Но этого мало, чтобы выйти замуж. Давайте подождем... пусть пройдет время...

Мячиков горячо поддержал Анну Павловну:

— Я с вами согласен! Сейчас я и сам не могу на вас жениться! Не имею права! Потому я и говорил, что прошу вашей руки, можно сказать, вперед... на будущее! Если, конечно, все обойдется!

Последним высказыванием Николай Сергеевич окончательно запутал Анну Павловну, которая уже не понимала, сделали ей предложение или нет.

— Вы говорите так туманно...

— Это потому, что я не могу раскрыть тайну! Это моя тайна! — прошептал Николай Сергеевич и почему-то огляделся по сторонам.

— Прилягте на диван! — предложила Анна Павловна, поняв, что Николаю Сергеевичу необходим покой.

— А я не знаю, что вы мне ответили — «да» или «нет»? — Мячиков слез с подоконника и остановился на полпути к дивану.

— Вам надо отдохнуть и прийти в себя! — Анна Павловна заботливо уложила гостя, подсунула под голову подушку, сбегала на кухню, намочила под краном полотенце и, вернувшись в комнату, водрузила компресс на воспаленный лоб жениха.

— Поспите! — ласково посоветовала Анна Павловна, у которой был прирожденный талант сестры милосердия.

Николаю Сергеевичу стало хорошо. Он лежал на диване в комнате женщины, которую полюбил, а сама женщина присела возле него. Из мокрой повязки, холодившей лоб, приятно текло за шиворот. За стеной лениво переругивались соседи. Со спинки стула свисал ремень с кобурой, из которой высовывалась рукоятка револьвера. По рукоятке Мячиков определил, что это маузер... Мячиков улыбнулся Анне Павловне и закрыл глаза. Не прошло и минуты, как он заснул светлым и безгрешным сном праведника, каким и был в реальной жизни.

Анна Павловна бережно сняла полотенце со лба спящего, накрыла его пледом и тихонько ушла на кухню готовить ужин...

А Николаю Сергеевичу приснился несбыточный сон...

НЕСБЫТОЧНЫЙ СОН

Над городом висел вертолет. Из брюха вертолета спускалась веревочная лестница, за которую цеплялся человек в красном тренировочном костюме. В этом

человеке следователь с удивлением опознал самого себя. Одной левой рукой держась за шаткую лестницу, Мячиков плыл над городом. Это напоминало начало знаменитого фильма Феллини «Сладкая жизнь». Только там вертолет нес статую Христа. Мячиков, однако, этого фильма не видел. Он вообще редко ходил в кино, к тому же «Сладкую жизнь» у нас не показывали. Зачем нашему зрителю сладкая жизнь?

Орлиным взглядом летящий сыщик шарил по магистралям. В потоке машин он засек ту самую «Волгу», которая была ему нужна до зарезу. Мячиков немедленно отдал распоряжение летчику, и вертолет погнался за автомобилем. Внезапно возникла угрожающая ситуация. Вертолет нес Николая Сергеевича прямо на фабричную кирпичную трубу. Столкновение Мячикова с трубой казалось неизбежным. Но Мячиков не растерялся. Он двумя ногами пихнул трубу, она покосилась и рухнула на мостовую. Мячиков огорчился, что нанес фабрике материальный урон, и одновременно обрадовался тому, что, падая, труба никого не придавила.

Вертолет и преследуемый автомобиль мчались, не уступая друг другу в скорости. Вертолет мчался по небу, автомобиль — по скверному асфальту. Выбрав момент, Мячиков прицелился и прыгнул на крышу «Волги».

Преступник в маске, который вел автомобиль, был очень хитер. Он направил автомобиль в жерло фабричной трубы, так кстати поваленной Мячиковым. Но во сне Николай Сергеевич тоже был не дурак. Он опять уцелел. Он соскочил с автомобильной крыши и побегал по трубе, в то время как машина ехала внутри. Однако преступник невольно допустил ошибку. Он позабыл, что фабричные трубы, широкие у основания, затем постепенно сужаются. Поэтому он въехал в трубу на солидной «Волге», а выехал из нее на крохотной инвалидной коляске. И это было понятно, так как «Волга» не смогла бы протиснуться сквозь узкую горловину.

Но Мячикову было наплевать, на чем выехал преступник. Он прыгнул на крышу коляски, прорвал брезентовый верх, плюхнулся рядом с водителем и сорвал с него маску, в какой выступают обычно хоккейные вратари.

Под маской обнаружилось почти противное лицо Юрия Евгеньевича Проскудина!

...Когда Николай Сергеевич проснулся, Анны Павловны уже не было. Встав, Мячиков обнаружил записку, начертанную дорогой рукой:

«Ушла на работу. Ужин на столе».

Николай Сергеевич аккуратно сложил послание и спрятал его в карман, на память. Затем он с аппетитом поужинал, вымыл посуду, а перед уходом тоже оставил на столе записку и три рубля, которые одалживал накануне.

В записке было сказано:

«Мне у вас очень понравилось. Мое предложение остается в силе».

Глава восьмая

Существуют проверенные, зарекомендовавшие себя способы грабить музеи изобразительного искусства.

Но Воробьев решил идти своим путем.

Дерзость замысла Валентина Петровича заключалась в том, что великое похищение должно было состояться среди бела дня на глазах у всех!

План Воробьева был нахален, элегантен и прост, как все великое! Валентин Петрович всегда и во всем был новатором...

Итак, кража века была назначена на среду 15 августа того самого года, в котором происходили описываемые события.

В ночь с четырнадцатого на пятнадцатое старики-разбойники не спали.

Николай Сергеевич написал сначала прощальное письмо дочери, которая жила с мужем в Красноярске, а затем принялся писать Анне Павловне.

Первое и последнее письмо следователя Николая Сергеевича Мячикова к любимой им Анне Павловне перед уходом на уголовное дело

«Дорогая Анна Павловна!

Когда вы прочтете эти искренние строки, я уже буду сидеть в КПЗ, то есть в камере предварительного заключения. Пожалуйста, не думайте, что я настоящий преступник! Я, можно сказать, преступник поневоле. Я должен был так поступить во имя справедливости!..

Я был бы счастлив, если бы Вы когда-нибудь принесли мне в тюрьму передачу...

Так я и не поел Вашего куриного студня... Так мы и не были с Вами во Дворце спорта, не болели за Вашего Володю и не подбадривали его криками: "Шайбу! Шайбу!"

Теперь Вы, наверное, поняли, почему я делал Вам предложение впрок, на всякий случай...

Будьте счастливы, дорогая Анна Павловна! Я буду любить Вас до последней минуты, до тех пор, пока меня не заруют в могилу, откуда не вырастет над ней одинокая плакучая березка!

Преданный Вам

Н.С. Мячиков.

В ночь с 14 на 15 августа...»

Подпись Николая Сергеевича была неразборчивой: се размыло слезами, которые текли из ангельских глаз автора письма...

У себя дома Валентин Петрович всю ночь ворочался с боку на бок. Заснуть не удавалось. Воробьеву хотелось отдать последние распоряжения, как положено человеку, которому грозит тюрьма. Днем Воробьев не сомневался в успехе, но ночами его уверенность ослабевала. Валентину Петровичу не терпелось разбудить Марию Тихоновну и посвятить в рискованную затею, но он понимал, что она обругает его и не пустит в музей...

15 августа солнце взошло ровно в пять часов.

Вместе с солнцем встал Николай Сергеевич и вышел на балкон, чтобы в последний раз полюбоваться на восход не через решетку.

Вместе с солнцем поднялся и Валентин Петрович. Он тоже вышел на балкон и сделал там легкую гимнастику. Ночные страхи прошли, и теперь Воробьев был готов к решающему броску. Пока Мария Тихоновна продолжала спать, Валентин Петрович стащил из комода скатерть, прокрался в ванную комнату, заперся в ней и обмотал скатерть вокруг торса. Ходить обернутым в скатерть было неудобно, но вынести скатерть в открытую — страшно. Валентин Петрович не боялся ограбить музей, но жены он боялся...

Воробьев пришел к Мячикову, как и было условлено, ровно в половине одиннадцатого. Правой рукой он опирался на трость, а в левой нес сверток с веревками и двумя синими халатами, взятыми в лаборатории Промстальпродукции.

— Ты готов? — громогласно спросил с порога Воробьев.

— Нет! — тихо ответил Николай Сергеевич. Его тон заставил Валентина Петровича насторожиться. Он испуганно посмотрел на друга:

— Струсил?

— У меня такое ощущение, Валя... ты не понимаешь, на что мы идем! — Николай Сергеевич старался говорить мягко, но убедительно. — Думаешь, в случае неудачи нам дадут пятнадцать суток? Должен тебя разочаровать: нам дадут пятнадцать лет, что в нашем возрасте... Этот срок я обещаю тебе как юрист!

На секунду Воробьев заколебался, потом в его глазах появилось упрямство, и он решительно сказал:

— Большому кораблю — большое плавание!

— Валя! — настойчиво продолжал Мячиков. — Нам никто не поверит, будто это чудовищное преступление мы совершили для того, чтобы меня не турнули на пенсию! Этого мы никому не докажем! Мы станем для человечества теми, кто осквернил память Рембрандта!

— Наш суд мне поверит! — несколько неуверенно произнес Воробьев.

— Много ты про это знаешь! — махнул рукой Николай Сергеевич.

— Но я уже взял разгон, я набрал скорость, я уже не могу затормозить! — Воробьев подбадривал не только друга, но и самого себя.

— Валя! Ты идешь на это ради меня, а я этого не стою! — продолжал отговаривать Мячиков.

И тогда Валентин Петрович сказал убежденно:

— Нет, Коля! Стоишь! Ты человек с большой буквы! Я тебя люблю!

— Я тебя тоже люблю, Валя! — дрогнувшим голосом произнес Николай Сергеевич, сдерживая нахлынувшие слезы.

— Пойми, плакса! — нежно сказал Воробьев. — Мы должны доказать, что старики тоже люди! Мы заставим считаться с нами, мы заставим себя уважать! Мы идем защищать святое дело, вперед!

— Если ты это делаешь ради меня, — взволнованно сказал Мячиков, энтузиазм друга увлек его, — то я пойду на это ради тебя!

Воробьев растроганно обнял старого товарища:

— Давай посидим перед дорогой!

Они присели на диван, помолчали с минуту, а потом Мячиков, именно он, скомандовал:

— В путь!

«Бандиты» встали, вышли из квартиры, спустились по лестнице и оказались на Липовой улице.

— Какая сегодня прекрасная погода! — сказал Николай Сергеевич, шурясь под солнечными лучами. — В такой день особенно не хочется садиться в тюрьму!

— Типун тебе на язык! — И Воробьев прибавил шагу.

— Зачем ты взял трость? — Мячиков старался не отставать.

Валентин Петрович обрадовался:

— Вот видишь, ты не догадался. Это не трость, а раздвижная лестница. Я ее сам сконструировал.

— Но с палкой в музей не впустят! Скажут, чтобы мы оставили ее в раздевалке.

— Хромого пустят! — И Воробьев натурально захромал, припадая на левую ногу. — Ну как?

Восторга в друге он не вызвал. Мячиков сказал довольно хмуро:

— Надеюсь, сойдет!

— Не нравится мне твое настроение! — назидательно заметил Воробьев.

Старики сели в троллейбус и через полчаса очутились возле музея. Здесь было много автобусов, из которых высаживались туристы, приехавшие буквально со всего света.

Мячиков решил схитрить:

— Погляди, сколько народу! Они примчались издалека, чтобы поглядеть на картины Рембрандта. Давай не будем лишать их этого удовольствия. Ведь если мы возьмем одну картину, они увидят на картину меньше!

— Посторонние разговоры я запрещаю! — рявкнул Воробьев. — Операция началась! За мной!

Хромая и опираясь на трость, предводитель ринулся к выходу в музей. Его робкое войско в составе Н. С. Мячикова поплелось следом. Пройдя через входные двери, отряд похитителей попал в маленький вестибюль. Справа при входе находилась касса, где в очереди за билетами выстроилось несколько человек. Мраморная лестница вела вниз, в гардероб. Как и положено командиру, Воробьев шагал впереди. Не забывая хромать, он начал спускаться по лестнице. А его войско встало в очередь за билетами. Оказавшись внизу, Воробьев стал терпеливо ждать, пока подойдут главные

силы. Наконец в толпе экскурсантов показалась долгожданная армия. Она имела бледный вид.

— За мной, в туалет! — отдал приказ хромой атаман.

— Хоть мне и страшно, но я не хочу... — возразили войска, но покорно последовали в мужской туалет. Там они начали выполнять приказ и расстегивать пуговицы.

— Мы пришли сюда не за этим! — приструнило командование солдатские массы, открыло дверь в кабину и пальцем поманило войско.

Запершись в кабине, отряд преобразился. Он, то есть отряд, вышел из кабины одетым в синие маскировочные халаты. Точно в таких халатах ходят музейные рабочие. Отряд нес лестницу длиной в шесть метров. Впереди маршировал Воробьев, а замыкал колонну Николай Сергеевич, моральный дух которого был равен нулю. Он не столько нес лестницу, сколько держался за нее, чтобы не упасть от страха.

При виде контролеров, дежуривших у центрального входа, Мячиков машинально достал из кармана входные билеты. По счастью, Воробьев это заметил и отдал распоряжение немедленно спрятать билеты.

— Но нас не впустят! — прошептал Николай Сергеевич.

— Мы делаем вид, будто здесь работаем! Зачем же нам билеты, обалдуй?

Напарник не остался в долгу:

— А зачем ты тогда хромаешь? Теперь ведь у тебя в руках не трость, а лестница!

— Спасибо за критику! Учту! — сказал Воробьев.

За перепалкой они не заметили, как миновали контроль и, повернув налево, оказались в зале номер 28. Именно здесь экспонировалась картина Рембрандта Ван Рейна «Портрет молодого человека», над которой нависла угроза похищения.

Глава девятая

Старики в синих халатах поставили лестницу возле стенда, где висела обреченная картина.

Как и следовало ожидать, к ним немедленно подошла смотрительница:

— Что собираетесь делать? — Ее голос звучал строго. Но Воробьев правильно рассчитал, что смотрительница

не может знать в лицо всех рабочих, так как штаты музея, как и все остальные штаты, не могут не быть раздутыми.

— Отнесем ее на реставрацию! — спокойно ответил Воробьев; а Николай Сергеевич не сказал ничего, так как потерял дар речи.

— Что за странная лестница? — удивилась смотрительница.

— Экспериментальная, — опять спокойно объяснил Воробьев. — Ее по заказу музея сделал народный умелец. Колька! — обратился он к Мячикову. — Обожди, я сейчас! — И исчез, оставив партнера в критическом положении.

Все поплыло и закружилось перед глазами Николая Сергеевича. И картина Рембрандта, и старушка смотрительница, и посетители, и он сам. Николая Сергеевича вернул к жизни оптимистический голос Воробьева:

— Я вывернул пробки, чтобы отключить звуковую сигнализацию. Коля, ты держи картину, а вы, — попросил он смотрительницу, — придерживайте, пожалуйста, лестницу. Так-то она крепкая, но мало ли что...

Мячиков коченеющими руками схватился за золоченую раму, смотрительница взялась за лестницу, а Валентин Петрович начал взбираться наверх.

Возле бригады рабочих скапливались посетители. Скоро образовалась толпа: все хотели в последний раз взглянуть на картину, которую сейчас унесут.

Воробьев умело развязал узлы, затем спустился вниз, укоротил лестницу, отобрал у Николая Сергеевича картину и приказал ему:

— Неси лестницу! — и, кивнув смотрительнице, направился с картиной к выходу. Николай Сергеевич пошел за Воробьевым. Ему мерещилось, что он идет на эшафот, неся лестницу, по которой будет взбираться к виселице, чтобы продеть голову в петлю.

Они вновь миновали контроль, и вновь Воробьев увлек Мячикова в туалет. Валентин Петрович впихнул сообщника в кабину, превратил лестницу в трость и сунул Николаю Сергеевичу шедевр:

— Подержи его! А я пойду вверну пробки.

— Они сами включают, — запротестовал Мячиков. — Уйдем отсюда, и поскорее!

— Сейчас во всем музее отключена сигнализация. А что, если этим воспользуются настоящие жулики?

— Ты прав! Иди! — Николай Сергеевич заперся на задвижку и остался в мужском туалете с подлинным Рембрандтом в руках.

Через несколько минут Валентин Петрович возвратился.

В туалете царила мертвая тишина.

— Коля, ты в какой кабине? — забеспокоился Воробьев.

— Мы здесь! — послышался трусливый голосок.

— Кто — мы? — перепугался Воробьев.

— Я и молодой человек! — эзоповым языком напомнил Николай Сергеевич. — Разве ты забыл, что мы украли картину?

Воробьев огляделся по сторонам, но в туалете, слава богу, кроме них, никого не было.

— Впусти меня! — распорядился глава экспедиции.

Войдя в кабину и снова запершись, Воробьев разделся, размотал с торса скатерть, тщательно завернул в нее картину и перевязал веревками. Халаты он сложил в сверток и сказал Мячикову:

— Ты видишь, как это просто!

Чтобы выбраться из музея, надо было пройти мимо раздевалки. Гардеробщики не обратили на похитителей ни малейшего внимания. Однако у самого выхода дежурил милиционер. Он специально дежурил на этом месте, чтобы из музея нельзя было ничего вынести.

Николай Сергеевич осознал, что курносый милиционер и спина Воробьева, идущего впереди, — последнее, что он видит в свободной жизни.

— Что несете? — напрямик спросил милиционер.

— Картину Рембрандта! — тоже напрямик ответил Воробьев.

Милиционер оценил шутку и засмеялся. У милиционера было развито чувство юмора, и это спасло друзей.

Воробьев, который нес картину в руках, отворил дверь и пропустил Мячикова вперед:

— Пожалуйста!

— Вот видишь! — заметил Воробьев, когда они шли по улице, направляясь к троллейбусной остановке. — Надо всегда говорить только правду!

Потом они ехали в троллейбусе, и кто-то из пассажиров толкнул Воробьева. Мячиков — он постепенно приходил в себя — укоризненно сказал:

— Товарищ, осторожнее! У него в руках картина из музея, а это народное достояние!

Так была совершена кража века...

Глава десятая

Картина Рембрандта, одетая в резную золоченую раму, стояла на диване, прислоненная к подушке.

— Представляю себе, какая сейчас паника в музее! — гордо сказал Воробьев. — Милицейские машины, сирены, музей оцеплен, обыскивают всех посетителей...

Он не договорил, потому что услышал глухой стук.

Николай Сергеевич лежал на полу в обмороке. Увидев произведение Рембрандта в своей квартире, он понял, что, собственно, произошло, и потерял сознание.

Воробьев в испуге кинулся к телу друга и закричал:

— Коля! Коля! Что с тобой?

Коля не отвечал. Тогда Воробьев схватил телефонную трубку и набрал 03 — номер «Скорой помощи»:

— Приезжайте скорее! Человек лежит на полу и не подает признаков жизни!

— Где лежит? — спросил женский голос.— Дома или на улице?

— Дома.

— Тогда обращайтесь не к нам, а в «Неотложную помощь»!

Воробьев хотел возразить, но не успел. Опытная дежурная повесила трубку.

Воробьев долго дозванивался в справочное бюро, чтобы узнать телефон неотложки, а когда добрался до нее, начал так:

— Человек умирает!

— Фамилия? — заученно спросили Валентина Петровича.

— Мячиков.

— Имя и отчество?

— Николай Сергеевич! Зачем вам отчество? Вы лучше приезжайте скорее!

Но прекратить бесстрастный допрос было невозможно:

— Сколько лет?

— Шестьдесят. Но какое это имеет значение?

— Домашний адрес?

— Липовая, 31, квартира 5.

— Какая у больного температура?

Воробьев взвился:

— Человек без сознания, а вы хотите, чтобы я мерил ему температуру!

— На что он жалуется?

— Он уже ни на что не жалуется.

— Ждите! Врач будет!

И в трубке послышались короткие гудки.

Пока Воробьев изо всех сил добивался медицинской помощи, Мячиков открыл глаза, опять увидел памятник мирового искусства и тихо застонал.

Воробьев склонился над ним.

— Как ты, Коля? Что у тебя болит?

— Совесть!

— Возьми валидол и положи под язык! — Валентин Петрович достал из верхнего кармана пиджака лекарство, одну таблетку дал Николаю Сергеевичу, а другую взял себе. Теперь разбойники в унисон сосали валидол.

Воробьев снял с дивана одну из подушек и положил под голову Мячикову, который все еще валялся на полу.

— Ну что же, отдохнешь, а потом тащи картину твоему Федяеву. Не успела она пропасть, как ты ее нашел!

— Я сам хочу избавиться от нее как можно скорее! — Николай Сергеевич встал, хотел было опуститься на диван, но сидеть рядом с молодым человеком не отважился. Мячиков явно боялся картины и поэтому забился в противоположный угол комнаты. — Я могу вернуть картину после того, как прокуратура начнет розыск. Иначе все будет выглядеть подозрительно: откуда это я узнал, что картину стащили?

— Тогда беги поскорее в прокуратуру, — посоветовал сограбителю Воробьев, — а то расследование поручат кому-нибудь другому...

«Помощь на дому» приехала тогда, когда в квартире уже никого не осталось. На звонок в дверь не ответили, на стук тоже.

— Надо выламывать дверь! — распорядился врач. — Может быть, мы успеем его спасти!

Послали за слесарем. Он пришел вместе с управдомом. Слесарь не стал затевать долгой возни с замком. Он разбежался и вышиб современную дверь плечом.

Войдя в квартиру, врач, шофер, управдом и слесарь долго искали покойника, но остались с носом. На картину Рембрандта никто, естественно, не обратил ни малейшего внимания.

— Должно быть, хозяин живой! — огорчился управляющий домом. — Ушел куда-нибудь, а мы дверь ломали. Кто же теперь будет за это отвечать?

Возмущенный врач составил акт:

— Безобразие! У меня столько вызовов, а такие, как ваш симулянт Мячиков, отрывают меня от больных. Мы его оштрафуем!

Врач и шофер быстро ушли, а управдом приказал слесарю:

— Давай ремонтируй дверь!

— А кто мне за это заплатит? — уперся слесарь.

— Тогда так... — решил управдом. — Ты тут дождись хозяина и заодно покарауль квартиру. Придет хозяин, с ним сговоришься!

Управдом отправился обратно в контору, а слесарь включил телевизор, снял с дивана картину Рембрандта и лег, заняв ее место. Этот слесарь любил смотреть телевизор лежа...

О том, что случилось у него на квартире, Мячиков понятия не имел: когда Воробьев взывал к медицине, Николай Сергеевич пребывал в беспамятстве. А когда

Мячиков пришел в себя, Валентин Петрович так обрадовался этому, что позабыл рассказать про вызов.

Николай Сергеевич с трепетом переступил порог прокуратуры. Если еще вчера Мячиков был порядочным человеком, то сегодня он стал человеком с двойным дном. С одной стороны, он продолжал оставаться следователем, с другой стороны, превратился в нарушителя закона. В душе у него одновременно звучали две мелодии, похоронная и бравурная, образуя сумбур вместо музыки. Две ноги Мячикова тоже жили в разладе. Если одна безбоязненно торопилась в кабинет Федяева, то другая панически бежала прочь из здания прокуратуры. Победила бесстрашная нога, и Мячиков возник в кабинете Федора Федоровича.

— Привет, шеф! — развязно сказала одна половина, а другая поспешно добавила: — Извините за бесцеремонное вторжение!..

— Рад вас видеть, присаживайтесь! — безразлично сказал Федяев.

— Я бы хотел... у вас... узнать... — запиналась робкая половина Мячикова, а нахальная ее перебила: — Почему, в конце концов, вы не поручаете мне расследование грандиозного преступления?

— Но за последние дни ничего существенного не произошло! — ответил Федяев, обескураженно разглядывая подчиненного.

— Неужели ничего существенного? — лицемерно опечалилась осторожная половина, а неосторожная брякнула: — Я чувствую сердцем, что произошло преступление века!

— Сердце вас обманывает, — насмешливо заметил прокурор. — В нашей стране преступление века произойти не может.

— Если вы мне его не доверите, — продолжала активная половина и в запале проговорила: — Я найду эту картину на общественных началах!

— Какую картину? — Федяев ровным счетом ничего не понимал.

Мячиков смекнул, что зашел слишком далеко:

— Я имел в виду неприглядную картину преступления!

Он наконец-то сообразил, что начальнику еще ничего не известно о краже в музее. Остаться в кабинете было бессмысленно, активная половина могла сболтнуть еще чего-нибудь, и поэтому человек с двойным дном ршил было ретироваться, но не успел.

Широко распахнулась дверь, и в кабинет ввалились сотрудники прокуратуры в полном составе. Во главе их шагал бесподобно красивый и неправдоподобно элегантный мужчина. Он не шагал, а, скорее, шествовал и улыбался. Улыбка у него была благородной, честной и неподкупной. Такая улыбка располагала и обвораживала. Этому человеку сразу хотелось доверить все — и душу, и тайну, и кошелек.

— Можно начинать, гражданин начальник? — спросил он у прокурора.

— Действуйте! — махнул рукой прокурор.

Несравненный красавец встал напротив Николая Сергеевича:

— Дорогой мой благодетель, Николай Сергеевич! Сегодня ровно пять лет, как я вышел на свободу. В своем проклятом прошлом я раздевал людей. Теперь я их одеваю. И все это благодаря вам. Разрешите поднести вам плоды своего честного труда!

И бывший уголовник распаковал пакет, который принес с собой, заставил Мячикова снять темно-синий пиджак и надеть ослепительно-белый.

Все, включая Федяева, заплотировали, а Николай Сергеевич растроганно расцеловался с портным.

Правда, пойти домой в белом костюме, годном разве для фестиваля в Каннах или для «Голубого огонька», Николай Сергеевич не рискнул. Он нес костюм в свернутом виде.

Мячиков шел и мучительно размышлял над тем, почему в музее не бьют тревогу.

Когда Николай Сергеевич вернулся домой, то увидел, что в его квартире высажена входная дверь.

Мячиков сразу разгадал, что на самом деле двойную игру вел Федяев, который искусно притворялся, будто ничего не знает о похищении. Замысел Федяева стал ясен старому следователю.

Прокурор решил сначала захватить картину, поскольку она представляла большую ценность, нежели Мячиков, а уже потом арестовать его самого. Николай Сергеевич не сомневался, что в квартире ожидает засада.

Николай Сергеевич мог убежать. На мгновение эта недостойная, но естественная мысль промелькнула в его опустошенном мозгу. Но он отверг ее со всей решительностью.

Ему не хотелось скрываться и жить в подполье. Он устал от безумств. Он был рожден для спокойной, размеренной жизни. Он вошел в квартиру, готовый сдать властям.

Слесарь лежал на диване и все еще смотрел по телевизору хоккейный матч.

— Я вас давно жду,— сказал слесарь. Он сел и жестом пригласил хозяина квартиры устраиваться рядом.— Давайте досмотрим хоккей, а потом перейдем к делу!

Николай Сергеевич догадался, что оперативник, пришедший его брать,— хоккейный болельщик. Николай Сергеевич взглянул на экран и узнал Володю, который мчался на коньках к воротам противника. Но сейчас Мячикову было не до сына любимой Анны Павловны. Мячиков думал о том, как предупредить друга, как спасти его. В трагическую минуту он заботился не о себе, а о Воробьеве.

— Можно я позвоню? — спросил Николай Сергеевич у слесаря, не надеясь на положительный ответ. Однако слесарь кивнул.

Мячиков подошел к телефонному аппарату, набрал номер и, с опаской поглядывая на слесаря, шепотом сказал Воробьеву, который снял трубку.

— Это я! За мной пришли! Он досматривает хоккей! Тебя я не выдам! Прощай навек!..

Мячиков повесил трубку, присел рядом со слесарем и вежливо поблагодарил:

— Большое спасибо, что вы разрешили мне позвонить! Вы очень добры!

Но слесарь, поглощенный игрой, не обращал внимания на слова Мячикова, он их не слышал. Он подпрыгнул на диване и заорал:

— Бей! А... а... Мазила!

Когда матч кончился, слесарь выключил телевизор и в упор посмотрел на несчастного:

— На пол-литра дадите?

Николай Сергеевич растерялся и спросил, ничего не соображая:

— За что?

Слесарь понял его по-своему:

— Замок придется чинить, петли перевешивать. И потом, плечо у меня до сих пор болит; думаете, просто было дверь высаживать?

— Вы кто? — едва слышно произнес Мячиков.

— Слесарь я, из домоуправления!

— Ах, вы слесарь! — повторил Николай Сергеевич и стал сползать с дивана на пол, второй раз теряя сознание.

Испуганный слесарь рванулся к телефону вызывать «Скорую помощь».

Все началось сызнова.

Глава одиннадцатая

Узнав о том, что Мячикова взяли, Валентин Петрович посинел от злости. Он швырнул телефонную трубку и выругался. Он заметался по комнате, с грохотом опрокидывая стулья.

На шум прибежала жена:

— Что с тобой, Валя?

— Мерзавцы! — бушевал Воробьев. — Я им покажу! Я этого так не оставлю! Они хватают невинного, когда виновный, — он ударил себя кулаком в грудь, — гуляет на свободе!

К полному удивлению Марии Тихоновны, он обнял ее и сказал с надрывом в голосе:

— Прости меня, Маша! Ты была мне прекрасной женой. Поцелуй детей и внука.

И опрометью кинулся прочь из дому.

Мария Тихоновна рванулась вдогонку:

— Куда ты?

— В тюрьму! — не оглядываясь, буркнул Воробьев и скрылся из виду.

А слесарь, закончив телефонный разговор с дежурной, наклонился над Николаем Сергеевичем и понял, что «Скорая помощь» может уже не приезжать. Мячиков лежал абсолютно бездыханный. Доброму слесарю не хотелось оставлять усопшего на сквозняке. Слесарь бескорыстно навесил дверь и, сняв кепку, на цыпочках покинул квартиру. Стук захлопнувшейся двери вернул Мячикова к жизни, и он открыл голубые глаза... Мячиков и не подозревал, что его справедливый и неугомонный друг спешит сдаваться властям, чтобы принять вину на себя.

Валентин Петрович решил отдаться в лапы правосудия не по месту жительства, в районном отделении милиции, а самому Федяеву.

— Федяев у себя? — закричал Воробьев, ворвавшись в приемную.

— Он на перевязке! — ответила секретарша.

— Я подожду! — угрожающе сказал Воробьев и уселся на стул возле двери прокурорского кабинета. По мере того как шло время, рсшимость в душе Воробьева медленно, но верно сдвигала передовые позиции чувству страха, недостойному такого человека, как Валентин Петрович.

Когда страх на семьдесят пять процентов заполнил организм Воробьева, в приемную Федяева вбежал Мячиков.

— Ты уже у него был? — в панике спросил Николай Сергеевич.

— Откуда ты взялся? — глаза Валентина Петровича засветились радостью.— Тебя уже выпустили?

— Я тебя еще раз спрашиваю: ты уже был у Федяева?

— Не могу его дождаться! — гневно воскликнул Воробьев. Николаю Сергеевичу сразу полегчало.

— Ваш друг, Николай Сергеевич, упорно отказывается рассказать, зачем ему нужен Федяев,— кокетливо сказала Мячикову секретарша.

— В общем, скрывать тут нечего. Я один ограбил музей! — Воробьев был убежден, что все уже раскрылось и надо выгораживать Мячикова.— Ваш следователь,— он показал на него,— здесь ни при чем.

Николай Сергеевич обиделся. Он позабыл, что примчался сюда уберечь друга от ненужного признания.

— Нет, при чем!

— Я один все сделал! — сказал секретарше Воробьев.— Не примазывайся! — прикрикнул он на друга.

Однако Николай Сергеевич не мог допустить, чтобы Воробьев отвечал за все в одиночку, и он припер его к стенке!

— Но картина-то у меня!

— Я ее отнес к тебе на сохранение, но ты не знал, что она краденая! — нашелся Валентин Петрович.

Но Мячиков вошел в азарт:

— Как я мог этого не знать, когда украл ее я!

Мячиков помнил одно: надо отводить от друга беду. Но и тот помнил то же самое и поэтому зашелся:

— Ты враль! Ты жалкий хвостун!

Секретарше надоела старческая болтовня:

— Это только на Западе крадут картины, а у нас — бессмысленно! Продать некому. Извините, товарищи, вы мне мешаете работать.

В это мгновение Валентина Петровича озарило. Он понял, что секретарша ничего не знает. А если не знает секретарша, значит, не знает никто. Воробьев ужаснулся тому, что чуть не провалил всю затею. Он поглядел на Мячикова диким взором и шепотом спросил:

— Ты откуда сюда пришел?

— Из дому! — многозначительно ответил Николай Сергеевич.

— А там ты не был? — Воробьев сделал ударение на слове «там».

— Не был!

— Но ты же мне звонил!

— Это роковая ошибка!

— Здесь никто ничего не подозревает!

— Никто!

— Почему?

— Сам поражаюсь! — сказал Мячиков, и в нем проснулся профессиональный инстинкт.— Дайте мне, пожалуйста, телефонный справочник,— обратился он к секретарше. Найдя номер, он позвонил в музей:

— Говорит следователь Мячиков. Не было ли у вас сегодня произведено хищение?

Николай Сергеевич выслушал ответ и попрощался:

— Извините, благодарю вас, всего хорошего!

Он повесил трубку и, глядя в хорошие глаза Воробьева, медленно произнес:

— Из музея ничего не похищено! Ни сегодня, ни в предыдущие дни!

На Воробьева было жалко смотреть.

Не сговариваясь, старики сорвались с места и кинулись к выходу.

На улице Николай Сергеевич взял Воробьева под руку:

— Это я во всем виноват! Прости меня, Валя! Я принял слесаря за оперативника, который пришел меня арестовать!

— Но как ты догадался, что я здесь?

— Я знаю твой характер!

— Прости меня, Коля! — Воробьев и сейчас не уступал другу.— Это я во всем виноват! Я поспешил к Федяеву и едва не погубил нас обоих!

— Я тебя прощаю! — любовно сказал Мячиков.— Прости ты меня!

— И я тебя, конечно, прощаю! — сказал Воробьев.— Но музею я этого не прощу! Что они там, ослепли?

— Иди скорее домой! — забеспокоился Николай Сергеевич.— Я тебе звонил, там все с ума сходят!

— А ты скорее поезжай к себе, сторожи Рембрандта! И старики разошлись.

Пока Мячиков добирался домой, его успели опередить. Приехала медицинская помощь, вызванная слесарем. Прибыл тот же врач и тот же шофер. Ни на звонок, ни на стук никто дверь не отворил. Врач, не мстительный по натуре, на этот раз взъерепенился. Он вызвал управдома и опять приказал взломать дверь! Управдом послал за слесарем, тот опять разбежался и, как снаряд, вонзился в препятствие. Дверь рухнула, и слесарь приземлился рядом с Рембрандтом...

Подходя к дому, Николай Сергеевич увидел возле подъезда машину с красным крестом, в которую внесли слесаря. Неотложка приезжала не зря. У слесаря был перелом плеча.

Поднявшись по лестнице, Николай Сергеевич обнаружил, что дверь его квартиры опять взломана. Готовый ко всему, он вошел в пролом, заглянул в комнату и облегченно вздохнул. Картина Рембрандта была на месте. Николай Сергеевич присел на диван и стал размышлять: кому и зачем понадобилось второй раз выламывать дверь?

Глава двенадцатая

— Надо идти в музей и выяснить, почему они не паникуют! — сказал Воробьев на следующее утро.

— Но смотрительница нас опознает,— возразил следователь и с ненавистью поглядел на шедевр.

— А мы загримируемся! — подал увлекательную идею Воробьев.— Я буду без лестницы, без халата, но зато в очках!

— Мало! — высказал сомнение Мячиков.— Тебе нужны усы или борода. А мне как быть?

— Остричься наголо! — не задумываясь, решил Воробьев.— Тебя родная мать не узнает!

Но остричься Мячиков отказался:

— Страшно! А вдруг они в моем возрасте больше не вырастут?

— Как же тебя видоизменить? — задумался Воробьев, пристально разглядывая друга.— У тебя яркая внешность!

— Неужели? — Мячиков с надеждой поглядел в зеркало и не увидел в нем ничего яркого.

— Я придумал! — Воробьев даже подпрыгнул от радости.— Мы тебя перекрасим!

— В негра? — испугался Мячиков.

— Нет, не целиком, только волосы! — утешил Валентин Петрович. Ему стало по-детски интересно.

— Не желаю краситься! — заупрямился Мячиков.

— Почему?

— Стыдно! Красятся только женщины! — стоял на смерть Николай Сергеевич.— Это идиотизм. Этого не будет никогда! Лучше я приклею бороду!

— Где ты ее возьмешь?

— Есть специальный театральный магазин. Сейчас я туда позвоню.

Мячиков дозвонился директору, который ему всжливо сообщил, что в настоящий момент бород нет. Но поступление волосяных изделий ожидается в следующем квартале.

— До следующего квартала ты можешь отрастить свою собственную бороденку,— заметил Воробьев.— Придется краситься!

— Не буду! Мне все это ужасно надоело. Забирай твоего Рембрандта и уходи.

— Это не по-товарищески! — обиделся Воробьев.— Хорошо, пойдем в музей незагримированными, пусть нас схватят!

Мячикову не хотелось ссориться:

— Предложи еще что-нибудь!

— Пожалуйста! — Воробьев был начинен идеями, как котлеты в столовой — хлебом.— Мы сделаем из тебя иностранца!

— Не хочу быть иностранцем! — перепугался Мячиков.— Мне и здесь хорошо!

— Не бойся, ты будешь иностранцем временно. Мы пойдем в музей как иностранные гости. Я буду изображать твоего переводчика.

— А на каком языке я должен говорить? — спросил Мячиков.— Я ведь на других языках ни гу-гу...

— Ты будешь молчать! Может быть, ты глухонемой иностранец! — нашелся Воробьев.

— А зачем глухонемому переводчик?

— Много будешь знать, скоро состаришься! — ответил старику старик.

Не позже чем через час по улице шли двое. В мужчине с приклеенными усами нетрудно было узнать Воробьева. Рядом с усатым осторожно ступал человек в чалме, сооруженной из полотенца, со смуглым лицом, в длинной белой рубаше и белых брюках, которые смахивали на нижнее белье. Туалет заканчивался босоножками, надетыми на голые ноги. В отличие от лица ноги не были смуглыми: наверное, не хватило краски.

— Тебе этот костюм очень к лицу, Коля! — шепнул иностранцу Воробьев.

Когда иностранец и переводчик пришли в рембрандтовский зал, им все стало ясно.

На стенде, где еще вчера красовалось произведение раннего Рембрандта «Портрет молодого человека», висела табличка: «Картина на реставрации».

Старики покинули музей, возмущенные до глубины души. Они шли по улице, размахивали руками и говорили так громко, что прохожие оборачивались.

— Ротозей! — кипел иностранец. — У них из-под носа вынесли картину, которой цены нет, а они не обратили на это внимания!

— Везде так! — мрачно изрек усатый. — Завтра украдут памятник Пушкину, и этого тоже никто не заметит!

— Это потому, — поддержал глухонемой, — что у нас никто и ни за что не отвечает!

— Всем на все наплевать! — шумел усатый переводчик.

Распалая друг друга, старики договорились бог весть до чего, с чем авторы категорически не согласны и поэтому не приводят их слова. Когда из стариков вышел пар, они перестали кипятиться, сели в сквере на скамейку и начали обсуждать создавшуюся ситуацию.

— Может быть, написать в музей письмо и намскнуть, что картину свистнули? — предложил переводчик, но иностранец с сожалением заметил:

— Но мы ведь не можем его подписать!

— Пошлем анонимку! — сказал усач, но разборчивый друг пристыдил его:

— Как тебе не совестно! Мы не станем опускаться до анонимок! Кроме того, у нас не верят анонимным письмам!

— Преступление века зашло в тупик, — сказал переводчик и вдруг опомнился: — А почему ты разговариваешь по-русски? Ты же глухонемой иностранец...

Глава тринадцатая

Тринадцатой главы в повести нет. Кто-то когда-то выдумал, что число тринадцать несчастливое. Несознательные авторы в это верят.

Глава четырнадцатая

Николай Сергеевич ухаживал за Анной Павловной старомодно, то есть неторопливо. Он пригласил ее в театр. В антракте он угощал ее лимонадом и пирожным. А во время действия сидел скромно, не давая воли рукам.

После спектакля Мячиков повел любимую домой, даже в мыслях не намереваясь остаться у нее на ночь.

— Дорогая Аня! — сказал Николай Сергеевич, когда они подошли к подъезду.— Разрешите мне вас так называть. Сейчас я вам докажу, как я к вам отношусь. Я верю вам свою тайну и свою судьбу. Правда, я не назову вам сообщника, потому что не имею права распоряжаться чужой жизнью.

С Анной Павловной еще никто не разговаривал в таком высокопарном стиле.

И Николай Сергеевич, волнуясь, рассказал ей детективную историю о похищении картины великого голландца.

Анна Павловна всему безоговорочно поверила. Она посмотрела на Николая Сергеевича обновленными глазами. Она не сочла его безумным. Она поняла его устремления, а его отвага и бесстрашие покорили ее!

Николай Сергеевич тревожно ждал приговора.

Анна Павловна долго молчала, собираясь с мыслями и чувствами.

И тогда чуткий Николай Сергеевич понял, как надо поступить. Он достал из кармана прощальное письмо и вручил Анне Павловне:

— Здесь все написано. Это письмо я сочинил в ночь перед преступлением...

Он поцеловал ей руку и скромно ушел.

Анне Павловне не терпелось прочесть послание. Она вскрыла конверт в парадном и прочла письмо при тусклом свете запыленной лампочки в двадцать пять свечей.

Дойдя до слов: «...я буду любить вас до последней минуты, до тех пор, пока меня не зароят в могилу, покуда не вырастет над ней одинокая плакучая березка», Анна Павловна не выдержала и заплакала. Это были оптимистические слезы счастья, которые разрешено лить героям современных книг...

...Прошло еще несколько дней, в течение которых музей не подавал признаков жизни. Старики потеряли сон и покой, они не могли больше ждать. Они поняли, что пора отдавать Рембрандта народу.

Как и в прошлый раз, стартовой площадкой стал мужской туалет, расположенный в подвале Музея изобразительных искусств. Воробьев и Мячиков облачились в синие халаты, раздвинули лестницу, распаковали картину и отправились в поход. Старики чувствовали себя паршиво: иди доказывай, что возвращаешь картину, а не крадешь!

Первый привал состоялся у щита с электрическими пробками. Воробьев отключил в музее свет, чтобы не работала сигнализация.

Второй привал состоялся при входе в рембрандтовский зал.

— Здравствуйте! — сказали смотрительнице лжмузейные работники.— Помогите нам повесить Рембрандта обратно!

Поход закончился у стенда с табличкой «Картина на реставрации».

В то время как Воробьев устанавливал лестницу, старушка снимала табличку. Вокруг собралась толпа. Она не расходилась до тех пор, пока шедевр не водрузили на место.

Смотрительница взгляделась и сказала с нескрываемым восторгом:

— После реставрации лучше стало!

На меценатов никто не обращал внимания. Они только что подарили стране произведение кисти Рембрандта, а им не сказали за это даже «спасибо»! Они выбрались из толпы и покинули зал номер 28, избежав тюрьмы и не заслужив аплодисментов. А им так хотелось, чтобы внизу на раме прикрепили дощечку: «Дар музею от В.П. Воробьева и Н.С. Мячикова». Старикам было грустно-прегрустно. Им казалось, что они осиротели. Они сами не знали, что, оказывается, привыкли к молодому человеку и полюбили его, как сына...

— Не забудь вернуть пробки! — со вздохом сказал Мячиков.— А то неровен час — украдут нашего Рембрандта...

Когда неудачники шли по улице, удаляясь от музея все дальше и дальше, Воробьев обернулся и поглядел на величественное серое здание.

— Это преступление века не удалось, но мы совершим другое!

— Я не согласен! — воспротивился Николай Сергеевич.— Кончится тем, что мы соберем у меня дома картинную галерею...

Глава пятнадцатая

Вернув картину людям, Мячиков не чувствовал себя героем. Он снова превратился в затюканного следователя, которого вот-вот выставят за дверь прокуратуры. Он, в который раз, появился в приемной Федяева, надеясь

уговорить начальство поручить ему какое-нибудь дело, и спросил у секретарши:

— Он один?

— Нет,— ответила секретарша,— у него посетитель. Говорят, Николай Сергеевич, вы на пенсию уходите?

— И не собираюсь! — по возможности бодро ответил Мячиков.

— В общем-то это неправильно, что пенсию выдают только в старости! — высказала неожиданную мысль секретарша.— По-настоящему пенсию надо выплачивать людям от восемнадцати и, скажем, до тридцати пяти лет. Это самый хороший возраст. В эти годы работать грех, надо заниматься личной жизнью. А потом можно и на работу ходить, все равно уже от жизни нет никакого толку!

— Очень интересная теория! — поддержал Мячиков.— Молодые гуляют, а старики вкальвают. В этом что-то есть...

Отворилась дверь, из кабинета вышли Федяев и Проскудин.

—Николай Сергеевич, вы ко мне? — оттого, что Мячиков застучал его с Проскудиным, Федяев ощутил некоторую неловкость.

— Я позже зайду! — сухо сказал Николай Сергеевич.

А Юрий Евгеньевич приветливо осклабился во весь рот:

— Привет боевым ветеранам!

Николай Сергеевич неприязненно взглянул на врага и ничего не ответил.

— Я понимаю вашу антипатию ко мне. Но что поделаешь, жизнь! — И, покидая приемную вслед за Федяевым, Проскудин пошутил: — Вам время тлеть, а мне цвести!

Николай Сергеевич возмутился и стал торопливо подыскивать достойный ответ, и тоже в стихах. Но ничего, кроме общеизвестных истин: «Дуракам закон не писан!», «Гусь свинье не товарищ!», «Не в свои сани не садись!», в голову не лезло. Николай Сергеевич остановился на выражении: «Как вам не стыдно?» — и бережно понес эту отповедь, чтобы бросить ее в лицо грубияну.

Мячиков разыскал Проскудина в своей служебной комнате. Федяев и двое коллег Мячикова слушали Проскудина с нескрываемым удивлением:

— Поскольку я привык работать в отдельном кабинете, то эту комнату мы поделим пополам... Здесь два окна, так что архитектурно это возможно. В той половине будут вот эти два товарища, а эту займу я. Маловата, конечно, площадь, но надо мириться с обстоятельствами. Тут, при входе, я поставлю вешалку. Стол, за которым сидел старик, придется сменить. Эта рухлядь мне не подходит...

То, что преемник буквально хоронит его при жизни, взорвало Николая Сергеевича, и он потерял самоконтроль.

— Гусь свинье не товарищ! — выпалил Николай Сергеевич, спутав приготовленную реплику. Все устали на Мячикова, а он продолжал в гневе: — Не в свои сани не садись! Дуракам закон не писан! Как вам не стыдно?

Закончив монолог, бунтарь ушел, топая ногами.

— Бешеный старикан! — сказал вдогонку Проскудин.

Агрессивно настроенный Мячиков помчался на такси в Промстальпродукцию. Чтобы не терять ни единой минуты, он заранее приготовил деньги, расплатился с таксистом, не взяв сдачи, и бегом направился к подъезду. Обычно деликатный Мячиков, растолкав очередь, втиснулся в лифт и выскочил из него на пятом этаже. Пробежав по коридору, Николай Сергеевич распахнул дверь в комнату Воробьева и с порога провозгласил:

— Валя, ты прав! Мы не остановимся на полпути!

Валентин Петрович понял друга и поэтому только кивнул.

Следуя плану, заранее разработанному Воробьевым, друзья разыскали Анну Павловну на загородном стрельбище. По заведенному порядку раз в год инкассаторам устраивали переэкзаменовку по стрельбе, хотя работают инкассаторами в основном люди пожилые. Всем вменялось в обязанность в стрельбе из пистолета на расстоянии в двадцать пять метров выбить сорок очков из пятидесяти возможных. Если стрелок не выполнял норму или вообще не попадал в мишень, его все равно оставляли на работе. Правда, такое бывает не только со стрельбой.

Увидев стариков, Анна Павловна откровенно встревожилась. Она до сих пор находилась под впечатлением прощального письма Николая Сергеевича и его рассказа о краже Рембрандта.

— Мы пришли к тебе, Аня, за советом и помощью! — сказал Воробьев, а Мячиков молча смотрел в притягательные глаза Анны Павловны и старался прочесть в них ответ на письмо.

— Отойдем в сторонку! — добавил Воробьев.— А то эта беспорядочная пальба меня раздражает!

— Вы попались с этой картиной? — упавшим голосом произнесла Анна Павловна.

Воробьев насмешливо поглядел на сообщника, который выболтал тайну женщине. Мячиков потупился.

А Анна Павловна, перехватив взгляд Воробьева, поспешила на выручку к Николаю Сергеевичу:

— Я и не знала, Валентин Петрович, что вы тоже принимали в этом участие. Про вас Николай Сергеевич ничего мне не говорил!

— Он все равно болтун! — сказал Воробьев.— Но раз ты все знаешь, Аня, нам будет легче столкнуться. Нас ни в чем не подозревают. Картину никто не искал, и поэтому ее пришлось вернуть. Мы совершенно чисты.— И он задал неожиданный вопрос: — Сегодня вечером ты работаешь?

— Работаю.

— Выручку соберешь большую? Тысяча рублей наберит? Анна Павловна рассмеялась:

— Много больше!

Валентин Петрович удовлетворенно потер руки:

— Прекрасно! Сегодня вечером я тебя ограблю! Я отниму у тебя мешок с деньгами!

— Предатель! — закричал Мячиков.— Я не хочу грабить Анну Павловну! Я не хочу вас грабить! — повторил он нежно, обращаясь непосредственно к любимой.

— Ты и не будешь грабить! — отмахнулся от него Воробьев.— Ты будешь расследовать это преступление.— И он повернулся к Анне Павловне.— Давай обсудим, соседка, как я отниму у тебя мешок.

— Минуточку! — возбужденно заговорила инкассатор.— Вы так это подаете, словно я согласна. А я не согласна!

— Аня, не соглашайтесь! — поддержал ее Николай Сергеевич.

— А я не понимаю, почему ты противишься? — Воробьев не спешил. Он был готов потратить известное количество времени, чтобы уговорить Анну Павловну стать жертвой.— Ты сразу заявишь в милицию, дело

поступит в прокуратуру, его поручат Коле, он завтра же найдет деньги, и его не отправят на пенсию!

— Как я найду эти деньги? — продолжал сопротивляться следователь.

— Балда, я же тебе их сам отдам!

— Но у меня оружие! — нервничала Анна Павловна. — Я обязана в вас стрелять!

— А ты промахнись! — Воробьева уже ничто не могло поколебать.

Анна Павловна пыталась образумить его бандитский пыл:

— Но вас посадят!

— Какие вы все бестолковые, с кем приходится работать! — Воробьев искренне огорчился... — В милиции ты, Аня, опишешь не мои приметы, а какие-нибудь другие. А следователь, — тут Воробьев ткнул пальцем в Николая Сергеевича, — вернет государству деньги, а жулика не схватит. Все это элементарно!

— Ради вас, Николай Сергеевич, я готова на все! Но я — честная женщина, — твердо, как на митинге,

объявила Анна Павловна,— и на сделку с совестью не пойду!

— За это я вас и люблю! — не удержался от признания Николай Сергеевич, но Воробьев не обратил на его слова ни малейшего внимания и терпеливо сказал:

— Ну что ж, начнем сначала! И так, Аня, какие объекты ты обслуживаешь? Желательно выбрать объект в глухом переулке, чтобы меньше было свидетелей.

— Но я не согласна! — повысила голос Анна Павловна.

— Знаю, что не согласна, не кричи! — осадил ее Воробьев.— Значит, обсудим все детали...— Он явно намеревался взять противника на измор.

— Валя! — вмешался Мячиков.— Не будем грабить Анну Павловну. Давай нападём на ее подругу!

— Какую еще подругу? — от неожиданности Анна Павловна даже вздрогнула.

— Любую. Вон их сколько.— Николай Сергеевич показал на женщин, которые толпились возле мишеней.

— Но любая из них пристрелит Валентина Петровича в два счета! — Анна Павловна не могла успокоиться.

— А мы ее во все посвятим! — сказал Воробьев, которому, в сущности, было все равно, кого грабить.

— Я не доверяю женщинам! — решительно возразила Анна Павловна.— Я их знаю лучше вас!

— Как же тогда поступить? — приуныл Николай Сергеевич.

Анна Павловна пожалела его и сказала в сердцах:

— Никаких подруг не будет! От вас не отвяжешься! Грабьте меня!

...Вечером Валентин Петрович собирался на дело. Мячиков вертелся рядом и зудил:

— Валя, не ходи!

Валентин Петрович не слушал, он был увлечен подготовкой. Прежде всего он надел джинсы. В американских фильмах, как правило, грабят в джинсах, и, вероятно, это не случайно. Затем он надел кеды, чтобы удобно было бежать и чтобы ноги не скользили. От шляпы Воробьев отказался, она могла соскочить на ходу от ветра. А он собирался убежать от погони со скоростью ветра. Туалет уголовного завершила зеленая подростковая ковбойка с засученными рукавами. Валентин Петрович посмотрелся в зеркало и спросил у Мячикова:

— Ну, как я? Хорош?

— Валя, не ходи! — чуть не плакал следователь.

И судьба приняла его сторону. Судьба уберегла Воробьева от преступления. Он остался дома, но не потому, что передумал. Рембрандтовская эпопея не прошла бесследно. У Валентина Петровича было больное сердце, оно не выдержало перегрузки и подвело в решающий момент. Валентин Петрович застонал и повалился на бок. Мячиков быстро дал ему таблетку нитроглицерина, но боль не отпускала. Мячиков позвал Марию Тихоновну. Вдвоем они уложили Воробьева на диван. Мария Тихоновна зашпешила в соседнюю комнату и стала по телефону вызывать врача.

— Тебе не легче, Валя? — нежно спросил Николай Сергеевич, снимая с друга кеды.

— Ты пойдешь вместо меня! — ответил Воробьев. Известно, что гвардия умирает, но не сдается. А Валентин Петрович был в душе гвардейцем.

— Я не могу, я не хочу, я не пойду! — наотрез отказался Николай Сергеевич, потому что он тоже был гвардейцем в душе.

— Не трать много слов. Иди!

— Я не могу оставить тебя в таком состоянии!

— Я знаю, что ты благороден! Но обо мне позаботится Маша.

— Я не умею грабить...

— Научись! — тихим голосом сказал больной.

— Пожалей меня, Валя! — взмолился Николай Сергеевич.

— Иди! Это воля умирающего! А воля умирающего — закон!

— Валя, не умирай! — Мячиков встал на колени.

— Прекрати меня волновать! Мне это вредно. Иди! Аня ждет!

И тогда Мячиков склонился над командующим, поцеловал его, встал с колен и, пошатываясь, вышел.

Он не был подготовлен к грабежу ни внутренне, ни внешне. На нем даже не было джинсов. Он шел на дело в обыкновенных полосатых брюках...

В художественной литературе существует неукоснительная традиция. Герои книг расправляются со своими возлюбленными кто как может.

Отелло, например, придушил Дездемону собственными руками. Атос выжг на гладком плече миледи позорное клеймо. Клайд из «Американской трагедии»

утопил Роберту в озере. Рогожин, Хозе и Алеко зарезали соответственно Настасью Филипповну, Кармен и Земфиру. Вронский довел Анну до того, что она бросилась под поезд. Бедная Лиза предпочла кинуться в пруд, наверное потому, что тогда еще не существовало железных дорог. Лермонтовский Арбенин накормил Нину ядом.

Но рекордсменом мира в этом виде спорта стал легендарный мужчина по прозвищу Синяя Борода. Он отправил на тот свет семь жен по очереди.

Иностраннный поэт сказал об этом мужском хобби так:

«Но каждый, кто на свете жил,
Любимых убивал.
Один — жестокостью своей, другой —
Отравой похвал,
Трус — поцелуем, тот, кто смел, —
Кинжалом наповал».

Правда, в советской литературе герои возлюбленных не трогают, герои до них вообще не дотрагиваются. Время другое, и писатели тоже другие.

Николай Сергеевич, который отправился грабить Анну Павловну, открывал в этом смысле новую главу — главу шестнадцатую.

Глава шестнадцатая

Николай Сергеевич вынырнул из мрака и возник возле булочной, расположенной в тихом переулке. В руке Николай Сергеевич держал гладиолус. Булочная как раз закрывалась, продащица выпустила последнего покупателя и заперла дверь на железный крюк.

Николай Сергеевич заглянул в окно и увидел, что кассирша пересчитывает дневную выручку. Следовательно, Анна Павловна еще не заезжала. Мячиков решил спрятаться. Он огляделся. Рядом с булочной была телефонная будка. Мячиков забрался внутрь. Телефонный аппарат безжизненно висел на стене, болтался обрывок шнура, а трубка была срезана. Это огорчило Николая Сергеевича. Он собирался позвонить Воробьевым и узнать у Марии Тихоновны, как себя сейчас чувствует несостоявшийся грабитель.

Мысленно Николай Сергеевич оправдывал свое поведение. По сути дела, он не собирался совершать ничего предосудительного. Эту шалость несправедливо было бы

называть грабежом. Просто он одолжит у государства деньги буквально на одну ночь. На следующий день он их вернет в целости и сохранности. Оттого, что деньги переночуют у него дома, а не в банке, в стране ничего не изменится.

Вскоре к булочной подкатила «Волга», на кузове которой было почему-то написано «связь». Из машины вышла Анна Павловна и, тревожно озираясь, постучала в дверь условленным стуком. Ее тотчас впустили.

Николай Сергеевич продолжал наблюдать. Переулок был пустынным. Шофер инкассаторской машины прислонил голову к рулю и дремал, хотя по инструкции он не имел права ни на секунду сомкнуть глаз.

Николай Сергеевич покинул убежище.

Хлопнула дверь. Из булочной появилась Анна Павловна с брезентовым мешком в руках.

— Добрый вечер, Аня! — робко сказал Мячиков.

— Зачем вы пришли! — Анна Павловна была в недоумении.

— Валентин Петрович заболел!

— Слава богу! — вырвалось у Анны Павловны. — То есть я хотела сказать, что с ним?

— Приступ стенокардии, поэтому грабить вас буду я, — мирно объяснил Мячиков и вручил гладиолус. — Больше никому!

— Спасибо, — поблагодарила за цветок Анна Павловна. — Но вы же должны не грабить, а расследовать!..

— Мне придется делать и то и другое... — грустно сказал Николай Сергеевич. — Не сердитесь на меня, Аня! Давайте мешок, и я побегу. А вы кричите «караул!» и стреляйте в воздух. Только не сразу, а то меня поймают! — И он потянул мешок к себе.

— Я боюсь за вас! — Анна Павловна вцепилась в мешок обеими руками. — А вдруг вас схватят?

— Я не могу поступить иначе! — Мячиков упорно пытался отобрать деньги. — Это воля умирающего!

— Разве Валентин Петрович так уж плох? — ахнула Анна Павловна.

— Надеюсь, что нет. Но все равно, его слова для меня святы!

Николай Сергеевич изо всех сил тянул мешок к себе, но Анна Павловна была сильнее:

— Я вам не позволю этого сделать. Вы мне очень дороги...

— Я вам дорог? — забыв про конспирацию, вскричал Николай Сергеевич, вырвал мешок с деньгами и побсжал.

Крик счастья разбудил водителя. Он не был посвящен в сговор и, увидев, что инкассатора грабят, истошно завопил:

— Стой! Стрелять буду!

Николай Сергеевич вздрогнул и припустился что было сил, хотя их было совсем немного.

Шофер нажал на сигнал, и зловещий автомобильный рев заполнил сонный переулок. Покинуть машину шофер не мог, потому что на заднем сиденье лежали мешки с деньгами, собранными в других магазинах. Шофер включил двигатель и погнался за похитителем.

Проезжая мимо Анны Павловны, шофер возмущенно крикнул:

— Что же вы не стреляете?

Анна Павловна стояла не двигаясь, замерев от страха за своего Николая Сергеевича. Анна Павловна понимала, что все кончено, что нареченному не убежать от автомобиля. Теперь у нее не оставалось иного выхода, как открыть боевые действия, хотя бы для видимости.

— Караул! Грабят! — негромко запричитала Анна Павловна и не торопясь полезла в кобуру. Она достала пистолет, побежала догонять машину и на бегу несколько раз пальнула в воздух.

При звуке выстрелов Николай Сергеевич шмыгнул во двор.

Автомобиль повернул за грабителем.

Анна Павловна повернула за автомобилем.

Водитель включил дальний свет. В его лучах испуганно заметался человек с мешком.

Впереди возник забор. Николаю Сергеевичу стало ясно, что он попался. Но нет на свете забора, в котором, чтобы было ближе пройти к троллейбусной остановке, не проделали бы дыру.

Мячиков юркнул в нее и оказался в соседнем дворе.

Автомобиль, конечно, никак не мог протиснуться в узкую дыру вслед за грабителем. Но шофер не растерялся. Он подобрал валяющиеся во дворе две длинные и толстые доски, приложил их к забору так, чтоб середина досок легла на верхнюю кромку изгороди. Доски находились друг от друга на ширине колес и выглядели, словно два рельса. Шофер, как принято во всех детек-

тивных историях, был первоклассным, и «Волга» медленно въехала на доски и повисла над забором. Задние концы досок под тяжестью автомобиля оторвались от земли, передние тоже замерли в воздухе. «Волга» стала покачиваться, как на качелях. Потом под тяжестью двигателя передние концы досок опустились. Машина медленно, плавно сползла на землю по другую сторону ограды. Этот фантастический переезд, к сожалению, никто не видел, и поэтому доказать, что он действительно состоялся, практически нельзя. Единственный свидетель, Анна Павловна, не наблюдала за машиной. Она гналась за любимой и отважной спиной, которая убегала от нее, унося мешок с деньгами.

Николай Сергеевич выдохался. Бежать дальше он не мог, поэтому открыл дверь ближайшего подъезда и ввалился внутрь. Тогда шофер остановил автомобиль, крикнул Анне Павловне: «Постерегите деньги!» — и, не выключив двигателя машины, смело кинулся в парадное.

Анна Павловна опасалась, что шофер в пылу гнева не только схватит Мячикова, но заодно и прибьет. Забыв о служебном долге, она устремилась в подъезд, чтобы предотвратить расправу.

В глухом, темном дворе фыркал и вздрагивал заведенный автомобиль, полный денег, и манил к себе светом зажженных фар.

Шофер и Анна Павловна мотались по этажам, звонили в квартиры, но так и не сыскали Николая Сергеевича. На последнем, шестом этаже преследователи обнаружили переход на соседнюю лестничную клетку. Они ринулись по переходу, а потом вниз по лестнице и через другой подъезд очутились в том же дворе, где они бросили машину.

Мячикова и след простыл.

— Поедем в милицию! — сказала Анна Павловна, радуясь тому, что Николай Сергеевич оставил их в дураках. — Надо заявить! — вспомнила она распоряжение Воробьева.

Водитель и Анна Павловна забрались в машину. Машина стояла, приткнувшись носом к дому. Выехать со двора можно было, только подав назад. Но Анна Павловна не знала, что у задних колес автомобиля лежал ее бездыханный возлюбленный. Он упал без чувств в таком неподходящем месте только потому, что именно здесь иссякли его последние силы.

Водитель включил заднюю скорость, завертелись колеса, и над жизнью Мячикова нависла угроза, но Николаю Сергеевичу не было суждено быть раздавленным, иначе писать было бы не о ком и повесть осталась бы неоконченной. Поэтому машина проехала над телом Мячикова, даже не задев.

Мячиков полежал не двигаясь. Потом открыл глаза, поднял голову и сел. Рядом валялся мешок с деньгами. Мячиков подобрал его, поднялся и, пошатываясь, пошел к воротам.

В подворотне он остановился и начал хохотать. Взошла луна, чтобы осветить героя, которого сотрясал истерический смех.

Мячиков смеялся потому, что невероятная затея удалась, что деньги у него в руках, что завтра он придет к Федяеву и выложит их на стол. Федяев растроганно пожмет ему руку и оставит на работе.

В этот кульминационный миг злой рок приблизился к Николаю Сергеевичу в образе двухметрового громилы и спросил сочным басом:

— Закурить не найдется?

— Я некурящий! — глупо хихикнул Мячиков, не предчувствуя назревающей трагедии.

— Ах, ты еще и некурящий! — презрительно ухмыльнулся громила, ткнул старика в грудь, отчего тот повалился на мостовую, выхватил злополучный мешок и кинулся в подворотню.

Николай Сергеевич вскочил и устремился вдогонку. Он хотел было крикнуть «держите вора!», но вспомнил, что не имеет на это права. Однако соревноваться в беге с молодым, длинноногим парнем Мячиков не мог. Пока он видел вдали долговязую фигуру, он еще бежал за ней, но вскоре она исчезла из виду, и Николай Сергеевич остался один.

Он разыскал телефон-автомат, где еще не успели срезать трубку, и набрал номер Анны Павловны.

Анна Павловна сразу ответила.

— Это я! — грустно сказал Мячиков.

— Слава богу! — отозвалась Анна Павловна.— Я тут с ума схожу!

— Пожалуйста, не беспокойтесь, все хорошо! Как Валентин Петрович?

— Я ему обо всем рассказала, и он тоже волнуется! Где вы?

— Я вам звоню из автомата,— объяснил Мячиков.

— Я сейчас зайду к нему и успокою. Он не спит.

— Врач у него был?

— Был. У Валентина Петровича приступ стенокардии. Ничего страшного. Надо полежать два-три дня.

— Завтра я приступлю к расследованию! — сказал Николай Сергеевич. Он не хотел огорчать друзей, он их любил и поэтому закончил так:

— У меня в руках, Аня, мешок с этими деньгами! Кстати, сколько их там?

— Две тысячи триста семьдесят два рубля шестнадцать копеек! — с профессиональной точностью сообщила Анна Павловна.

Николай Сергеевич похолодел:

— Какой ужас!

— Что вы сказали?

— Я сказал — спокойной ночи, Аня!

Мячиков повесил трубку.

Разговор дался ему нелегко. Он был ни жив ни мертв. Он повторил про себя:

— Две тысячи триста семьдесят два рубля шестнадцать копеек!

Бедный Николай Сергеевич!

Глава семнадцатая

— Николай Сергеевич, — говорил назавтра Федяев, — мы с вами оба юристы. И знаем, что насильно отправить человека на пенсию почти невозможно. Когда вы наконец подадите заявление?

— Что у вас с головой? — ушел от ответа Николай Сергеевич. Голова у Федяева была туго перебинтована.

— Да, ерунда! — как обычно, отмахнулся Федор Федорович. — Бандитская пуля!

— Не подам я на пенсию! — как обычно, упирался Мячиков.

— Тогда я поручу вам безнадежное дело. А потом уволю как не справляющегося с обязанностями!

— Хотите поручить мне дело о грабеже инкассатора? — усмехнулся Николай Сергеевич.

— Угадали, — не стал спорить Федяев. — Найти грабителя в многомиллионном городе...

— Вам это действительно не под силу! — нахально сказал Мячиков. — А мне раз плюнуть. Вы меня недоо-

цениваете! — Мячиков поднялся со стула и шагнул к выходу.— Посоветуйте вашему Проскудину подыскивать себе другое место!

Мячиков вышел из кабинета, и от его уверенности сразу же не осталось и следа. Он находился сейчас в нелеспейшем положении. Он знал приметы долговязого громилы, которого нужно было искать, но не имел возможности его искать. Ведь этим он бы сразу себя выдал. Однако для начала ему необходимо было соблюсти проформу: допросить шофера инкассаторской машины и потерпевшую Анну Павловну Суздадеву.

— Ничего, что-нибудь придумаю...— тоскливо думал Мячиков, едуци вместе с милиционером Петей в гараж, где стояла машина, в которой Анна Павловна перевозила мешки с деньгами.

Мячиков повел следствие в кабинете, который уступил ему начальник гаража. Николаю Сергеевичу вовсе не хотелось допрашивать водителя инкассаторской машины. Было мало шансов, что он сообщит что-нибудь новое. Он мог показать на следователя пальцем и заявить во всеуслышание:

— Вы грабитель!

Но не вызвать очевидца было невозможно. Николай Сергеевич пошел на вынужденный риск. Он решил положить голову в пасть водителя. Нарушая все юридические правила, Мячиков вызвал его в присутствии потерпевшей Анны Павловны и бесстрашно сказал:

— Опишите, пожалуйста, приметы человека, который похитил вчера у товарища Суздадевой мешок с деньгами!

Как каждый честный человек, шофер был напуган тем, что его вызвали к следователю. Но, взглянув в голубые, невинные глаза Мячикова, шофер почувствовал к нему доверие и успокоился:

— Старик ограбил! Это точно! На вас похожий!

— Да нет,— кинулась на выручку Анна Павловна,— среднего роста, парень лет двадцати, не больше... блондин...

— Да не молодой! — заспорил водитель.— Старик! Когда он удирал, я думал, что он на ходу рассыплется!

— Что ж ты тогда его не схватил? — ехидно спросила Анна Павловна.— И не спорь со мной! Меня грабили, а не тебя!

— В чем же он был одет? — продолжал допрос Мячиков.

— Обыкновенно,— сказал водитель,— пиджак, брюки...

— Какой пиджак? — притворно возмутилась Анна Павловна.— Что ты, слепой, что ли? Спортивная куртка и тренировочные брюки!

— Очень странно, что вы даете такие противоречивые показания! — заметил милиционер Петя, который тоже присутствовал при допросе.

Слова Пети вынудили Мячикова попросить водителя:

— Пожалуйста, опишите приметы поподробнее!

— Можно попросить вас встать? — осмелев, сказал допрашиваемый.

Следователь послушно встал.

— Повернитесь теперь спиной! — продолжал водитель.— А то я видел его только со спины!

Следователь с той же покорностью повернулся к свидетелю тылом.

— У него фигура в точности как у вас! — сравнивал водитель. Его осенила счастливая мысль: — Если здоровье позволяет, побегайте немного!

— Бегать здесь негде! — Анна Павловна раскусила коварную идею.

Однако Мячиков боялся, что отказ может навлечь на него подозрение:

— Ничего, я попробую!

Следователь затрусил на месте, усердно двигая ногами. Водитель долго всматривался:

— Очень похоже. Если б вы не были следователем, я бы так и сказал: это вы грабили!

Николай Сергеевич прекратил отбивать чечетку. Отдышавшись, он зафиксировал показания: «Манера бега такая же, как у следователя Н. С. Мячикова» — и улыбнулся, удивляясь собственной наглости:

— Боюсь, меня бы вы сразу догнали!

— Вас бы я догнал! — улыбнулся шофер в ответ.— А вот тот мчался быстрее автомобиля.

Мячиков подал знак милиционеру, и Петя вмешался в разговор:

— Пройдемте, товарищ водитель, я осмотрю машину!

Они ушли, и Анна Павловна, забыв о конспирации, спросила напрямик:

— Вы уже вернули деньги?

— Нет, еще рано! — шепнул в ответ Николай Сергеевич.

Разговор с Анной Павловной был для него пыткой. Хотя допрашивать должен был он сам, Мячиков опасал-

ся, и не без оснований, что допрашивать станут его, а он не устоит и все выдаст. Мячикову очень хотелось рассказать Анне Павловне правду. Но он боялся ее огорчить, и кроме того, мешала мужская гордость, которая еще доживала в нем свой век.

— Сразу вернуть деньги — это подозрительно! — И Мячиков неожиданно добавил: — Я прошу вас, товарищ Суздалева, переменить показания и заявить, что вас ограбил высокий, очень высокий мужчина. Он спросил у вас басом: «Закурить не найдется?», а когда вы ответили: «Я некурящая», он отнял у вас мешок и исчез!

— Но деньги-то у вас! Какое имеет значение, как выглядит грабитель, которого не было! Ведь мы договаривались, что вы вернете деньги, а вора не поймаете! Вы же не можете ловить сам себя!

— Значит, так...— Следователь старался не смотреть на допрашиваемую.— Поскольку вас ограбил высокий мужчина...

— Мсня не он ограбил, а вы! — Анна Павловна не на шутку рассердилась.— Перестаньте финтить и немедленно верните деньги!

Анна Павловна самовольно прекратила следствие и ушла, плотно прикрыв за собою дверь...

Николай Сергеевич мучительно раздумывал над тем, как найти верзилу.

Не столько в жизни, сколько в детективной литературе бытует мнение, будто преступника тянет на место преступления. В мозгу Николая Сергеевича тлел слабый огонек надежды, что, быть может, дылда вновь появится в роковой подворотне.

Вечером Николай Сергеевич оделся потеплее и отправился проверять эту гипотезу. Наблюдательный пункт Мячиков оборудовал в парадном, из которого просматривалось место грабежа. Николай Сергеевич снял пальто, сложил его, постелил на батарее и, усевшись на нее костлявым задом, стал не отрываясь следить за улицей. Из парадного Николай Сергеевич видел всю подворотню, маленький кусочек черного неба, парикмахерскую напротив и фонарь, в который была ввинчена лампа дневного света. Фонарь плохо светил и противно жужжал.

Мячикову вспомнилось, как на заре карьеры он так же дежурил в подъезде, поджидая опасного рецидивиста. Наконец долгожданный рецидивист объявился, Николай

Сергеевич бесстрашно кинулся на него, но тот опередил следователя, ударил его кастетом по голове, и Мячиков провалялся два месяца в больнице.

От давнего бандита мысли Николая Сергеевича перекочевали к нынешнему, Мячиков подумал о том, что если двухметровый детина придет на место преступления, а он, Николай Сергеевич, бросится на него и опять получит по голове твердым предметом, то сейчас ему не выкарабкаться. Шестьдесят лет — это не двадцать пять.

ГАЛЛЮЦИНАЦИЯ МЯЧИКОВА

Николай Сергеевич ясно представил себе, как он, окровавленный, валится на мостовую, «Скорая помощь» отвозит его в больницу и он там умирает, не приходя в сознание. Сколько хлопот, подумал Николай Сергеевич, доставляю я своей смертью друзьям и близким. Валентин Петрович вызовет, конечно, из Красноярска дочь и внука. Зять наверняка тоже примчится. В общем-то он неплохой парень. Ему, бедняге, придется побегать с моими документами: надо сдать паспорт, получить свидетельство о смерти и еще какую-то справку, без которой не дают места на кладбище. С местом на кладбище будет долгая волянка. Проще всего пробиться в крематорий, но не хочется. О Новодевичьем кладбище нечего и мечтать. Оно вроде музея, только для знаменитостей. А вот с Ваганьковским, может, и выгорит. В нашей прокуратуре не так давно проходило дело о спекуляции свечами именно на Ваганьковском кладбище, и теперь у Федяева там большие связи... Гроб, говорят, тоже нелегко достать. Но ничего, пошлют кого-нибудь из оперативников, и он выбьет!

А потом Николай Сергеевич представил себе, как его хоронят. Автобус с черной полосой на кузове медленно въезжает в центральные ворота. Оркестра, конечно, не будет. Впрочем, Валентин Петрович может настоять, чтобы оркестр заказали, с оркестром торжественнее и грустнее. А если все-таки обойдется без музыки, то нервы присутствующим будут терзать гудки тепловозов. Как раз вдоль кладбища проходит железная дорога.

Те, кто не пришел на панихиду в прокуратуру, станут дожидаться траурного кортежа в специальном помещении и смотреть в окно: не еду ли я? В этой

комнате, помнил Мячиков, висит стенная газета с социалистическими обязательствами ваганьковских работников. Они начинаются словами: «Наше кладбище — любимое место отдыха москвичей». Да, это верно. Там я, наконец, отдохну от этой жизни...

Фантазия Мячикова разыгралась вовсю, и он увидел себя в гробу, одетым в белый костюм, сшитый бывшим уголовником. Из гроба Николай Сергеевич полюбовался внуком, который вырос и возмужал. Мячиков укорил себя за то, что в прошедшей жизни редко ездил в Красноярск. Потом Николай Сергеевич перевел взгляд на рыдающую дочь, которую бережно поддерживал муж. А после он посмотрел на Анну Павловну, убитую горем. «Наверное, она меня любила!» — улыбнулись одновременно двое — живой в подъезде и покойник в гробу. И тут же покойник услышал, как хоккеист Володя, наклонившись к матери, прошептал ей на ухо:

— Мама, ты не сердись! Я должен уйти, иначе опоздаю на игру!

Затем Мячиков, который устал лежать на спине, да еще на твердой доске, повернулся на правый бок и встретился взглядом с Федяевым. Возле Федяева, сняв головной убор, скорбно стоял Проскудин.

— Неужели вы, Федор Федорович, посадите эту скотину на мое место? — замогильным голосом спросил Мячиков.

Проскудин нисколько не удивился тому, что мертвец разговаривает:

— Вам-то теперь все равно!

— Нет! — гордо ответил Николай Сергеевич.

— Чего с ним, с мертвым, лясы точить! — сказал Проскудин Федяеву и отвернулся.

Мячиков хотел было возразить, но в это мгновение перед глазами усопшего возникло обливающееся слезами лицо Воробьева, который тянулся губами к его холодному лицу. До этого дня Мячиков никогда не видел друга плачущим. Душераздирающее зрелище настолько потрясло Николая Сергеевича, что он выскочил из гроба и пустился наутек подальше от страшного места.

Потом он спохватился, и ему стало стыдно за свое поведение. Люди пришли его хоронить, а он сбежал, оставив гроб пустым. Мячиков вернулся, отыскал в толпе Проскудина, схватил его в охапку и, преодолев сопротивление, уложил в гроб. Потом Мячиков отнял у

могильщика молоток и гвозди и проворно заколотил крышку гроба...

...Когда Николай Сергеевич очнулся от галлюцинации, то обнаружил, что выскочил из засады и стоит сейчас в подворотне, на том самом месте, где на него напал громила. Мячиков перевел дух, с облегчением осознал, что гробы и похороны только лишь ему причудились, и вернулся к прекрасной действительности. Он снова забрался в подъезд и занял наблюдательную позицию...

Пока Николаю Сергеевичу мерещились собственные похороны, Валентин Петрович устроился в кресле напротив телевизора. Врачи разрешили больному подняться, и сейчас он предвкушал удовольствие от предстоящего хоккейного матча. Рядом с Воробьевым примостился внук Витя. Хозяйка дома, Мария Тихоновна, хоккея не любила и возилась на кухне, готовя ужин. Зато пришла Анна Павловна, потому что в одной из команд играл Володя, а у Воробьевых экран телевизора был значительно больше, чем у нее.

Валентин Петрович находился в приподнятом настроении. Коля удачно ограбил Аню, и Валентин Петрович был уверен, что теперь Мячикова не сошлют в пенсионеры.

Перед началом игры долго показывали по телевизору зрителям. Валентин Петрович высматривал среди них дочь, которая пошла на стадион смотреть Володину игру.

К концу первого периода команда, где играл Володя, вела со счетом 2:1. Первый гол забили с подачи Володи, а второй он забил сам, обведя двух защитников и влетев в ворота противника вместе с шайбой.

Валентин Петрович ликовал. Он знал Володю с детства, любил его и втайне хотел, чтобы Люся вышла за него замуж. Анна Павловна откровенно гордилась сыном, и Витя кричал изо всех сил:

— Вовка, воткни им еще одну!

Несчастье случилось на последней минуте первого периода. Защитник вражеской команды, желая остановить Володю, который опять рвался к воротам, зацепил его клюшкой за ногу. Володя с размаху упал и остался лежать на льду. Матч был остановлен. На экране крупно показали Володю с искаженным от боли лицом. Над ним столпилась игроки и судьи.

Анна Павловна заплакала и прижала руки к лицу. Воробьев возмущенно ругался. Витя притих.

Вопреки традициям телевидения, где никогда не показывают неприятного, на этот раз камера не отрывалась от Володи. Наверное, режиссер передачи надеялся, что Володя сейчас встанет, но тот продолжал лежать.

— Володя, что с тобой?! — страдальчески вскричала Анна Павловна, не в силах оторвать глаз от экрана.

Володя не отвечал.

Телевизионная камера резко повернула в сторону, и все, кто смотрел передачу, увидели Люсю, которая пробралась к барьеру, отделявшему зал от ледяного поля. Увернувшись от милиционера, Люся перемахнула через борт и заскользила к Володе. Трибуны пришли в восторг.

На поле с носилками выбежали санитары. Они уложили на них Володю и понесли. Люся шла рядом, держа Володю за руку. Люся наконец поняла, что нет на земле человека, который был бы ей дороже, чем этот хоккеист. А его лицо, несмотря на боль, сияло счастьем.

Защитник, сломавший Володе ногу, был, разумеется, строго наказан: его удалили с поля на две минуты.

После этого матч возобновился.

Анна Павловна не могла больше оставаться у телевизора. Она выбежала из квартиры и, плача, кинулась искать такси, чтобы поскорее добраться до стадиона.

Несчастливая ночь, которую Анна Павловна и Люся провели в больнице, где чинили ногу Володе, а Николай Сергеевич мерз в подворотне, дожидаясь громилы, тянулась долго-долго. Наконец бледный луч рассвета нехотя сполз с неба и осветил захудалую фигуру Мячикова. Николай Сергеевич понял, что дальше ждать бессмысленно, и не солоно хлебавши покинул боевой пост.

Глава восемнадцатая

— Он бежал вот от тех сараев и юркнул в этот подъезд! — Анна Павловна показывала Федяеву и Мячикову маршрут, по которому вор лихо ушел от автомобильной погони.

— Понятно! — Николай Сергеевич кивнул с таким серьезным видом, будто ему сообщили что-то новое и важное. — Я думаю, можно приступить!

— Это бессмысленно! — усмехнулся прокурор. — Я приехал сюда только из уважения к вашему легендарному прошлому.

— Поверьте нюху старого волка! — настаивал Мячиков. — Он спрятал деньги где-то здесь, когда спасался бегством.

Федяев насмешливо поглядел на Николая Сергеевича:

— Вы полагаете, жулику было тяжело тащить мешок?

— Они часто так поступают, — развивал свою версию Николай Сергеевич. — Мешок — это улика. Лучше его припрятать, а потом прийти за ним!

— Но у преступника было достаточно времени, чтобы возвратиться и забрать спрятанное! — разумно заметил Федор Федорович.

Мячиков вздохнул:

— Да, шансов на успех у нас немного, но тем не менее...

Детективы в содружестве с потерпевшей Анной Павловой приступили к поискам. Они обшарили обе лестничные клетки, где метался жулик, а вернувшись во двор, принялись совать руки в жерла водосточных труб. Усердствовали, собственно говоря, двое — Мячиков и Анна Павловна. Федяев со скептическим видом сопровождал энтузиастов и давал шуточные советы.

Когда Николай Сергеевич запустил руку в очередную трубу, лицо его исказилось от волнения:

— Здесь что-то есть!

— Что там может быть? — спросил прокурор, которому надоела вся эта возня.

Николай Сергеевич поднатужился и извлек из водосточной трубы пыльный, испачканный в ржавчине инкассаторский мешок.

Федяев не верил глазам, а Анна Павловна прошптала:

— Ура!

— Николай Сергеевич! Вы утерли мне нос! — озадаченно сказал Федяев.

— Подождите меня хвалить, — персбил Мячиков, — пломба сорвана, может быть, мешок пуст?

Федяев вырвал у следователя мешок, полез рукой внутрь и нащупал деньги. Инкассатор с профессиональной быстротой пересчитала купюры. Их оказалось одна тысяча пятьсот семьдесят два рубля и еще шестнадцать копеек.

— Но украли две тысячи триста семьдесят два рубля шестнадцать копеек! — опешила Анна Павловна. — Куда девались восемьсот рублей?

— Очень просто! — скромно сказал великий сыщик. — Преступник на бегу сорвал пломбу, вытащил из мешка пачку денег, переложил в карман, а остальные спрятал на потом!

— Что за ерунду вы несете? — не выдержала Анна Павловна.

— По-вашему, я присвоил себе эти восемьсот рублей! — вспыхнул Мячиков, и Федяев воззрился на него с удивлением.

— Этого я не говорила. Но вы мне объясните, куда они подевались? — продолжала негодовать Анна Павловна.

— Наверное, преступник их истратил, — высказал справедливое предположение прокурор.

— То есть, как это — истратил? — Анна Павловна была вне себя. — На что он их истратил и по какому праву?

— Я их не тратил! — оправдываясь, Мячиков забыл, что выдает себя.

Анна Павловна смерила его презрительным взглядом:

— Я была о вас другого мнения. Я думала, что вы... А вы!.. — И она пошла к воротам.

— Куда вы, товарищ Суздалева? — закричал ей вслед прокурор. — Вы должны подписать протокол.

— Я не желаю участвовать в этом грязном деле! — не оборачиваясь, ответила Анна Павловна.

Николай Сергеевич бросился вдогонку, чтобы все объяснить. Он настиг ее, когда она уже вышла на улицу и подходила к троллейбусной остановке.

— Анна Павловна... — начал было Мячиков, но она тут же прервала его:

— Я не могу теперь смотреть в глаза людям. Как вам только не совестно! Я не желаю вас видеть! Никогда! — И Анна Павловна вскочила в троллейбус.

Оплеванный ухажер вернулся к своему начальству.

— Вздорная баба! — пожал плечами Федяев.

— Не смейте ее обижать! — заступился за Анну Павловну Мячиков. — Вы не знаете, какая это необыкновенная женщина! — При этом он побагровел, прерывисто задыхался, а правый глаз у него задергался.

Испугавшись, что Мячикова хватит удар, Федяев поспешно перевел разговор на профессиональную тему:

— А преступника вы еще не нашли?

Этот вопрос мгновенно превратил Мячикова из рыцаря-заступника в служащего.

— Иду по следу... — бесперспективно проямлил он.

Составив протокол об обнаружении денег в трубе, детективы уехали. Сразу после их отъезда разыгрались события, не предусмотренные следственными органами. Воодушевленные находкой сыщиков, пионеры и пенсионеры, которые присутствовали при подписании протокола, переломали в округе все водосточные трубы. Но не нашли ни копейки...

Николай Сергеевич возвращался домой в смятенном состоянии. Он думал о разрыве с Анной Павловной, о том, что она его никогда не поймет. А не понять — значит не простить!

Перед домом Мячикова разгуливал Валентин Петрович. Еще издали увидев его могучую фигуру, Мячиков отвлекся от невеселых мыслей, обрадовался и ускорил шаг:

— Как я счастлив, Валя, что ты выздоровел!

— А что же ты ко мне не заходил? — спросил Валентин Петрович. — Прятался от меня?

— Зачем мне от тебя прятаться? — Мячиков насто-
рожился.

Воробьев шагнул к подъезду:

— Поднимемся к тебе, надо поговорить!

— Лучше погуляем! Смотри, какая славная погода, солнышко светит! — Голос Мячикова прозвучал фальшиво, но Воробьев этого не заметил.

— Я не возражаю. — Валентин Петрович взял друга под руку, и они медленно пошли по улице. — Учти, я уже обо всем догадался!

— О чем? — соорил невинное лицо Николай Сергеевич.

— Ты ведь внес только полторы тысячи?

— Откуда ты знаешь?

— Аня сообщила.

— Она подумала, что я присвоил эти восемьсот рублей! — Мячиков остановился и с тоской заглянул Воробьеву в глаза.

— Мы ее разубедим, — отмахнулся Валентин Петрович, который был далек от лирики. — Я сопоставил факты: ты просил Аню дать показания, что ее ограбил высокий мужчина. Потом ты, оказывается, одолжил у Ани инкассаторский мешок... — Валентин Петрович выдержал долгую паузу. — Теперь я тебе опишу, как было

дело. Ты перекладывал деньги из мешка в карман или в портфель, точно я не знаю. Ты был неосторожен и занимался этим на улице. Ты успел переложить полторы тысячи, когда к тебе подошел высокий мужчина и спросил: «Закурить не найдется?!»

— Я некурящий! — как автомат, отозвался Мячиков.

— Ах, ты еще и некурящий! — сказал уголовник и отнял у тебя мешок, в котором оставалось восемьсот рублей.— Воробьев гордился своей пронизательностью.— Что ты можешь сказать в свое оправдание?

— Ничего! — безропотно сказал Мячиков.

Закрапал дождь.

— Пошли к тебе! — скомандовал Воробьев, но Мячиков был негостеприимен:

— Лучше постоим где-нибудь под навесом! Свежий воздух, теплый дождь. Это нам полезно!

Они укрылись под козырьком, который нависал над витриной книжного магазина. Валентин Петрович полез во внутренний карман, достал из него пакет и протянул Мячикову.

— Что это такое? — Мячиков на всякий случай отодвинулся.

— Восемьсот рублей! — лаконично объяснил друг.

— Я не возьму! — заупрямился Николай Сергеевич.

Воробьев повысил голос:

— Ты хочешь, чтобы мы с тобой стали нечестными людьми? В старости угрызения совести мучают даже негодяев. Они совершают добрые поступки, как бы замаливая грехи. А мы с тобой жили честно, и давай померем тоже честно.

— Ты даже не представляешь, как я с тобой согласен. Все это меня терзает, мучает. Я ночей не сплю!

— Бери деньги, Коля!

— Я не могу их взять! Что я скажу Федяеву? Где я их нашел?

— Ты опять подложишь их в водосточную трубу, — невозмутимо предложил Воробьев.

— Но это же курам на смех! — воскликнул Мячиков. Но Валентина Петровича ничто не могло поколебать:

— Ничего, выкрутишься!

— Но это, наверное, все твои сбережения?

— Не твое дело! — грубо ответил Валентин Петрович. — Бери!

И Мячиков взял.

Дождь усилился.

— Пойдем домой, холодно! — сказал Воробьев.

— Я очень люблю дождь! — упирался Мячиков. — Особенно когда проливной!

— Я боюсь простудиться. Я только что встал после болезни! — напомнил Валентин Петрович.

Подумав, что он подвергает друга опасности, Мячиков обреченно согласился:

— Пошли!

Когда промокшие старики добрались до квартиры Николая Сергеевича, он постоял у двери, явно колеб-

лясь, потом вставил ключ в замок, впустил Валентина Петровича в дом, а сам задержался при входе.

Воробьев сделал несколько шагов и замер.

Комната была пуста. В ней не было мебели, люстры, ковра, телевизора. К стене одиноко жалась раскладушка, накрытая одеялом.

Мячиков остался в прихожей, не решаясь переступить порог и боясь встретиться взглядом с Валентином Петровичем.

— Теперь я понял все! — дрогнувшим голосом сказал Воробьев. — Ты поступил, как настоящий мужчина!

Глава девятнадцатая

Восемьсот рублей, подаренные Воробьевым, жгли душу Николая Сергеевича. И он решил предпринять еще одну попытку, чтобы схватить грабителя. Мячиков проанализировал свои поступки и понял, в чем заключалась его ошибка. Когда он второй раз пришел на ночное дежурство в злополучную подворотню, то в руках следователя был туго набитый инкассаторский мешок. Сначала Мячиков хотел положить в мешок восемьсот рублей, тогда бы все было по правде, но потом отказался от этой идеи и набил мешок бумагой. Николай Сергеевич решил изобразить из себя приманку, надеясь, что грабитель, может быть, клюнет еще раз.

Всю ночь Николай Сергеевич мерил шагами гулкую подворотню, подводя печальные итоги.

— Кто я? — безжалостно казнил Мячиков самого себя. — Беспомощный, облезлый старик, которому действительно пора на свалку!

Снова хилый луч рассвета сполз с неба, приблизился к Николаю Сергеевичу и, как бы утешая, скользнул по нему. Мячиков понял, что и вторая попытка не удалась. Опустив голову, он покинул подворотню, и в этот момент мимо Мячикова проследовал человек двухметрового роста.

Николай Сергеевич спиной почувствовал врага. Николай Сергеевич повернулся, догнал гиганта, забежал вперед и преградил ему путь:

— Доброе утро! Вот я вас и поймал!

Верзила — а это был тот самый верзила — посмотрел на Мячикова и тоже узнал его:

— В чем дело? Я вас вижу первый раз в жизни!
— Второй! — возразил Мячиков.
— Первый! — уперся верзила.
— Второй!
— Первый!
— Второй! — повторил Мячиков.— Что вы здесь делаете?

— А вам-то что? Может, я в этом доме живу.
— А почему утром возвращаетесь?
— А, может, у меня ночная смена.
— Ну да, в вашей профессии любят ночные смены.

Спросите-ка меня: закурить не найдется?

— Не буду спрашивать! — наотрез отказался верзила.
— Почему?
— Не хочу!
— Почему не хотите?
— Я бросил курить! — нашелся дылда.
— Надоело мне с вами разговаривать по-хорошему!
— рассердился Мячиков, выхватил пистолет и направил его на бандита.— Давайте деньги!

Верзила испуганно вскинул руки вверх и, заикаясь, спросил:

— К-какие деньги?

— Две тысячи триста семьдесят два рубля шестнадцать копеек!

— Таких денег у меня отродясь не было! — с притворным огорчением вздохнул громила.

Случайный прохожий увидел, что в подворотне грабят, и пустился наутек от греха подальше.

Мячиков пошарил по чужим карманам и обнаружил только рубль.

— Где остальные деньги?

— Не знаю, о чем говорите, товарищ грабитель!

— Я тебе не грабитель, я следователь! — И Мячиков предъявил служебное удостоверение.

Утро только начиналось, до девяти часов, когда открывалась прокуратура, была еще уйма времени. Вести верзилу домой Мячикову не хотелось. Сначала они погуляли по городу, посидели в сквере, потом зашли в кафе, и Мячиков за свои деньги накормил верзилу завтраком. Ел верзила много и с аппетитом.

— Вижу вас в первый раз! — говорил верзила, выдирая сосиску из целлофана.

— Во второй! — не соглашался Мячиков.

— Первый!

— Второй!

Так продолжалось до девяти часов, когда Мячиков вместе с задержанным предстали перед Федяевым, у которого на этот раз была забинтована щека.

— Федор Федорович! — гордо заявил следователь.— Я нашел преступника!

— Я не преступник! — возразил гигант.— Он на меня клеветает!

— Значит, этот малый и ограбил Суздалеву? — обрадовался прокурор.— Как вы его сцапали, Николай Сергеевич?

— Кого я ограбил? — искренне изумилась верзила.— Какую еще Суздалеву?

— Федор Федорович,— поспешно заговорил Мячиков,— тут все не так просто. Сейчас вы поймете. Суздалеву он действительно не грабил. Он ограбил меня. Он отнял у меня мешок с деньгами. Только не этот, а другой. Этот мешок набит бумагой.— И Мячиков сначала показал прокурору инкассаторский мешок, который все еще таскал с собой, а потом вытряхнул из него на стол мятую бумагу.

Федяев поглядел на бумагу, затем перевел настороженный взгляд на Николая Сергеевича и робко переспросил:

— Как это у вас отнял? И не этот мешок, а какой? Что-то я не понимаю...

— Этот с бумагой, а тот был с деньгами! — терпеливо пояснил Мячиков.

— А как он к вам попал?

— Очень просто! — наивно продолжал Николай Сергеевич.— Я уверен, что вы уже почти все поняли. Дело в том, что инкассатора ограбил я!

— Он ограбил, а меня таскают! — встрепнулся верзила.

— Как это вы ограбили? — растерялся прокурор.— В своем ли вы уме, Николай Сергеевич? Что за чушь вы несете!

— А грабить, как я убедился на собственном опыте, очень легко! — гнул свою прямую линию Мячиков.— Суздалева выходила из булочной, я вырвал у нее мешок и побежал. В меня стреляли, но не попали, за мной гнались на автомобиле, но догнать не смогли!

— На него это похоже! — неожиданно вставил верзила.— Он и на меня с пистолетом лез!

— Я хотел отнять у него деньги,— не стал отпираться Мячиков,— которые он отнял у меня!

— Что здесь происходит? — изнемогая, спросил Федяев и бережно погладил распухшую щеку.

— Опять бандитская пуля? — сочувственно спросил Мячиков.

— На этот раз — флюс. Зуб болел, а я его все не лечил, и вот...

— Дорогой Федор Федорович! — мягко сказал Мячиков.— Это зубная боль мешает вам понять... Выслушайте внимательно. Вы отправляете меня на пенсию, чтобы устроить на мое место Проскудина. И тогда я граблю инкассатора, чтобы найти похищенные деньги и благодаря своей прекрасной работе остаться на службе. Это же все элементарно. Только вот он,— Мячиков показал на верзилу,— отнял у меня деньги и все испортил!

— Не я у него, а он у меня последний рубль! — возмутился задержанный.

— На тебе твой рубль! — закричал Мячиков.— Ты лучше скажи, куда девал мешок с деньгами?

Верзила взял рубль, спрятал в карман и ехидно спросил:

— А вы что, деньги мешками зарабатываете?

— Пожалейте меня! — взмолился Федяев, а верзила, уловив ситуацию, стукнул кулаком по столу:

— Отпустите меня, наконец!

— Федор Федорович,— запричитал Мячиков,— поймите, я ограбил Анну Павловну, когда она выходила из булочной...

— Пошли вон! Оба! — взревел несчастный прокурор.

— Что вы делаете, Федор Федорович! — ахнул Мячиков.— Вы отпускаете опасного преступника!

— Что тут у вас творится! — загремел верзила.— Сами грабят, а порядочных людей ни за что ни про что хватают на улице!

— Извините, пожалуйста,— сказал Федяев.— С кем не бывает!

— Пораспускались! Я жаловаться буду! — возмущенно крикнул верзила и покинул кабинет прокурора, сдерживаясь, чтобы не побежать.

Николай Сергеевич молчал.

Известно, что доказывать правду труднее, чем ложь. Правда часто выглядит неправдоподобно, тогда как ложь легко маскируется под правду. Правда скромна и не

хвастива, ей достаточно сознания того, что она — правда. Именно поэтому она нередко проигрывает схватку с ложью, которая носит модные одежды, произносит хорошие слова и все время кричит, что именно она — правда!

Оттого, что Мячиков не смог доказать прокурору свою правоту и тот отпустил бандита, Николаю Сергеевичу хотелось лечь и уснуть навсегда, не выходя из кабинета. Николай Сергеевич закрыл глаза и стал ждать конца. Но как-то не умиралось.

Федяев тоже не произносил ни слова. Он жалел Мячикова, который на старости лет свихнулся, а ведь какой был славный человек.

Когда Николай Сергеевич понял, что жизнь еще не кончилась и надо терпеть дальше, он нехотя открыл глаза и полез в карман за деньгами.

— Здесь недостающие восемьсот рублей!

— Я догадываюсь,— грустно улыбнулся Федяев.— Вам очень хочется остаться на работе, и поэтому вы вносите собственные деньги!

— Это не мои, честное слово! — Николай Сергеевич не лгал. Это были деньги Воробьева.

— Хорошо, не ваши... Но все-таки, не сдавайте их в банк!

— Значит, вопрос о моем уходе решен и я зря старался? — Мячиков еще больше постарел, что в его годы сделать было не так-то просто.

Федяев сочувственно кивнул.

— Николай Сергеевич, мне очень не хочется расставаться с вами, но если бы вы были на моем месте, то поступили бы так же.

— Нет, я так бы не поступил! — быстро сказал Мячиков.

— Это вам кажется. Простите меня, Николай Сергеевич!

И тогда Мячиков заговорил, как человек, которому больше нечего терять:

— Вы мне все время не верите, Федор Федорович! А ведь это правда, что я ограбил инкассатора. Но это далеко не все. Грабеж инкассатора — детские игрушки. До этого я украл из музея картину Рембрандта, чтобы самому найти ее и таким образом укрепить свой авторитет следователя. Но в музее даже не заметили пропажи, и мне пришлось повесить картину на место! Я прошу вас завести на меня уголовное дело!

Федяев твердо помнил, что спорить с сумасшедшими бесполезно:

— Дорогой Николай Сергеевич! Украсть картину Рембрандта, а потом еще ограбить инкассатора — работа невероятной сложности. Вы переутомились. Грабежи подорвали ваше здоровье. Вам следует отдохнуть.

— Конечно, — горько усмехнулся Мячиков. — Когда человек говорит правду, ему не верят! Но я стар, и я устал врать! Арестуйте меня!

Федяев не знал, как себя вести:

— Николай Сергеевич, мы достанем вам путевку в хороший санаторий!

Николай Сергеевич сказал с обидой:

— Ничего! Я найду на вас управу!

В это мгновение счастливая мысль осенила Николая Сергеевича, и он, положив восемьсот рублей на прокурорский стол, решительно двинулся к выходу:

— Деньги в банк сдадите сами!

Хлопнув дверью федяевского кабинета, Мячиков величаво миновал приемную, спустился вниз и окликнул дежурного милиционера, который, как обычно, читал Сименона:

— Петя! У тебя ключи от арестантской комнаты?

— У меня.

— Открой мне ее.

В прокуратуре имелась специальная комната, где содержались арестованные, которых привозили на допрос.

Милиционер отпер дверь. Николай Сергеевич вошел, хозяйски огляделся, сел на табуретку и приказал:

— А теперь, Петя, запри меня здесь!

— Зачем? — с любопытством спросил милиционер.

— Я арестован!

— За что это вас? — засмеялся милиционер.

— За грабеж! — кротко признался Мячиков.

— А где постановление об аресте? — продолжая улыбаться, спросил Петя, уверенный, что следователь шутит.

— Сейчас я его выпишу! — Мячиков расстегнул портфель, достал из него бланк и принялся заполнять.

Увидев, что Николай Сергеевич на самом деле вписывает в бланк свою фамилию, милиционер перепугался и побежал за Федяевым. Петя влетел к нему в кабинет и с порога отрапортовал:

— Разрешите доложить, товарищ прокурор! Следователь Мячиков арестовал сам себя!

Глава двадцатая

— Завизируйте, пожалуйста! — Мячиков протянул Федору Федоровичу заполненный бланк.

Федяев стоял в дверях арестантской, с ужасом глядя на узника-добровольца.

— Не смотрите на меня так, — добродушно продолжал Николай Сергеевич, — я абсолютно нормален. Я более нормален, чем когда бы то ни было!

— Выйдите отсюда! Вы злоупотребляете служебным положением! — Федяев не знал, как образумить старика.

— Я не выйду отсюда до суда! — мягко сказал Николай Сергеевич.

Прокурор зашел в арестантскую и потянул Мячикова за рукав, намереваясь вытащить упрямца силой.

— Рукоприкладство запрещено законом! — язвительно напомнил следователь, изо всех сил держась за спинку стула.

— Хорошо! — Федор Федорович махнул рукой. — Тогда сидите здесь сколько влезет! Только вы, Пестя, не вздумайте его запирать!

— Испугали! — улыбнулся Мячиков. — Я могу сидеть и незапертым!

Так он и сидел в арестантской комнате. Дверь была не заперта, стражу не поставили, голову наголо не брили, тюремной одежды не выдали... Мячикову не нравилось, как он сидел!

Слух о небывалом происшествии мгновенно облетел всю прокуратуру. Время от времени в арестантскую заглядывали сотрудники и спрашивали у Мячикова, кто сочувственно, а кто насмешливо:

— Сидите, Николай Сергеевич?

— Сижу себе потихоньку! — отвечал Мячиков.

Наконец появился судебный психиатр.

— Вас я давно жду, Петр Ефимович! — приветливо встретил его заключенный.

Доктор дотошно осмотрел Николая Сергеевича и, к собственному удивлению, установил, что никаких отклонений от нормы в сторону сумасшествия у пациента нет!

Наступило обеденное время.

При виде сослуживцев, которые резво устремились в буфет, Николай Сергеевич почувствовал острый приступ голода. Сидеть-то он хотел, но объявлять голодовку не собирался.

Мячиков выглянул в коридор и позвал дежурного милиционера:

— Почему мне не несут обед?

— На вас у меня нет талонов! — ответил Петя.

— Но я хочу есть!

— Пойдите пообедайте, кто вам мешает? — посоветовал Петя.

Но Николай Сергеевич опасался, что если он покинет место предварительного заключения, то Петя воспользуется этим, запрет комнату и больше Мячикова в нес не впустит.

— Петя! — еще раз позвал Николай Сергеевич.— Если тебя не затруднит...

Когда милиционер подошел, Мячиков протянул ему рубль:

— Принеси мне, пожалуйста, обед! Только скажи им, что для меня. Тогда они мясо дадут без подливки.

— А компот брать? — мрачно спросил милиционер.

— Лучше кисель! — сказал арестант и добавил: — Учти, Петя, что я плачу за обед в первый и последний раз. В тюрьме всегда сидят бесплатно!..

Петя выполнил ответственное поручение, принес арестанту заказанный обед, и Мячиков с аппетитом принялся за еду.

Петя вздохнул и направился к своему рабочему месту, читать Сименона. По пути милиционера окликнул Воробьев:

— Где Мячиков?

— За решеткой,— показал Петя.— Обедает!

Услышав голос друга, Николай Сергеевич поспешно прикрыл дверь и запер ее изнутри на крючок.

Воробьев подбежал к двери арестантской комнаты и, как и предполагал Мячиков, с силой подергал ее. Но крючок держал крепко, и дверь не поддавалась.

— Что ты здесь делаешь, Коля? — страдальчески крикнул Валентин Петрович и ухватился руками за решетку окна.

— Сижу за решеткой в темнице сырой! — попытался шутить Мячиков. Он уже справился с мясом и теперь приступал к киселю, сваренному из вишневого порошка.— Кто тебя вызвал на подмогу? Федяев?

— Зачем ты так поступил? — продолжал Воробьев.

— Помнишь, ты сам учил меня говорить только правду?

— Но всему есть предел!

— Для правды нет предела! — убежденно произнес Николай Сергеевич. — Я хочу остаться честным человеком. Я пошел преступным путем и должен понести наказание. Петя! — крикнул Мячиков, выглядывая в коридор. — Забери, пожалуйста, посуду.

— Но мы не сделали ничего плохого! — сказал Воробьев.

— Это тебе только кажется.

Сквозь прутья решетки Мячиков просунул грязные тарелки. Но для стакана отверстие было слишком узким. Открыть дверь при Воробьеве Мячиков не решился. — Ладно, пусть стакан останется... — сказал он.

— Ну, вот что, — решительно произнес Валентин Петрович после ухода Пети, —пусти меня! Я останусь с тобой и разделю твою участь. Это будет справедливо.

— Нет, Валя, — в голосе Мячикова появилась непреклонность, — я этого тебе не позволю. У тебя семья. Иди, я посижу один! — Голос Мячикова дрогнул. — Передай привет Анс. Пусть она на меня не сердится!

— Зачем ты приносишь себя в жертву? — в отчаянии вскричал Воробьев. — Все равно се никто не оценит.

— Я это делаю не для других, а для себя.

Воробьев понял, что уломать друга ему не удастся, и медленно двинулся к выходу.

Мячиков грустно смотрел ему вслед.

После ухода друга Мячикова посетило видение.

В нашей истории у Николая Сергеевича Мячикова были один кошмар, один несбыточный сон, одна галлюцинация и, наконец-то...

ВИДЕНИЕ

Мячикову привиделось, что его судят.

Суд происходил в музее западной живописи, в рембрандтовском зале. Мячиков поднял глаза и мысленно поздоровался с молодым человеком, изображенным на портрете. Молодой человек ему ответил, тоже мысленно.

— Продолжайте заседание суда! — сказал судья.

В качестве свидетеля судья вызвал смотрительницу музея. Она пылала негодованием:

— Подсудимый все выдумывает! Украсть картину из нашего музея невозможно. К каждой картине подведена

сигнализация, в залах дежурят опытные смотрители. А то, что якобы можно снять картину Рембрандта и унести... Понимаете, унести самого Рембрандта, чтобы это никто не заметил,— наглая клевета на наш музей.

Мячикову показалось, что молодой человек усмехнулся.

«Наверное,— подумал Мячиков,— он вспомнил диван в моей комнате и слесаря, который смотрел хоккей».

А судья вызвал Федяева. Федор Федорович передвигался на костылях и был забинтован весь с головы до ног.

— Сама мысль о том, что следователь может украсть, кощунственна,— говорил Федяев.— Следователи не крадут, а наоборот...

Защитив честь мундира, прокурор обратился непосредственно к подсудимому:

— Дорогой Николай Сергеевич! Вы мастерски провели дело о грабеже инкассатора! Зачем вам уходить на пенсию, вы ведь хотите остаться с нами?

— Хочу, но недостойн! — ответил нарушитель закона, который был принципиальным человеком.

— Ты достоин, Коля! — кричал из зала Воробьев.

— Вы достойны, Николай Сергеевич! — кричала из зала Анна Павловна.

— А почему вы такой перевязанный? — неожиданно спросил Мячиков.

— Бандитские пули,— ответил Федяев,— изрешетили меня всего! Я весь в дырках! Граждане судьи! — обратился он к суду.— Обвинение настаивает, что подсудимый никаких уголовно наказуемых деяний не совершал!

— Нет, совершал! — крикнул подсудимый.

— Он не совершал! — кинулся к судейскому столу верзила.— Это я отнял мешок! А он меня кормил сосисками!

— Подсудимый — честный человек! — теперь перед судейским столом предстала Анна Павловна.— Он почти святой! Николай Сергеевич,— повернулась к нему Анна Павловна,— простите меня, что я посмела подумать о вас скверно. Я прошу вас на мне жениться!

Николай Сергеевич встал и торжественно провозгласил:

— Я согласен!

Неожиданный перелом в ход событий внес Валентин Петрович:

— Все, что рассказывал подсудимый,— правда! Только делал это не он, а я! Я стащил картину Рембрандта, и я ограбил инкассатора!

После этого Воробьев сел на скамью подсудимых и грубо сказал Николаю Сергеевичу:

— Уходи отсюда! Ты здесь лишний! Тебе пора на собственную свадьбу!

— Караул! — воскликнул судья.

Но Мячиков не хотел уступать. Старики пыхтели, сталкивая друг друга со скамейки. Воробьев уже оттеснил противника к самому краю.

— Товарищ Воробьев! — вмешался судья. — Займите свое место в зале.

— А вы мной не командуйте! — сердито сказал Воробьев. — Вы меня судите!

— Не его, а меня! — запротестовал Мячиков, цепляясь за барьер, чтобы не упасть на пол, так как Воробьев продолжал толкаться. — Дайте мне, наконец, последнее слово!

— Делайте что хотите! — устало сказал судья.

— Граждане судьи! — Мячиков встал, а Воробьев, вольготно рассевшись на скамье подсудимых, милостиво добавил:

— Ладно, говори от нашего общего имени!

— Граждане судьи! — повторил Мячиков. — Старость — не радость. Человек в душе все равно остается молодым. Только, кроме него, этого никто не замечает. И нельзя, несправедливо списывать человека потому, что он стар годами.

Мячиков опять поглядел на молодого человека. И показалось Мячикову, что тот с ним согласен.

Тут видение кончилось, потому что к комнате, где отсиживался Мячиков, подошел милиционер Петя и спросил:

— Николай Сергеевич, уже поздно. Вы здесь ночевать будете или домой пойдете?

Мячиков вернулся к действительности. Он встал и оглядел камеру. Здесь было неуютно и тоскливо.

Мячиков думал о том, что все равно ему не добиться справедливости, что все равно его не осудят, а выпихнут на пенсию. Он грустно вздохнул, откинул дверной крючок и вышел из арестантской.

Когда Мячиков покинул прокуратуру и очутился на улице, то увидел, что Воробьев не ушел домой, а терпеливо ждет друга, устало привалившись к спинке садовой скамейки. Рядом с Воробьевым пригорюнилась Анна Павловна.

У Николая Сергеевича защемило сердце.

Воробьев ничего не сказал, лишь улыбнулся — застенчиво и нежно. А взгляд Анны Павловны светился в темноте, излучая любовь и раскаяние.

Мячиков тоже заулыбался, растерянно и виновато. Он переводил взгляд с любимого друга на любимую женщину и с любимой женщины на любимого друга.

Воробьев и Анна Павловна поднялись со скамейки. Все трое пересекли улицу, свернули на темный, едва освещенный бульвар, медленно пошли по нему и скрылись вдаль, уйдя из повести навсегда.

1970 г.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

- Сидорин** — председатель правления. Главный ветеринар Института по охране животных от окружающей среды. Кроме того, он преуспевает в частной практике. Сидорин активно обаятелен, любит быть в центре внимания, уверен в своей неотразимости, краснбай, хвастун и позер.
- Аникеева** — заместитель председателя. Тот заместитель, который на самом деле главнее председателя. И не только потому, что руководит научной деятельностью института, но и потому, что по характеру Аникеева — фельдфебель. Одета строго. Губы не красит, ресницы не мажет, глаза не подводит. При всех этих мужских качествах у Аникеевой есть муж, дети и внуки.
- Секретарь правления** — подходит правлению тем, что умест не выносить сор из избы.
- Малаева** — внешность у нее неказистая, но на ее бледном личике сияют огромные мятежные глазщицы, в которых есть свет, смелость и притягательность.
- Смирновский** — ему, увы, уже за пятьдесят, но, ура, еще нет шестидесяти. Он умен, насмешлив, иногда циничен, но всегда осторожен. К тому же он член-корреспондент Академии наук.
- Марина** — дочь Смирновского. Молода и привлекательна. От нее недавно ушел муж. Ушел потому, что полюбил другую, несмотря на то, что у нее нет папы-академика. В то, что творится на душе у Марины, она не разрешает заглянуть никому.
- Паташа** — симпатичная и умничка. Как и все аспирантки Смирновского, влюблена в своего учителя. Но с большим успехом, чем остальные.
- Жена Гуськова** — растрепанное, милое существо — доброе, ласковое, бесхарактерное, безвредное и безопасное.
- Хвостов** — лысоватый мужчина, который в настоящий момент потерял дар речи, то есть немой.
- Фетисов** — человек простой, говорит без подтекста. У него золотые руки.
- Карпухин** — верный клевет правления. Человек решительный, правильный, умеет проложить себе дорогу. В общем, знает, как надо жить.
- Якубов** — ему за шестьдесят. У него сморщенное, умное и печальное лицо, на котором написано, что многое уже выстрадано за долгую и пеструю жизнь.

- Тромбонист** — это не какой-нибудь заурядный лабух, из тех, что вечерами трубят в ресторанах. Наш музыкант — дипломант Всесоюзного конкурса, солист Самого Что Ни На Есть Большого симфонического оркестра. Вместе с коллегами по оркестру он будил звуками тромбона слушателей всех континентов.
- Сын Милосердова** — молод и дьявольски хорош собой. Помимо открытого лица и дорогой заграничной одежды, обладает неприужденностью и уверенностью, что именно он хозяин жизни.
- Кушакова** — большеглазая, большеротая, большеногая (нет, это неграмотно, правильно — длинноногая) женщина тридцати пяти лет, стильно обернутая в джинсовую материю.
- Толстый пайщик** — личность загадочная. Проспал все собрание.
- Муж Аникеевой** — нежно любит жену и восхищается ею.
- Жених** — очень хочет жениться и вовсе не хочет вместо этого находиться на собрании.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Общее собрание пайщиков гаражно-строительного кооператива происходит в зоологическом музее. Здесь, в музее, принадлежащем Всесоюзному научно-исследовательскому институту охраны животных от окружающей среды, разнообразные пыльные чучела млекопитающих, птиц и пресмыкающихся выгодно оживляют унылую атмосферу собрания.

Вперемежку с мертвыми волками, черепаками и горными орлами понуро сидят пока еще живые члены кооператива.

За столом президиума — товарищ Сидорин — председатель правления, который произносит сейчас отчетный доклад, товарищ Анисеева — его заместитель, и Секретарь правления.

Сидорин (*монотонно*). А потом мы вылетели из титула третьего квартала. Детский сад номер восемь, видите ли, написал письмо, чтобы мы не строили гараж рядом с детьми... Пришла комиссия... Возникли непредвиденные расходы в виде угощения, сами понимаете, их отменить нельзя. Дальше... Жильцы соседнего дома ночью засадили строительный участок саженцами быстрорастущих деревьев, а сами тем временем накатали телегу в исполком, что мы уничтожаем зеленую зону... Слава богу, одиннадцать деревьев не привились... Ну, опять пришла комиссия, но мы были соответственно подготовлены и три дерева, которые пустили побеги, предварительно обработали мазутом... пришлось уплатить штраф за три погибших деревья, но участок удалось отстоять... Большую помощь оказал нам лично товарищ Милосердов... Таким образом, мы снова попали в план сдачи объекта этим годом. Это значит, что гараж будет закончен, в лучшем случае, во втором квартале будущего года, но мы обещали строительному тресту подписать акт о приемке строительства этим годом... тогда они получают прогрессивку, но это их дела. Было совершено два поджога. Первый раз сгорела сторожка с рабочими инструментами и спецовками. Во время второго поджога, когда запылали деревянные секции забора, нашим дежурным активистам удалось поймать поджигательницу... ею оказалась многодетная мать, которую, конечно, пришлось отпустить. Товарищи! Во время строительных работ был, совершенно случайно, поврежден телефонный кабель... Жильцы соседних домов, оставшиеся без телефонной связи... пытались разгромить строительство и нанести физические увечья некоторым членам правления... Опять возникли непредвиденные расходы... Но мы решили оплатить стоимость пальто...

Малаева (*появляясь в зале*). Здравствуйте!.. (*Проходя к свободному месту, раскланивается с сослуживцами.*)

Сидорин. ...одного из членов правления, уничтоженного во время установления контактов с обестелефоненными жильцами... Я имею в виду пальто, а не члена правления... В настоящее время кабель восстановлен, строители взяли на себя повышенные обязательства, но на прошлой неделе бригада опять на стройку не вышла... ее временно перебросили на аварийный объект. Но вчера, товарищи, четырех рабочих нам вернули. Так что дела идут неплохо...

Аникеева (*поднимается со стула*). Ну, товарищи, кто за то...

Пайщики дружно и привычно вскидывают руки, не дожидаясь конца фразы.

...За что? (*Смеется.*) Кто за то, чтобы признать работу правления гаражно-строительного кооператива «Фауна» — удовлетворительной?

Фетисов (*с энтузиазмом*). Почему удовлетворительной? Признать работу хорошей!

Тромбонист. Верно!.. Славно потрудились! Можно и хорошей!

Карпухин (*одобрительно*). Большие молодцы!

Жених (*надевает пальто*). Признать прекрасной и пойти домой...

Аникеева. Товарищи, у нас не может быть хорошей работы. Бывает удовлетворительная и неудовлетворительная. Кто за то, чтобы признать удовлетворительной?!

Пайщики дружно голосуют.

Сидорин. Так, принято единодушно! Благодарю вас всех от имени правления.

Жена Гуськова. Можно идти? Можно?

Пайщики один за другим поднимаются со своих мест.

Сидорин. Но, товарищи, собрание еще не окончено... Слово имеет наш секретарь, Алла Петровна.

Секретарь. Прошу сесть, товарищи. Правление просит заслушать доклад по хозяйственно-финансовой деятельности правления гаражно-строительного кооператива «Фауна» за истекший год.

В зал входит Наташа.

В прошедшем году был проделан...

Марина и Смирновский замечают Наташу.

...определенный цикл строительных работ в объеме, предусмотренном сметой строительно-эксплуатационных расходов, утвержденной...

Марина (*Смирновскому*). Твоя прискакала, папочка, совсем обнаглела. Уже на собрания является....

Наташа проходит через зал. Подходит к Смирновскому и Марине.

Наташа (*тихо*). Добрый вечер, Павел Константинович! Ну сколько можно заседать?

Смирновский (*смущенно*). Вы зачем пришли?

Наташа (*конспиративно*). Есть срочное дело. Зайдём за белого медведя!

Секретарь. Машинисту крана была выплачена премия, которая проведена строго по смете, как оплата дневного сторожа. Дневной сторож был оплачен строго по смете, как укладка асфальта. А работы по... укладке асфальта были оплачены строго по смете, как работы по озеленению.

Смирновский (*Наташе. Они уже спрятались за белым медведем*). Ты ставишь меня в неловкое положение.

Наташа. О твоей больной печени знает весь институт, от вахтера до директора! Ешь! (*Заставляет есть творог, который принесла с собой*).

Смирновский. Я сейчас говорю не о моей больной печени...

Наташа. А о чем?

Смирновский. Ты прекрасно знаешь, о чем.

Наташа. Не понимаю.

Смирновский. Здесь столько людей и все все видят!

Наташа (*притворяясь наивной*). Что видят? (*Кормит Смирновского*).

Смирновский (*нежно*). Наташка, не балуйся!

Наташа. О наших отношениях знает весь институт. Я должна бояться за свою репутацию, я женщина... Ну, а ты-то чего дрожишь? Ты человек холостой, свободный.

Секретарь. Все расходы производились согласно смете, но, товарищи, имеется перерасход... Например, шпаклевка, в сумме 56 рублей, которая на нас висит. 56 рублей — это, конечно, мелочь, но она висит, товарищи. Согласно решению общего собрания, прошлый раз мы собрали по 30 рублей на административные расходы.

Толстый пайщик. В «черную» кассу, что ли?

Секретарь. ...Давайте не будем это называть «черная касса», это вполне чистая касса. Мы можем отчитаться в каждой копейке. Более того. Расходы по непредвиденному угощению составили 553 рубля, что превышает сумму, которую мы собрали в прошлый раз, а расходы на транспорт...

Малаева. Кошмар какой-то... Когда это кончится? Мой бандит один дома заперт.

Якубов. А сколько ему лет?

Малаева. Да семь уже.

Якубов. Пока мы отсюда выберемся, ему стукнет все восемь, а то и десять. Не боитесь одного оставлять?

Малаева. Он привык быть дома один... Совершенно самостоятельный мужчина. И потом, я успела заехать покормить его. (*Улыбается*.)

Секретарь. Правление просит утвердить отчет по хозяйственно-финансовой части.

Аникеева. Кто «за», товарищи, прошу голосовать!..

Пайщики опять дружно проголосовали.

...Все прекрасно, спасибо.

Сидорин (*встает за столом президиума*). И еще один маленький, но довольно-таки большой вопрос.

Марина (*со вздохом*). Жизнь состоит из одних вопросов... А хочется, чтобы она состояла из одних ответов.

Сын Милосердова (*он сидит рядом с Мариной*). Разумеется, положительных?..

Марина (*иронически*). Да! Но не от вас!

Сын Милосердова (*якобы сокрушенно*). Так!.. Для начала получил отрицательный ответ....

Жена Гуськова. Представляете, я достала курицу, живого карпа и ветчину.

Сидорин. Я понимаю, что курица — это очень важно, но я прошу тишины.

Жена Гуськова (*убирает курицу в авоську*). Извините... Но все-таки...

Сидорин. Товарищи, это вопрос очень деликатный... Где-то огорчительный...

Наташа и Смирновский возвращаются из-за белого медведя, садятся на свои места.

Меня лично это просто убивает.

Толстый пайщик прислоняется к бегемоту, закрывает глаза.

Сидорин (*медоточиво*). Как вы знаете, родные мои, у нас по проекту тридцать три бокса, поэтому у нас тридцать два пайщика. Один гараж предназначен для ремонта. Так вот... Несколько дней назад утвердили генеральный план реконструкции нашего района. Впрыток к площадке, на которой возводится гараж, пройдет скоростная транспортная магистраль... Она, к сожалению, задевает часть нашего участка. (*Со вздохом*.) Поэтому нам уменьшили гараж на пять боксов...

Карпухин (*озадаченно*). ... Магистраль нельзя отодвинуть?

Сидорин (*развел руками*). Товарищи!.. Мы пытались убедить районные организации не трогать наш участок... Но вы сами понимаете, это магистраль, она прямая, она нужна всему городу, и нам объяснили: единственный выход — это... сократить число пайщиков на пять человек.

Смирновский (*дочери и Наташе, тихо*). Сейчас начнется бог знает что.

Сидорин. Мы сразу собрали экстренное заседание правления. Первое, что мы решили, это отказаться от ремонтного бокса.

Аникеева (*елейно*). Для нас главное люди, а не машины, естественно.

Сидорин. И поэтому нам придется сократить только четырех... человек, а не пять.

Фетисов. Ну что ж, четыре — это лучше, чем пять, но хуже, чем три. (*Смеется.*)

Аникеева. Фетисов!..

Толстый пайщик (*перед тем как заснуть*). Что за смех такой! Мешаете!

Сидорин. Товарищи, мы тщательно взвешивали каждую кандидатуру. Мы принимали во внимание все. ...Кто, когда вносил деньги. Оказывал помощь строительству. Ездил хлопотать в различные инстанции, участвовал в субботниках, сторожил по ночам... Сейчас я... зачитаю список лиц, которых мы предлагаем исключить... то есть вывести.

Аникеева (*вносит ясность*). Ну что там миндальничать, ведь дело есть дело — исключить, к сожалению.

Сидорин (*с притворным энтузиазмом*). И тут же внести в новый список, в наш резерв. Мы будем добиваться второй очереди... Извините, жизнь есть жизнь, кто-то может умереть...

Марина (*к отцу*). Так, сейчас меня вышибут, на одну семью два гаража...

Наташа. На Павла Константиновича никто не посмеет замахнуться.

Марина (*Наташе*). Тебя не спрашивают. (*Снова отцу.*) Но его дочери могут запросто дать под зад коленом. Пап, как ты считаешь, могут?

Смирновский. Я считаю, что ты разговариваешь как пьяный дворник.

Марина. Папочка, ныне все так разговаривают. Даже твоя подружка.

Наташа (*виновато*). Иногда приходится употреблять сильные слова, иначе не поймут.

Сидорин. Итак, зачитываю список с болью в сердце.

Аникеева. Зачитывайте!

Сидорин (*как бы не решаясь*). С болью в сердце зачитываю список...

Аникеева (*жестко*). Зачитывайте.

Жених. Зачитывайте, в конце концов!

Сидорин. Хвостов Семен Александрович.

Все пайщики, как по команде, оборачиваются и смотрят на Хвостова.

Мы все боролись за товарища Хвостова, пытались его защитить, отстоять, мы сделали все, все возможное...

Аникеева. Но есть пределы и нашим возможностям, товарищи!

Хвостов, озираясь, растерянно встает.

Сидорин. Номер второй, Гуськов Евгений Иванович.

Теперь все смотрят на жену Гуськова.

Мы относимся к товарищу Гуськову с большой симпатией...

Жена Гуськова (*кричит дурным голосом*). Как Гуськов? Почему Гуськов? Я так и знала. (*Подбегает к столу президиума.*) Хватит. Я вам не позволю издеваться над моим мужем.

Аникеева. Жена Гуськова, не нервничайте!

Жена Гуськова выхватывает у Сидорина список и рвет его в клочья.

Жена Гуськова. Мой Гуськов в нашем институте известный козел отпущения. Он делает научные открытия, а лауреатство хапают другие, которые примазались к открытию, а в результате мой Гуськов имеет фигушки...

Сидорин. Успокойтесь вы, успокойтесь! (*Протягивает стакан воды.*)

Жена Гуськова (*отталкивает руку со стаканом*). Нет, оставьте, не надо мне... Мой муж пишет научный доклад для симпозиума в Париже, а едете за шмотками вы, товарищ Аниксева!.. А моего Гуськова вместо Парижа загоняют в Нижний Тагил. Командировочные два шестьдесят в день. (*Плачет.*) И вообще, мой Гуськов в Нижнем Тагиле радикулит заработал...

Аникеева. Жена Гуськова, успокойтесь, сядьте, не мешайте вести собрание. Что касается Парижа, то в соответствующих сферах было решено, что еду именно я! Во-первых, я доктор наук; потом, мои труды по орнитологии переведены на французский. Я очень хотела, чтоб поехал Гуськов... тоже, но насчет шмоток — я лично все деньги потратила на научные книги.

Жена Гуськова (*перестает рыдать, язвительно*). Да? А кассетный магнитофон кто привез?

Аникеева. Вы его видели?

Жена Гуськова. Видела.

Аникеева. ...Вы его слышали?

Жена Гуськова. Слышала!

Аникеева. Вы его включали?

Жена Гуськова. Да!

Аникеева (*взяв себя в руки, снова ласково*). ...Ну как вам не совестно, ну сядьте...

Жена Гуськова отходит от стола.

Ну как ребенок, честное слово.

Сидорин (*к секретарю*). Будьте любезны, передайте мне копию списка. (*Берет копию.*) Спасибо! (*Называет следующую жертву.*) Фетисов Виталий Кузьмич. Ну, знаете, товарищ Фетисов... попал в этот скорбный список...

Фетисов (*медленно поднимается*). Да вы что? Как же можно меня выгонять? Я за машину родину продал!

Такого не ожидал никто, и наступает мертвая тишина. Долгая мертвая тишина. Затем тишину нарушает дробный звук отодвигаемых стульев. Царапая пол, стулья вместе со своими седоками все дальше и дальше отъезжают от Фетисова. Вокруг него образуется выразительная пустота.

Карпухин (*приходит в себя первым*). Если это так, то тебя правильно турнули!

Аникеева (*секретарю, тихо*). Попрошу факт продажи родины зафиксировать в протоколе!

Тромбонист (*Фетисову*). И сколько вам за это заплатили? В свободно конвертируемой валюте или в рублях?

Фетисов. В рублях. Хватило на «Запорожец» и на гараж.

Марина. Что же вы так продешевили? За родину можно было взять и дороже!

Фетисов. Так ведь это не пригородная дача под Москвой, как у некоторых... А дом в деревне... участок пятнадцать соток... Дом в два этажа, но вот удобства... во дворе... А этого теперь не любят, все образованные стали, и потом, от железной дороги семь с половиной километров, пока с авоськами допрешь, зато из дома вид на реку.

Аникеева (*к секретарю, тихо*). Из протокола про продажу вычеркните.

Тромбонист возвращается к Фетисову, снова садится рядом.

Фетисов. ...А за рекой луг, этот дом мой дед построил, и отец там родился, и я — предатель. Когда мать умерла, мне жена все уши пробубнила — продадим, продадим. Кому эта рухлядь нужна? А там во дворе сарай железом крытый, а погреб какой?..

Аникеева (*Сидорину*). Это лирическое отступление надо бы кончать.

Фетисов. ...Да у нас, если хотите... До сих пор в реке рыба водится, несмотря ни на что, несмотря ни на какие институты! А я продал, а меня правление продало...

Положив голову на бегемота, сладко захрапел толстый пайщик.

Карпухин (*поглядел на спящего*). Во дает начальник отдела насекомых!!

Жених. Набегался за бабочками.

Фетисов. ...Во кому хорошо-то...

Сидорин (*завершает «казнь»*). И последний — Якубов Александр Григорьевич, как это ни прискорбно...

Все повернули головы в сторону Якубова.

...Лично я знаю... товарища Якубова, как говорится, сто лет.

Аникеева. Да, и все эти сто лет мы знаем его с самой лучшей стороны...

Сидорин. И тем не менее кто-то должен, то есть, простите, кого-то мы должны...

В этот момент к столу президиума угрожающе приближается Хвостов. Это тот самый Хвостов, которого в списке исключенных назвали первым и который только сейчас осознал, что произошло, и перешел в атаку. Он взволнованно жестикулирует и открывает рот, что-то говоря, но не слышно ни единого слова.

Аникеева. Хвостов, не напрягайте связки, вам вредно.

Кушакова. Откуда взялся этот болтун?

Наташа пружинисто вскакивает со стула.

Наташа (*пылает благородным гневом*). Нехорошо, некрасиво, непорядочно так говорить. Семен Александрович — наш лучший лаборант.

Сын Милосердова. А лучшие всегда идут впереди.

Наташа. Да я вам все расскажу подробно.

Сын Милосердова. Подробно не надо.

Марина. Наташа, ты не член кооператива, сядь и успокойся, я вообще не понимаю, что ты здесь делаешь?

Жених (*громко*). Товарищи! Домой хочу, к невесте! Я, между прочим, сюда прямо из загса пришел.

Наташа подбегает к столу президиума.

Наташа (*горячо*). Семен Александрович Хвостов работает с фауной Ледовитого океана. И нежно любит нашего тюленя Борю... И вот когда Боря заболел, то Семен Александрович прыгнул в бассейн с ледяной водой, чтобы дать тюленю лекарства... Так Хвостов простудился и потерял голос, врачи говорят — надолго.

Кушакова (*язвительно*). Очень трогательная история...

Тромбонист. А какие лекарства дают тюленю?

Наташа. Семен Александрович громко протестует против несправедливости и бессовестного исключения Хвостова. Я вас правильно перевела?

Хвостов многократно кивает головой.

Марина. Вот он и кивает, как дрессированный тюлень.

Аникеева. Хвостов, отойдите, от вас слишком большой шум!

Сидорин. ...Товарищи! Голосуем каждого в отдельности или списком?..

Голоса пайщиков. Да, да, да, голосуем.

Карпухин. Списком, списком, чего там волюнку тянуть.

Малаева (*Якубову*). Александр Григорьевич! Надо бороться!

Якубов. Бесполезно. Тех, которых не исключили, вон их насколько больше. И каждый, естественно, проголосует против нас...

Малаева. Нет, не может быть, чтоб каждый.

Сидорин. Итак, дорогие друзья, будем голосовать списком...

Жена Гуськова (*поднимает надсадный крик*). Подождите, не поднимайте руки, вы их потом всю жизнь не отмоете!..

Аникеева (*прибегает к испытанному демагогическому приему*). Жена Гуськова, ну что вы так волнуетесь, может быть, еще собрание и не согласится с правлением?

Смирновский. В нашем кооперативе всегда согласны с любым правлением.

Тромбонист. Да не соглашаться с правлением... это все равно что против ветра... плевать.

Жена Гуськова подлетает к столу президиума.

Жена Гуськова. Товарищи, я умоляю вас, ну пожалейте же Гуськова, он застенчивый человек. А у нас во дворе с машины каждую ночь что-нибудь воруют, вчера подфарники открыли...

Сидорин. Товарищи! Кто — за?

Секретарь. ...Раз, два, три, четыре...

Жена Гуськова (*кричит*). Сначала надо голосовать, кто против! (*Поднимает обе руки.*)

Сидорин. Что же вы обе руки-то тянете, ласковая моя?

Жена Гуськова. Да потому, что здесь у вас подхалимов, прилипал, подголосников, лизоблюдов и лиходеев много, а нас, честных, мало, если б я была в брюках, я бы и две ноги задрала. (*Всхлипывает.*)

Аникеева. Жена Гуськова! Уйдите отсюда. Вы ведете себя безнравственно. Покиньте собрание.

Жена Гуськова. ...Только под конвоем...

Сидорин. Товарищи, я понимаю, что это очень плачевная процедура, но она неизбежна... Давайте голосовать, иначе мы так никогда не кончим.

Малаева. Не совсем красиво получается у вас...

Тромбонист. Да, стыдно, товарищи, но голосовать надо!

Выкрики с мест. Конечно!.. Голосуем! Ну дайте, в конце концов! Ну сколько можно!

Якубов (*нервно, отрывисто*). Позвольте! Мне нужно кое-что... выяснить! По имеющимся у меня сведениям, в списке пайщиков появился какой-то там Милосердов, но никакого Милосердова мы на собрании не принимали...

Аникеева (*в ужасе*). Как вы смее называть товарища Милосердова какой-то и никакой?

Сидорин. ...Даю уважаемому собранию справку... Правление действительно кооптировало в члены гаражно-строительного кооператива сына товарища Милосердова. (*С намеком.*) Мы не сомневались и не сомневаемся, что по этому поводу не может возникнуть никаких возражений.

Фетисов. Да что же это делается-то, а? Сынка большого начальника по блату впихнули, а меня, работника института, выпихнули.

Карпухин. Разрешите мне сказать! *(Каждое правление всегда имеет своих верных клеветов.)* Мы здесь все свои люди, давайте говорить начистоту. Вот приняли сына товарища Милосердова в кооператив, и гараж быстро начал строиться, вспомните, сколько лет мы... мыкались.

Якубов. Вы так об этом говорите, будто наш гараж какое-то левое строительство. А я во всем и везде привык идти законным путем.

Марина. Законным путем идти можно, дойти трудно! Товарищи из правления! Предъявите нам сына нашего благодетеля!

Сидорин переглянулся с Аникеевой. Аникеева вздохнула.

Сидорин. Товарищ Милосердов-младший, вы не возражаете против того, чтоб показаться на глаза собравшимся?

Сын Милосердова. Нет, нет, не возражаю. *(Лениво встает.)*

Кушакова. Хорошенький какой!

Тромбонист. Где такой пиджачок рванули?

Сын Милосердова. В Сингапуре.

Тромбонист. Далеко!

Сын Милосердова. Я могу сесть?

Фетисов. Почему он не поставил себе гараж где-нибудь посреди площади!

Аникеева. Конечно, садитесь!

Сын Милосердова. Благодарю за вниманис. *(Садится рядом с Мариной, встречаясь с ее ироничным взглядом.)* Ну, я же не виноват, что я его сын. Родителей не выбирают, хотя я лично своими доволен. А вас как зовут?

Марина. Марина. Только... я вас умоляю. Не называйте своего имени. Вы для меня навсегда останетесь... сын Милосердова. В этом романтика нашего времени.

Сидорин. Прошу голосовать.

Пайшики поднимают руки.

Хвостов решительно идет к столу президиума. Берет графин, отдает Сидорину, стакан — Аникеевой, поднос — секретарю.

Аникеева. Хвостов! Уйдите! Вы уже выступали!

Но Хвостов не уходит, а... взбирается на стол и плашмя ложится на бумаги.

Поначалу все опешили. Но вскоре раздается нестройный смех.

(В ярости.) Хвостов, покиньте стол президиума немедленно!

Жена Гуськова (громко и радостно). А он не слезет. Он лежит в знак протеста!

Наташа. Бедняга, да он не может протестовать иначе.

Аникеева пытается спихнуть Хвостова со стола. Сидорин с извинительной улыбкой помогает Аникеевой. Секретарь тянет Хвостова за ноги.

Карпухин. Ничего себе кооперативчик. Ничего себе собраньице!

Присутствующие с нескрываемым интересом следят за поединком.

Сын Милосердова (Марине). Махнемся по рублику? Вы на кого поставите — на Хвостова или на правление?

Жена Гуськова. Товарищи! У меня курица потекла.

Сидорин (раздраженно). Уймитесь вы со своей курицей!

Аникеева (обессилев в борьбе с Хвостовым). Все! Пусть лежит, если ему так нравится! Давайте голосовать, товарищи!

Фетисов (во все горло). Не дам голосовать! Не дам! Чем я хуже других. Я простой человек, и деньги у меня такие же.

Тромбонист (Фетисову). Тише, тише!

Фетисов. Уйди отсюда, труба!

Тромбонист. Да не труба, а тромбон!

Фетисов. Я дом продал, у меня там на участке двенадцать яблонь, и все ухожены, и все приносят. Я во всех субботниках участвовал. Я вам еще покажу!

Аникеева (командирским голосом). Молчать! Хватит! Смирно! Одна бумаги рвет, другой на столе валяется, третий истерики устраивает, про яблони тут рассказывает, частный собственник. Вам что, порядки наши не нравятся?

Якубов (грустно). Ваши — не нравятся. И не отождествляйте себя с Советской властью. То, что

вытворяет ваше правление,— это произвол. Только собрание вправе решать, кто здесь четверо лишних!

Карпухин. Хватит болтологии, товарищ председатель! Мы что, здесь до утра намерены торчать?

Выкрики из зала. Голосовать! Голосовать!

Наташа (*Смирновскому*). Все это бессовестно. Ну неужели вы не заступитесь, Павел Константинович? Вас-то они послушают?

Марина. Папа в своей жизни уже достаточно заступался. Это дорого обошлось и ему и тем, за кого он заступался...

Смирновский. Что было, то было.

Марина....И не лезь в драку, у нас у самих рыло в пуху!

Смирновский (*в сердцах*). Да я и не лезу!

Фетисов (*не унимается*). В конце концов, имею я право узнать, кто в нашем гараже не из нашего института?

Сидорин (*ласково*). Золотой мой! Что, что, а право-то вы имеете.

Фетисов (*непреклонно*). Тогда огласите!

Сидорин (*Хвостову, который по-прежнему лежит на столе*). Будьте любезны, приподнимите животик! Я достану список!

Вместо ответа Хвостов еще сильнее прижимается к столу.

Аникеева. Черт с ним, с этим малахольным! (*Сидорину*.) Вы же наизусть помните.

Сидорин. Ну хорошо. (*Обращается ко всем*.) Кооператив «Фауна» находится под эгидой нашего института. Но вначале у нас просто не хватало заявлений. Вы знаете, люди всегда долго раскачиваются. Поэтому мы приняли несколько человек, не работающих в нашем институте, но живущих неподалеку от будущего гаража. У нас есть замечательный храбрый полковник. У нас есть очаровательный крупный дипломат. Сейчас он за границей. И небезызвестный заслуженный артист тромбонист из знаменитого оркестра, он перед вами...

Тромбонист раскланивается.

Мы их всех утверждали на общем собрании и не имеем права исключить из нашего кооператива лишь потому, что они не из нашего института. Тем более что они-то принимали самое активное участие.

Якубов (*саркастически*). Странная у вас память... Вы забыли упомянуть о щедром и могущественном директоре рынка.

Жена Гуськова (*визжит*). Каком еще директоре рынка? Мы рынок не принимали. Не принимали рынок!

Малаева. Правильно она говорит!

Фетисов. Трубач был!

Тромбонист (*на нерве*). Тромбонист!

Фетисов. Ну, все равно! Генерал был!

Секретарь (*поправляет*). Полковник!

Фетисов. Все равно. Дипломата помню! Рынка не было!

Аникеева. Нет, был! Если этот псих слезет со стола, я вам предъявлю протокол.

Якубов. Директора рынка вы после вписали в протокол. В наше время секретов не бывает.

Сидорин. Дорогой мой, как вы смеете?

Якубов. Смеею, и вам я не дорогой!

Жених. Да округляйтесь, я домой хочу, к невесте, она такая, в белом платье...

Фетисов. Правильно! Вы все в белом, а мы?..

Жена Гуськова (*кричит*). Товарищи, в этом правлении все жулики. Вам директор рынка всем сунул...

Сидорин (*пытается призвать всех к порядку*). Прекратите этот базар!!

Марина. Уточняю — это не базар, а рынок!

Аникеева. Вы, жена Гуськова, ответите мне за клевету!

Жена Гуськова. А вы, товарищ Аникеева, за полученные взятки!

Фетисов (*голосом грома*). Где директор рынка? Дайте мне его! Я из него мясной ряд сделаю!

Кушакова встает с места и, слегка улыбаясь, подходит к столу президиума. Короткое замешательство. Все ожидали увидеть нечто хамское, обывшееся, а вместо этого видят хорошенькую, элегантную даму.

Тромбонист. Ух ты!

Кушакова (*Фетисову, с ласковой улыбкой*). Пожалуйста, делайте из меня мясной ряд...

Сын Милосердова присвистнул.

(*По-прежнему обращаясь к Фетисову.*) Почему же вы будете брать за кило? Не знаете? Я вам скажу. Вот эта часть (*показывает*) называется голяшка. Здесь не дороже четырех рублей, идет только на студень, дальше...

Фетисов. Я знаю!

Кушакова. Вы не знаете! *(Задирает юбку.)* Это огузок! Здесь вы можете взять по пять рублей, идет и на первое и на второе.

Тромбонист *(оценивающе)*. Ничего огузок!

Кушакова. А вот дальше, вы знаете, это задняя часть, все всегда любят именно заднюю часть. Там много мяса и мало костей, можно содрать и по шесть и по семь рублей!

Жена Гуськова. Какая бесстыжая баба!

Кушакова. По-вашему, по-мещанскому, если человек работник торговли, значит, это обязательно вор и взяточник?

Аникеева *(недоумевающе)*. Что она может украсть на рынке? Это ж не магазин, в конце концов!

Кушакова. Что я могу украсть на рынке? Вссы? Белый халат? Прилавок?

Аникеева. Действительно! Рынок открывается в семь утра, она встает в половине шестого.

Кушакова. В половине пятого, я работаю как каторжная!

Фетисов. Это правда, вид-то у нее тюремный. (Смеется.)

Жена Гуськова. Это точно, по ней тюрьма плачет.

Аникеева (укоризненно). Человек встает чуть свет для того, чтобы вы, жена Гуськова, могли покупать свежие овощи, мясо, творог, фрукты.

Жена Гуськова. Я не могу покупать по рыночным ценам, я в отличие от вас, товарищ Аникеева, в правлении не состою, мне в лапу не суют.

Кушакова (наконец-то вспыхнула.) Заткнитесь вы, истеричка!

Аникеева (к жене Гуськова). Слушайте, вы эти грязные намски прекратите и у меня перед лицом ручонками не размахивайте.

Якубов. А что это вы, товарищ Аникеева, так страстно защищаете ее, это наводит на подозрени...

Аникеева. На подобную тему я вообще разговаривать не желаю.

Жена Гуськова. Это почему же?

Аникеева не удостоивает ее ответом.

Фетисов. ...Я предлагаю взять директора рынка и вышвырнуть!

Кушакова издевательски смеется.

Карпухин. Я возражаю. Правление подготовилось к собранию!..

Жена Гуськова (перебивает). Ну да! Верно, на рынке готовилось, среди помидоров...

Марина. Я б сейчас съела помидорчик!..

Карпухин. При чем здесь помидоры, я не понимаю! Я настаиваю...

Якубов. Мы вас достаточно наслушались, прихвостень правления!

Карпухин (убежденно). Да, мне нравится наше правление, мне нравится руководство нашего института, потому что я против анархии, я за порядок и дисциплину. Я из большинства. На таких, как я, держится все. А для вас самое главное личные интересы, будь, мол, у меня гараж, а остальное все пропади пропадом!

Якубов. Как раз у нас-то и не будет гаражей.

Карпухин. Это частность, которая к общему делу не имеет никакого отношения.

Жена Гуськова. Ну, знаете, вы совсем уже... нахальство какое!

Фетисов. Товарищи, товарищи! Я предлагаю для пользы общего дела переизбрать правление.

Малаева. Правильно!

Марина (*азартно*). Сейчас дойдет до драки!

Жена Гуськова. Правильно! Переизбрать! (*Поднимает руку.*)

Карпухин. Как это так? Что такое? А ну опусти руку! (*Силой пригибает поднятую руку жены Гуськова.*)

Жена Гуськова. Вы прохиндей!

Фетисов заливисто свистит.

Аникеева. Фетисов, прекратите хулиганство!

Жена Гуськова (*к Хвостову, задыхаясь от волнения*). Ну-ка подвинься, друг, я лягу рядом с тобой, в знак протеста!

Хвостов послушно отодвигается, и жена Гуськова укладывается на столе рядом с ним.

Смирновский. Какой маразм!

Марина (*смеется*). То ли еще будет!

Жених (*подлетает к Сидорину*). В конце концов, вы председатель или рыба мороженая?

Тромбонист. Ну голосуйте хоть что-нибудь. Что угодно. Ну господи! Уже четыре часа здесь сидим. Это невозможно.

Шум. Выкрики: «Кончайте волюнку! Наведите порядок!»

Сидорин. Кто за список, предложенный правлением?

Аникеева. Да, да!

Сидорин. Я прошу поднять руку!

Жена Гуськова и Хвостов стучат по столу президиума. Фетисов снова свистит. Кушакова, Сидорин, Аникеева голосуют.

Жена Гуськова (*кричит*). ...Долой, долой!

Тромбонист достал инструмент и дудит изо всех сил. Карпухин зажимает уши.

Карпухин (*Тромбонисту*). Ну прекратите! Что вы, офонарели, что ли?

Тромбонист (*перестает дудеть*). Кто за список правления, прошу голосовать. (*И первый поднимает руку.*)

Карпухин. Ну, это другое дело.

Пайщики голосуют. Немой Хвостов пытается засвистеть. Сидорин и Аникеева зажимают ему рот. Секретарша считает голоса пайщиков.

Секретарь. Раз, два, три... замолчите! Четыре, пять, шесть, семь, восемь...

Жена Гуськова. Возмутительно!

Секретарь. Девять, десять. Не мешайте! Одиннадцать...

Сын Милосердова. Подумать только, среди тех, кого не исключили, не нашлось ни одного порядочного человека.

Марина. А вы-то сами?

Сын Милосердова. А я не претендую.

Сидорин. Кто против?

Против голосуют только исключенные: Фетисов, Якубов и двое лежащих.

Кто воздержался?

Малаева. Я воздержалась.

Сын Милосердова. Нашелся хоть один полупорядочный, и то слава богу.

Малаева. Я не желаю участвовать в этом безобразии.

Сидорин (*не обращая внимания на слова Малаевой*). ...Слава богу, поздравляю, товарищи, на этом вопрос, так сказать, закончен.

Пайщики начинают расходиться.

Смирновский (*с досадой*). Надо было и мне голосовать против. Конечно, это ни к чему бы не привело, но я бы не чувствовал себя так мерзко. Испугался. Два гаража на одну семью.

Марина. Ладно, не мучайся. Совесть сегодня не в моде, к сожалению.

Наташа. Нам, интеллигентам, свойственно делать пакости, а потом долго себя терзать.

Сидорин (*обращается с призывом ко всем*). Товарищи! Минуточку! Нет, ничего страшного, но мы опять вынуждены вас ограбить. Сдавайте по сорок рублей на непредвиденные расходы.

Оживленно обмениваясь репликами, пайщики дружно становятся в очередь к секретарю правления.

Аникеева (*устало*). Жена Гуськова, Хвостов, слезайте со стола. Вы уже посторонние...

Тромбонист. Спать на столе президиума имеют право только члены кооператива.

Карпухин (*смеется*). Отлично сказано!

Жена Гуськова и Хвостов покорно сползают со стола. Сидорин, Аникеева и секретарь в ужасе смотрят на стол, который сверкает полированной пустотой.

Аникеева. Где список?.. Что это?

Сидорин. Где?.. Что?.. Как?..

Аникеева (*в панике*). Товарищи! Они украли все наши документы, все до единого!

Карпухин (*с возмущением*). Вы знаете, это уже чересчур! Ведь это ж подсудное дело!

Тромбонист. Отдайте бумажки, вы уж свос отыграли!

Сидорин. Хвостов, голубчик, зачем вам понадобились наши документы?

Жена Гуськова. Да не крал он ваши документы. (*Злорадно.*) Он их съел, я лежала на столе рядом с ним и видела, как он дожевывал последний список.

Общий переполох. Смех.

Смирновский. Я вздрогнул.

Тромбонист. Вот почему у нас бумаги-то не хватает.

Малаева. Семен Александрович, вы действительно все съели?

Хвостов утвердительно кивает.

Малаева. Спасибо! (*Незаметно для всех метнулась к двери.*)

Сидорин (*Хвостову*). Как ветеринар я обещаю вам, прожорливый мой, заворот кишок.

Жена Гуськова (*в ажиотаже*). Да, у него будет заворот кишок... В знак протеста.

Фетисов. Ох, вы у меня попляшете, я до верхов дойду, я еще вас выведу на чистую воду.

Кушакова. Лично я хочу на свежий воздух как можно скорее.

Жена Гуськова. Правильно, одно ваше присутствие загрязняет окружающую среду.

Кушакова (*передергивает изящными плечиками*). Замолчите! Как вас только муж терпит!

Жена Гуськова (*ее переполняет негодование*). А вы... а вот... а у вас бриллианты на руке на ворованные деньги!

Так же незаметно Малаева вернулась обратно, однако теперь не может больше оставаться в стороне от событий. Ей нужно привлечь к себе внимание, и с этой целью она взбирается на стул.

Малаева (*пытаясь перекрыть общий галдеж*). Я хочу сказать вам несколько слов, это очень важно.

Сидорин. Кончилось собрание. Вы опоздали, милочка!

Тромбонист. Ваш поезд ушел. (*Подражает гудящему паровозу.*) Ту-у-у!

Якубов. Да дайте человеку сказать!

Карпухин. Вы что, очумели, что ли, вечно, что ли, здесь сидеть? Надоела эта говорильня. Лично я вот сдаю сорок рублей (*расписывается в ведомости*) и исчезаю...

Малаева. Подождите, мне... мне необходимо выступить. Мы поступили, ну честное слово, несправедливо.

Аникеева. Домой ступайте! У вас там ребенок один, вспомните, что вы мать.

Фетисов. А вы ей глотку не затыкайте!

Сидорин (*как обычно, предельно вежлив*). Елена Павловна, пожалуйста, мы дадим вам слово. Мы сейчас разойдемся, и выступайте сколько вам заблагорассудится, пожалуйста.

Малаева (*на нерве*). Прекрасно, уходите, я все равно скажу все, что я об этом думаю.

Тромбонист (*похохатывая*). Вы перед чучелами все скажите, они уже давно созрели.

Карпухин изо всех сил дергает входную дверь, бьет плечом, толкает всем телом, но солидная дубовая дверь не поддается.

Карпухин. Товарищи, вы знаете, кто-то запер дверь!

Жених. Вы что там, спятили, что ли?..

Карпухин. Да, это дурная шутка.

Жених. Откройте же немедленно, в конце концов.

Аникеева (*холодно анализируя ситуацию*). Эту бесстыдную акцию наверняка совершил кто-нибудь из исключенных.

Жена Гуськова (*орет*). Правильно! В знак протеста.

Якубов. Мы вас живыми не выпустим!

Фетисов (*озорно напевает*). Как я сам не дотумкал, как я сам не дотумкал...

Аникеева. Правильно вас все-таки исключили, правильно! Я чувствую, это Хвостов. Вы посмотрите, как у него бегают глаза, вы видите?

Все поглядели на Хвостова, у которого действительно бегают глаза.

Тромбонист (*жалобно*). Это возмутительно. У меня завтра в десять утра запись на радио, фондовая.

Карпухин (*с угрозой*). Ну вот что, Хвостов, или кто там еще, немедленно откройте дверь. У меня жена больная, вы понимаете? Она с ума сходит, куда это я подевался. Ключ! Немедленно отдайте!

Жених (*с отчаянием*). Друзья, выпустите меня отсюда, у меня сегодня брачная ночь.

Малаева. Ну и что?

Жених (*оторопел*). Как это «ну и что»?

Карпухин. Товарищи, давайте... взломаем дверь!

Смирновский. Это не так-то легко сделать. Это здание ведь не теперь строилось.

Аникеева. Да вы что? Вы понимаете, что вы говорите? Вы, как выражаетесь, высадите дверь, а кто будет охранять эти бесценные экспонаты? Нашему бегемоту сто двадцать лет. Я как заместитель директора категорически запрещаю это делать!

Сидорин (*с лисьими интонациями*). Дорогие мои бывшие члены кооператива. Я отлично понимаю и где-то, поверьте мне, разделяю ваши чувства. Но, пожалуйста, перестаньте своевольничать и верните ключ.

Малаева (*продолжая настаивать на своем*). Слушайте! Ну мы все равно уже заперты. Ну дайте мне толкнуть речь. Ну пожалуйста!

Сидорин (*срываясь, раздраженно*). Дома толкнете, соседям, родственникам, там толкайте сколько хотите. (*К исключенным.*) Пожалуйста, родные мои, признайтесь, кто совершил этот разбой? Будет хуже, мои серебряные...

Малаева (*совершенно спокойно*). Ну я заперла, я!

Карпухин. Что?

Малаева. Ну, легче вам от этого?

Сидорин. Что значит вы?

Сын Милосердова (*восхищенно*). Сильна малышка!

Сидорин (*кипя от злости*). Вы понимаете, что вы говорите... Понимаете или нет? «Я заперла дверь!»

Аникеева. Да болтает, успокойтесь.

Кушакова (*с неподдельным изумлением*). Зачем вы это сделали, вас же не исключили?

Малаева. Вам, боюсь, этого не понять.

Жена Гуськова (вдруг). А ветчина уже позеленела. (Показывает.)

Сидорин. Да уйдите вы с вашей ветчиной!

Марина. А я действительно есть хочу. Я не обедала и тем более не ужинала. Я в гости собиралась.

Сын Милосердова (обрадовался). Со мной не пропадете, Марина! (Открывает чемоданчик «дипломат».)

Марина (заглянула в чемоданчик). Из чего пить будем?

Сын Милосердова. Из горла, как в подворотне!

Марина. Тогда зайдем за белого медведя!

Скрываются.

Тромбонист. Товарищи, давайте отберем у нее ключи!

Кушакова. Конечно.

Малаева (с усмешкой, Тромбонисту.) Вы что же будете... женщину обыскивать?

Кушакова. Зачем? Это сделаю я.

Жена Гуськова. Вот личность, ни стыда, ни совести!

Малаева. Не надо, не затрудняйтесь, я могу сама раздеться, без посторонней помощи. Просто боюсь, что это не доставит удовольствия присутствующим.

Аникеева (едко). Да, уж это действительно.

Карпухин налетает на Малаеву.

Карпухин. Отдай ключи, гадюка!

Исключенные встают стеной на защиту Малаевой.

Малаева (из-за спин защитников). Не настолько я глупа, чтобы в обществе таких благородных людей держать при себе ключи. Товарищи... я их спрятала в надежном месте.

Аникеева. Я ей не верю. (С усилием.) Придется все-таки обыскать!

Смирновский (Аникеевой). Лидия Владимировна, вы что, в своем уме?

Малаева. Ничего, Павел Константинович, успокойтесь, пускай устраивают шмон.

Сидорин (схватился за голову). Какой кошмар!

Карпухин. Боже мой!

Сидорин. Запертые мои! Мы не имеем права самовольничать! Если это делать, то с разрешения общего собрания.

Малаева (*весело*). Товарищи, кто за то, чтоб меня обыскать? Давайте, товарищи, не робейте...

Карпухин. Я хочу вырваться отсюда, у меня жена больная, и я проголосую за что угодно, только бы отсюда смотаться. (*Поднимает руку.*)

Жених. У него жена больная, а у меня невеста здоровая, я — за! (*Голосует.*)

Тромбонист. Товарищи, конечно, вам этого не понять, но у меня завтра утром запись на радио, если я не выплусь, я такое сфальшивлю. Ужас. (*Голосует.*)

Секретарь. Другого выхода нет. (*Голосует.*)

Кушакова. Я вообще встаю ни свет ни заря, половина пятого... (*Голосует.*)

Аникеева. Обыск — отвратительная штука, но это вынужденная необходимость, товарищи! (*Голосует.*)

Сидорин. На что только не приходится идти, чтобы вернуть пайщиков их семьям. (*Голосует.*)

Смирновский. Прошу внести в протокол, я протестую!

Сидорин. Профессор, мы запомним, что вы протестуете, но записать некуда, ведь протокол съели.

Воспользовавшись общей суматохой, Хвостов пробрался к дальней форточке, тихонько вынимает из-за пазухи документы, похищенные, но, разумеется, не съеденные, комкает, выбрасывает в форточку.

Малаева. Ну, так кто будет меня обыскивать?

Тромбонист. Сейчас начнется стриптиз!

К Малаевой молча приближаются Аникеева и Кушакова.

Аникеева. Начнем с сумочки...

Малаева. Пожалуйста...

Аникеева, не стесняясь, заглядывает в сумку.

Жалость какая, фотографа нету! (*Задирает руки.*)

Ну, а теперь шупайте меня!

Смирновский. Товарищ Аникеева, неужели вы осмелитесь! Позор!

Аникеева (*с металлом в голосе*). В интересах коллектива, Павел Константинович, осмелюсь и не на такое!

Малаева. Павел Константинович, не горячитесь. Представьте, что я на таможне и у меня ищут наркотики или бомбу!

Аникеева (*извиняясь*). Товарищи, у меня нет опыта! Я это делаю непрофессионально. (*Начинает личный досмотр.*)

Сын Милосердова (они с Мариной вышли из-за белого медведя). Лиха беда начало!

Малаева. Да смелей, смелей... Ой, щекотно! Не надо, ну щекотно! (Хохочет.)

Якубов не выдерживает, подбегает и отталкивает Аникееву.

Якубов. Вы совсем зарвались! Я этого не позволю!..

Аникеева. Все видели, он меня ударил!

Якубов. Еще не ударил, но сейчас...

Малаева (Якубову). Александр Григорьевич, не пачкайте руки. Товарищи, вы же видите, единственный способ... предотвратить рукопашную — это предоставить мне слово...

Сидорин (застонал). Какое еще слово? Зачем? Господи! Где ключ, ключ где, паршивая моя?

Тромбонист. Может, она с приветом, как Хвостов, тот все документы слопал, а эта малявка ключ проглотила?

Марина. Что вы, ключ здоровенный. Она бы подавилась.

Аникеева. Слушайте, товарищи! Знаете что? Придется уступить силе. Ну о чем вы собираетесь говорить?..

Малаева. Значит, вы даете слово?

Карпухин. Да пропади она пропадом, пусть мелет все, что угодно. Вы только установите ей регламент. У меня жена больная. Кстати, есть здесь телефон? Я хочу позвонить!..

Аникеева. Да нет здесь телефона!

Тромбонист. Действительно, чего мы се боимся, эту курицу? Пусть кудахчет, только покороче!

Сидорин (к Малаевой). Сначала, лапушка моя, правление должно одобрить тезисы вашего выступления.

Малаева. Могу вас заверить, мои тезисы вы не одобрите!

Сидорин (официально). Ну хорошо, открываем вторую серию нашего многосерийного собрания. Я предоставляю слово товарищу Малаевой. (К Малаевой.) Только, пожалуйста, говорите быстрее, не размазывайте, а то у нас дома поднимется переполох.

Жених (к Малаевой). Прежде чем вы начнете говорить, выпустите меня одного, меня невеста дома ждет.

Малаева. Я очень хорошо понимаю ваше нетерпение, но если я открою дверь для вас одного...

Жених. Да, пожалуйста...

Малаева. ...Вырвутся все.

Тромбонист. Товарищ жених, вы совершили... грубейшую ошибку.

Жених. Почему?

Тромбонист. Надо было закончить сначала все дела с невестой, а уж потом идти на собрание.

Жених (*отмахнулся*). Да ладно!..

Малаева (*начинает свою речь*). Мы работаем в институте, который занимается охраной животных. Человек — это тоже животное...

Карпухин. Что это такое? А?

Сидорин. Как что — лекция!

Малаева. Его тоже надо охранять!

Сын Милосердова. От кого?

Малаева (*ее не сбить*). Человека надо охранять от человека, от жадности, которая нас съедает... от желания захватить, захватить. Мы поступили низко. Это мягко сказано. Мы — подлцы!

Кушакова. Так, начала читать морали!

Малаева. Вы подумайте, никто, ни один человек из тех, кого не тронули...

Аникеева. Короче можете?

Малаева. Да!.. Не выступил против, я даже не знаю, как это сказать, против... нечистоплотности правления. Правление, конечно, выбрало четверых самых беззащитных. И вы подумайте, ведь речь-то идет не об угрозе жизни, не о свободе, не о работе, не о квартире... (*Говорит горячо, с чувством, с болью.*) Речь идет о коробке, в которой можно хранить груды штампованного железа.

Карпухин. Между прочим, это железо стоит семь, даже девять тысяч.

Малаева. Это ваше, мое дешевле.

Аникеева (*ядовито*). Что же вы предлагаете?

Малаева. Я предлагаю жить по демократическим советским принципам. Для этого надо начать все сначала.

Марина. Да, в час ночи, это в самый раз!

Сын Милосердова. Оказывается, белые вороны еще существуют.

Карпухин (*не понимая, о чем речь*). В природе это большая редкость, но, по счастью, у нас есть. (*Показывает на чучело белой вороны.*)

Сын Милосердова. По счастью, у вас есть!

Малаева (*продолжает*). Обсудить каждого пайщика в отдельности.

Тромбонист. Да она же чокнутая!

Малаева. Каждого голосовать и по числу голосов решить, кто тут лишний!

Собрание охнуло.

Сидорин (*к Малаевой*). Ласточка моя, маленькая, нам для этого потребуется несколько недель.

Малаева (*непреклонно*). Хоть год! Для правды времени не жалко.

Тромбонист достает инструмент и оглашает зоологический музей зловещими раскатами.

Сидорин. Не дудите, музыкальный вы мой! С ума можно сойти, что вы раздуделись на ночь глядя?

Тромбонист. Я трублю панику, потому что наше дело — труба!

Кушакова (*Малаевой*). Если ты такая принципиальная, отдай свой гараж и выметайся добровольно.

Малаева. Если собрание решит меня исключить, я выметусь и жаловаться не буду.

Кушакова. У тебя дома ребенок голодный. А ты юродствуешь!

Малаева. Мой ребенок, хочу кормлю, хочу нет!

Кушакова. Видите, она и в семье такая...

Малаева (*на ее глазах слезы, голос дрожит*). К примеру, вы вычеркнули Александра Григорьевича. Ясное дело. Человек вышел на пенсию, и списали человека, а то, что он тридцать лет в нашем институте отыскал...

Сидорин (*поправляет*). Отработал!

Малаева. Отработал! То, что он всю войну разведчиком прошел? Два ордена Славы, медаль за взятие Берлина... Это, конечно, значения не имеет!

Жена Гуськова. Имеет!

Малаева. Или возьмем злосчастного Гуськова!

Жена Гуськова. Гуськова! Да, товарищи, возьмем Гуськова!

В Анникеевой просыпается перестраховщик с солидным стажем. Она перехватывает инициативу.

Аникеева. Товарищи! Правление о военных заслугах товарища Якубова, к сожалению, понятия не имело. (*К Якубову.*) Александр Григорьевич, миленький, ну почему же вы нам ничего не сказали о своем славном военном прошлом? Ну почему?

Якубов. Да какое имеет значение это военное прошлое для получения гаража?

Аникеева. Но как же?

Сидорин *(с ласковым укором)*. Ну что вы?

Аникеева *(с пафосом)*. Товарищи! У нас тут страшная недоработка, просто страшная. Нужно было просмотреть личное дело каждого.

Сидорин. Да, конечно, конечно.

Аникеева *(лицемерно)*. Спасибо вам, товарищ Малаева...

Малаева *(с сарказмом)*. Пожалуйста!

Аникеева. ...за своевременный сигнал. Вот только теперь я поняла, как вы правильно поступили, заперев дверь. *(Обращается ко всем.)* Товарищи! Мы совершили грубейшую, я бы просто сказала, политическую ошибку...

Якубов. Хорошо! Но как вы думаете все это исправить?

Сидорин *(Якубову)*. Мы, разумеется, вас восстановим.

Аникеева. Да, Александр Григорьевич!

Сидорин. Я не знаю, как это сделать? Но, вероятно, за счет... кого-нибудь другого?

Аникеева. Естественно...

Жена Гуськова. А как же с нами будет?

Тромбонист *(тревожно)*. Так, кого именно вы хотите вышвырнуть?

Аникеева. Товарищи!.. Правление просто зашло в тупик. Я объявляю перерыв.

Марина. Ну нет...

Аникеева. ...Мы прервемся...

Тромбонист *(рассердился)*. Какой перерыв в половине второго ночи?!

Карпухин *(в гневе)*. Товарищи! Я не понимаю, что, собственно говоря, здесь происходит? Выскочила эта *(показывает на Малаеву)* шмакодявка, и теперь мы что, должны все перестроиться, перековаться? Отдавать друг другу гаражи? Мы всего эдакого наслушались и начитались. Мы, чего тут скрывать, боремся здесь за место под солнцем, в виде гаража!

Сидорин *(наводя порядок, кричит)*. Место под солнцем на юге! В Сочи! Перерыв!

Якубов. Позвольте! Меня восстановили или нет?

Аникеева. Александр Григорьевич! Считайте, что ваша машина уже стоит в гараже.

Якубов (*первый раз улыбнулся*). Что ж, спасибо, лучше поздно, чем никогда.

Сидорин. Поздравляем, вы восстановлены!

Жена Гуськова. А мы-то как же?

Фетисов. Во жизнь! Каждый счастлив в одиночку!..

Правление уходит куда-то вглубь.

Волнуются растерянные пайщики.

КОНЕЦ ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Второе действие начинается с того, чем кончилось первое. Тромбонист начинает играть нежную и печальную мелодию. Усталые пайщики разбрелись по музею, разбились на группы.

К Кушаковой подсаживается Карпухин.

Кушакова (*показывает на Малаеву*). Кто вот эта вот идейная пигалица, которая устроила всю эту заваруху?

Карпухин. Эм. Эн. Эс...

Кушакова. Что это такое? С чем это едят?

Карпухин (*расшифровывает*). Младший научный сотрудник. Кандидат наук, специалист по ядовитым змеям.

Кушакова (*шутит*). Она многого от них набрала...

Карпухин (*тоже шутит*). Или змеи от нее...

Кушакова (*смеется*). Если женщина с такими внешними данными борется за правду, она наверняка не замужем.

Карпухин. Угадали!

Кушакова. Муж давно ее бросил?

Карпухин. Мужа отродясь не было.

Кушакова (*эти двое явно нашли общий язык*). Как так? Я слышала, ребеночек-то имеется.

Карпухин (*пошло смеется*). Мир не без добрых людей. Я не люблю всякие эти слухи, всевозможные пересуды, но у нас говорили, что ребеночек-то... (*Шепчет на ухо Кушаковой*.) Понимаете?..

Кушакова. Какой ужас! Раньше мужчины платили женщинам, это было нормально, а теперь... Какое падение нравов!

К Малаевой подходит Фетисов.

Фетисов. Елена Павловна!

Малаева. Да... (Она все еще переживает свое выступление.)

Фетисов (скрывая теплое чувство к Малаевой). Я ведь в автомобилях дока. Всякую профилактику и любой ремонт...

Малаева (улыбнулась сквозь слезы). Я знаю, вы великий народный умелец.

Фетисов. Так что для вас я все сделаю. Бесплатно, конечно.

Малаева. Спасибо...

Фетисов (нежно). Да я ваш чахлый «москвич» в «мерседес» превращу.

Малаева (растроганно). Спасибо, Виталий, но мое выступление, оно ведь ничего не изменит.

Фетисов. А это вне зависимости!

Малаева. Спасибо.

Подошел Хвостов, по-братски погладил Малаеву по голове. Она тоже его погладила, как сестра милосердия, утешая. На окне сидит Наташа, возле нее Смирновский.

Наташа. Ну почему ты на мне не женишься?

Смирновский (чувствуется, что этот разговор происходит не впервые). А чего тебе не хватает? Отпуск мы и так проводим вместе. Если куда выбираемся в театр, тоже вдвоем, и в кино. Тебе нужно официальное положение профессорской жены?

Наташа. Надоело быть любовницей, унизительно.

Смирновский. Но это ханжеская точка зрения.

Наташа (с грустной улыбкой). А я сама ханжа.

Смирновский (вздыхнув). Я же старше тебя, уж не будем подсчитывать, на сколько.

Жених (подбегает). Скажите, там нет выхода?

Наташа (с сочувствием). Нет, там тупик.

Жених. У-у-у! Полный тупик. (Убегает.)

Смирновский (невесело). Через несколько лет вообще превращусь в старика. А ты все еще останешься молодой, сильной женщиной. Начнешь исчезать по всякому удобному и неудобному случаю.

Наташа. Извини, но ты несешь такую ерунду, на которую я даже отвечать не желаю. Я тебя люблю и хочу за тебя замуж. Ну, я на этом заклинена.

Смирновский кладет голову на плечо Наташе. Неожиданно раздался громкий стук в дверь. Тромбонист перестает играть. Все вскочили.

Тромбонист. Кто там?

Марина. Выпустите нас!

Жених. Откройте, ради бога!

Голос из-за двери. Позовите товарища Аникееву. Я ее муж!

Аникеева, Сидорин и секретарь подбегают к двери.

Аникеева. Петр Петрович, это ты?

Муж Аникеевой (из-за двери). Лидусик, это я!

Сидорин (с мольбой). Петр Петрович, спасите нас!

Муж Аникеевой. Лидусик, там внизу толпа родных и близких. Все психуют! Что у вас происходит?

Аникеева. Петр Петрович, тут одна дефективная нас заперла...

Сидорин. И у нас получилось закрытое, то есть запертое, собрание.

Муж Аникеевой. Вахтер пропустил меня одного, он знает, что я муж заместителя директора.

Жених (влезая в разговор). Товарищ муж Аникеевой, там у вахтера есть запасные ключи...

Муж Аникеевой. Он не отдает. Ваш вахтер идиот!

Сидорин. Да, но он на посту!

Жених (чуть не рыдая). Но почему мое счастье должно зависеть от какого-то вахтера?!

Аникеева (гаркнула на жениха). Да перестаньте вы! (Снова к мужу.) Скажи ему, Петя, что я приказываю отдать ключи. Слышишь?

Секретарь (с уверенностью). Это бесполезно. Он подчиняется только начальнику охраны.

Муж Аникеевой (понижив голос, интимно). Лидусик, Сашенька никак не засыпает, требует бабушку.

Аникеева (тоже тихо). Ну скажи ему что-нибудь, ну придумай! Скажи, что бабушка улетела на ковре-самолете.

Жених. Позвонит то телефону сто сорок три...

Аникеева (перебивая жениха). Помолчите!.. (Опять к мужу.) А вы привыкайте жить без меня...

Муж Аникеевой. А что передать родным и близким?

Сидорин. Передайте, пусть расходятся по домам. Ведь собрание когда-нибудь кончится.

Жених. Я... Я сейчас закричу. (Вопит.) Ка-ра-у-у-у-ул!

Сидорин (утешает). Подождите, миленький, не кричите, миленький... Все кончается на этом свете, рано или поздно.

Муж Аникеевой ушел. Все снова разбрелись по музею. Опять заиграл Тромбонист. Мелодия грустная, трогательная. Сын Милосердова и Марина сидят в стороне.

Сын Милосердова (*иронически*). Какая романтическая ночь!

Марина (*сразу подхватывает интонацию*). У меня такое ощущение, что мы с вами в джунглях.

Сын Милосердова. Кругом звери и дикари.

Марина. Слышите? Явно трубит слон.

Сын Милосердова. Наверное, у него брачный период, как у нашего жениха. В этих джунглях могут съесть в любую минуту. Ну давайте хоть познакомимся перед смертью.

Марина (*пожимает плечами*). ...Про вас все ясно. Закончил Институт международных отношений.

Сын Милосердова. Вы мне льстите.

Марина. Ну восточных языков.

Сын Милосердова. Опять промахнулись!

Марина. Ну я не знаю. Кинематографии... что ли?

Сын Милосердова. Вы идете по стандарту. Раз сын Милосердова, значит, что-то очень модное.

Марина (*с радостным изумлением*). Неужели вы слесарь?

Сын Милосердова. Нет, это чересчур! Я археолог, меня как-то слабо интересует настоящее... Я предпочитаю копать в прошлом... А вы, дочка профессора, кто?

Марина (*с горечью*). У меня все по штампу. Закончила факультет... филологический.. Его называют — факультет невест. Занимаюсь сатирой.

Сын Милосердова. Русской или иностранной?

Марина. Нашей.

Сын Милосердова. Девятнадцатым веком?

Марина. Нет, современной.

Сын Милосердова. У вас потрясающая профессия. Вы занимаетесь тем, чего нет.

Марина (*бросила оценивающий взгляд на собеседника*). Знаете, а вы занятный.

Сын Милосердова. Знаю. Вы тоже.

Тромбонист кончил играть и пытается овладеть всеобщим вниманием.

Тромбонист. Послушайте, я расскажу замечательную историю. Были мы с оркестром на гастролях в одном областном центре. Там есть над обрывом просмо-

вая площадка, что ли... и видна панорама... красивая... Туда молодожены приезжают... ну, обычай такой. И я вот сам видел... из одной машины вышла молодая в фате... вполне подходящий кадр... а из другой,— обе машины в лентах, с шариками,— выскочил муж... здоровенный бугай... но тоже симпатичный... Муж идет немного сзади и нечаянно наступает на белую... ну, не на марлю... а кружевной шлейф, и с невесты слетает не только фата, но и парик...

Наташа (с любопытством). И что она, лысая оказалась?

Тромбонист. Сильно облезлая. Она поглядела на мужа, ох, нехорошо поглядела, и, не говоря ни слова, влепила ему по физиономии. Тогда верзила, тоже молча, вынул из кармана брачное свидетельство, порвал его и развеял по ветру, а потом они пошли каждый в свою машину и разъехались в разные стороны.

Карпухин (уныло). Ну и зачем вы эту белиберду нам рассказали?

Тромбонист. Развеселить хотел.

Якубов. Не вышло.

Жених. Варвары, выпустите меня. Меня невеста ждет.

Тромбонист (усмехнулся). Оптимист!

Фетисов (жениху). Ну что ты кипятишься, чего тебе так приспичило? Ты же не мальчик уже.

Малаева. Вы уж в который раз небось женитесь?

Жених. В первый! (Отозвал Малаеву.) Можно вас на секундочку?

Малаева (приблизилась к жениху). Да что же вы так терзаете себя?

Жених (доверительно). Понимаете, я добивался ее семнадцать лет.

Малаева. А сколько вам сейчас?

Жених. Много, я люблю ее с девятого класса, она дважды выходила замуж, а я ждал. И вот видите, дождался. Понимаете? (Переходит на шепот.) Я умоляю вас... на коленях.

Малаева. Ну что вы! Перестаньте! (Тоже переходит на шепот.) Я выпущу вас.

Жених (заговорщически). Все, я понял, спасибо...

Карпухин первым замечает перешептывание Малаевой и жениха.

Малаева. Идите к дверям и стойте там как ни в чем не бывало.

Малаева и жених крадучись идут к дверям.

(Громко, как бы ведя светскую беседу.) Где вы достаете свечи?

Жених *(не сразу сообразил.)* Какие свечи? У меня электричество. *(Спохватывается.)* Ах, свечи, у меня есть сосед, он все может достать...

Малаева *(продолжает жеманно)*. А как вы поступаете с карбюратором?

Жених *(в тон)*. С карбюратором я поступаю великолепно.

Карпухин настороженно следит за действиями Малаевой и жениха. И когда Малаева вставляет ключ в замочную скважину...

Карпухин *(радостно вскрикивает)*. Ага, попалась!

Малаева отскакивает от двери.

Малаева *(жениху)*. Извините, не судьба!

Жених. Я прошу вас!

Карпухин *(преследует Малаеву)*. Ну-ка позвольте! Отойдите!..

Малаева с трудом отбивается от него. Жених заступает за Малаеву, но Карпухин отбрасывает жениха в сторону. Малаева убегает от Карпухина и, чувствуя, что ее настигают, передает ключ жене Гуськова, та мчится в другую сторону. Теперь преследователи, число которых все увеличивается, бросаются за женой Гуськова, та успевает передать ключ Фетисову, тот — Якубову, Якубов — Хвостову, тот опять Малаевой...

Жених *(в отчаянии рвет на себе волосы)*. Боже мой! Пока я здесь бегаю, она же запросто выйдет замуж за другого. Я ее знаю!!!

Преследователи и преследуемые образовали кучу малу.

Малаева *(торжествующе)*. А мы ключ в другом месте спрятали!

Общий стон. Лишь сообщники Малаевой торжествующе хохочут.

Аникеева *(пытается найти выход из тупика)*. Товарищи! Уже глубокая ночь...

Сидорин. Положа руку на сердце, очень хочется спать.

Аникеева. Пороху мы сегодня все равно не избррем, давайте перенесем собрание на другой день.

Малаева *(неожиданно для всех поддерживает предложение)*. Я тоже «за». Никто ничего не соображает, утро вечера мудренее, предлагаю лечь поспать!..

Жених. Как поспать?

Фетисов. А где спать-то?

Малаева. Да здесь, конечно, на полу, на столе...

Раздается нестройный смех пайщиков.

...А утром на свежую голову...

Кушакова. Да она просто издевается над нами!

Тромбонист (*подбегает к Малаевой*). Сейчас я вас тромбоном ударю.

Хвостов оттесняет Тромбониста в сторону.

Карпухин (*к Малаевой*). А я тебя... убью.

Фетисов (*становится между Карпухиным и Малаевой*). Если ты ее хоть пальцем тронешь, я тебе все ребра переломаяю!

Рядом с Карпухиным грозно вырастают Тромбонист, Анисеева, Кушакова. Рядом с Фетисовым и Малаевой не менее грозно вырастают Якубов, немой Хвостов, жена Гуськова. Стенка на стенку. Смирновский, оценивая обстановку, берет Наташу под руку и становится в строй отверженных.

Аникеева (*дружелюбно*). Павел Константинович, вы ошиблись, вы встали не туда.

Смирновский (*твердо*). Я в жизни очень часто ошибался, но сейчас я встал именно туда, куда нужно.

Жених сначала встал рядом с Аникеевой, теперь перебегает к Смирновскому. Потом снова в строй Аникеевой.

Жених. Ага, я тоже встану туда, куда нужно. (*Перебегает на сторону Смирновского.*)

Фетисов (*хлопает жениха по плечу*). Молодец, жених!

Секретарь. Он добегаются! (*Становится возле Аникеевой.*)

Сидорин (*занимает миротворческую позицию, то есть стоит точно посередине*). Люди хорошие... Дайте нам разойтись, мы соберемся снова. (*По-прежнему стоит между двумя враждующими сторонами.*)

Малаева. Если мы сейчас ототрем дверь, то второй раз по этому поводу вы собрание не созовете.

Стенки надвигаются друг на друга.

Фетисов. Ключики мы вам не отдадим. Мы вам не буратины.

Сидорин (*разжимает враждующих*). Люди мои! Вы дороги мне, и те и другие. Кровавопролития и междоусобицы я не потерплю. (*Принимает решение.*) Все! Давайте спать!.. (*И показывает пример. Достает из кармана газету и расстилает на полу.*) Ах, подстилка коротковата, жаль! Сейчас и подушечку принесем... (*Берет с тумбы чучело обезьяны.*)

Аникеева. Не трогайте макака суматранского, председатель правления! Это же единственный экземпляр у нас в стране, вы что?

Сидорин (*укладывается на пол, подложив макаку под голову*). Спокойной ночи, малыши! Давайте укладывайтесь кто как может.

Аникеева (*склонилась над Сидориным*). Слушайте, вы, председатель, вы что, с ума сошли? Да вы что, действительно хотите повергнуть всех во всеобщий повальный сон?

Сидорин. А вы что, предпочитаете спать стоя, как боевая лошадь?

Тромбонист (*в истерике*). Будь проклят тот день, когда я купил машину...

Марина. До чего довели человека.

Тромбонист. ...Будь проклят тот день, когда я вступил в этот проклятый кооператив...

Наташа. Да успокойтесь, пожалуйста.

Тромбонист. ...Будь проклят этот проклятый гараж.

Фетисов. Все, был музыкант, и нет музыканта!

Тромбонист. ...Будь проклято это проклятое собрание!..

Жених (*наклоняется над Сидориным*). Товарищ председатель, я не хочу спать один и не буду. Я выброшусь в окно. Под вашу ответственность я покончу с собой...

Малаева (*останавливает жениха*). Куда, здесь высоко, вы разобьетесь.

Карпухин (*кричит*). Товарищи! Правление пошло на поводу у шизофренички... (*Показывает на Малаеву.*)

Секретарь. Верно!

Карпухин. И потом, что это значит? Спать-то? Как это — спать?

Жена Гуськова. Ну, спать!

Марина. Спать. (*Начала сдирать с постамента муравьеда.*)

Смирновский и Наташа занимают скамейку

Смирновский. Будем устроиваться на сон здесь.

Аникеева (*тщетно пытается остановить разгром*). Не трогайте... Фетисов! Оставьте архара в покое. Как вам не стыдно, ведь вы же ученые. Товарищи! Марина, поставьте муравьеда на место!

Но пайщики, боясь, что не хватит «подушек», налетают на чучела, отдирают от постаментов и валят на пол. Никто не обращает внимания на призывы Аникеевой. Аникеевой неожиданно пытается помочь жених.

Жених (*призывает к сознательности*). Товарищи, мы должны защищать животных, а не наоборот.

К столу президиума подходит Карпухин. Пытается улечься рядом с женой Гуськова. Жена Гуськова решительно отпихивает Карпухина.

Жена Гуськова. ...Хам, грубиян, отойдите! (*Зовет Малаеву.*) Леночка! Идите сюда, я приготовила вам царское ложе. (*К Карпухину.*) Нахал!

Малаева (*тоже к Карпухину*). Развратник! Подкрался!

Карпухин (*даже растерялся*). Да почему! У меня жена дома... (*Вдруг сам отскакивает от стола.*) Господи боже мой, ведь запах же отвратительный...

Жена Гуськова (*расстроена*). В кои веки достала живого карпа, такую очередь отстояла. И теперь из-за этого собрания все продукты испортились... (*Уносит куда-то сумку.*)

Тромбонист. Я вспоминаю эвакуацию, ташкентский вокзал.

Кушакова подсаживается к Сидорину, лежащему на полу.

Кушакова. Прежде чем вы заснете, извольте дать мне справку, тряпка.

Сидорин. Какую еще справку, рыночная моя?

Кушакова. Вот вам бумага, ручка, пишите. (*Протягивает блокнот Сидорину.*)

Сидорин. Что писать?

Кушакова. Пишите, я продиктую. (*Диктует.*) Справка дана гражданке Кушаковой А.А. в том, что она провела ночь в зоологическом музее на общем собрании гаражно-строительного кооператива «Фауна»...

Сидорин. Куда справка?

Кушакова (*цедит сквозь зубы*). Для мужа моего. У меня муж ревнивый... В присутствии такого-то количества свидетелей...

Сидорин. Свидетелей чего?

Кушакова. Подпишитесь и поставьте печать, пошляк.

Сидорин (*ехидно*). Завидую... Как вы с мужем-то живете. Не жизнь, а именины сердца. Печать у нее, верная моя. (*Показывает на секретаря.*)

Кушакова находит секретаря, которая улеглась на бегемоте.

Кушакова. Шлепните печать!

Секретарь достает из-под головы сумочку, из сумочки печать, прижимает к бумаге, которая становится отныне документом, прячет печать и мгновенно засыпает.

Сын Милосердова. ...Раз пошла такая спячка, может, мы свет погасим?

Тромбонист. Правильно...

Марина (*с издевкой*). Только давайте голосовать сначала, можно ли погасить свет?

Хвостов выключает свет. Теперь все пайщики страдают в темноте.

Тромбонист. Ой, в темноте страшно.

Карпухин (*ворочаясь*). Мне жестко...

Марина. А я не умею спать одетой.

Наташа. Лишь бы никто не захрапел.

И будто в ответ на ее слова храпит спящий толстый пайщик.

Тромбонист. Эй, кончай там безобразничать!

Наташа. Карпухин, это вы храпите?

Карпухин. Ты за собой последи. Чем ты вообще занимаешься, аспиранточка? Тема твоей диссертации лженаучна, ты типичный псевдоученый. Изучаешь серебристого журавля, а он, между прочим, гнездится за границей, у нас бывает только пролетом... Этот журавль в небе вообще не наша птица.

Смирновский (*с легкой насмешкой*). Вы уж не сердчайте, дорогой Карпухин. Серебристый журавль птица темная, она газет не читает и поэтому представления не имеет, наша она или капиталистическая.

Неразборчивые голоса и смех пайщиков.

Фетисов (*вдруг запел*). Темная ночь, ты, я знаю, родная, не спишь...

Аникеева. Этого еще не хватало, Фетисов, замолчите.

Тромбонист. Перестань фальшивить, певец!

Малаева (*задумчиво*). Есть такое стихотворение: у верблюда два горба, потому что жизнь — борьба.

Фетисов (*тоскливо*). Зачем я только в город переехал? На родине все неподдельное: дома деревянные, воздух свежий, лес зеленый, звери бегают, а здесь...

Сын Милосердова (*поет*). Спи, моя радость, усни...

Фетисов и пайщики смеются.

Марина и Сын Милосердова (*поют вместе*). ...в доме погасли огни-и-и...

Сын Милосердова. Товарищи, подхватывайте!

Хвостов поднимается, садится, затем уходит куда-то вглубь...

Хор пайщиков (*поют недружно*). Дресь ни одна не скрипит, мышка за печкою спит... Рыбки уснули в пруду, птички уснули в саду... Кто там вздохнул за стеной? Что нам за дело, родной. Глазки скорес сомкни! Спи, моя радость, усни...

Смирновский (*вдруг*). Товарищи! А я не согласен с Малаевой! Как это определить: кто лучше, кто хуже? По какой шкале? Все внесли одинаковую сумму, у всех

одинаковые права. Вы знаете, я предлагаю бросить жребий.

Аникеева (*безапелляционно*). Жребий — это не наши методы. Мы не в карты играем.

Смирновский. Причем жребий должны тянуть все, даже правление.

Голоса пайщиков. Верно, верно, жребий. Пусть и правление тянет. Пусть тянут все.

Сидорин (*садится на полу*). Насколько я понимаю, полусонные мои, собрание стихийно продолжается. Ну что же, давайте продолжим прения. Но я не могу проводить в потемках.

К...-то включил свет. Однако замученные пайщики продолжают валяться на своих лежанках, и собрание возобновляется, но на этот раз в бивуачно-туристском стиле.

(*Смирновскому*.) Павел Константинович! Вы крупный ученый, говорят, с мировым именем. Вы — член-корреспондент, в институте все зависит от вас, кроме меня. Я всего-навсего ветеринар. Если вас даже академиком изберут, звери от этого болеть не перестанут, их надо лечить. Поэтому, бесценный мой, я вам скажу правду в глаза: у вас на одну семью два гаража.

Смирновский. Ну что ж, мы с Мариной будем испытывать судьбу так же, как и все.

Сидорин. ...Но правление-то имеет преимущества.

Смирновский. Галантерейный мой, правление дискредитировало себя.

Аникеева (*кряхтя поднимается на скамейке*). Ох, Павел Константинович, бок отлежала... Я глубоко уважаю вас как ученого, но ваш моральный облик...

Смирновский (*думая, что разговор пойдет о Наташе*). Так, интересно.

Аникеева. ...Мне как заместителю директора института звонили из весомой организации... В овощном магазине номер шестьдесят два люди покупали картофель в пакетах — и что они там находили?

Сын Милосердова. Неужели ананасы?

Марина громко смеется.

Аникеева (*сыну Милосердова*). ...Не шутите, мальчик, не шутите. (*Снова обращается к Смирновскому*.) ...Они находили там визитную карточку Павла Константиновича со всеми его регалиями, званиями, адресом и домашним телефоном.

Пайщики обрадованно засмеялись.

Что это за выходки? Во-первых, вас никто на овощную базу не отправлял.

Смирновский (*кратко*). Послали всю мою лабораторию, всех моих научных сотрудников. И я считал невозможным не пойти с ними. Я привык работать добросовестно. Если я при окладе пятьсот рублей в месяц пакую картофель, то я отвечаю за каждую картофелину. Жалобы на качество были?

Аникеева (*растерялась*). Вроде нет...

Смирновский. Когда вы покупаете коробку конфет, там лежит бумажка: укладчица номер такой-то. А на овощной базе ни мне, ни докторам наук ни кандидатам, никому номеров не выдавали. Вот я и вкладывал в пакеты визитную карточку.

Сидорин (*пошел в атаку*). Восхищаюсь вашей принципиальностью, Павел Константинович. Сегодня на собрании вы раскрылись вовсю. То вы за правление, то против. Я-то думал, что вы, извините, большой ученый, а вы, извините, элементарный собственник.

Смирновский (*печально*). Да, Сидорин, я и собственник, и большой ученый, и, что обидно, трус. Казалось бы, чего мне бояться? Но меня в молодости столько били! Били за то, за что потом премии и звания давали. Но испугали на всю жизнь. Мне уже много лет — пора перестать бояться кого бы то ни было.

Аникеева. Исповеди вашей, Павел Константинович, не велика цена. Вы ведь сейчас все это говорите только для того, чтобы спасти второй гараж.

Наташа (*вспыхивает*). Как вы сместе так беспардонно разговаривать с самим Павлом Константиновичем! Павел Константинович — бескорыстная душа. Он плевать хотел на все эти ваши гаражи. А вы все... вы просто озверелые мещане!

Карпухин. Да, действительно, докатились. Нам смазливые любовницы проповеди читают.

Наташа изменилась в лице. От запальчивости не осталось и следа. Глаза ее наполняются слезами. Смирновский с болью и любовью смотрит на Наташу, и в наступившей тишине отчетливо слышны негромкие слова Смирновского.

Смирновский. Я не знал, что должен отчитываться перед гаражным кооперативом в своей личной жизни. Но моя Наташа не любовница, а жена... Карпухин, извинитесь перед ней немедленно!

Карпухин переводит растерянный взгляд со Смирновского на Наташу, которая не сводит глаз со своего кумира. Карпухин понимает, что переборщил. Он подходит к Наташе и говорит, глядя в сторону.

Карпухин. Извините, пожалуйста. Я не знал, что вы жена.

Марина. Чего только в биологии не бывает. Мама ровесница дочери! (*Наташе, тихо.*) Мамоchка, поздравляю. Ты добилась своего. Ухватила богатого и знаменитого.

Наташа (*тихо, Марине.*) Ты бесстыдница, доченька! Я просто люблю твоего отца.

Марина. Не спорю, любишь! Богатых и знаменитых всегда любят.

Наташа. Что мне, его из-за этого разлюбить?

Смирновский (*тревожно, жене и дочери*). Девочки, не ссорьтесь!

Малаева снова становится центром внимания.

Малаева. Карпухин, вы чудовище! И вообще — зачем вам гараж в Москве?

Карпухин. А где мне, по-твоему, нужен гараж?

Малаева. В Сибири. Вы же собираетесь расселить своих несчастных обезьян в сибирской тайге.

Фетисов. Что за хреновина! Обезьяны там перемерзнут.

Карпухин. Дилетантская точка зрения. Я создаю специальный вид обезьян — морозоустойчивый!

Тромбонист. Господи, чего не приснится ночью.

Сын Милосердова. А зачем? Кому это надо?

Малаева (*издевательски*). Это имеет огромное значение для нашего народного хозяйства.

Карпухин. Ты свои подковырки брось! В Индии обезьяны собирают кокосы. А мои макаки в сибирской тайге будут собирать кедровые шишки, лущить их, складывать орехи в ящики...

Смирновский (*подсказывает*). Наклеивать ярлыки....

Сын Милосердова. Наклеивать ярлыки — это мы обезьянам не отдадим!

Карпухин (*Смирновскому*). А вы, Павел Константинович, между прочим, дали на мою работу положительный отзыв!

Смирновский (*грустно*). Это лишний раз доказывает мою неразборчивость.

Карпухин. Это лишний раз доказывает вашу принципиальность.

Малаева (*с озорством*). Товарищи, я предлагаю исключить Карпухина! Ему нужен гараж где-то между Томском и Хабаровском. Он будет ездить по тайге на «Жигулях» и проверять — выполнили ли его обезьяны квартальный план!

Карпухин. А тебе, лилипутка, нужен гараж в пустыне среди твоих гремучих и дремучих змей. Тебе будет удобнее добывать твой яд!

Жених (*нервно вскакивает*). Я сейчас пишу кандидатскую — «Поведение животных в условиях повышенной опасности». Животные, в отличие от людей, не уничтожают себе подобных. Тигр не ест тигра, медведь не пожирает медведя, а заяц не убивает зайца. Вот, к примеру, овцебыки. Когда на них нападают волки, то самцы образуют каре, внутри которого прячутся самки и детеныши, а овцебыки рогами отгоняют хищников. Если кит ранен и не может всплыть на поверхность, чтобы глотнуть воздуха, то другие киты подплывают под него и как бы выносят его наверх. А мы, наоборот, топим друг друга. Животным свойственно чувство товарищества... Отпустите меня к невесте, я сейчас на стенку полезу!

Хвостов где-то раздобыл палку, прикрепил к ней плакат, на котором написал «Я вам покажу», и выходит на первый план. Привлекая к себе внимание, он гремит ведром, которое, наверное, забыла уборщица. Хвостов шагает с плакатом, как на демонстрации, а за ним следуют в едином строю Фетисов и жена Гуськова.

Сидорин. Что это значит? Что вы нам покажете?

Фетисов. Он вам все покажет!

Жена Гуськова. В знак протеста!

Аникеева. Мы вам не позволим ничего показывать! Мы вам сами все покажем!

Сидорин (*утомленно*). Товарищи, уже светает, и пора подводить неутешительные итоги. Признаюсь, это была не лучшая ночь в моей жизни. Музей разгромлен. Все осатанели и несут черт-те что! А этот олух стоит с плакатом! (*К Хвостову.*) Ну что ты тут торчишь?

Жена Гуськова. Это нечестно! Он не может вам ответить!

Фетисов. Он же безголосый!

Сидорин. Все! Меня довели. Я сдаю позиции и согласен на жеребьевку при условии, что вы пожалеете родное правление.

Аникеева понимает, что время работает против нее и пришла пора уступить.

Аникеева (*новым для всех ласковым тоном*). Мы столько для вас сделали! Боже мой, сколько кабинетов мы обходили, скольких людей уламывали, сколько времени и нервов на это потратили. Чтобы достать цемент, мы всю бригаду в Большой театр водили.

Сидорин. По счастью, у дирижера такса болела стригущим лишаем.

Аникеева. Иногда мы даже закон нарушали. Совали кому пятерку, кому десятку, кому флакон духов, кому коробку конфет. Но делали это для общего блага.

Сын Милосердова (*Марине*). Когда эта бодяга кончится, поедем ко мне завтракать?

Марина. На завтрак меня еще никогда не приглашали. Обычно зовут ужинать.

Сын Милосердова. У нас с вами начинаются новаторски.

Марина (*усмехнулась*). Я знаю, что произвожу впечатление женщины, с которой можно начать за ужином, за обедом и даже за завтраком.

Сын Милосердова. Сейчас вы скажете, что вы не такая.

Марина. Нет. Не скажу. Но и завтракать не поеду. Я уже свое отзавтракала.

Сын Милосердова. Не рано ли?

Марина (*глядя в сторону*). Мой недавний муж отбил у меня всякую тягу к еде в любое время суток.

Сын Милосердова. Марина, вместе с вами я согласен даже голодать.

Наташа и Смирновский смотрят в окно на заспанный город.

Наташа. Если бы не этот гаражный симпозиум, ты бы на мне не женился?

Смирновский (*полушутя*). Ни за что на свете!

Наташа. Надо же! И собрание может принести пользу.

Постепенно идея жребия овладевает массами. Пайщики бурно обсуждают эту возможность как единственный и спасительный выход.

Якубов (*встает*). Черт побери! Я все молчал, молчал. Как же, меня ведь купили — обратно приняли, и я... растаял. И предал... товарищей по несчастью... Подумать только, что со мною стало... В войну я разве

бы так поступил... там я ничего не боялся, а сейчас... из-за паршивого гаража... Есть такая избитая фраза: я бы с ним в разведку не пошел. Так вот сегодня я бы сам с собой не пошел в разведку. Не нужно мне ваших подачек! Конечно, жребий! И только жребий!

Фетисов. Молодец, Александр Григорьевич. Я тебя снова зауважал.

Тромбонист. Черт подери, я тоже с вами. Надоело играть под дирижерскую палочку. Что мне все время указывают? Мы здесь все солисты!

Малаева. Ладно, давайте сыграем в жребий. Но только сначала избавимся от блатных — от сына, страшно сказать, самого Милосердова и...

Сын Милосердова. Так. Папе моему врезали ни за что ни про что.

Малаева *(продолжает)*. ...и от директора рынка.

Жена Гуськова. Верно, тогда из порядочных только двое пострадают.

Смирновский. Разумно.

Фетисов. А больше у нас блатных нету?

Секретарь. Больше нет. Я как секретарь правления за это ручаюсь. А Кушакову я сама вписывала в протокол после собрания по указанию товарища Аникеевой.

Аникеева *(возмущенно)*. Вы ренегатка!

Секретарь. Да, я ренегатка. И горжусь этим!

Малаева. Предлагаю голосовать мою идею, то есть спровадим блатняг.

Кушакова *(выходит вперед для нанесения удара)*. Ах ты какая передовая! Сколько ты заплатила мужику за то, что он тебе дитя сотворил? Мужичонка-то был храбрец!..

Сидорин *(Кушаковой)*. Ну знаете! Вы перешли все границы.

Якубов *(брезгливо)*. Пойдите вон!

Кушакова. Я бы ушла, да заперто.

Малаева *(поблуднев, с трудом удерживается от слез, но пытается говорить беззаботно)*. Обыскивать меня обыскивали, теперь давайте залезем ко мне в кровать. Мужа у меня не было, нет... и не будет... наверное... А ребснок... Захочу... еще одного завсду. Муж на ссегодня — это не обязательно. Главное для женщины — дети... Таких, как я, знаете сколько... *(Плачет.)* Я счастлива... и сын мой счастлив... А насчет

денег, которые я платила... как это только ваш липкий язык повернулся... такое брякнуть... Если хотите знать истину, был у меня банальный роман с женатым. А он выбрал семью... Вы хотели оскорбить меня? Но оскорбили вы себя!

Марина (к сыну Милосердова). Эта рыночная гнида своим выступлением решила вашу судьбу. Вас обоих сейчас вышибут.

Сын Милосердова (беспечно). Пусть себе развлекаются. Им же надо выпустить пар.

Аникеева. И все-таки жребий — это не наш путь. Мы не можем продвигаться вперед вслепую.

Смирновский. Мы только это и делаем.

Аникеева. Надо вывести из кооператива четверых. И эта задача нам по плечу. Я согласна с общим мнением об исключении так называемых «блатных». Только я не согласна с формулировкой, это не блатные, это — полезные люди. Что такое Кушакова? Это не директор рынка. Кушакова — это бетон. Кушакова — это железные ворота. Кушакова — это бульдозер. Что такое сын Милосердова — не мне вам объяснять. Но... (Улыбается.) ...Что стоит услуга, которая уже оказана? Они свое дело сделали, гараж уже почти готов. Мы должны их исключить, но вывести им при этом благодарность.

Кушакова (с угрозой). Видела я вашу благодарность в гробу в белых тапочках. Мы с вами еще посчитаемся.

Аникеева (Кушаковой). Мне с вами считать нечего.

Кушакова (с издевкой). Так уж прямо нечего. А когда у вас якобы не хватало денег на «Жигули» и вы у меня заняли полторы тысячи...

Аникеева (жестко). Это поклеп! Вы грубо лжете! Это дешевая месть!..

Кушакова. Не такая уж дешевая. Зря я у вас расписки не взяла.

Аникеева. Вы — кляузница!

Кушакова. Значит, плакали мои денежки.

Малаева. Ничего, красавица, вы их быстро наверстаете.

Кушакова. Ну и нравы в этом научном кооперативе. Хуже, чем на рынке.

Аникеева. Я вас привлеку к суду. У меня вон сколько свидетелей!

Кушакова (смеется). А у меня ни одного!

Жена Гуськова. Я — свидетель!

Фетисов (*изумленно*). Неужели при тебе давали?

Жена Гуськова. Я не видела, но у меня чутье. Я говорила, что правлению в лапу суют!

Кушакова. Мало того, что деньги зажилила, еще судом грозитесь! Вот смехота!

Аникеева. На суде, гражданка Кушакова, вам будет не до смеха.

Сын Милосердова (*к Марине, тихо*). По-вашему, Аникеева брала взятку?

Марина. Вне всяких сомнений.

Сын Милосердова. А я не уверен. Доктор наук из-за денег мараться не будет.

Марина. А из-за чего будет?

Сын Милосердова. Из-за продуктов, например.

Аникеева продолжает зачитывать список, с трудом сохраняя видимое спокойствие.

Аникеева (*ко всем*). Номер три — дочка Смирновского. Хватит им одного гаража на семью.

Марина (*Смирновскому*). Папа, я тебя предупреждала — не высовывайся! Но меня это все не касается.

Ты мне подарил машину, так будь последователен: я ее буду ставить в твой гараж. Тем более что ты молодожен, а с милой рай и без гаража.

Смирновский (*отшучивается*). Не выйдет, малыш. Я лягу при входе. Ты же не переедешь папочку?

Марина (*показывая на себя*). Эта? Эта кого хочешь переедет!

Сын Милосердова добродушно смеется. Аникеева заканчивает чтение списка кандидатов на выброс.

Аникеева. И номер четвертый... (*После паузы*.) Гуськов!

Жена Гуськова (*благим матом*). Опять Гуськов! Почему Гуськов?

Аникеева (*хладнокровно*). Потому что нужен кто-то четвертый. Прошу голосовать!

Карпухин. Я категорически «за»! Предложение Аникеевой хорошее: двое блатных, дочка профессора и кто там четвертый... я забыл...

Малаева. Четвертый, конечно, Гуськов...

Карпухин. Гуськов для этого годится! Давайте голосовать.

Жена Гуськова (*на пределе отчаяния*). Как Гуськов? Почему Гуськов? Опять Гуськов... (*Подходит к Карпухину и как-то по-новому долго и странно глядит на него*.) Толик, почему у тебя джинсы разорваны? Ты опять дрался?

Карпухин (*ухмыляется*). Какой я вам Толик? Вы что, спятили?

Жена Гуськова. Толик, не груби маме! Садись делать географию. (*Оборачивается к Малаевой*.) А ты, Людочка, ешь овсяную кашу. В твоём возрасте очень полезно есть овсяную кашу.

Аникеева. Жена Гуськова, не паясничайте!

Поначалу всем кажется, что это со стороны Гуськовой лишь глупая неуместная шутка.

Сидорин (*жене Гуськова*). Неутомимая наша, перестаньте нас разыгрывать!

Жена Гуськова (*на этот раз Сидорину*). Гуськов, ты почему пришел вчера в одиннадцать вечера? Только не ври, что у тебя было собрание. Ты что, завел женщину? (*Всхлипывает*.) Я понимаю, что после всей этой домашней каторги я уже не такая хорошенькая. Но

у нас же двое детей. *(Плачет.)* Это твои дети, это наши дети! Что же ты молчишь, отвечай!

Присутствующим стало страшно.

Смирновский. Господи, да она помешалась!

И тут в Сидорине просыпается человеческое начало.

Сидорин *(обнимает жену Гуськова)*. Разумная моя, кроме тебя одной... у меня никого нет. Не было и не будет. Я люблю только тебя, и, пожалуйста, успокойся *(с душой)*, пожалуйста, не нервничай. Все будет хорошо. *(Карпухину.)* Толик! Садись учить географию!

Фетисов *(многозначительно, Карпухину)*. Толик! Не огорчай маму...

Карпухин *(растерянно)*. Да вы что, товарищи...

Фетисов. ...А то врежем!

Карпухин *(покорно)*. Ну хорошо, папы.

Сидорин *(Малаевой)*. А ты, Люда, ну-ка ешь кашу!

Малаева *(включается в эту печальную игру)*. Овсяная каша — моя любимая каша.

Жена Гуськова *(Сидорину)*. Гуськов! У нашей Людочки пальто совсем износилось, а девочки теперь ходят такие модные... *(Вздыхает.)*

Сидорин гладит ее по голове.

(Вдруг будто очнувшись, вздрагивает.) Ой! Господи, что это со мной? Мне что-то холодно.

Жених быстро отдает свое пальто Сидорину. Сидорин укрывает им жену Гуськова.

Тромбонист *(жене Гуськова)*. С тобой все в порядке... Тебя здесь никто в обиду не даст. Хочешь, я для тебя сейчас сыграю что-нибудь хорошее...

Жена Гуськова. Сыграй! *(Всхлипывает.)*

Тромбонист играет для жены Гуськова нежную, щемящую мелодию.

Вы простите меня. Простите меня, пожалуйста, товарищи!

Сидорин. Ничего.

Жена Гуськова. Товарищи, простите меня, ну, пожалуйста.

Сидорин. Ничего, ничего...

Хвостов прерывает Тромбониста.

Хвостов (*хриплым голосом*). Люди! Человеки! Одумайтесь! Вон утро уже! Так мы вообще тут с ума все посходим! (*Сам изумляется тому, что с ним произошло.*) Заговорил!..

Фетисов. Фантастика! Немой заговорил.

Хвостов. Это у меня от всего этого кошмара голос прорезался. Пайщики! Давайте голосовать сразу три пункта: первое — вышвырнем к чертовой бабушке блатных. Это раз.

Сын Милосердова (*встает по стойке смирно*). Чту память о моем гараже.

Хвостов. Второе — переизберем правление. Это два.

Сидорин. Так, кажется, нас свергают.

Секретарь. А меня за что? Я давно перешла на сторону народа!

Хвостов. И третье — давайте, кто из нас лишний, пусть все-таки решает жребий. Голосуем сразу три пункта. Кто «за», прошу поднять руки.

Сидорин с барской снисходительностью первым поднимает руку. Потом голосуют Малаева и секретарь, Смирновский, Марина, жена Гуськова. Один за другим голосуют пайщики.

Карпухин (*поднимает руку*). Ничего не поделаешь, я из большинства.

Хвостов. Понятно! Кто против?

Против голосует только Аникеева. Все смотрят на нее.

Сидорин (*дает совет*). Так, значит, нужно нарезать бумажки и две из них, несчастливые, пометить, ну, скажем, крестиком...

Хвостов (*Сидорину*). Мы это сделаем без вас, ладно, многоликий вы наш! Кто пожертвует для этого торжественного случая свою шапку?

Фетисов. У меня есть ушанка.

Хвостов. Спасибо!

И тут слышится отчаянный стук в дверь.

Муж Аникеевой (*из-за двери*). Случилось несчастье, откройте!

Аникеева (*бежит к двери*). О господи! Неужели что-нибудь с внуком?

Малаева. Сейчас... я сейчас... (*Тоже бежит к двери.*)

Муж Аникеевой. Откройте в конце концов!

Марина. Это опять муж Аникеевой.
Муж Аникеевой. Лидусик! Лидусик!
Аникеева. Что случилось?

Малаева наконец-то отпирает дверь. Входит муж Аникеевой.

Муж Аникеевой. Пока ты тут заседаешь, нашу машину угнали!

Аникеева (*с облегчением*). Боже мой! Я-то думала, что-нибудь с Сашенькой. Как я испугалась.

Муж Аникеевой. Машина стояла, как всегда, около третьего подъезда...

Аникеева. Ты... в ГАИ был?

Муж Аникеевой. Я позвонил, сообщил им номер нашей машины.

Аникеева. Позвонил! Бежать же надо! Дай пальто!

Муж Аникеевой. Давай одевайся! Где твое пальто? (*Находит, подает.*)

Сидорин (*его осенила идея*). Товарищи! Поскольку по закону человек, не имеющий машины, не может быть членом гаражного кооператива, товарищ Аникеева автоматически выбывает. И теперь помечать крестиком нужно только одну бумажку!..

Смех и неразборчивые голоса пайщиков.

Аникеева. Какая прелесть! Предаете, фальшивый мой?

Сидорин. Неподкупная моя, вовремя предать — это не предать, а предвидеть!

Сын Милосердова (*весело*). Повторите эту ценную мысль, я запишу!

Карпухин (*встает на защиту Аникеевой*). Товарищи! Не надо торопиться, машину могут найти.

Сидорин. Если машина найдется, мы тут же вставим товарища Аникееву в резерв.

Муж Аникеевой (*Сидорину*). Вы же у нас дома бываете!

Малаева (*Сидорину*). Как вас только животные терпят?

Сидорин. Животные меня любят! Им я ничего плохого не делаю.

Тромбонист. Как это все некрасиво!

Аникеева (*Сидорину*). Ничего, дорогой мой, мы с вами поговорим завтра в другом месте и на другом уровне.

Муж Аникеевой. Пойдем, Лидусик!
Аникеева. До свидания, товарищи!

Аникеевы уходят, им сейчас не до жребия.

Сидорин. Да что вы на меня накинулись, закон есть закон, не я его писал...

Хвостов. Товарищи! Вот у всех на глазах я помечаю одну бумажку крестом...

Жена Гуськова (*обречено*). Вы увидите, что эту единственную несчастливую бумажку вытащу именно я.

Хвостов (*кладет бумажки в шапку-ушанку*). Так, приступаем к жеребьевке. (*Встряхивает.*) Кто первый?

Жених. ...Товарищи, позвольте мне первым, у меня очень уважительная причина...

Фетисов. Не бойся, давай!

Хвостов. Смелее! Не дождется невеста.

Жених (*тащит бумажку, рассматривает*). Счастли-и-ива-а-я! (*Смеется.*) Спасибо. До свидания. (*Мчит-ся к выходу и исчезает.*)

Кушакова (*ко всем*). Вы еще горько пожалеете обо мне. Я добьюсь, что магистраль перенесут, и она пройдет по вашему участку. А частные гаражи мы несем как уродующие лицо города.

Возмущенные неразборчивые голоса пайщиков.

И по этому месту будут мчаться автобусы и троллейбусы... (*У входа оборачивается и плюет в сторону пайщиков.*) Тьфу.

Карпухин (*трет глаз, как бы вытирая плевок*). Смотрите, ведь она так могла и в глаз попасть!

Секретарь. О господи!

Смирновский. Да, уникальный экземпляр.

Пайщики снова тащат жребий.

Секретарь (*радостно разглядывая бумажку*). Пусто, пусто.

Малаева (*вытянула жребий*). Чисто!

Тромбонист (*нервно*). Поздравляю.

Тащит Сидорин. Все затихли.

Фетисов (*Сидорину*). Чтоб вы крестик вытянули! (*Смеется.*)

Сидорин вздрогнул и все-таки вытащил счастливый билет.

Сидорин (с облегчением). Я чист!..

Карпухин (расталкивая пайщиков). Позвольте...

Фетисов. Ну, сейчас вот этому достанется!

Малаева. Ну, Карпухин!

Карпухин колеблется.

Секретарь. Быстрее!

Карпухин медленно, как картежники, разворачивает бумажку.

Тромбонист. Как в очко играет.

Карпухин (наконец-то развернул — и у него чистая бумажка). Ну правильно, так и должно быть, потому что правда всегда на нашей стороне.

Нервно смеются те, кто еще не тащил. Тянет жребий жена Гуськова.

Жена Гуськова. Я боюсь.

Хвостов. Давайте, смелей!

Жена Гуськова. Сейчас, тьфу. (Стучит по дереву, сплевывает через левое плечо.) Я боюсь.

Тромбонист. Давай!

Сидорин. Смелее!

Жена Гуськова (вытянула, медленно разворачивает, вскрикивает). У меня чистая, честное слово, посмотрите! Первый раз повезло.

Хвостов. Давайте, товарищи, тяните...

Тянет Смирновский. Чистая...

По одной бумажке берите, по одной!

Тянет Марина. Чистая бумажка. Показывает свой фантик Смирновскому.

Сын Милосердова, он не ушел с собрания, с улыбкой смотрит на Марину.

Товарищи! Кто еще не вытянул?

Тромбонист. Я не тащил! (Вытаскивает, и радостная улыбка плывет по его лицу.)

Вытаскивают счастливые билеты Якубов и Фетисов.

Фетисов. Вот она, моя родимая! (Размахивает удачной бумажкой.)

Хвостов. Крестов ни у кого нет?

Тромбонист. Вроде ни у кого.

Якубов. Вот у меня пустая бумажка. (Показывает.)

Фетисов. А кто же крестик-то вытянул?

Хвостов (*в ужасе*). Товарищи! Я не тянул.
Марина. Сейчас он опять голос потеряет.

Карпухин смеется.

Малаева (*Карпухину*). Вам, конечно, его не жалко?

Хвостов (*обреченно тянет и... радостно изумляется*). Чисто?!

Сидорин. Как чисто?

Хвостов. ...Посмотрите! Пожалуйста...

Смирновский. Что же опять произошло? Вроде все тянули.

Хвостов (*пошарил в ушанке*). Товарищи! Кто-то не тянул жребий. В шапке она бумажка, еще...

Сидорин. Кто-то все-таки не тяну-у-ул жребий...

Смирновский. Кто не тянул жребий?

Жена Гуськова. Неужели все начнется сначала?

Малаева. Товарищи! Кто не тянул жребий? Кто?

Карпухин. ...Товарищи, кто-то все-таки не тянул.

У бегемота мирно спит толстый пайщик. Все становится ясным. И пайщики дружно направляются к нему. Впереди с шапкой-ушанкой в руках движется Хвостов. Пайщики смеются. Смех будит толстого. Он приоткрывает глаза и тупо таращится на своих коллег, не понимая происходящего.

Хвостов (*протягивает шапку толстому пайщику*). Тяните жребий.

Сидорин. Вытащите эту бумажку, счастливый вы наш!

КОНЕЦ

1977 г.

От авторов

Уважасмый читатель!

Начав знакомство с литературным сценарием «О бедном гусаре замолвите слово...», ты обнаружишь немало различий между ним и одноименным телефильмом. Это может тебя удивить, но не должно огорчить.

Создание фильма — процесс сложный и творческий. Живые люди, живая природа, реальный быт, возникающий на пленке, начинают жить по своим законам. Один красноречивый взгляд актера порой заменяет несколько реплик, темперамент исполнителей делает длинную сцену короткой, а выразительность пейзажа превращает незначительный эпизод в важную сцену.

Так все и было во время съемок. Исполнители обогащали роли своими индивидуальными чертами, а иногда предлагали и существенные изменения, и если они шли на пользу дела, авторы соглашались. Редакторы и консультанты (а их было немало, поскольку фильм в какой-то мере исторический) тоже делали свои замечания, высказывали пожелания, с которыми авторы тоже не могли не считаться...

Возникающие изменения в свою очередь диктовали иную логику. Так, например, господин Мерзляев из майора третьего отделения в новой редакции стал графом, «исполнителем особых поручений государя императора». Это повышение, естественно, расширило круг его полномочий, придало его активности в поступках зловещий оттенок, продиктовало иной уровень взаимоотношений с провинциальной актрисой Настенькой. (Майор мечтал на ней жениться, граф, да еще в исполнении Олега Басилашвили, явно был не склонен к такому мезальянсу и ограничился легким флиртом.) Соответственно и тайный агент Артюхов сделался крепостным человеком графа Мерзляева... От этого усложнились их

взаимоотношения, впитав в себя и рабскую покорность и вековую неприязнь холопа к хозяину-самодуру...

Не станем пересказывать всех изменений. Читая сценарий, ты, уважаемый читатель, обнаружишь их сам. Ответим лишь на вопрос: почему мы не перенесли в публикуемый сценарий все те изменения, которые появились в фильме?

Честно говоря, поначалу мы попытались это сделать, но вскоре убедились, что ничего путного из этого не получается. Оказалось, что от перемены мест слагаемых результат не меняется только в математике, в искусстве же он приобретает знак минус...

Оказалось, что сценарий продолжает жить как самостоятельное литературное произведение по своим законам, законам литературы. Он ведь и сочинялся как киноповесть. И нам хотелось, чтобы любой читатель своим индивидуальным воображением создал в фантазии тот фильм, который максимально соответствует его собственным вкусам. Зачем же, подумали мы, лишать читателя этого удовольствия, навязывая готовое решение? Чтение — процесс творческий! Здесь каждый — гениальный режиссер и имеет право населять сценарий теми исполнителями, которые ему по душе...

(Попутно заметим: некоторые исследователи сетуют, что телевидение отвлекает людей от чтения. Нам кажется, что не стоит искусственно разделять людей на Зрителя и Читателя. В конце концов, это один и тот же Думающий Человек, для которого мечтает работать каждый художник.)

Главное, чтоб при таком индивидуальном читательском творческом процессе сохранились идеи, которые волновали авторов сценария, — идеи благородства, гражданского мужества, чести, добра, взаимопомощи... Одним словом, возвышенные идеалы, которые завещаны нам, потомкам, лучшими людьми России...

Первая серия

«Это произошло лет сто, а может, и двести назад, так что очевидцев, скорее всего, не осталось... Поэтому никто не сможет упрекнуть нас в недостоверности» — эти слова принадлежали режиссеру, который на ходу давал интервью.

На съемочной площадке, как говорится, «смешались в кучу кони, люди»: шла подготовка к съемкам костюмого фильма. Пример наклеивал актеру лихие гусарские усы. Костюмеры наряжали массовку в одежды горожан давно ушедшего времени. Консультант показывал, как гусары поили из кивера коней. На площадке, окруженный лошадьми, осветительными приборами, тонвагенами и лихтвагснами, стоял вертолет. К нему, заканчивая интервью, направлялся режиссер.

«История, которую мы хотим показать, не опирается на подлинные исторические факты. Она настолько недостоверна, что в нее нельзя не поверить».

Взрели винты. Вздрыбились лошади. Гусары схватились за кивера, не давая порывам ветра унести их. Вертолет взмыл в воздух... Остались позади залитые солнцем белые кварталы новостроек. Вертолет пролетал над великолепными пейзажами: реки, перелески, озера, поля. Полилась ностальгическая русская мелодия. Она как бы уводила нас из сегодняшних дней в давно минувшие. И вот перед нашим взором возникли снятые с высоты птичьего полета старинные дворцы, парки и замки. Кусково и Петродворец, Архангельское и Павловск, Марфино и Царское Село.

Продолжает звучать голос за кадром:

«Эта история приключилась в то замечательное время, когда мужчины владели шпагой лучше, чем грамотой, и шли бесстрашно не только в бой, но и под венц; когда женщины умели ценить бескорыстную любовь и вознаграждали ее приданым; когда наряды были такими красивыми, а фигуры такими стройными, что первое было не стыдно надевать на второе.

Это было время, когда царь обожал свой народ, а народ платил ему тем же и еще многим другим.

Это было время, когда лучшие умы России мыслили, но молчали, поскольку им затыкали рты, а худшие говорили, хотя, между прочим, могли бы и помолчать...

Впрочем, может быть, все было и не совсем так. Если вдуматься, эта история — сказка, слегка приукрашенная правдой, если не вдумываться, — тем болсе...».

По проселочной дороге ехала снятая с вертолета черная карета, запряженная четверкой. Ее сопровождали два конных жандарма.

Голос за кадром:

«Извините, что мы начинаем нашу комедию с эпизода, несколько непривычного для веселого жанра. Дело в том, что узника, которого везут в этой карете, решили отправить на тот свет».

Из остановившейся кареты двое жандармов вывели человека со связанными руками и черной повязкой на глазах. Жертва, как и полагалось для столь торжественного случая, была одета весьма эффектно: белая батиговая рубашка с кружевной оторочкой, распахнутая на груди, черные бархатные штаны и до блеска начищенные тюремным надзирателем сапоги.

Приговоренного подвели к крутому обрыву над рской, на другом берегу которой в дымке утреннего тумана вырисовывался силуэт спящего русского городка...

Поручик приказал пятерым солдатам занять места, а священник подошел к приговоренному с протянутым для последнего поцелуя крестом. Однако смертник демонстративно отвернулся в сторону, и священник безучастно убрал крест себе за пазуху.

За всей это церемонией наблюдал всадник — злобная фигура в черном плаще.

Голос за кадром:

«Разрешите представить вам одного из главных и активно действующих лиц. Для людей несведущих поясним: он одет в форму офицера третьего отделения. И в данном случае форма, как говорится, соответствует содержанию. Фамилия ему Мерзляев».

— Наряд! — громко скомандовал поручик. — Ружья в изготовку! В преступника-бунтовщика, изменника царю, вере и отечеству, це-е-льсь!

Солдаты послушно подняли ружья, навели на жертву.

— Палачи! Сатрапы! Душителы свободы! — гневно воскликнул приговоренный и потрянул благородной головой.

Один из солдат дрогнул и опустил ружье.

— Степанов! — испуганно зашипел поручик. — Подними ружье, сукин сын.

— Не могу, — тихо сказал солдат. — Ваше благородие, это же свой... русский.

— Какой он тебе «свой»?! — снова зашипел поручик. — Сам под пулю захотел?

— Пускай! — вздохнул солдат и бросил ружье на землю. — Не могу!

— Из какой роты этот гуманист? — ласково спросил Мерзляев и сделал знак жандармам.

— Из пятой! — буркнул поручик и опустил голову.

Жандармы подошли к Степанову, привычным движением надели на него кандалы и отвели в черный экипаж.

— Продолжайте! — мягко попросил Мерзляев.

— Господин штабс-капитан, — нерешительно обратился к Мерзляеву поручик. — А может, сами скомандуете? Вам такие дела сподручней...

— Голубчик, — дружелюбно сказал Мерзляев, — кабы расстреливали офицера, ну, скажем, вас, я бы скомандовал. А с этим субъектом, думаю, вы и сами справитесь.

Поручик заскрипел зубами, сжал кулаки и вдруг крикнул: «Солдаты! Пли!!!» Грохнул залп. Расстреливаемый вскрикнул, пошатнулся и, став расстрелянным, скатился с обрыва.

— И все дела, — спокойно сказал Мерзляев. — Спасибо, братцы!

— По коням! — заорал поручик, и солдаты, стараясь не глядеть в глаза друг другу, быстро вскочили на коней и ускакали прочь.

Священник перекрестился, поднял полы рясы и тоже поспешно удалился.

Мерзляев тронул поводья, медленно подъехал к обрыву, глянул вниз. Убиенный лежал у края воды, широко раскинув руки...

— Вставай, карбонарий хренов! — брезгливо крикнул Мерзляев.

Расстрелянный ожил, стянул с глаз повязку, резко вскочил, но вдруг застонал, схватившись за колено.

— Ногу подвернул, ваше благородие, — пожаловался он.

— Сегодня плохо работал, Артюхов! — сказал Мерзляев. — Кричал ненатурально. Жестикულიровал скверно... Надрался небось с вечера, мошенник?

— Как можно, ваше благородие? — бормотал Артюхов, влезая по склону вверх.— Я перед работой ни-ни... Никогда! Обрыв уж больно крутой... Нешто можно — живого человека на таком месте расстреливать?

— Пошевеливайся! — недовольно приказал Мерзляев.— Нам в соседний полк еще поспеть надо! — И добавил, обращаясь к жандарму:

— Помоги-ка ему!

Затем Мерзляев тронул поводья и поскакал в направлении города.

— Прибавить бы за сегодняшнее дело, ваше благородие! — прокричал ему вслед Артюхов.— Кувыркатся-то сколько пришлось... Это уж, ей-богу, не расстрел, а мука!

— Почем вам платят? — спросил жандарм, помогая прихрамывающему Артюхову.

— Да ерунду... Тридцать гривен за расстрел. А сейчас пучок лука пятак. У меня семья...

— Все-таки тридцать гривен — и ни за что...

— «Ни за что»? — возмутился Артюхов.— Да ты встань на мое место... Кричишь им всякие благородные слова в темноте, а у самого сердце екает. Вдруг какому обормоту пулю настоящую положили...

— Слушай, а на кой всю эту комедь придумали? — спросил жандарм.

— Пентюх ты, Никита.— В голосе Артюхова прозвучала покровительственная нотка.— Государственное дело делаем! На мне люди проверяются: кто за, а кто против...

— А всшать вас не пробовали? — поинтересовался жандарм.

— Чего? — изумился Артюхов.— Ну, ты скажешь! Там же холостую петлю не сделаешь...

— Для вас и настоящей не жалко,— сказал жандарм. Но, увидев перекосенное лицо Артюхова, испуганно добавил: — Извините, господин тайный агент, шутю...

«По селу бегут мальчишки,
Девки, бабы, ребятишки,
— Словно стая саранчи.
В трубы дуют трубачи!
Туру-рум! Ту-ру-рум! Ту-ру-рум!
Раздаются тары-бары:
«К нам приехали гусары!
Все красавцы усачи!
В трубы дуют трубачи!..»
Туру-рум! Ту-ру-рум! Ту-ру-рум!»

Под эту лихую песенку в город Губернск вступал гусарский полк.

Перед полком шагал военный оркестр во главе с капельмейстером, наяривая залихватский марш. Впереди на лихом белом коне гарцевал бравый старый полковник лет эдак аж тридцати восьми. За ним под звонкий цокот копыт выплывали ослепительные майоры, волшебные штабс-капитаны, неотразимые поручики, восхитительные корнеты... Зеленые кивера с оранжевыми султанами, малиновые доломаны, расшитые золотом, серебряные ментики с меховой опушкой, атласно-голубые попоны под кавалерийскими седлами, в которых упруго размещались белоснежные панталоны с вшитыми в нужное место заячьими лапками — одним словом, в город въехало все, что устрашало врагов и пленяло женщин.

А женщины города Губернска были не робкого десятка и шли навстречу опасности грудью вперед. На балконах, в распахнутых окнах домов, в витринах лавок и в оживленной толпе мелькали соблазнительные локоны, манящие улыбки, завлскательные глазки и соблазнительные ножки — одним словом, все, что вдохновляет военных на штурм. Эту радостную картину не могли омрачить даже постные лица мужей, которые чувствовали себя ненужными на этом празднике жизни.

На углу главной улицы стояла черная запыленная карета, обляпанная грязью, из которой выглядывала физиономия Мерзляева, светившаяся патриотической улыбкой.

— Орлы ребята! — с гордостью обратился Мерзляев к сидевшему в той же карете Артюхову, но, когда тот попытался высунуться в окно, Мерзляев резко осадил его:

— Куда! Болван! Ты свою рожу не афишируй...

Полк продолжал торжественное шествие по городским улицам. Когда гусары поравнялись с зоологической лавкой, в ее витрине показался ликующий хозяин с ликующими чадами и домочадцами. Каждый из стоявших держал клетки с попугаями.

— Нашему доблестному гусарскому воинству у-ра-а!
— закричал хозяин лавки и сделал знак домочадцам.

— Ур-ра! — закричали домочадцы.

Хозяин подмигнул попугаям и даже чуть присвистнул: «Фьють».

— У-р-ра! — один за другим закричали попугаи...

В заведении мадам Жозефины, несмотря на середину дня, ощущалось ранее утро: полуодетые, невыспавшиеся барышни причесывались, зевали, пили чай, слонялись из угла в угол.

Появилась взволнованная мадам Жозефина — элегантная француженка лет сорока.

— Мадемуазель! Большой радость!.. Темпераментный гусар вошел в город... Каникулы кончатся. Будет много работы... Требь ян! Требь ян!

Барышни вяло отреагировали.

— Тебе-то «требь ян», — проворчала одна из барышень, — а нам отдувайся...

— В деревню хотела отпроситься, — сказала девица по имени Жужу, — теперь стерва не пустит...

Барышни выползли на балкон.

— Все радуется, — потребовала Жозефина. — Общий виват!

— Виват! — вразной заорали барышни.

Гусары при виде жриц любви все как один повернули головы и сделали равнение на балкон. Галантный полковник отдал честь. Один из гусар, Алексей Плетнев, пришел в радостное возбуждение, конь под ним совершил подлинный цирковой трюк: переступая ногами, почти танцуя, он вынес всадника к балкону, а потом, шаркнув копытом, сделал поклон.

Девушки взвизгнули от радости и зааплодировали.

Во дворе городского театра шла погрузка на подводы и фуры театральных декораций: передвижная драматическая труппа покидала Губернск в унылом состоянии. Выносили и складывали в ящики костюмы, реквизит, личные вещи.

Трагик Бубенцов влез на повозку и простер руки в направлении города.

— О Губернск непросвещенный! — заорал он. — О кладбище талантов! О скопище малограмотных плебеев... О... О... — Трагик на секунду задумался и затем спокойно закончил проклятие: — Чтоб вы все сдохли... Трогай, дочка, — добавил он, обращаясь к молодой девушке, сидящей на козлах. — Федор, открывай ворота!

Караван тронулся. Федор, один из артистов труппы, распахнул ворота, и сразу во двор ворвался грохот военного марша. В проеме ворот показались гусары.

Бубенцов замер.

— Стой, дочка! — заорал он через секунду.— Остаемся! Что у нас в репертуаре из жизни офицеров?

— Отелло, что ли,— неуверенно сказал один из актеров.

— Годится,— одобрил Бубенцов.— Злободневная вещь: красотка вышла за генерала. Роли расходятся? — Он деловито оглядел труппу.— Отелло — я, Кассио — Марк, так... Яго — Федор. Вылитый Яго! Анна, ты сыграсшь Эмилию, а ты, дочка — Дездемону.

— Что вы, папенька! — побледнела Настенька.— Я же роли не знаю...

— Суфлер знает,— успокоил Бубенцов.

— Но ведь страшно... Господа офицеры... Как перед ними играть?

— Громко! — подытожил Бубенцов.

На центральной площади возле здания городского театра цвет Губернска готовился к встрече доблестного воинства. Держа в руках поднос с хлебом-солью, впереди всех стоял породистый губернатор с еще более породистой губернаторшей. Позади них толпилось менше породистое дворянство, духовенство и чиновничество...

Полк, продолжая свое победное вступление в город, появился на центральной площади, и вдруг случилось непредвиденное: прямо перед носом колонны через улицу, усыпанную цветами, пробежала отвратительная черная кошка.

Оркестр встал как вкопанный. Музыка сбилась и смолкла. Полк замер. Толпа затаила дыханис.

Возникла неловкая пауза. Хозяева города и гости стояли друг против друга, не смея сделать рокового шага.

На мужественном, покрытом боевыми шрамами лице полковника Покровского мелькнуло секундное колебание. Но затем он трижды плюнул через левое плечо, вздыбил коня, выхватил клинок и скомандовал:

— За мной, ребята!

И на полном скаку первым пересек воображаемую опасную черту.

Полк ответил громогласным «ур-ра!» и поскакал за бесстрашным командиром. Оркестр вновь грянул марш.

Счастливая толпа завопила «виват!», в воздух полетели чепчики и другие части туалета...

Вечером театр города Губернска был и впрямь переполнен: офицеры пришли посмотреть на местных барышень и дам, а дамы и барышни пришли показать себя офицерам.

В этой напряженной обстановке актерам было довольно трудно привлечь внимание к себе, поэтому они играли громче, чем обычно. За ходом спектакля следили лишь обреченные мужья города Губернска, тем более на сцене бушевали страсти ревнивого венецианского мавра, заподозрившего свою жену в любовной связи с офицером, что делало трагедию как никогда актуальной...

Трагик Афанасий Бубенцов, вымазанный сажей, сверкая белками глаз, с помощью суфлера обвинял в неверности Дездемону, которую изображала его родная дочь Настенька.

— Сегодня я схватил ужасный насморк! — подавал текст суфлер, и Бубенцов, как громогласное эхо, оповещал об этом весь зал. — Как надоел! Поддай мне твой платок!

— Вот он, — нежно сказала Настенька, услышав шепот суфлера.

— Нет! Тот, что подарил тебе я, — попугайствовал Бубенцов.

— Он не при мне.

— Нет?! — саркастически усмехнулся мавр.

— Нет, — простодушно ответила Дездемона.

— Нехорошо!

В этот драматический диалог неожиданно ворвался звук хлопнувшей двери — в зал вошел корнет Алексей Плетнев. (Поскольку он является героем нашего повествования, опишем его подробнее, тем более что часть публики оглянулась и смотрит на него... Он молод, высок, строен. На его румянном лице, как два кинжала, торчат задиристые усы. Неправильные черты лица, нос картошкой, растопыренные уши не давали повода считать его красавцем, но он был хорош собой, черт бы его побрал!)

Ничуть не смутившись, корнет окинул хозяйским взглядом весь женский личный состав, пришел в восторг, послал несколько воздушных поцелуев в разных направлениях и стал пробираться к своему креслу, наступая на чьи-то ноги, ежесекундно громко выкрикивая «пардон!».

— Кто этот невежа? — спросил губернатор у сидевшего рядом командира полка. — Всего лишь корнет, а позволяет себе...

— Плетнев! Лешка! — В грубоватом голосе полковника послышалась гордая отцовская нотка.— Стервец!.. Герой! А в корнеты разжалован за дуэль.

— Дуэль была из-за женщины? — игриво спросила губернаторша.

— Разумеется, сударыня,— ответил полковник.— Из-за двух!

Жена губернатора посмотрела на Плетнева, потом перевела взгляд на мужа, вздохнула и грустно стала смотреть на сцену, где шла своя трагедия.

Дездемона секретничала с Эмилией. Суфлер подсказывал тему для беседы и той и другой...

«Дездемона. Неужели в самом деле есть женщины, способные мужей обманывать так низко?

Эмилия. Без сомненья, немало их...

Дездемона. А ты так поступить решилась бы? Когда б тебе давали хоть целый мир?

Эмилия. А вы бы разве нет?

Дездемона. Нет! Никогда! Клянусь небесным светом!»

В голосе Настеньки Бубенцовой прозвучал пафос добродетели. Губернские мужья бешено заплодировали, одобряя эту целомудренную программу. Один из мужей даже вскочил и закричал: «Браво! Молодец, Дездемона!» В ту же секунду молодой гусар (в полку его прозвали Симпомпончик) привычным жестом всучил записку его жене, та таким же привычным жестом сунула записку за корсаж... Муж уселся и высокомерно покосился на Симпомпончика — тот с подчеркнутым равнодушием смотрел на сцену.

Плетнев восхищенно уставился на Дездемону.

— Экий розанчик! — громко воскликнул он и ткнул локтем своего соседа, которым оказался штабс-капитан Мерзляев, одетый во фрак.— И давно она здесь?

— С начала пьесы,— пожав плечами, ответил тот.

— А я, дурак, опоздал! Хороша! Верно?

— Обворожительна! — согласился Мерзляев.— Шарман! Очень пикантна. В ней есть что-то такое...— И Мерзляев, наклонившись к уху корнета, шепнул: — Думаю после спектакля рискнуть...

— Тут либо думать, либо рисковать! — решительно сказал Плетнев, поднялся и пошел по ряду, вновь наступая на чьи-то ноги и прося прощенья...

Когда через несколько минут Настя Бубенцова временно покинула сцену, она наткнулась в кулисах на усатого верзилу с букетом цветов.

— Сударыня, разрешите представиться: корнет Плетнев! Очарован вами и, чувствуя прилив в душе...

— Извините, мне некогда! — сухо сказала Настенька и прошмыгнула в костюмерную комнату. Тут же без стука туда вошел корнет.

— ...и, чувствуя прилив в душе,— продолжал он начатую фразу,— почту за честь пригласить вас сегодня на ужин...

— Мне надо переодеться! — взмолилась Настенька.

— Ни в коем случае! Вы в этом платье... ну просто нимфа,— сказал Плетнев и уселся на стул.

— Пошел вон! — разгневалась Настенька и, увидев, что корнет не трогается с места, схватила рубашку и выбежала из костюмерной.

Через секунду, в одной ночной сорочке, она сидела на сцене в спальне венецианского дворца, где по сюжету должна была состояться знаменитая сцена удушения...

— Кто здесь? Отелло, ты? — подсказал суфлер. И Настенька повторила этот вопрос, вложив в него всю необходимую гамму чувств.

— Я, Дездемона,— не стал отпираться появившийся Отелло.

— Что ж не идешь ложиться ты, мой друг? — Настенька протянула мавру зовущие трепетные руки... и обомлела. В суфлерской будке вместо старичка суфлера появилась усатая румяная рожа.

— Молилась ли ты на ночь, Дездемона? — поинтересовался мавр.

Настенька молчала, не в силах оторвать изумленного взгляда от суфлерской будки.

— Сударыня! — страстно сказал Плетнев.— Если вы верите в любовь с первого взгляда, она — перед вами!

— Вы с ума сошли! — прошептала Настенька.

— Не спорю,— согласился Плетнев.— И счастлив этим!

— Молилась ли ты на ночь, Дездемона? — повысил голос Отелло.

— Уйдите! — свирепо зашипела Настя корнету.— Я текста не знаю...

— Слушай, Дездемона, в конце концов: молилась или нет? — перешел на прозу Отелло и, перехватив полный ужаса взгляд партнерши, глянул в суфлерскую будку.

Плетнев приветливо помахал озорвавшему мавру рукой: «Миль пардон, господин арап, буквально несколько слов, антр ну!» — И снова обратился к даме сердца:

— Сударыня, один ваш взгляд — и карета ждет у театра.

Зал, почувствовав некоторую заминку на сцене, впервые заинтересовался представлением. Воцарилась зловещая пауза. Актеры не знали, что делать.

— Дездемона! — вдруг закричал находчивый Бубенцов и, к изумлению всего зала, снял с ноги туфлю и запустил ею в суфлерскую будку. — Там мышь! Там мышь! — объяснил он свой странный поступок партнерше.

Туфля в ту же секунду, подобно бумерангу, вылетела обратно и угодила мавру в физиономию.

— Ах так! — взбесился мавр. — Ну, скотина, я тебе покажу! — Он подскочил к суфлерской будке и стал пинать невидимого зала Плетнева.

Публика зашумела, почувствовав, что трагедия развивается по новому, непредвиденному сюжету.

— Кого это он там? — простодушно поинтересовался Симпомпончик у мужа.

— Это гипербола, — снисходительно пояснил муж. — Неужели не ясно!

— Я понял, что гипербола, ногами-то зачем?

Защищаясь от ударов, Плетнев дернул разъяренного мавра за ногу, отчего тот грохнулся на пол.

— Папочка! Ты ушибся! — закричала Дездемона своему чернокожему мужу, тем самым совершенно сбив с толку зал.

— То есть как «папочка?» — изумился губернатор. — Она его жена!

— Это безобразие! Что вытворяют эти комедианты! — воскликнула жена губернатора, поднялась и демонстративно направилась к выходу.

— Терпенью моему пришел конец! Сейчас за все получишь ты, подлец! — неожиданно в рифму продекламировал трагик и, схватив со стены висевший среди прочего оружия лук, выпустил стрелу в направлении суфлерской будки.

Тут же раздался истошный женский визг: стрела угодила губернаторше в место, которое она только что оторвала от стула...

Коридор тюрьмы города Губернска. По коридорам хозяйским шагом двигался штабс-капитан Мерзляев. Конвоиры при виде офицера из Петербурга вытягивались во фронт.

Голос за кадром:

«Разные профессии встречаются на свете. Профессией господина Мерзляева было наблюдать, надзирать, присматривать — одним словом, блюсти. Этому трудному, благородному делу он посвятил себя без остатка. Он служил не за страх и не за совесть, поскольку он не имел ни того, ни другого. Просто он любил это дело... Вот и сейчас, несмотря на раннее время, он исполнял свой патриотический долг. Исполнял его он в помещении тюрьмы, а именно в кабинете начальника этого общедоступного заведения».

Мерзляев открыл дверь кабинета. В кабинете на письменном столе стояли четыре клетки с попугаями, а в двух шагах от стола дрожал бледный от страха хозяин зоологической лавки.

— Извините, господин Перцовский, — сказал Мерзляев, усаживаясь за стол. — Все время отвлекают...

— Понятно, — подобострастно засуетился хозяин лавки. — Такой начальник из... столицы. Столько дел... Ни минуты покоя.

— Я рад, господин Перцовский, что вы меня пожалели, — усмехнулся Мерзляев. — Однако вернемся к нашим барабанам... — Он повернулся к клеткам с попугаями. — Послушаем еще разок. Фью-ить... Фьюить! — присвистнул Мерзляев.

Первый попугай немедленно захлопал крыльями и отозвался: «Царь-дурак!»

Второй подхватил: «Царь-дурак!»

Тут же включился третий: «Царь-дурак!»

Четвертый попугай пришел от этих криков в дикое возбуждение, заметался по клетке и заорал громче остальных: «Дурак! Дурак!» — и неожиданно добавил: «Долой царя!»

— Не виноват! — взмолился хозяин лавки. — Господин офицер, не учил я их этому... Ей-богу!

— Сами, что ль, додумались? — иронизировал Мерзляев.

— Я же объяснил, ваша милость, я купил одну птицу на рынке...

— У кого?

— У мужика какого-то. С большой бородой. А этот попугай и научил всех остальных.

— Где ж зачинщик? — поинтересовался Мерзляев.

— Мужик, что ль?

— Попугай...

— Улетел как назло.

— Бежал, значит,— усмехнулся Мерзляев.— Ну хорошо. Допустим: первый научил второго, второй — третьего... Я еще могу понять. Но вот этот-то мерзавец,— он ткнул пальцем в клетку с четвертым попугаем,— он же не просто повторяет, он выводы делает!

— Не губите! — хозяин лавки рухнул на колени.— Я старый, больной человек. У меня астма. Господин штабс-капитан, я с этими попугаями не согласен! Хотите, я вам их на ужин зажарю?..

Бесшумно открылась дверь, в помещение на костылях вошел Артюхов, волоча забинтованную ногу.

— Ваше благородие,— сказал он, обращаясь к своему шефу,— к вам господин полковник Покровский.

— Подождет,— небрежно бросил Мерзляев.— Я занят.

— Я доложил, что занят, а он буйствует. Как бы тюрьму не разнес!

— Ничего,— усмехнулся Мерзляев.— У нас, слава богу, тюрьмы крепкие. Не только полковников, генералов успокаивали. Ну а вы, голубчик,— обратился он к несчастному хозяину лавки,— ступайте домой. Даю два дня, чтобы найти зачинщика...

— Где ж я его найду? — побледнел хозяин лавки.— Это ж попугай. Он, может, уже в Африке...

— Я не о попугае. Я о мужике, который его продал... А птички ваши покуда посидят у нас...

Хозяин лавки печально встал с колен, поплелся к двери, обернулся:

— Господин начальник, а ежели их кормить, они молчат.

— Это что ж? Намек? — тихо спросил Мерзляев.

Хозяин лавки понял, что усугубил свое горестное положение, и, схватившись за голову, выбежал из кабинета.

Как только за ним закрылась дверь, Артюхов жалобно произнес: — Ваше благородие. Завтра работать не смогу... Нога распухла. Болит, сил нет...

— Ты что? — Мерзляев встал из-за стола.— Срывать секретное предписание! А кого я завтра к стенке поставлю?

— Поставить-то меня можно,— вздохнул Артюхов.— Упасть не смогу...

Мерзляев не успел ответить, как с грохотом распахнулась дверь и в кабинет кубарем влетел жандарм, выронив ружье, а следом, потирая ушибленную о физиономию жандарма руку, ворвался полковник Покровский.

— Я понимаю, когда из тюрьмы не выпускают! — прорычал он. — Но когда не выпускают, это — хамство!

— Дорогой полковник! — Мерзляев с радостной улыбкой поспешил навстречу Покровскому. — А вы двое — брысь отсюда! — турнул он Артюхова и жандарма. Те поспешно удалились. — Как я рад видеть вас в нашем доме.

Мерзляев сердечно протянул руку командиру полка, тот секунду поразмыслил, все-таки ответил на рукопожатие, после чего демонстративно и тщательно вытер собственную руку о собственные штаны.

Мерзляев заметил этот жест, но сделал вид, что не заметил, и продолжал любезно улыбаться.

— Ну, вот что, господин Мерзляев, — армия решительно пошла в атаку на жандармерию. — Я получил предписание оказывать всяческое содействие вашей тайной миссии. И как солдат обязан повиноваться! Но как благородный человек и дворянин не позволю из своих гусар делать палачей. У вас для этого жандармов предостаточно.

— Дорогой мой... — Мерзляев незаметно скосил глаза в бумаги. — Дорогой Иван Антонович, это не я изобрел...

— Надо ж додуматься! — продолжал кипеть Покровский. — Боевых офицеров на расстрелах проверять...

— А на чем же, дорогой? Не на танцах же...

— Это гадко! — крикнул полковник.

— Не спорю, — согласился Мерзляев.

— Отвратительно!

— Вы совершенно правы...

— Это подло!

— И я такого же мнения, — вздохнул Мерзляев. — Более того, его превосходительство, шеф нашего третьего отделения, тоже возмущен. По секрету добавлю: сам государь-император пришел в негодование и порвал бумагу, но потом велел склеить и подписал... Надо! Понимаете, Иван Антонович, надо! Все мы так: мучаемся, но дело делаем.

— А я как благородный человек и дворянин заявляю: поцелуйте меня в одно место!

— А я вам как благородный человек и дворянин заявляю,— повысил голос Мерзляев,— если отечество потребует,— поцелую!

Тут жандармерия перешла в атаку на армию:

— Дорогой Иван Антонович! Время-то сейчас трудное... В Европе смуты, волнения,— Мерзляев перешел на шепот,— кое-где баррикады. Вредные идеи — они в воздухе носятся. Там выдохнули, здесь вдохнули... На кого государю опереться? Кому доверять? Только армии. Но, как говорится, доверяй, но проверяй...

— Ну, вы мой полк не марайте! Мои орлы — не дураки! Газет не читают, книг в глаза не видели, идся никаких не имеют!

— Не надо перехваливать, Иван Антонович... Вот, например, получен сигнал: некий корнет Плетнев в одной компании вольнодумно высказывался.

— Да мало ли что спьяну сморозил?! Все болтают.

— Болтают все,— глубокомысленно заметил Мерзляев.— Не на всех пишут... А вот поставим его лицом к лицу с бунтовщиком — и сразу будет ясно, что за человек. Спьяну болтал или нет.

— Я за Плетнева ручаюсь как за себя!

— Дорогой Иван Антонович,— грустно сказал Мерзляев,— такое время — ни за кого ручаться невозможно... Вот, послушайте... Вроде бы птички божии, а что позволяют.— Он свистнул, и попугаи немедленно отозвались: «Царь-дурак...», «Царь-дурак...», «Дурак!», «Долой самодержавие!»

Лицо полковника перекошилось. Мерзляев тоже несколько изумился новой формулировке попугая.

— Вот такие настроения витают не только в обществе, но и в природе! — подытожил Мерзляев, радуясь тому, что жандармерия в который раз одержала победу над армией.

На улице перед зданием городской тюрьмы Настенька Бубенцова пыталась уговорить караульного пропустить ее внутрь. Караульный, однако, был непреклонен.

Настенька пыталась сунуть караульному кредитку, тот оглядел кредитку и презрительно вернул ее...

Голос за кадром:

«Тюрьма Губернска не входила в число достопримечательностей этого славного города: примитивное, без-

вкусное здание с решетками на окнах. Одним словом, тюрьма как тюрьма. Внутренняя отделка казематов тоже не радовала глаз. Но, в конце концов, не в этом дело. Как говорится, не место красит человека, а наоборот...»

Узник Бубенцов являл собой яркое пятно на фоне унылых тюремных сцен — ведь его привезли прямо со спектакля в мундире генерала Венецианской республики. Бубенцов старательно пытался стереть с лица сажу, заменявшую в те далекие времена грим.

— Ну как? — спросил он наблюдавшего за его стараниями тюремщика. — Очистился?

— Арапом быть перестал, — подумав, сказал тюремщик, — но и до русского тебе еще мыться... Сдавай!

Бубенцов взял колоду карт.

— Значит, так, — говорил мулат Бубенцов, мастерски тасуя колоду. — Мои сапоги против твоей табакерки.

— Табакерка бронзовая, — набивая цену, сказал тюремщик.

— Сапоги генеральские, — парировал Бубенцов.

— Сапоги-то поношенные, — скривился тюремщик.

— А табакерка занюханная, — отбрил Бубенцов.

— Сдавай! — вздохнул тюремщик.

Играли, естественно, в «двадцать одно», или попросту в очко.

— Двадцать! — Тюремщик радостно открыл свои карты.

— Два туза! — ласково произнес Бубенцов и взял табакерку. — Хорош табачок, — добавил он, нюхая. — Теперь предлагаю так: моя табакерка против твоей сабли.

— Заключенному сабля не положена! — заупрямился тюремщик.

— Отдашь, когда выйду на свободу, — нашел выход Бубенцов.

— Если проиграю тебе саблю, меня ж посадят, — справедливо рассудил тюремщик.

— А ежели посадят, зачем тебе сабля? Заключенному сабля не положена.

— Тогда сдавай! — махнул рукой тюремщик, сраженный безупречной логикой партнера.

Карты были розданы, тюремщик попросил еще одну и с отвращением швырнул их на скамью:

— Перебор, чтоб ты сдох! — Рука тюремщика рванулась к сабле.

— Не торопись,— испуганно остановил его Бубенцов,— я ж сказал: потом отдашь, потом.

Заскрипела тюремная дверь. В камеру вошел здоровый детина с рожей, не предвещавшей ничего доброго. Это был тюремный экзекутор.

— Бубенцов! — пробасил он.— На экзекуцию!..

Тюремщик сладострастно захихикал:

— Ну, везунчик! Сейчас наш Степа за меня отыграется... Он из тебя краснокожего сделает.

— Позор! — завопил Бубенцов.— Пороть артиста! Дикость! Куда мы только идем?

— В подвал! — коротко ответил на этот риторический вопрос громила и поволок извивающегося Бубенцова из камеры...

Через несколько минут хромавший по тюремному двору Артюхов услышал нечеловеческие вопли, доносящиеся из подвала:

— Ой!.. Мама, мамочка! Больно!.. Сатрапы! Палачи!

Услышав знакомые слова, Артюхов остановился.

— Над кем это Степка работает? — спросил он у караульного.

— Актеришка какой-то,— равнодушно ответил тот.

— Славно кричит! — тоном знатока отметил Артюхов.— И сколько ему прописали?

— Полсотни...

В голове Артюхова неожиданно промелькнула мысль, что само по себе было событием довольно редким. Он вдруг заволновался и, сказав загадочную фразу: «Незаконно кричит! Охрипнет!» — быстро заковылял к подвалу.

А в этот момент в подвале жертва и палач мирно сидели друг против друга, Бубенцов раскидывал карты.

— Значит, так,— шепотом говорил Бубенцов,— снимаешь еще десять ударов, а я ставлю камзол...— И внезапно во весь голос заорал: — Ой мамочка моя! Убьешь, мерзавец! — И снова перешел на шепот: — Согласен?

— Сдавай! — прохрипел экзекутор.

Он жадно схватил две карты и потребовал:

— Еще!

— Убийцы! — заорал Бубенцов.

— Не ори в ухо,— рявкнул экзекутор и понизил голос: — Карту давай, сука!

Бубенцов протянул карту:

— Девятнадцать!

— Мало! У меня — очко! — И Бубенцов открыл десятку с тузом...

— Убью, сволочь! — с искренней ненавистью сказал экзекутор, схватил розгу и, со свистом рассекая воздух, стал колотить ею по пустой лежанке:

— Р-раз!.. Д-ва!.. Т-три!

— Сатрап! Живодер! Негодяй! — поставленным голо-
сом вопил Бубенцов. — Мясник! Инквизитор!

На «инквизитора» Степан неожиданно обиделся:

— Ты ори, да знай меру!

— Извини! — шепотом сказал Бубенцов. — А «кровопийца» можно?

— Можно... Это многие кричат.

— Кровопийца! Изверг! — заревел Бубенцов и... осекся.

Он увидел в дверях подвала Артюхова, который с нескрываемым восхищением наблюдал эту сцену. Степа обмелел.

— Ну брат, — завистливо сказал Артюхов артисту, — ты большой талант. Тебя, милый, к стенке поставить — лучше не придумаешь!..

Поздний вечер. Перед особняком мадам Жозефины, освещенным интимным светом красного фонаря, толпились на привязи десятка два гусарских лошадей, ожидавших, пока отдохнут их лихие хозяева.

Голос за кадром:

«Согласно статистике, в Губернске было изобилие магазинов, много церквей, видимо-невидимо трактиров, полно питейных заведений и одно заведение просто. Оно так и называлось: «Заведение мадам Жозефины». О заведении в городе шла дурная слава, и поэтому там не было отбоя от посетителей»...

Артистка Настенька Бубенцова не без робости приблизилась к этому значному месту и, преодолев волнение, дернула шнурок звонка. Дверь заведения гостеприимно запахнулась, и на пороге возникла фигура швейцара. Увидев девушку, швейцар сделал строгое лицо:

— Мадемуазель, наше заведение только для мужчин!

— Мне надо войти! У меня срочное дело, — с нервной настойчивостью сказала Настенька.

— Жен, сестер, матерей пускать не велено! Дебошир-
рят! — Швейцар попытался захлопнуть перед Настенькой дверь, но та выпалила:

— Подожди! Я наниматься пришла!

— Так бы сразу и говорила.— Швейцар взглядом специалиста окинул фигуру девушки.— Пожалуй, пойдешь... Мадам в зале. Ступай!

Преодолевая страх, Настенька вступила в притон разврата.

То, что она увидела, превзошло все ее ожидания, ибо она не увидела ничего особенного. В зале были обычные провинциальные «посиделки». За роялем сидел полковник Покровский, а несколько усталых барышень и не менее утомленных гусаров трогательно пели на два голоса протяжную песню. Возможно, эту:

«Зима пронеслась, и весна началась,
И птицы, на дереве каждом звеня,
Поют о весне, но невесело мне,
С тех пор как любовь разлюбила меня».

Настенька дождалась конца куплета и попыталась тихо спросить у одной из барышень: «Извините, не могли бы вы сказать...»

Но последняя строчка, которую подхватили все, заглушила ее голос. Зазвучал второй куплет. Гусары и барышни голосили самозабвенно:

«Шиповник расцвел для проснувшихся пчел,
Поют коноплянки в честь вешнего дня,
Их в гнездышке двое, сердца их в покое,
Моя же любовь разлюбила меня!»*

— Извините,— прорвалась с вопросом Настенька,— где я могу найти корнета Плетнева?

— Лешка-то? — задумалась барышня.— Сегодня в двенадцатом номере. У Жужу.— И включилась в хор:

«Зима пронеслась, и весна началась...»

Настенька пошла по коридору, разглядывая номера комнат. Неожиданно Настеньку облапил неизвестно откуда появившийся Симпомпончик.

— В наших войсках новобранец! — с восторгом завопил он.— Симпомпончик, слушай мою команду: в комнату номер три шагом марш!

Настенька с размаху влепила ему пощечину.

Офицер опешил, но боевая выучка взяла верх.

* Стихи Р. Бернса.

— Сабли наголо! — молодецвато гаркнул прапорщик.— В атаку на очаровательного противника галопом — м-арш!

Настенька в панике бросилась от него. С криком «ура!» прапорщик гнался за ней. Увидев дверь с номером «12», Настенька без стука влетела в комнату, заперла дверь на задвижку.

— Симпомпончик, сдавайся! — колотил в дверь прапорщик.

— Помогите, там пьяный! — взмолилась Настенька.

— А где ж тут трезвого найдешь? — невозмутимо ответила хозяйка комнаты Жужу.— Она сидела перед свечой у маленького столика и мирно, по-домашнему вязала чулок. А в разгромленной кровати смачно храпел корнет Алексей Плетнев.

Увидев ненавистную усатую рожу, Настенька вспыхнула от гнева:

— Это он! Я узнала его. Его фамилия Плетнев?

— А кто его знает,— флегматично ответила Жужу.— У нас не полиция, фамилий не спрашиваем...

— Вставайте, негодяй! — Настенька решительно подошла к койке, начала трясти безжизненное тело.— Вставайте! Сумели напакостить — извольте отвечать за свои поступки!

— Жениться, что ль, обещал? — вяло полюбопытствовала Жужу.— Ты мужским вракам не верь...

— Вставайте, скотина! — трясла Настенька корнета. Ей наконец с огромным трудом удалось усадить его на постели.

— Откройте глаза!

Плетнев с трудом открыл один глаз.

— Симпомпончик, я жду! — услышался вновь страстный голос прапорщика из-за двери.

— Вы меня узнаете? — с отчаянием спросила Настенька Плетнева.

— Разумеется, сударь,— промычал тот.— Как сейчас помню, Дороховский редут...

— Я — актриса! — закричала Настенька.— Дездемона я. Вы нам вчера спектакль сорвали! Из-за вас папенька в тюрьме...

— Симпомпончик! — настырно врывался в разговор из-за двери голос прапорщика.— Дездемона! Я твой Ромео...

— Да замолчите вы! — крикнула Настенька прапорщику.

— С наслаждением! — согласился Плетнев и сделал попытку лечь.

Но Настя успела перехватить накренившееся туловище.
— Нет, негодяй, вам придется пойти в жандармерию и все рассказать!

— В жандармерию — никогда! — уперся полусонный Плетнев.— С жандармами — ничего общего! Гусь свиньям не товарищ! Они — свиньи, я — гусь!

— Тогда и я гусь! — откликнулся из-за двери прапорщик.

— Ну и молодец! — сказал Плетнев невидимому собеседнику.

— И ты молодец! — не остался в долгу прапорщик. И снова вернулся к любимой теме:

— Симпомпончик, иди сюда!

— Сейчас приду.— Плетнев рухнул на ложе и захрипел.

Настенька в отчаянии повернулась к Жужу.

— Как разбудить это животное?.. Из-за него отец страдает... Помогите, девушка!

Тронутая этим неожиданным обращением, Жужу ответила:

— Попробую!

Она полезла под кровать и достала запыленную боевую трубу.

— От улан осталась,— пояснила она Настеньке.— Меня ихний оркестр очень любил... Не знаю, получится ли. Давно не пробовала.

Жужу поднесла трубу к губам...

«Трум-турум-тум-тум-тум-тум!!!» — По заведению пронеслись призывные звуки боевой тревоги.

Тут случилось невообразимое. Плетнев в мгновение ока вскочил с постели и с непостижимой ловкостью впрыгнул в стоящие рядом с кроватью сапоги. Затем он просунул руку в рукав ментика и, издав гортанный крик, сиганул в окно. Настенька бросилась вслед за Плетневым, свесилась с подоконника и увидела леденящую душу картину: из всех окон выпрыгивали гусары, попадая прямо в седла и стремена.

Барышни не успели опомниться, как заведение опустело.

— За мной, ребята! — провозгласил полковник Покровский, который был первым не только в бою.

Цокот копыт, ржание коней, пыль столбом... И выбежавшая Настенька услышала только удаляющиеся звуки залихватской гусарской песни:

«Не плачь, сударыня, пройдут дожди,
Гусар вернется, ты только жди...»

Утром следующего дня по живописным окрестностям Губернска медленно ехала открытая карета, запряженная парой гнедых. На козлах сидел жандарм, рядом, придерживая забинтованную ногу, примостился Артюхов. В карете на сиденьях расположились господин Мерзляев и артист Бубенцов.

— Может, там? — спросил Мерзляев у Бубенцова, указывая на опушку леса.

— Нет, — вздохнул Бубенцов. — Тут нужного настроения не создашь. Береза — дерево легкомысленное... Может, вы мсня в дубовой роще шлепнете? Дать дуба хорошо у дуба! — Артист засмеялся собственному каламбуру.

— Капризничаете, господин артист, — поморщился Мерзляев.

— Ты, правда, кончай привередничать, — вмешался Артюхов. — Третье место меняем. В ельнике ему слишком мрачно, в березняке — весело. Ты, братец, не за грибами собрался. Один черт где!

— С кем вам приходится работать, господин штабс-капитан! — посочувствовал Бубенцов. — Дилетанты... Дурновкусица! Я артист, милейший! — строго добавил он, обращаясь к Артюхову. — И смею сказать, хороший! Меня декорации вдохновлять должны! Воспламенять фантазию!

— Так куда ехать? — встрял в разговор жандарм.

— Вон тот бугор с тремя соснами может подойти. В нем что-то есть. Как вы считаете, господин штабс-капитан?

Жандарм повернулся к Мерзляеву, тот кивнул головой, не сводя пронизательных глаз с артиста.

Карета свернула с наезженной дороги и покатила по полю.

(Как уж, наверное, догадался читатель, дело, которым были заняты наши персонажи, в современном кинематографе называется выбором природы, то есть поиском места, где будет происходить действие.)

Карета въехала на бугор и остановилась у трех сосен. Бубенцов прыгнул на землю, деловито стал осматривать «площадку».

— По-моему, местечко подходящее. Значит, здесь стою я, а где будут партнеры?.. Кстати, сколько их?

— Пять гусар и офицер, — подсказал Артюхов.

— Ага... Значит, партнеров ставим там... Извините, господин штабс-капитан, я просто хочу понять мизансцену... Так... Они стоят там, я выхожу, гордо оборачиваюсь, кричу... Кстати, если рублик накинете, я могу и стихами: «Прощай, немытая Россия, страна рабов, страна господ, и вы, мундиры голубые, и ты, послушный им народ...»

— Стихами не надо, — жестко пресек декламацию Мерзляев. — Ваши выкрики мы уже оговорили!

— Как прикажете, господин начальник, — охотно согласился Бубенцов. — Значит, они целятся, я кричу, они дают залп... Кстати, извините за бестактность: а ежели они откажутся стрелять, что им будет?

— Офицера — в Сибирь, на каторгу, — пояснил Артюхов, — а рядовых — в шпицрутены, а если выживут — под пули, на Кавказ.

— А! Значит, дело серьезное, — задумчиво протянул Бубенцов. — Стало быть, играть придется с надрывом, в полную силу... — Он вдруг сжал кулаки, побледнел и, с ненавистью глядя на стоявших у кареты служителей порядка, крикнул:

— Палачи! Сатрапы! Душителю свободы! Гниды жандармские, мать вашу так! — И, неожиданно спрыгнув с бугра, побежал через кустарник.

Мерзляевцы оторопели. Первым пришел в себя Артюхов:

— Афанасий, куда! Стой! Стрелять буду!

Бубенцов не оборачиваясь стремительно продирался сквозь кустарник.

— Если уйдет, запорю обоих! — пообещал Мерзляев.

Жандарм и Артюхов сделали несколько выстрелов по убегающему. Одна из пуль, очевидно, достигла цели: Бубенцов схватился за плечо, повернулся к убийцам, лицо его исказилось, он хотел что-то произнести, но не смог и рухнул лицом в траву.

Жандарм и Мерзляев поспешили к упавшему, за ними на костылях, тяжело дыша, припрыгивал Артюхов.

Когда они приблизились к телу артиста, оно неожиданно село и, улыбаясь, спросило:

— Натурально получилось? А? Я подумал: может, во время спектакля еще и побег устроим? Для убедительности!

— Ну... Ну, ты даешь... — Артюхов даже задохнулся. — Паршивец эдакий! Я ведь вправду поверил... Ну

талант! Просто дар божий. Не зря я тебя привлек к нашему делу...

— Значит, так, господин комедиант,— сухо сказал Мерзляев.— Запомните: здесь вы не в театре, а на службе. И прошу таких фортелей больше не выкидывать.

— Я как лучше хотел,— оправдывался артист.

— Не надо «как лучше»,— персбил Мерзляев.— Надо — как положено. Все! Место выбрано! Завтра крикнете, упадете, получите деньги... и вон из города.

— Договаривались — деньги вперед,— вставил Бубенцов.

— Хорошо, вперед,— согласился Мерзляев.— Но запомните, поскольку мы вам доверились, то если хоть одно слово кому-нибудь...

— О чем разговор.— Бубенцов был человеком смекалистым.— Я понимаю, с кем имею дело. Могила — в прямом и переносном смысле!

— Не фиглярствуйте, Бубенцов! — крикнул Мерзляев.— И потом — откуда появилась эта реплика про «жандармскую гниду»?

— Увлекся...— извиняющимся тоном сказал Бубенцов.— Я вообще люблю импровизацию. Не хотите, как хотите. В каждой труппе свои порядки.

— Марш в карету! — приказал Мерзляев.

— Слушаюсь! — радостно ответил Бубенцов, и напевая романс, небрежной походкой направился к карете.

— Ваше благородие,— робко сказал Артюхов, глядя вслед актеру,— хоть я его и рекомендовал, а теперь сомневаюсь... Ненадежный он какой-то... Не проболтался бы.

— Не проболтается,— заверил Мерзляев.

— Гарантии никакой...

— Дочка у него есть,— улыбнулся Мерзляев.— Вот тебе и гарантия. Приведи-ка ты ее сегодня ко мне.

«Средь шумного бала случайно,
В тревоге мирской суеты
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты...» —

пел Бубенцов и восхищенным взглядом окидывал пре-
красный, безмятежный пейзаж.

В то же славное утро на плацу перед казармами гусары проводили кавалерийские занятия: скакали через препятствия, рубили лозу, отрабатывали приемы джиги-

товки. Полковник Покровский, сидя на белом скакуне, с благодушной улыбкой наблюдал за питомцами. К командиру подскакал адъютант, круто осадил коня:

— Господин полковник, вам пакет от штабс-капитана Мерзляева.

Улыбка слетела с лица полковника, он сломал сургучную печать, прочитал послание и в сердцах выругался:

— Шпик поганый! Ребята-то все отменные, что он к ним прицепился? — И уже строгим голосом отдал приказ адъютанту: — Свиридова, Баташова... — заглянул в бумагу, — Лыткина... Симпомпончика... и корнета Плетнева ко мне. Срочно!

Через секунду все пятеро гусаров остановили своих разгоряченных лошадей перед Покровским.

— Гусары... Значит, так... — нерешительно начал полковник. — Получено важное задание. Значит, вы должны... По приказу самого, можно сказать. В общем, завтра, в шесть утра. Как бы это лучше выразиться... — Полковник путался и от этого мрачнел еще больше. — А ну-ка, раз-зойдись!

Гусары, недоуменно переглянувшись, отъехали.

— Ко мне! — гаркнул вновь Покровский, и гусары покорно вернулись. — Ну, вот что, ребята. Мы с вами не на танцах, а вы не кисейные барышни. Завтра на рассвете поступите в распоряжение жандармского штабс-офицера Мерзляева, а он вам скажет, что надо будет делать... Разойдись!

Никто из гусаров не тронулся с места. Пять пар глаз вопросительно уставились на полковника.

— Дело, значит, такое... — Полковника бесила роль, которую он вынужден был играть. — Завтра на рассвете по приговору... Ну, в общем, шлепнете опасного бунтовщика... Или, может, и не бунтовщика, а наоборот... — И неожиданно рассвирепел: — В общем, кого скажут, того и шлепнете! Раз-зойдись!

Гусары не тронулись с места.

— Значит, на палаческое дело? — тихо спросил Плетнев.

— Нас почему выбрали? — спросил Симпомпончик.

— Что? Это они вас выбрали! — Полковник помахал бумагой с предписанием. — Вот тут... ваши фамилии. Болтать меньше надо. Распустили языки, шуточки разные крамольные... В общем, приказы не обсуждать! Разойдись!

Гусары повернули коней. Плетнев посмотрел исподлобья на командира и вдруг спросил:

— Разрешите продолжать учения, господин полковник?

— Продолжай! — ответил командир. И в ту же секунду Плетнев, хлестнув коня, стремительно повел его на препятствие. Разгон. Прыжок. И на полном скаку Плетнев вылетел из седла, его тело описало замысловатую параболу и с размаху шлепнулось на крышу курятника. Крыша рухнула, в образовавшуюся дыру с громким кудахтаньем вылетели куры...

Над лежащим Плетневым склонились гусары. Сюда же подбежал взволнованный полковник Покровский.

— Лешка, ты живой? — испуганно спросил Симпомпончик.

— Живой, — довольно бодро ответил Плетнев, — но весь переломанный... — И поспешно добавил, обращаясь к полковнику: — Иван Антонович! Завтра в дело употреблен быть не могу!

— Понятно! — Полковник оглядел Плетнева. — А ну, все отсюда! Я его сейчас быстро вылечу!

— Иван Антонович, — испуганно предупредил Плетнев, — я весь переломанный.

— Пока еще нет! — угрожающе произнес полковник. — Ты что ж, симулировать?! Приказ не выполнять?!

— Приказ-то больно подлый, — заметил Плетнев.

— Что?! — побагровел полковник. — Или ты на самом деле вольнодумцем заделался, якобинцам продался?! Собственные мысли заимел?

— Откуда, Иван Антонович! Я бы этих бунтовщиков всех порешил бы, но в честном бою!

— Кретин! Тебе скоро должны эполеты поручика вернуть! У тебя вся жизнь впереди, а ты ее мараешь... Я за тебя поручился, слово дал. Потому что сыном считаю. Я память отца твоего, друга незабвенного, чту! Он на руках у меня умирал, просил: «Ваня! Лешку моего не бросай! Человека из него сделай!» А ты... а ты... — И по мужественному лицу полковника, как и положено его званию, скатилась скупая слеза.

— Иван Антонович... — Плетнев был потрясен, впервые в жизни увидев слезы на лице командира. — Да вы что? Да я ради вас... Ну простите, ради бога, дурака. Не домыслил! Действительно, зачем мне жизнь молодую ломать? Да я его завтра как комара хлопну!

Полковник сокрушенно покачал головой и задумался.

По сравнению с заведением мадам Жозефины тюремное заведение выглядело более пристойным, но здешняя тишина, деловитость и строгая простота пугали Настеньку куда больше.

Бледная от страха, она шла по унылому тюремному коридору, а сзади нее хромал на костылях Артюхов, подсказывая путь:

— Налево, сударыня. А сейчас соблаговолите направо. А вот и дверь заветная. Тут вас господин штабс-капитан и примет. Кстати, барышня, если уж хотите помочь папаше, то постарайтесь понравиться господину Мерзляеву...

— Я постараюсь, — робко ответила Настенька.

— Если он на чем настаивать будет, не кочевряжьтесь.

— Вы что это — в дурном смысле? — вспыхнула Настенька.

— В нем! — как отрезал Артюхов.

— Да вы что? Я — порядочная девушка...

— Поэтому и говорю — не кочевряжьтесь! Прошу. — Артюхов распахнул дверь и впустил запуганную Настеньку в кабинет начальника тюрьмы. За время хозяйничанья в нем Мерзляева кабинет несколько похорошел: на окнах появились занавески, в вазах стояли цветы, клетки с говорящими попугаями были заменены на аквариум с молчащими рыбками. А в центре комнаты стоял стол, накрытый на две персоны. Горлышко бутылки с шампанским зеленело в ведерке со льдом. В кабинете никого не было, и Настенька робко присела на краешек стоявшего в углу стула. Неожиданно послышалась нежная музыка. Распахнулась дверь, и два жандарма, пыхтя, втащили широкий диван.

Настеньку передернуло.

— Тут, что ль, ставить? — спросил один жандарм у другого.

— А кто его знает, где он предпочитает... Давай тут! — Жандармы прислонили диван к стене, и, не обращая никакого внимания на просительницу, удалились.

(Настала пора появиться хозяину кабинета, и он появился. До сих пор нам было недосуг описать внешность господина Мерзляева, а она того стоила: правильные черты лица, красивые серые глаза, гордый орлиный нос, волнистые волосы, стройная фигура — одним словом, он был весьма недурен собой, разрази его гром.

Общеизвестная поговорка «бог шельму метит» в данном случае не годилась, что свидетельствовало о том, что бог и третье отделение смотрели на подбор кадров по-разному.)

— Сударыня, извините, что заставил вас ждать! — Мерзляев склонил свою красивую голову и поцеловал Настеньку руку. — Дел невпроворот! Не покладаю рук. Здесь ем, здесь сплю... Кстати, Настасья Афанасьевна, окажите любезность, разделите со мной скромный ужин старого холостяка. — Он жестом указал на накрытый стол.

— Господин Мерзляев, спасибо, что вы меня приняли...

— Какие пустяки! Это вы оказали мне честь! Богиня! Служительница Мельпомены снизошла до незаметного чиновника... Как сказано у Пушкина: «Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты...» Это Александр Сергеевич, кажется, в ссылке написал, — разливая шампанское по бокалам, ворковал Мерзляев.

— Я по поводу папеньки, — начала излагать свою просьбу Настенька. — Была у судьбы, в канцелярии градоначальника, все говорят, что это дело не в их компетенции... Что папенька якобы не случайно попал в госпожу градоначальницу, а... покушался!

— «Покушался»? — засмеялся Мерзляев. — Так прямо и сказали? Ха-ха... Ох и любят же у нас перегнуть палку!

— Чистое недоразумение! — радостно поддакнула Настенька.

— Ну, это как посмотреть! — Мерзляев нсожиданно посерьезнел. — Он ведь не в студентишку какого-нибудь выстрелил, он попал в важную особу, да еще... в такое место, что дело приобретает эдакий, я бы сказал, сатирический характер.

— Он вообще не в нее целил! Он хотел попасть в офицера!

— Сударыня, — помрачнел Мерзляев, — думайте, что говорите! Значит, ваш папенька хотел убить защитника отечества!

— Я вам сейчас все объясню, — взмолилась Настенька. — В суфлерской будке во время представления появился пьяный офицер... В смысле — лицо... защитника отечества... и стало говорить...

— Что?

— Ну.. Просто ерунду... В любви мне объяснялся.

— Это не по нашей части, — улыбнулся Мерзляев. — Любовь — дело полиции! А кто-нибудь еще видел этого офицера?

— Я и папенька!

— Больше никто? Плохо! Очень плохо, сударыня. Вряд ли вашему отцу удастся избежать наказания. Поверьте, я душой на вашей стороне, но как помочь? Прямо не знаю, с чего начать... Как подступиться к этому деликатному делу?

Мерзляев отхлебнул шампанское и зашагал по комнате, погрузившись в раздумья. Настенька поняла, что час расплаты пробил. Будучи любящей дочерью, она всхлипнула и начала боязливо расстегивать пуговицы на своем платье. Мерзляев заметил это движение и удивленно вскинул бровь:

— Вам жарко, сударыня?

— Нет, то есть да... — забормотала покрасневшая Настенька. — Душно... Скорее, холодно... В общем, я подумала... Вы же сами сказали: как подступиться...

— Что? Как вы могли такое подумать? — с искренним негодованием воскликнул Мерзляев. — Хорошего же вы мнения о нашем департаменте!

— Извините, я не хотела вас обидеть. — Настенька лихорадочно начала застегивать пуговицы.

— Неужели вы решили, что я — злодей, который воспользуется своим служебным положением? Если вам жарко, можете и расстегнуться! — Пальцы Настеньки остановились на полпути и после секундного колебания поползли вниз.

— Вы меня ранили в самое сердце! — с благородным пафосом продолжал Мерзляев. — Я знаю, нас не любят, не уважают, но зачем же так унижать?!

Пальцы Настеньки быстро поползли вверх, застегивая пуговицы одну за другой.

— Девочка моя! — Мерзляев подсел к Настеньке. — Я ценю ваши дочерние чувства, это благородно, но, если вдуматься, до чего мы докатились! Вы бледны, вся дрожите... А меня вы пожалели? Ведь жертва здесь не вы, а я! У меня тоже, как ни странно, душа имеется. И я хочу, чтоб меня любили ради меня самого, а не за то, что я могу казнить или миловать... Ах, как я одинок, Настенька! Помните, у Лермонтова: «И скучно, и грустно, и некому руку подать в минуту душевной невзгоды...» Это Мишель просто про меня написал... Я вижу вокруг себя лстивые улыбки, низкие поклоны, дамские авансы, но это все не мне, а мундиру. Когда я увидел вас в театре, у меня закружилась голова... Она

и сейчас кружится! Такого со мной не бывало! По-моему, это любовь!

Растерянная Настенька покорно потянулась к пуговкам.

— Нет! — закричал Мерзляев. — Не оскверняйте святого! Не здесь! И не сейчас!.. Завтра, после ужина! Я хочу дать вам время, чтобы вы успели меня хоть чуточку полюбить. Обещайте мне! Успеете?

— Попробую, — обреченно сказала Настенька. — А как же все-таки насчет папеньки?!

— Боже, как вы все меркантильны! Выпущу я завтра вашего родителя! Целым и невредимым! Но любить-то меня прошу не за это!.. Помните, как у нашего незабвенного классика сказано: «А ты, невинная, ты рождена для счастья. Беспечно верь ему, летучий миг лови: душа твоя жива для дружбы, для любви, для поцелуев сладострастья!» — Мерзляев побледнел и неожиданно перешел на прозу: — Покиньте меня немедленно! Я могу с собой не совладать!

Он заскрежетал зубами и отвернулся. Настенька поспешно выбежала из кабинета. Оставшись один, Мерзляев еще несколько секунд задумчиво слушал музыку, доносящуюся из-за стены, потом вздохнул, взглянул на часы и, подойдя к двери в соседнюю комнату, приоткрыл ее.

В комнате музицировали двое, жандарм играл на скрипке, за роялем сидел человек в штатской одежде.

— Концерт окончен!

— Слушаюсь! — гаркнул жандарм. Он убрал скрипку в футляр и, обратившись к аккомпаниатору, скомандовал:

— Встать! Руки назад! Шагом марш!

Пианист выполнил приказ и, позвякивая кандалами, тихо пошел впереди жандарма...

«О бедном гусаре замолвите слово,
Ваш муж не пускает меня на постой.
Но женское сердце нежнее мужского
И сжалится, может, оно надо мной.
Я в доме у вас не нарушу покоя,
Скромнее меня не найти из полка,
И если свободен ваш дом от постоя,
То нет ли хоть в сердце у вас уголка?» —

тихо напевал Плетнев старинный романс.

В зале офицерского клуба гусары коротали время. За ломберным столом играли в бридж, стучали бильярдные шары, дым от трубок плавал по комнате.

Около Плетнева за большим круглым столом сидели несколько гусаров с мрачными лицами. Несмотря на то, что стол явно предназначался для трапезы, на нем не было ни тарелок, ни рюмок, ни бутылок, ни кушаний.

В залу вошел полковник Покровский, поздоровался с подчиненными, приблизился к столу.

— По какому поводу пирушка намечается?

Офицеры переглянулись.

— День рождения у Лыткина! — сказал наконец Симпомпончик.

— Поздравляю! — Полковник сердечно протянул руку.

— Благодарю, господин полковник! — прапорщик встал, ответил на рукопожатие. — Только он у меня завтра...

— Чего ж сегодня собрались?

— Завтра не до того будет! — подавленно ответил прапорщик. — Завтра — не день рождения, день смерти. Спасибо вам за подарок, господин полковник!

— Завтра поминки справлять, — вставил один из гусаров. — Утром шлепнем, вечером выпьем... Весело живем!

— Интересные учения придумали, — съехидничал третий гусар. — Стрельба по живой мишени...

— Так, понятно! — посерьезнел полковник. — Вы свои подковырки бросьте. Шутки для девочек поберегите, а то так подковырну... А ну, слушай команду, отдыхать, веселиться, дурь из головы выбросить! Плетнев, ну-ка, пошли, я тебя на бильярде обставлю.

Плетнев послушно отложил гитару.

— Даю десять очков форы! — сказал Покровский, намеливая кий.

— И без форы обойдусь! — Плетнев был настроен недружелюбно. — Почему играем? — По три рубля! Разбивай...

Плетнев разбил пирамиду.

— Да... Чтоб не забыть, — как бы мимоходом сказал Покровский, целясь в шар. — Завтра на рассвете поедешь в тюрьму... Три очка в угол. Будешь конвоировать преступника к месту казни...

— Это еще почему? — взвился Плетнев.

— Играй! — прервал полковник. — Видишь, десятка на удар выкатилась...

— Я в охранники не нанимался! Хватит с меня и остального.

— Во-первых, не ори! Бей!

— Десять очков в середину! — пробурчал Плетнев.— Увольте, Иван Антонович...

— Этот якобинец, как я слышал,— понизил голос полковник,— очень опасный элемент... Играю, дуплет в середину! Может инцидент случиться — вдруг налетят его сподвижники и отобьют. Потому и посылаю тебя на подмогу. Понял?

— Чего тут не понимать?

— И если ты его упустишь...

— Это я-то? — возмутился Плетнев.

— Не перебивай... Я говорю: если упустишь,— понимаешь, что тебе будет?

— Да что вы заладили: «упустишь», «упустишь»!

— Ну, представь, случилась такая невероятная штукавина, отбили его. Вникаешь?!

— Вникаю,— сказал Плетнев и тут же радостно воскликнул: — Пятнадцатого в угол!

— Плевать мне на пятнадцатого! — вскипел полковник.— Слушай, что я тебе вдалбливаю! Если во время схватки бунтовщик убежит, придется тебя наказать!

— Само собой,— согласился сбитый с толку Плетнев.— Только зачем вы мне это разъясняете? Сам понимаю, что мне тогда будет!

— Чего тебе будет-то, дурень? Ну, гауптвахты неделька... Ну, эполет поручика еще с годик не носить. Зато своим проступком... некрасивым проступком, прямо скажу, пятно с полка снимешь. Товарищей своих от позора спасешь. Понимаешь, какой парадокс образуется? Ты вроде бы виноват, но молодец! С тебя что за спрос? Убежал бунтовщик — и убежал... Ты-то дрался как лев!

— А-а,— начал наконец мучительно соображать Плетнев.— А-а, в смысле... Стало быть...

— Я все думал, кому это рискованное дело можно поручить. Тебе доверяю!

— Так вы бы, Иван Антонович, так сразу и приказали!

— Я ничего не приказываю,— оборвал полковник.— Это дело совести. Можешь и не ходить.

— Как «не ходить»? — покачал головой Плетнев.— Вы мне доверились, а я в кусты? Не сомневайтесь. Не подведу! Как налетят эти вольтерьянцы, басурманы, французы поганые, так стоять насмерть буду. Пока тот не убежит!

— Темный ты, Леша,— улыбнулся полковник.— Ну откуда в этой губернии французы? Ты бы хоть книжку

какую прочитал, а то прямо беда с тобой... Ты операцию продумай как положено. У тебя ночь впереди... Чтоб все чисто было. Себя не скомпрометируй...

— Комар носа не подточит! — заверил Плетнев.— А пятнадцатого кладу в угол!

— Клади, везунок! На подставках выигрываешь...

К бильярдному столу подошли четыре гусара.

— Господин полковник, разрешите обратиться.— Прапорщик протянул полковнику заготовленную бумагу.— Прошу принять рапорт с просьбой о переводе в другой полк.

— Так! — вздохнул Покровский.— Кто еще грамотный?

Оставшиеся три офицера сделали шаг вперед и протянули конверты.

— Хорошо! — сказал полковник, собирая рапорты.— Молодцы!

— А ты, Плетнев? — спросил прапорщик.— Ты ведь тоже хотел.

— Передумал! — потупившись, сказал корнет.— Уж извините, ребята...

— Тебе видней! — безглаголиво сказал прапорщик.— Ты же у нас любимчик командира...

— Молчать! — заорал полковник.— Чистенькими хотите остаться? Знаете ли вы, сукины дети, что третье отделение вам персональную проверку устраивает? Да передай я эти рапорты по начальству, вас не то что в другой полк, вас сразу в роты арестантские... Только я этого делать не стану! — Полковник в сердцах порвал конверты.— Для того я над вами и командир, чтоб на столько дураков хоть один умный был! Отойдите от стола, не мешайте! И запомните, ребята: если в завтрашней мишени хоть одной дырки не досчитаются, вам всем повторную проверку устроят!.. Играю семерку — два борта в середину.

— Господин штабс-капитан, прибыл в ваше распоряжение для конвоирования преступника! — отчеканил Плетнев, стоя перед Мерзляевым.

— Фамилия? — спросил Мерзляев.

— Корнет Плетнев!

— Похвально! — произнес Мерзляев, с интересом изучая гусара.— Это что ж, сами вызвались? Или приказ?

— Приказ полковника! — доложил Плетнев и добавил: — Но и сам в душе готов!

— Одобряю! — сказал Мерзляев.— Подобное рвение у офицера не часто встретишь...

— Рад стараться! — оглушил Мерзляева корнет.

Эта верноподданническая сцена происходила ранним утром на тюремном дворе. Здесь же стояла черная карета с зарешеченными окнами, готовая отвезти узника к месту казни. Узник не заставил себя ждать: он появился на тюремном дворе в сопровождении Артюхова. На Бубенцове был надет традиционный костюм смертника, белая батистовая рубашка с кружевной оторочкой, распахнутая на груди, черные бархатные штаны и начищенные до блеска сапоги. Наряд явно нравился приговоренному, он кокетливо поправил воротничок, чтобы выглядеть эффектнее, тем более что из окон тюрьмы на него смотрело множество глаз.

— Прощайте, друзья! — надрывно крикнул Бубенцов, обращаясь к заключенным.— Час вашей свободы близок! Позор тиранам!

— Да не ори ты,— тихо сказал Бубенцову ковылявший рядом Артюхов.— Зря стараешься, за это не прибавят.

— Не сбивай, дурак,— так же тихо ответил Бубенцов.— Я в образ вхожу.

— Вот ваш подопечный, господин корнет! — сказал Мерзляев, с едва заметной усмешкой наблюдавший за актером.— Опаснейший элемент. Вы с него глаз не спускайте!

— Будет исполнено! — гаркнул Плетнев.

Увидев знакомую усатую рожу, из-за которой и произошли все его злоключения, Бубенцов пришел в неистовство:

— Ага! И ты здесь, мерзавец! Смотрите все, до чего докатилась наша доблестная армия! Прислужник палачей, я тебя ненавижу!

Плетнев засопел, сжал кулаки и сделал шаг навстречу оскорбителю.

— Корнет, корнет,— остановил Плетнева штабс-капитан.— Наше дело требует выдержки! Уж коли назвались груздем... И прошу в дороге — без рукоприкладства. К месту казни извольте его доставить целым и невредимым.

Плетнев, бормоча что-то нечленораздельное, устремился в карету.

Проходя мимо Мерзляева, Бубенцов подмигнул и тихо спросил:

— Как я ему врезал? Убедительно?

Мерзляев усмехнулся и кивнул головой.

— Разрешите продолжать в том же духе?

— Продолжайте, — тихо сказал Мерзляев.

Получив одобрение начальства, Бубенцов вскочил на ступеньку кареты и истошно завопил, обращаясь к самому Мерзляеву:

— Прощай, жандармская крыса! Когда-нибудь ты нам ответишь за все! — Бубенцов дал такой подзатыльник Мерзляеву, что у того слетела фуражка.

Взобравшийся на козлы кареты Артюхов побледнел от страха. В окнах тюрьмы раздались аплодисменты. Бубенцов ответил тюрьме привычным актерским поклоном.

— Что стоишь? — взвизгнул взбешенный Мерзляев, обращаясь к Артюхову. — Пошел!

Плетнев схватил говорливого смертника за пояс и швырнул на сиденье.

Сопровождаемая аплодисментами, карета выкатилась из тюремных ворот...

Вскоре тюремный экипаж ехал по живописным окрестностям Губернска. Утро было упоительным. Узник находился явно в приподнятом настроении, и его можно было понять — не каждому выпадает счастье отдавать концы в такую дивную погоду и на таком шикарном ландшафте.

— Прощай, солнце! Прощайте, тучки! — изредка выкрикивал возбужденный артист и простирая руки сквозь решетки. — Прощай, речка! Никогда больше твои голубые воды не обнимут меня!

У Артюхова тоже было недурное расположение духа, он посмеивался над неумной энергией заключенного и мурлыкал песенку:

«Солдатушки, бравы ребятушки, где же ва-аши жены?»

Лишь один Плетнев своим мрачным, подавленным видом нарушал этот идиллический вояж.

— Прощай, травушка росистая! — кликушествовал Бубенцов. — Не ступать мне больше по тебе босыми ножками!

Эта жалоба пронзила Плетнева до самого сердца. Он угрюмо посмотрел на пленника и протянул ему трубку и кiset:

— Закурить не желаете? Напоследок?

— От убийц не принимаем! — отрезал Бубенцов.— Табачком откупиться хочешь? Не выйдет!.. И запомни мое лицо, душегуб! Я к тебе по ночам являться буду! — Он сделал страшное лицо и завыл, простирая руки к небу.

— Что вы на меня так взъелись, господин карбонарий? — побледнел Плетнев.— Я — солдат, мне приказали... При чем тут я?

— При всем! — обличающе крикнул Бубенцов.— На ваших штыках держится трон тирана! Кругом взяточничество, воровство, беззаконие. Вельможи утопают в роскоши и пьянстве, а народ бедствует, голодает...

— Не все офицеры такие,— понизил голос корнет.— Есть и честные.

— Не смей меня! — с пафосом воскликнул Бубенцов и сардонически засмеялся.— Ни стыда, ни совести! Для таких, как ты, нет ничего святого: что человека убить, что спектакль сорвать...

— Какой спектакль? — с изумлением воззрился Плетнев на Бубенцова.

— Такой,— схватился актер, поняв, что проговорился.— Вся жизнь — театр, а люди в нем — актеры...

— Это вы верно подметили,— восхитился Плетнев.

— Это не я, обалдуй! — схватился за голову Бубенцов.— Это — Шекспир! О безграмотность российская!..

Внезапно в ближнем лесу послышались выстрелы, выкрики, звуки трубы.

— Что это? — встрепенулся Плетнев и обратился к Артюхову: — Слышал выстрелы?

— Охота сегодня у господина губернатора,— безмятежно пояснил Артюхов.— Медведя егеря подняли.

— Вот иллюстрация к моим словам! — встрял Бубенцов.— Аристократы из прихоти... губят все живое! Что ему, есть нечего?

— Погодите! — оборвал Бубенцова корнет и с тревогой крикнул Артюхову: — Слушай, а вдруг это сподвижники карбонария... Нашего? Освободить хотят?

— Испугался? — злорадно воскликнул Бубенцов.— Да, голубчик, это они, мои сподвижники. Они отомстят! На обломках самовластья напишут наши... понял, папач? — наши, а не ваши, имена!

— Ты ври, да знай меру! — осадил распоясавшегося мятежника Артюхов. — Мы твоих сподвижников давно пересажали.

— Всех не посадишь! — упорствовал Бубенцов.

Неожиданно Артюхов выругался. Карета встала. Плетнев выскочил из экипажа. Поперек дороги лежало могучее дерево, преграждая путь.

— Это еще откуда? — удивился Артюхов.— Вчера здесь ездили...

— Вчера оно тут не лежало,— некстати подтвердил Бубенцов, выглянув из окна.

— И ветра вроде не было,— рассуждал вслух Артюхов.

— Какой ветер! — с некоторой нарочитостью закричал Плетнев.— Оно спилено! Это с умыслом! Нет ли здесь засады?

Бубенцов рассмеялся и, не в силах удержаться от соблазна сыграть новую сцену, завопил:

— Друзья! На помощь! Я здесь! Час освобожденья пробил!

Дальше случилось непредвиденное: Плетнев выхватил пистолет и сделал несколько выстрелов по кустам.

Актер замер от неожиданности, кони шарахнулись, Артюхов оторопело крикнул:

— Вы что? Очумели?

— Ложись! — заорал ему Плетнев.— Прикрывай меня с тыла! Он выхватил саблю и, провозгласив: «Плетнева голыми руками не возьмешь!» — устремился в кусты.

Через секунду кусты заколыхались, оттуда доносились яростные вопли и крики: «Врешь, не уйдешь! На! Получай!» Раздался стон...

— Ой, мама! — испугался Бубенцов.— Что это, Егорыч?

— А я почему знаю? — недоуменно пробормотал Артюхов.

В ту же секунду из кустов раздалось два выстрела, пули попали в карету. Бубенцов в страхе плюхнулся на дно экипажа, Артюхов схватил винтовку.

Из кустов выбежал корнет в растерзанном мундире. Продолжая размахивать саблей, он вскочил на козлы рядом с Артюховым и заорал: — Там их много! Гони!

Артюхов дрожащими руками потянул вожжи.

— Живыми не дадимся! — крикнул Плетнев, обращаясь к кустам, и неожиданно шваркнул рукояткой пистолета по голове Артюхова.

Тот обмяк и свалился с козел на землю.

Плетнев прыгнул и распахнул дверь кареты:

— Господин карбонарий, вы свободны!

Актер выглянул из кареты, осмотрелся, увидел лежащего на земле Артюхова и, поняв, что произошло, ужаснулся:

— Зачем вы это сделали?

— Бегите! — взволнованно сказал Плетнев.

— Куда?

— К сподвижникам!

— Как? Зачем? А как же расстрел?.. Нет, я не могу!

— Не теряйте времени! — прикрикнул Плетнев. — И знайте: в армии есть благородные люди!

Бубенцов некоторое время удивленно смотрел на одухотворенное лицо корнета, потом вылез из кареты и произнес загадочную фразу: «Ну и дела! Вот влип...» — пошел обратно по дороге. Однако, сделав всего несколько шагов, он круто повернулся.

— Нет, так не пойдет! Конечно, спасибо вам большое, господин офицер, но я предпочитаю остаться!

— Да вы что?

— Лично я никуда не побегу! — заупрямился приго-воренный.

— Почему?

— Из-за вас! Вы — благородный человек, но и мы, карбонарии, тоже, понимаешь, не лыком шиты! Вам за это каторга грозит!

— Не ваша забота! Вас-то смерть ждет!

— А это — не ваша забота!.. Одним словом, господин офицер, не станем препираться. Извольте отвезти меня к месту казни! Так для нас обоих спокойней будет.

Бубенцов заложил руки за спину, переступил через лежащее дерево, как через рубикон, и величественно направился вперед.

Плетнев от изумления разинул рот.

— Стой!

Бубенцов обернулся, увидел наведенный на него пистолет:

— Либо беги, либо стрелять буду! — прохрипел бледный от волнения Плетнев.

Артист понял, что в данном случае коса нашла на камень, а попросту говоря — благородство на благородство.

— Дурак ты, корнет, — вздохнул Бубенцов. — Парень, видно, хороший, честный... Но... Если б ты все знал... Как бы объяснить... Эх! Не могу. Не имею права.

— А я ни о чем не спрашиваю! — твердо произнес Плетнев.— Бегите! Здесь можно оврагами, через лес... Переберетесь в соседнюю губернию, а там и до границы недалеко...

— Какая граница? — завыл актер.— Ох, господи, как все было просто: расстреляли бы меня и разошлись мирно. А теперь выпутывайся! Ну, черт с тобой! Прощай!

Он свернул в лес, но тут же вновь появился на дороге и подбежал к корнету.

— Давай я тебя к дереву привяжу, что ли? Чтоб натурально было!

— Верно! — согласился Плетнев.— Только быстро, а то наряд должен проехать. Как бы вас не схватили.

— Спасибо за заботу, — сказал Бубенцов, привязывая Плетнева к дереву вожжами.

— Это вам спасибо, господин революционер, — ответил Плетнев.— А что народ плохо живет, я и сам видел, только вот так красиво, как вы, сказать не могу. Я встречу с вами и слова ваши на всю жизнь запомню...

— Как зовут-то тебя? — затягивая узел, ласково спросил Бубенцов.

— Алеша Плетнев. А вас? Если не тайна?

— Какая, к черту, тайна — Афанасием кличут! Ну, счастливо! — Бубенцов похлопал корнета по плечу и нырнул в лес.

— На помощь! — крикнул Плетнев. Артист тут же вернулся:

— В чем дело?

— Да я так, для маскировки, — улыбнулся Плетнев.— Военная хитрость...

— Правильно! — одобрил Бубенцов.— Ну, бывай! И он нырнул в чашу.

Плетнев остался один, набрал полную грудь воздуха и заорал:

— Люди! На помощь!

В зарослях послышался шум.

Словно подчинившись команде, из леса вышел огромный медведь и направился к связанному Плетневу.

Продираясь через лесные дебри, Бубенцов слышал отчаянные вопли своего избавителя:

— Караул! Спасите... Ой! Что делается!

— Какими замечательными ребятами богата мать-Россия! — воскликнул остановившийся на мгновение артист и с удвоенной энергией побежал дальше.

Вторая серия

Голос за кадром:

«Это произошло лет сто, а может, и двести назад, так что очевидцев, скорее всего, не осталось. Поэтому никто не может упрекнуть нас в недостоверности...»

Пока проходят титры второй серии, зритель видит кадры, напоминающие ему содержание первой:

полк, входящий в город...

мавр Бубенцов, стреляющий из лука в губернаторшу...

Мерзляев, разглядывающий попугаев...

гусары, выпрыгивающие из окон заведения мадам Жозефины в седла...

Настенька, которую Артюхов ведет по длинным тюремным коридорам...

полковник, сражающийся с Плетневым на бильярдном столе...

бегущий через заросли Бубенцов...

Плетнев, ударяющий рукояткой пистолета по голове Артюхова;

выходящий из кустов медведь, направляющийся к привязанному Плетневу...

На фоне всех этих кадров звучит лихая гусарская песня:

«По селу бегут мальчишки,
Девки, бабы, ребятишки,—
Словно стая саранчи.
В трубы дуют трубачи!
Туру-рум! Ту-ру-рум! Ту-ру-рум!
Раздаются тары-бары:
«К нам приехали гусары!
Все красавцы усачи!
В трубы дуют трубачи!..»
Туру-рум! Ту-ру-рум! Ту-ру-рум!»

— Бред! Чушь!!! — Разгневанный Мерзляев расхаживал по кабинету. Перед ним стоял навтыжку Артюхов. К перебинтованной ноге прибавилась перебинтованная голова.

— Ты сам-то понимаешь, что ахинея? — орал Мерзляев. — Какие сподвижники? Откуда? Во что они были одеты?

— Не могу знать, ваше высокоблагородие. Не разглядел!

— Не разглядел, потому что их и не было!

— Так точно — не было!

— А кто же тебя тогда по голове стукнул?
— Сподвижники!
— Какие сподвижники могут быть у этого актеришки?
— Из театра кто? — предположил Артюхов.
— Брось! Театральные людишки трусливы...
— Ваше благородие,— робко заметил Артюхов,— а вдруг он настоящий?

— Соображаешь, что говоришь? — побледнел Мерзляев.— Если у нас с тобой сбежал настоящий? Это значит: в губернии тайное общество, а мы главаря держали в руках и упустили... Это ж — комиссия из Петербурга! Это ж... понимаешь, что с нами будет?

— Виноват! — испугался Артюхов.— Глупость сморозил... Конечно, актеришку отбили!

— Зачем его отбивать? — стукнул по столу потерявший выдержку Мерзляев.— Мы его и так отпускали... Как себя вел Плетнев?!

— Стоял насмерть!

— С кем стоял?

— Со сподвижниками...

— Как они выглядели?

— Не могу знать! Не разглядел!

— Не было их! Понимаешь — не было!

— Так точно, не было,— согласился Артюхов.

Мерзляев погрузился в размышления.

— А может, все это комедия? Корнет ваньку валял?

— А-а...— понимающе протянул Артюхов.— Вполне может быть.

— Хотя, с другой стороны, так себя поуродовать?..

— Может, это наш карбонарий его помял?

— Нету никакого карбонария! Актер есть!

— Тогда сподвижники...

— Мне эта сказка про белого бычка надоела. Слушай, Артюхов, ты мне Бубенцова — уж не знаю, кто он, карбонарий, шпион или шулер — вынь да положь! Установить по городу посты наблюдения... В театре...

— Уже стоит! — отчеканил Артюхов.

— В лазарете у Плетнева...

— Уже лежит!

— Где дочь Бубенцова?

— Уже сидит.

— Как? — вздрогнул Мерзляев.

— Она пришла папеньку встречать к тюрьме, а мы ее тут же и сгрябчили!

— Кретин! — Мерзляев подскочил к Артюхову и замахнулся.

Артюхов покорно подставил под удар голову.

— Скажи спасибо, что тебя бить не во что! А то бы...

Через несколько секунд Мерзляев встал в камеру, где сидела Настенька.

— Сударыня, ради бога, извините! Произошло недоразумение! Поверьте, я тут ни при чем.— Мерзляев попытался поцеловать руку Настеньки, но та гневно отдернула ее.

— Какая ужасная эпоха! Да как они посмели! Вас, мимолетное виденье, гений чистой красоты — и в одиночку!

— Не верю ни одному вашему слову! — оборвала его Настенька.— И вы еще говорили мне о своей любви!

— И сейчас говорю!.. Настенька! Звезда моя! Да знаете ли вы, что сегодня утром я послал вам корзину цветов! И сам ждал под балконом... А в это время, оказывается, вас уже держали в темнице... Как трудно любить, когда вокруг — сплошное дурачье!

— Где папенька? — перебила Настенька.

— Это и я бы хотел знать! Дорогая моя, произошло невероятное событие: ваш папенька бежал!

— Что? — изумилась Настенька.— Как он мог отсюда убежать?

— Не отсюда,— поморщился Мерзляев.— Мы его уже начали освобождать, а он... Вместо того, чтобы уйти, как договорились, одним словом, по-человечески... бежал!

— Что вы сделали с папенькой? — напряженно спросила Настя.

— Выйдем из этих отвратительных стен! Здесь невозможно разговаривать! — Мерзляев схватил Настю под руку и повел по тюремному коридору.— Ему оставалась маленькая процедура... чистая формальность... И вот буквально за полчаса до освобождения убежал. Такая престранность! — Мерзляев покрутил многозначительно пальцем возле виска.— Скажите, с ним раньше ничего такого подобного не случалось?

— Не случалось! Он раньше не сидел в тюрьме! — Настенька всплеснула руками.— Я поняла: вы его убили!

— За кого вы нас принимаете! Мы боремся только со смутьянами... Ваш папенька случайно не революционер? —

Мерзляев с подчеркнутой наивностью посмотрел Настеньке в глаза.

Теперь пришла пора обидеться Настеньке.

— Опять вы за свое! Мой папа — порядочный человек и на госпожу губернаторшу не покушался! Где он? — Настенька разрыдалась.

— О, если б я знал, где он! — с притворным сочувствием произнес Мерзляев и перешел на лирику: — Милая моя, я не побоюсь этого сказать, любимая моя Настасья Афанасьевна, ваш папенька жив и ищет вас. Ступайте домой и ни о чем не беспокойтесь! А когда вы его увидите, передайте ему мою нижайшую просьбу: немедленно явиться к нам...

— Зачем?

— Чтобы мы его тут же отпустили. Потому что, если мы его поймем, ему будет очень скверно. Вы меня поняли?

— Нет, — искренне призналась Настя.

— И слава богу! Ступайте домой! Скорей, скорей, вон из этого ужасного заведения! — Мерзляев распахнул дверь, ведущую на улицу. — О боже, как вы очаровательны! Помните у Тютчева, Федора Ивановича: «Твой милый взор, невинной страсти полный, златой рассвет небесных чувств твоих...» Вы не забыли наш уговор? Вечером я у ваших ног! — Мерзляев провожал Настеньку взглядом, полным истинной любви.

Растерянная, обескураженная Настенька пошла по улице одна. Едва она сделала несколько шагов по мостовой, как от тюремной стены отделилась невзрачная фигура в гороховом пальто и стала неотступно следовать за девушкой.

Настенька ускорила шаг. Фигура тоже. Взволнованная Настенька побежала. Гороховое пальто припустилось за ней, но вскоре выбилось из сил, и задыхаясь от усталости, взмолилось:

— Сударыня! Остановитесь!

Настенька остановилась, удивленно оглянулась.

— Извините, не могу так бегать... Я больной человек, у меня астма! — Преследовавший вынул из кармана пилюлю, проглотил ее.

При ближайшем рассмотрении выяснилось, что внутри горохового пальто находился продавец говорящих поугаев.

— Кто вы такой? — сердито спросила Настя.

— Тайный агент! — с обезоруживающей откровенностью выдохнул астматик.— Фу, как я устал! Весь мокрый...

— Что вам от меня угодно?

— Как «что»? — агент был искренне удивлен.— Я за вами слежу. Вы — мое первое задание, можно сказать, дебют. В общем, идите куда идете, но не торопясь... Помните, я старый, больной человек!

— Ах вы дрянь эдакая! — возмутилась Настя.— Занимаетесь грязным делом, да еще и признаетесь. Как же стыдно?!

— Очень стыдно,— вздохнул агент,— поэтому и признаюсь. Еще вчера я был просто торговец. Продавал птичек. Казалось бы, невинное дело, но... Какой-то мерзавец, холера ему в бок, продал мне политическую птичку, она кричала такое, что я не могу вам повторить...

— Убирайтесь отсюда! — крикнула Настя.

— Где я могу поймать этого мужика? — продолжал сетовать бывший лавочник.— Чтоб доказать благонадежность, пришлось пойти к ним на службу. И теперь я — филер, шпик, ищейка. Одним словом, докатился!

— А зачем вы за мной следите?!

— Вот это тайна! Сказать не имею права...

— Ах так! — сказала Настя.— Тогда я побегу. Прощайте!

— И вам не жалко старого, больного человека? — запричитал агент.

— Не жалко! — обрезала Настя.

— По-своему вы где-то правы,— глубокомысленно заметил агент.— Хорошо, я вам откроюсь, но — сугубо между нами. Вы — наш крючок. На вас должен клюнуть папа...

— Значит, он на свободе? — обрадовалась Настя.— Значит, он действительно убежал... Зачем?

— Точно не знаю,— пожал плечами агент.— Короче, велели поймать живым или мертвым! Ой, что вы побледнели? Я это для красного словца! Только живым!

Но Настенька побледнела не поэтому. В окне здания театра, к которому они приближались, она увидела отца. Пытаясь привлечь внимание дочери, Бубенцов отчаянно жестикулировал. Агент перехватил взгляд Настеньки.

— Кто этот глухонемой? — спросил агент.

— Это... это... — замялась Настенька, — наш импресарио! Он срочно зовет меня... на репетицию.

— Прекрасно! — сказал агент. — Идите репетируйте. Но передайте вашему импресарио, что умные люди так себя не ведут. В какое положение он меня поставил? А если б жандармы у входа его заметили?! Я бы должен был свистеть!

— Вы великодушный человек! — Глаза Настеньки наполнились слезами.

— А, — отмахнулся агент, — глупости! Я сам — отец! Идите! Только будьте осторожны!

Через секунду Настя пробежала через театральный подъезд, который охраняли жандармы.

Отца Настя отыскала в одной из костюмерных комнат, где он лихорадочно снимал и отшвыривал в стороны наряды разных эпох и народов.

— Кого мы только играем! — кипел артист от возмущения. — Короли, герцоги, псы-рыцари... Ни одного современника! Порядочному артисту убежать не в чем!

— Папенька! — воскликнула Настя. — Там, внизу — жандармы!

— Нет у тебя больше папеньки. Сирота ты! — Бубенцов приложил к себе дамское платье. — А может, в этом? Нет! Марию Стюарт мне не потянуть! Провалюсь!

— Скажи, в конце концов, что случилось?! — закричала Настя. Зачем ты удрал? Я же договорилась, чтоб тебя отпустили.

— Влип я! Понимаешь, влип! Сейчас расскажу. Где костюм Ивана Сусанина? Хоть и древность, но все-таки наш, русский человек...

А в это время к подъезду театра подкатил открытый экипаж, в котором сидел забинтованный Артюхов.

Дежурившие жандармы подскочили к начальству.

— Не появлялся? — спросил Артюхов.

— Никак нет!

— Театр обыскивали?

— Никак нет!

— Олухи! — крикнул Артюхов. — С этого начинать надо! Обшарить помещение!

— Эх, не пришлось на сцене русского мужика сыграть — в жизни попробую! — Перед Настенькой стоял

старик, с седой бородой, в армяке, перепоясанном веревкой, в аккуратных новеньких лаптях — одним словом, вылитый Иван Сусанин.

— Прощевай, чадо любимое,— заговорил Бубенцов, отвесив дочери низкий поклон до земли.— Ухожу я в исти, в скиты, за Волгу! Не найти меня там царским опричникам!

— Еще как найти! — сердито сказала Настя.— Не паясничай, папа. Надо идти к Мерзляеву и признаться во всем!

— А что с корнетом будет?

— Тебе-то что за дело? Что он тебе — сын, кум, сват? Из-за него мы в беду попали.

— И это говоришь ты, которую я взрастил и воспитал! Бубенцовы никогда подлостей не делали! Бубенцовы — такая фамилия...

— Хватит,— устало перебила Настенька.— Я это слышала много раз.

— Дочка,— вдруг нормальным человеческим голосом заговорил Сусанин, — он ради меня собой рисковал. В Сибирь пойдет, на каторгу... Жалко парня! Малый-то хороший, добрый.

— Образина чертова! — с раздражением сказала Настя.— Как вспомню его, балбеса, так в дрожь бросает!

— Как это я в него стрелой не попал? — вздохнул Бубенцов.— Попал бы — и ничего бы не было. Ах, чурбан гусарский!

— Остолоп! — поддакнула Настя.

— Видишь, и тебе он нравится. Как же такого парня предавать? — вздохнул Бубенцов.— Понимаешь, дочка?

— Понимаю! — согласилась Настя.

Обыскав фойе, жандармы вошли в зрительный зал. На сцене шла репетиция трагедии из древнеримской жизни. Патриции, сенаторы, консулы, гетеры и фурии, в тогах, туниках и сандалиях, плавно двигались по сцене...

«О всемогущий Юпитер, милость свою прояви, дерзких плебеев десницей срази повсеместно!» — завывал один из патрициев.

Во главе с хрым Артюховым жандармы прошли через зрительный зал и бесцеремонно вторглись на сцену.

— Господа актеры! — прервал гекзаметр Артюхов.— В театре обыск. Ищем мещанина Афанасия Бубенцова. Кто его видел?

Римляне безмолвствовали.

— Проведем поименное дознание! — сказал Артюхов, переждав паузу.— Вы кто? — обратился он к толстому, усатому патрицию.

— Марк Туллий Цицерон! — ответил тот.

— Я не в этом смысле! — отмахнулся Артюхов.— По пачпорту отвечать!

— По пачпорту — Анна Петровна Спешнева!

Даже выдавший виды Артюхов опешил.

— Так... А вы, мадам, кто будете? — обратился он к пышноволосяй гетере.

— Федор Спиридонович Степанов!

— Так! — свирепел на глазах Артюхов.— Разберемся... А вы кто есть? — спросил он рогатого козлоногого фавна с веночком на голове.

— Марк Юльевич Мевзон!

— По пачпорту отвечать! — заорал Артюхов.

— Я — Марк Юльевич по паспорту,— испуганно ответил фавн.

— Ну, вот что — принял решение Артюхов,— здесь работа большая. Я вас всех выведу на чистую воду. Слушай мою команду: мужчины по пачпорту — налево, женщины — направо! Становись! Обнажайсь!

— Что делать! — размышлял вслух Бубенцов, расхаживая по костюмерной. — Придется бежать куда глаза глядят.

— А если поймают? — спросила Настя.

— Буду молчать! — с надрывом произнес Бубенцов.— Пусть терзают... Правду открывать нельзя!

— А зачем правду? — вдруг осенило Настю.— Бубенцовы не такая фамилия, чтоб говорить жандармам правду! Для них и сочинить можно.

— Что сочинить? Мол, меня отбили? — усмехнулся Бубенцов.— Да кому я сдался...

— Те, кто отбивал, не знали, кто ты такой,— персбила Настя.— Тебя в закрытой карете везли.

— Ну и что?

— А то! — Настенька начала фантазировать.— Раннее утро, туман...

— Тумана не было!

— Не встречай! Туман... Из-за леса на рысях выскочили пять благородных всадников...

— А дальше что? — заинтересовался Бубенцов.

— Они были... в... черных костюмах и черных полумасках.

— На белых лошадях! — неожиданно подсказал Бубенцов.

— Молодец! — одобрила Настя.— Они напали на карету... схватили тебя и уволокли в поле. А там, разглядев тебя, вдруг крикнули: «О боже! Это не наш предводитель! Мы ошиблись!»

— Зачем же волокли! Раньше не могли понять, кто я?

— Так они на тебя мешок накиннули,— быстро нашлась Настя.

— Ага! — одивился Бубенцов.— Так бы сразу и говорила.

— После чего они бросили тебя в густую, высокую рожь...— заключила Настя.— Ну, как? Ведь натурально выходит!

— Натурально! — согласился Бубенцов.— Натурально, только вранье! Корнет ведь то же самое сказать на допросе должен, а мы с ним не сговорились... Не до того было...

В это время распахнулась дверь и в костюмерную заглянул один из актеров:

— Афанасий! Жандармы! Сюда идут!

Бубенцов инстинктивно рванулся к выходу. Настя побежала за ним.

— Папа! Надо уходить через пожарный люк!

— Дочка, лети в полк, найди Плетнева... Расскажи про то, что мы придумали. Ну, про тех, кто отбил... пять белых всадников на черных конях...

— Черных всадников на белых конях...— поправила Настя.

— Да, да... Ох, черт, самому бы не перепутать!

Весь этот разговор велся на бегу, пока Бубенцов с дочерью металась по коридорам театра. Но за каждым поворотом их встречали голубые мундиры, сторожившие все входы и выходы.

— Идем через сцену! — крикнула Настя.— Но там репетиция!

— Что репетируют? — озабоченно спросил Бубенцов.

— «Смерть Цезаря»!

— Ах, черт, не в то оделся! — воскликнул Иван Сусанин.— Ну, да где наша не пропадала!

В это время на сцене заканчивался досмотр. Подергав за усы последнего патриция и убедившись, что они настоящие, Артюхов скомандовал:

— Одевайтесь, цистероны! Можете продолжать! — И заковылял со сцены в партер.

Полураздетые актеры и актрисы стали напяливать на себя тоги и туники, и Цицерон вяло пробубнил:

«О всемогущий Юпитер, милость свою прояви мне! Дерзких плебеев десницей сразу повсеместно...

— Я отомщу вам, клянусь златокудрой Венерой,— дала ему отповедь одна из упитанных гетер.— Пусть я навеки останусь бесплодной и чахлой»...

Внезапно за сценой раздался оглушительный звон колоколов. Актеры вздрогнули и оцепенели. Колокольный перезвон был явно неуместен, ибо действие пьесы происходило до возникновения христианства.

Из-за кулис послышался могучий бас:

— Братья мои, дорогие плебеи и фавны! Если собрата свою вы предать не хотите, то помогите ему добраться до пожарного люка!

На сцене воцарилась жуткая пауза.

Уходивший Артюхов обернулся и с простодушным любопытством уставился на сцену.

Первым опомнился Марк Юльевич Мовзон.

— Что ж вы молчите, и ты, Цицерон, и другие? Или вам голос божественный этот неведом?

— Будем последними тварями, если ему не поможем! — включилась гетера.

Празднично ударили колокола. Под их перезвон на сцене появился, к великому изумлению римлян, борогатый мужик, в лаптях, с портретом российского императора.

Цицерон — на то он и был Цицерон — принял решение:

— Братья мои, мизансцена такая: все на колени! Чу! Императора слышу шагов приближеньс!

— Слався, сла-а-вся русский наш царь! — запел Бубенцов на известную музыку из оперы Глинки.

— Слався, сл-а-вся ты, наш государь! — дружно подхватили коленопреклоненные римляне.

Далее, что было уже совсем необязательным, мужик перекрестил язычников портретом, как иконой, и скрылся по ту сторону кулис.

— Пусть обойдут стороной его горе, беда и напасти! — велеречиво промолвил Марк Юльевич Мовзон.

— Нам бы, Марк Юльич, за это потом не пришлось отвечать бы,— пробормотал в изнеможении Марк Тульевич Цицерон, вставая с колен и вытирая холодный пот.

— Антракт!

Актеры со страхом воззрились на Артюхова.

— Патриотическая вещичка,— тоном мецената одобрил Артюхов и вдруг спохватился: — А кто этот бородач? Мы ж его не проверили!

— Это не бородач! — вдруг с пафосом воскликнул Цицерон.— Это — Иван Сусанин! Народный герой! Он жизнь за царя и отечество отдал! Двести лет назад! — И погрозил Артюхову пальцем.

Не привыкший к угрозам со стороны штатских, жандарм смущенно забормотал:

— А я чего? Я ничего! Отдал — и отдал... Молодец!

Из-за кулис счастливая Настенька жестами благодарила своих коллег.

Внезапно распахнулась дверь, ведущая из фойе, и в зал вбежал филер в гороховом пальто. Его лицо светилось торжествующей улыбкой.

— Господин Артюхов,— закричал он,— я его поймал!

— Бубенцова?

— Какого Бубенцова? — отмахнулся филер.— Лучше. Можете меня поздравить. Я поймал того проклятого мужика, который продал мне птичку...

— Какую птичку?

— Неблагонадежную. Помните, она выкрикивала такое, что я не решаюсь повторить... Он побежал, я засвистел. Вон его ведут!

На этих словах два жандарма ввели в зал упирающегося Ивана Сусанина.

— Ошибка, братцы, ошибка произошла! — напирая на «о», по-вологодски, говорил Бубенцов.

— «Ошибка»? — зашелся филер.— Я твою бороду из тысячи узнаю...

Актеры замерли. Настя выбежала на сцену.

— Ты мне жизнь поломал! — продолжал кричать агент.— Я из-за тебя ищейкой стал, не в театре будь сказано. И ты еще за того попугая целковый содрал, глаза твои бесстыжие!

Артюхов злорадно разглядывал бородача.

— Сусанин, говоришь? — он протянул руку и дернул мужика за бороду.

— Ой! — вздрогнул филер, увидев лицо Бубенцова.— Это не он!

— Это он! — улыбнулся Артюхов.— Здравствуй, Афанасий, здравствуй, голубчик!

Полковник Покровский в сопровождении господина Мерзляева шел по двору казармы. Гусарский полк жил своей обыденной жизнью, рядовые чистили коней, цирюльники прямо на улице брили гусарские физиономии, точильщик разбрасывал искры, заостряя вороненые клинки, повар в громадном котле помешивал поварешкой.

— Какой удалец ваш Плетнев! Мне доложили, он отчаянно сражался с заговорщиками! — лебезил Мерзляев.— Примите, Иван Антонович, мои искренние поздравления!

— Благодарю! — ележно ответил полковник.— А вас тоже можно поздравить? Поймали бежавшего бунтовщика?

— Пока нет! Но далеко не убежит... Хотя дело простое. За всем этим кроется явный заговор...

— Уж конечно,— согласился полковник.— Желаю вам его поскорее раскрыть.

— Не сомневайтесь, раскроем... Хотелось бы потолковать с героем приключения.

— К сожалению, невозможно! — сокрушенно вздохнул полковник.— Корнет в лазарете. Налетчики сильно его повредили.

— По долгу службы обязан его навестить,— сказал Мерзляев.

— К сожалению, не могу сейчас этого вам позволить,— вежливо заметил полковник.

— К сожалению, придется обойтись без вашего позволения,— так же вежливо ответил штабс-капитан.— Кстати, а как получилось, что Плетнев поехал сопровождать опасного преступника?

— Был бы не опасный — не поехал,— парировал Покровский.

— А вам не кажется странным, что боевой офицер вызвался помогать жандармам?

— Не понимаю вас, господин Мерзляев,— насупил брови полковник.— Странные у вас мысли... Он ведь помогал нашим жандармам, а не каким-нибудь там японским.

— Нет, порыв я одобряю! — отступил Мерзляев перед демагогическим демаршем.— Я к тому говорю, что это не положено... Не по уставу!

— А не по уставу — зачем же вы позволили? Как же вы маху дали, господин штабс-капитан?

Армия явно одерживала верх над жандармерией. Жандармерии это явно не нравилось.

— Дорогой мой Иван Антонович, — в слащавом голосе Мерзляева послышалась некоторая угроза, — в этой истории немало подозрительного. По вашему приказу корнет конвоирует бунтовщика. Далее... На экипаж нападают невесть откуда взявшиеся головорезы. Далес... Кто-то бьет по голове моего помощника. Далее... Корнет сражается как лев, много стреляет, — а он известен как меткий стрелок, попадает в туза за сто шагов, — а мы не находим ни одного трупа... Согласитесь, дорогой полковник, много неувязок! Я просто вынужден сообщить обо всей этой аванюре в Петербург, и тогда кое-кому может не поздоровиться.

— Совершенно с вами согласен, дорогой господин Мерзляев. — Полковник подошел к походной кухне, сделал знак повару. Тот привычным жестом налил ему миску щей. Полковник стал снимать пробу: — История действительно подозрительная... Не желаете отведать? — Полковник протянул миску жандармскому офицеру, тот жестом отказался. — Так вот, — Покровский начал свою речь и одновременно с аппетитом уплетал за обе щеки солдатский харч. — Жандармское отделение везет опасного бунтовщика, и, заметьте, почти без охраны. Хорошо, я догадался послать на помощь храброго офицера. Далес: на экипаж нападают головорезы, про которых представитель третьего отделения изволит говорить, что они «невесть откуда»... Далес: помощника бьют по голове, а его начальник не знает кто! И далес: мой корнет, известный меткостью стрельбы, кладет на месте нескольких заговорщиков, а наши доблестные жандармы являются так поздно, что трупы успевают увезти и, может, даже закопать. И последнее, о чем вы забыли упомянуть: корнет в этой аванюре пролил кровь, а жандармы — чернила на допросах! Согласитесь, что я не могу не сообщить об этом в Петербург, и тогда кое-кому может не поздоровиться. — Полковник с аппетитом облизнул ложку.

Через секунду Покровский в сопровождении Мерзляева вошел в штабное помещение.

— Господин полковник, — козырнул ему адъютант, — вас тут барышня ожидает...

— Не до барышень мне сейчас! — буркнул полковник.

— Она, собственно, не к вам, а к Плетневу хочет! — пояснил адъютант.

— А тому и подавно... не до того. Передай: у него все забинтовано,— по-солдатски пошутил Покровский.

— Зачем же так строго? — вмешался Мерзляев.— Герой имеет право на награду.

— Проси! — согласился полковник.— Посмотрим, что за птица!

Адъютант вышел.

— Не буду мешать.— Мерзляев встал и направился в соседнюю комнату.

Настенька распахнула дверь.

— Добрый день, сударыня! — Полковник галантно пошел ей навстречу.— Мне доложили вашу просьбу. Вынужден отказать: Плетнев ранен и находится в лазарете.

— Мне нужно срочно с ним увидеться.

— А вы, собственно, кто ему?

Настя замаялась.

— Ну... в общем... знакомая...

— К сожалению, не могу,— улынулся полковник,— у Алексея знакомых много, а здоровье — одно!

— Оставьте этот тон, полковник! — вспыхнула Настенька.— Я его невеста!

— Простите старого осла! — смутился Покровский.— Мы тут совсем одичали в казармах... Рад познакомиться! Одобрю вкус и выбор корнета!

— Мне тоже приятно познакомиться с невестой господина Плетнева.— В дверях стоял Мерзляев.— Давайте навестим вашего жениха вместе, дорогая Настасья Афанасьевна.

Мерзляев вел Настеньку под руку. Вел мягко, но настойчиво. Они шли мимо казарм, и гусары с интересом посматривали на хорошенькую девушку.

— Выходит, я получил отставку? — печально сказал Мерзляев.

— Выходит,— вздохнула Настенька.

— И это несмотря на охватившее меня чувство?

— Несмотря...

— И вы его любите?

— Очень.

— А он вас?

— Без ума!

— Невероятно! — с схищцей заметил Мерзляев.— Тем более невероятно, что я был свидетель, как три дня

назад в театре он впервые увидел вас! Такая пылкая любовь с первого взгляда?!

— Это бывает,— саркастически заметила Настя,— хотя бы судя по нашей вчерашней встрече.

— А как папенька относится к вашему жениху? Одобряет?

Нервы Насти не выдержали, он сорвалась:

— Господин Мерзляев, вы меня ревнуете или подозреваете?

— Я тебя допрашиваю, дура! — с неожиданной злостью процедил Мерзляев и тут же, вернув сладкую улыбку, произнес: — А впрочем, извините, несравненная Настасья Афанасьевна. Признаюсь честно, ревную...

Палата полкового лазарета. На госпитальной койке сидел голый по пояс Плетнев. Его мускулистый торс был перевязан крест-накрест белыми бинтами, а бесчисленные царапины замазаны зеленкой и йодом. В общем, он был колоритен во всех смыслах этого слова. В руках корнет держал гитару, перебирая струны. Рядом с ним на стуле, в скромном платье, сидела Жужу, на коленях у нее был узелок.

Корнет напевал:

«Сердца томная забота,
Безмянная печаль!
Я невольно жду чего-то,
Мне чего-то смутно жаль.
Не хочу и не умею
Я разалечь свою хандру:
Я хандру свою лелею,
Как любви своей сестру...»

— Это, Леша, тебе от Зизи,— тихо, не прерывая песни, сказала Жужу и поставила на стол банку с вареньем.— Пряник — от Лулу, а вот пирог с грибами — от самой мадам...

«И никто не приголубит,—

продолжал песню корнет,—

И никто не исцелит...
Поглядишь: хандра все любит,
А любовь всегда хандрит».

Тут Плетнев и Жужу почувствовали, что в палате кто-то есть, и обернулись на вошедших.

— Родной мой! Любимый! Что они с тобой сделали! — по-бабьи запричитала Настя и кинулась к раненому.

— Розанчик! — завопил Плетнев. — Какими судьбами! Вы...

Договорить ему не удалось. Настя обхватила руками могучее тело Плетнева и поцелуем заставила его замолчать.

Внимательно наблюдавший за этой сценой Мерзляев отметил некое недоумение в глазах корнета, затем корнет зажмурился, что свидетельствовало о чрезвычайном восторге.

— Ну, я, пожалуй, пойду! — спокойно сказала Жужу, поднимаясь со стула. — Твоя мамзель тебя и покормит. Привет от всех наших. Поправляйся, Леша...

И она двинулась к выходу.

— Подождите! — остановил ее Мерзляев. — Кто такая?

— Жужу! Из заведения мадам Жозефины...

— Зачем приходили?

— Гостинцев принесла. Пусть поест домашнее. Что он все на казенных харчах...

— А эту даму откуда знаете? — Он показал на Настю, которая упорно продолжала целовать корнета.

— Она давно за ним ухлестывает... Обесчестил, обещал жениться, а потом раздумал. Она даже к нам в заведение к нему прорвалась. Ну, чего? Могу идти, господин жандарм?

— Идите, — разрешил озадаченный Мерзляев. — Подождите, а вы как сюда прошли?

— Так и прошла, — лениво сказала Жужу.

— Посторонних в полк не пускают.

— Это я-то им посторонняя? — засмеялась Жужу. — Ну, господин капитан, вы скажете... — И, не переставая посмеиваться, Жужу покинула палату.

— Вот уж сюрприз, так сюрприз! — освободившись из Настенькиных объятий, произнес корнет, но выразить свои чувства ему не удалось. Настенька с криком: «Молчи! Тебе вредно разговаривать!» — повторила свой поцелуйный маневр.

— Прекратите! — раздраженно рывкнул Мерзляев. — Сцена разыграна блистательно!

— Это бестактно, в конце концов! — Настенька гневно обернулась. — Оставьте нас одних!

— Действительно! — Плетнев тоже возмутился. — Чего уставился?!

— Господин корнет, извольте встать перед старшим по званию! — приказал Мерзляев.

— Вставать мне доктор запретил, — нахально ответил Плетнев. — А перед дамами чинами щеголять неблаго-родно. Подглядывать — тем более.

— Не читайте мне нотаций! Кстати, здесь, — Мерзляев указал на пустую койку, стоявшую рядом в палате, — здесь должен лежать больной. Где он?

— Ваш соглядатай, что ли? Его унесли...

— Куда?

— В хирургическую!

— Как?!

— На носилках!

— Почему?

— После переломов! — дружелюбно разъяснил Плетнев. — Все ясно или еще есть вопросы?

Мерзляев закусил губу и выскочил из палаты, хлопнув дверью.

Избавившись от опасного свидетеля, Настенька попыталась освободиться из объятий, но не тут-то было. Корнет был охвачен страстью:

— Сударыня, я вас обожаю! Я на вершине блаженства. Вы — мой идеал! Как вас зовут?

— Подождите! — Насте все же удалось вырваться. — Я дочь того человека, которого вы спасли сегодня на рассвете. Он меня послал к вам. Его схватили. Теперь его и ваша жизнь зависят от того, что вы скажете... Понимаете? Вы должны говорить одно и то же... Понимаете?

— Вон оно что! — Плетнев посерьезнел. — Сударыня, я восхищен вашим отцом! Разрешите пожать вашу руку! — Он взял Настеньку за руку и, воспользовавшись этим, попытался привлечь девушку к себе.

— То, что я вам скажу, очень важно! — Настя оттолкнула Плетнева. — Запомните: на вас напали всадники на белых лошадях. Они были в черных костюмах и в черных полумасках...

— Красиво! — оценил корнет.

— Запомнили?!

— Чего тут запоминать... Черные — белые...

— Нападающих было пятеро? Поняли?

— Ну уж нет! — неожиданно заартачился Плетнев. — Тридцать как минимум...

— Да вы что? Рехнулись? Говорят вам — их было пятеро!

— Не обижайте, сударыня! Кстати, как вас зовут?.. Какие пятеро! — Корнет искренне засмеялся.— Пятерых я бы уложил одной левой... Нет! Тридцать — и точка!

— Вы что, издеваетесь? — начала злиться Настя.

— Ладно,— сделал уступку корнет,— только ради вас: двадцать, и ни копейки меньше!

— Болван! — вспыхнула Настя.— Вы погубите отца!

— Хорошо! Поскольку уважаю вашего папашу... Как говорится, ни нашим, ни вашим.— И корнет назвал окончательное число: — Двенадцать! Больше уступить, сударыня, не могу — перед ребятами стыдно, засмеют.

— Хотите в беду попасть — несите что угодно. Я вас предупредила! Прощайте! — Настя пошла к двери.

— То есть как «прощайте»? — Корнет был искренне изумлен.— И это все?

— Что «это»? — не поняла Настя.

— Ну, это... Поцелуи... Признания... Это что ж? Спектакль?

— И вы поверили, что правда? — улыбнулась его наивности Настя.

— Как же можно такими святыми вещами играть? — Плетнев был обижен и оскорблен.— Я к вам со всей душой. А вы... За что?

Настя посмотрела на убитого горем Плетнева, пожала плечами и устремилась к выходу.

— Ничего не буду говорить! — взъерепенился корнет.— Пусть тюрьма! Пусть Сибирь! Сорок их было! — И для усиления добавил: — И без масок!

Настя остановилась.

Негодующий Мерзляев шел к своему экипажу. Навстречу ему выскочила бричка, которую погонял Артюхов. Увидя шефа, подручный резко осадил коня.

— Разрешите доложить, господин штабс-капитан! — радостно крикнул Артюхов.— Поймали! Пытался бежать в переодетом виде...

— Допрашивали?!

— Без вас не посмели. Но по дороге в тюрьму он мне рассказывал: мол, какие-то пятеро... На белых лошадях... Лиц сподвижников не разглядел, потому что были в полумасках...

В уме Мерзляева мгновенно промелькнула догадка.

— С дочерью он виделся перед арестом?

— Так точно! Виделся!

— Ах, черт! — выругался Мерзляев.

— Агент наказан! — поспешил оправдаться Артюхов, но Мерзляев его уже не слушал.

— Актерка! Дездемона! Обвели вокруг пальца! — И с неожиданной резвостью Мерзляев припустил к лазарету.

В палате шло бурное объяснение.

— И вот из-за вашей бесцеремонности папсенька угодил в тюрьму,— заканчивала Настя свой обвинительный монолог.— А дальше он подвергся таким испытаниям, о которых я не имею права вам поведать! Какие же чувства можно к вам испытывать?!

— Простите великодушно! Не знал! Виноват! Но поймите — вспылал... Чистая любовь! Одним словом, ураган души, кстати, как вас зовут?

— Ах, «чистая любовь»? А эта самая... которую я здесь только что видела?

— Жужу, что ль? Это мой товарищ!

— «Товарищ»? — Настенька зашла от возмущения.— Впрочем, мне плевать! — опомнилась она.— Меня это не волнует! Ничего, кроме отвращения, я к вам не испытываю... Любимый мой, Лешенька, желанный... Счастье мое ненаглядное! — И Настя повисла на Плетневе, покрывая его жаркими поцелуями, поскольку увидела в дверях вошедшего штабс-капитана.

— Я на седьмом небе, любовь моя! — воскликнул корнет, прижав девушку к груди.

— Извините, господа, я прерву вашу семейную идиллию,— сухо сказал Мерзляев.

— Да что ж это такое, в конце концов? — возмутился Плетнев.— Выйдите вон!

— Сначала ответьте на вопрос: кто на вас напал?

— Сначала меня арестуйте, а потом допрашивайте!

— Думаю, придется удовлетворить вашу просьбу,— резко ответил жандармский офицер.— И все-таки — кто напал?

— Чтоб он от нас отвязался, ответь ему, Леша! — посоветовала Настя.

— Пять всадников! На белых конях! В черных костюмах и черных полумасках,— заученно отбарабанил корнет и не удержался: — Остальных, не помню сколько, положил на месте!

— Я так и думал! — протянул Мерзляев.— Теперь мне ваша неблагоприятная роль, сударыня, ясна до конца. Думаю, мы продолжим разговор с вами в другом месте.

— Леша, солнышко мое! — Настя испуганно прижалась к корнету.— Этот тип меня преследует! Он сделал мне гнусное предложение...

— Что? — взревел корнет.— Стреляться! Здесь! Сейчас! Немедленно!

— Попрошу не выходить из помещения,— холодно приказал Мерзляев.— Через пятнадцать минут здесь будут жандармы...

— Трус! Ничтожество! Подлец! — продолжал выкрикивать оскорбленный корнет.— Будешь стреляться или нет, сукин сын?

— Милостивый государь,— хладнокровно произнес Мерзляев.— При исполнении служебных обязанностей я не стреляюсь, а стреляю!

И, круто повернувшись, покинул лазарет.

Наступила пауза.

— Ну, все! — вздохнула Настя.— Он нам этого не простит.

— Не сердитесь на меня,— удрученно пробормотал Алексей.— Не сдержался... Все испортил!

— Лешенька,— нежно произнесла Настя и подошла к корнету.— Горе мое... ненаглядное! — Она ласково погладила его по лицу.

— Он что, подглядывает опять? — недоверчиво спросил Плетнев и отстранился.

— Нет... Я не поэтому! — Настя прильнула к корнету.

— Родная моя! Желанная! Я ваш раб навеки! — И вдруг Плетнев снова запнулся.— Кстати, сударыня, как вас зовут?..

В уютном тюремном кабинете господин Мерзляев кормил рыбок. Не прерывая этого важного занятия, он вел беседу с актером Бубенцовым. Впрочем, вряд ли допрос можно считать беседой... Ссадины и синяки на лице актера свидетельствовали об этом.

— Любезнейший Афанасий Петрович! Ну зачем вы меня обманываете? Я сам ценю шутку, но всему же есть предел. Мы с вами два просвещенных, уже не молодых человека,— неужели не найдем общий язык?!

— Да что ж вы мне не верите? — канючил Бубенцов.— Зачем мне вам врать? Налетели, уволокли, отвезли в поле, закричали: «Ах, это не предводитель, мы ошиблись!» — и бросили в густую рожь...

Тюремный писарь старательно фиксировал на бумаге каждое слово.

— В густую, высокую рожь! — Мерзляев сделал ударение на слове «высокую». — Плохо помните текст роли, господин артист. Все эти романтические бредни мы уже занесли в протокол, но меня интересует правда... А правда проста: сопьяк корнет не подозревал, что наш расстрел — маскарад, сыграл в благородство и отпустил вас...

— Ну а мне-то на кой убежать?!

— Очевидно, тоже... из благородства!

— Это во мне-то благородство? — засмеялся Бубенцов. — Обижаете, господин начальник! Благородство — это по вашей части... по дворянской!

— Почему вы сразу не явились ко мне после того, как вас бросили в густую, высокую рожь? Зачем-то переоделись и пустились в бега.

— Честно признаюсь, ваше высокоблагородие. Боялся — и поверите!

— Правильно боялись. Не верю!

— Значит, правильно делал, что бежал, — логично подвел итог Бубенцов.

— Корнета подвести боитесь! — размышлял вслух Мерзляев. — Нашли кого жалеть. Этого солдафона?

— Опять обижаете! — с пафосом воскликнул актер. — Уж кого и ненавижу, так его. Я ж в него целил, а не в госпожу губернаторшу. Это он нам спектакль сорвал. Он меня до тюрьмы довел. Он меня на расстрел повез...

— И дочку вашу обесчестил, — как бы невзначай закончил перечень Мерзляев.

— Что? — Актер осекся. — Как? Что вы имете в виду?

— То и имею! — развел руками штабс-капитан. — Есть свидетели...

— Врешь! — сорвался Бубенцов.

— Разделяю ваше отцовское горе, — сокрушенно сказал Мерзляев. — Поэтому подумайте, стоит ли его выгораживать... Артюхов! — позвал он своего подручного, стоявшего у двери. — Пригласи-ка сюда господина Плетнева! А вы, — добавил он, обращаясь к артисту, — посидите тут в уголочке, поразмыслите, послушайте...

С шумом распахнулась дверь, и в кабинет начальника тюрьмы ворвался корнет.

— Выражаю свой протест, господин штабс-капитан, — отчеканил Алексей. — Почему меня не поместили в одной камере с невестой? Это — бесчеловечно!

— У нас тюрьма, а не будуар! — жестко сказал Мерзляев.— И прошу, оставьте свои казарменные за-
машки. Вы на допросе.

— А после допроса — дуэль! — продолжал буйство-
вать Плетнев.— Стреляемся с десяти шагов!

— Устал я от вас, дорогой мой Алексей Васильич,—
вздыхнул Мерзляев. — Ну, будет ребячиться. Оба были
не правы, погорячились. Давайте-ка перейдем к делу.

Плетнев с полуслова понял, чего от него хотят, и
привычно зарাপортовал:

— Налетела банда! Белые лошади, черные костюмы,
черные полумаски...

— Хватит, хватит! — остановил Мерзляев.— Полума-
сками, полусказками сыт по горло. Посмотрите-ка на
этого человека,— он указал на сидящего в углу Бубен-
цова.— Как вы думаете, кто это?

— Что ж тут думать? Бунтовщик, которого отбили
сподвижники...

— Да кому он сдался-то? Вы действительно поверили,
что это ничтожество — якобинец? Перед вами актриш-
ка, которою мы наняли за тридцать серебряников, чтоб
он разыграл перед вами сцену расстрела. Патроны-то
были холостыми! И он согласился! Человек без стыда и
совести... Мелкий жулик, шулер... И вы из-за этой
мрази готовы в Сибирь?

Плетнев от удивления разинул рот и уставился на
Бубенцова.

— Он наш агент! Помните: когда вы его отпускали,
он, поди, и бежать не хотел?

Плетнев вспомнил и насупился.

— А то, что он слова красивые кричал,— добивал
корнета Мерзляев,— так это все актерство было. При-
том низкого пошиба.

— Вот уж нет, господин опричник! — Бубенцов в
ярости вскочил.— Ложь! Не судите о людях по себе!
Господин корнет, все клевета!

Мерзляев, не ожидавший такого поворота, с изумле-
нием посмотрел на Бубенцова.

— Ты что? Уж не хочешь ли сказать, Афанасий, что
ты заговорщик?

— Попрошу не тыкать! Бубенцовы — не жулики и не
шулеры! Бубенцовы — такая фамилия... Да, черт возьми,
я — заговорщик! И горжусь этим! И наше тайное
общество еще спасет несчастную Россию от ига тиранства!

Мерзляев закрыл лицо руками и тихо произнес:

— Понимаешь, что сейчас этими словами ты сам себе смертный приговор подписал?

Наступила тишина. Плетнев с восхищением смотрел на Бубенцова.

— Настю приведи,— приказал Мерзляев Артюхову... Артюхов вышел.

Корнет приблизился к Бубенцову, шелкнул каблукми:

— Господин карбонарий, хочу сделать признание!

Испуг промелькнул в глазах Бубенцова. Мерзляев насторожился. Писарь обмакнул перо в чернильницу.

— Милостивый государь, прошу руки вашей несравненной дочери. Потому что не мыслю жизнь без нее! Потому что обожаю!

Бубенцов онемел. Писарь спросил у Мерзляева:

— Записывать?

— Пиши,— махнул рукой Мерзляев.— Бумага все стерпит...

Писарь поскрипел пером и повернулся к Бубенцову, ожидая ответа.

— Спасибо, господин корнет,— растроганно сказал Бубенцов.— Если Настя согласна, разве я могу быть против. Благословляю!

Артюхов ввел Настю.

— Сударыня,— обратился к ней Мерзляев,— помогите. Дело в том, что эти два близких вам человека просто сбрендили. Ваш отец добровольно признался, что он — крупный деятель тайного антиправительственного общества. Корнет подтверждает, что вашего отца отбили его так называемые сподвижники. Так вот, я вас спрашиваю, кто ваш отец — актер или бунтовщик?

— Конечно, актер,— поспешила ответить Настя.

— Фу,— с облегчением вздохнул Мерзляев,— наконец-то нашелся один разумный человек. Что вы на это скажете, господин отец?

— По-вашему, актер не может быть бунтовщиком? — Бубенцов упрямо стоял на своем.— Театр — это ремесло, а бунт — призвание!

Настя обомлела.

— Видите, с какой настойчивостью Афанасий Петрович хочет сделать вас сиротой? Я-то считаю, что вашего отца отпустил Плетнев. Умоляю, скажите правду.

Настя перевела взгляд с отца на жениха.

— Хорошо! Скажу правду! — Голос Насти дрогнул.— Во всем виновата я.

Писарь уронил перо. Мерзляев, Бубенцов и Плетнев уставились на Настю.

— Да, я! И нечего на меня пялить глаза! — Настю охватило вдохновение, она была достойной дочерью и не менее достойной невестой. — Я наняла пять разбойников. Они налетели и освободили отца, которого безвинно везли на расстрел! И я была в отряде... в мужском костюме... в черной полумаске...

— Неправда! — закричал Бубенцов.

— Не было ее там! — подтвердил Плетнев.

— Не слушайте их! — упорствовала Настя.— Я, Настасья Бубенцова, организовала нападение. Пишите!

— Заносить в дело? — спросил писарь.

— Ты что? — остановил его Мерзляев.— Над нами весь департамент хохотать будет...

— Пишите, я требую! — крикнула Настя.

— Сударыня, умоляю, только не утверждайте, что это вы так отдубасили своего жениха! — отмахнулся Мерзляев.— И вообще... Хватит. Мне эта игра в благородство осточертела. Нет благородных людей в России. Не доросли. Рылом не вышли... Черт с вами! Доведем наш спектакль до конца. Вы, молодые люди, свободны. Вам можно позавидовать, впереди у вас медовый месяц... А ты, Афанасий, приготовься к большой ложке дегтя! Руководитель тайного антиправительственного заговора — это, брат, дело серьезное...

— Да какой он руководитель! — вмешалась Настя, но Мерзляев резко прервал ее:

— Слово — не воробей, сударыня! Что сказано, то сказано! А что сказано — то записано.— Мерзляев подошел к окну и задумчиво посмотрел на улицу.

За окном шумела улица, мчались экипажи, скакали верховые, гуляла публика, торговцы предлагали свой товар — одним словом, Губернск жил обычной жизнью.

— Эх, дурь наша российская! — вздохнул Мерзляев.— Понимаю, когда самозванец на трон, но самозванец на плаху? Получилось как у Александра Сергеевича: «Прибежали в избу дети, второпях зовут отца: тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца!»

Артюхов подошел к столу, взял у писаря допросные листы, стал их шивать.

— Какого мертвеца?! — первой опомнилась Настя.— Не имеете права!

— Беззаконие! — крикнул Плетнев. — Я не позволю!

— Как это? За что? Как же так, не разобравшись... — До Бубенцова только сейчас дошло, что его ожидает. — Произвол! Артюхов... Егорыч, погоди, что ты делаешь? Дело-то белыми нитками шито!

— Суровыми, братец, — сладострастно сказал Артюхов, перекусывая нитку, — суровыми...

В парке губернаторского дворца были накрыты праздничные столы. Нарядная публика — весь цвет Губернска — собралась для торжественных проводов гусарского полка. На специально сооруженном помосте играл военный оркестр. Лакеи разносили вина.

За ломберными столиками шли карточные баталии и бридж. Парочки танцевали модный для того времени падеграс.

Светило солнце. Погода и вино способствовали хорошему настроению собравшихся, хотя скорая разлука с любимцами города накладывала на весь этот красочный пикник некий налет грусти.

— Господа! Друзья мои! — Губернатор поднялся из-за стола с бокалом шампанского. Рядом сидела его супруга, за которой галантно ухаживал полковник. — Господа! Сегодня у нас у всех радостный день...

— Печальный, — тихо поправила его губернаторша.

— Да.. Радостный и даже печальный, — привычно подхватил губернатор. — Мы прощаемся с нашими доблестными воинами. Они заняли наш город и наши сердца без единого выстрела. Они разбудили нашу сонную провинциальную жизнь... Они... Они... — Он беспомощно посмотрел на губернаторшу, ожидая под-сказки.

— Оставили неизгладимый след, — подсказала губернаторша и нежно улыбнулась полковнику.

— Оставили неизгладимый след! — обрадованно подхватил губернатор. — И мы все, и наши жены, и наши дети...

— Будущие! — озорно подсказал сидевший неподалеку рядом с привлекательной молодой помещицей Сим-помпончик.

— Разумеется, будущие! — подхватил губернатор, но тут же был остановлен негодующим возгласом супруги: «Же ман си па, Алексис!» (Что означало в переводе с французского: «Не пори ерунду, Алексей!») — Одним

словом, вы поняли чувства, переполняющие меня!.. Поэтому позвольте от имени всех — у-ра!

За столами грянули «ура!», зазвенели бокалы.

Оркестр заиграл нечто бравурное.

Среди гостей сновал Артюхов с подносом, уставленным бокалами, и внимательно прислушивался к разговорам. Подойдя к одетому в элегантный фрак Мерзляеву, Артюхов протянул и ему поднос с напитками.

— Что нового? — тихо процедил сквозь зубы Мерзляев, выбирая бокал.

— Майор Румянцев просадил в вист две тысячи.

— Еще!

— Некоторые о вас, извините, неблагоприятно высказываются...

— Кто? Что?

— Минуточку, у меня тут помечено... — Артюхов достал из кармана шпартгалку. — Господин полковник обозвал вас... — Артюхов шепнул на ухо Мерзляеву. — Прапорщик... ну, который прозван Симпомпончиком... он назвал вас... — Артюхов шепнул. — А потом еще и так... — Артюхов шепнул снова. — Ну и рядовые оскорбления, вроде «жандармская крыса», «кровопивец», «душегуб», «сукин сын»...

— Хватит! — прервал Мерзляев. — Чем занимается поднадзорный Плетнев?

— Ничего предосудительного — милуется с невестой. В беседке.

Мерзляев помрачнел.

— Актеры Настасье Афанасьевне приданое собрали... всю выручку от представления...

— И день свадьбы назначен? — зло спросил Мерзляев.

— Думаю, так! — сказал Артюхов.

— Знать должен! — вдруг сорвался Мерзляев. — Думать он мне еще будет. Мыслитель! — Мерзляев выхватил у Артюхова бумажку со списком оскорблений. — «Жандармская крыса»... «Кровопивец»!

Раздались возгласы: «Просим! Просим!»

— Иван Антонович, ну ради меня! — умоляла губернаторша полковника.

Полковник поцеловал ей руку, пожал плечами, мол, нельзя же отказать даме, крикнул: «Яшка!» Подбежали два цыгана с гитарами:

— Вашу коронную? — услужливо спросил Яшка. — «Я пережил?»

Глаза полковника погрустнели.

— Это я пережил, брат Яша! — вздохнул он и запел:

«Я пережил и многое и многих,
И многому изведаль цену я.
Теперь влачусь один в пределах строгих
Известного размера бытия.
Мой горизонт и сумрачен, и близок,
И с каждым днем все ближе и темней.
Усталых дум моих полет стал низок
И мир души безлюдней и бедней.
По бороздам серпом пожатой пашни
Найдешь еще, быть может, жизни след —
Во мне найдешь, быть может, след вчерашний,
Но ничего уж завтрашнего нет.
Жизнь разочлась со мной: она не в силах
Мне то отдать, что у меня взяла,
И что земля в глухих своих могилах
Безжалостно навеки погребла»*

Романс слушали внимательно и печально. Во время пения полковника к столу приблизился Артюхов и незаметно передал Насте записку. Настя прочитала и поспешила за Артюховым.

За длинным пустым столом сидел господин Мерзляев. Увидев Настю, он вскочил, предупредительно пододвинул ей стул. Настя демонстративно продолжала стоять.

— Слушаю вас, господин Мерзляев!

— На правах старшего и по долгу человека, который вас безответно любит, умоляю: не торопитесь замуж за Алексея Васильича.

— Это вас не касается! — вспыхнула Настя. — Или вы передали мне приказ третьего отделения?

— Сколько бы вы ни оскорбляли меня, я все приму... Стерплю! Чувств ваших мне пока не завоевать, но я обращаюсь к рассудку. Не спорю: Алексей Васильич для вас — завидная партия. Он молод, дворянин, хорош собой, храбр, щедр... но, простите, мягко говоря, не умен... и, к сожалению, не благороден!

— Кому, как не вам рассуждать о благородстве! — иронично прервала его Настя.

— Настасья Афанасьевна, — с печальной улыбкой произнес Мерзляев. — Я скажу вам сейчас нечто важное: я прошу руки вашей. Прошу стать моей женой. Я хочу разделить с вами оставшиеся дни... Ради вас я отказываюсь от блестящей карьеры, от эполет полковника, я

* Стихи П. Вяземского

попаду в немилость... Подумайте: жандармский офицер женится на дочери государственного преступника!.. Вы понимаете всю величину подобной жертвы? Нет, я имею право говорить о благородстве!

— Безусловно! — усмехнулась Настя.— Вы умны, вам присуща тонкость чувств, вы благородны.., вы отважны, а главное — что вы все это сами о себе сообщили. Верно! Мой Алеша не так умен! Ему вовек не догадаться, что благородством можно торговать...

— Ну, что ж,— вздохнул Мерзляев,— очень жаль, что вы оказались глухи к моим призывам. Забудем про этот разговор! Видно, моя участь — быть одиноком странником... Это страшно, Настасья Афанасьевна! Ладно! Доиграем нашу комедию до конца. Ваш избранник завтра же утром покажет, на что он способен! А вы, сударыня, после этого будете счастливы, если... сможете!

Распорядитель бала провозгласил:

— Внимание, господа! Сейчас наша несравненная госпожа Бубенцова одарит нас своим талантом!

На эстраду вышла Настенька.

Раздались громкие аплодисменты. Алеша Плетнев охотно принимал их на свой счет и раскланивался.

— Я спою песню, которая посвящается мужественным героям двенадцатого года! — объявила Настя.

— Прелестная девушка! — Губернатор обернулся к стоящему рядом Мерзляеву.— Этому Плетневу крупно повезло.

Мерзляев усмехнулся.

— Кстати,— продолжал губернатор,— она подала мне прошение о своем несчастном отце...

— Потом, ваше превосходительство! — вежливо остановил его Мерзляев, ибо Настенька начала петь:

«Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса.
И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце оставляли след,—
Очаровательные франты
Минувших лет?
Одним ожесточеньем воли
Вы брали сердце и скалу —
Цари на каждом бранном поле
И на балу.
Вам все вершины были малы
И мягок самый черствый хлеб,

О, молодые генералы
Своих судеб!
О, как мне кажется, могли б вы
Рукою, полною перстней,
И кудри дев ласкать, и гривы —
Своих коней.
В одной невероятной скачке
Вы прожили свой краткий век...
И ваши кудри, ваши бачки
Засыпал снег.
Вы побеждали и любили
Любовь и сабли острие...
И весело переходили
В небытие...»*

Аплодисменты. На сцену полетели цветы...

— Прелесть! — сказала губернаторша.

— Так вот, — губернатор вновь обратился к Мерзляеву, — насчет ее папаша. Этого актера... Будем гуманны... Надо бы его выпустить. Сделаем этой девочке свадебный подарок!

— Я его прощаю, — поддакнула губернаторша.

— К сожалению, все оказалось значительно сложнее, — сказал Мерзляев. — Этот Бубенцов замешан в антигосударственном заговоре, в чем и сам сознался... Завтра утром молодцы нашего дорогого полковника, — Мерзляев улыбнулся Покровскому, — отправят мятежника на тот свет!

— Что? — побледнел Покровский. — Опять?.. Да как же можно... Подозреваемого человека...

— Подозреваемые — вот, — Мерзляев показал широким жестом на танцующую публику, — веселятся. А он — приговоренный!

...Ах, какое славное, чудесное утро выдалось в тот роковой день! Щебетали птички, роса блестела под ранними лучами солнца, и снова по живописным окрестностям Губернска ехал черный тюремный экипаж. Но на сей раз за каретой скакал конвой — шесть вооруженных жандармов. На козлах снова сидел Артюхов, а внутри кареты господин Мерзляев личным присутствием скрашивал последние минуты смертника.

— Красотища какая! — сказал Мерзляев, глядя в окно кареты. — Не жаль прощаться-то со всем этим?

— Очень жаль...

* Стихи М. Цветаевой.

— Не бродить тебе больше по траве. Не видеть восхода. В речке не искупаться! — сочувственно вздохнул Мерзляев. — Заигрался ты, Афанасий. Ох, заигрался! Но сейчас — публики нет, протокол не ведется — скажи мне-то... по-человечески: как все было на самом деле?

— А было так, — задумался актер. — Жил я себе жил, никого не трогал. Выступал на подмостках, людей забавлял. Дочь растил. Одним словом, благонамеренный мещанин... А встретился с вами, познакомился, пригляделся и понял, что от настоящей-то жизни я прятался. Настоящая жизнь у меня, можно сказать, только начинается.

— И скоро кончится, — заметил Мерзляев. — Через несколько минут...

— Настоящая жизнь долгой не бывает, — философски сказал Бубенцов. — Мне хоть два дня выпало. А вот вас, господин штабс-капитан, пожалеть можно...

— Мда... — протянул Мерзляев. — Неумно мы порой работаем. Грубо... Парадокс получается: из простых обывателей врагов отечества делаем...

— А вы от имени отечества не выступайте: оно само разберется, кто ему враг, а кто друг!

Тюремная карета в сопровождении эскорта въехала на холм, где росли три сосны. К деревьям были привязаны гусарские кони. Назначенные в наряд гусары, среди которых был и Плетнев, угрюмо наблюдали, как приговоренного выводили из кареты. Чуть поодаль расхаживал взад и вперед мрачный полковник Покровский.

— С добрым утром, господа гусары! — приветливо поздоровался Мерзляев.

Гусары демонстративно промолчали.

— Иван Антонович, рад вас видеть, — как ни в чем не бывало приветствовал полковника штабс-капитан.

Полковник отвернулся и не ответил.

— Ну вот и поговорили! — Стараясь замять неловкость, Мерзляев улыбнулся. — Действительно, к чему терять время. Перейдем к делу! Господин Бубенцов, будьте добры, займите-ка свое место. Вы знаете какое. Сами выбирали.

Бубенцов молча поднялся на пригорок. Одет он был в тот же мужицкий армяк, грубые портки, лапти... Он занял позицию и повернулся лицом к гусарам.

— Наряд, стройся! — скомандовал Мерзляев.

Пять гусаров нехотя выстроились в ряд.

— Раздать ружья! — последовал новый приказ.

Артюхов вместе с жандармом обошел строй и вручил каждому гусару по ружью.

Наблюдавший за этой процедурой полковник неожиданно крикнул: — Корнет Плетнев! Выйти из строя!

Плетнев повиновался команде. Полковник подошел к нему, не говоря ни слова взял ружье и занял в строю место корнета.

— Продолжайте, господин штабс-капитан!

— Иван Антонович, — нахмурился Мерзляев. — Зачем же так? Прошу вас, не вмешивайтесь!

— Командуйте! — процедил сквозь зубы Покровский.

— Я не могу отдавать приказы полковнику.

— Совесть-то у тебя есть, Мерзляев? — Полковник был в ярости. — Ты же небось в бога веруешь? Да как же можно заставлять парня стрелять в отца своей невесты?!

— Прекратите балаган, полковник! — побагровел Мерзляев. — Ведите себя достойно при подчиненных! Интересы государства выше родственных! Корнет, встать в строй!

— Корнет, не вставать в строй! — крикнул полковник.

— Слушаюсь, господин полковник! — отчеканил Плетнев.

— Я подам рапорт. И на вас и на корнета!

— Эх удивил! — усмехнулся полковник.

— Конвой! — спокойно сказал Мерзляев. — Отобрать ружье и вывести полковника из строя.

— Посмотрим, как у них это получится? — Гусары окружили своего командира.

Расстрел зашел в тупик.

— Господа, — неожиданно вмешался в конфликт приговоренный, — не портите себе жизнь из-за моей смерти! Господин полковник, я ценю ваше мужество. Потому что в таких делах быть смелым труднее, чем в бою. И вы, ребята, — добавил он, глядя на гусаров, — не вздумайте бросать ружья. Этот жандарм только того и ждет. Не жалейте меня! Моя песня все равно спета. А тебе, сынок, — обратился он к Плетневу, — уж придется нести свой крест до конца. Я тебе этот грех прощаю. Живи, не мучайся. Господин штабс-капитан, — повернулся он к Мерзляеву, — исполните последнюю просьбу: разрешите обнять Алексея?

— Разрешаю! — буркнул Мерзляев. — Но только побыстрее, а то процедура слишком затянулась.

Бубенцов и Плетнев пошли навстречу друг другу.

— Ты чего нос повесил? — Бубенцов приблизился к корнету.— Настю люби, не бросай, она девушка хорошая. Чего реवेशь-то? Не стыдно? Когда целить будешь, думай, что в него стреляешь,— кивнул в сторону Мерзляева,— оно полегче будет... Ну, давай обнимемся на прощание!

Бубенцов и Плетнев крепко обнялись. Во время объятий Бубенцов неожиданно выхватил из-за пояса корнета пистолет и отскочил в сторону.

— Нет, говоришь, благородных людей в России? — крикнул Бубенцов Мерзляеву.— Врешь! Полно! Жаль, сейчас одним меньше станет...

Он приставил пистолет к сердцу, выстрелил, упал на землю.

Наступила тишина. Все замерли.

— Ну, хватит, Афоня... Будет дурака-то валять. Вставай! — неуверенно пробормотал Артюхов.— Ваше благородие, он что?.. Взаправду?!

Мерзляев кинулся к Бубенцову, склонился над ним.

— Эх, дурак ты, дурак несчастный! — Мерзляев тряс безжизненное тело. — Что ты наделал?! Как же это получилось?

Внезапно Плетнев выхватил из рук полковника ружье, прицелился в Мерзляева и спустил курок. Грохнул выстрел, но Мерзляев остался невредим. Плетнев рванул ружье у стоявшего рядом гусара и пальнул еще раз.

— Стреляй! Стреляй, дубина! — заорал в отчаянии Мерзляев.— Все стреляйте, олухи! Патроны-то холостые... А вы поверили... Да разве я имею права без суда и следствия? Это ж не казнь была, а так... Я думал поугагать!

— Ах, зверь! Холостые? — лицо Плетнева исказила гримаса ненависти.— Да я тебя... сейчас...

Он побежал на Мерзляева со штыком наперевес. Жандармы набросились на корнета, началась свалка.

Мерзляев не обращал на это никакого внимания. Он положил мертвое тело на траву, поднялся с колен и пошел прочь...

— Боже! Какая жуть! Темные люди! В какое время я живу?.. За что, господи?.. Как же я Насте объясню?.. Нет, нет! К черту! Все бессмыслица! Да будет ли когда-нибудь на этой земле порядок? Что же у нас все кровью-то кончается?

Штабс-капитан шел полем, не разбирая дороги, и размазывал по лицу слезы...

«А когда зарю сыграли,
Бабы слезы утирали,
И, в котомки взяв харчи,
Уходили трубачи!
Туру-рум! Ту-ру-рум! Ту-ру-рум!»

Так оно и было на самом деле. Гусарский полк покидал гостеприимный Губернск. Перед полком шагал военный оркестр, наяривая залихватский марш. Впереди полка на лихом коне гарцевал бравый старый полковник. За ним под звонкий цокот копыт прошли ослепительные майоры, волшебные штабс-капитаны, неотразимые поручики, восхитительные корнеты.

Город провожал своих любимцев. На балконах, в распахнутых окнах домов, в оживленной толпе были видны печальные лица женщин и повеселевшие физиономии их мужей.

Несмотря на бравурную музыку, было грустно, как и положено при разлуке. Гусары посылали воздушные поцелуи своим избранницам, избранницы украдкой утирали слезы, навеки запоминая «виновников милых проказ». Шум, возгласы, прощальные крики, цокот копыт — полк продолжал свой победный уход из покоренного города. Вдруг случилось непредвиденное: прямо перед носом колонны через улицу, усыпанную цветами, перебежала дорогу отвратительная, драная черная кошка...

Оркестр встал как вкопанный. Музыка сбилась и смолкла. Полк замер. Толпа затаила дыхание.

На мужественном лице полковника мелькнуло секундное колебание, но, вместо того чтобы привычно командовать: «За мной, ребята!» — он опустил голову, повернул коня и повел полк в боковую улицу.

Голос за кадром:

«На этом, собственно говоря, и закончилось наше повествование, но было бы просто бесчеловечно перед зрителем не рассказать о том, что случилось с героями в дальнейшем...

Поскольку создатели фильма не знают, что с ними стало, а очевидцев, как вы понимаете, не сохранилось, у нас нет иного выхода, как предоставить слово самим героям».

Лица героев появляются перед нами, сменяя друг друга, а сзади, за ними, видятся полк, покидающий город, полевая дорога, по которой рысью скачут всадники.

Настя (*говорит в микрофон*). Я вышла замуж за Плетнева, оставила сцену. Когда муж подал в отставку, мы поселились в Плетневке, маленьком имении, доставшемся Алексею по наследству. У нас трое детей. Девочка и два мальчика. Старшего назвали Афанасием в честь папеньки...

Полковник Покровский (*в микрофон*). Служил честно. Пулям не кланялся. Начальству тоже. Поэтому в генералы не вышел. Зато сделал истинную карьеру для военного: в Крымскую компанию пал в бою за Отечество...

Плетнев. За нападение на жандармов был сослан на Кавказ. Воевал. Дважды ранен. В деревне с тоски начал читать. Оказалось — увлекательное занятие. Путешествовал по границам... В Италии попал в заваруху. Примкнул к гарибальдийцам... В схватке погиб. Итальянцы меня уважали, похоронили около Рима с большими почестями.

Мерзляев. Вся эта малоприятная история получила в Петербурге огласку. Было высказано даже высочайшее недовольство... А дальше... как-то сама собой из моей старинной дворянской фамилии Мерзляев вдруг исчезла буква «л»... Так что я сам и потомки мои стали именоваться в народе «мерзя... я...» (*Всплакнул*). Увольте, не могу произнести!

Артюхов (*глядя в объектив*). После того, как уволился из агентов, кем я только не был... Приказчиком, лакеем... Купил игорный дом, разбогател. Но как-то в стужу... и выпил-то немного... а вот уснул возле дверей собственного дома и замерз... Нет, ребята, народ верно говорит: пить вредно...

Черная кошка. После того как я перебежала дорогу полку, за мной в городе организовали форменную охоту. В меня даже стреляли! Можно подумать, что все неприятности в жизни происходят из-за нас... Какое суеверие! Темнота!

В клубах дорожной пыли уже была едва различима колонна всадников, а за нею на автомобиле уезжала киногруппа, снимающая

конец фильма.

Портить жизнь может кто угодно и что угодно, даже собственный чемодан.

Сначала Иллария Павловна довольно легко достала сверху, с багажной полки, этюдник и здоровенный колщовый зонт, ручка которого имела внизу металлическое острие.

Картонки, перехваченные бечевкой, и чемодан лежали в ящике под нижней полкой. Таисия Павловна приподняла полку, а Иллария Павловна легко выволокла картонки. Зато чемодан никак не давался. Иллария раскраснелась и запыхтела, чемодан то отрывался от пола, то снова бухался на место.

— Надо было брать не один большой, а два маленьких! — сказала Таисия Павловна.

— Тогда получалось пять предметов, как их нести в четырех руках? — Иллария собрала все свои силы, выдернула проклятый чемодан из ящика и опустила на пол.

Поезд уже тормозил, за окном потянулись почернелые кирпичные строения — депо и склады, — поезд приближался к станции.

Иллария ногой проталкивала чемодан по коридору. Чемодан, комкая ковровую дорожку, нехотя продвигался к тамбуру.

Таисия Павловна вынесла на платформу этюдник и зонт, приняла у Илларии картонки и теперь смотрела, как сестра мучается с чемоданом, который отказывался покидать поезд.

— Безобразие! — злилась Таисия Павловна. — Ни одного носильщика!

Иллария догадалась и стала сдвигать чемодан на край, словно собираясь скинуть его вниз, потом накрепила и сначала одним углом поставила на ступеньку, потом другим. Так чемодан сошел на платформу.

— Слава богу! — обрадовалась Таисия. — Пошли!

— Сейчас! — попросила Иллария.— Я немножечко наберусь сил.

Левой рукой она подхватила картонки, правой сжала ручку чемодана, оторвала его от платформы, сделала несколько шагов и остановилась:

— Я пас... Он меня одолел!..

— Давайте-ка вашу бандуру! — внезапно раздался мужской голос.

Обе сестры подняли головы и увидели мужчину, ничем не примечательного мужчину, шляпа, усы щепоткой, глаза серые, прищуренные, плащ стандартный, румынский. Зимой этот плащ можно носить на подстежке. Мужчина был уже немолод, лет так что-нибудь около пятидесяти. Он тоже шел с поезда, в руках у него был только портфель.

Мужчина приподнял чемодан.

— Ого! — сказал мужчина.— Что вы туда напихали, золото?

— Краски! — объяснила Иллария.— Краски в тубиках. Большое вам спасибо. Без вас мы бы просто пропали...

Теперь мужчина шел быстро, и Таисия прошептала:

— А он не хочет украсть чемодан? Почему он спросил, что там внутри?

— Зачем ему твои краски? — вопросом ответила Иллария.

В этот момент чемодан вырвался у мужчины из рук и грохнулся на перрон.

Мужчина засмеялся.

— Не вижу ничего смешного! — возмутилась Таисия Павловна.— Вы оторвали ручку! Как мы теперь его понесем?

— Возьмите ручку и ждите меня здесь,— коротко сказал мужчина и исчез.

— Исчез! — Таисия была вне себя.— Не надо было давать чемодан этому проходимцу.

— Ручка совсем развалилась,— вздохнула Иллария.— Я думаю, он пошел за тачкой.

— За тачкой, за телегой! — передразнила сестра.— Какая ты хилая стала, чемодан не можешь нести. Я бы запросто донесла, только мне нельзя перегружать руку, мне потом трудно рисовать.

Возле пострадавших остановился элегантный пассажир в элегантном пальто, элегантной шляпе и с элегантным чемоданчиком «дипломат».

— Я вам сочувствую,— деликатно сказал он.— У меня был подобный случай в Чернигове. Иду по перрону, несу чемодан, о чем-то задумался. Как вдруг ощущаю, мой чемодан стал необычайно легким. Смотрю — в руке у меня только ручка, а чемодана нет... до сих пор.

— Всего хорошего! — попрощалась Таисия Павловна.

— Вам тоже всего наилучшего, и вам, и вашему чемодану! — Незнакомец элегантно приподнял шляпу и элегантно двинулся в направлении вокзала.

Тут вновь появился мужчина в румынском плаще, принес моток веревки.

— В камере хранения выклянчил...— сказал он, приподнимая чемодан и перевязывая его.

— Веревка не выдержит! — заметила Таисия, а Иллария поблагодарила:

— Огромное вам спасибо за веревку!

— Вы куда, на квартиру, в гостиницу? — спросил мужчина, снова пускаясь в путь.

— Нам на такси, мы в гостиницу!

— На такси жуткий хвост! — возразил мужчина.— Поедем на трамвае!

— Конечно,— проворчала Таисия Павловна,— если бы вы не устроили всю эту катавасию с чемоданом, мы были бы одними из первых.

Мужчина взглянул на Илларию и подморгнул ей.

— Не моргайте ей! — вспыхнула Таисия Павловна.— Что вы ей моргаете!

— Тася! — взмолилась Иллария.

Ехали в трамвае на задней площадке. Мелькал городок, где среди церквей, белого камня лабазов, двухэтажных домов, низ каменный — верх деревянный, среди всего этого древнего вырастали блочные или панельные, или крупнопанельные, или еще какие-то башенным краном собранные коробки.

Площадку трамвая на поворотах поводило из стороны в сторону, тогда мужчина ногой придерживал чемодан, а сам цеплялся за решетку, которая была укреплена на окнах. Иллария тоже держалась за решетку, а старшая сестра стояла широко расставив ноги, не выпускала из рук этюдника, и у трамвайного вагона не хватало силы сдвинуть ее с места. Была Таисия Павловна широкая в кости, крепкая женщина что-нибудь под сорок. Лицо имела даже приятное, если бы не выражение решительности, которое его никогда не покидало.

— Художники? — спросил мужчина.

— Только Таисия Павловна,— охотно отозвалась Илллария,— а я сбоку-припеку...

— Прекрати! — поморщилась сестра.

— Художники любят старинные города,— продолжал мужчина.

Таисия Павловна мотнула головой:

— Да! Я больна стариной! Я была в Италии! Я была в Ассизи! — При этом она посмотрела мужчине прямо в глаза. Но тот даже не моргнул.

— В Ассизи работал Джотто...— подсказала Илллария.

И теперь лицо мужчины не изменилось. Он не вздрогнул и не ахнул.

Художница презрительно отвернулась, не головой, всем телом.

— Джотто был великий итальянский живописец! — Это опять Илллария.

— Я по этой части темный...— мужчина взялся за чемодан.— Нам вылезать!

— Каждый человек должен...— начала было Таисия Павловна, но мужчина ее перебил:

— Нет, не должен! Я никому и ничего не должен!.. Позвольте пройти с багажом...

— Еще раз огромное спасибо! — сказала Илллария, когда мужчина поднес чемодан к деревянной стойке, за которой сидела администратор гостиницы.— Нет, в самом деле, мы бы без вас погибли!

— Да, признательны! — Таисия Павловна протянула крепкую, чисто мужскую длань.— Только можно ли починить в этом городе чемодан, который вы поломали!

— Граждане, здесь не переговорный пункт! — одернула администратор.

— Я давала телеграмму...— начала Таисия Павловна, но администратор прервала:

— Минуточку! — И вопросительно поглядела на мужчину.

— По брони, Мешков! — представился мужчина.

— Заполните карточку! — администратор протянула Мешкову бланк, а сама отвернулась к художнице.

— Телеграмму мы получили, но помочь не можем. Мест нет. У нас областное совещание.

— Пустое! — отрубила Таисия Павловна.— Все эти совещания, конференции — перевод государственных

денег. Всех отрывают от дела! Я художник. Мне, в отличие от тех, которые на совещании, надо работать. Вызовите директора! Вы меня не знаете, я вас всех наизнанку выверну!

— Я в Новгороде работала в гостинице «Садко»,— администратор сохраняла спокойствие,— меня один клиент лыжей по голове трахнул!

— Что же нам, на тротуаре жить? — грустно произнесла Иллария.

Мешков, который уже заполнил карточку, протянул ее администраторше, поглядел на расстроенную Илларию и предложил:

— Завтра сюда должен приехать Лазаренко, я его к себе возьму, а вы уж поселите товарищей!

— Послушайте,— Иллария вся просияла счастьем, и сейчас можно было догадаться, что если бы маленькая Иллария следила за своей внешностью, причесывалась бы у хорошего парикмахера, употребляла косметику, одевалась бы с подходящим вкусом, то и сегодня, в свои тридцать пять лет, Иллария оставалась бы хорошенькой,— вы просто маг и волшебник. Мне надо знать, как вас зовут.

— Виктор Михайлович! — сухо представился Мешков.

— Значит, внесем раскладушки! — администратор протянула сестрам бланки для приезжающих.

— А что это вы за палочка-выручалочка! — Таисия Павловна гневно поглядела на Мешкова.— Я не люблю быть обязанной.

— Не хотите, так не надо! — пожал плечами Мешков.

— Нет, надо! — Таисия Павловна рванула у администратора бланки.

— Минуточку! — администратор протягивала еще какие-то бумаги,— вот, распишитесь, что я предупредила,— она успела передать Мешкову ключи и сказать — 308,— если Лазаренко будет протестовать, я вас, товарищи женщины, выселю!

Номер был крохотный, и непонятно было, как туда втиснуть раскладушку. Зато из окна открывался славный вид. Рыжела на солнце пожарная каланча, а пустырь между гостиницей и пожарными строениями густо порос темно-зеленой травой и ушастыми лопуха-

ми. На пустыре, как триста или четыреста лет назад, паслась коза — символ вечности.

— Все-таки на свете есть благородные люди! — патетически воскликнула Иллария, пряча пальто в шкаф.— Вот этот Мешков...

— Я не верю в бескорыстие,— Таисия отвернулась от окна,— есть у него какой-нибудь свой интерес...

— Зачем мы ему сдались?

— Должно быть, у него есть виды на тебя, либо на меня, либо на нас обеих.

Иллария расхохоталась:

— Как это — на обеих?

— Завтра к нему приезжает приятель... Ты слышала?

— Лазаренко,— запомнила Иллария.

— Я знаю этих командировочных наизусть. На безрыбье и рак рыба...

— Не согласна,— обиделась Иллария,— мы еще не раки, мы вполне симпатичные, обаятельные женщины!

Раздался стук.

— Кто там?

Вошел Мешков:

— Давайте чемодан, я знаю, где есть мастерская.

— Иллария Павловна пойдет с вами,— сказала старшая сестра.— Мы не нуждаемся в том, чтобы в довершение ко всему вы платили за починку нашего чемодана!

Иллария и Мешков шли по улице. Мешков нес чемодан и шел быстро, Иллария едва поспевала.

— Скажите, Виктор Михайлович, почему вы вздумали так о нас заботиться? У вас есть какой-нибудь свой интерес?

Мешков промолчал.

— Таисия Павловна не верит в бескорыстие.

Мешков опять ничего не ответил, только лишь выразительно посмотрел на Илларию.

— Вы всегда такой молчаливый? — спросила она.

— Нет.

— Это я вас раздражаю своей болтовней?

— Да.

— Я буду молчать,— пообещала Иллария.— Но в самом деле, вдруг ни с того ни с сего вы беретесь нести этот проклятый чемодан, потом устраиваете номер в гостинице, из-за этого вам придется жить вдвоем, потом

вы сами несете чемодан в мастерскую. Я думаю, вы добряк, а вот Таисия Павловна считает, что вы за кем-то из нас ухаживаете или за нами обеими ухаживаете...

Мешков уничтожающе взглянул на Илларию, но ее это нисколько не смутило, она лишь сказала:

— Я молчу, я рта не раскрываю...

Над распахнутой дверью висела вывеска: «Ремонт чемоданов, зонтов и сумок».

В проеме на табурете, заложив нога на ногу, сидел мастер и, щурясь, смотрел на улицу, залитую солнцем. В руках вихрастый мастер с модными бакенбардами держал транзисторный приемник «Старт». Маленький приемник производил довольно большой шум. Увидев клиентов, которые несли чемодан, мастер неохотно выключил приемник, поставил его куда-то за спину и, не встав с табурета, сказал:

— Чем могу быть полезен?

Мешков протянул чемодан, а Иллария добавила, показав сломанную ручку:

— Видите, совсем рассыпалась.

Интеллигентный мастер осматривал чемодан.

— Вырвана с корнем, какая жалость! Вы клали в чемодан что-нибудь весомое?

— Краски в тюбиках, а это такая тяжесть! — охотно пояснила Иллария.

— Это была ошибка, — вздохнул мастер. — На полный желудок не ходят гулять. Чемоданам полезнее, когда их возят пустыми.

— Хватит пылить мозги! — разозлился Мешков.

— Примите элениум, — посоветовал мастер, — или седуксен, потому что ручек не завезли, как и многого другого, но обещают. И я вот слушаю радио и третий месяц жду обещанного.

— В городе есть еще мастерская? — сердито спросил Мешков.

— Увы! — сказал мастер. — Новый чемодан можно приобрести в универмаге. Если вам старый дорог как память, можно взять ручку от нового и переставить на старый.

— Я вас понял, — кивнул Мешков. — Мы согласны сделать частным образом, без квитанции.

— Нет, не поняли, частный сектор давно отменен. Вы газеты читаете? — Мастер отдал Мешкову чемодан и

достал из-за спины приемник.— Плохое обслуживание всегда портит нервы. Я вам сочувствую.

Мешков рванул прочь от мастерской.

— Куда вы? — Иллария помчалась вдогонку.

Мешков неся по улице, которая круто брала вверх. Там наверху высилась медного цвета церковь, и шпиль на золотой шатровой главе упирался в облако, которое нависло над самой церковью.

Мешков передвигался так быстро, что Иллария задыхалась. Но спросить, куда он спешит,— не смела.

Наконец Мешков остановился возле проходной огромной автобазы. Сквозь раскрытые ворота были видны фургоны, окрашенные в синий цвет, а по синему цвету желтым было выведено — «Хлеб».

Мешков попытался пройти внутрь, но на его пути возник вахтер:

— Без пропуска не пускают,— сказал вахтер.— Вся моя работа в том, чтобы не пускать без пропуска.

— Вызовите мне слесаря! — попросил Мешков.

— Валера! — закричал сторож.— Выдь-ка!

Медленно, враскачку вышел Валера, роста он был баскетбольного. Его большую круглую голову венчала копна белокурых волос.

Мешков протянул ему чемодан:

— Слушай, будь человеком, сделай... Тут можно приварить пластину...

Валера послушал и отрицательно помахал головой.

— Понимаешь,— продолжал Мешков,— сломал чужой чемодан, видишь, женщина, она меня со свету сживает...

Валера посмотрел на Илларию, вытянул руку и большим пальцем указал направление вниз по улице.

— Да были мы там,— объяснил Мешков,— там не хотят чинить. Выручи, друг!

Теперь указательным пальцем Валера поманил Мешкова. Мешков привстал на цыпочки, и Валера зашептал ему на ухо.

Когда он кончил шептать, Мешков вновь опустился на всю ступню.

— Этот кент — вездеход, может все. Понял? — спросил Валера.

— Понял.

— Но обдираловка. Штаны снимет, трусы возьмет, плавки. Башли есть?

— Башли есть.

— Иди провокай до него и скажешь, Валера Кремнев послал. Учти, он любит крутить динаму. Замазано?

— Замазано.

Валера повернулся к Мешкову спиной и пошел обратно в гараж, а Мешков снова заторопился по улице. Иллария припустилась следом.

— Кент — это американские сигареты,— сказала Иллария,— при чем тут сигареты?

— Кент — значит мужчина.

— А откуда у вас башли, что это такое?

— Башли — это деньги! — Мешков отвечал с нескрываемым раздражением.

— А провокай, а что вы с ним замазали?

— Провокай — значит гулять, а замазать — договориться.

— И что значит — крутить динаму?

— Это значит тянуть резину.

— А на каком это языке? — спросила Иллария.

— На птичьем! — почти закричал Мешков.

Они подошли к часовой мастерской. Мешков, к полному удивлению Илларии, зашел внутрь и спросил Ивана Матвеевича. Ему ответили, что Иван Матвеевич будет с минуты на минуту.

Мешков вышел на улицу и повторил Илларии:

— Он скоро придет!

— Будем чинить чемодан в часовой мастерской, вот потеха! — засмеялась Иллария.

Мешкову было не смешно.

— Боюсь, что теперь я всю жизнь буду таскаться с вашим чемоданом.

В это время появился маленький сухонький старичок в белом халате. При виде белого халата Мешков с надеждой спросил:

— Вы Иван Матвеевич?

— Допустим.

— Я от Валеры Кремнева. Вот чемодан.

— Вы бы еще холодильник приволокли,— сказал Иван Матвеевич,— я часовщик.

— Мы хорошо заплатим,— пообещал Мешков.

Иван Матвеевич взял чемодан, взял ручку от чемодана и пошел в мастерскую.

— Ждите. Мне тут еще надо пылесос закончить, потом кастрюлю запаковать, а только потом я займусь

вашим чемоданом,— сказал напоследок часовой мастер.

— Ждите! — сказал Мешков Илларию.— У меня времени нет, я, между прочим, в командировке!

— Замазано! — с удовольствием отозвалась Иллария.

Мешков улыбнулся; когда он улыбался, глаза его шурились, становились лукавыми. Он быстро зашагал обратно к гостинице.

Мешков шел по улице, возвращался из часовой мастерской, и увидел цистерну с квасом. Очереди за квасом не было.

Мешков подошел:

— Налейте-ка кружечку! Квас-то хороший?

— Хороший требует ягоды.— Продавец был человеком рассудительным.— Можно рябину, клюкву. А этот — плановый квас.

— Какой? — переспросил Мешков, делая глоток из граненой кружки.

— План гонят. Еще хорошо квас на вишне.

— А я в Ростове Ярославском,— сказал Мешков,— пил потрясающий квас — фирменный, на меду.

— Мед я предпочитаю темный, гречишный,— продавец охотно поддерживал разговор.

— Я, наоборот, светлый, липовый,— сообщил Мешков. Одним словом, разговор получился живой. Мешков отхлебывал квас и уже никуда не торопился.

— А я тягучий мед люблю, чтобы во рту все друг к другу приклеивалось! — вмешался кто-то третий.

— Ну что ж,— с радостью заметил Мешков,— можно сказать, образовалась медовая компания. Нас уже трое. И новые приятели понимающе засмеялись.

Спустя три часа Иллария, неся чемодан, который сверкал новой ручкой, вернулась к себе в номер, упала в кресло, вытянув ноги, и, поставив чемодан на пол, с трудом перевела дух:

— Три часа ждала, можно с ума сойти!..

Таисия лежала на кровати и, не отрываясь, смотрела на эскиз картины, который она привезла с собой и поставила теперь у противоположной стены на раскладушке.

— Ты в жизни, Тася, не догадаешься, где починили наш чемодан.

— Самое главное, что починили! — сказала Таисия.

— В часовой мастерской.

— Это что, острота?

— Нет, правда. В чемоданной мастерской не оказалось ручек, их не завезли.

— Зато их завезли в часовую мастерскую. А в мастерской по ремонту чемоданов чинят часы. Прекрати врать! — рассердилась Таисия. И это в свою очередь рассердило Илларию:

— Когда в мастерской, где чинят сумки и чемоданы, нам отказали, мы пошли на автобазу...

— Я едва живая,— взмолилась Таисия,— замолчи. Я совсем не спала в этом душном поезде.

— Мы пошли на автобазу,— упрямо повторила Иллария.

— Для чего? — простонала Таисия.

— Чинить чемодан.

— Почему на автобазу? — съязвила Таисия.— Почему не в аптеку или городской суд?

— Мы пошли на автобазу! — закричала Иллария.— И оттуда нас послали в часовую мастерскую.

— Не ори! — в свою очередь вскричала Таисия.— Хватит!

Иллария поднялась с кресла, приблизилась к кровати, на которой лежала Таисия, и сказала тихо-тихо, почти шепотом:

— Вот что я скажу тебе, моя любимая сестра, по большому секрету: в этом городе пылесосы, кастрюли и чемоданы чинят исключительно в часовой мастерской!

И прежде чем Таисия успела отреагировать, Иллария вышла из номера вместе со злополучным чемоданом...

Сидя за столом у себя в номере, Мешков читал какие-то бумаги, в которых цифр было больше, чем букв.

В дверь постучали.

— Да! — крикнул Мешков.

Вошла Иллария, вместе с чемоданом, и остановилась у самого входа.

Мешков обернулся, увидел Илларию, перевел взгляд на чемодан и испуганно вскочил.

— Не расстраивайтесь,— успокоила Иллария,— он присобачил ручку так крепко, что ее ничем не оторвешь.

— Я рад.— Мешков смотрел на Илларию с подозрением, явно ожидая подвоха.

— И я рада,— сказала Иллария.— Иван Матвеевич тоже рад, потому что содрал с меня четыре рубля. А к вам я по делу.

— По какому еще делу! — Мешков по-прежнему был настоroje.

— Таисия Павловна не верит, что чемодан починили в часовой мастерской. Вы не можете зайти к нам и подтвердить это?

Мешков облегченно захохотал. Он смеялся долго и заразительно. Иллария тоже начала улыбаться. Потом Мешков резко оборвал смех и спросил:

— Какое это имеет значение, верит она или нет?

— Большое значение, принципиальное.

Светлые глаза Мешкова хулигански заблестели:

— А нельзя вашу сестру послать подальше?

— Нельзя. А кроме того, неприлично,— ответила Иллария.

Мешков продолжал веселиться:

— Давайте я возьму плоскогубцы, снова оторву ручку, и пусть ваша сестра побегает с чемоданом по городу.

Иллария оставалась совершенно серьезной:

— Она не станет бегать, она пошлет меня.

Эта сцена уже начинала Мешкову надоедать:

— Вам не кажется, что тогда, на перроне, подняв ваш чемодан, я совершил ошибку?

— Роковую! — продолжала Иллария.— Лучше бы вы прошли мимо.

Мешков усмехнулся:

— Порядочным родился.

Иллария тотчас согласилась:

— Порядочным всегда достается. Беспардонным нахам живется легче. Нахальство — второе счастье.

— Сейчас я выставлю вас за дверь и стану счастливым!

— Значит, вы не пойдете к Таисии Павловне? — с отчаянием в голосе прошептала Иллария.

Мешков рванулся мимо нее к выходу. Иллария побежала следом.

Мешков промчался по коридору, ногой распахнул дверь номера триста восемнадцать и закричал:

— Этот чемодан действительно починили в часовой мастерской по Садовой улице, дом сорок четыре!

Таисия приподнялась на постели:

— Что вы кричите? Какое мне дело, где починили этот чемодан. Вы его сломали, вы его и починили.

Мешков круто повернулся и исчез.

— Какой он внимательный и чуткий! — восхитилась Иллария.

— Ты всегда не разбиралась в людях, — уточнила Таисия. — Он хам и грубиян!

Иллария обиделась и горячо вступилась за Мешкова:

— Ты не права, ты его мало знаешь. Я с ним провела времени на два часа больше, чем ты!

Мешков вбежал к себе в номер, запер дверь на ключ, схватил со стола бумаги и с остервенением кинулся с ними на кровать. Но только начал читать, как постучали в дверь.

Мешков чертыхнулся, лицо его приняло свирепое выражение. Он вскочил, отпер дверь, открыл ее, намереваясь задать Илларии как следует. В дверях стояла уборщица с раскладушкой.

— Так я же просил завтра, — простонал Мешков.

— Берите сегодня, завтра может не быть.

Следующим утром, спозаранку, Таисия Павловна уже вышагивала по городу. Вид у нее был боевой — кеды, синий спортивный костюм с белой оторочкой у шеи, на голове немыслимая вязаная кепочка с большущим козырьком, в руках авоська, в которой лежали альбом и коробка с карандашами. Вот Таисия Павловна полезла на бугор, с которого открывался вид на реку, на белую пристань с белым пароходиком, на извилистые дорожки между домиками, которые лепились по крутизне. Эта крутизна отделяла городскую улицу от реки.

Таисия Павловна надвинула кепочку по самые брови, сощурилась, выбросила руки вперед и в воздухе обозначила ими границы будущего холста. Затем опустила руки, отошла на шаг в сторону, снова выбросила руки вперед...

Как вдруг возле художницы, с подозрением следя за ее манипуляциями, возник старик, одетый в пиджак покроя пятидесятых годов и в широченные бесформенные брюки.

— Что вы тут выделяете? — строго осведомился старик.

Вместо ответа Таисия Павловна опять отошла на шаг в сторону, опять выбросила руки вперед.

— Что это вы здесь высматриваете? — не отвязывался старик.

— Художник я. Не мешайте работать, пожалуйста!..

Но старик был приставучий:

— Которые художники, те теперь срисовывают старые темные церкви, вместо того чтоб срисовывать новую, светлую жизнь. А вы собираетесь скопировать наш городской порт? Это с какой же целью?

Таисия Павловна огляделась по сторонам, отыскала палку и воткнула ее на то место, где потом будет стоять этюдник. Затем раскрыла альбом, собираясь сделать набросок.

Но шустрый старик встал так, чтобы загородить пейзаж:

— У вас разрешение есть, или направление, или ходатайство с резолюцией?

В это время раздался крик: «Дедушка, дедушка!» — и появился мальчишка лет двенадцати. Он взял дедушку за руку и потащил за собой:

— Это художница, — презрительно сказал внук, достойный наследник своего деда, — их тут полно шляется. Срисует пристань, а потом рванет за это большие деньги.

— Они все такие! — поддержал дед.

Милая пара ушла. Таисия вздохнула и принялась набрасывать рисунок...

В то же самое время в гостинице Иллария отошла от буфетной стойки, держа в одной руке тарелку, на которой лежали сосиски и ломтик хлеба, а в другой — стакан кофе. Иллария оглядела буфетный зал и за одним из столиков увидела Мешкова, который разговаривал с нестарым, лет сорока с небольшим, но совершенно лысым человеком. Расплывшись в улыбке, Иллария направилась к этому столику:

— Доброе утро, Виктор Михайлович! Можно я к вам подсяду?

Услышав голос Илларии, Мешков вздрогнул.

— Здравствуйте, можно. — Он насторожился.

— Спасибо. — Иллария поставила на стол тарелку и стакан кофе и села на свободный стул. — Это было просто замечательно, как вы вчера гаркнули: Садовая улица, дом сорок четыре!..

Мешков порывисто встал и сказал лысому:

— Ну, я помчался!

— Куда? — спросила Иллария.

— На стройку! — буркнул Мешков.

— Ты же не доел завтрак!.. — напомнил лысый, но Мешков уже ушел.

Иллария повернулась к лысому:

— Зачем он поехал на стройку, он строитель?

— Он инженер по технике безопасности. Моя фамилия Лазаренко. Догадываюсь, что из-за вас я лишился номера.

— Из-за нас с сестрой.

— Вы с Мешковым друзья?

— Нет, мы познакомились на перроне, где он нас подобрал вместе с чемоданом.

— Подобрал?

Иллария отхлебнула глоток кофе:

— Чего нет в этом кофе, так это кофе... А потом в гостинице нам не дали номера, и Виктор Михайлович сказал, чтобы нас впили в его номер, а он будет жить вместе с вами.

— Трогательно, — сказал Лазаренко, — а все-таки, почему он отдал вам номер?

— Не знаю, — искренне ответила Иллария, — я сама заинтересована, скорее всего, он необыкновенный человек, не такой, как все.

— Что-то я раньше не замечал.

— Вы не наблюдательны: у него отзывчивое сердце и добрая, светлая душа!

— У Мешкова!? — переспросил Лазаренко.

— Да.

— Я это обязательно расскажу нашему управляющему, может быть, он повысит ему зарплату.

— И еще, — Иллария даже покраснелась, — он человек высоких порывов!

— Остановитесь! — потребовал Лазаренко. — И ешьте, а то все остынет. Мешков действительно мужик компанейский и может помочь человеку, но вашим братом он в принципе не интересуется. Спокойно! — добавил Лазаренко, потому что Иллария вся будто напружинилась.

— Что значит — спокойно? — гневно повторила Иллария. — Вы что, считаете, что я могла... Что мне пришло...

— Могла и пришло, почему бы нет. Вы так вдохновенно про него говорите.

— Да как вы смеете? Это неслыханно!

Иллария резко встала и направилась к выходу.

— Вы же не доели свой завтрак! — крикнул ей вдогонку Лазаренко, но Иллария уже ушла.

Иллария вышла из буфета и остановилась в коридоре, прислонившись к стене. Неожиданные слова Лазаренко произвели на нее сильнейшее впечатление.

Какой-то мужчина — он направлялся в буфет — заметил Илларию и озабоченно спросил:

— Вам плохо?

— Нет, мне непонятно...

— Что? — переспросил мужчина.

— Может ли такое со мной случиться, и тем более за один день?

Мужчина шарахнулся от Илларии и исчез в буфете.

Иллария оторвалась от стены и двинулась по коридору. Она закрыла глаза и шла слегка пошатываясь. Мысли у нее заплетались, ноги тоже. Она медленно шла и шла по длинному коридору, как вдруг натолкнулась на кого-то. И этот «кто-то» была ее родная сестра Таисия Павловна.

— Ты что, рехнулась? Ты зачем ходишь с закрытыми глазами?

— Чтобы отключиться от внешних раздражителей, — искренне объяснила Иллария, — и разобраться в своих чувствах и ощущениях.

— Разбираться некогда. Я нашла гениальный мотив. Может быть, он вырастет в картину. Пошли посмотришь!

— Пошли!

— Только не вздумай закрывать глаза, споткнешься и упадешь!

— Хорошо. Я буду думать с открытыми глазами, — пообещала Иллария.

Вскоре они уже шли по улице. Таисия Павловна несла этюдник и картонку. Иллария — зонтик и складной стул. Таисия вышагивала впереди:

— Я просто счастлива. Приехать и сразу напасть на мотив!

Они взобрались на холм, и отсюда на самом деле открывался такой захватывающий вид, что Иллария на какое-то время забыла про все свои личные заботы.

— Ну? — торжествующе воскликнула сестра, и Иллария отозвалась:

— Колоссально! Просто неслыханная красота!

Вскоре на том месте, где художница прежде воткнула в землю палку, уже стоял треногий этюдник. Над ним возвышался холщовый зонт. На этюднике держателями была укреплена картонка, и на этой картонке быстрый уголь Таисии успел начертить изгиб реки, и контуры пристани, и чередование домишек на крутом берегу. Таисия оставила уголь и тоненькой кисточкой маленькими, звонкими мазками взяла тон неба и тон земли на другом берегу реки...

Таисия Павловна работала стоя, а Иллария сидела неподалеку на складном стульчике и задумчиво глядела в пространство.

— Иля! — вдруг спохватилась Таисия. — Мы забыли дать телеграмму!

— Да, да, — согласилась Иллария. — Я пойду поищу почту...

Иллария покорно встала, намереваясь уходить, но сестра задержала ее:

— Слушай, в отношении этого, как сго, Виктора Михайловича... Я вчера усталая была, с дороги, ну, конечно, он симпатичный, столько для нас сделал...

— Нет! — горячо возразила Иллария. — Он малопривлекательный и вообще мрачный тип! — И ушла на почту.

Иллария отыскала почту, поднялась по ступенькам, толкнула дверь, на которой висело объявление «Осторожно, окрашено», бочком протиснулась внутрь, подошла к окошку, чтобы взять телеграфный бланк, внезапно возле окошка увидела Мешкова и от этой внезапности, от того, что опять он здесь, на ее пути, застыла на месте как истукан.

Мешков почувствовал на себе взгляд, обернулся и обнаружил Илларию:

— Вы как здесь очутились?

Иллария молчала.

— Телеграмму мужу, чтобы не волновался? — продолжал Мешков.

Иллария по-прежнему не произнесла ни звука.

— Вы что, воды в рот набрали? — улыбнулся Мешков.

Иллария молчала и не двигалась.

— Эй, — забеспокоился Мешков. — Что с вами? Очнитесь!

Он осторожно взял Илларию за плечи, встряхнул.

Илларию даже не почувствовала, что ее трясут.

— Пошли-ка на свежий воздух, ну-ка! — Мешков обнял Илларию и потащил к выходу. Илларию обмякла, и ее ноги волочились по полу.

— Дверь крашеная, черт бы ее побрал! — Мешков отворил дверь, придержал ее ногой, подтолкнул Илларию. Она вылетела на улицу, скатилась по ступенькам и, наверно, упала бы, если бы не оперлась о телеграфный столб. И этот толчок привел ее в чувство.

— Извините,— вдруг заговорила Илларию, когда Мешков снова приблизился к ней,— на меня напал молчун!

— Кто напал?

— Я суеверная, я почему-то про вас подумала — и вдруг вы... как с неба упали. Вот я и онемела!

— Нервы! — сказал Мешков.— Надо взять себя в руки!

— Сама взять себя в руки я не могу, а меня взять в руки нскому...

В это время появился Лазаренко, злой как сатана:

— Ты тут ля-ля-ля...— закричал он на Мешкова.— А я должен сдыхать в раскаленной машине. Главный инженер уже весь расплавился, а шофер матерится...

На Илларию Лазаренко не смотрел, будто ее и не было.

— Прости, я совсем забыл...— ахнул Мешков и заторопился к автомобилю. Лазаренко за ним.

Илларию вернулась на почту, заполнила за столиком телеграфный бланк, подошла к окошку, чтобы отослать телеграмму, и здесь, на прилавке, возле окошка, увидела другой бланк, с телеграммой Мешкова, которую он в суматохе позабыл отправить. И невольно прочла текст и фамилию адресата: «Москва Планетная... Мешковой».

Илларию поколебалась, потом взяла мешковскую телеграмму:

— Тут гражданин жене написал, а отправить позабыл.

— Может быть, передумал? — спросила телеграфистка.

— Нет, позабыл, я точно знаю. Текст очень оригинальный: «Доехал благополучно целую». Примите, пожалуйста...

Поздно вечером Илларию проследовала по коридору гостиницы, остановилась возле номера триста восемь, поколебалась, а затем несмело постучала в дверь. Никто

не отозвался. Илларию постучала еще раз, уже решительнее, и прислушалась.

— Зачем тебя леший в конце месяца принес, когда у меня план горит! — злился тенор.

— А то ты не знаешь, — отвечал голос Мешкова, — что несчастные случаи чаще всего в конце месяца, когда аврал...

Илларию осторожно приотворила дверь.

За маленьким столиком, на котором торчала бутылка водки, ссорились Мешков и главный инженер строительства. Толстый-претолстый, он сидел на стуле, отодвинувшись от стола — притиснуться мешал живот.

— Извините, я стучу, стучу! — подала голос Илларию.

— Что вам от меня нужно?! — взвился Мешков. — Что вы за мной по пятам ходите?

— Я... — растерялась Илларию, — я только хотела отдать квитанцию, вы позабыли отправить вашу телеграмму... вы заполнили бланк и оставили его возле окошка, и я... вот вам ваша квитанция...

Мешков соскочил со стула, бесцеремонно схватил Илларию за руку и усадил. Он был в скверном настроении, и ему было теперь на ком отыграться.

— Видишь, Кира, — он обращался к главному инженеру, — как меня окружают заботой. Я в буфете — она в буфете, я на почте — она на почте, я пью водку — сейчас она будет пить водку!

— Я, я не буду, — испугалась Илларию, — я терпеть не могу...

Мешков плеснул водку в стакан и подал Илларию:

— Валяйте!

— Чего издеваешься, Виктор? — заступился за Илларию главный инженер.

— Он не издевается, — возразила Илларию, — просто он невоспитанный! Он меня даже не познакомил.

— Кирилл Петрович! — представился главный инженер.

— Илларию Павловна, — ответила Илларию. — Имя у меня редчайшее, но красивое.

— Ну, за ваше красивое имя! — поторопил Мешков.

Илларию отважилась, залпом выпила содержимое стакана и отчаянно замахала руками.

— Чего крыльями машете? — улыбнулся Мешков.

— Закусить! — простонала Илларию.

Главный инженер поспешно достал из банки соленый огурец. Иллария выхватила огурец из рук главного инженера, отправила в рот, хрустнула огурцом, проглотила его и перевела дух.

— Все равно я рабочих тебе не дам,— сказал Мешков главный инженер.

— Дашь! — усмехнулся Мешков.— А не то я тебе стройку остановлю!

Иллария неожиданно всхлипнула и... начала валиться со стула.

Мешков быстро нагнулся и успел ее подхватить:

— Это у нее привычка такая, она уже на почте валилась. Кира, помоги, она тяжелая.

Но главный инженер не успел прийти на помощь.

— Отпустите меня, не прикасайтесь ко мне!

Мешков покорно отпустил Илларию, она выпрямилась и прислонилась к стене:

— Я не пьяна, я отравилась! Известно, что водка — это яд! И вы, Виктор Михайлович, вы меня отравили ядом. Надеюсь, обойдется без «Скорой помощи»...

Иллария собрала последние силы и направилась к выходу.

— Я вас провожу! — метнулся Мешков.

— Нет! — обрезала Иллария.— Я пойду своим ходом.— И захлопила за собой дверь.

Мешков вновь отворил ее и стал следить, как Иллария идет по коридору.

Почувствовав на себе его взгляд, Иллария обернулась:

— Виктор Михайлович, вы мне должны пятьдесят четыре копейки за телеграмму!

Мешков полез в карман.

— Не мелочитесь,— сказала Иллария,— я вам их дарю! — И вошла к себе в номер.

Завтрашним утром Иллария сидела на постели, свесив босые ноги, голова перевязана полотенцем, и тихо стонала. Таисия Павловна была уже в полной боевой готовности — спортивный костюм, кеды, на голове картуз, в руке этюдник.

— Ну? — спросила она.

— Плохо,— честно призналась Иллария.

— К двенадцати, как всегда, принесешь мне перекусить?

— Если доживу...

— Алкашница! — Таисия ушла.

Иллария сползла с постели, открыла дверцу платяного шкафа и погляделась в зеркало, укрепленное на внутренней стороне:

— Кошмар!

В дверь постучали.

— Кто там еще? — недовольно откликнулась Иллария.

— Это я, Мешков.

— Нельзя! — Иллария испугалась.

— Мне надо поговорить.

— Сейчас я тапочки надену, а то пол холодный. — Иллария сунула ноги в тапочки, подошла к двери. — Я в разобранном виде. А вы о чем хотите поговорить?

— Наверно, надо извиниться, — объяснил Мешков, — я не знал, что это на вас так подействует.

— Ничего, — прошептала Иллария, срывая с головы повязку и пытаясь привести в порядок волосы. — Я выжила. А из-за чего вы вчера с инженером ругались? Я не поняла.

— Там пролет, — начал рассказывать Мешков, продолжая стоять за дверью. Подошла уборщица — она волочила по полу пылесос, — остановилась и с удивлением стала глазеть на жильца, который разговаривает с дверью.

Иллария отбросила тапочки и надела босоножки.

— Этот пролет, — продолжал рассказывать Мешков, — между строениями на высоте семнадцати метров, его положили две недели назад, ширина восемь метров. Надо ставить ограждение, а если он снимет на это людей, сорвется план, все останутся без прогрессивки...

Пока Мешков рассказывал, Иллария успела поменять халат на юбку и кофту.

— Теперь поняла, — закричала Иллария, потому что уборщице надоело слушать, она включила пылесос и стала чистить ковровую дорожку, — если за две недели никто не свалился, почему кто-нибудь упадет именно сегодня? — Иллария уже красила губы.

— Я ушел на стройку! — прокричал Мешков, которого раздражал пылесос.

— Дайте им получить прогрессивку! Входите, пожалуйста! — закричала Иллария, распахивая дверь, но Мешков уже действительно ушел.

В расстроенных чувствах, Иллария поплелась в буфет, и там ее увидел и весело окликнул Лазаренко:

— Возьмите сметану и подсаживайтесь!

Иллария поколебалась — подсаживаться к Лазаренко или нет, но он приветливо махал рукой, и Иллария, со стаканом сметаны и с булочкой, села к нему за столик. Лазаренко наклонился к ней и таинственно прошептал:

— Сметана сегодня неразбавленная. Ни молока не завезли, ни кефира, нечем разбавлять! Сидите тихо и не привлекайте внимания.

Иллария изумленно воззрилась на Лазаренко:

— А почему, собственно говоря, я должна...

— Тсс... — перебил Лазаренко и заговорщицки подмигнул. — Давайте говорить на посторонние темы, ну, например, кто вы по профессии?

— Делаю чертежи для технической книги. Удобно, работаю дома, распоряжаюсь своим временем сама. Но все же, скажите, почему я должна...

Лазаренко опять не дал договорить:

— Ешьте сметану! Конечно, это великое дело — не ходить на работу точно к девяти... И все-таки нельзя себя так распускать, надо уметь собой владеть!

Иллария резко встала, явно намереваясь уйти, но Лазаренко схватил ее за руку и усадил:

— На меня нельзя обижаться, я абсолютно лысый!

Иллария улыбнулась против собственной воли.

— Вам надо развлечься, — продолжал Лазаренко, — пойдите например, в парикмахерскую, посидите там пару часов в очереди, обсудите все мировые проблемы, выйдете оттуда красивой — и перестанете психовать.

— Да с чего вы взяли? — возмутилась Иллария.

Лазаренко перегнулся через стол, поманил Илларию пальцем и, смеясь одними глазами, сообщил:

— У вас одна босоножка застегнута, а другая нет, а, главное, кофточка вообще надета наизнанку!

Иллария вспыхнула, не нашла что ответить и стала боязливо оглядываться по сторонам, теребя руками кофту.

— Выйдем вместе, — сказал Лазаренко, — я вас загожужу!

Почему-то парикмахерские строят теперь с большими окнами, прохожие с интересом разглядывают клиентов или клиенток, и те чувствуют себя неловко под их насмешливыми взглядами.

Стеклянный куб парикмахерской Иллария заметила издали.

Мастеров в парикмахерской было двое, оба были заняты, а очереди дожидалась только одна женщина лет тридцати с густо намазанными ресницами и с высокой тяжелой прической.

— Вы последняя? — спросила Иллария.

— Я же первая, я же крайняя, — оживилась женщина, заполучив собеседника, — сегодня народу нет, напротив в универмаге выбросили импортные кофточки.

— Значит, мне повезло, — сказала Иллария.

— Крым в этом году ужасно подорожал! — доверительно пожаловалась женщина. — Койка — рубль пятьдесят!

— А было?

— Рубль. Но мне очень надо в Крым — я безмужняя...

— Надеетесь там выйти замуж? — заинтересовалась Иллария.

— Что вы? — Женщина даже хлопнула Илларию по руке. — Серьеза на курортах не бывает. Так — пляжный перепляс, — и понизила голос, — мне загар очень идет. На мой загар мужики на улице оборачиваются.

— Так он же быстро сходит!

— Мне мазь достали, два месяца держится, даже два с половиной. Только мыться надо без губки.

— Следующий! — позвал освободившийся мастер.

Женщина встала, оправила платье.

— А разве здесь нельзя загорать, у речки? — быстро спросила Иллария.

— Здесь я работаю, а не загораю! — И женщина с высокой прической заторопилась к парикмахеру готовиться к поездке в Крым.

Когда подошла очередь Илларии и она уселась в кресло, мастер поглядела на голову клиентки и вздохнула, потому что работа предстояла тяжелая:

— Голова у вас сильно запущенная, не волосы, а бурьян. Вы из провинции?

— Из Москвы, — смущенно созналась Иллария, — да и немолодая я.

— Немолодых нет, есть смирившиеся, — возразила парикмахерша. — В Москве теперь парики носят, а что... напялил — и никаких забот, и мужики тоже напяливают.

— Они-то зачем?

— Потому что наука против лысины бессильна,— разъяснила образованная парикмахерша.— Лысеют ведь по наследству. Так что будем с вами делать? Раз в неделю будем ходить на укладку? Или химическую? Потом сами будете накручиваться. Сумеете?

— Сумсю, бигуди у меня есть.

— Накручиваться надо на пиво, лучше на «Жигулевское»...

— Потом от головы будет пахнуть пивом...— поморщилась Иллария.

— Хотите парик? Могу достать, маде ин Гонконг. На тонкой сетке, голова не потеет. Девяносто рублей.

— Делайте химическую! — вздохнула Иллария.

Некоторое время спустя Иллария взбиралась на крутой бугор, осторожно неся голову в новой прическе, а в руках держа пакет с молоком и две калорийные булочки.

— Ну что? — обернулась Таисия Павловна.— Очухалась? — вырвала из рук сестры пакет, ловко надкусила угол, сделала большой глоток, отломилла, сунула в рот кусок булки.— Сегодня идет хорошо, кажется, я поймала свет на этих домишках, там на склоне в этом свете они как живые.— И снова повернулась к этуду.

Иллария оскорбленно поджала губы:

— Разве ты не заметила, что я изменилась?

— Нет, я вижу тебя слишком часто и поэтому не могу заметить, как ты меняешься.

— Я сделала прическу.

— Не ври! — сказала Таисия, увлеченная работой.— Прическу я бы заметила, и помолчи, не мешай мне писать.

— Я исчезаю! — сухо, суше не бывает, сказала Иллария,— может быть, я пойду к реке загорать, а может, пойду в гостиницу, а может, пойду в кино, а может, пойду на вокзал и уеду домой.

— Ты когда-нибудь замолчишь?

Иллария резко повернулась и поспешила прочь.

Иллария спустилась вниз к реке, к самой воде добраться было нельзя, потому что берег обрывался круто, почти отвесно. Иллария пошла по берегу, по вытопанной тропе.

На реке трудились буксиры и рыбацьи лодки и шел рейсовый пароход, на боку которого было выведено:

«Художник Василий Мешков», в честь знаменитого живописца, который писал когда-то эту реку. Иллария увидела на пароходе фамилию Мешков, вздрогнула, отвернулась и обратила свой взгляд на мальчишку, который отсюда, с обрыва, удил рыбу.

Мальчишка почувствовал за спиной Илларию, обернулся и приказал:

— Отойди!

— А ты мне что тыкаешь?

— Над душой стоишь, рыбу пугаешь!

— Чем я ее пугаю, стою себе. Это ты языком молотишь.

— Нервы мне тянешь,— злился юный рыбак,— от взрослых и так податься некуда. И тут, на тебе, надзор!

— Лопух ты! — обругала его Иллария.— Может, я тебе рыбу приваживаю.

— Ты что, ведьма?

— Смотри лучше на поплавок!

Мальчишка глянул вниз, ахнул, потянул, подсек — на крючке болтался подлещик.

— Тетенька,— завизжал мальчишка,— не уходи! — и поправился: — Не уходите!

Иллария шла дальше по берегу, села на поваленную иву, подставила лицо солнцу, прикрыла веки.

Так она сидела, не двигаясь и блаженствуя, как вдруг кто-то потряс ее за плечо.

— Не трясите меня! — возмутилась Иллария.— Терпеть не могу, когда меня трясут.

Она открыла глаза и увидела женщину, с которой встретилась в парикмахерской.

— Вы чего? — спросила та.— Радикулит схватите.

— Загораю!

— Как это вы загораете, когда на небе вон какая туча.

— А я и не заметила! — засмеялась Иллария.— Бездельничаю, вы в отпуск на юг, а я к вам в отпуск.— И встала.

— Я вас очень хорошо понимаю,— задушевно произнесла женщина из парикмахерской,— только на местный загар мужики не клюют, они клюют только на южный загар.

— Выходит, я зря приехала к вам в город?

Но женщина, в сумочке которой лежал билет в Симферополь, ответила совершенно серьезно:

— Конечно, зря... Что к нам ездить? Ничего у нас нет. Вода и церкви...

Под вечер Иллария без дела болталась в холле гостиницы, ерзала в кресле, листая журнал «Наука и жизнь», поглядывала сквозь стеклянный простенок на вход.

Вот у гостиницы остановилась старенькая «Волга». Мешков открыл дверцу, выставил на мостовую ногу...

Иллария, уронив в кресло журнал, кинулась к выходу, толкнула дверь и степенно стала спускаться по ступенькам, вскинув голову, чтобы видна была прическа.

Мешков — он поднимался по ступеням — поравнялся с Илларией и прошел бы мимо нее, не заметив, как Иллария сама его окликнула:

— Хорошо бы поздороваться!

— А мы уже утром виделись.— Мешков остановился, кинул на Илларию веселый взгляд, таким еще Иллария его не видела.

— Нет, не виделись, мы разговаривали через дверь.

— Это правда! — Мешков улыбнулся.— Слушайте, что отколол этот толстый Кира, главный инженер. Сидел у меня весь вечер, каля-маля, а в это время на стройке ставили ограждение!

— Молодец! — похвалила инженера Иллария.— Он хочет, чтобы коллектив получил прогрессивку.

— Идея! — внезапно воскликнул Мешков. Видно, сейчас у него было такое настроение, что не хотелось оставаться одному.— Вы футбол любите?

— Нет.

— Жаль, я вас хотел на стадион пригласить.

— А я поехать на стадион не отказывалась! — нашлась Иллария.

На стадион ехали трамваем. И, как в первый раз, стояли на задней площадке, которую водило из стороны в сторону.

— Что это у вас глаза печальные? Как у женщины, у которой нет мужа? — спросил Мешков.

— А у меня нет мужа! — просто ответила Иллария.

Мешков даже поперхнулся, ему захотелось выпрыгнуть на ходу из вагона, от безвыходности он начал выкручиваться и глупо шутить:

— Это даже лучше. Зачем женщине муж, действительно! То он пьет, то в преферанс играет, готовь ему, стирай ему, дети от него...

— А у меня двое детей!

Мешков почувствовал, как у него остановилось сердце. И чтобы сердце сдвинулось с места, он продолжал балагурить:

— Конечно, что за жизнь без детей. Великое предназначение женщины — мать. И материнские чувства...

— А у меня не свои дети, — спокойно перебила Иллария, — это племянники — дети Таисии. Только ей некогда, и ее мужу некогда, и поэтому я их воспитываю.

— Приехали! — простонал Мешков.

Стадион оказался маленький, но уютный. Илларию с ее места были видны деревья, которые вплотную подступали к трибунам, а вдали, в темно-зеленой глубине, желтела маковка церкви. Над деревьями пикой торчала стрела крана, она все время поворачивалась в разные стороны, будто царапала по небу.

Мешков перехватил взгляд Илларию и пояснил:

— Это строят тот самый завод, где я скандалил...

Мешков устроился на скамейке свободно, привычно, уперся о скамейку руками, ноги раскинул.

— Вот вы в трамвае учинили мне допрос, — сказала Иллария.

— Да ни о чем я вас не спрашивал. Просто, что ни скажу, все невпопад.

— У вас, наверное, создалось впечатление, — продолжала Иллария, — что я никогда не была замужем. А у меня был муж, настоящий, с отметкой в паспорте. Химик. Таисия Павловна этого химика терпеть не могла, и, как всегда, оказалась права. Потом он от меня сбежал к одной... У нее обнаружили ноги сто семнадцать сантиметров.

— Это много или мало?

Иллария погрузилась, поджала ноги под себя, нижняя губа вздрогнула:

— Очень много. И еще у нее папа генерал, новая «Волга», дача со всеми удобствами, зеленые глаза, и еще она пела в ансамбле «Звездочеты» в мини-юбке. Мужчины в зале не слушали ее пения, они смотрели на ее ноги.

— Теперь я буду знать,— широко улыбнулся Мешков,— что к женщинам надо подходить с рулеткой. Благо она у меня всегда с собой.

Он достал из кармана рулетку и потянул за металлический кончик...

Наконец на поле выбежали футболисты.

Мешков оживился.

— Ну! — Мешков потер ладошкой о ладошку.— Скинемся по рублику? Будет интереснее глядеть.

— Скинемся! — охотно согласилась Иллария.— Обожаю скидываться, только что это значит?

— Вы за каких, за синих или за белых?

По полю бегали футболисты, одни в белых майках, другие — в синих.

— Я буду за белых! — сказала Иллария.

— Тогда я за синих!

— Тогда я тоже буду за синих!

— Да нет, вы будете за белых,— покрутил головой Мешков,— мы должны болеть за разные комнаты. Ваши забьют — я вам рубль. Мои забьют — вы мне рубль. Расчет после игры. Все поняли?

— Я уж не такая дура! — обиделась Иллария.— Только я запуталась — я за синих или я за белых?

— Вы за белых, белых.

— Я за белых, белых,— повторила Иллария.

Команда синих перешла в атаку, правый защитник прошел по краю, навесил мяч в штрафную площадку, синий нападающий упал, в падении ударил мяч головой, и мяч угодил в сетку ворот.

Мешков подпрыгнул на месте, потом вскочил и восторженно заорал. Иллария испуганно посмотрела на него.

Мешков плюхнулся обратно на скамейку, от бурной радости обнял Илларию и звонко поцеловал.

— Это вы меня за рубль целуете? — спросила Иллария.

Мешков ее не слышал. Он снова, не отрываясь, следил за игрой.

Синие продолжали атаковать, как вдруг совершенно неожиданно полузащитник белых перехватил мяч, через все поле сильным ударом передал его центрфорварду, тот рванулся вперед, сильно ударил — и мяч влетел в ворота.

Мешков в горести обхватил голову руками.

— Кажется, мои забили? — Иллария не была в этом уверена.— Я ведь болею за белых?

— Ваши,— сердито ответил Мешков.

Иллария внимательно поглядела на Мешкова, повернулась к нему, как бы раздумывая — обнять его или не надо...

Но в это время Мешков вскочил на ноги, захохотал и, веселясь, упал обратно на скамейку.

Иллария отважилась, наклонилась к Мешкову и осторожно клюнула его в щеку.

Мешков изумленно обернулся к Иллари:

— Вы что?

— Целуюсь,— разъяснила Иллария,— подражаю вам. Мои гол забили.

— Так ведь не было гола, судья его не засчитал.

— Как — не засчитал? — возмутилась Иллария.— Почему? Вашим можно забивать, а моим нельзя?!

— А ваш нападающий бил из офсайда!

— Не было офсайда! — закричала Иллария.— Судья жулик. Его подкупили!

Мешков опешил:

— Откуда вы понимаете про офсайд?

— У меня два мальчика! — улыбнулась Иллария.

— Мороженое хотите? — предложил Мешков.

— Хочу! Давайте завтра снова пойдем на стадион. Вон на щите написано, завтра опять матч. Мне здесь определенно нравится.

— Не получится, сегодня я уезжаю. Двадцать один — двенадцать. Дела закончил и делать мне здесь больше нечего.

Мешков взял у разносчицы мороженое и протянул Иллари:

— Есть только это, стаканчики. За девятнадцать копеек.

Иллария оттолкнула руку Мешкова, встала и начала протискиваться к выходу.

— Вы куда? — ахнул Мешков.— До конца еще уйма игры.

Иллария остановилась в проходе и подождала Мешкова, который приближался к ней с явно недовольным видом. Он шел не глядя на Илларию, рискуя наступить на чьи-то ноги, потому что его взгляд не отрывался от футбольного поля.

— Это хорошо, что вы смотрите в сторону, а не на меня,— сказала Иллария,— я, вероятнее всего, должна сообщить вам, Виктор Михайлович, что влюбилась в вас!

Мешков замер, боясь пошевелиться.

— Возможно,— продолжала Иллария,— это случилось еще на перроне...

Когда Мешков заставил себя обернуться и случившееся несчастье было написано у него на лице, он увидел Илларию, которая уже уходила со стадиона. Мешков сунул мороженое первому попавшемуся мальчишке и кинулся догонять.

Он поравнялся с Илларией, когда она уже подходила к трамвайной остановке. Не зная, как себя вести и абсолютно не представляя, что надо говорить, Мешков не нашел ничего лучшего, как только сказать в растерянности:

— Конечно... спасибо...

— Ешьте на здоровье. Между прочим, я сделала для вас прическу, а вы даже не заметили.

— Разве?.. Я думал, всегда так было...

На кругу стоял трамвай. Иллария полезла в пустой задний вагон и осталась на площадке.

— Это уже традиция. Мы все время ездили на площадке, как школьники.

— Тогда уж давайте не платить за билеты! — предложил Мешков.

— А вы не мучайтесь,— печально улыбнулась Иллария.— Я вижу, вы мучаетесь и не знаете, что мне сказать. Вы делайте вид, будто ничего не произошло. Мои слова не накладывают на вас никаких обязательств. Вы вообще можете вернуться на стадион, я сама доеду!

Трамвай тронулся с места, зазвенел, задребезжал. Некоторое время оба молчали, потом заговорил Мешков:

— Иллария Павловна, я вечно мотаюсь по всяким командировкам. Я почти не бываю дома, я живу в самолетах, поездах, в гостиницах. Я езжу со стройки на стройку. И везде меня не любят, потому что инженеров по технике безопасности нельзя любить. Они ко всему вьжуются, и от них одни неприятности.

— Перестаньте оправдываться,— перебила Иллария.— Я вас информировала, и все!

— Я не оправдываюсь, я объясняю,— повысил голос Мешков.— Какая бы вы ни были замечательная, я все равно не гожусь для романа. Мне ровно пятьдесят! Я, в конце концов, стар!..

— Не кричите на меня! — осадил Мешкова Иллария, а затем подвинулась к нему и сказала не без

едкости: — Вовсе не нужно, чтобы все пассажиры слышали, что вы старый и не годитесь для романа. Нашли чем хвастаться!..

Когда Иллария вернулась к себе в номер, то увидела Таисию Павловну, которая сидела на кровати, подобрав под себя ноги, взглядом впершись в этюды, расставленные на раскладушке у противоположной стены.

— Явилась,— сердито сказала сестра,— все-таки пришла! Большое тебе спасибо. Я тут с ума схожу, может, уже сошла!

— Я была на стадионе с Виктором Михайловичем.

— А зачем ты ходила на стадион?

— Болеть за «белых», тебе этого не понять.

Таисия отвлеклась от живописи и испытующе взглянула на сестру.

— Он к тебе пристаёт?

— Нет, это я к нему пристаю! — гордо сообщила Иллария.— Он от меня на стенку лезет!

Таисия искренне заволновалась:

— Ты доверчивая, честная, тебя обмануть — пара пустяков! А он прожженный, опытный...

— Послушай, Тася, ты совсем обалдела со своей прекрасной живописью! Это я за ним бегаю, а он от меня увертывается.

Таисия Павловна слезла с кровати и сунула ноги в туфли.

— Как ты далека от реальной жизни, это хитрый ход, это он тебя заманивает!

Иллария покраснела от возмущения:

— Ты стала похожа на моего начальника. Он тоже слушает только самого себя!

— С этим прохиндеем Мешковым я поговорю! — И прежде чем Иллария успела опомниться, сестра уже выскочила за дверь, и было слышно, как в замке повернулся ключ.

Иллария дернула дверь: заперто. И в бешенстве забарабанила по ней кулаками.

Таисия Павловна шла по коридору крупным мужским шагом, и, когда ей повстречался солидный дядя с изрядным брюшком, тянувший килограммов под сто, Таисия Павловна, не замедляя движения, выкинула вперед руку и отодвинула дядю в сторону, как манекен.

Мужчина, которого оттолкнули, удивленно обернулся:

— Ну и ну!

— А вы уступайте дорогу женщине! — Таисия Павловна уже стучала в номер триста восьмой.

Едва прозвучало: «Войдите», она ворвалась внутрь и сразу начала на высокой ноте:

— Оставьте в покое мою сестру! Вам нужна гостиничная интрижка, приключение в командировке! Ищите другой объект!

Мешков весь будто ощетинился:

— Ишь как вы о себе заботитесь! Очень вы себя уважаете, себя и свои удобства.

— Что вы несете? — вспыхнула Таисия Павловна.

— Думаете, я не помню, как Иллария волокла чемодан, а вы налегке шли? Здесь ваши шмотки таскает, а дома ваших детей стережет. Бойтесь лишиться домработницы!

— Да вы негодяй!

Таисия Павловна подскочила к Мешкову, явно намереваясь вlepить ему пощечину, но Мешков ловко схватил ее за руки, завел за спину, под локотки поднял художницу в воздух, вынес в коридор, ногой открыв дверь, и сразу наткнулся на солидную пару пенсионного возраста. Оба замерли от удивления.

— Эта дамочка, — сказал Мешков, — ошиблась номером!

Он поставил Таисию Павловну на пол и быстро вернулся к себе, не забыв запереть дверь.

— Я всегда говорила, — нахмурилась жена пенсионера, — что гостиница — это гнездо разврата. Вова, пойдем и не смотри на нее!

И пара чинно проследовала к соседнему номеру триста десять, оставив Таисию Павловну, задыхавшуюся от ярости и от бессилия.

Она сделала было шаг к двери Мешкова, потом передумала, направилась обратно к себе в номер, потом снова передумала и направила свои стопы в буфет.

Здесь, у буфетной стойки, очередь была небольшая, человека три, но Таисия Павловна все равно полезла без очереди:

— Моя очередь давно прошла, я забыла в номере деньги и ходила за ними. Вы мне не верите? — Она с вызовом повернулась к военному, который стоял первым.

— Верю,— ответил военный.— Только вы здесь не стояли!

Но Таисия Павловна уже делала заказ:

— Стакан чая!

— Сахар класть? — спросила буфетчица.

— Нет. Нет, положите ложечку, нет две ложечки... Нет, не кладите сахару!

— Так класть вам сахар в чай или не класть? — устало переспросила буфетчица.

— Я вам не говорила — чай, я вам сказала — кофе! Я никогда не пью чай!

— Извините, но вы сказали — чай! — мягко вставил военный.

— Я не могла этого сказать, я сказала — кофе! — гневно повторила Таисия Павловна.

Иллария металась по номеру взад и вперед. Потом пришла, очевидно, к какому-то решению, достала целлофановый пакет и начала складывать в него всяческую еду. Затем Иллария открыла дверь на балкон, вышла из него, держа пакет в руках, закрыла за собой дверь. Балкон сплошняком тянулся вдоль здания гостиницы, но чтобы из одного номера нельзя было забраться в другой, соседний, балкончики разделялись кирпичным барьером высотой в половину человеческого роста.

Иллария поглядела на кирпичное препятствие, подтянулась на руках, села на узкий конек этой стенки, перекинула ноги на другую сторону и спрыгнула на соседний балкон. Затем, чтобы ее не заметили из номера, согнувшись в три погибели, чуть ли не на коленях, пересекла этот балкон и взобралась на следующую стенку. Эту сложную операцию она проделала несколько раз.

— Триста шестнадцать,— считала Иллария,— триста четырнадцать, триста двенадцать, триста десять, триста восемь...

Спрыгнув на балкон номера триста восемь, Иллария выпрямилась и заглянула в окно. Но отсюда ничего нельзя было разглядеть.

Иллария постучала в окно балконной двери.

И сразу возле окна возникли две вопросительные фигуры — пенсионер и его жена.

— Что вы здесь делаете? — возмутилась Иллария.

— Это я вас хочу спросить,— голос у женщины был визгливый,— зачем вы влезли на чужой балкон?

— Это триста восьмой?

— Нет, это триста десятый!

— Извините,— сказала Иллария,— значит, я ошиблась при подсчете! — И снова полезла через барьер.

— Опять к нему! — заметил пенсионер не без ехидства.

— Это все потому,— завершала жена,— что теперь все разрешается! Сначала женщинам разрешили ходить в мужских брюках, потом разрешили ходить без брюк и почти без юбок, потом разрешили длинные юбки, а мужчинам — длинные волосы, как у девиц! Потом...

— Что будет потом?

— Потом я не знаю, но опять что-нибудь разрешат...

Тем временем Мешков в номере триста восемь уже складывал в портфель бритву, мыло, запасную рубашку, как вдруг... постучали в окно.

Мешков озабоченно обернулся и обнаружил Илларию. Подбежал, распахнул балконную дверь:

— Ну, знаете, с вами не соскучишься!

— Сестра меня заперла, поэтому я с этой стороны. Тут легко,— успокоила Иллария,— между балконами барьерчики невысокие,— и прыснула,— только я сначала в чужой номер угодила... Вот я принесла: здесь сыр «Виола», два яйца, крутых конечно, кусок кекса. В поезде всегда есть хочется.

— А если сестра хватится?

— Скажу, сама все слопала.

— Тогда большое спасибо.— Мешков, не колеблясь, положил пакет в портфель.

— И еще,— набралась храбрости Иллария,— я хочу вас проводить! — И испытующе поглядела на Мешкова. Тот храбро выдержал ее взгляд.

— Значит, давайте сразу смываться, а то Таисия Павловна вас разыщет и опять арестует!

— Правильно,— поддержала Иллария.— Уходим сразу!

Мешков взял портфель, и оба направились к двери.

— Я навязчивая, да? — спросила Иллария.

— Вы выдумщица, вы все про себя выдумываете!

Мешков отворил дверь и... увидел Таисию Павловну, которая сердито выпалила:

— Я жду, чем это все закончится!

— Она совершеннолетняя! — напомнил Мешков.

— Я вполне совершеннолетняя,— повторила Иллария.— Я еду на вокзал, провожать.

— Ах, вы уезжаете,— Таисия Павловна подарила Мешкову обворожительную улыбку.— Я так рада была с вами познакомиться. Счастливого пути. Смотрите не опоздайте на поезд!

Иллария и Мешков шли по улице.

— Вы к Таисии несправедливы,— говорила Иллария,— у нее дарование, она заслуженный деятель. Ее выставляют во всем мире. Я служу таланту, это лучше, чем служить министерству.

— Я не в министерстве, я в тресте. Был бы умный, не сидел бы на ста восьмидесяти, а давно ушел в НИИ и сделал диссертацию.— Мешков сам себе удивился и вспылал: — Слушайте, что это я с вами начинаю разговоры разговаривать?

— Вы ко мне привыкаете,— пояснила Иллария.

— Вот что.— Мешков поглядел на часы.— До поезда еще... тридцать шесть минут, мы можем дойти до вокзала пешком, а там, к вопросу о привыкании, пожем руки и — никаких телефонов, адресов...

— Вы правы,— согласилась Иллария,— баб, которые на шею вешаются, их никто не любит!

— Лично я,— рассердился Мешков,— люблю пельмени, дальневосточные, с уксусом и перцем, поговорили, повясняли, хватит, дальше идем молча...

Здесь им повстречался Лазаренко.

— Уезжаешь?

— Уезжаю.

— Провожаете? — Лазаренко взглянул на Илларию.

— Провожая.

— Новая прическа вам идет. Общий привет.— И Лазаренко пошел своей дорогой.

Тут Мешков, против собственной воли, поглядел на прическу Илларию.

— Ну что? — Иллария замерла.

— Прическа идет, и мы идем, а то поезд уйдет без меня...

Потом Иллария стояла у вагона и Мешков топтался возле него и откровенно ждал, чтобы она ушла. Вся эта история тяготила его, и он смутно, сам не зная почему, чувствовал свою вину и от этого еще больше раздражался.

— Отъезжающие, пройдите в вагон! — объявила проводница.

— Ну все, счастливо! — Мешков взял руку Илларию, потряс, быстро выпустил руку и поднялся по ступеньке вагона.

Как вдруг Иллария тоже начала подниматься в вагон.

— Пожалуй, я поеду с вами до ближайшей станции.

— Не надо! — испугался Мешков и стал легонько подталкивать Илларию.— Зачем? Это бред!

— Вы что, спихиваете меня со ступенек?

— Отправляемся! — крикнула проводница.— Товарищи, отойдите от выхода, пройдите внутрь вагона! Вы что стоите на ступеньках? — накинулась она на Илларию.— Вы едете или нет?

— Нет! — поспешно сказал Мешков.

— Я бы поехала,— Иллария улыбнулась проводнице,— только, слышите, он не хочет! — Она прыгнула на платформу и повернула к вокзалу, не оборачиваясь.

Мимо нее задвигались, застучали вагоны, она шла по бетонной платформе, не смотрела на уходящий поезд и не глядела ни на кого.

Когда длинная платформа кончилась, Иллария вошла в здание вокзала, напрямик направилась к аптечному киоску и спросила у продавщицы, старенькой, в седых буклях:

— У вас продается цианистый калий?

В поезде Мешков торчал в коридоре, напротив своего купе, и курил, глядя в окно. Он оперся локтем о металлический прут, на котором висели скомканные белые занавески, прут выскочил из гнезда. Мешков покачал головой и стал устанавливать прут на место.

Подошла проводница:

— Ваш билет! И не трогайте вы занавески, вечно все их дергают, вот они и залапанные!

— Пожалуйста! — Мешков достал билет и отдал.

— Место номер пятнадцать.— Проводница уложила билет в папку, в коленкорный карман под пятнадцатым номером.— Что же вы жену-то с собой не взяли?

— Это не жена,— раздраженно ответил Мешков. На душе у него было беспокойно. Вся эта нелепая история с Илларией выбила его из колеи. Так бы он уже давно завалился в вагон-ресторан, занял место, пока его еще можно найти, и завел бы симпатичный разговор с таким же командированным. А сейчас никуда не хотелось идти.

— Ишь ты,— услышал Мешков издевательский голос проводницы,— не жена... Сам-то подержанный, можно

определить, вторичное сырье, а все одно — завел! И, конечно, наобещал!

— Да никого я не заводил! — взбеленился Мешков.— И вообще, какое ваше дело!

— Мое дело бабье, а вас всех, мужиков-шустряков, пересажать надо!

— Чай принесите! — приказал Мешков.

— Не принесу! — с вызовом отказалась проводница.— Все вы по городам шастаете, нам жизнь портите. Всухомятку живите, без чаю, а не нравится — жалуйтесь! Меня уволить нельзя, пусть такую другую дуреху ищут в этой трясушке вкалывать...— И заторопилась по служебному делу — собирать билеты...

Мешков опустил сигарету в металлическую пепельницу и вернулся в купе. На верхней полке кто-то спал. Внизу над крупной бельевой корзиной колдовал толстяк. Он доставал из корзины продукты и густо заставлял ими маленький вагонный столик.

Увидев Мешкова, толстяк обрадовался, что-то прожевал, проглотил:

— Помидорчиков хотите?

— Нет, спасибо! — Мешков уселся на полку напротив.

— Огурчиков соленых? — Толстяк один огурец отправил в рот, а другой протянул Мешкову.— Они из рассола, мыть не надо!

— Спасибо, нет! — опять отказался Мешков.

— Кабачок фаршированный? Жинка моя...

— Спасибо, не хочется, настроения нет! — Приставучий толстяк уже начинал злиться.

— Еда от всего лечит — от болезней, от настроений! Хотите пирог с яйцами, с луком-порей... Жинка моя...

— Нет!

— Хлебушка черного с копченой грудинкой?

— Нет!

— Вот... рыбец... фантастический рыбец, будто бриллиантовый!!

— Нет!

— Ну тогда курочку...— растерялся толстяк.— Большая она мне ничего не поклатала!

— А гусятины в вашем магазине нет? — с издевкой спросил Мешков.

Толстяк принял вопрос Мешкова, как говорится, на полном серьезе.

— Вот беда... Гусяки нету...

— А я ем только, как вы его зовете, гусяку! — Мешков поднялся, снова вышел в коридор и стал продвигаться по вагону. Навстречу шел другой пассажир.

— Чувствую, в ресторан?

— А куда же еще?

— Ни одного местечка.

— Спасибо.— Мешков вернулся к своему окну и стал в него глядеть.

Сквозь окно просачивался летний вечер. И поля, и леса, и проезжие деревушки заливало закатом. Настроение у Мешкова было противное. За его спиной прошла проводница и сказала ему в спину:

— Душегуб!

Следующим утром Мешков смешался с толпой, которая двигалась в одном направлении — от вокзала к станции метро.

Потом, уже в другом районе, он вышел из метро, свернул за угол...

А вскоре он уже входил к себе на работу, сел за стол, положил на него портфель и поздоровался:

— Общий привет!

— Прямо с вокзала? — спросил Гаврилов, худой очкастый мужчина, он сидел напротив Мешкова.

— С вокзала.

Гаврилов пристально посмотрел на прибывшего:

— Болен?

— Нет.

Гаврилов перегнулся через стол:

— В поезде перебрал?

— Нет! — ответил Мешков своим любимым словом.

Гаврилов покрутил головой:

— Чего-то ты весь перекошенный!

И тут Мешков засмеялся, не разжимая губ, вздернув вверх уголки:

— Очень может быть, что меня перекосило... Ты лучше скажи, какие новости?

— Бороздин на пенсию уходит, на его место берут Корешкова, того, который марки собирает, а управляющий намеревается срочно послать тебя в Тамбов.

— Я не могу скакать по городам! — взорвался Мешков.— Я живой человек.

— Это ты ему скажи, — посоветовал Гаврилов, — все-таки, что случилось, Витя?

Мешков усмехнулся:

— А вообще-то мне бы лучше не в Тамбов, а куда-нибудь на Курильские острова, а еще лучше в Антарктиду!

— Скоро будут уже отправлять на картошку, — напомнил Гаврилов, — ты можешь попроситься, и я тебе гарантирую, что тебя возьмут!

Это совершенно неповторимое ощущение — возвращаться домой. Если, конечно, ты любишь свой дом...

Мешков жил когда-то в тихом доме, который выходил в тихий двор, а потом, совершенно неожиданно, прорубили улицу. Теперь дом стал смотреть окнами на широкую, шумную магистраль, которую в духе космической эры окрестили Планетой. Однако с другой стороны дома уцелели корявые липы, и старый тополь, и кусты черемухи.

Мешков сошел с автобуса, сделал несколько шагов, завернул во двор... и сразу почувствовал себя дома. И сразу забылось все — и эта суматошная поездка, Иллария, Таисия...

Во дворе на скамейке сидели женщины с детьми.

— Ну? — обратился к ним Мешков. — Здравствуйте, мои хорошие! Какие последние известия?

— В пятой квартире Глеб женился, а в сто шестой — Семен выиграл по спортлото...

Мешков покрутил головой, прошел в глубь двора. По пути остановил Мешкова человек с пуделем:

— Ну что, брете щенка?

— Еще не решил! — помялся Мешков.

— Смотрите, жалеть будете. Хотите купить за деньги верную любовь — купите собаку! В доме надо иметь верного друга. А без собаки — собачья жизнь!

Под тополем играли в домино.

Мешков подсел к играющим. Блаженная, глупая улыбка поползла по его лицу. Да, он приехал домой!

Седой старик с пышной артистической прической — он стоял возле играющих — предложил Мешкову:

— Михалыч, могу взять в компанию, сейчас подойдет наша очередь!

— Спасибо, Вадимыч, я только из командировки.

— Тогда прощаю! — развел руками Вадимыч.

Теперь Мешков от души улыбнулся персонально Вадимычу, поднялся со скамейки и повернул к подъезду.

Вскоре Мешков вышел из лифта на пятом этаже. Открыл ключом дверь квартиры. Повесил на вешалку плащ. Положил портфель. Вошел в комнату и увидел дочь, которая разговаривала с соседкой из другого подъезда.

При виде соседки Мешков изменился в лице и обессиленно опустился на диван. Эта болтливая женщина напрочь сняла с него то радостное спокойствие, которое он ощутил, едва войдя во двор своего дома.

— Здравствуй, папа! — Дочери было лет двадцать.

Мешков не успел ответить, потому что соседка затараторила с невероятной скоростью:

— С приездом, Виктор Михайлович! Я забежала на минутку, у меня совершенно нет времени. Посмотрите, вот я достала бра, оно из ГДР. Я купила его у метро Войковская. У меня обои золотистые, в цветочках. Вы с дороги, вам надо отдохнуть! В квартире шестнадцать сказали, что бра подходит, в квартире восемнадцать — что не подходит, я могу сдать бра обратно. У меня есть чек, в двадцать второй сказали...

— Хорошее бра! Прекрасное! — прорычал Мешков.

— А что думаете вы, Машенька? — спросила соседка у его дочери. — Я так дорожу вашим мнением.

— Под старину теперь модно! — закивала Маша, только чтоб отвязаться. — Папа, ты будешь есть рыбные котлеты?

— Машенька! — счастливым голосом пропела соседка. — Хотите, я вам дам гениальный рецепт, как готовить рыбные котлеты из морского окуня. Надо взять филе, положить в молоко...

— Поменяйте ваше бра. — Мешков угрожающе поднялся с дивана. — На филе морского окуня! А филе сдайте обратно, если у вас сохранился чек!

Соседка в испуге вылетела из квартиры.

Потом отец и дочь сидели за столом на кухне. И смотрели друг на друга, при этом отец ел рыбные котлеты, он, не глядя, цеплял их на вилку и отправлял в рот. По тому, как они смотрели, видно было что отец и дочь не только любят друг друга, но еще и большие приятели. Это на сегодня редкость.

— Ты царапаешь вилкой по пустой тарелке, — заметила Маша. — Ты умял восемь штук!

Мешков захохотал. Он хохотал от души, запрокидывая назад голову и показывая зубы. Затем оборвал смех:

— Скажи, Маня, можно ли влюбиться в твоего отца, когда он несет на вокзале чужие вещи?

— Много вещей? — строго спросила Маша.

— Один чемодан.

— Всего один?

— Но зато такой тяжелый, что отломилась ручка.

— Если отвалилась ручка — тогда можно! — И дочь серьезно продолжила: — Папа, я тебя наизусть знаю, что у тебя произошло?

В это время раздался звонок в дверь.

Мешков повернулся к двери, собираясь встать, но дочь остановила его:

— Обожди, это Павлик. Он, между прочим, предлагает мне идти за него замуж.

Мешков растерялся:

— Но почему замуж?

— Он сильно высокий,— рассуждала Маша,— это модерново, он на бас-гитаре играет.

Мешков осторожно спросил:

— Ты его любишь?

— Конечно, нет, но мне уже двадцать, пожалуйста, не возражай, сейчас всеобщая акселерация. Двадцать лет — самый замужний возраст.

— Маня,— простонал отец,— но если ты его не любишь...

— Папочка, когда ты ко мне привыкнешь? Я ведь шучу, я всегда шучу, и поэтому мы не откроем дверь!

Павлик продолжал звонить, проявляя характер.

Несколько дней спустя погода испортилась. По крышам и мостовым усердно заколотил дождь. Когда Лазаренко вышел из метро, то припустился бегом.

Вскоре Лазаренко спешил по длинному коридору и заглянул в комнату, где работал Мешков. В комнате никого не было.

Лазаренко прошел дальше по коридору.

В зале заседаний была распахнута дверь. Лазаренко осторожно, через голову женщины, которая сидела при входе, заглянул внутрь и увидел Мешкова.

— Вызовите-ка мне Мешкова! — шепотом попросил он женщину.

Женщина нагнулась к соседу и, как при игре в телефон, шепнула ему на ухо: «Мешкова спрашивают!» Тот нагнулся к следующему и повторил: «Мешкова спрашивают!»

Мешков поднялся с места и, аккуратно переступая через чужие ноги, выбрался в коридор:

— Здорово! — сказал он Лазаренко. — С присездом. Что стряслось?

— Тебе привет!

— Какой привет? От кого?

— От изумительной и неповторимой Илларины Павловны.

— Ты за этим меня вызвал с совещания?

— За этим.

Мешков повернулся к нему спиной, возвратился в комнату, где шло совещание, и занял свое место.

Лазаренко потоптался в коридоре, потом снова наклонился к женщине, которая сидела в дверях:

— Извините, еще раз Мешкова!

Женщина покрутила головой, но все-таки нагнулась к уху соседа и передала поручение.

Мешков мрачно поднялся со стула.

— Что происходит, Виктор Михайлович? — управляющий проявил неудовольствие.

— Все время междугородная вызывает! — соврал Мешков, снова с трудом выбрался в коридор и кинулся на Лазаренко:

— Что тебе еще, что ты пристал?

— Двадцать девятого у нее день рождения.

— Вот и давай телеграмму!

Лазаренко взял Мешкова за локоть:

— Нет, это ты посылай телеграмму. Ты ей заморочил голову!

— Да ничего я не морочил! — в сердцах воскликнул Мешков.

— Она просила передать про день рождения, — уже с раздражением повторил Лазаренко, — я передал. А дальше — это дело твоей порядочности.

— При чем тут порядочность, когда ничего не было!

— Меня это не касается — было или не было. — И Лазаренко быстро зашагал по коридору.

Мешков помчался за ним, догнал его на лестничной площадке, возле лифта:

— Ты что, мне не веришь?

— Если ты не виноват, почему ты оправдываешься? И почему у Илларины Павловны все время глаза на мокром месте? — И Лазаренко прыгнул в лифт.

Кабина лифта умчалась вверх.

Мешков задрал голову и заорал, обращаясь к невидимому Лазаренко:

— Она вовсе меня не интересуется! И мне наплевать на ее день рождения!

Кто-то сзади потрепал Мешкова по плечу. Мешков обернулся. Сзади стоял управляющий трестом:

— Это вы разговариваете по междугородному телефону?

— Разве вы не видите, что по междугородному! — отшутился Мешков.

Двадцать девятого числа великомученик Мешков понуро плелся по улице. Вид у него был затравленный.

На здании почты было написано: «Почта — телеграф — телефон».

Мешков вошел внутрь как приговоренный. Он проследовал в телеграфный зал и спросил у телеграфистки:

— Я не знаю ее фамилии, только имя и отчество, примете телеграмму?

— Приму!

— Но это не домашний адрес, это номер в гостинице!

— Все равно приму!

— А вдруг ее перевели в другой номер?

— В гостинице разыщут.— Телеграфистка разрушила последнюю надежду Мешкова.— Пишите, приму!

— Это неправильно,— разозлился Мешков,— вы не имеете права принимать без фамилии!

Телеграфистка высунулась из окошка и поглядела на Мешкова:

— С утра пьете?

— Только кофе.

— Хорошо,— сказала телеграфистка,— я не приму, но рядом переговорный пункт. В гостиницу можно позвонить!

— Зачем вы подали мне эту мысль? — взвился Мешков.

— А я ненавижу всех мужчин,— призналась телеграфистка.— Я уже четвертый раз замужем!

На переговорном пункте Мешков утопал в глубоком ярко-красном кресле, поджав под себя ноги, и несвесело слушал стертотипный голос:

— Ленинград, кто вызывает «Электросилу» — первая кабина.

— Рига, Кубланова, пройдите в девятую кабину!..

Рядом с Мешковым, в таком же красном кресле, вскакивал и снова садился высокий молодой человек со светлыми глазами. Его тонкую шею перехватывал желтый шарф. В очередной раз упав в кресло, нервный молодой человек потерял шарф и сказал Мешкову:

— Ее нигде нет!

— Кого? — машинально вступил в разговор Мешков.

— Жены.

— А я здесь при чем? — обрезал Мешков.

— Вы ни при чем. Вы в Москве, я в Москве, она в Златоусте. Ее нет ни дома, ни у родственников, ни у друзей. Ни днем, ни вечером, ни ночью.

— Позвоните ей на работу! — посоветовал Мешков.

— Она недавно уволилась. В больнице ее тоже нет, я проверял. Я живу в этом красном кресле и трезвоню по всему Златоусту. Если она от меня ушла, я не дотерплю до Златоуста, я убью первого попавшегося!

Мешков встал и пересел подальше от опасного соседа.

— Древнегорск. Тринадцатая кабина.

Мешков прошел к кабине под несчастливым номером. Там уже зажегся свет. Мешков закрыл за собой дверь, поднял трубку и услышал:

— Триста восемнадцатый не отвечает!

— Тогда, — решил Мешков, — тогда соедините с администратором.

— Администратор слушает. — Это была та самая администраторша, которая поселяла Мешкова. Чтобы ей не мешали разговаривать, она повернулась спиной к вестибюлю.

А из лифта вышли Таисия Павловна, с этюдником и зонтом, и Иллария, которая волокла все тот же чемодан.

— Жаль, что нет твоего Виктора Михайловича, поднес бы вещи! — усмехнулась старшая сестра.

— Он тебе не носильщик! — отрубил Иллария.

— Постой, отдохни, я ей напоследок кое-что скажу! — Таисия Павловна решительно направилась к администратору.

— Зачем опять нервы трепать... — начала было Иллария, но махнула рукой и села на чемодан.

— Я узнала вашу фамилию, товарищ Тихонравова, — грозно произнесла Таисия Павловна в спину администраторше, — я напишу министру...

— Минуточку, не мешайте! — отмахнулась администратор, не оборачиваясь.— У меня на проводе Москва, поскандалим через несколько минут. Это я не вам! — сказала она в трубку.

Илларии расхотелось сидеть на чемодане, она встала и тоже подошла к стойке администратора.

— У вас там в триста восемнадцатом живут две женщины,— говорил в трубку Мешков, но администратор его перебила:

— А мы их выселили!

— Может, это меня? — Иллария пальцем постучала администраторше по спине.

— Вот люди! — взорвалась администратор, по-прежнему не оборачиваясь.— Даже с Москвой не дают поговорить! — И опять повторила в трубку: «Это я не вам!».

— Как — выселили? — повысил голос Мешков.

— У нас заезд иностранцев, сим-по-зиум,— по слогам произнесла администратор.

— Безобразие! — возмутился Мешков.

Администратор в сердцах повесила трубку:

— Все скандалят, все! — И повернулась к сестрам.— Это вы? А вас Москва вызывала.

— Да я же тут рядом стою! — обозлилась Таисия Павловна.

— Я же к вам в спину стучалась?! — добавила Иллария.

— Что я, спиной вижу, что ли?

— А кто звонил? — Иллария разволновалась, толком сама не зная почему.

— Не спрашивала! А хотите, товарищи, писать министру, я тоже подпишусь — пусть строят побольше гостиниц, тогда я вас буду не выселять, а поселять!

Стоило Мешкову выйти из кабины, как дорогу ему преградил нервный ревнивец. Сейчас Мешков разглядел, что тот совсем молод, лет двадцати пяти, не больше, лохматая прядь падала ему на глаза.

— Почему вы от меня отсели?

— Я не должен отчитываться, дайте пройти! — потребовал Мешков.

Но молодой человек упрямо загораживал ему дорогу.

— Помогите мне! Мне плохо.

— Я с вами не знаком.

— Знакомым помогать труднее, они могут к этому привыкнуть и сесть на шею.

Мешков невольно улыбнулся:

— Почему вы прицепились именно ко мне?

— Я почувствовал к вам симпатию. Знаете, собака иногда привязывается к прохожему. Вы прохожий, я собака. Пойдемте выпьем пива, тут, за углом.

— Первый раз в жизни вижу собаку, которая пьет пиво! — сказал Мешков.

И они пошли рядом.

По дороге парень назвал.

— Все зовут меня Толей. Знаете, я подслушивал ваш телефонный разговор.

— Что? — ахнул Мешков.

— Любопытство в науке или в искусстве называется поиском, а в жизни — пороком. Почему? Кого и за что выперли из гостиницы?

— Одну знакомую, подхалимничают перед любым иностранцем!

— У нас деньги, у них — валюта, — вздохнул Толя. — Смотрите!

На дощатом павильоне, где обычно торговали пивом, висело объявление: «Пива нет».

— Я пошел домой, — попрощался Мешков. — Привет, Толя!

— И я к вам пойду, можно? — Толик глядел на Мешкова невинными голубыми глазами.

— Нет!

— Я вам все наврал, — признался Толя, — жена меня бросила. Зачем ей рядовой инженер, который сидит на зарплате. Она в Сочи спуталась с пожилым, с материально обеспеченным, ему уже тридцать пять. Я ей звоню, умоляю вернуться...

— Я тоже инженер.

Мешков сказал это так, что Толя понял и пошел рядом с ним.

В это самое время по улицам Древнегорска мимо церквей и мимо пятиэтажных блочных стросний ехало такси.

— Ненавижу жить на частной квартире, — говорила Таисия Павловна. — Куда он нас везет? На край света?

— В прошлом году ты говорила, что не любишь гостиниц,— возразила Иллария.— Может быть, это не тебе звонили, а мне? Поздравляли с днем рождения.

— Все, кто знает, уже прислали телеграммы.

— Виктор Михайлович! — гордо произнесла Иллария.

Таисия взглянула на сестру с нескрываемым сожалением:

— Он сразу про тебя забыл. У него наверняка жена, дети, может быть, даже внуки...

— Внуков я буду любить,— сказала Иллария,— я ведь хорошо воспитываю детей. Верно?

— Ты всю его семью будешь любить?

— Семейю я разобью! — скромно пообещала Иллария.

Таисия ужаснулась.

— Ты сошла с ума!

— Нет, я вошла в азарт!

— Приехали! — Шофер остановил машину. Он вышел из нее, обошел вокруг и открыл багажник.— Вещи поднести?

— Да, пожалуйста, большое спасибо! — с неожиданной для нее вежливостью сказала Таисия Павловна. Сестры тоже уже вылезли из машины и оглядывались по сторонам.

— Номер квартиры? — спросил шофер.

Иллария поглядела на записку, которую она держала в руке:

— Седьмая.

Шофер поднял чемодан и этюдник, взял под мышку картонку, зонт и со всем этим имуществом вошел в подъезд.

— Ты делаешь мне больно,— прошептала сестре Таисия,— выкинь его из головы. Ты его больше не увидишь.

— Я его из-под земли добуду! — ответила Иллария.

— Вот тир! — Таисия показала на противоположную сторону улицы. Там действительно синела вывеска, где возле белого круга мишени белым было выведено: «ТИР». — Пойди отвлекись!

Иллария отрицательно помотала головой:

— Люди делятся на тех, кто стреляет и в кого стреляют. Я, к сожалению, отношусь ко второй категории...

В Москве Мешков в сопровождении Толи входил во двор своего дома. Во дворе под тополем стучали в

домино. Вскоре Мешков вместе с Толей уже выходил из лифта...

Дома была только Маша, она сидела в кресле, одетая в пальто. Пальто было длинное-предлинное.

— Почему ты сидишь в пальто? — не понял Мешков.

— Голландское, под замшу, я его достала в комиссионке, оно совершенно новое...

— Это надо, чтобы такое длинное?

— Очень надо!

— Тогда я счастлив!

— Сейчас ты перестанешь быть счастливым,— сказала Маша,— я взяла деньги из тех, что мы откладываем на цветной телевизор!

— Здравствуйте! — поздоровался Толя.— Можно я сюда? У меня голова кружится!

— Кто это? — Маша обернулась к отцу.

— Не знаю, зовут его Толей. Все-таки, Маня, так мы никогда не купим цветной телевизор! Ты же сама придумала на него откладывать. А мне все равно, какого он цвета.

— Вы, Маня,— сказал Толя,— вы поразительно похожи на мою жену, которая ушла от меня к пожилому!

— Отец! — Маша поднялась и прильнула к Мешкову.— Я сто лет мечтала о таком пальто! Давай потанцуем, отец! — Она включила проигрыватель.

— Мешков танцевал старательно, подражал движениям дочери, а дочь смеялась, показывая белые зубы:

— Папа, ты скован. Современные танцы требуют внутренней свободы, в этом их смысл! Расслабься! Подумай, нет ничего — ни управляющего трестом, ни годового отчета, ни техники безопасности, ни времени, ни пространства...

Они танцевали, отец и дочь. Тела их стали невесомыми. Тела изгибались и извивались, взлетали и опускались, головы танцевали, руки, и ноги, и животы. А потом музыка оборвалась.

Это кончилась пластинка.

Отец и дочь упали на диван. Дочь сказала:

— Двадцатый век. Семидесятые годы.

А отец сказал, с трудом дыша:

— Я был на почте, звонил в Древнегорск. Ту женщину, помнишь, я рассказывал, что подносил чемодан, выселили из гостиницы.

— Хамство! Но почему ты ей звонил?

— День рождения!

— Красивая?

— Нет!

— Маня, — вмешался в разговор Толя, — зато вы такая же красивая, как моя жена! Она от меня ушла...

— Не смейте звать меня Маней, — разозлилась Маша, — это отец меня так зовет!

— А как вас звать?

— Никак!

В дверь позвонили.

— Это Павлик, — узнала звонок Маша, — мы идем в кино! — И сняла пальто. — Жалко его в кино мять!

И ушла.

— Теперь мы можем спокойно страдать вдвоем! — Толя пересел на диван.

— Почему это я тоже должен страдать? — усмехнулся Мешков. — Меня никто не бросал.

— Разве вы не переживаете, что не дозвонились той женщине?

— Нет.

— Я вам не верю!

— Послушайте, какое ваше дело! — вспыхнул Мешков.

— Видите, вы нервничаете!

— Уйдите! — приказал Мешков.

— Хорошо, я уйду. Только посоветуйте мне, как называть вашу дочь? Машей, Мусей, Русей?.. Я ухожу, ухожу!..

Настырный Толя окончательно вывел Мешкова из состояния равновесия, и теперь настроение у Мешкова стало отвратительным. Он сел в кресло и взял газету. Потом отложил газету и взял книжку. Потом отложил книжку...

В дверь позвонили.

Мешков встал, отворил дверь. На лестничной площадке пожилой мужчина с заискивающим лицом держал в руках большую плетеную корзину:

— Копчужки в коробочках. Один рубль. Не желаете?

— Копчужки — это вещь! — Мешков взял коробочку и отдал рубль.

Но когда внимательно рассмотрел коробку, то кинулся вниз по лестнице догонять продавца:

— Вы что, всех за идиотов держите? Написано «тюлька», 28 копеек...

Продавец, ничего не говоря, вернул Мешкову рубль, взял обратно коробочку и как ни в чем не бывало стал спускаться по лестнице.

— Жулье! — возмущенно заорал Мешков, перегнувшись через перила.— Обманывают на каждом шагу!

...Сумерки уже овладели городом, еще не зажгли уличных фонарей, и поэтому очертания домов стали растворяться в бесцветном тумане.

Мешков решительно надел плащ и ушел во двор играть в домино. Но его желанию не удалось сбыться.

Первым, кого увидел Мешков, был Толя. Он с блеском ударил костяшкой о стол:

— Мы выиграли! Считайте!

Широко улыбаясь, Толя поднялся со скамейки навстречу Мешкову и сказал ему, доверительно понизив голос:

— Я на вас не сержусь. Потому что вы переживаете! Хотя сами этого еще не осознали. Мы два сапога пара!

Мешков взял Толю за локоть и повел прочь со двора.

— А эта женщина,— заискивал по дороге Толя,— как вы думаете, она огорчена, что вы не дозвонились?

— Я думаю, что вижу тебя последний раз в жизни!

Они вышли на Планетную, и как раз возле них остановилось такси, из которого выскочила Маша.

— Минуточку,— Мешков наклонился к водителю, дал ему рубль и втолкнул Толю в машину.— Отвезите его подальше от моего дома!

Когда машина отъезжала, Толя успел крикнуть:

— Я вас навещу! Обоих!

Отец и дочь повернули домой.

— С Павликом покончено,— сообщила Маша.— После кино он повел меня в компанию, где пьют чернила, а я этих юных пьяниц терпеть не могу!

— Пьют чернила! — Мешков даже остановился.

— Так они называют портвейн, самый дешевый, рубль восемьдесят семь и бутылка большая — ноль восемь. За что ты так обошелся с Толей?

— К нам в дом принесли поганую тюльку,— уклонился от ответа Мешков,— а продают за копчужки. Я чуть не накололся.

— Папа, почему ты такой возбужденный? Неужели из-за тюльки?

— Почему ты не занимаешься? — перешел в стандартную атаку отец.— Шляешься неизвестно где!

— Вот видишь, — мягко улыбнулась Маша, — ты забыл, что у меня каникулы.

Мимо них прошел продавец, теперь уже с пустой корзиной.

Мешков цепко схватил корзину:

— Всех облапошил?! А ну пойдем в милицию!

Теперь каждый тянул корзину в свою сторону.

— Папа! — Маша схватила отца и оттащила от злополучной корзины. — Прекрати. Что с тобой сегодня, папа?!

Продавец воспользовался неожиданной помощью и мгновенно исчез.

— Папа, ты... — тут дочь фыркнула, засмеялась, потом оборвала смех, строго спросила: — Папа, ты... ты не влюбился там, в этом Древнегорске?

— Нет! — ответил Мешков и, не удержавшись, добавил: — Я-то нет, а она в меня — да!

И пошел играть в домино.

Маша смотрела вслед отцу и улыбалась... отечески.

— Мужчины, они любят прихвастнуть, да?

Маша резко обернулась. Рядом стоял Толя:

— Ваш отец дал водителю рубль, я отъехал сколько положено, дал еще рубль и вернулся обратно.

— Не провожайте меня! — Маша помчалась домой.

Прошел месяц или около того. Виктор Михайлович Мешков отправился в новую командировку. Одстый уже по-осеннему, в рубашке с галстуком и в пиджаке, он в самом радужном настроении зашел в вагон-ресторан.

Поезд недавно отошел от московского перрона и в вагоне-ресторане было еще полупусто.

— Пассажир или командировочный? — окликнул Мешкова блондин, лет тридцати двух — тридцати четырех с нахальным красивым лицом. Одет он был по-современному, в джинсовый костюм.

— Командировочный, — улыбнулся Мешков.

— Тогда тэйк ер плэйз! — Красавчик, которому скучно было сидеть одному, предложил Мешкову стул.

Мешков тоже не любил сидеть один и поэтому принял предложение и сел напротив, за тот же стол.

Парень через стол протянул Мешкову руку и представился за обоих:

— Иванов-Петров!

— Вот и познакомились! — одобрил Мешков. Ему было хорошо.

— Галстуку — пива! — Красавчик отдал приказ подошедшей официантке.

— Есть соленый миндаль, сейчас открываем ящик! — таинственно сообщила официантка, всюю тараша глаза на блондина.

— Сказка! — отреагировал Мешков.— Тащите весь ящик!

— Иди за миндалем! — отослал официантку блондин.— Если завтра отменят командировки,— продолжал он, уже обращаясь к Мешкову,— скажут, работайте, а

не гоняйте туда-сюда, а с Останкинской башни вниз головой... Я снабженец, тyani-толкай!

— А мои командировки нужные,— поддержал разговор Мешков.— Без техники безопасности...

Официантка принесла пиво и тарелочки с миндалем.

— Знаю,— сказал блондин, успев кивком поблагодарить официантку,— как они, ваши правила, называются, СНиП? Вторая кннга, тысяча двести пунктов? Любому начальнику можно плешь проесть.

— Да нет, мы-то здоровье оберегаем, речь ведь идет о человеческой жизни.

— А я в жизни — кумир! — скромно признался красавец.

— Кто?

— Кумир, то есть мужчина со Знаком качества. Видали, как на меня официантка зарится! А почему? Внешний вид — это конечно, но решающий фактор другой! Я в каждой вижу женщину и каждую уважаю. Независимо, какая у нее расфасовка и какая дата выпуска. Но только в командировке! В Москве я семьянин высший класс, экстра!

— Ну и ну! — Мешков с удовольствием грыз соленый миндаль.

— В Москве, будь она хоть заслуженная артистка, я на нее моргаю! Жена как бессрочный паспорт, надо беречь!

К столику опять подошла улыбающаяся официантка.

— Что вам от нас нужно, сервис? — спросил Мешков.

— От вас ничего! — грубо отбрила официантка и отошла, нарочито раскачиваясь всем телом.

Красавчик ухмыльнулся.

— Ну а вы в командировках уже в преферанс играете? Вы сколько женаты, тысячу лет?

— Нет, я уже очень давно один...

— Ушла на все четыре стороны?

— Рак легких, курила много,— тихо сказал Мешков.

— А я тут треплюсь! — с неожиданной для него искренностью воскликнул красавчик.— Галстук, прости! Хочешь, я на колени встану?

Видя, что блондин действительно готов упасть на колени, Мешков вскочил и успел его придержать:

— Не надо, что ты! Пожалуй, я расплачусь и пойду.

— Ни в коем случае,— возразил красавчик.— Человек не должен быть один, тем более мужчина! — Он крикнул официантке: — Девушка хорошая!

Официантка кинулась к красавчику:

— Что есть у нас из горячих? — выразительно начал блондин. — Что-нибудь невозможное и выдающееся?

— Ничего! — растерялась официантка.

— А если подумать, покумекать и сообразить?

— Яичница с помидорами! — нашлась официантка.

— Мало! — покачал головой блондин.

— Сверху ветчины накрошить! — официантка старалась изо всех сил.

— Лучше, но еще не конец.

— И еще посыпать брынзой и укропом. — Упоенная творчеством, официантка даже задохнулась.

— По-моему, принято! — Красавчик поглядел на Мешкова. — Мы это будем есть, Галстук?

— Будем, — ответил Мешков. — Как тебя все-таки зовут, Джинсовый костюм?

В это же время другой поезд двигался ровно в противоположном направлении. В одном из вагонов, в одном из купе сидели Таисия и Иллария в шляпе.

— Иллария, сними шляпу!

— Не хочу!

— Ну как хочешь! — Таисия Павловна откинулась назад и прислонилась к стенке. — По-моему, мы прекрасно съездили, я наработала будь здоров! Там еще уйма мотивов, мы обязательно еще раз съездим.

— Без меня! — Иллария встала, вышла в коридор и стала смотреть в окно. Иллария оперлась руками о металлический прут, на котором висели занавески, прут выскочил из гнезда. Иллария принялась нервно устанавливать его на место.

— Дайте-ка... — подошедшая проводница отобрала у Илларии прут, укрепила его, расправила занавески. — Все на него опираются, все калеки, что ли, всех ноги не держат? — Проводница взглянула на Илларию и сразу широко заулыбалась: — Здравствуйте пожалуйста, а я вас признала!

На недоуменный взгляд Илларии добавила:

— Это ведь вас хахаль со ступенек сталкивал?

— Меня! — гордо подтвердила Иллария,

— Мерзавец! Я бы ему все ноги повыдергивала!

— Совершенно зря, — возразила Иллария, — это не хахаль, а любимый человек!

Дверь в купе была полуоткрыта, Таисия услышала слова сестры и изменилась в лице.

— Он мне потом звонил,— рассказывала проводниц Илларию,— прощения просил.

— Надо же, как подвезло! — сказала проводница.— Они теперь не просят.

— Он мне писем прислал восемь штук, на дне чемодана лежат, а то я бы показала.

— Надо же, писучий,— вздохнула проводница.

— И звонил — девять раз.

— А каждый разговор, он денег стоит! — Проводница опять вздохнула.

— Мы бы поженились, только вот сначала надо решить вопрос с жильем,— вдохновенно сочиняла Илларию.— Я живу с сестрой, у меня, конечно, комната, но не могу же я его привести в чужую семью, где еще двое детей. А он свою квартиру обязан жене оставить, надо всегда быть порядочным.

— С квартирами проблема,— согласилась проводница.— Надо в кооператив вступать. Опять же за кооператив дерут какие бешеные деньги!

— У нас любовь,— сказала Илларию,— а когда любовь, всегда найдется выход, верно?

— Это конечно, верно,— проводница вздохнула в который раз.— Но, конечно, выход бывает в разные стороны.

Поезд стал замедлять ход.

— На тебе, станцию прозвала.— Проводница бегом кинулась к тамбуру.

Илларию, оставшись одна, увидала полуоткрытую дверь купе и сразу подумала, что Таисия могла все слышать. Илларию боязливо заглянула в купе и, не глядя на сестру, сказала:

— Я выйду подышу.— И поспешно двинулась по коридору.

Таисия еще немного сдерживалась, а потом заплакала. И было странно, и даже немного смешно, потому что плакать Таисия Павловна не умела, привычки такой не было. Слезы стекали по ее лицу, и она беспомощно подставляла под них ладони...

Поезд, с которого прыгнула на платформу Илларию, прибыл на четвертый путь.

На втором пути уже стоял другой поезд.

Над платформами разносился металлический голос станционного диктора:

— Граждане пассажиры, будьте осторожны, по третьему пути пройдет товарный состав. Граждане пассажиры, будьте осторожны...

Иллария, равнодушно оглядываясь по сторонам, вдруг увидела Мешкова. Просто она поглядела на третий путь, по которому должен был пройти товарный состав, затем посмотрела на платформу второго пути и на ней увидела Мешкова, он разговаривал с кем-то в джинсовом костюме. Иллария не поверила своим глазам, она их даже закрыла и снова открыла. Нет, это все-таки был Мешков. Ноги у Илларии сделались ватными, и Иллария прислонилась к фонарному столбу, украшенному объявлениями с призывом страховать свою жизнь.

А Мешков внезапно оборвал свой разговор с блондином, потому что совершенно отчетливо увидел на второй платформе Илларию в нахлобученной на голову нелепой и милой соломенной шляпе, произведенной наверняка в кустарной мастерской города Древнегорска.

Мешков побледнел и сделал шаг вперед, как бы желая удостовериться, как бы желая поверить в такое неслыханное совпадение.

Иллария просто была не в силах сделать шаг. Она только улыбнулась, виновато и жалко, как улыбаются слепые.

И Мешков тоже вдруг улыбнулся, потому что абсолютно неожиданно для самого себя почувствовал, что ему видеть Илларию приятно.

Совершив это открытие, он сделал еще один шаг вперед, словно намереваясь прыгнуть на железнодорожный путь и перебежать его...

Иллария испуганно замахала руками...

И в этот момент по третьему пути пошел стучать кирпичного цвета вагонами, серыми вагонами, цистернами с бензином, открытыми платформами, груженными углем, бесконечный и шумный товарный состав.

Теперь Мешков стал видеть Илларию в какие-то короткие мгновенные промежутки, а потом и вовсе перестал видеть.

Когда товарный состав кончился так же неожиданно, как и начался, Мешков обнаружил пустую платформу. Илларии на ней не было, и не было поезда на четвертом пути.

— Все-таки я неотразимый,— гордо выпрямился блондин.— Заметили эту вот, в идиотской шляпе? Вперилась в меня, в глазах тоска, а я на нее моргал!

Мешков яростно схватил блондина за его синие джинсовые лацканы.

— Пустите! — закричал красавец. — Вы что, миндалем объелись? Да пустите вы, поезд уходит!

Мешков выпустил красавчика, кинулся к поезду, вскочил на ступеньку ближайшего вагона, подал красавчику руку и втащил его в вагон...

Когда Иллария возвратилась в купе, Таисия быстро от нее отвернулась, достала из сумки зеркальце и настороженно погляделась в него — не остались ли от слез следы. Но Иллария и не смотрела на сестру, она смотрела прямо перед собой, не видя никого и ничего, и грустная улыбка плыла по ее лицу.

— Тася, догадайся, кого я встретила на перроне?

— Английскую королеву!

— Ты не угадала. Мешкова!

— Это фантастика! — Таисия недоверчиво покосилась на сестру.

Иллария села рядом.

— Он стоял на второй платформе, мы-то прибыли на четвертую, а по третьему пути шел товарный поезд, поэтому мы не смогли поговорить. В промежутке между вагонами было хорошо видно, и ты знаешь, он смотрел на меня с симпатией.

— Я все поняла, вы не разговаривали, вы только поцеловались и разошлись по своим вагонам! — с иронией произнесла Таисия.

— Как я могла с ним целоваться, — пожалала плечами Иллария, — когда между нами на скорости шел товарный поезд.

— Ладно, только сними наконец шляпу!

— Ему моя шляпа, я это заметила, определенно понравилась, и я ее теперь долго не сниму! — решительно заявила Иллария.

Сентябрь в Москве выдался холодным, и дни пошли серые, и небо стало серебряно-серым, как на полотнах того самого художника, именем которого был назван пароход и однофамильцем которого был Мешков.

Иллария вся съежилась, сидя на скамейке во дворе мешковского дома. В руке Иллария сжимала костяную ручку зонта. Даже в субботу по такой погоде в домино никто не играл. Иллария торчала здесь под мокрым

тополом одна. Иллария толком не знала, зачем она пришла. То ли увидеть Мешкова, вот так неожиданно выйти ему навстречу и мужественно сказать: «Здравствуйте, не ожидали?», то ли спрятаться, увидев его, просто увидеть, и все, и достаточно. Иллария не хотела сюда приходить, однако пришла, мерзла теперь на скамейке и ждала неизвестно чего.

Возле Иллариин вдруг объявился Толя.

— Можно я тоже присяду?

— Можно! — позволила Иллария. — Только подстелите газету, скамейка сырая.

Толя сел, не постелив газеты, и сказал:

— Холод собачий! Долго здесь не просидишь!

— Я терплю уже два часа. — Иллария не умела ничего скрывать. — Правда, меня немножечко бьет озноб, но я не могу двинуться с места. У меня здесь наблюдательный пункт.

Толя полез в карман, достал пачку печенья и протянул Иллариин.

— Вы из уголовного розыска?

Иллария надорвала пачку, достала печенье и сунула в рот.

— Нет! Я по личному розыску, мне нужно увидеть одного человека.

— Мне тоже. Но ожидание, даже самое мучительное, часто приятнее самой встречи. Кажется, я уже дождался!

К дому шла Маша, несла сумку, наверное, возвращалась из магазина. Толю она не видела.

— Почему вы не кидаетесь ей наперсрез? — удивилась Иллария.

— А зачем? — Толя взял еще одно печенье. — Совсем недавно я плакался, что от меня ушла жена и жизнь кончена. Теперь она не верит, что я позабыл про жену и жизнь только начинается! Я сам в это не верю, но это так!

— Она тоже замужем?

— Маша Мешкова выйдет замуж только за меня! — торжественно объявил Толя. — Несмотря на то, что ее отец меня терпеть не может. Что с вами? — перепугался Толя, увидев, что Иллария пошатнулась.

— Ничего особенного, наверное, у меня начинается воспаление легких, не обращайтесь внимания! — Иллария выдержала паузу и с усилием задала вопрос: — А как к вам относится... жена... этого отца?

— А он холостяк! — со злостью ответил Толя.— Самый тяжелый случай. Вся жизнь в дочери, и все, кто посягает на дочь,— его враги!

— Я была почти уверена, что у него нет жены! — Иллария встала со скамейки и с трудом распрямила спину: — Пожалуйста, проводите меня до подъезда, у меня ноги сами не идут.

Толя послушно встал и взял Илларию под руку. Они двинулись к подъезду, в который недавно вошла Маша.

Когда они приблизились к подъезду, Иллария попросила:

— Теперь откройте мне дверь, оказывается, у меня нет никаких сил!

Толя, толком не понимая происходящего, послушно открыл дверь и впустил Илларию.

Иллария обернулась:

— Спасибо вам за компанию и за печенье!

Потом Иллария стояла на лестничной площадке пятого этажа и не решалась позвонить в дверь. Неизвестно, сколько бы так стояла Иллария, если бы не отворилась дверь соседней квартиры и оттуда не вышла женщина и, увидела Илларию, насторожилась:

— Вы ждете кого-нибудь?

— Да.— Но видя, что женщина не двигается с места и с подозрением смотрит на нее, Иллария поправилась: — То есть, нет! Я сюда.— И позвонила в двадцатую квартиру.

Дверь отворила Маша.

— Виктор Михайлович дома? — неожиданно громко спросила Иллария.

— Нет, он в командировке.

— Тем лучше, это очень хорошо, что он в командировке! — И Иллария вошла в квартиру.

Маша смотрела на нее с явным недоумением.

Надо было что-то говорить, и Иллария сказала:

— Здравствуйте, я знакомая Виктора Михайловича. Он когда вернется?

— Обещал сегодня, жду! Может, вы пройдете в комнату? На вас лица нет!

— А куда же оно подевалось, мое лицо? — Иллария проследовала в комнату и опустила на стул.— Я узнала ваш номер телефона, но оказалось, что вам недавно переменили номер и в справочном еще нет сведений.

— Вы запишите наш новый телефон! — предложила Маша.

— Пожалуй, не стоит,— покачала головой Иллария,— и приходить не стоило! Вы лучше не говорите отцу, что я здесь была.

Маша улыбнулась.

— Как я ему скажу, когда не знаю, кто вы!

— Я Иллария Павловна. С вашим отцом мы познакомились в Древнегорске.

— Тогда я про вас знаю.

У Илларии почти что остановилось сердце:

— Если знаете плохое, лучше мне не передавайте!

— Он вам звонил,— улыбнулась Маша,— но не застал, вас выселили из гостиницы.

— Вы уверены, что он звонил именно мне?

— Конечно, он звонил в Древнегорск!

— Похоже, что мне! — Иллария побледнела.— Нет, наверное, мне, даже наверняка мне, ну безусловно мне! Извините, это слишком сильное потрясение!

Встала и поплелась к выходу.

Затем Иллария остановилась возле лифта, лифт был занят, горела красная лампочка.

Иллария начала спускаться по лестнице.

А мимо нее в кабине лифта проехал Мешков, который возвращался домой после командировки.

Он открыл ключом дверь, снял в коридоре плащ, повесил его на вешалку, положил портфель и объявился в комнате.

— Здорово, Маня! — Он поцеловал дочь в щеку.

— Ну что? Ты ее встретил?

— Кого?

— Илларию Павловну, она только что ушла.

— Иллария Павловна была здесь? — поразился Мешков.— Как она меня разыскала?

Раздался звонок в дверь.

— Наверное, она что-нибудь забыла.— Мешков улыбнулся и, продолжая улыбаться, пошел открывать.

В двери стоял Толя.

— С приездом! — сказал он Мешкову.

Тот рванул с вешалки плащ, оттолкнул Толю и, на ходу надевая плащ, кинулся вниз по лестнице.

— Ты не боишься, что я в этом промозглом дворе умру? — Толя обращался к Маше.— Почему ты не зовешь меня в дом?

— Потому что ты мне абсолютно не нужен!

— Это обидно слышать,— искренне высказался Толя,— неужели нельзя мне найти какое-нибудь применение? Любое применение! — добавил Толя.

— Применение? — повторила Маша.— В этом что-то есть... Кажется, меня осенило... Поди-ка в овощной магазин и принеси картошки... Два пакета... Ну а если картошка крупная, можно три пакета...

Мешков выбежал во двор, завернул за угол и на остановке увидел Илларию. Она садилась в автобус.

Мешков успел подбежать и, подняв вверх руки, подхватить Илларию. Он снял ее со ступенек, поставил на тротуар и повернул лицом к себе.

— Здравствуйте, Иллария Павловна! — Все-таки он был рад ее видеть.

Иллария дернула плечами, высвободилась из рук Мешкова:

— Здравствуйте. Вы не надорвались?

— Это было бы неправильно, если б я вас прозевал. Пошли обратно. Маня нас покормит.

— Спасибо, не могу,— вежливо отказалась Иллария.— Я ведь забегала на минуточку. У меня срочная работа и дети заброшены.

— Ерунда! — махнул рукой Мешков.

— Нет, не ерунда! — Иллария обиделась.— Совсем даже не ерунда! До свидания! Вон, кажется, автобус идет. Тем, что я к вам пришла, я уже уронила свое достоинство.

— Чем вы его уронили? — изумился Мешков.

— Тем, что я вас разыскала. Я все-таки женщина. Вы-то не ходили в справочное бюро!

— Да не мог я пойти в справочное бюро. Я не знаю вашей фамилии! Вернемся ко мне,— снова предложил Мешков,— я прямо с дороги, в поезде сосед всю ночь храпел, я перемучился, я голодный.

— Ну и идите к себе домой,— разрешила Иллария.— я вас не держу, я жду автобуса.

— А ну вас к аллаху! — разозлился Мешков.— То вы сами приходите, то вас силой не затащишь!

— Вот теперь я вас узнаю. Вы в своем репертуаре! — И, мило улыбнувшись, Иллария быстро вскарабкалась по ступеням подошедшего автобуса.

— Будьте вы неладны! — выругался Мешков и полез в автобус вслед за Илларией.

Водитель закрыл двери, и автобус номер сто пять тронулся с места и покатил по Планетной улице.

Мешков подошел к Илларии, которая уже успела пройти вперед и занять свободное место.

— Возьмите билет! — напомнила Иллария.— Я вам не взяла, я не знала, что вас угораздит поехать.

— Ах, да...— Мешков вернулся, взял билет и вновь подошел к Илларии.— Куда мы едем?

— Я еду домой. А вы куда? Наверное, вы меня провожаете.

— Зря вы мне этот концерт устроили!..

Мужчина, который сидел рядом с Илларией, встал. Иллария поджала ноги, мужчина вышел в проход и направился к выходу. Однако Иллария не подвинулась, и поэтому Мешков продолжал стоять.

— Да не мог я узнать ваш адрес. Ну хорошо, я пришел бы в справочную и сказал: «Мне, пожалуйста, адрес, зовут Иллария Павловна, фамилии не знаю, цвет волос шатеновый». Так, что ли?

— Понятия не имею.

— Что — не имею,— передразнил Мешков.— Вы мне толком объясните, как я мог узнать?

— Откуда я знаю как? — передернула плечами Иллария.— Если б вы хотели, наверняка узнали бы!

— В городе восемь миллионов,— кипятился Мешков.— Да, у вас редкое имя, может, единственное, может, только вас так обозвали...

— Спасибо! — вставила Иллария.

Но Мешков ее не слышал:

— Но по именам, даже по самым дурацким, адресов не сообщают и телефонов тоже! И где вы работаете, я не знаю! А вы вбили себе в голову и бубните — хотели... узнали...

— Вот вы опять на меня кричите! — Иллария поднялась.— А все уже сошли, и автобус уже стоит на конечной остановке.

Иллария быстро зашагала к выходу. Мешков — за ней.

Автобус остановился у стадиона «Динамо», напротив Северной трибуны.

Иллария прыгнула с подножки на мостовую и пошла назад, пересекая неприметную и неширокую улицу,

правда, всю в зелени, которая роскошно именовалась Дворцовой аллеей.

— Мне на двадцать четвертый троллейбус, — сообщила Иллариия. — Он останавливается возле моего дома, и не вздумайте меня опять провожать.

Она резко повернулась к Мешкову.

— Виктор Михайлович, ведь вы бы обо мне и не вспомнили, если б я сама вас не отыскала, я вас, конечно, не обвиняю...

— Неправда! — возразил Мешков. — Я звонил в гостиницу...

— Знаю... Но это потому, что я попросила Лазаренко передать вам про день рождения. Ведь это я за вами бегаю...

— Давайте пойдем в шашлычную! — перебил Мешков. — Тут недалеко!..

— Конечно, вам приятно, — грустно продолжала Иллариия, — что есть на свете женщина, которая все время о вас думает, это льстит вашему самолюбию...

— Да бросьте вы ерундить!

Мешков сказал это мягко, снова пытаясь остановить Илларию, но это было бесполезным занятием.

— Сегодня я сделала открытие, вот я вас увидела, и, знаете, у меня сердце даже не скнуло!

— Нисколько? — Мешкову вдруг стало обидно.

— Нисколько! — Иллариия понизила голос. — Значит, это было временное увлечение. Извините, если я вас огорчила. Давайте попрощаемся, и без адресов, без телефонов.

— Бьете меня моими же словами?

— Повторяю ваши слова, учусь. Школа жизни! — Иллариия улыбнулась Мешкову, правда, улыбка веселой не вышла, и забралась в троллейбус.

Мешков смотрел, как троллейбус трогается, затем сквозь заднее стекло увидел Илларию, она помахала ему рукой. Мешков тоже поднял руку и помахал в ответ.

Иллариия сжала в троллейбусе и смотрела в окно. И, конечно, мысленно ругала себя за то, что не пошла обедать к Мешкову, звал ведь, сам звал, она не напрашивалась. Он же выбежал из дому и нагнал ее на остановке. Дура — круглая дура, треугольная, квадратная — какие еще дуры бывают — зигзагообразные? Но,

в общем, она правильно поступила, все равно она ему не нужна, все она ему правильно сказала, надо с этим кончать! Нет, надо было пойти обедать...

Мысли Илларины прервал раздраженный мужской голос:

— Гражданка, я к вам обращаюсь!

Илларины вздрогнула и подняла голову:

— Это вы ко мне?

— А к кому же!

— Вы кто такой, я вас не знаю!

Пассажиры захихикали, а контролер побагровел:

— Контроль, предъявите билет!

— А у меня нет билета! В автобусе я еще брала билет.— Илларины порылась в кармане.— Не знаю, где он. В троллейбусе мне уже было не до билета. Я заплачу штраф! — Она вынула из кармана кошелек и отдала его контролеру:

— Возьмите, сколько полагается.

Контролер кошелек не взял:

— Сами платите три рубля.

— Как вы думаете, а сколько я должна заплатить,— совершенно серьезно спросила Илларины,— чтобы наш троллейбус поехал обратно и свернул на Планетную улицу, по которой вообще-то троллейбусы не ходят?

Оставшись один, Мешков стал злиться не столько на Илларины, сколько на самого себя. С какой же стати помчался он ее догонять, она с ним разминулась, и слава богу! Кто его просил проявлять деликатность?! И вот она в ответ, здравствуйте, сразу возгордилась и обхватила его. Прекрасно провел время — прокатался на автобусе, прослушал ее поучения и остался стоять на троллейбусной остановке, очень красиво! И еще помахал ей ручкой, старый болван, вместо того чтобы повернуться спиной и к ней, и к троллейбусу!

Именно в этом состоянии Мешков возвратился домой и на вопрошающий взгляд дочери придал лицу равнодушное выражение:

— Сплавил ее, от ворот поворот! Какое, в конце концов, мне до нее дело? Никакого мне нет до нее дела! — В этот момент Виктор Михайлович увидел Толю.

Держа в руках пылесос, Толя стоял посредине комнаты.

Присутствие Толи было спасением.

— Ну? — прогремел Мешков.— Что ты здесь делаешь, голубчик?

— Собираюсь пылесосить квартиру, картошку я уже принес,— бесстрашно объяснил Толя.

— Папа, пожалуйста...— попыталась предотвратить скандал Маша, но безуспешно.

Мешков нагнулся к Толе и грозно стал перед ним:

— Твоя жена сбежала к другому, и поэтому ты страдаешь, не так ли? Или ты переметнулся? Может быть, тебе нужна московская прописка?

Мешков теснил Толю, и тот отступал к стене.

— Папа, умоляю! — то опять была Маша.

— Ваша профессия, Виктор Михайлович,— вспомнил Толя,— не наносить увечья, а, наоборот, техника безопасности, то есть оберегать чужое здоровье.

— Сейчас я должен обезопасить мою единственную дочь. Поставь пылесос на место и выкатывайся отсюда! — приказал Мешков.

Толя преспокойно уселся в кресло:

— Наверное, вы поссорились с вашей дамой и вымещаете зло на мне!

— Моей дамой? — заревел Мешков и вырвал у Толи из рук пылесос.

Прозвенел звонок.

— Нет у меня никакой дамы! — орал Мешков.

Маша открыла дверь.

Вбежала соседка. Сейчас на ней было длинное синее платье, в котором она, молодящаяся особа лет сорока пяти, выглядела смешно и вульгарно.

— Я погляжусь в ваше зеркало,— пропела соседка.— Идет ли мне это платье?..

— Сейчас мы очень заняты,— Маша попыталась избавиться от этого визита, но соседка как ни в чем не бывало стала вертеться перед зеркалом.

— Что, у вас дома нет своего зеркала? — кинулся к ней Мешков.

— У меня другое освещение! С приездом, Виктор Михайлович! Как — мне это идет? Машенька, ваше мнение мне очень дорого. Вы кто? — обратилась она к Толе.— Машенькин друг? Вы каждый день мелькаете во дворе.

— Каждый день? — в ужасе прогремел Мешков.— Маша, забери у меня пылесос. Зачем ты мне его дала?

— Ну как я в этом платье? — не унималась соседка.— Убирать мне в бедрах или не надо?

— Сожгите это платье! — прошипел Мешков.— Вы в нем похожи на... на...— Мешков подбирал оскорбление,— посиневшую мороженую курицу!

— У вас что-нибудь случилось? — с приторным сочувствием спросила соседка.— Вам требуется моя помощь?

Снова прозвенел звонок.

— Что это за проходной двор? — Мешков самолично бросился открывать.

В двери стоял пожилой мужчина с заискивающим лицом. Он держал большую плетеную корзину:

— Копчужки не желаете?

— Ага, голубчик! — Мешков выхватил у продавца корзину, отнес в комнату и водрузил на стол.— Теперь ты не отвертишься!

— Папа, прекрати, стыдно! — нервничала Маша.

— Отдайте корзину! — потребовал продавец.

— Молчи, мошенник! — Мешков полез в корзину.— Смотрите, вот как обманывают людей среди бела дня в Москве! Смотрите!

Он развернул пакет... в нем лежали упитанные копченые рыбешки.

— Машенька,— пропела соседка,— хотите, я дам вам рецепт, как готовить салат из копчужки!

И тут захохотал Толя, за ним не выдержала, засмеялась Маша, захихикал продавец... и, наконец, рассмеялся сам Мешков.

— Это вы надо мной смеетесь? — загрустила соседка.— Я что, в самом деле похожа на мороженую курицу?

А продавец опомнился:

— Копчужки будете брать?

И Мешков ответил:

— Будем!

В понедельник Мешков шел по длинному коридору своего строительного треста.

В зале заседаний была распахнута дверь. Мешков осторожно подошел и через голову женщины, которая сидела при входе, заглянул внутрь и отыскал глазами глянцевою лысину Лазаренко.

— Вызовите мне, пожалуйста, Лазаренко! — шепотом попросил он женщину.

Женщина нагнулась к соседу и, как при игре в телефон, шепнула ему на ухо: «Лазаренко спрашивают!» Тот нагнулся к следующему и повторил: «Лазаренко спрашивают».

Лазаренко поднялся с места и вышел в коридор.

— Здорово! — сказал Лазаренко Мешкову. — Ты когда приехал?

— В субботу, и, пожалуйста, догадайся, кто в этот день у меня был?

— Иллария Павловна! — мгновенно сообразил Лазаренко, как будто Иллария каждый день ходила в гости к Мешкову.

— Значит, ты ее подослал? — с укором воскликнул Мешков. — Зачем ты ей дал мой адрес?

Женщина, сидевшая в дверях, обернулась, и мужчина рядом с ней тоже обернулся:

— Тсс!..

Лазаренко схватил Мешкова за руку и поволок его в коридор:

— Да я ее в глаза не видел!

— А почему ты тогда догадался?

— Про кого же еще ты стал бы мне так срочно сообщать.

Мешков улыбнулся:

— Значит, действительно сама разыскала!

— Молодец!

— Кто?

— Иллария Павловна!

— А почему она молодец? Ну, разыскала, пришла, а мне это до лампочки!

— Я пошел! — отвернулся Лазаренко. — Наверное, уже слушается мой вопрос.

Но Мешков загородил ему дорогу:

— Эта история меня выматывает. Ну зачем мне Иллария Павловна? Для чего мне она?

— Если ты не знаешь, то я тем более, — ответил Лазаренко.

— Что мне теперь делать, подскажи!

— Раз так, — насмешливо засмеялся Лазаренко, — позвони ей!

— Не хочу я звонить и, кроме того, я не знаю ее телефона!

— Узнай! Хотя я забыл, тебе ведь до лампочки! — И Лазаренко ушел, оставив Мешкова в полной растерянности.

После работы Мешкова можно было увидеть на площади возле киоска «Справочное бюро».

— Скажите, пожалуйста, можно ли узнать домашний адрес?

Киоскер протянула Мешкову бланк:

— Заполните фамилию, имя, отчество, желательное год рождения, хотя бы приблизительно.

— Я могу заполнить все, кроме фамилии!

Киоскер рассердилась:

— Вы что, сюда пришли шутки шутить?

— У нее имя единственное в своем роде — Иллария! Это вообще не имя, а не поймешь что.

— Нельзя! — киоскер в сердцах захлопнула окошко.

— Это мне повезло, что нельзя! — сказал Мешков закрытому окошку. — Теперь моя совесть чиста.

Но он не успел отойти от киоска, как сразу увидел на стенде афишу: «Всероссийская художественная выставка».

Мешкова будто насквозь пронзило. Он замер как вкопанный и оторопело уставился на афишу.

Отошел от нее, тотчас снова вернулся, с недовольным видом прочел адрес выставки и рядом: «Открытие 15-го сентября».

Мешков опять постучал в окошко справочного бюро. Когда киоскер открыла, Мешков мрачно спросил:

— Какое сегодня число?

Киоскер узнала Мешкова и ехидно потребовала:

— За справку платите.

Мешков заплатил и получил официальный ответ на фирменном бланке: «Сегодня шестое октября тысяча девятьсот семьдесят шестого года».

Снег пошел, ранний октябрьский снег повалил. На липах желтели из-под него скрученные и ломкие листья, еще не ободранные ветром.

Снег пошел, и поэтому в залах художественной выставки свет зажгли днем. От света забликовали стекла на картинах, а толстые лепные багеты заблестели фальшивым бронзовым цветом.

Все посетители шли от картины к картине, а Мешков — от одной рамы к другой, потому что на каждой раме были прикреплены этикетки с фамилией художника и, что самое главное, с его инициалами.

Мешков задирает голову, беззвучно шевелит губами:

— А — Эм... Ве — Ве... И — Эл...

Мешков опускал голову, читал инициалы на картинах в нижнем ряду:

— А — Эм, А — Эм... Ве — Ве... Ве — Ве...

И вдруг:

— Овчаренко! — вслух прочел Мешков и тотчас спросил у молодого человека, стоявшего рядом: — Как вы думаете, Овчаренко Тэ — Пэ... мужчина или женщина?

— Понятия не имею.

Мешков пошел разыскивать служительницу. Она дремала на табуретке, в полусне следя за тем, чтобы никто не портил произведений изобразительного искусства.

— Скажите, пожалуйста, — разбудил ее Мешков. — Овчаренко Тэ — Пэ, мужчина или женщина?

— А я почему знаю? — приоткрыла глаза служительница.

— Вот беда, каталога нет, — вздохнул Мешков.

— К закрытию выставки наверняка напечатают! — утешила дежурная по залу.

— Вы случайно не знаете, кого из художников зовут Таисией Павловной?

— Не знаю, мой хороший. Вот Репина знаю — звали Ильей Ефимовичем, а что за Таисия Ивановна, с чем ее едят?

— Павловна, — поправил Мешков, сделал несколько шагов, присел на стул отдохнуть и пожаловался соседу. — Сколько картин повесили, пока все пересмотришь!

— Мало! — взорвался сосед. — Очень мало, самые лучшие не повесили! — И исчез.

Мешков изумленно поглядел ему вслед, встал со стула, собираясь продолжать осмотр, и в этот момент заметил саму Таисию Павловну.

Она шла по залу, энергично размахивая руками.

Мешков напустил на себя вальяжность.

— Здравствуйте, Таисия Павловна! — он почти пропел эти слова.

— Вот это да! — удивилась Таисия. — Вот это не ожидала! С каких это пор вы интересуетесь живописью?

— А я ею не интересуюсь, забыли, что я ничего не знаю про Джотто?

— Тогда зачем вы сюда пришли?

— По делу! — Он достал из кармана листок бумаги. — Как ваша фамилия, тут у меня записано, есть

Алсуфьева Т. П., Гусарова Т. П. и, наконец, Овчаренко, тоже Т. П., правда, я не все картины обошел, может, еще есть Т. П.?

— Овчаренко зовут Тихоном Петровичем! — Таисия Павловна сначала не угадала, к чему клонит Мешков. — Зачем вам сдалась моя фамилия?

— Хочу взглянуть на ваши картины! — схитрил Мешков.

— Пойдемте!

Художница резко взяла с места. Мешков заторопился за ней, как вдруг она остановилась.

— Чуть было не купилась, вот что значит авторское тщеславие! Вы разыскиваете Илларию, да?

— Да! — не стал темнить Мешков.

— Не должны вы ей звонить, зачем это, к чему это приведет?

Тут Таисию окликнули:

— Алсуфьева, Таисия Павловна! Там вас из редакции спрашивают!

— Всего доброго! — попрощался с ней Мешков и язвительно добавил: — Телефон я узнаю в вашей организации.

Несколько дней спустя Мешков возвращался домой после работы.

Как всегда, он сошел с автобуса возле своего дома, однако не завернул во двор, прошел вперед по улице.

Будка телефона-автомата оказалась свободной. Мешков занял будку и плотно прикрыл за собой дверь.

На телефонный звонок Иллария сняла трубку:

— Алло!

— Иллария Павловна, это вы?

— Да! Это я! — проговорила Иллария недрогнувшим голосом. — Таисия мне рассказала, что вы разыскиваете мой телефон, и я уже третий день боюсь из дому выйти.

— Совершенно зря, — покачал головой Мешков, — вот что я вам хочу сказать...

— Ненавижу объясняться по телефону! — решительно объявила Иллария. — Все, что вы захотите мне сказать, скажете лично.

— Пусть будет по-вашему, — согласился Мешков. — Тогда давайте посидим в шашлычной.

Вскоре Мешков ждал Илларию возле шашлычной, которую сегодня украшало объявление «Санитарный день».

Вот появилась Иллария, пошла навстречу Мешкову и, высвободив из перчатки, протянула ему руку.

— Привет!

— Привет! — Мешков легонько пожал протянутую руку.— На вас опять новая шляпа!

— Да, я люблю шляпки,— Иллария весело улыбнулась.— Я представляю, как вы ходили по выставке, все таблички изучали, искали Т. П. Грандиозно! Я потрясена!

— Пришлось потрудиться! — Мешков тоже улыбнулся.— Вы извините, я думал, мы посидим в шашлычной, но видите, какое безобразие — санитарный день.

— У меня все равно времени в обрез.— Иллария двинулась по направлению к станции «Динамо».— Мы с Таисией сегодня выезжаем на этюды, вернемся к праздникам, пятого ноября, я набрала чертежей с собой, буду работать в гостинице. Ну, что вы хотели мне сообщить?

Мешков ничего не ответил. Некоторое время они молчали, а возле метро, не сговариваясь, вошли на территорию стадиона. Они пошли по дорожке, давя на асфальте мокрые листья.

— Ну все-таки, что вы мне хотели сообщить? — спросила Иллария.— Зачем-то вы меня вызывали?

— До вас у меня была спокойная жизнь,— невесело признался Мешков,— я мотался по своим командировкам, ходил на футбол, в домино играл, в префсранс. Душевная тишина, вот что у меня было.

— Значит, из-за меня вы бросили префсранс?

— Из-за вас одно беспокойство,— Мешков не глядел на Илларию. Он поглядел на афишу, которая висела у входа в кинотеатр.— Вас нету, а все равно у меня сплошная нервотрепка!

— Может, вы по мне скучаете?

— Никогда! — заверил Мешков. Теперь он увидел, что штaketник у входа на Южную трибуну, чуть правее кинотеатра, был раздвинут. И не дожидаясь ответа Илларию, Мешков втиснулся в узкий проход. Иллария за ним.— И давайте договоримся,— продолжал Мешков. Он продирался сквозь заграждения.— Я думаю, так будет лучше. Вы ко мне не приходите, я вам не звоню, мы друг друга не ищем.

Иллария даже развеселилась:

— Чтоб это сообщить, вы разыскивали меня с такими трудностями? Вы непостижимы!

Сейчас они прошли на трибуну и оказались одни на всем стадионе. Они стояли между одиннадцатым и двенадцатым рядами, и было непривычно тихо и поразительно тихо. Они смотрели на поле стадиона, застеленное огромным брезентом, и на безжизненные сетки на футбольных воротах. Мешков достал из кармана газету, расстелил ее на деревянной, облезлого голубого цвета трибуне, и они присели рядом.

Они опять помолчали, самую малость. Потом Мешков усмехнулся и предложил:

— Скинемся по рублику? Вы за каких будете, за синих или за белых?

Иллария тоже усмехнулась:

— Скинемся! А вы за каких?

— Я за синих!

— Тогда я тоже буду за синих!

— Да нет,— покрутил головой Мешков,— мы должны болеть за разные команды! Вы будете болеть за белых, белых!

— Я буду за белых, белых! — повторила Иллария.

Оба улыбнулись.

И тут возле них возник служитель и грубо спросил:

— Вы еще как сюда попали? Посторонним запрещено! Уходите!

Иллария и Мешков покорно встали и ушли.

Они снова гуляли по асфальту, густо закиданному листьями. И уже возле метро Мешков поинтересовался:

— Вы куда сдете?

— Снова в Древнегорск!

— Меня туда силой не затащишь! Вы поймите, я люблю свою бродячую профессию, люблю таскаться со стройки на стройку, вокзалы люблю, аэродромы. Сидишь себе на скамейке, жуешь бутерброд, а самолета все нет... Это моя привычная жизнь. Я не оседлый. Я не могу ходить с женой в кино и к родственникам...

Иллария резко повернулась, сделала несколько быстрых шагов, толкнула тяжелую дверь метро и исчезла...

Иллария вернулась домой и с порога крикнула:

— Ты знаешь, Виктор Михайлович придет ко мне в Древнегорск!

— Только этого нам не хватало! — отозвалась Таисия Павловна.

Виктор Михайлович Мешков возвращался домой. Сейчас он был убежден, что правильно порвал с Иллариной и что не будет испытывать никаких угрызений или сожалений. Чтобы еще более убедиться в этом, он прихватил бутылку сухого вина, торт «Подарочный» и в подъезде собственного дома повстречался с Толей. Мешков собрался захлопнуть дверь лифта, однако Толя ему помешал:

— Меня обождите, пожалуйста! — И поздоровался: — Добрый вечер!

— Стоп! — Мешков не пускал Толю в лифт.— Ты когда-нибудь занимаешься в своей аспирантуре?

— Изредка.

— Мне не нравится, что ты женатый!

— Мне тоже!

Сверху закричали: «Лифт отдайте!»

— Сегодня я хочу побыть с дочерью наедине!

— Я должен с вами подружиться,— искренне пояснил Толя.— Вы должны понять, что я хороший, и поэтому я, как всегда, посижу во дворе!

Он сам захлопнул Мешкову дверь лифта.

Когда Мешков пришел домой, то торжественно водрузил на стол вино и торт «Подарочный».

— Маня, у меня тут событие, в общем-то, даже не событие, одним словом, гора с плеч, а может, и не гора с плеч, словом, надо отметить.

— Хорошо, папа,— согласилась Маша и поглядела на часы.— Только давай обождем Толю, он должен прийти с минуты на минуту!

У Мешкова перехватило дыхание.

— Он сегодня уезжает в Златоуст, с женой разводиться...— добавила Маша.

— Он уже пришел...

— Он во дворе?

— Во дворе,— кивнул Мешков.— Ему нравится наш двор.

Если в Москве еще выпадал и таял снег, то в Древнегорск зима пришла всерьез, снег лежал плотно, ветер дул ледяной, пронизывающий, и поэтому у Таисии на этюде был такой вид, что прохожие вздрагивали. На голове шапка-ушанка, тесемками завязанная под подбородком, через лицо повязан серый оренбургский платок, только глаза виднелись.

Одета Таисия была в овчинный тулуп, на ногах валенки, на валенках галоши. Писала Таисия Павловна церкви, которые зимой особенно светлы и чисты.

Таисия отчаянно била кистью по картине и не заметила, как подбежала Иллария.

— Тася, ты с ума сошла, мы ведь уже опаздываем на поезд!

— Кофе принесла? — с трудом выговорила художница.

— Какой кофе? Давай скорей сворачивайся! Ты совершенно окончила!

— Враньё! — возразила Таисия.— Когда я пишу, я никогда не мерзну!

Приближался к Москве скорый поезд.

Бежали за окном белые пейзажи.

Таисия и Иллария стояли в коридоре у окна.

— Раз он не приехал, не написал, не позвонил,— говорила Иллария,— значит, действительно все...

— Он тебе не пара!

— Да, он мне не подходит, точнее, я ему не подхожу. Я ему не нравлюсь, вот в чем заковыка...

— Ты само загляденье,— вспыхнула Таисия.— Просто он не мужчина, а так... солома!

— Пойдем, я достану чемодан!..— Иллария прекратила разговор и пошла в купе.

Как всегда с трудом, она выволокла из-под полки чемодан с блестящей ручкой, которую поставил когда-то часовщик Иван Матвеевич.

Потом Иллария ногой проталкивала тяжеленный чемодан по коридору. Чемодан, комкая ковровую дорожку, медленно продвигался к тамбуру.

Таисия Павловна прыгнула на платформу первой:

— Носильщик! Носильщик!

— Нам, как всегда, не везет...— Когда чемодан соизволил наконец покинуть поезд, Иллария перевела дух — достали билеты в последний вагон, всех носильщиков разобрали по дороге.

— Носильщик! — кричала Таисия.— Иля, стой здесь, я его найду и приведу.

— Не надо,— без всякого выражения проговорила Иллария.— Я сама донесу, если я надорвусь, это не имеет теперь никакого значения.

— Не суетитесь,— посоветовала проводница,— ждите, народ схлынет — явятся носильщики по второму заходу.

Иллариya покорно присела на чемодан. Таисия стояла рядом, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, злилась.

На платформе становилось свободнее.

Пассажиры исчезали в темной глубине вокзала, появились какие-то люди с тележками, и проводницы складывали в них тюки с бельем.

— Где же носильщики? — У Таисии Павловны истощилось терпение.— Все-таки я пойду поищу...

Продолжая говорить, она сделала несколько шагов, как вдруг смолкла.

Иллариya медленно поднялась с чемодана и осторожно выпрямилась, еще не веря.

По перрону быстро шел Мешков. Он взялся за поручни и заглянул в предпоследний вагон, явно собираясь войти.

— У нас все сошли,— сказал ему проводник предпоследнего вагона.

Мешков двинулся дальше по перрону и увидел Илларию.

Он увидел Илларию и теперь направлялся к ней.

Иллариya не шевелилась и только смотрела на Мешкова расширенными глазами.

Мешков приблизился к Иллариe. Он не поздоровался, не обнял Илларию, не поцеловал ее, он только сказал:

— Давайте-ка вашу бандуру!

Он взялся за новенькую ручку, оторвал чемодан от бетонной платформы и пошел с ним к вокзалу. Иллариya засемила рядом с Мешковым.

Таисия с этюдником и с овчиным тулупом потащилась сзади.

Мешков и Иллариya не говорили ни слова. Они шли как чужие, как незнакомые. Потом Иллариya не выдержала, всхлипнула и заплакала. Она заплакала, как плачут маленькие дети, слезы градом покатались по лицу, губы запрыгали. Тогда Мешков свободной левой рукой обнял Илларию за плечи:

— Дурочка,— сказал Мешков,— глупая женщина!..

Так они шли дальше, левой рукой Мешков держал Илларию за плечи, и они оба не заметили, как вдруг чемодан отделился от ручки, боком, тяжело ударился о платформу, перевернулся, дернулся и остался лежать.

Теперь вместо чемодана Мешков нес только ручку, новенькую и блестящую.

— Чемодан... Вы опять сломали чемодан, что это у вас за странная привычка ломать чужие чемоданы! — закричала Таисия Павловна.

Но Иллария и Мешков ее не слышали. Они уходили все дальше и дальше.

Таисия стояла над поверженным чемоданом, что-то кричала и размахивала руками.

Иллария и Мешков были уже далеко. Он все крепче прижимал ее к себе...

1976 г.

Фильмографическая справка

Берегись автомобиля

«Мосфильм», 1966 г.

Авторы сценария	—	Э. Брагинский, Э. Рязанов
Режиссер	—	Э. Рязанов
Операторы	—	А. Мукасей, В. Нахабцев
Художники	—	Б. Немечек, Л. Семенов
Композитор	—	А. Петров
Звукооператор	—	В. Попов
Дирижер	—	Ю. Силантьев
Директор	—	Е. Голынский

В ролях: И. Смоктуновский, О. Ефремов, Л. Добржанская, О. Аросева, А. Миронов, А. Папанов, Т. Гаврилова, Г. Жженов, Е. Евстигнеев, С. Кулагин, В. Радунская, Г. Ронинсон, Б. Рунге, Я. Ленц, В. Невинный, Д. Банионис, Г. Волчек, Л. Соколова, А. Максимова.

Зигзаг удачи

«Мосфильм», 1968 г.

Авторы сценария	—	Э. Брагинский, Э. Рязанов
Режиссер	—	Э. Рязанов
Оператор	—	В. Нахабцев
Художники	—	С. Воронков, И. Новодережкин
Композитор	—	А. Петров
Звукооператор	—	В. Попов
Дирижер	—	Э. Хачатурян
Мультипликация:		
режиссер	—	Ф. Хитрук
Директор	—	С. Лосев

В ролях: Е. Леонов, И. Скобцева, В. Талызина, Е. Евстигнеев, А. Грибов, Г. Ронинсон, Г. Бурков, В. Теличкина, С. Старикова.

Ирония судьбы, или С легким паром

«Мосфильм», 1975 г.

Авторы сценария — Э. Брагинский, Э. Рязанов
Режиссер — Э. Рязанов
Оператор — В. Нахабцев
Художник — А. Борисов
Композитор — М. Таривердиев
Звукооператор — Ю. Рабинович

В ролях: А. Мягков, Б. Брыльска, Ю. Яковлев, О. Науменко, Л. Добржанская, В. Белявский, Г. Бурков, А. Ширвиндт, В. Талызина, Л. Ахеджакова.

Старики-разбойники

«Мосфильм», 1971 г.

Авторы сценария — Э. Брагинский, Э. Рязанов
Режиссер — Э. Рязанов
Операторы — Г. Абрамян, Н. Немоляев
Художник — М. Богданов
Композитор — А. Петров
Звукооператор — В. Попов
Дирижер — В. Васильев
Директор — В. Зайцева

В ролях: Ю. Никулин, Е. Евстигнеев, О. Аросева, Г. Бурков, А. Миронов, В. Владимирова, Ю. Белов, В. Талызина, Р. Филиппов, Г. Ронинсон, Ю. Смирнов, Л. Дуров, Б. Рунге, Н. Мурзаева, Н. Агапова.

Гараж

«Мосфильм», 1979 г.

Авторы сценария — Э. Рязанов, Э. Брагинский
Режиссер — Э. Рязанов
Гл. оператор — В. Нахабцев
Художник — А. Борисов
Композитор — А. Петров
Звукооператор — Ю. Рабинович

В ролях: Л. Ахеджакова, В. Гафт, И. Савина, А. Мягков, С. Немоляева, В. Невинный, Г. Бурков, А. Вознесенская, Г. Стриженов, Л. Марков, И. Костолевский, О. Остроумова, Б. Брондуков, Н. Гурзо, С. Фарада, П. Щербаков, А. Будницкая.

О бедном гусаре замолвите слово

«Мосфильм», 1980 г.

Авторы сценария — Г. Горин, Э. Рязанов
Режиссер — Э. Рязанов
Главный оператор — В. Нахабцев
Главный художник — А. Борисов
Композитор — А. Петров
Художник по костюмам — Н. Фомина
Редактор — И. Наумова
Директор картины — Б. Криштул

В ролях: С. Садальский, Е. Леонов, О. Басилашвили, И. Мазуркевич, В. Гафт, Г. Бурков, В. Павлов, З. Гердт, Н. Гундарева, А. Белявский, С. Немоляева, Б. Брондуков, В. Носик, В. Погорельцев, А. Шмаиринов и др.

Почти смешная история

«Мосфильм», 1977 г.

Автор сценария	—	Э. Брагинский
Режиссер	—	П. Фоменко
Оператор	—	Ф. Кефчаян
Композитор	—	С. Никитин

В ролях: О. Антонова, М. Глузский, Л. Аринина, М. Данилов, В. Гафт, С. Харитонова.

Содержание

<i>Автобиография в цифрах</i>	5
<i>Берегись автомобиля</i>	9
<i>Зигзаг удачи</i>	104
<i>Ирония судьбы, или С легким паром</i>	180
<i>Старики-разбойники</i>	250
<i>Гараж</i>	342
<i>О бедном гусаре замолвите слово</i>	398
<i>Почти смешная история</i>	473
<i>Фильмографическая справка</i>	550

Литературно-художественное издание

**Эмилъ Вепнамипович Брагинский
Эльдар Александрович Рязанов**

БЕРЕГИСЬ АВТОМОБИЛЯ

Редакторы *О. Сафьянова, О. Старкова*

Оформление *Е. Карасюка*

Фотохудожник *И. Зиганшин*

Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 070338 от 29.01.92

ИБ № 23

Подписано в печать 19.01.94. Формат 84×108/32.
Бумага типографская № 2. Гарнитура Таймс.
Уч.-изд. л. 28,1. Усл. печ. л. 29,4.
Тираж 50 000 экз. Заказ 654.

Издательство «Ладъ»
620063, г. Екатеринбург, а/я 506.
Тел. 56-91-06, 56-17-88.

Типография издательства „Самарский Дом печати“,
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Издательство

«Ладъ»

открывает новую серию
«ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ КИНЕМАТОГРАФ».

В книгах этой серии вы найдете
литературные основы популярных фильмов,
сценарии, киноповести и кинороманы

По вопросам оптового приобретения
книг серии обращаться по телефону:
(3432) 56-17-88

В ближайшее время
в серии
«ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ КИНЕМАТОГРАФ»
выйдет книга
Григория Горина
«ФОРМУЛА ЛЮБВИ»

В нее войдут:
«Тот самый Мюнхаузен»,
«Формула любви»,
«Дом, который построил Свифт»,
«Тиль»,
«Поминальная молитва»,
«Чума на оба ваших дома».

По вопросам оптового приобретения
книг серии обращаться по телефону:
(3432) 56-17-88

**УРАЛЬСКИЙ БАНК
РЕКОНСТРУКЦИИ
И РАЗВИТИЯ**

**THE URAL BANK
OF RECONSTRUCTION
AND DEVELOPMENT**

Г. ЕКАТЕРИНБУРГ

ул. Куйбышева, 95; ул. Ясная, 38;

ул. Первомайская, 60; ул. Чайковского, 75

Телефон (3432) 61-57-02, факс (3432) 22-53-41

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ

**на все виды валютных операций —
ПЕРВЫЙ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ**

ПЕРВЫЙ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ —

**работа в системе всемирных межбанков-
ских финансовых телекоммуникаций
S.W.I.F.T.**

**Прямые корреспондентские отношения
с крупнейшими банками Европы и США —
Bank of New York, Citibank N. A. New York,
Dresdner Bank A. G. Frankfurt/Main,
Credit Suisse (Цюрих)**

**и другие, установив связи с которыми вы
получите в нашем банке весь комплекс
услуг — переводы, аккредитивы, инкассо —
в режиме реального времени**

**УРАЛЬСКИЙ БАНК
РЕКОНСТРУКЦИИ
И РАЗВИТИЯ**

**THE URAL BANK
OF RECONSTRUCTION
AND DEVELOPMENT**

РАБОТА С ДЕНЕЖНЫМИ СРЕДСТВАМИ
юридических и физических лиц

**ПРОЦЕНТНЫЕ СТАВКИ
РЕГУЛЯРНО ПОВЫШАЮТСЯ**
по текущим счетам,
по срочным вкладам,
по депозитам

Операции по счетам — без комиссионных

Наш девиз: «НАДЕЖДЫ СБЫВАЮТСЯ!»

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ
КИНЕМАТОГРАФ

Берегись автомобиля

Зигзаг удачи

Старики-разбойники

**Ирония судьбы,
или С легким паром**

Гараж

**О бедном гусаре
замолвите слово**

Почти смешная история